Традиционная культура Муромского края

ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ, АРХИВНЫЕ,
АНАЛИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

В лѣто
6370 (862)...
церкви
насельници...
[въ] Муромѣ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО КУЛЬТУРЕ И КИНЕМАТОГРАФИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ЦЕНТР РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА
ДЕПАРТАМЕНТ ПО КУЛЬТУРЕ АДМИНИСТРАЦИИ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ
ВЛАДИМИРСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ЦЕНТР НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА
УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ АДМИНИСТРАЦИИ ОКРУГА МУРОМ

Традиционная культура Муромского края

ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ, АРХИВНЫЕ,
АНАЛИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Научное издание

Том 2

МОСКВА
2008

ББК 82.3Р
Т 65

Печатается по решению Редакционно-экспертного совета
Государственного республиканского центра русского фольклора

Автор проекта и составитель **А.С. КАРГИН**

Р е д к о л л е г и я:
Каргин А.С. (отв. редактор**), Алексеевский М.Д., Ахметова М.В., Добровольская В.Е., Емельянов В.И., Захаров А.В., Костина А.В., Котельникова Н.Е., Новожилов В.В.**

Т 65 **Традиционная культура Муромского края. Экспедиционные, архивные, аналитические материалы**: в 2-х т. Т. 2. — М., Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008. — 480 с.

Второй том настоящего издания продолжает публикацию экспедиционных, архивных, аналитических материалов, посвященных фольклору жителей округа Муром Владимирской области. Составитель постарался последовательно выдержать изложенную во вступительной статье первого тома концептуальную идею о включении в издание материала в его синхронном срезе, т.е. записанного в течение трех-четырех лет начала XXI века. Лишь в некоторых случаях, в частности, в разделе, посвященном музыкальному фольклору, присутствует материал, относящийся к более ранним этапам народного творчества. Это продиктовано необходимостью сохранения редко исполняемых или почти забытых произведений, имеющих, тем не менее, не только историческую, но и большую художественную ценность.

Книга адресована широкому кругу читателей — ученым, специалистам-практикам, преподавателям, студентам, а также всем, кто интересуется народным творчеством.

Т **470201015-49** / **ЛР 700132-2008** без объявления **К 82.3Р**

ISBN 5-86132-049-7

© Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008

Музыкальный и танцевальный фольклор

Музыкальный фольклор

Составление, нотировка напевов

С.Ю. ВЛАСОВА

7

Народная хореография

Составление и описание хореографии

В.Н. НИЛОВ

384

Музыкальный фольклор

Образцы вокального фольклора, представленные в настоящем разделе, ярко характеризуют современное состояние народной культуры Муромской земли. Основу представленной коллекции образуют материалы, зафиксированные в ходе экспедиций ГРЦРФ в 2003—2005 гг. Безусловно, общее угасание, постепенное забвение и разрушение музыкальной традиции, характерные для большинства русских территорий и особенно усилившиеся в последней трети XX в., не могли не коснуться этих мест. Однако и в начале XXI в. удалось обнаружить и записать немалое количество традиционных жанров. Стоит подчеркнуть, что значительная часть таких фольклорных текстов не находится исключительно в пассивной памяти пожилых жителей, но активно включается в повседневную и обрядовую практику.

Большой интерес в подборке песенных образцов представляют напевы зимних святочных обходов (особенно виноградия, зафиксированные в северо-западной части Муромского края), свадебные величания, духовные стихи, протяжные лирические песни. Центральное место в современной народной культуре занимают жанры, связанные с музыкальной лексикой городской письменной традиции — лирические песни, романсы, новые баллады. Напевам, представляющим собой локальные варианты общераспространенных фольклорных произведений позднего происхождения, посвящена значительная часть раздела. Как неотъемлемая часть местной вокально-инструментальной традиции, отличающейся типологическим разнообразием и исторической многослойностью, активно бытует в Муромском крае частушка. Имея целью полно и рельефно представить музыкальный фольклор этих мест, показать мастерство исполнителей, виртуозно владеющих искусством игры и пения, мы включаем вокально-инструментальные произведения (наигрыши с припевками) в подборку аудио- и видеоматериалов, представленных на мультимедийном диске к данной книге.

Наряду с традиционными жанрами крестьянского фольклора (календарными, свадебными, протяжными, хороводными и плясовыми песнями, балладами, духовными стихами, детским фольклором) и более поздним слоем лирики городского происхождения (романсами и новыми балладами), в разделе представлена музыка «народного православия» — религиозные стихи, служащие интонационным кодом современной похоронно-поминальной обрядности, церковные праздничные и обиходные песнопения в народной интерпретации.

К сожалению, нам не удалось зафиксировать развернутой причетной традиции ни в рамках свадебного, ни в рамках похоронного обрядов. Отдельные фрагменты музыкально-причетной культуры, активно бытовавшей в здешних местах до конца 80-х годов прошлого столетия, нами фиксировались (в том числе и окказиональные причитания — например, в системе рекрутского обряда). Однако обнаружить подлинных мастериц этого жанра все же не получилось, несмотря на то, что сама ритуальная, акциональная сторона свадебного и, особенно, похоронно-поминального обрядов достаточно хорошо детализирована и в настоящее время. Как нам представляется, жанр причитаний подвергся наиболее значительному размыванию и разрушению именно в последние полтора десятилетия.

В публикацию материалов экспедиций ГРЦРФ, комплексно характеризующую современное состояние народной культуры, органично вошли более ранние записи музыкального фольклора середины 70-х — 90-х гг. XX века. Такая презентация

муромской музыкальной традиции оказалась возможной благодаря плодотворной помощи Проблемной научно-исследовательской лаборатории по изучению традиционных музыкальных культур Российской академии музыки им. Гнесиных (РАМ им. Гнесиных) и Владимирского областного Центра народного творчества (ВОЦНТ), за что выражаем руководителям этих коллективов искреннюю признательность и благодарность. Конструктивную помощь в подготовке материалов раздела оказал сотрудник ВОЦНТ Константин Васин, который на протяжении многих лет занимается вопросами сохранения и преемственности фольклорной культуры.

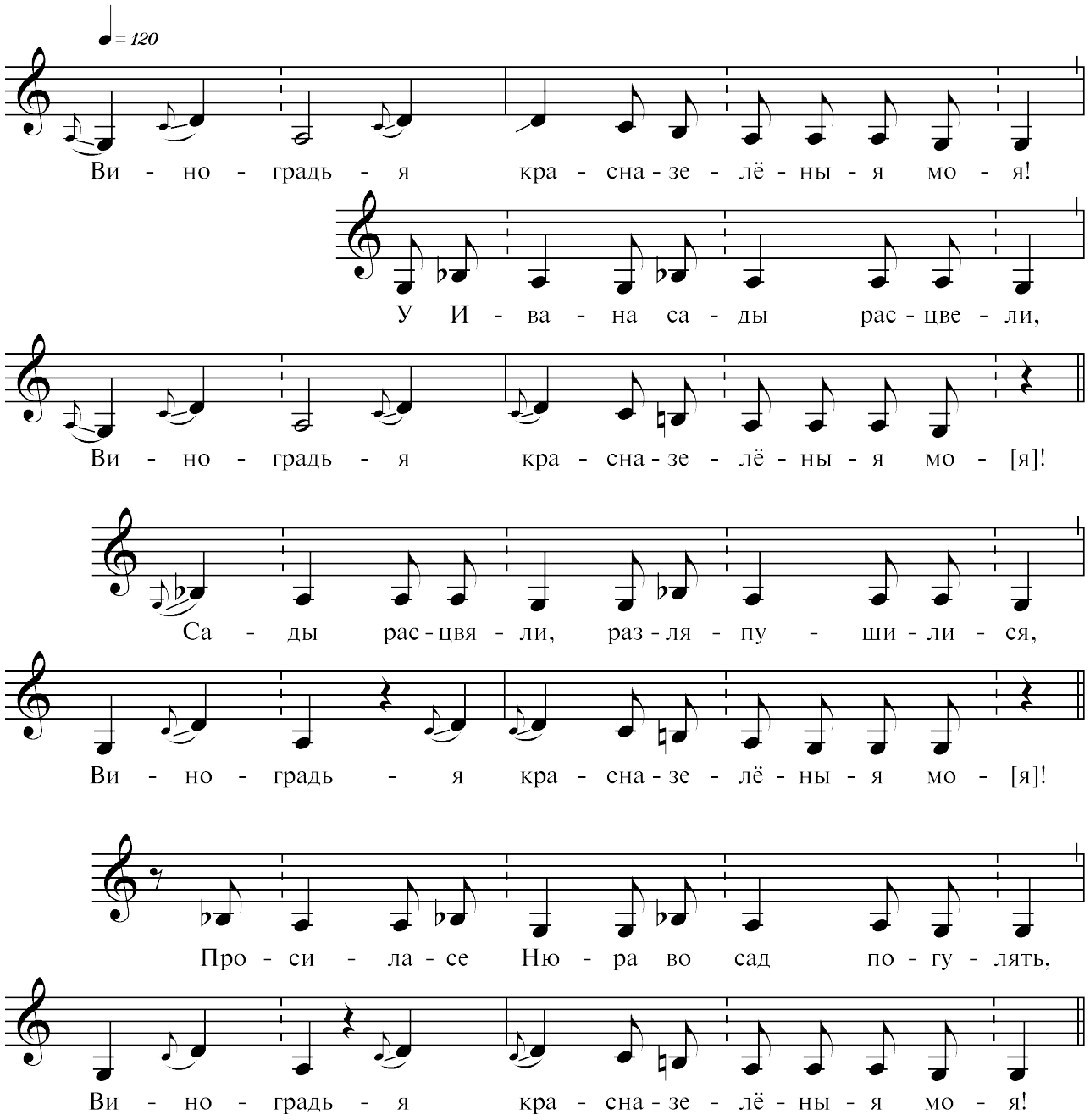
Подготовка текстов и нотация всех напевов осуществлена С.Ю. Власовой, нотный набор сделан Л.П. Маховой. В нотных текстах принято вертикально-ранжированное расположение напевов, раскрывающее их форму, с целью наглядного выявления периодичности или полупериодичности. Граница периодичности обозначается на верхней линии нотного стана вертикальным одинарным или двойным штрихом. Двойной штрих ставится при наличии повторений, сложносоставной формы строфического типа. Места расширения в структуре напева ранжированы со смещением нижележащих нотных строк вправо. Разные виды тактовой черты — сплошная одинарная и двойная, пунктирная, приподнятая — используются в качестве формоуказующего знака. Сплошная двойная тонкая черта является знаком полного окончания строфы. Сплошная одинарная и пунктирная черты в зависимости от типа ритмической организации напева несут две основные функции: разделительную (постоянные цезуры между стихами и слоговыми группами) и регулярно-акцентную (обозначение метрически упорядоченной акцентности). Приподнятая сплошная тактовая черта используется в редких случаях, когда в цезурированном напеве возникает эпизодическое перекрытие цезуры, свидетельствующее о сложности, неоднозначности принципов формообразования данной структуры.

Необходимо отдельно остановиться на отражении диалектных особенностей певческой речи в подтекстовке напевов и полных текстах. На обследованной территории встречаются группы сел, диалект жителей которых может быть основан на сплошном «оканье», смешанном произнесении (исполнители могут одновременно и «акать» и «окать»), сплошном «аканье» (которое часто зависит, на наш взгляд, не столько от бытовавшего в этой местности говора, сколько от возраста исполнителя: более молодые «акают» практически повсеместно). Тексты со сплошным «аканьем» мы приводим к литературной норме (т.е. не отражаем в них «аканья»). В таком случае в примечаниях всегда стоит указание на эту особенность говора. В некоторых «акающих» текстах также не отражены особенности произнесения безударных окончаний, являющиеся общими для диалектного и литературного произношения. Смешанный говор отображается согласно его разговорным особенностям, т.е. написание словесных текстов не соответствует литературной норме, «аканье» и «оканье» выписывается по факту реальной артикуляции.

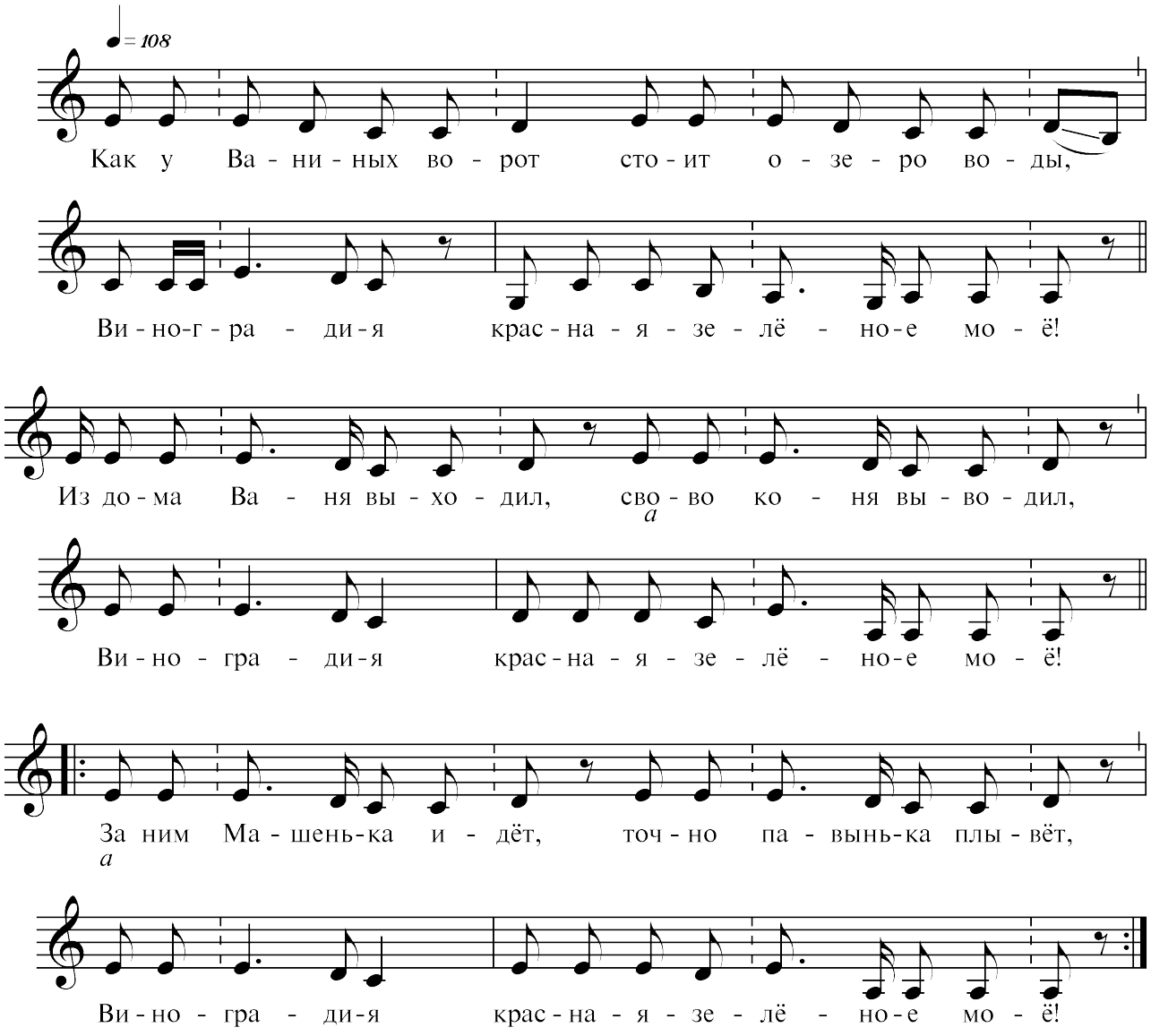
Действительное певческое произнесение во всех подтекстовках к напевам обозначается добавочными литерами, набранными курсивом под основной словесной строкой: это могут быть не только «акающие» слоги, но и любая другая замена гласных и согласных звуков в процессе исполнения. Буква «ё» во всех текстах обозначает соответствующий ей йотированный звук, а в случаях его замены пишется «е». Изменения артикуляции в рамках одного поющегося слога, а также маркированное подчеркивание звуков выделяется курсивом в основной смыслонесущей строке подтекстовки (например: «По— *.во*— е— ха— *.а*л ми— лай на бит— ву...», «Ты вос— пой, ты вос— по— *.а*й...»). Нормативная огласовка согласных ([и] с мягкими согласными, [ы] — с твердыми) в тексте не выписывается. В целом при отображении вокального произнесения мы пытались по возможности более полно отразить морфологические и синтаксические особенности песенного диалекта.

Авторы книги надеются, что представленные образцы фольклора послужат ценным источником информации о народной музыке Муромского края, так как они в значительной степени дополняют ранее публиковавшиеся материалы и отражают реальное состояние современного культурного пространства.

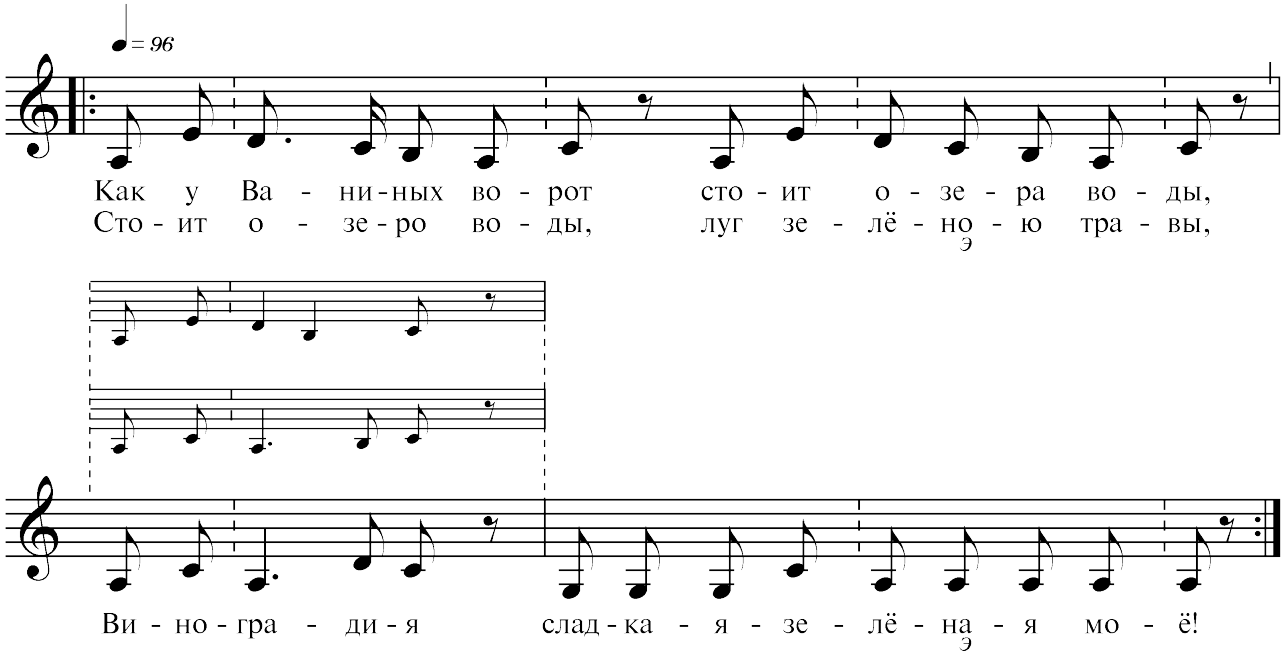
КАЛЕНДАРНЫЕ НАПЕВЫ

1.

Виноградья красна-зелёныя моя!
У Ивана сады расцвели,
Виноградья красна-зелёныя мо[я]!
Сады расцвяли, разляпушилися,

Виноградья красна-зелёныя мо[я]!
Просиласе Нюра во сад погулять,
Виноградья красна-зелёныя моя!
Во сад пагулять, сыловьёв п[о]слушать,
Виноградья красна-зелёныя мо[я]!
Сыловей-варобей, и обманшычек
Виноградья красна-зелёныя мо[я]!
Обманул, проманул на чужую сторону,
Виноградья красна-зелёныя [моя]!
К чужому отцу, к чужой матери,
Виноградья красна-зелёныя мо[я]!
Чужая-та мать мне не матушка,
Виноградья красна-зелёныя мо[я]!
Чужой-от отец мне не батюшка,
Виноградья красна-зелёныя моя!

2.

Как у Ваниных ворот стоит озеро воды,
Виноградия красная-зелёное моё!
Из дома Ваня выходил, сваво коня выводил,
Виноградия красная-зелёное моё!
За ним Машенька идёт, точно павынька плывёт,
Виноградия красная-зелёное моё!
На ней платьице ало, сто рублей оно дано,
Виноградия красная-зелёное моё!
На головушке перо, всё цветами расцвело,
Виноградия красная-зелёное моё!

3.

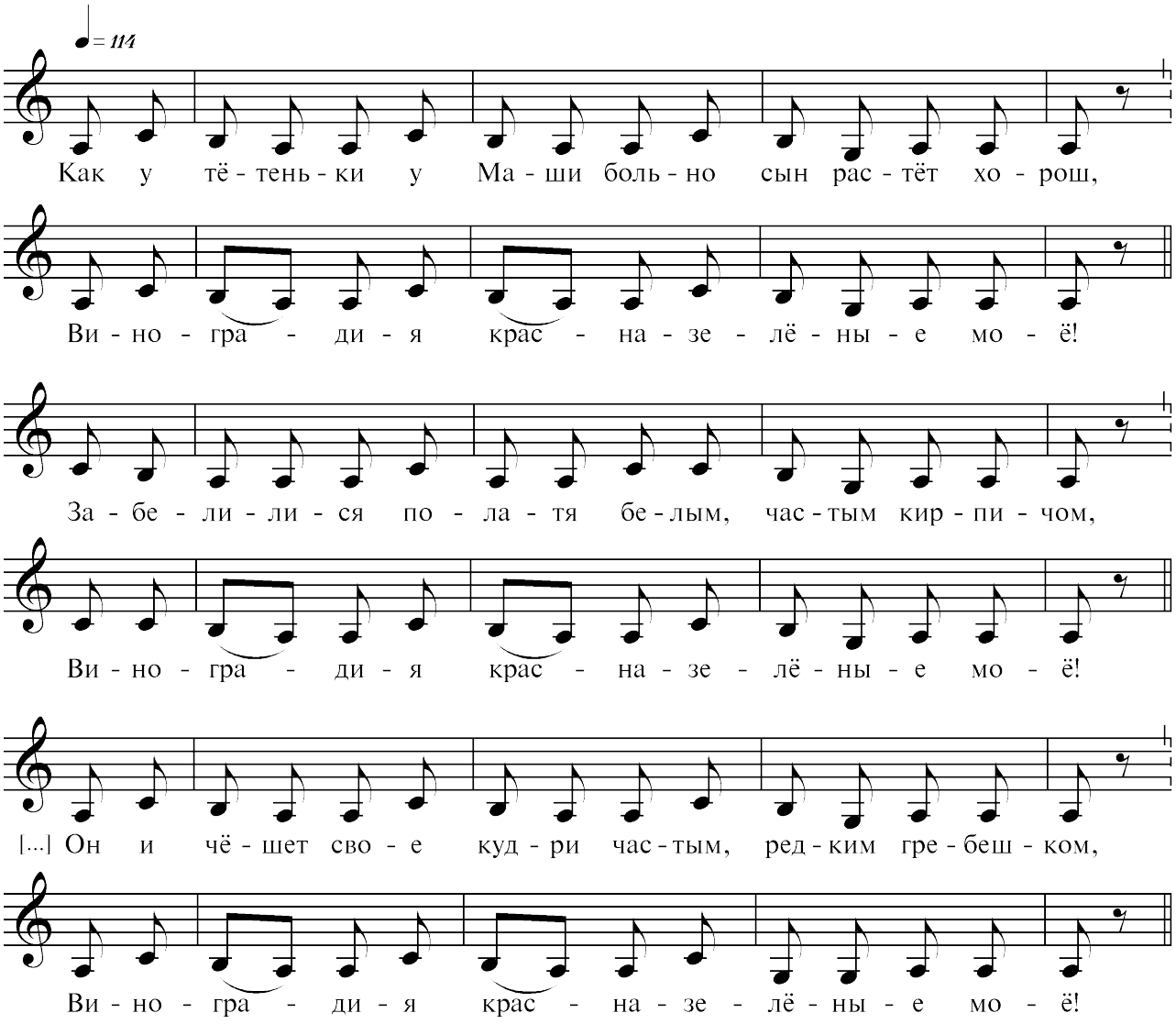


а)
Как у Ваниных ворот стоит озера воды,
Виноградия сладкая-зелёная моё!
Стоит озеро воды, луг зелёною травы,
Виноградия сладкая-зелёная моё!
А как Ваня выходил, сваво коня выводил,
Виноградия сладкая-зелёная моё!
А как Машенька идёт, словно павынька плывёт,
Виноградия сладкая-зелёная моё!
На ней платьице ало, оно сто рублей дано,
Виноградия сладкая-зелёная моё!
На головушке перо, всё цветами расцвело,
Виноградия сладкая-зелёная моё!
Уж ты, Машенька, подай, ты, голубушка, подай,
Виноградия сладкая-зелёная моё!

б)
Как у Ваниных ворот стоит дров костёр,
Виноградия сладкая-зелёная моё!
Стоит дров костёр, все не рубленыи,
Виноградия сладкая-зелёная моё!

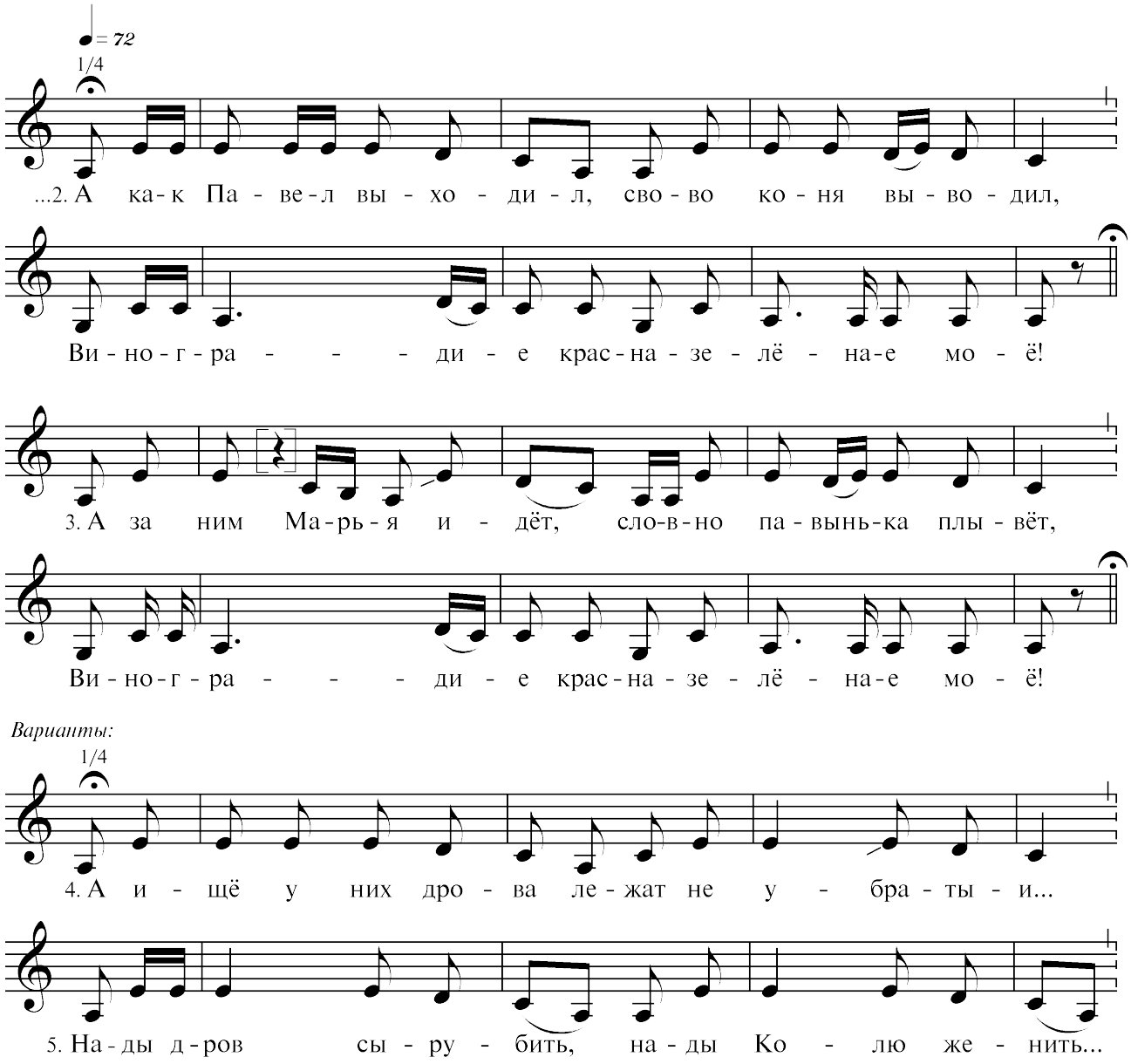
Пора дровцы рубить, пора печку топить,
Виноградия сладкая-зелёная моё!
Пора печку топить, пора пиво варить,
Виноградия сладкая-зелёная моё!
Пора пиво варить, пора Мишу женить,
Виноградия сладкая-зелёная моё!
Пора Мишу женить, пора Таню утдавать,
Виноградия сладкая-зелёная моё!

4.

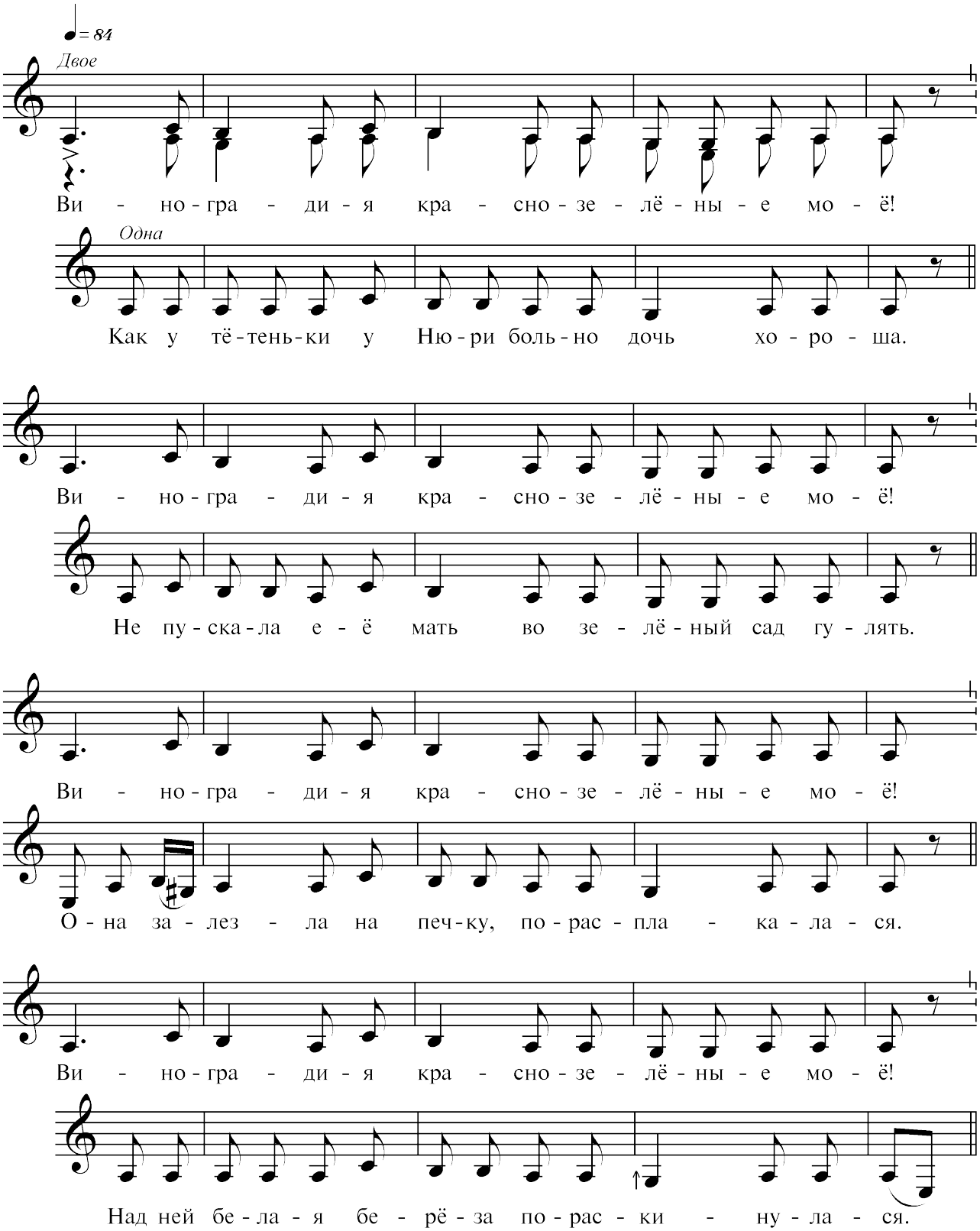


Как у тётеньки у Маши больно сын растёт хорош,
Виноградия красна-зелёные моё!
Забелилися полатя белым, частым кирпичом,
Виноградия красна-зелёные моё!
Он и ходит па полатям, [....]
Он и чёшет свое кудри частым, редким гребешком,
Виноградия красна-зелёные моё!
Он очёсочки бросает во быструю реку,
Виноградия красна-зелёные моё!

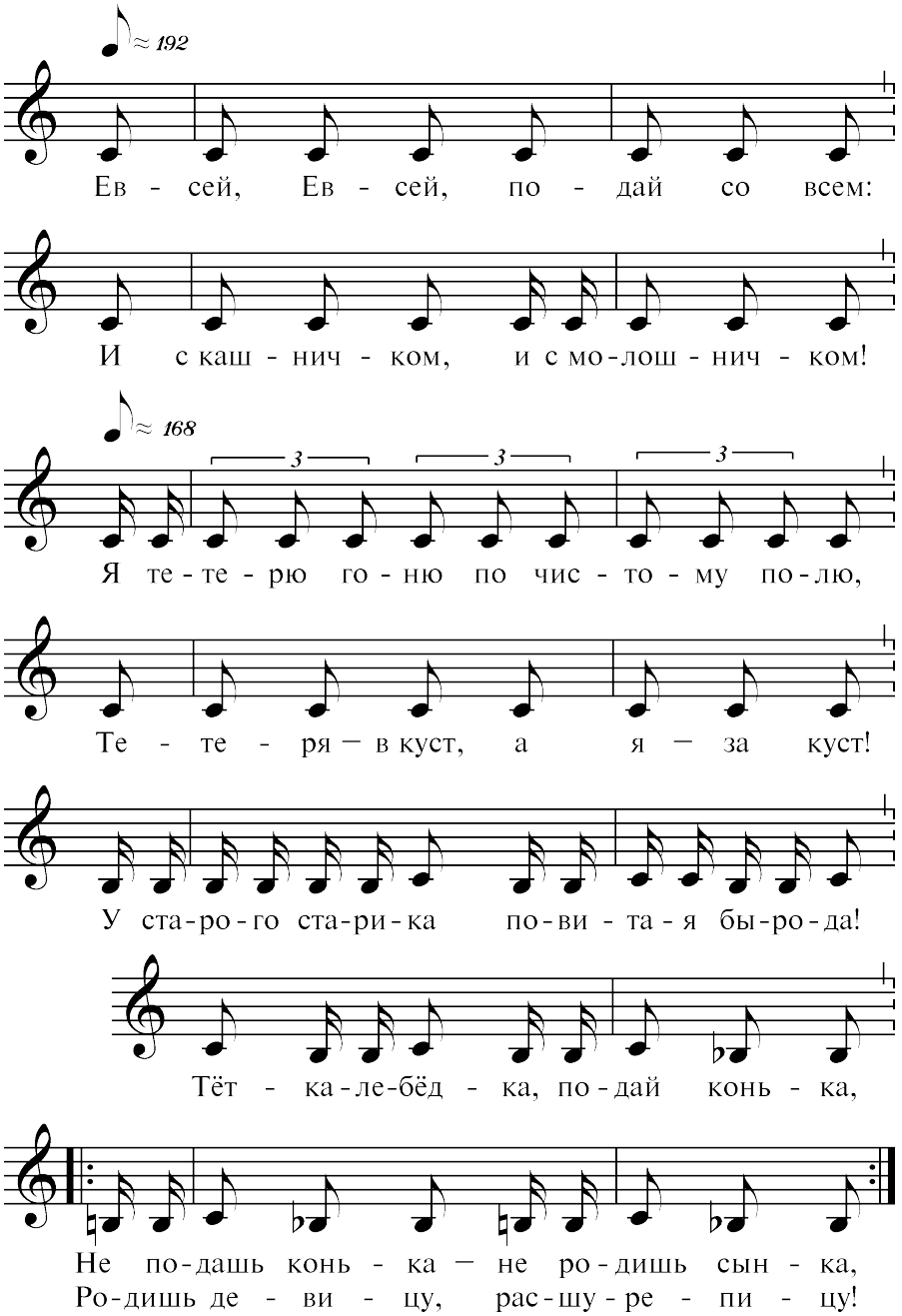
У ково деньги скопьём — тот и жить будет с добром,
Виноградия красна-зелёные моё!
А уткрывай-ка сундучок — вынимай-ка рублячок,
Виноградия красна-зелёные моё!
П[о]треси-ка чёсэнку — вынимай-ка трёшенку,
Виноградия красна-зелёные моё!
С праздником!

5.

Как у Павла [.....]
Виноградие красна-зелёнае моё!
А как Павел выходил, своово коня выводил,
Виноградие красна-зелёнае моё!
А за ним Марья идёт, словно павынька плывёт,
Виноградие красна-зелёнае моё!
А ищё у них дрова лежат не убратыи,
Виноградие красна-зелёнае моё!

Нады дров сырубить, нады Колю женить,
Виноградие красна-зелёнае моё!
Нады Колю женить, нады пива варить,
Виноградие красна-зелёнае моё!

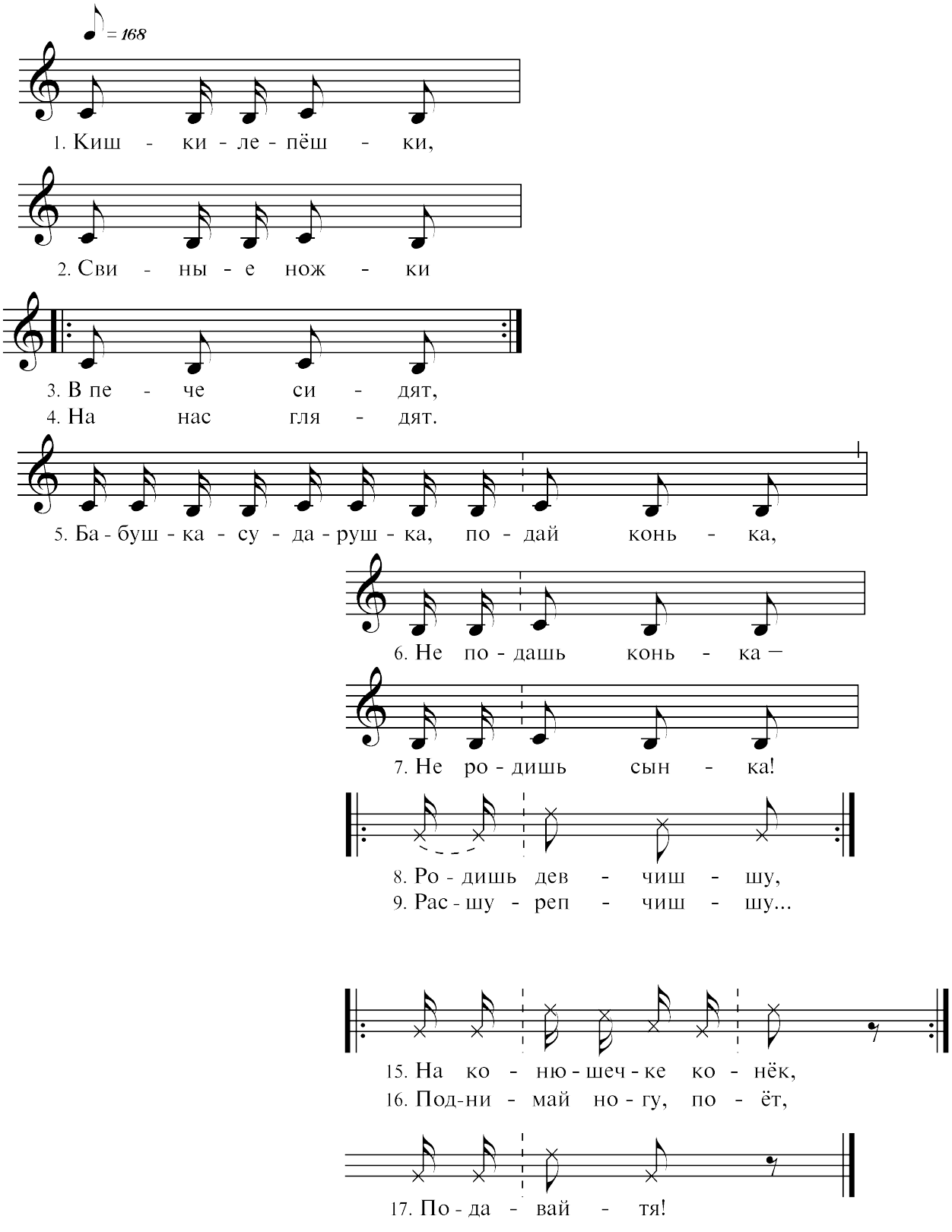
6.

Виноградия красно-зелёные моё!
Как у тётеньки у Нюри больно дочь хороша.
Виноградия красно-зелёные моё!
Не пускала её мать во зеленый сад гулять.
Виноградия красно-зелёные моё!
Она залезла на печку поросплакалася.
Виноградия красно-зелёные моё!
Над ней белая береза пораскинулася.
Виноградия красно-зелёные моё!

7.

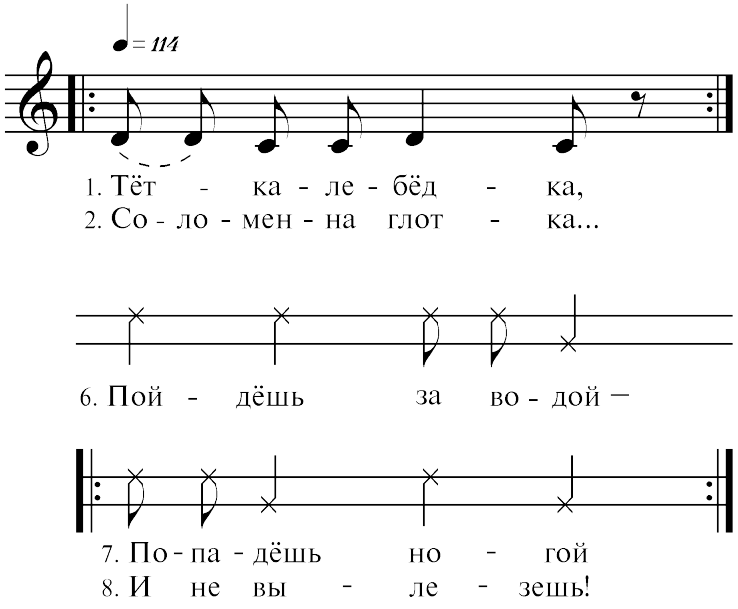


Евсей, Евсей, подай со всем:
И с кашничком, и с молошничком!
Я тетерю гоню по чистому полю,
Тетеря — в куст, а я — за куст!

У старого старика повитая бырода!
Тётка-лебёдка, подай конька,
Не подашь конька — не родишь сынка,
Родишь девицу, расшурепицу!

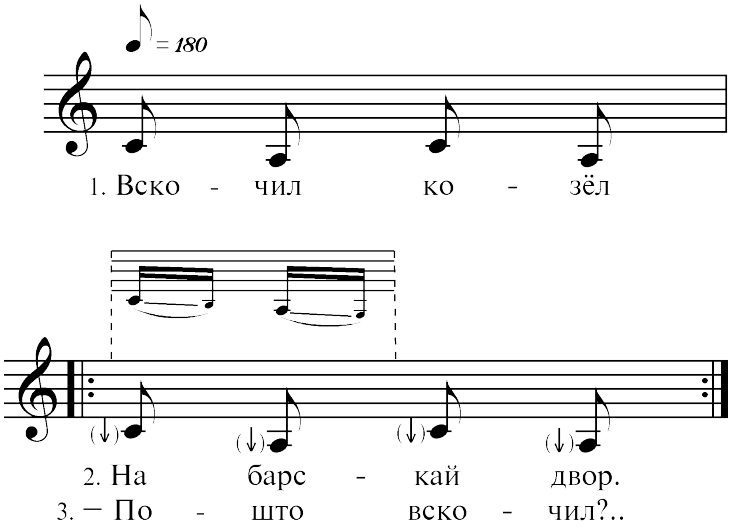
8.

Кишки-лепёшки,
Свиные ножки
В пече сидят,
На нас глядят.
Бабушка-сударушка, подай конька!
Не подашь конька —
Не родишь сынка!
Родишь девчишшу —
Расшурепчишшу:
Не ткать, не прясть,
Помелом играть!
Подавайте, не ломайте
По кокурочки,
По козулечки!
На конюшечке конёк,
Поднимай ногу, поёт!
Подавайтя!!!

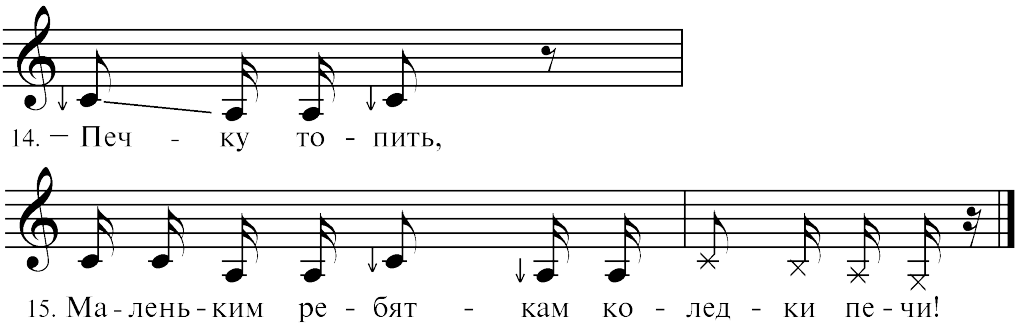
9.



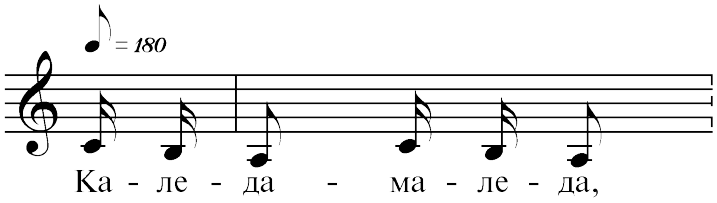
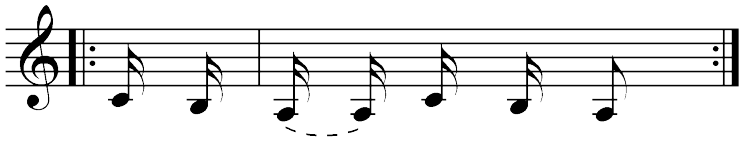
Тётка-лебёдка,
Соломенна глотка,
Подай каледу!
Не подашь каледу —
На пороге насёру.
Пойдёшь за водой —
Попадешь ногой
И не вылезешь!

10.

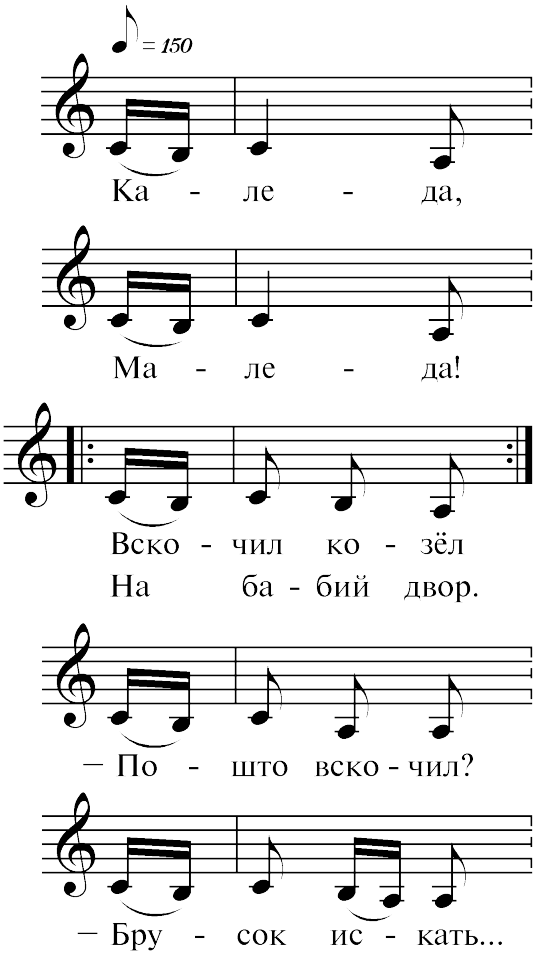


Окончание:

Вскочил козёл
На барскай двор.
— Пошто вскочил?
— Брусок искать.
— На што брусок?
— Косу точить.
— На што коса?
— Сена косить.
— На што сена?
— Лошадь кормить.
— На што лошадь?
— Дрова возить.
— На што дрова?
— Печку топить.
— Маленьким ребяткам коледки печи!

11.



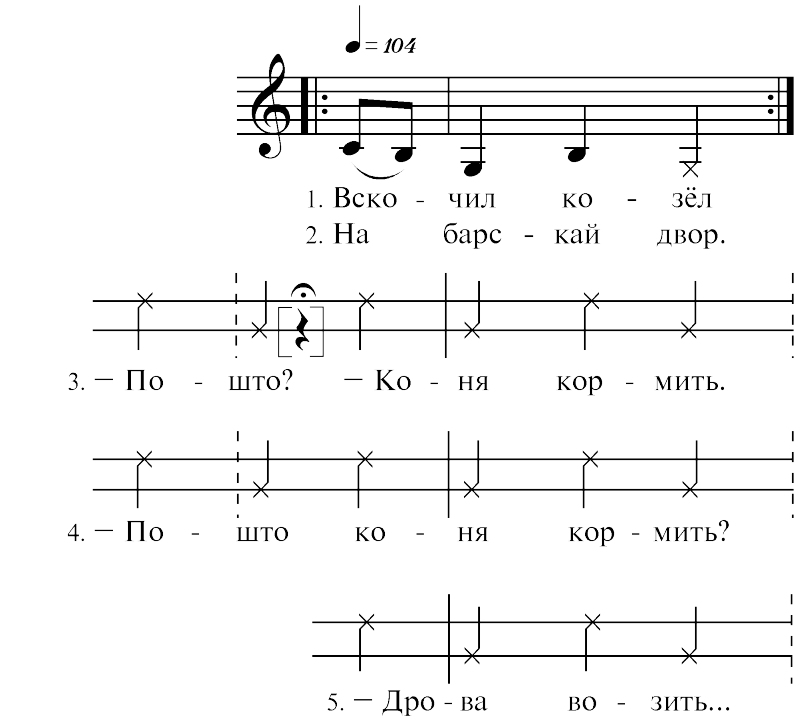
Каледа-маледа,
Перешиблена нога.
Я тетерьку гоню
По дьяковому двору.
Подъякова-т[о] жона,
На пече лёгла,
Жопею сожгла.
Вы подайте кыляду!
Не подадите кыляду —
С двора корову уведу!

12.

Каледа,
Маледа!
Вскочил козёл
На бабий двор.
— Пошто вскочил?

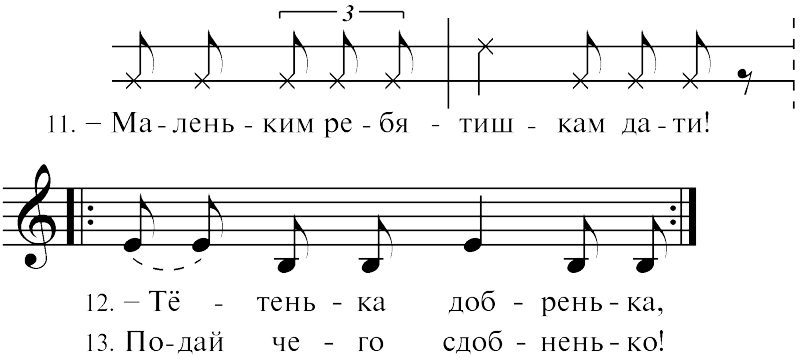
— Брусок искать.
— На што брусок?
— Косу вострить.
— На што косу?
— Сенцо косить.
— На што сенцо?
— Коров кормить.

Тётка-лебёдка,
Подай кокру́!
Не подашь кокру́ —
На мосту насру!
А подашь коку́рку —
Родишь дочурку.

13.



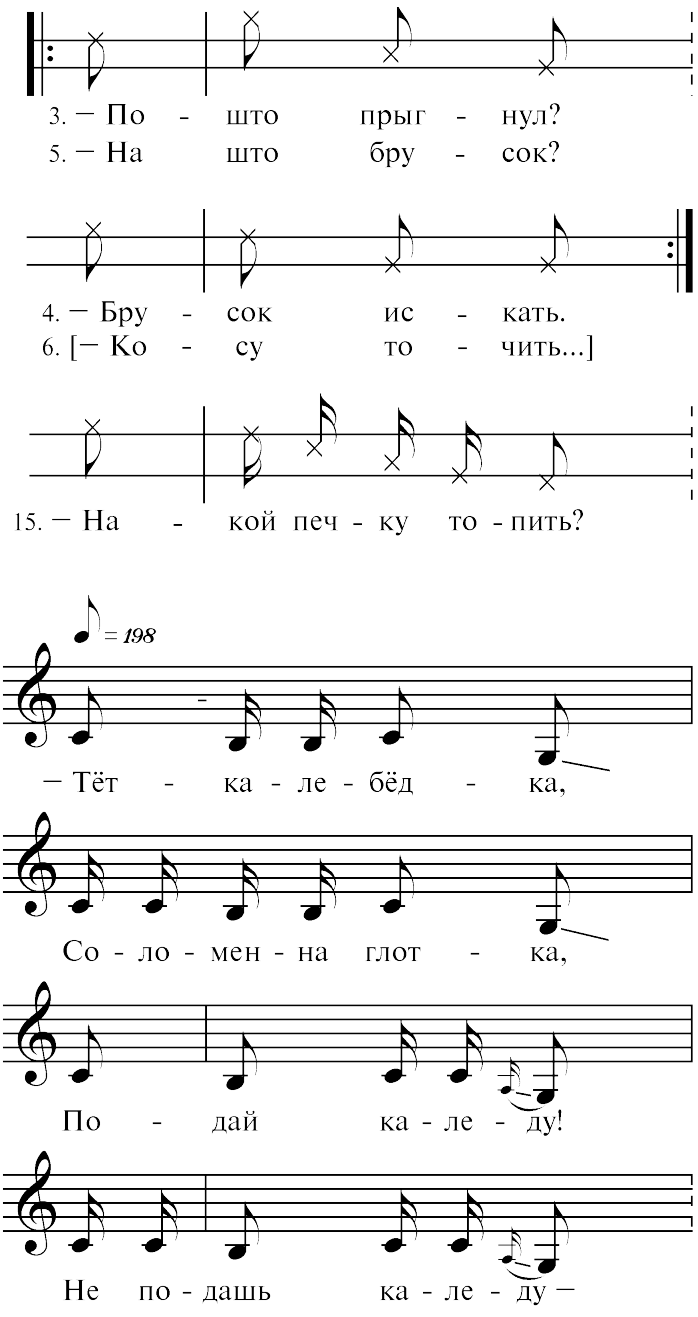
Окончание:

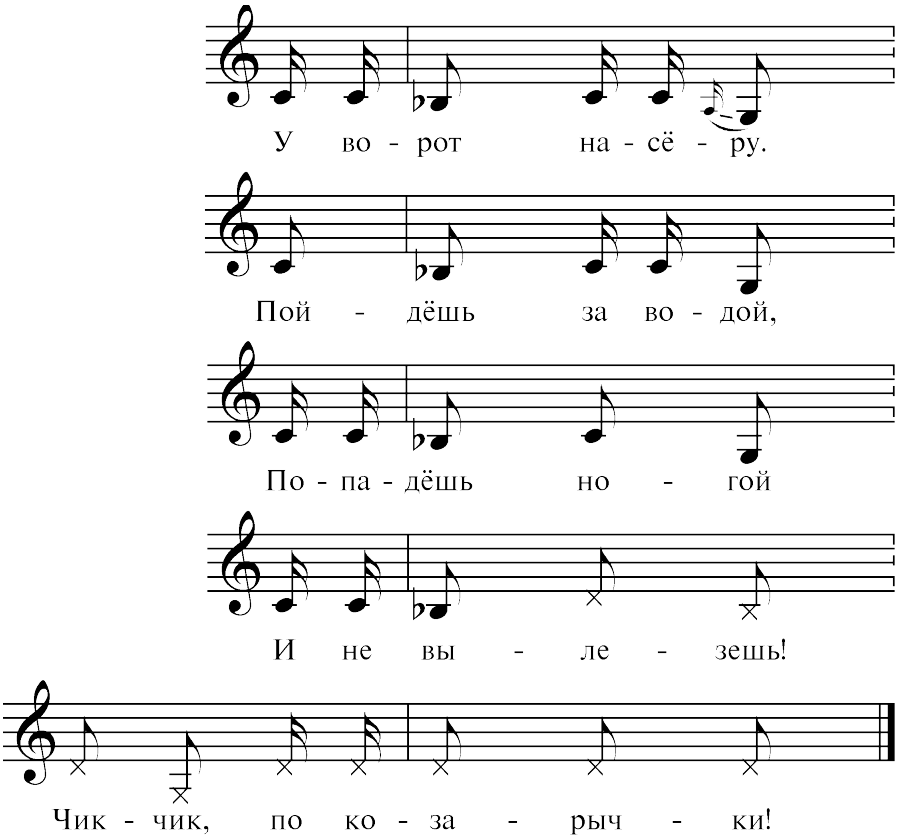


Вскочил козёл
На барскай двор.
— Пошто? — Коня кормить.
— Пошто коня кормить?
— Дрова возить.
— На што дрова?
— Печку топить.
— На што печку?
— Коледки печи.
— А на што коледки?
— Маленьким ребятишкам дати!

— Тётенька добренька,
Подай чего сдобненько!

14.





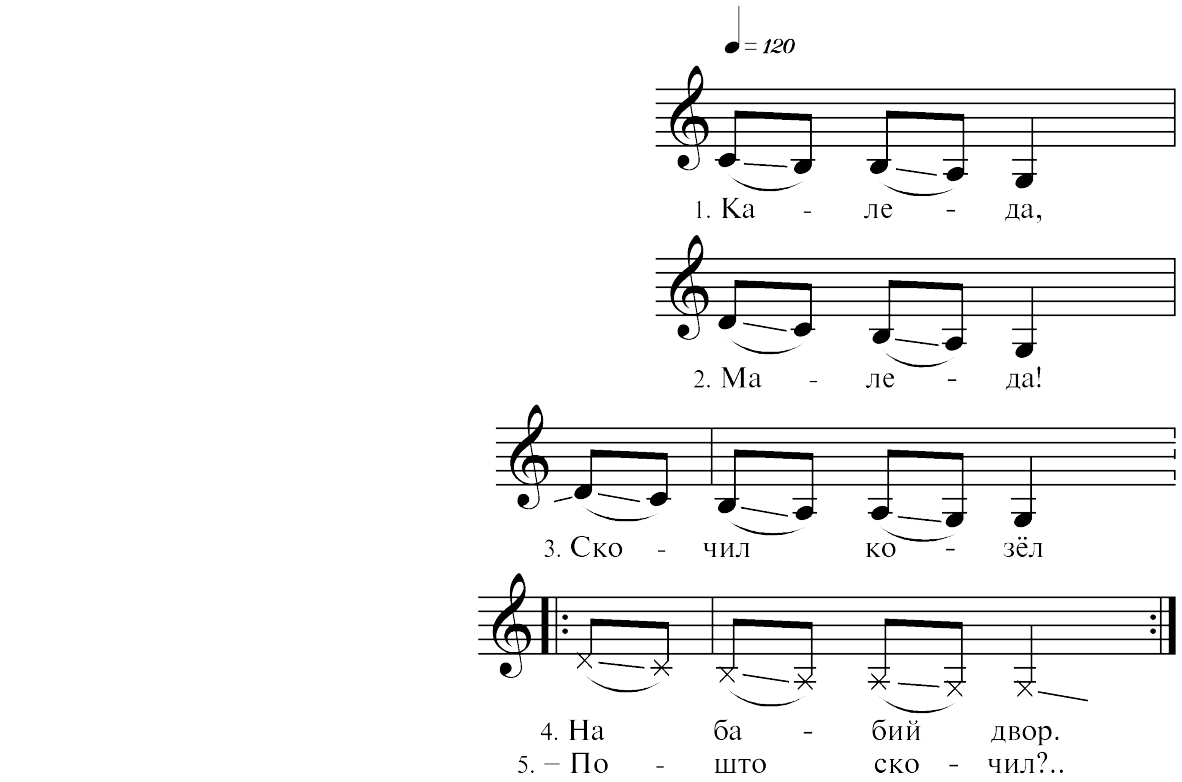
[Прыгнул козёл
На бабий двор].
— Пошто прыгнул?
— Брусок искать.
— На што брусок?
— [Косу точить.
— На што косу?]
— Траву косить.
— Накой траву?
— Коня кормить.
— Накой коня?
— Дрова возить.
— Накой дрова?
— Печку топить.
— Накой печку топить?*
— Маленьким ребятишкам казарки печи!
Чки-чки, по козулечки!

— Тётка-лебёдка,
Соломенна глотка,
Подай каледу!
Не подашь каледу —
У ворот насёру́.
Пойдёшь за водой,
Попадёшь ногой
И не вылезешь!
Чик-чик, по козарычки!

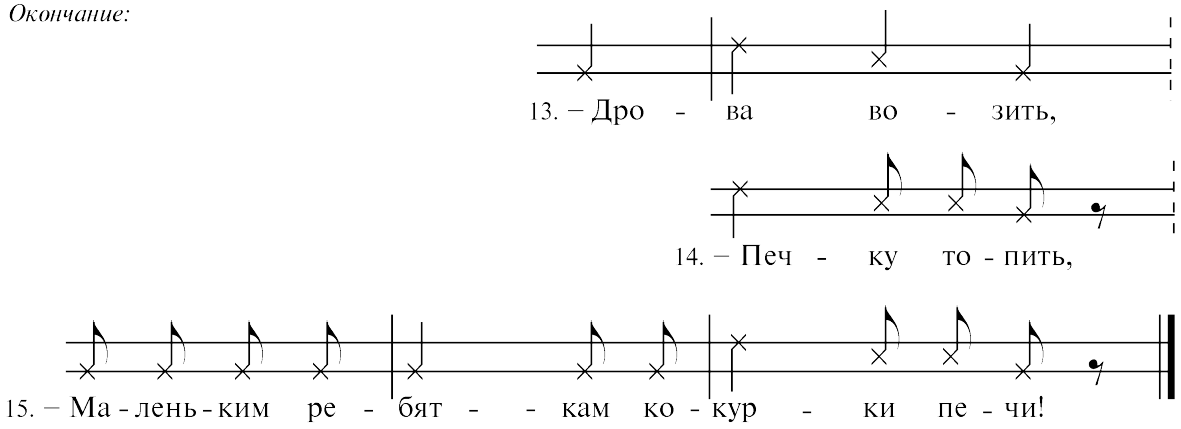
---

* Следующие две фразы интонируются вне установившейся структуры, мелодически и ритмически свободно, с сохранением метрического пульса.

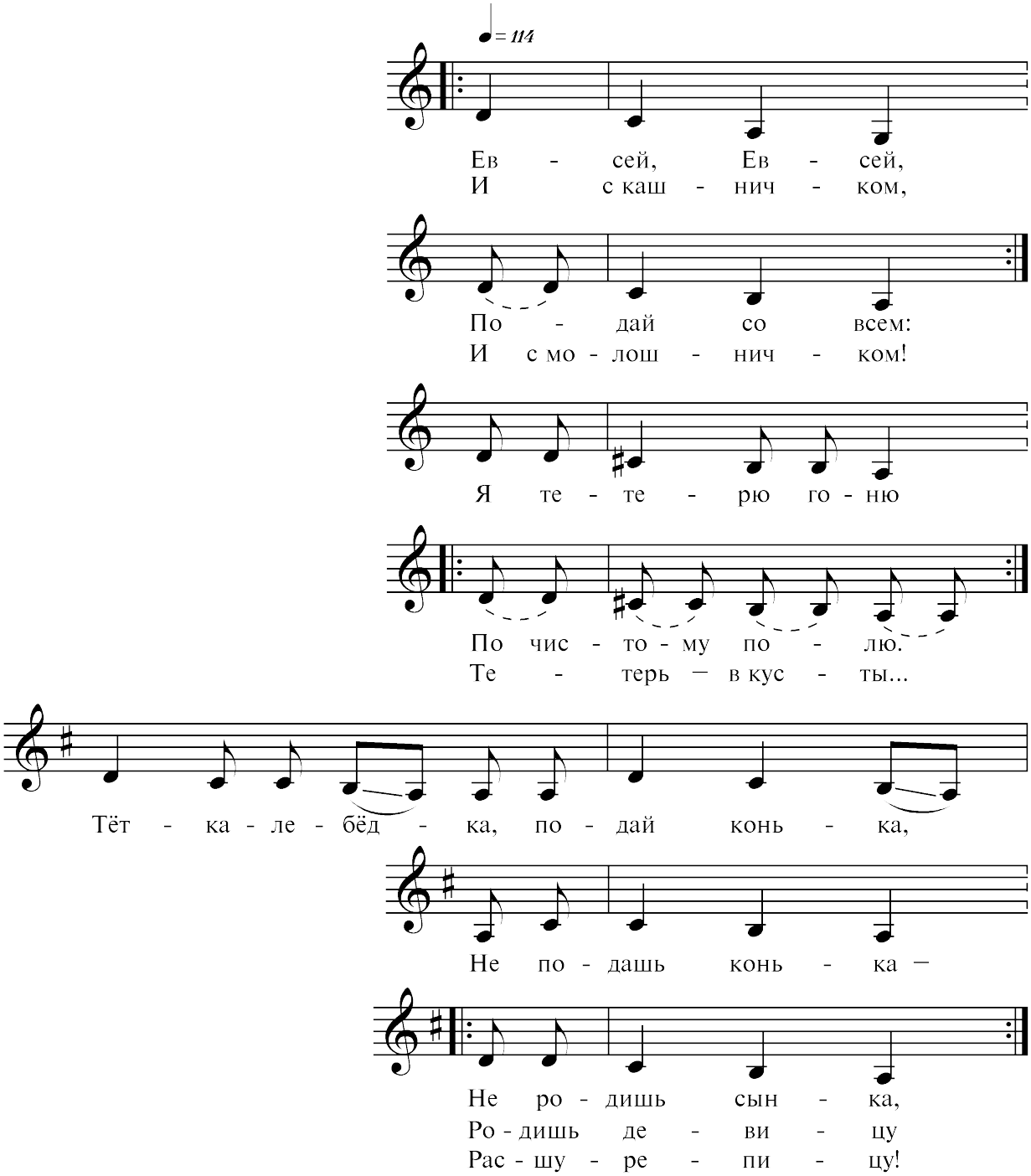
15.



Окончание:



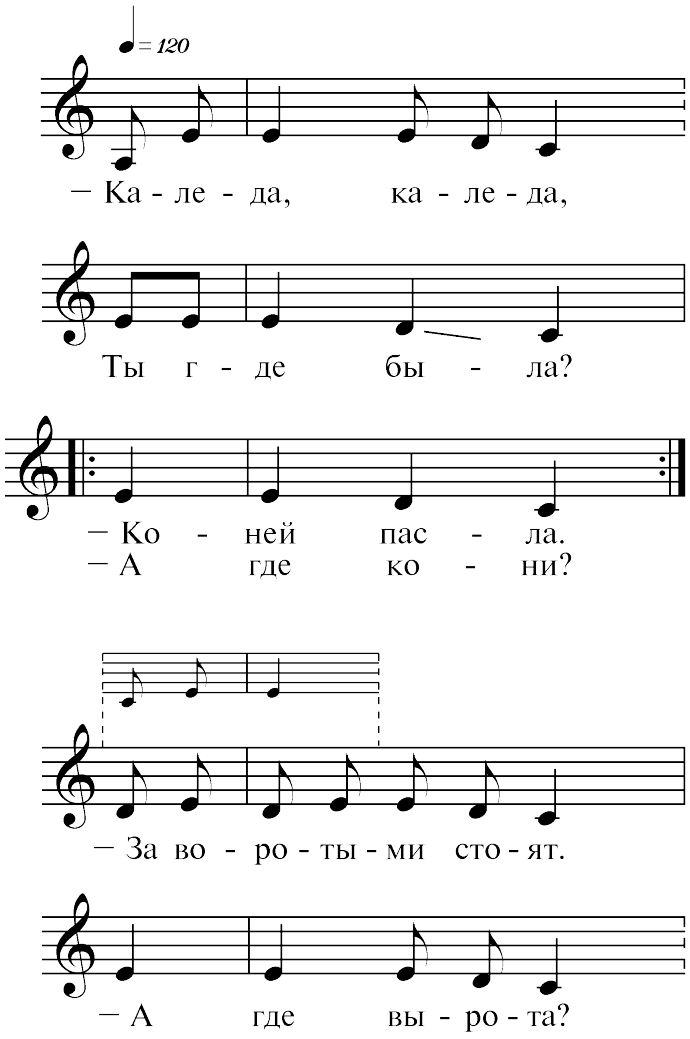
Каледа,
Маледа!
Скочил козёл
На бабий двор.
— Пошто скочил?
— Косу искать.
— На што коса?
— Сенцо косить.
— На што сенцо?
— Коня кормить.
— На што коня?
— Дрова возить.
— Дрова возить,
— Печку топить,
— Маленьким ребяткам кокурки печи!

16.

Евсей, Евсей,
Подай со всем:
И с кашничком,
И с молошничком!
Я тетерю гоню
По чистому полю.
Тетерь — в кусты,
И я за ней.
У старова старика
Повитая бырода,

Пызолоченай висок,
Пы рублю я волосок.

Тётка-лебёдка, подай конька,
Не подашь конька —
Не родишь сынка,
Родишь девицу
Расшурепицу!

17.



— Каледа, каледа,
Ты где была?
— Коней пасла.
— А где кони?
— За воротыми стоят.
— А где вырота?
— Водой снесло.
— А где вода?
— Быки выпили.
— А где быки?

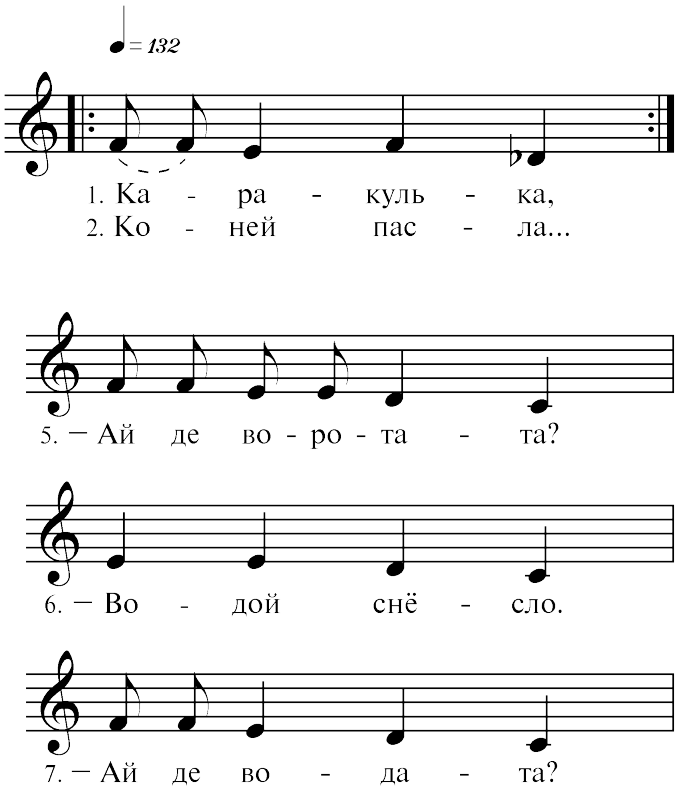
— В тростник ушли.
— А где тростник?
— Девки выломали.
— А где девки?
— За мужья ушли.
— А где мужья?
— Мужья умерли.
— А где гроба?
— Гроба изгнили.
— А где гнилушки?
— У попа в кадушки!

Без напева:

Тётка-лебёдка,
Подай колёдку!
Не подашь коледу —
Корову уведу,
А подашь коледу —
Другую приведу!

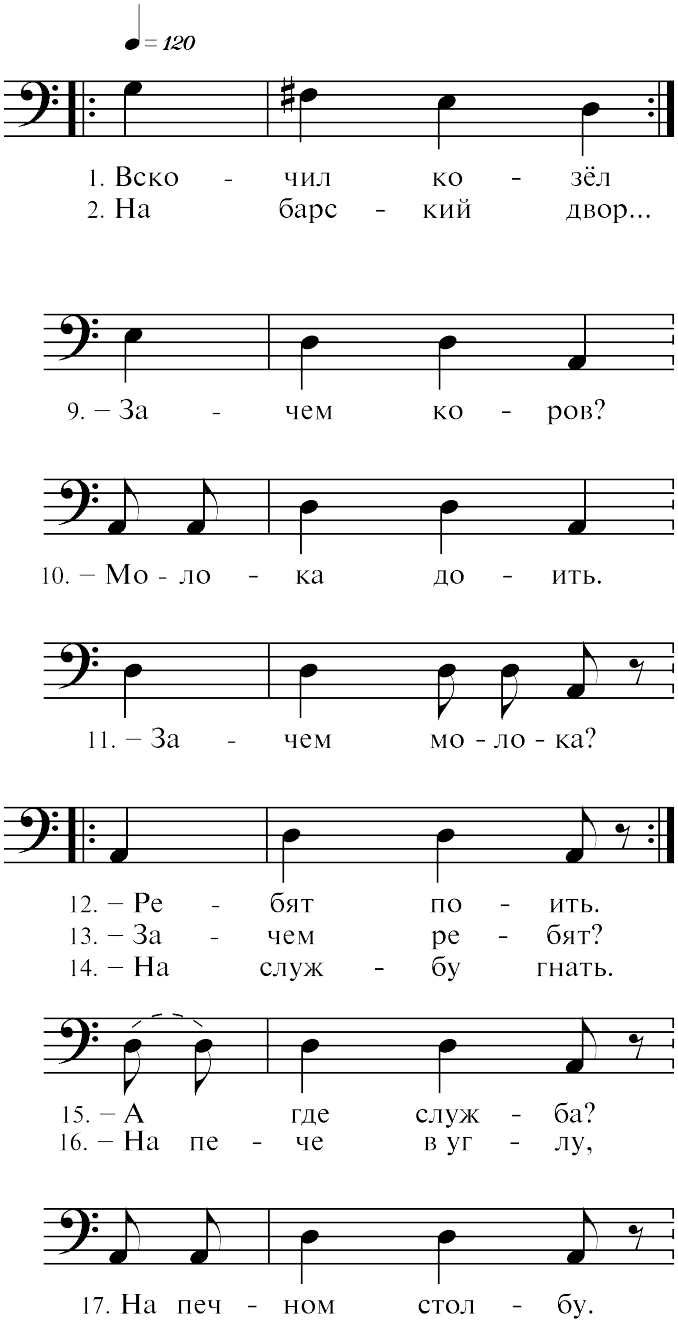
Подай колёдку!
Не подашь коледу —
У ворот насеру,
Пойдёшь зы водой —
Попадёшь ногой,
Пойдёшь за дровами —
Попадёшь обеими ногами!

18.



Каракулька,
Коней пасла.
— Ай де кони-ти?
— За воротэми.
— Ай де ворота-та?
— Водой снёсло.
— Ай де вода-та?
— Девки вылымали.
— Ай де девки-та?
— За мужья ушли.
— Ай де мужьи-та?
— Ушли сена косить.
— А на што сена косить?
— Коров кормить!

19.

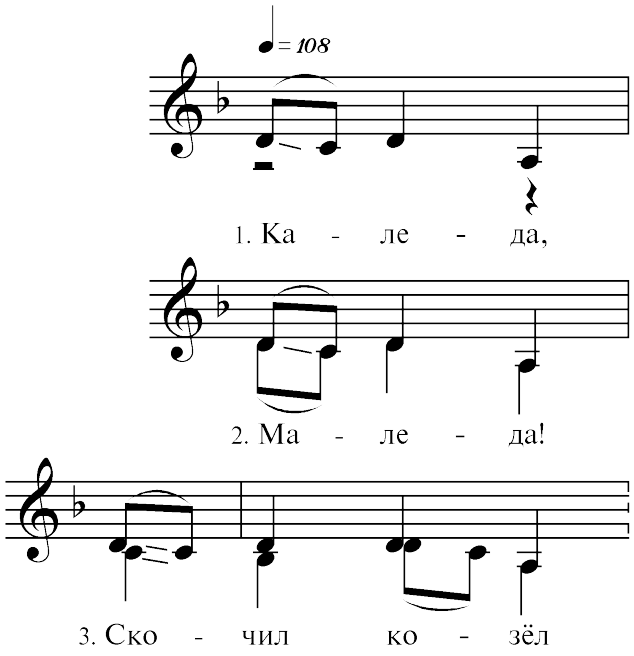
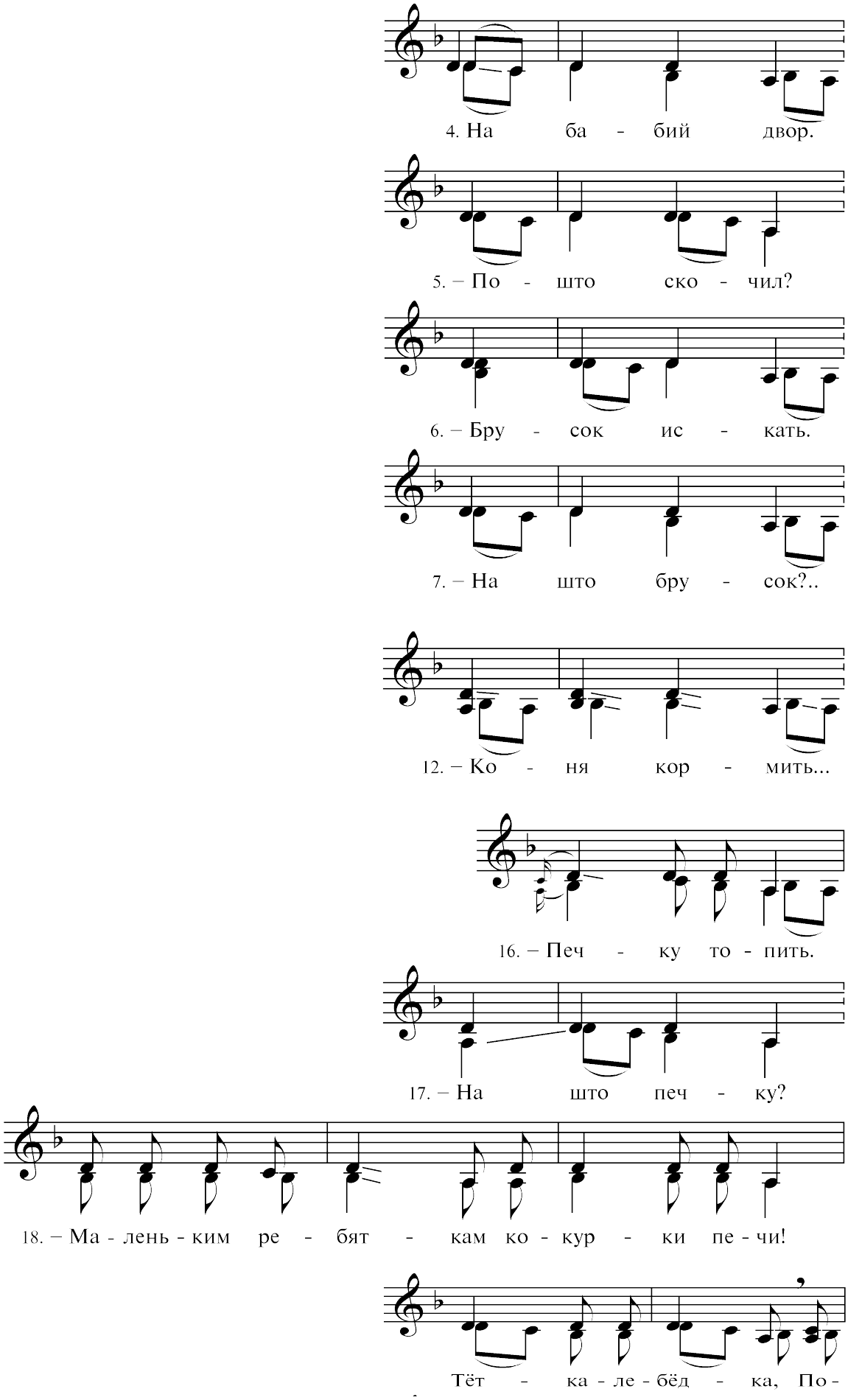


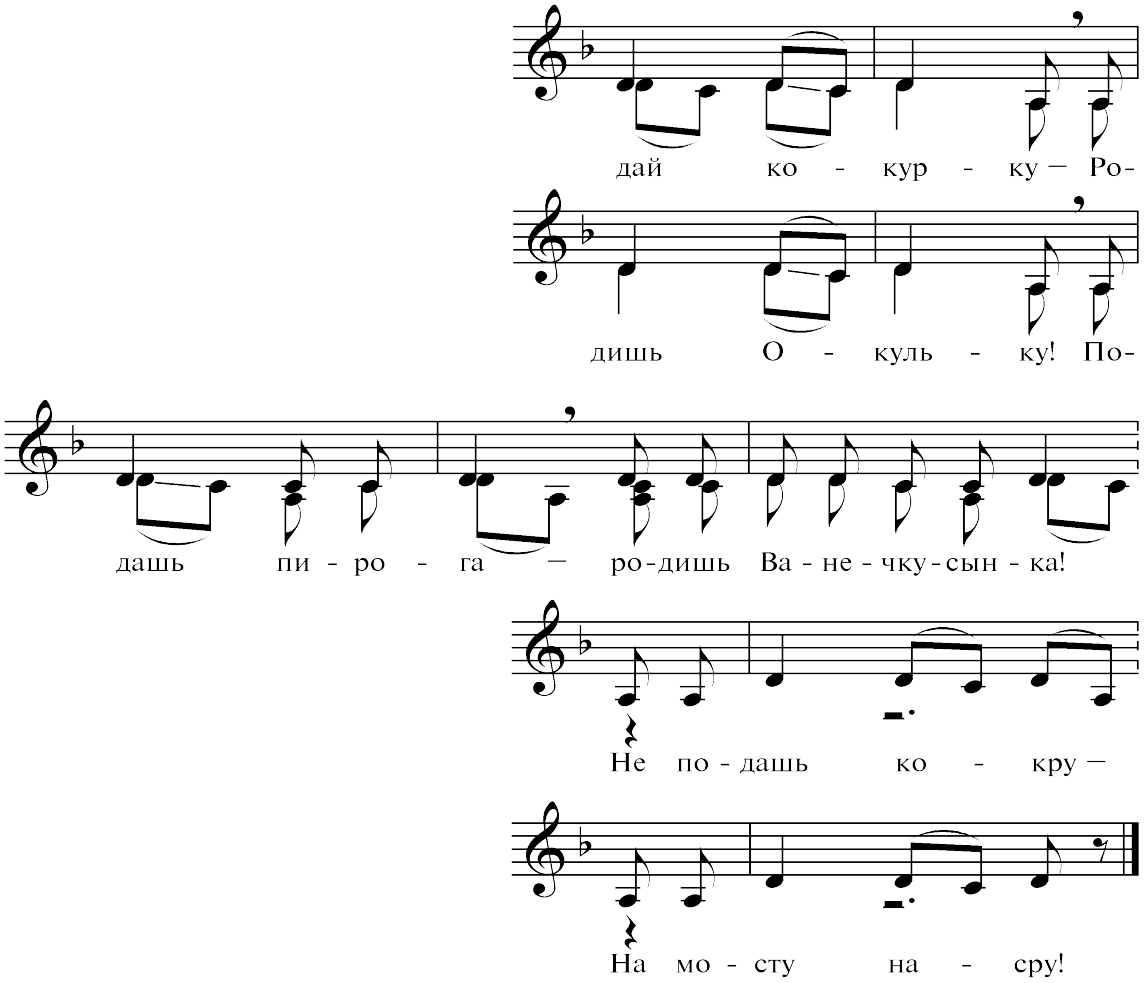
Вскочил козёл
На барский двор.
— Зачем вскочил?
— Косу искать.
— Зачем коса?
— Траву косить.
— Зачем трава?
— Коров кормить.
— Зачем коров?
— Молока доить.
— Зачем молока?
— Ребят поить.
— Зачем ребят?
— На службу гнать.
— А где служба?
— На пече в углу,
На печном столбу.
А ты курица рябая,
Не подшиблена нога.
— Кто тебе перешиб?
— Кто на коничке сидит
И в окошечка гледит.

Без напева:

Тётка — лебёдка,
Подай кокру́!
Не подашь кокру́ —
Все ворота обкакаю!
Коня увёду —
Кнутом накажу,
Колотушкой по лбу!

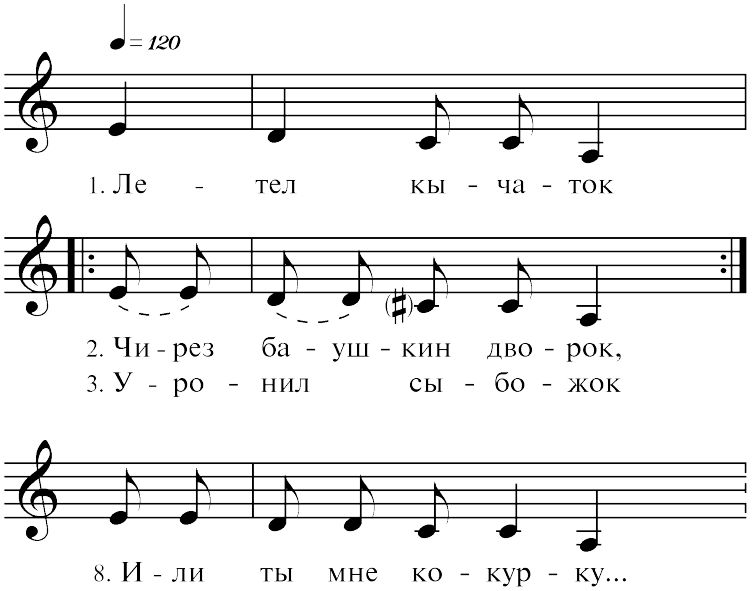
20.



4. На ба - бий двор.
5. – По - што ско - чил?
6. – Бру - сок ис - кать.
7. – На што бру - сок?..
12. – Ко - ня кор - мить...
16. – Печ - ку то - пить.
17. – На што печ - ку?
18. – Ма - лень - ким ре - бят - кам ко - кур - ки пе - чи!
Тёт - ка - ле - бёд - ка, По -

Каледа,
Маледа!
Скочил козёл
На бабий двор.
— Пошто скочил?
— Брусок искать.
— На што брусок?
— Косу вострить.
— На што косу?
— Сенцо косить.
— На што сенцо?
— Коня кормить.
— На што коня?
— Дрова возить.
— На што дрова?
— Печку топить.
— На што печку?
— Маленьким ребяткам кокурки печи!

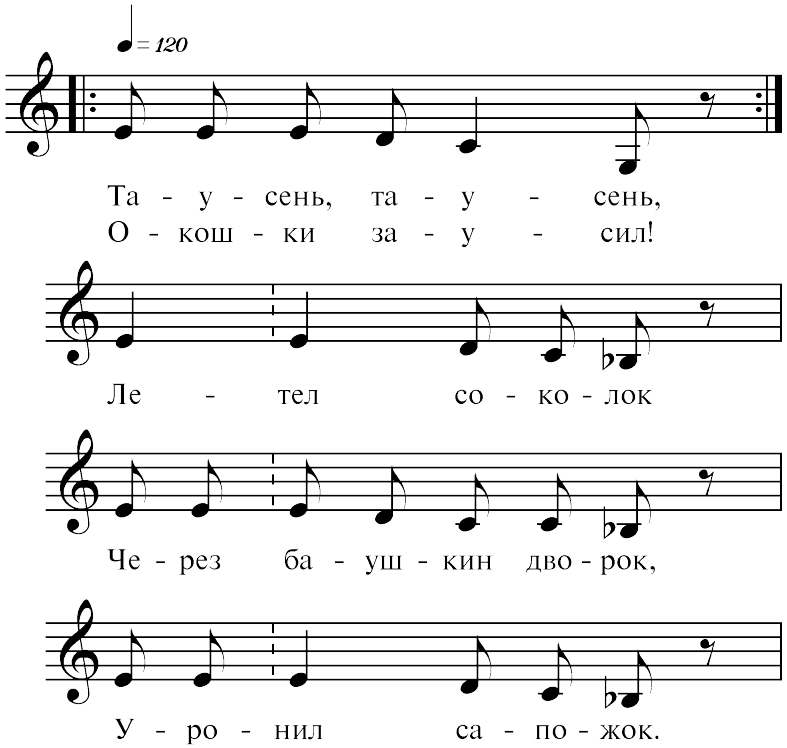
Тётка-лебёдка,
Подай коку́рку —
Родишь Окульку!
Подашь пирога — родишь Ванечку-сынка!
Не подашь кокру́ —
На мосту насру́!

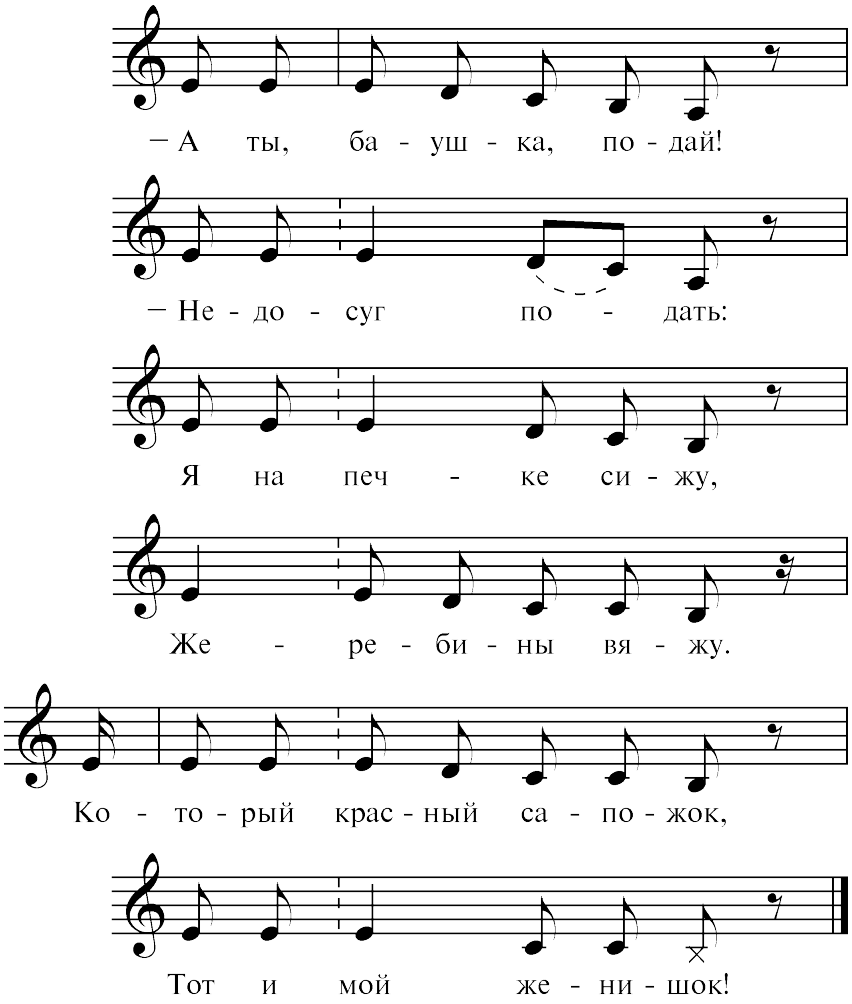
21.



Летел кычаток
Чирез баушкин дворок,
Уронил сыбожок
В январский снежок.
Ой баушка,
Сударушка!
Подай коледу,
Или ты мне коку́рку —
Ты родишь Окульку,
Подашь коледа —
Родишь Ванюшку-сынка!

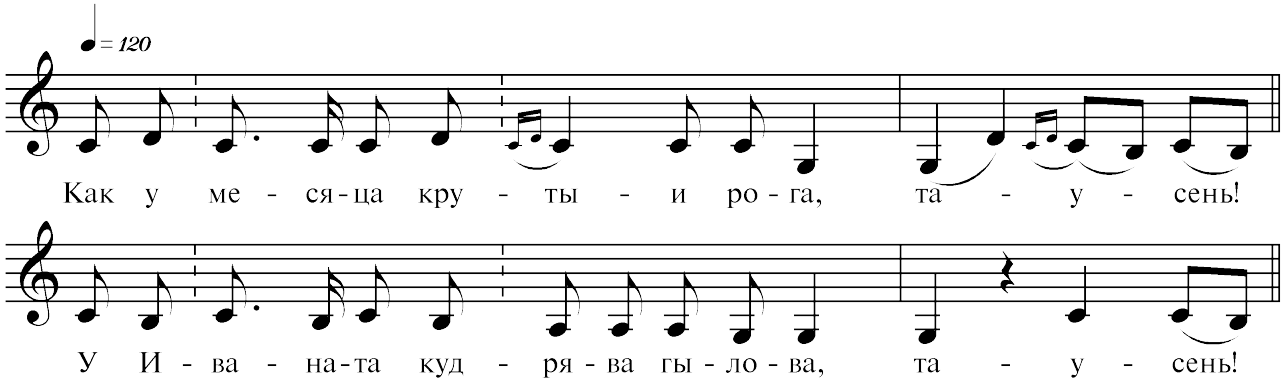
22.

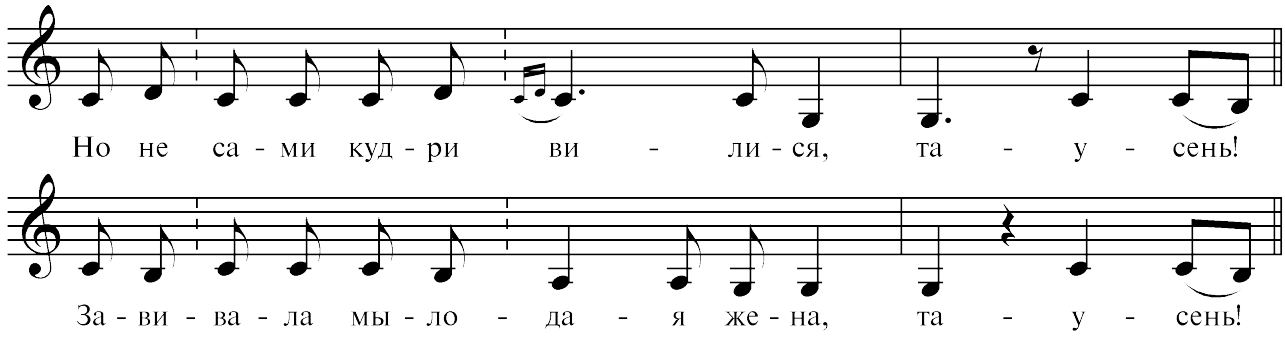




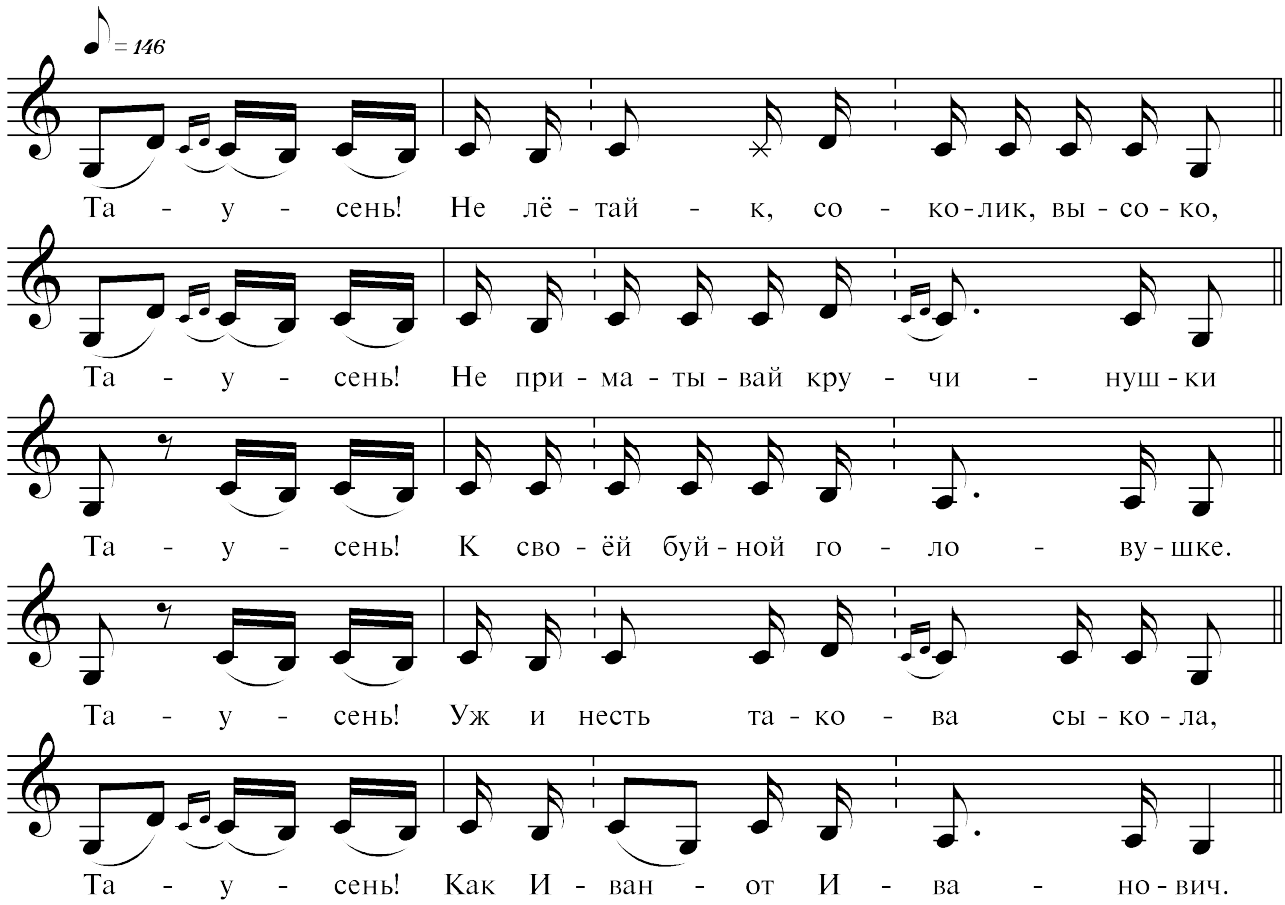
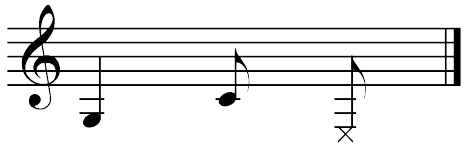
Та́усень, тау́сень,
Окошки заусил!
Летел соколок
Через баушкин дворок,
Уронил сапожок.
— А ты, баушка, подай!
— Недосуг подать:
Я на печке сижу,
Жеребины вяжу.
Который красный сапожок,
Тот и мой женишок!

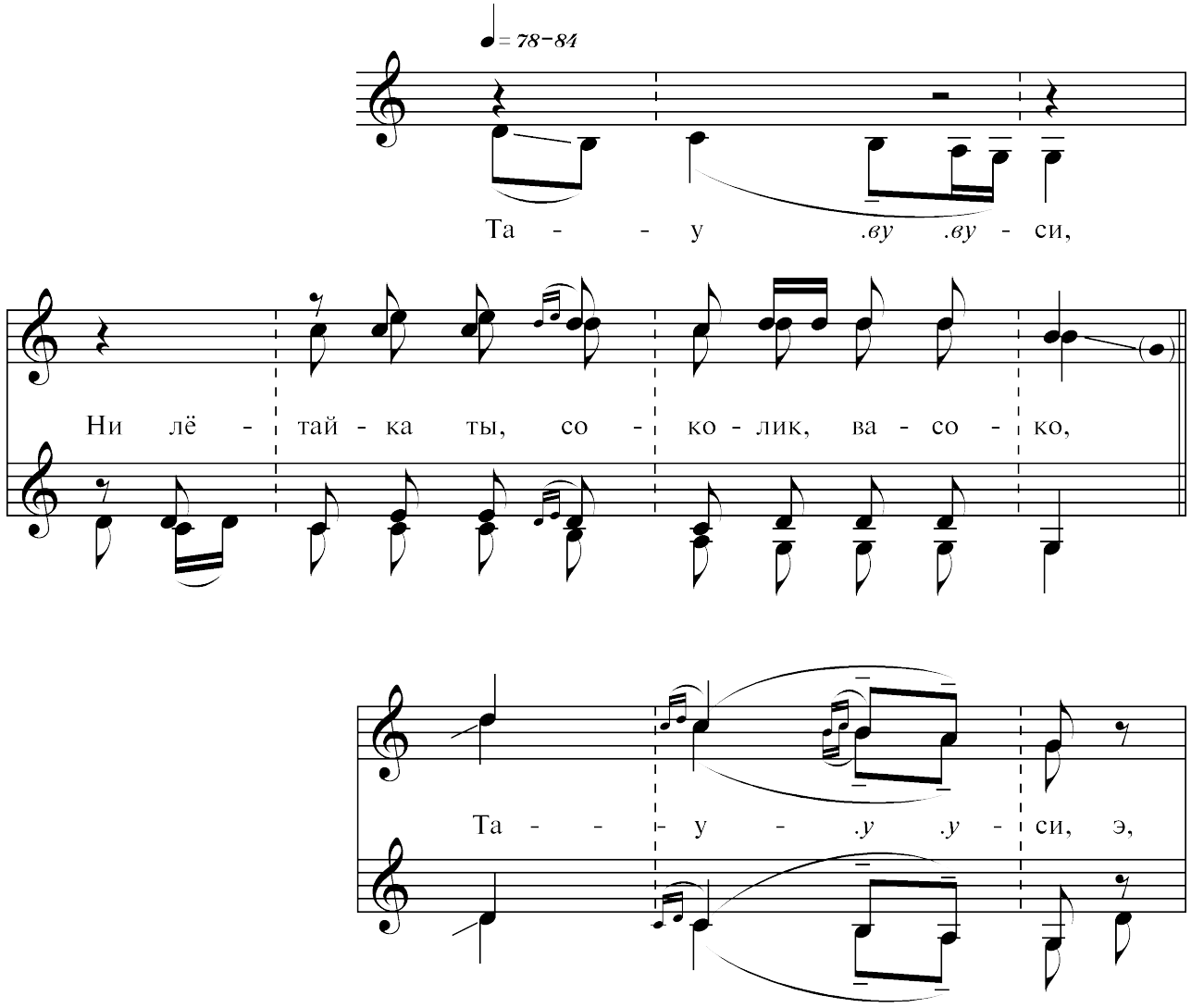
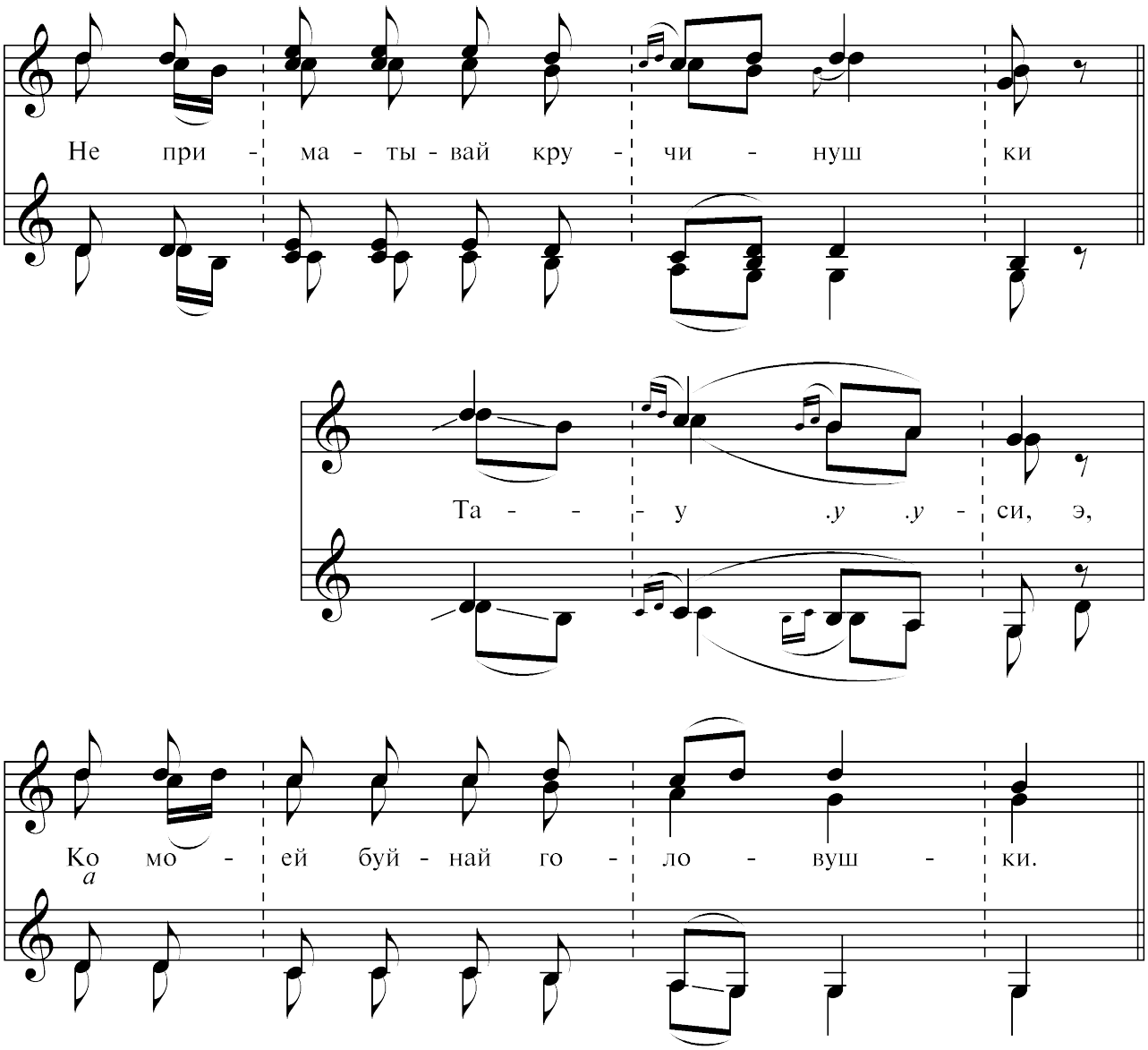
23.



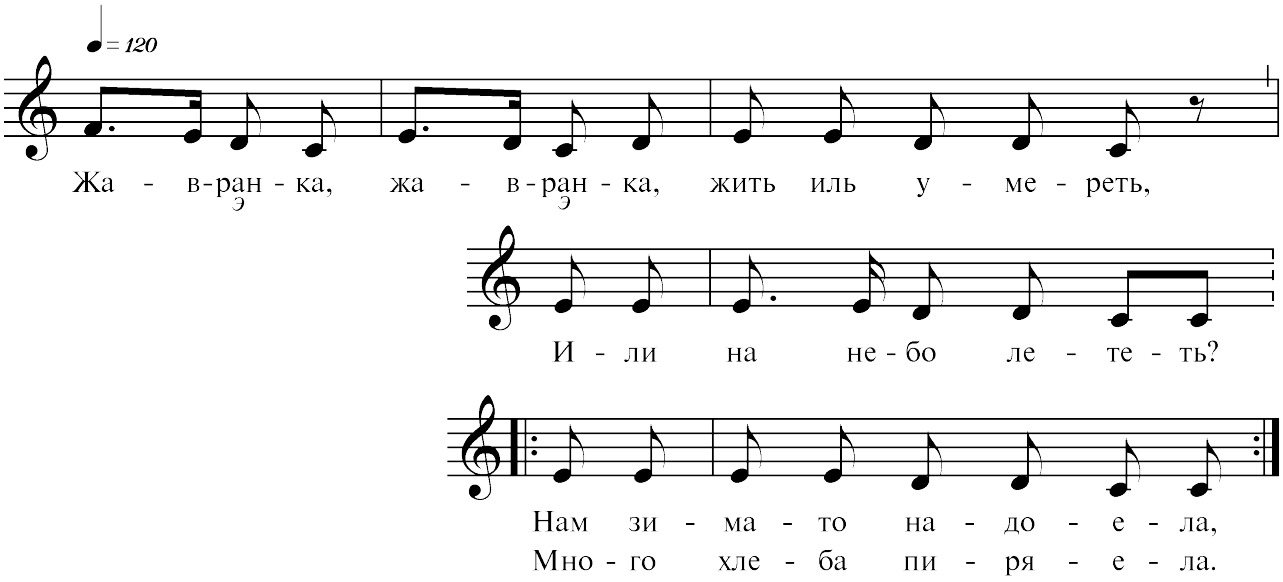


Как у месяца крутыи рога, таусень!
У Ивана-та кудрява гылова, таусень!
Но не сами кудри вилися, таусень!
Завивала мылодая жена, таусень!
Ты и Анна ты Ивановна, таусень!
Ны короб[о]чке посиживыла, таусень!
Залоты гривны пощитывыла, таусень!

24.

Окончание:

Таусень! Не лётай-к[о], соколик, высоко,
Таусень! Не приматывай кручинушки
Таусень! К[о] своёй буйной головушке.
Таусень! Уж и несть такова́ сыкола,
Таусень! Как Иван-от Иванович.
Таусень! На добру коню поезживал,
Таусень! Красных девушек высматривал.
Таусень! Ты открой-ка окошечка,
Таусень! Покажи своё белую лицо,
Таусень! Твоё белыя, румяныя.
Таусень! Ежли ты мне полюбисся —
Таусень! Я тея за сея возьму,
Таусень! Ежли ты мне не полюбисся —
Таусень! Я товарищу выхвалю.
Таусень! Мы роскинем три невыда,
Таусень! Нам попали три окуня:
Таусень! Как и первый-то во сто рублей,
Таусень! А второй-то во тысщу его,
Таусень! А и третий и сметы нет!
Таусень!

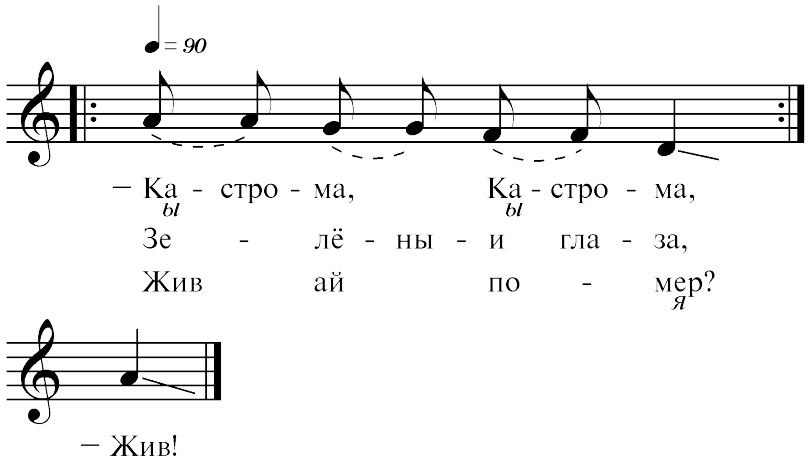
25.

Тауси, Ни лётай-ка ты, соколик васоко,
Тауси, Не приматывай кручинушки,
Тауси, Ко моей буйнай головушки.
Тауси, Ешшо лучше соколика-сакола,
Тауси, Как Ивана-та Григорьича.
Тауси, На добрым коне розъезживылса,
Тауси, Шелковой плеткай розмахывалса.
Тауси, Он из тысечу на тысечу ступал,
Тауси, Пятисотами вороты запирал,
Тауси, Красных девушак на улицу позвал!
Тауси!

26.



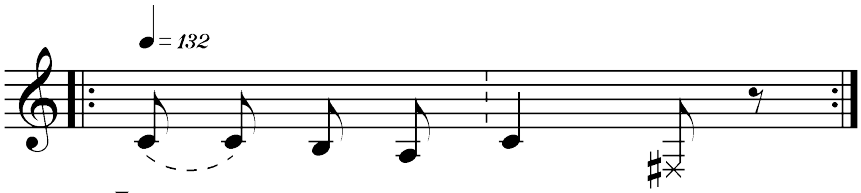
Жавранка, жавранка, жить иль умереть,
Или на небо лететь?
Нам зима-то надоела,
Много хлеба пиряела.

27.

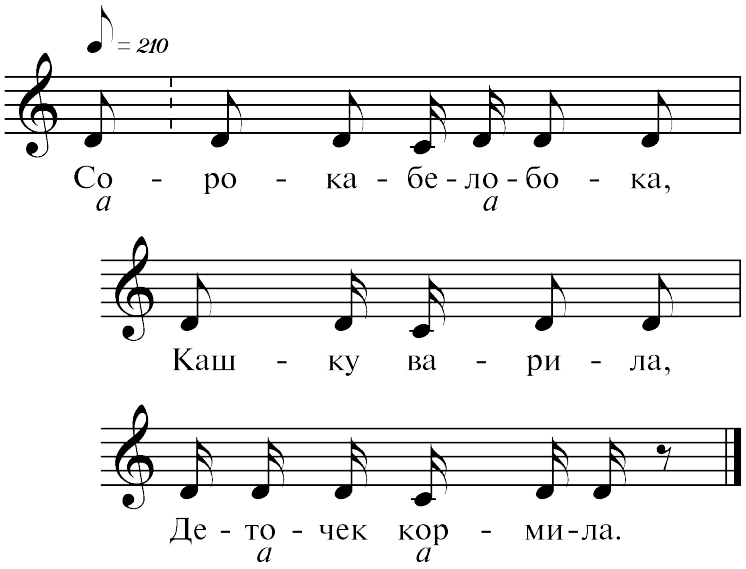


— Кастрома, Кастрома,
Зелёныи глаза,
Жив ай помяр?
— Жив!

ДЕТСКАЯ МУЗЫКА

28.

Дождик, дождик, пуще,
Нальём тебе гущи.
Дам тебе ложку,
Хлёбай понемножку!

29.

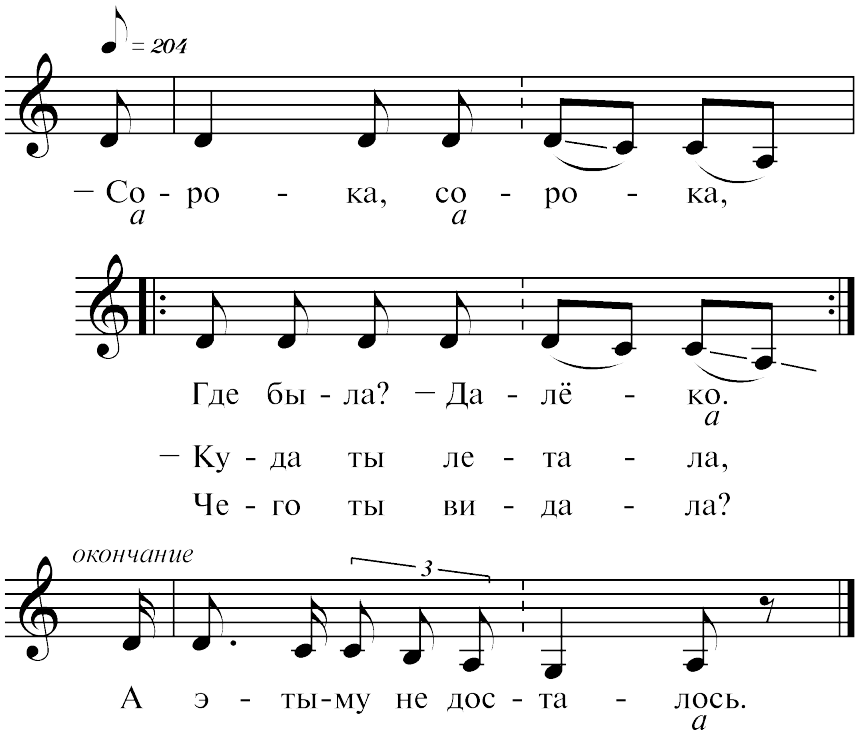


Сорока-белобока,
Кашку варила,
Деточек кормила.

Скороговоркой, ускоряя темп:

Этому дала,
Этому дала,
Этому дала,
А этому не дала!

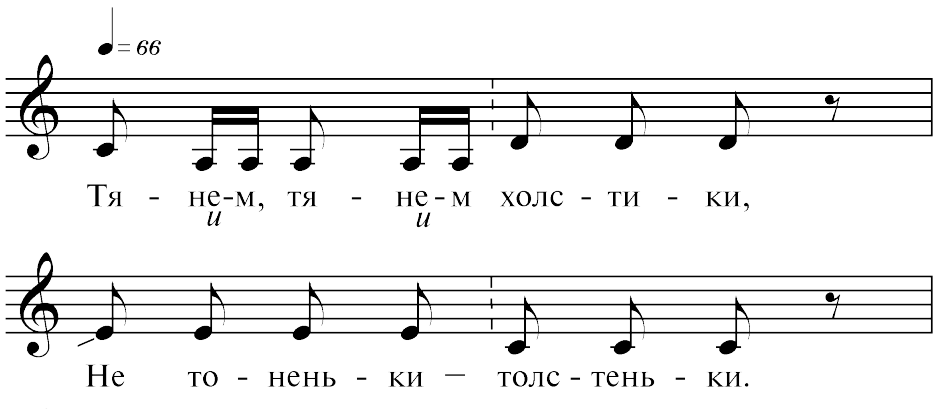
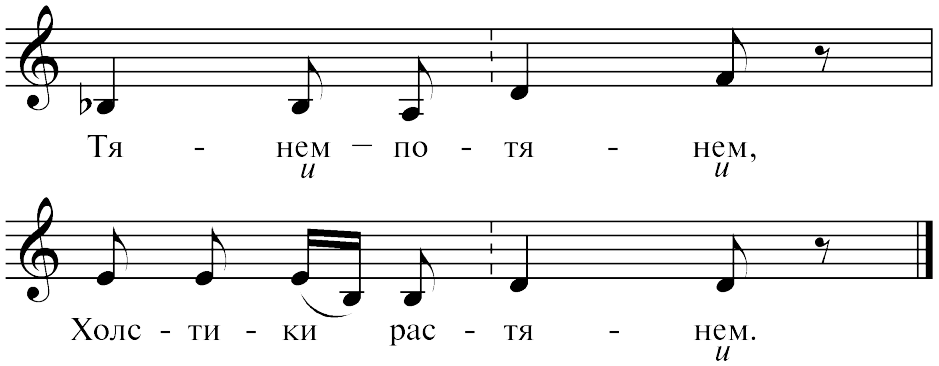
30.



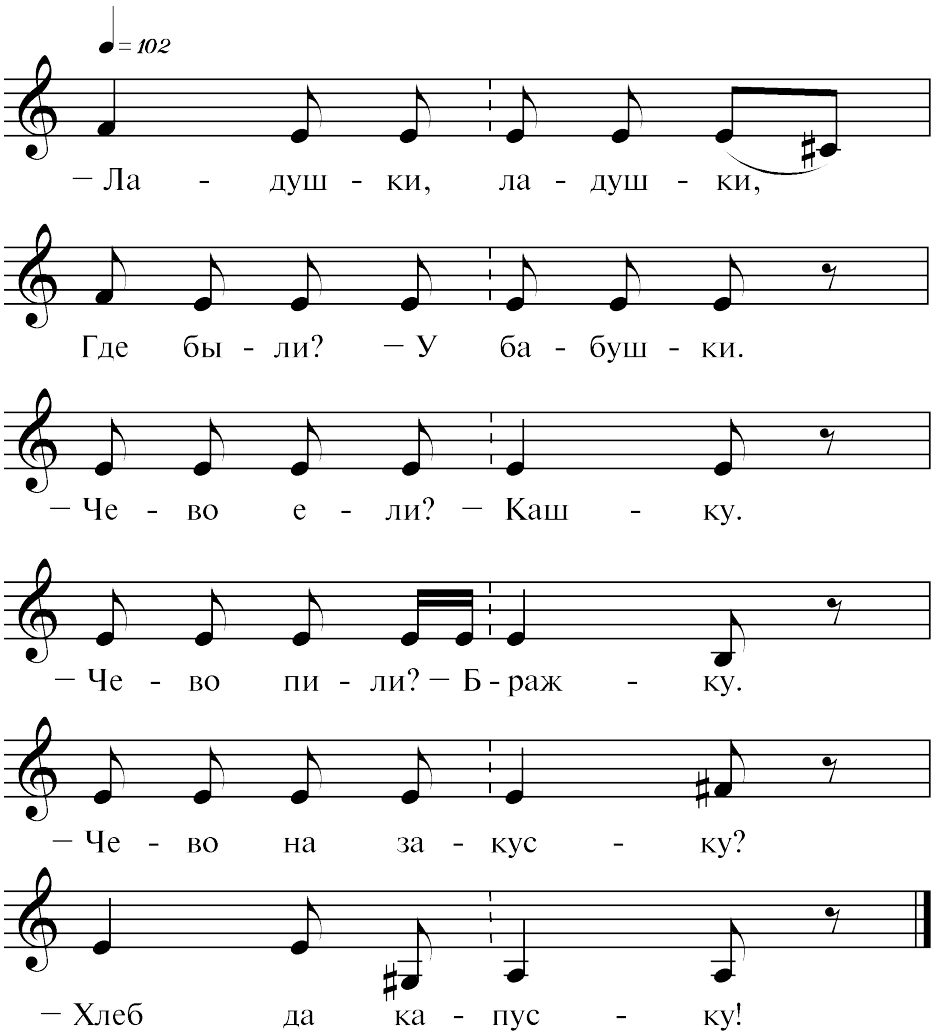
— Сорока, сорока,
Где была? — Далёка.
— Куда ты летала,
Чего ты видала?

Без напева:

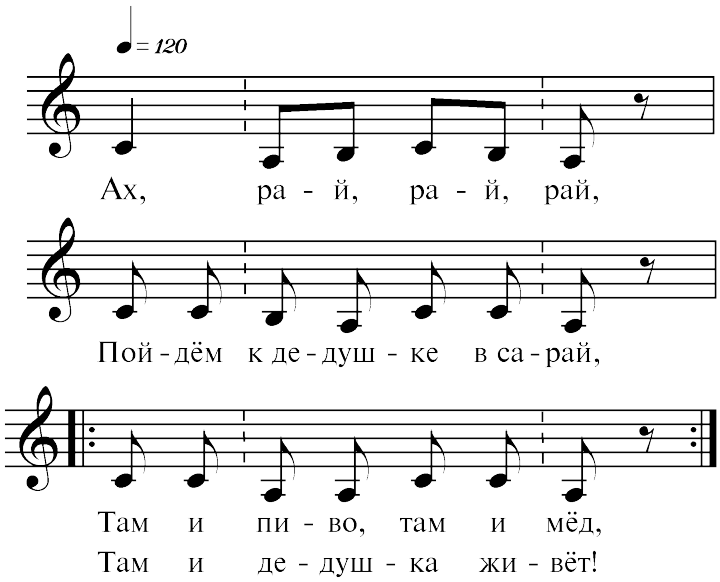
Я кашку варила,
Деток кормила,
Этому — кашки,
Этому — бражки,
Этому — виньца,
Этому — пивца.
А этыму — не досталось!

31.



Тянем, тянем холстики,
Не тоненьки — толстеньки.
Тянем-потянем,
Холстики растянем.

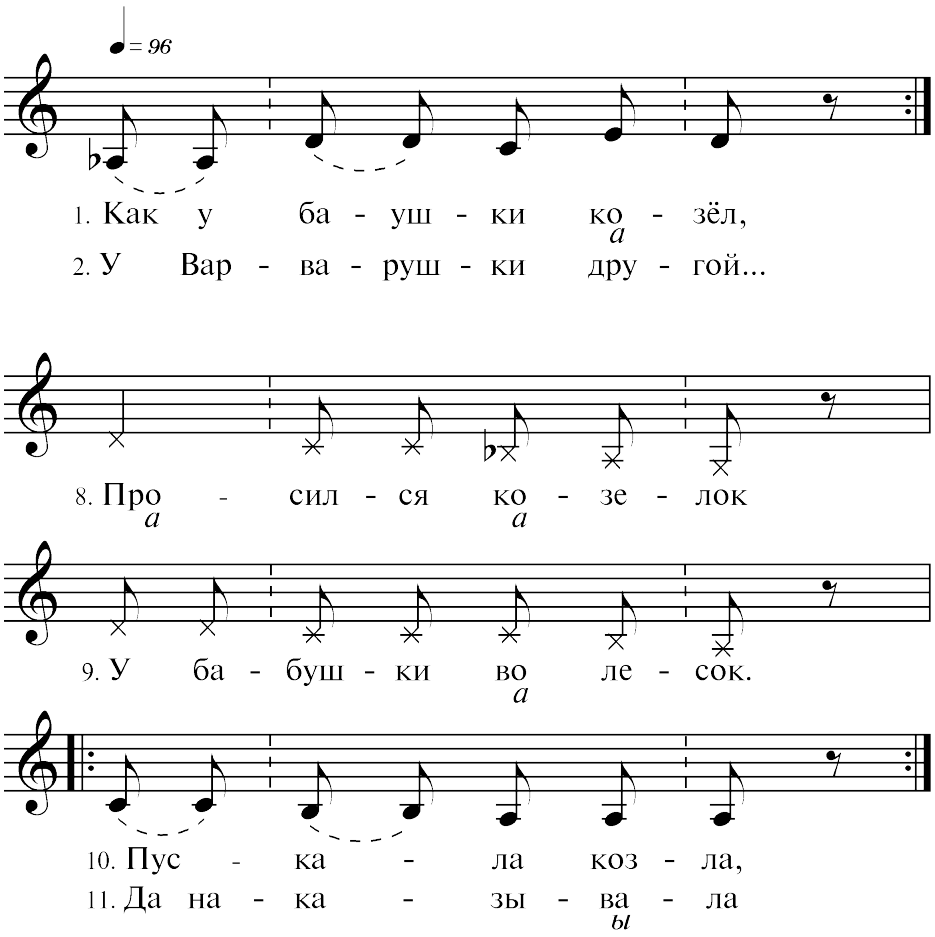
32.

— Ладушки, ладушки,
— Где были? — У бабушки.
— Чево ели? — Кашку.
— Чево пили? — Бражку.
— Чево на закуску?
— Хлеб да капуску!

33.



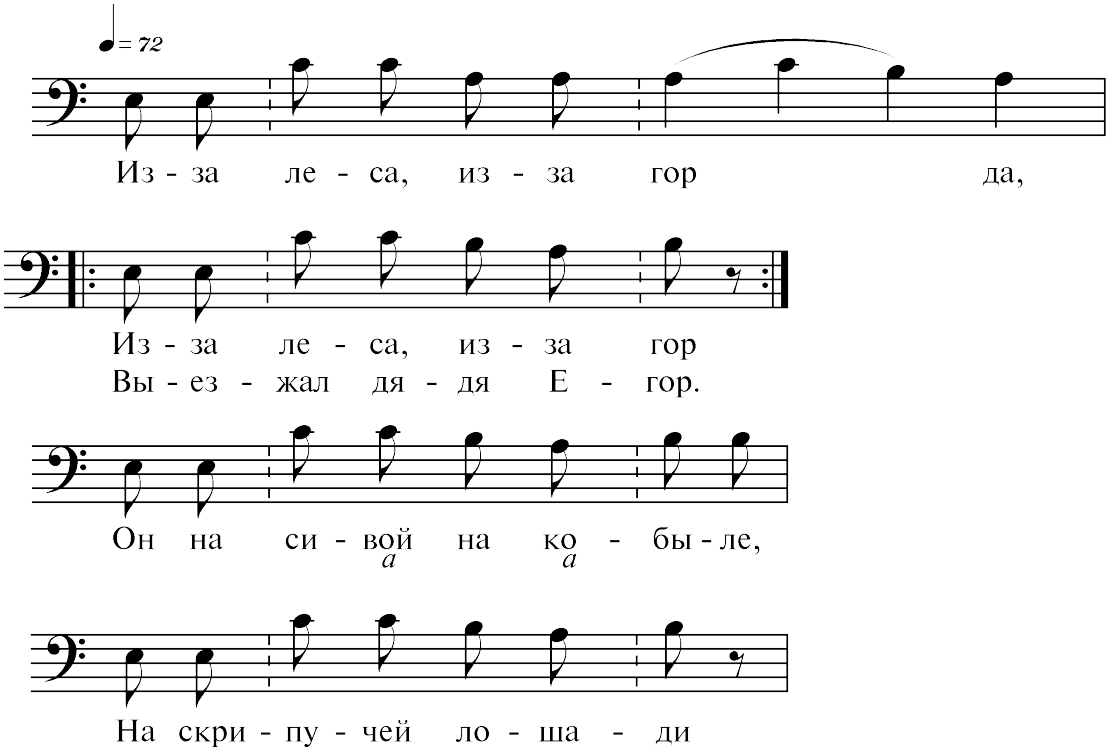
Ах, рай, рай, рай,
Пойдём к дедушке в сарай,
Там и пиво, там и мёд,
Там и дедушка живёт!
Первый раз прощается,
Второй раз прощается...

34.



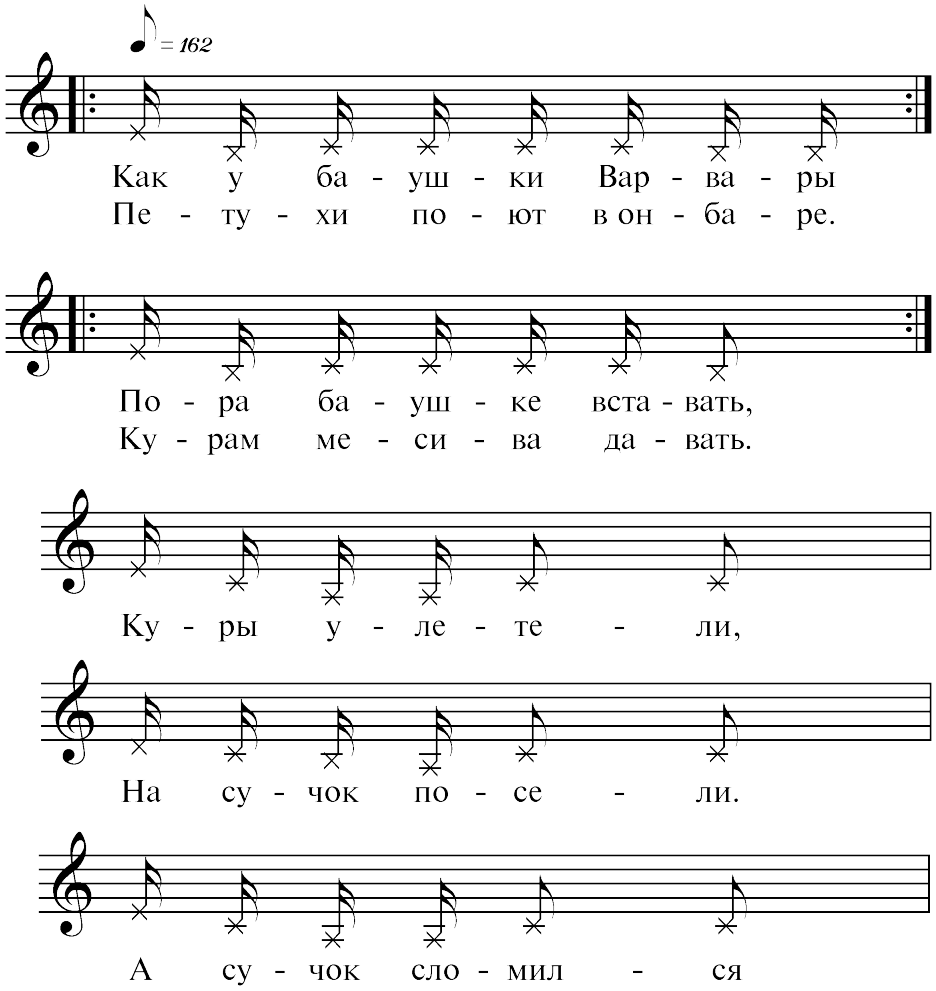
Как у баушки козёл,
У Варварушки другой,
Пад печкой живал,
Стару бабушку ругал.
Он за што её ругал:
И сварит — не угодит,
Испечёт — подожжёт.
Просился козелок
У бабушки во лесок.
Пускала козла,
Да наказывала:
«Ты иди, козелок,
На единенький часок».

35.



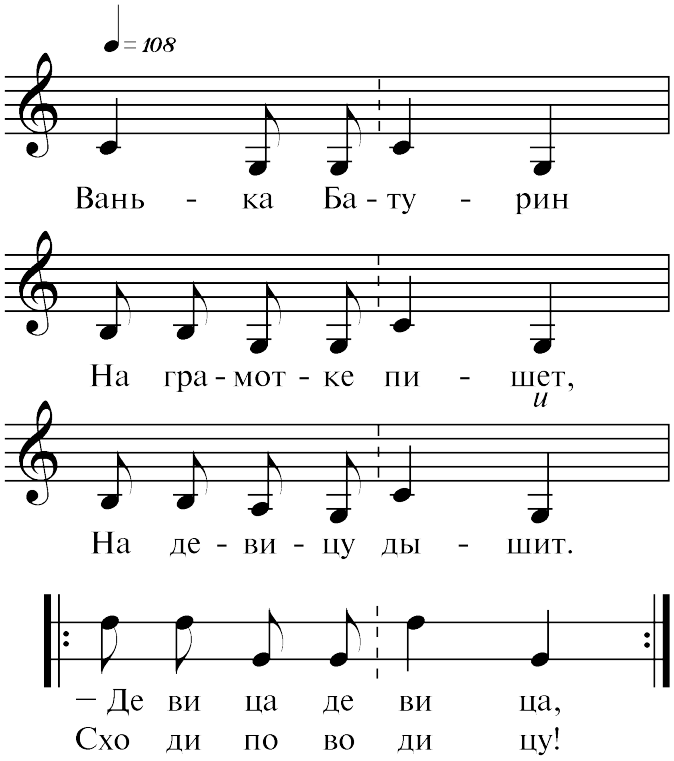
Из-за леса, из-за гор да,
Из-за леса, из-за гор
Выезжал дядя Егор.
Он на сивой на кобыле,
На скрипучей лошади,
Топоришком подпоясан,
Глаза за пояс заткнул.
Посидел бы нынче дома,
Посмотрел бы на котят:
Уезжал — были слепые,
А теперь, поди, глядят.

36.



Как у баушки Варвары
Петухи поют в онбаре.
Пора баушке вставать,
Курам месива давать.
Куры улетели,
На сучок посели.
А сучок сломился,
Другой уродился.
Две девки-татарки
Сломили по палке,
Ударились в доску,
Поехали в Мóскву,
Купили барана,
У барана жопа рвана,
У телицы — рукавицы!

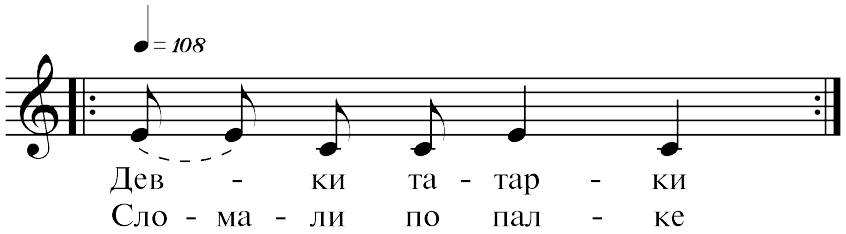
37.



Ванька Батурин
На грамотке пишет,
На девицу дышит.
— Девица-девица,
Сходи по водицу!
— Я боюсь грозицы!
Гроза на болоте,
Волки на работе,
Пеньи копает,
Колоду ломает,
Колоды червивы,
Их галки выклевали.
— А где галки?
— На войну ушли,
— А где война?
— Посреди говна*.

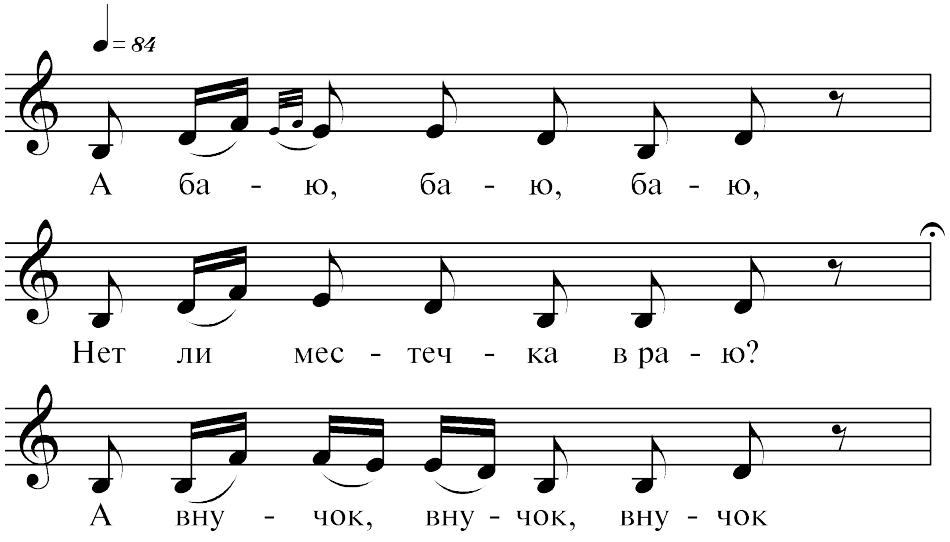
---

* Исполнив, добавляет: *«вот нельзя говорить так...»*.

38.

Девки татарки
Сломали по палке,
Стукнули в доску,
Поехали в Мóскву.
А в Москве-ти калачи,
Они больно горячи,
Приехал мальчишка,
Убожёг пальчишко,
Он поехал на базар,
Всёму миру рассказал:
«Я не тятькин сын,
Я не мамкин сын,
Я на ёлочке рос,
Меня ветер снёс.
Я упал на пенёк,
Стал кудрявый паренёк.
Стал по девушкам ходить,
Золоты кольцы дарить.
Одна девушка добра,
Шаль пухлёву продала.
Шаль пухлёва со цветами,
Пришла девка со слезами».

— *Ну и вся!*

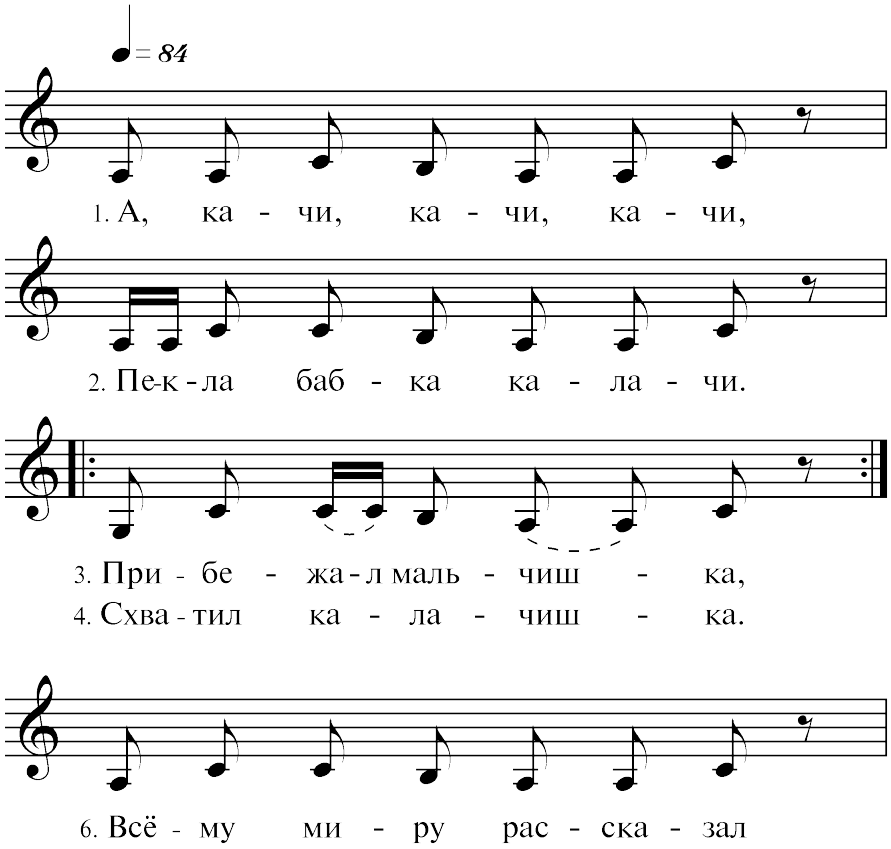
39.



А баю, баю, баю,
Нет ли местечка в раю?
А внучок-внучок,
Не ходи в дальний лесок!

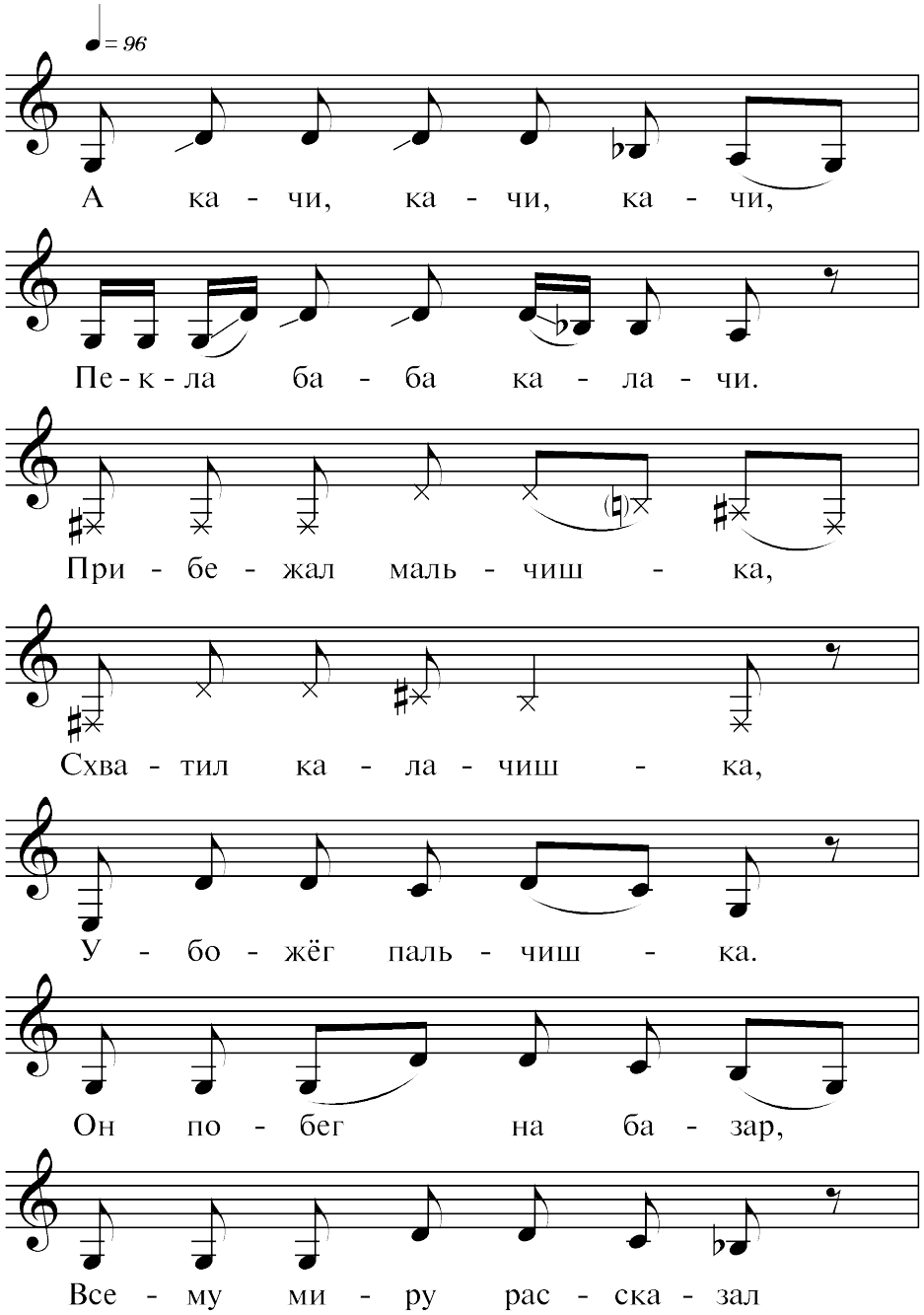
— *Забыла уж!..*

40.



Ах, качи, качи, качи,
Пекла бабка калачи.
Прибежал мальчишка,
Схватил калачишка.
Побежал он на базар,
Всёму миру рассказал:
«Я не тятенькин сынок,
Я не мамынькин сынок,
Я на яблоньке рос,
Прихватил меня мороз.
Я упал на пенёк,
Стал кудрявай паренёк.
Стал по девычкам ходить,
Калачами их кормить».

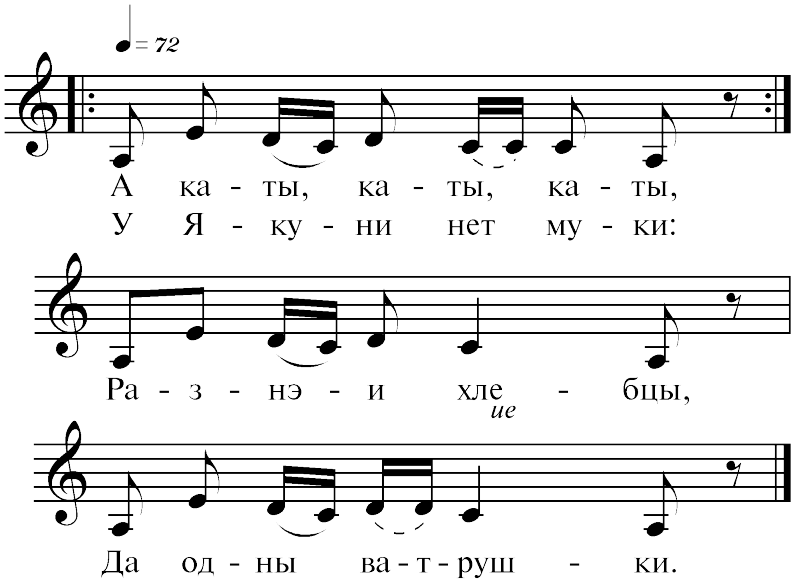
41.



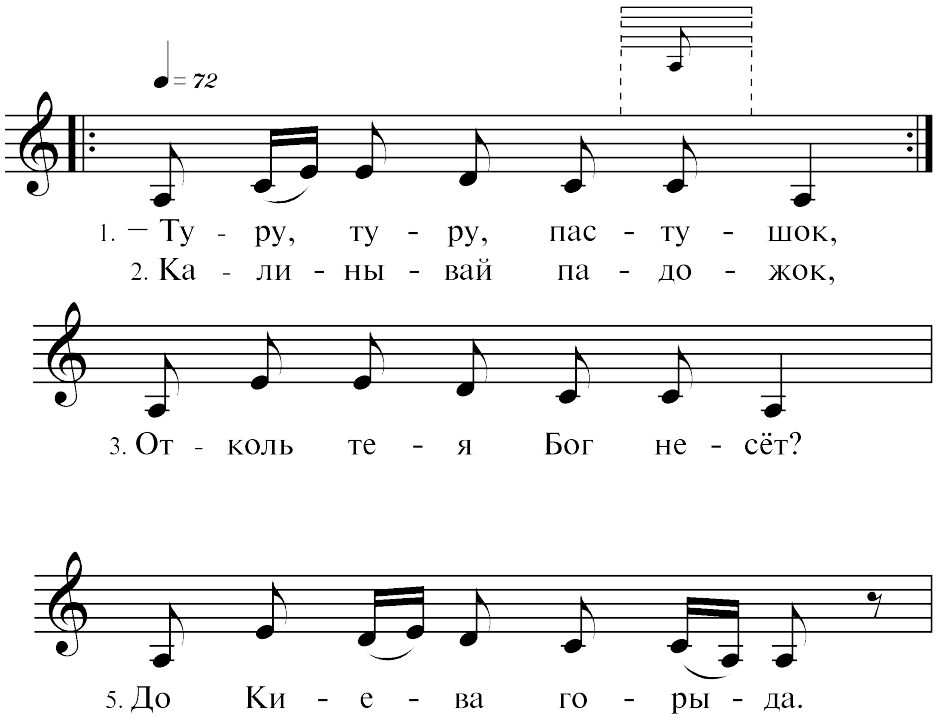
А качи, качи, качи,
Пекла баба калачи.
Прибежал мальчишка,
Схватил калачишка,
Убожёг пальчишка.
Он побег на базар,
Всему миру рассказал:
«Я не папонькин сын,
И не маменькин сын,
Я на яблоньки рос,
[Меня ветер снёс].
Я упал на пенёк,
Стал кудрявый паренёк.

Стал по девушкам ходить,
Залоты кольца носить.
Одна девушка добра —
Шаль пухову отдала.
Шаль пухова со цветами,
Пошла к маме со слезами!»
Всё! *(смех)*

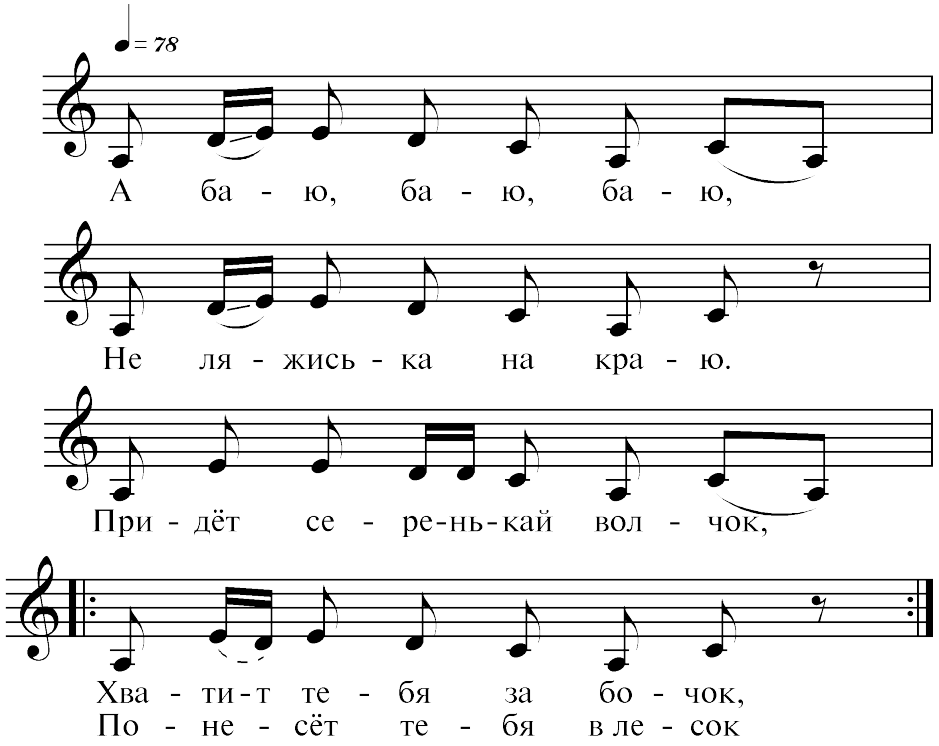
42.



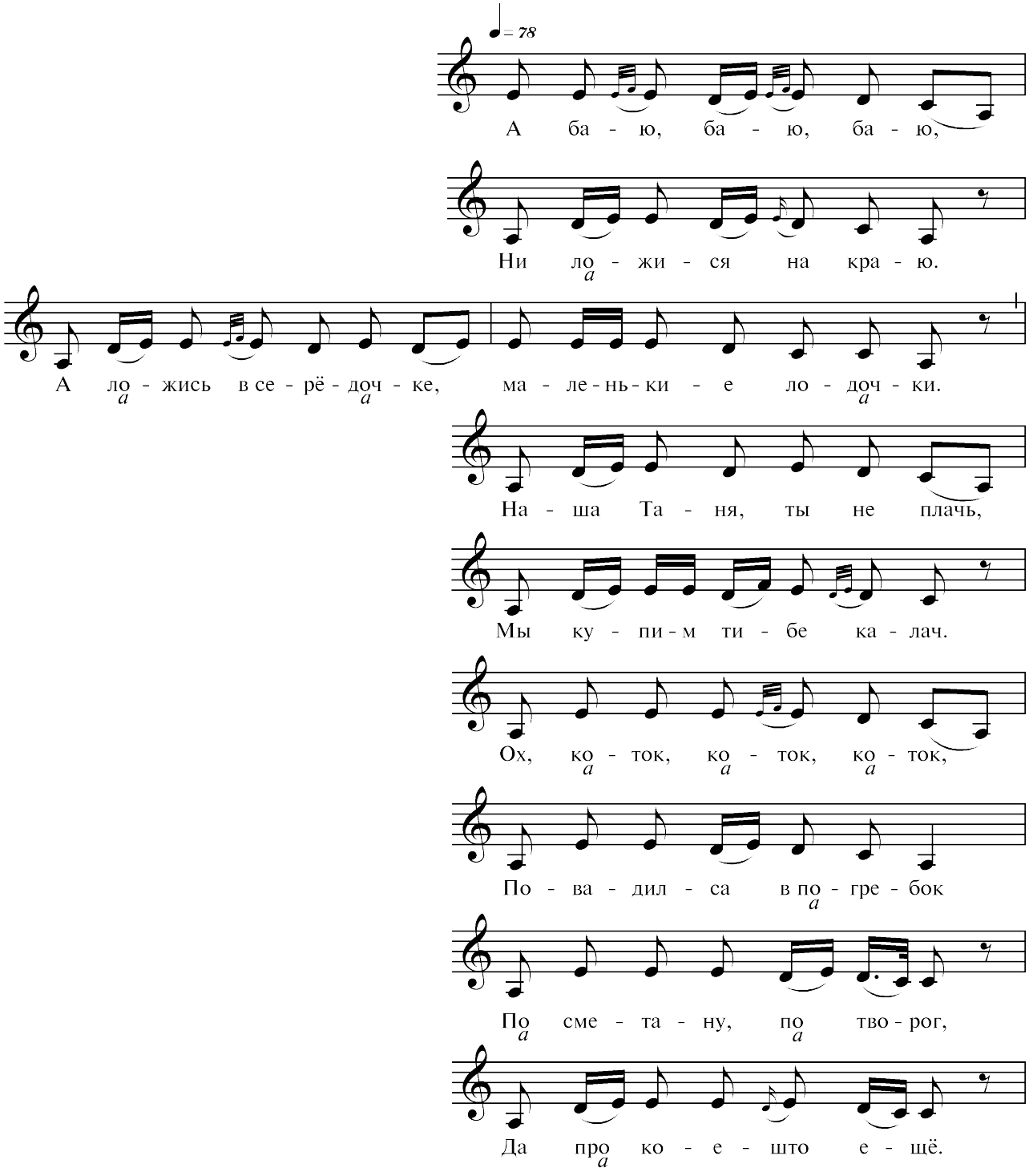
А каты, каты, каты,
У Якуни нет муки:
Разнэи хлебцы,
Да одны ватрушки.

43.

— Туру, туру, пастушок,
Калинывай падожок,
Отколь тея Бог несёт?
— От мыря до моря,
До Киева горыда.
— Где твоя родина?
— На родине дуб стоит,
На дубу сова сидит,
Сова-та мне — тёшша.
Васька Батурин
Глазки затулил,
На грамытку пишет,
На девицу дышит:
— Девица-девица,
Сходи па водицы!
— Я боюсь грозицы!
Гроза на болоти,
Волк на работи,
Клиньи ломаит,
В колоды вставляит.
Ударили в доску,
Поехали в Мóскву,
Купили коровку.
Коровка-та с кошку,
Надоила ложку.

44.

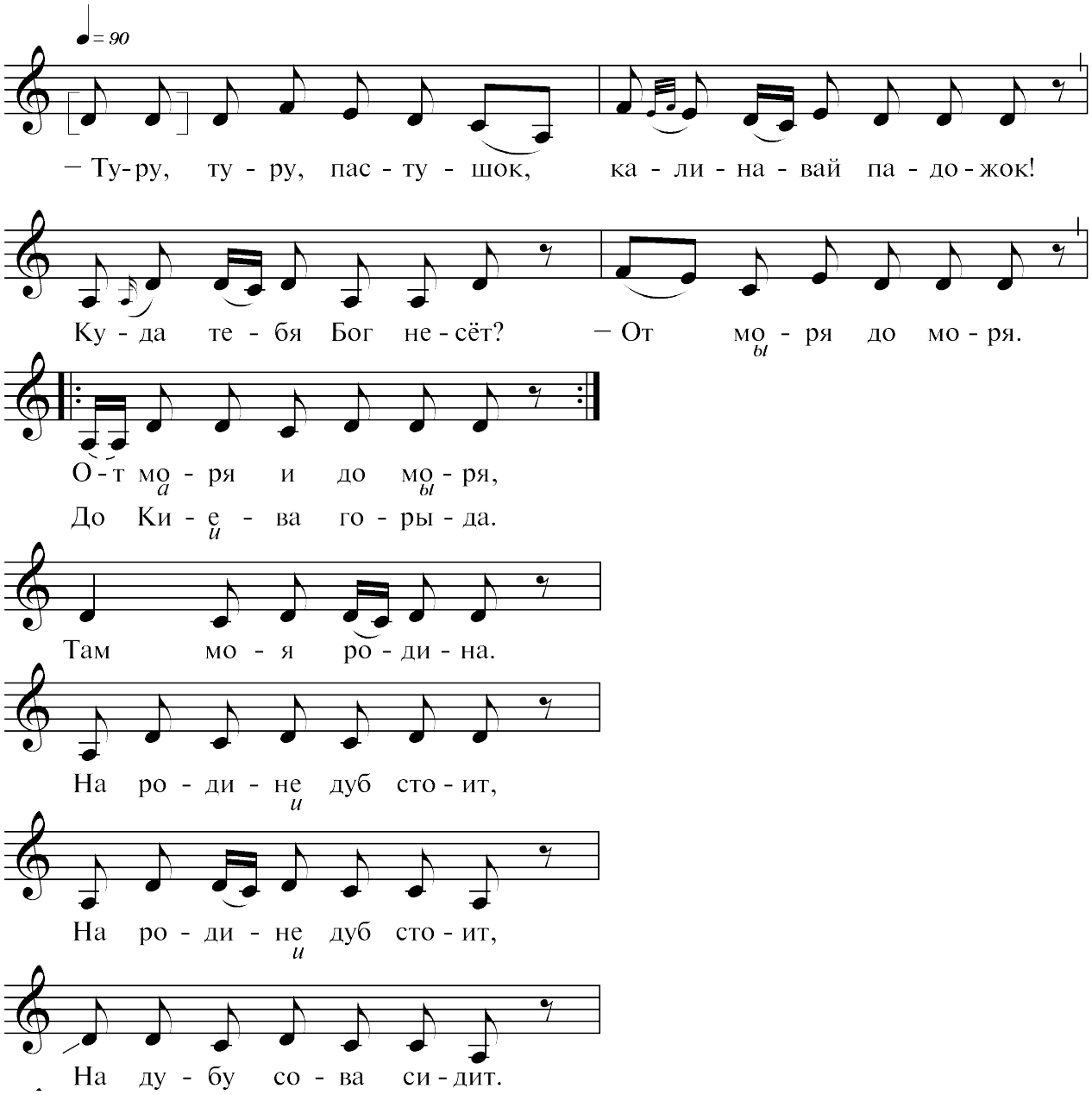
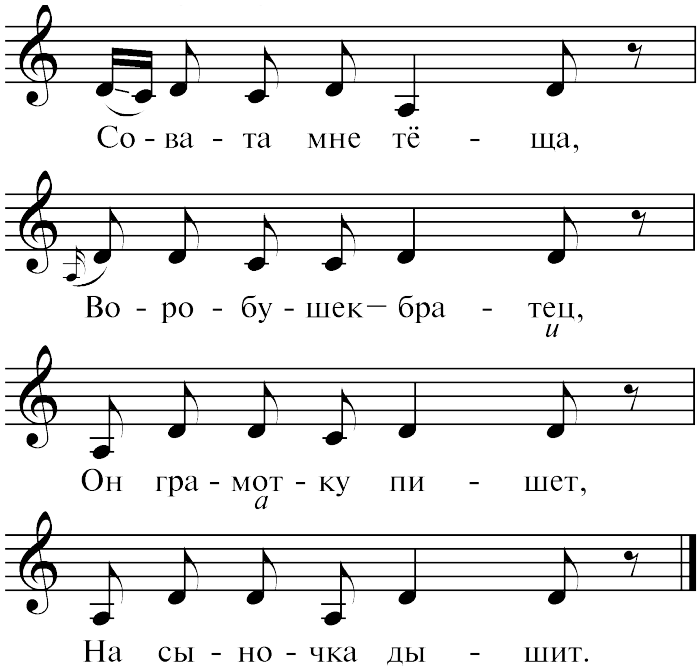


А баю, баю, баю,
Не ляжись-ка на краю.
Придёт серенькай волчок,
Хватит тебя за бочок,
Понесёт тебя в лесок
Под ракитывай кусток,
За дуб, за берёзыньку,
За горьку осинушку.

45.

А баю, баю, баю,
Ни ложися на краю.
А ложись в серёдочке, маленькие лодочки.
Наша Таня, ты не плачь,
Мы купим тибе калач.

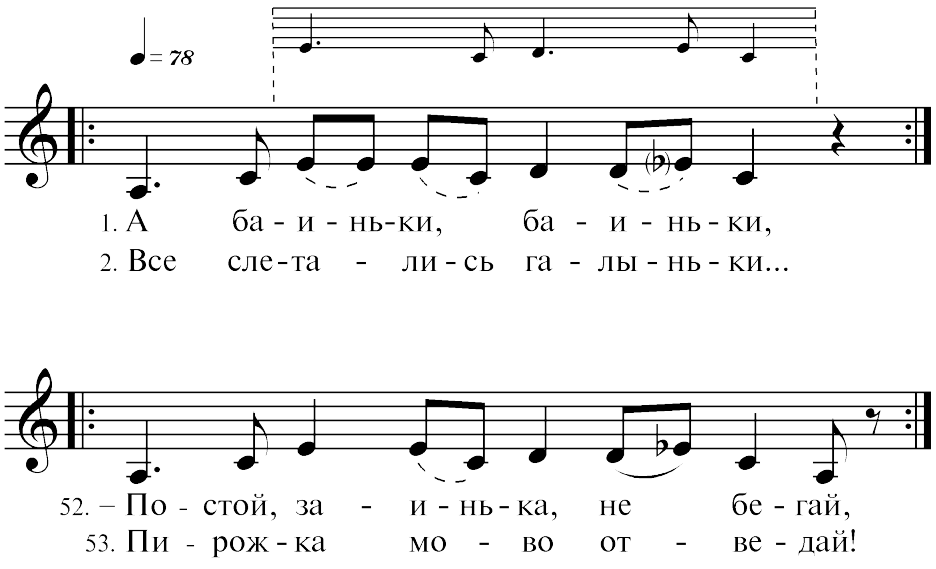
Ох, коток, коток, коток,
Повадилса в погребок
По сметану, по творог,
Да про кое-што ещё.

Наша Танечка, не плачь,
Мы купим тебе калач.
Наденем мы валенки,
Ходи по заваленки.

46.



— Туру, туру, пастушок, калинавай падожок!
Куда тебя Бог несёт? — От моря до моря.
От моря и до моря,
До Киева горыда.
Там моя родина.
На родине дуб стоит,
На родине дуб стоит,
На дубу сова сидит.
Сова-та мне — тёща,
Воробушек — братец,
Он грамотку пишет,
На сыночка дышит.

47.



А баиньки, баиньки,
Все слетались галыньки,
Оне стали варковать:
— Чем нам Машу напитать?
— Малочком да кашкою,
Напоим и бражкою.
Бражка мидовая
В пече начевала.
А в пече-та калачи
Как огонь гарячи.
Приехал мальчишка,
Убожёг пальчишка.
Он поехал на базар,
Всёму миру рассказал:
— Я не мамкин сын,
И не тятькин сын,
Я на яблонки рос,
Миня ветир снес.
Я упал на пенёк,
Стал кудрявай паренёк.
Стал по девушкам ходить,
Залоты кольца носить.

А баю, баю, баю,
Не ложиса на краю.
Придёт серенькай волчок,
Схватит Машу за бочок.

А баиньки, баиньки,
Все слеталис галыньки,
Оне стали варковать:
— Куда Машу нам девать?
Завернём в огибочку
И положем в зыбочку.

— Туру, туру, пастушок,
Калинывай падожок,
Откудыва гонисса?
— От моря да до маря.
— А где твоя родина?
— На дубу сова сидит,
Сова-то мне тёща,
Калиныва роща.
Детей народила,
Под кочку зарыла.

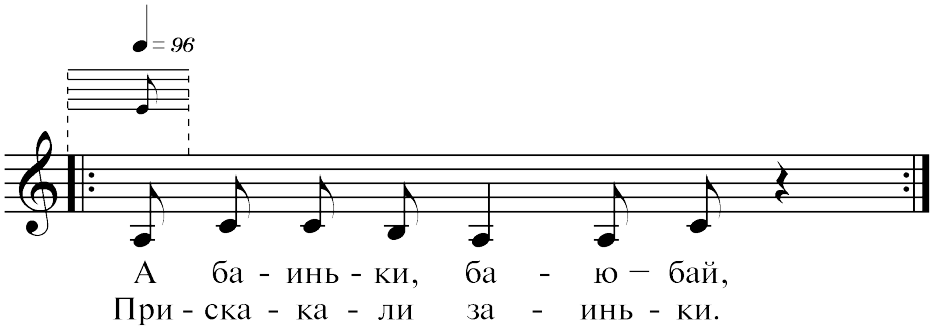
А коток, коток, коток,
Повадилса в пагребок
Па сметанку, па творог.

Котик, серенькай лобок,
Уйди, киска, уйди, брысь.
На дорожку ни садис[ь],
Наша Маша пойдёт,
Чирез киску упадёт.

— Постой, заинька, не бегай,
Пирожка мово отведай!
— Больна некагда стоять,
Далеко больна бежать:
К воронку на свадьбу,
К лисе на поминки.

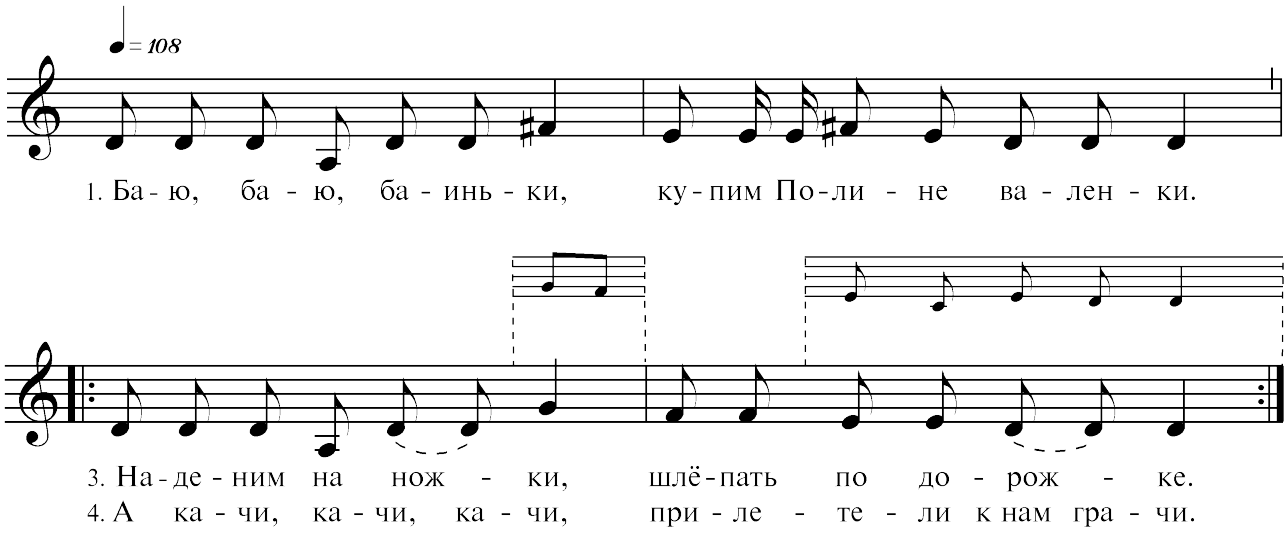
Ходит, бродит па лужку
Рыжая корова.
Даст она нам к вичерку
Малочка парнова
Саши, Маши и Галинки,
Всем нальём по целай кринки.
Всем достанется
И коту останется.

48.

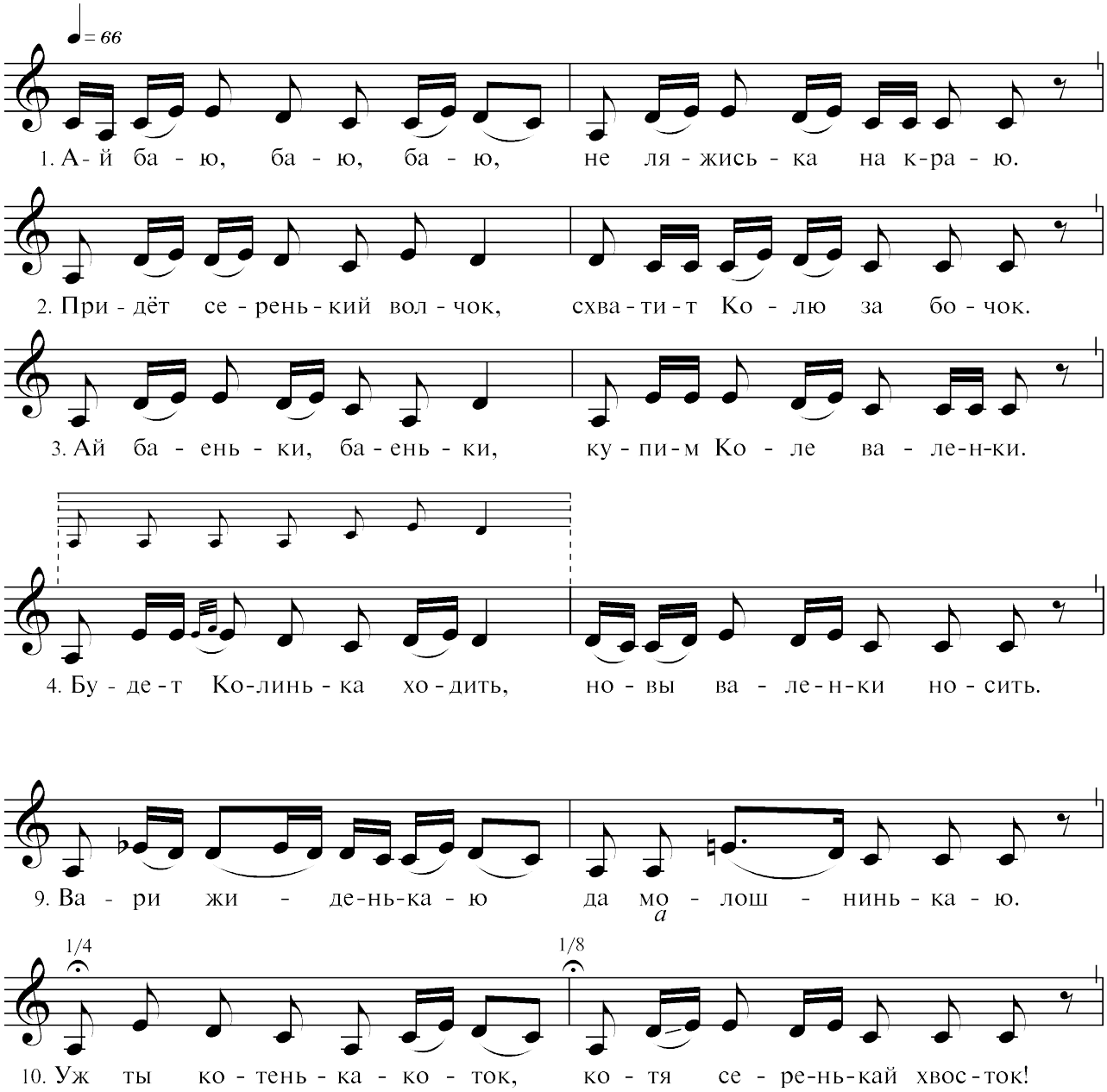


А баиньки, баю-бай,
Прискакали заиньки.
Ой баю, баю, баю,
Не ложись-ка на краю,
А то с краю упадёшь
И головку зашибёшь!

49.

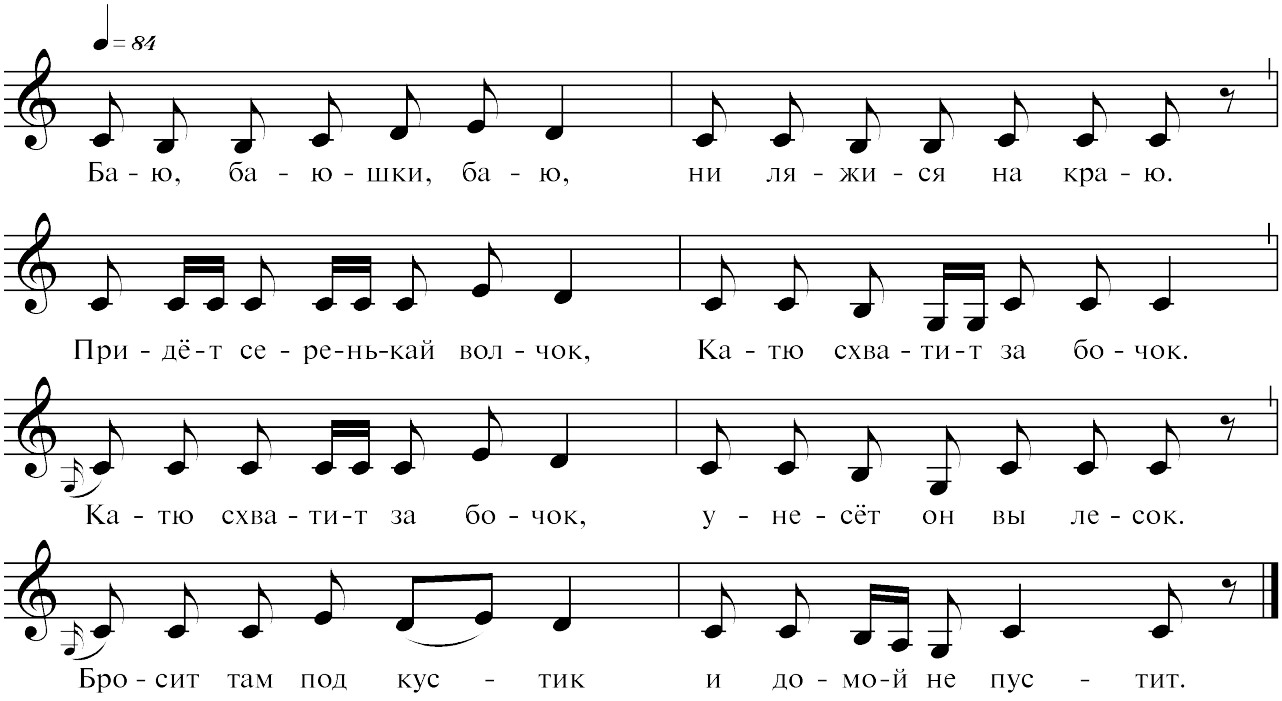


Баю, баю, баиньки, купим Полине валенки.
Небольшие, маленьки, бегать пы завалинке.
Наденим на ножки, шлёпать по дорожке.
А качи, качи, качи, прилетели к нам грачи.
Оне стали ворковать: «Куда Колю нам девать?»
Мы положим на кровать, будем уговаривать:
«Бугородица с тобой, ангел, глазки закрой!»

50.

Ай баю, баю, баю, не ляжись-ка на краю.
Придёт серенький волчок, схватит Колю за бочок.
Ай баеньки, баеньки, купим Коле валенки.
Будет Колинька ходить, новы валенки носить.
Придёт дедушка Дадай, скажет: «Валеньку давай!»
А мы Валю не дадим, она нада нам самим.
Она полик подметёт и водички принесёт.

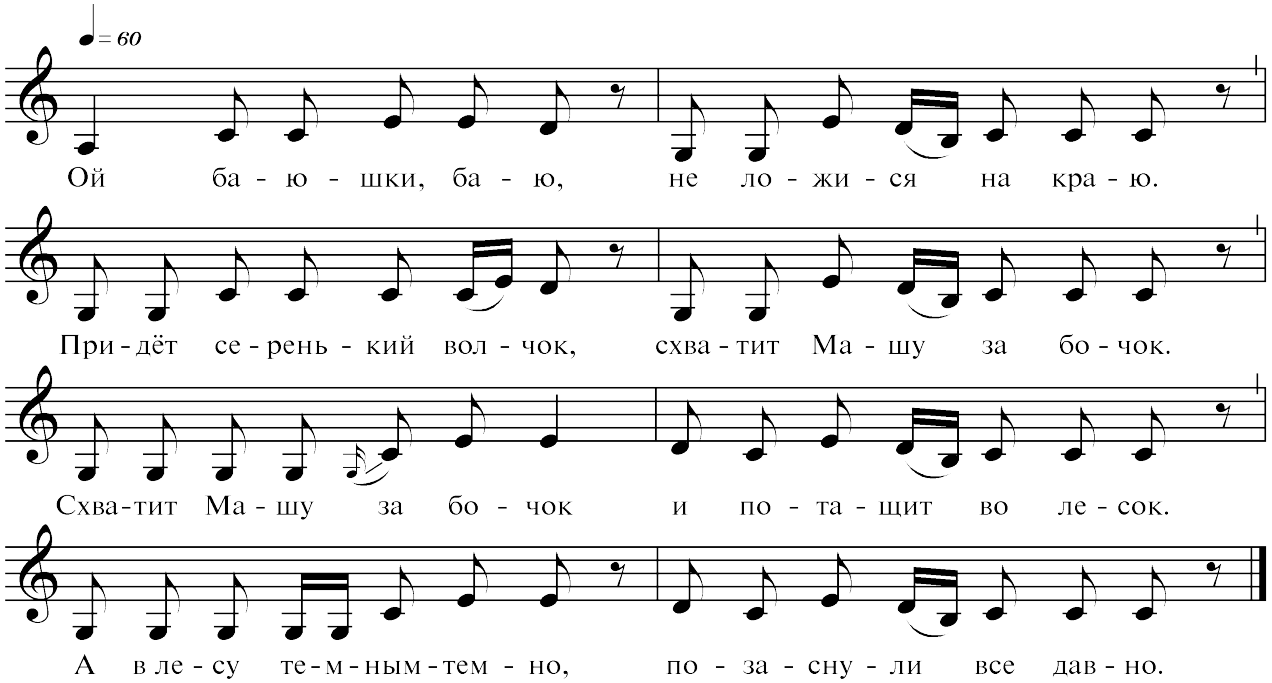
Ай туту, туту, туту, не вари кашу круту,
Вари жиденькаю да малошнинькаю.
Уж ты котенька-коток, котя серенькай хвосток!
Дам тебе я малочка и кусочик пирожка.

51.

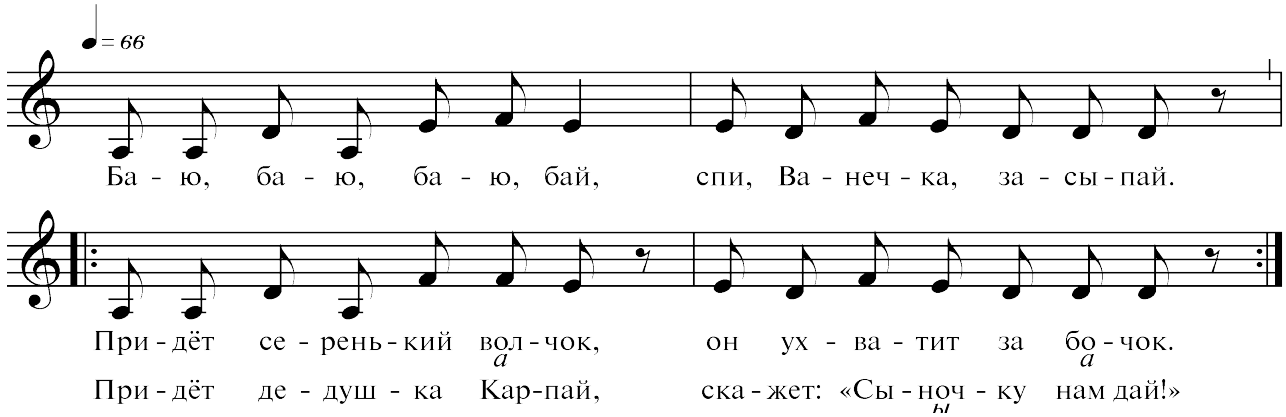


Баю, баюшки, баю, ни ляжися на краю.
Придёт серенькай волчок, Катю схватит за бочок.
Катю схватит за бочок, унесёт он вы лесок.
Бросит там под кустик и домой не пустит.

52.

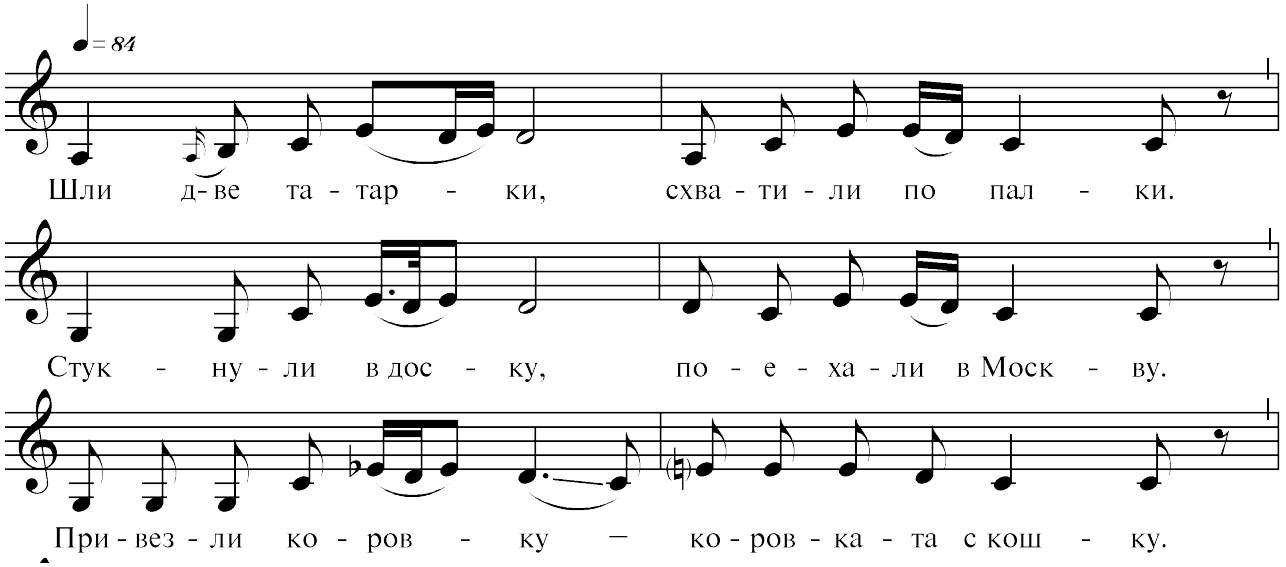
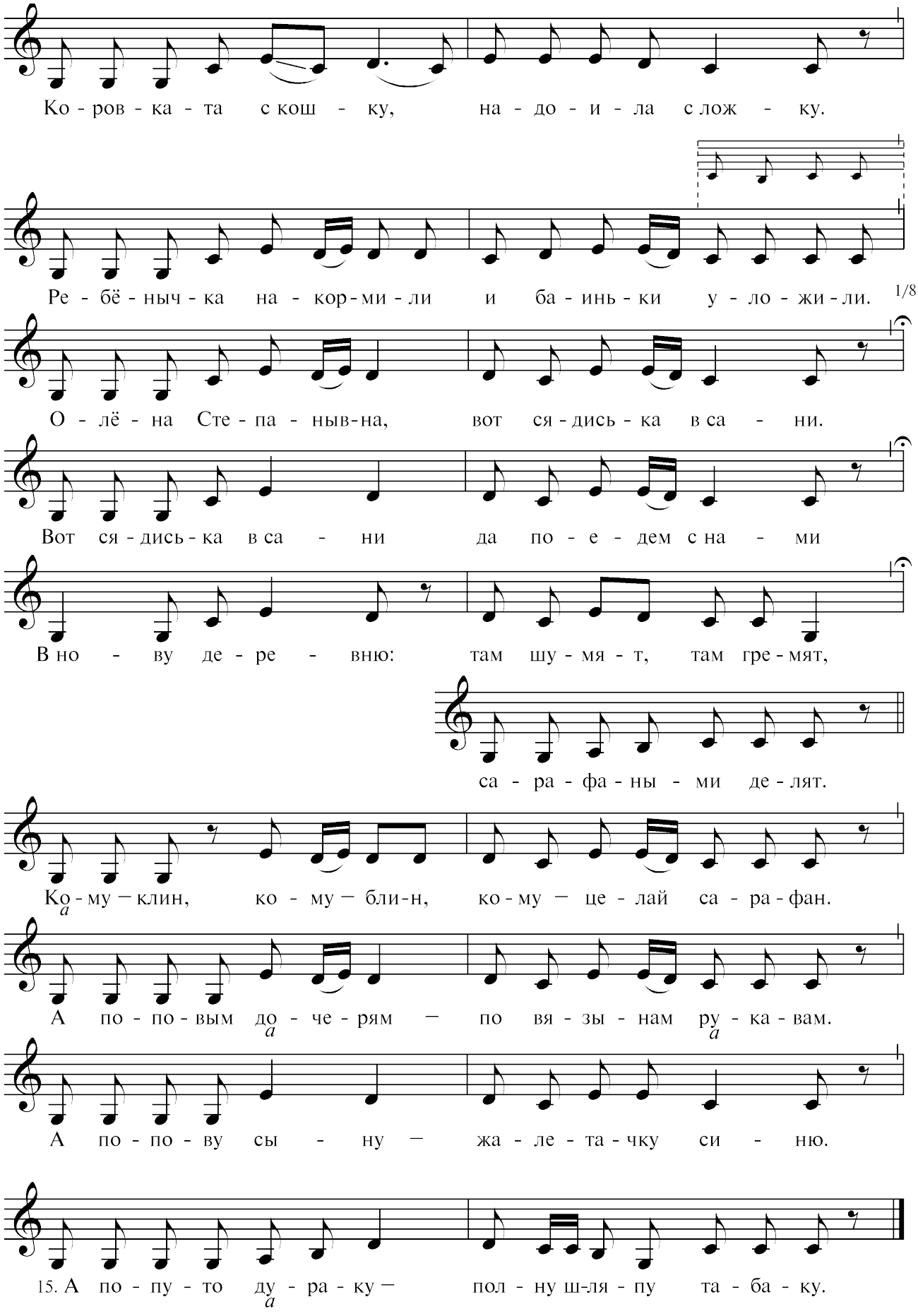


Ой баюшки, баю, не ложися на краю.
Придёт серенький волчок, схватит Машу за бочок.
Схватит Машу за бочок и потащит во лесок.
А в лесу темным-темно, позаснули все давно.

53.

Баю, баю, баю, бай, спи, Ванечка, засыпай.
Придёт серенький валчок, он ухватит за бачок.
Придёт дедушка Карпай, скажет: «Сынычку нам дай!»
Нет, мы сынку не дадим, Ваня нада нам самим.
А баиньки, баиньки, куплю сыну валенки,
Надену на ножки, пущу по дорожке.
Будет сынычка ходить, будет валенки носить.
Ой, ты котик, ты каток, каток-серенький лобок.
Приди, киса, начевать, приди детычку качать.
Будем Ваню мы качать, будет Ваня сладко спать.
А баиньки, баю, бай, спи, сынычка, засыпай,
Спи, сынычка, засыпай, сваи глазки закрывай.
А баиньки-баиньки, прилетели галыньки,
Галыньки, сароки белы, белобоки.
Сели на падцепычку, качать мою детычку.
Падцепычка скрип-скрип, а сынычка спи, спи.

54.

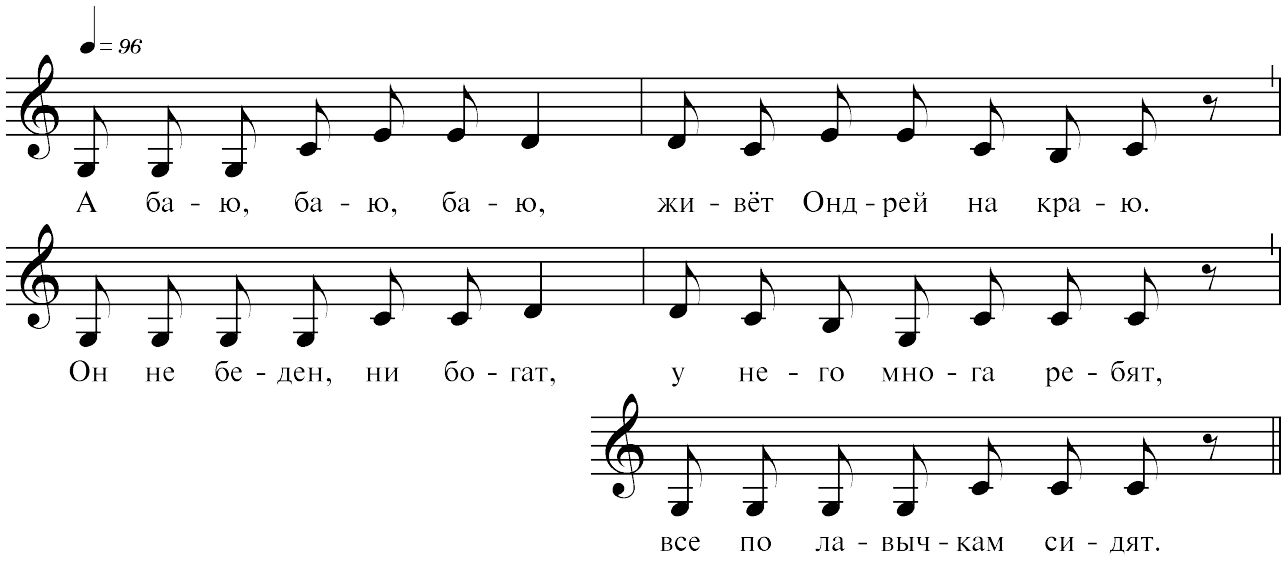
а)



Ко - ров - ка - та с кош - ку, на - до - и - ла с лож - ку.
Ре - бё - ныч - ка на - кор - ми - ли и ба - инь - ки у - ло - жи - ли.
1/8
О - лё - на Сте - па - ныв - на, вот ся - дись - ка в са - ни.
Вот ся - дись - ка в са - ни да по - е - дем с на - ми
В но - ву де - ре - вню: там шу - мя - т, там гре - мят,
са - ра - фа - ны - ми де - лят.
Ко - му — клин, ко - му — бли - н, ко - му — це - лай са - ра - фан.
А по - по - вым до - че - рям — по вя - зы - нам ру - ка - вам.
А по - по - ву сы - ну — жа - ле - та - чку си - ню.
15. А по - пу - то ду - ра - ку — пол - ну ш - ля - пу та - ба - ку.

Шли две татарки, схватили по палки.
Стукнули в доску, поехали в Мóскву.
Привезли коровку — коровка-та с кошку.
Коровка-та с кошку, надоила с ложку.
Ребёнычка накормили и баиньки уложили.
Олёна Степанывна, вот сядись-ка в сани.
Вот сядись-ка в сани да поедем с нами
В нову деревню: там шумят, там гремят,
сарафаными делят.
Кому — клин, кому — блин, кому — целай сарафан.
А поповым дочерям — по вязынам рукавам.
А попову сыну — жалетачку синю.
Симеёну бедному — кибакерку меднаю.
Дьякону богатаму — корову рогатаю.
А попу-то дураку — полну шляпу табаку.

б)

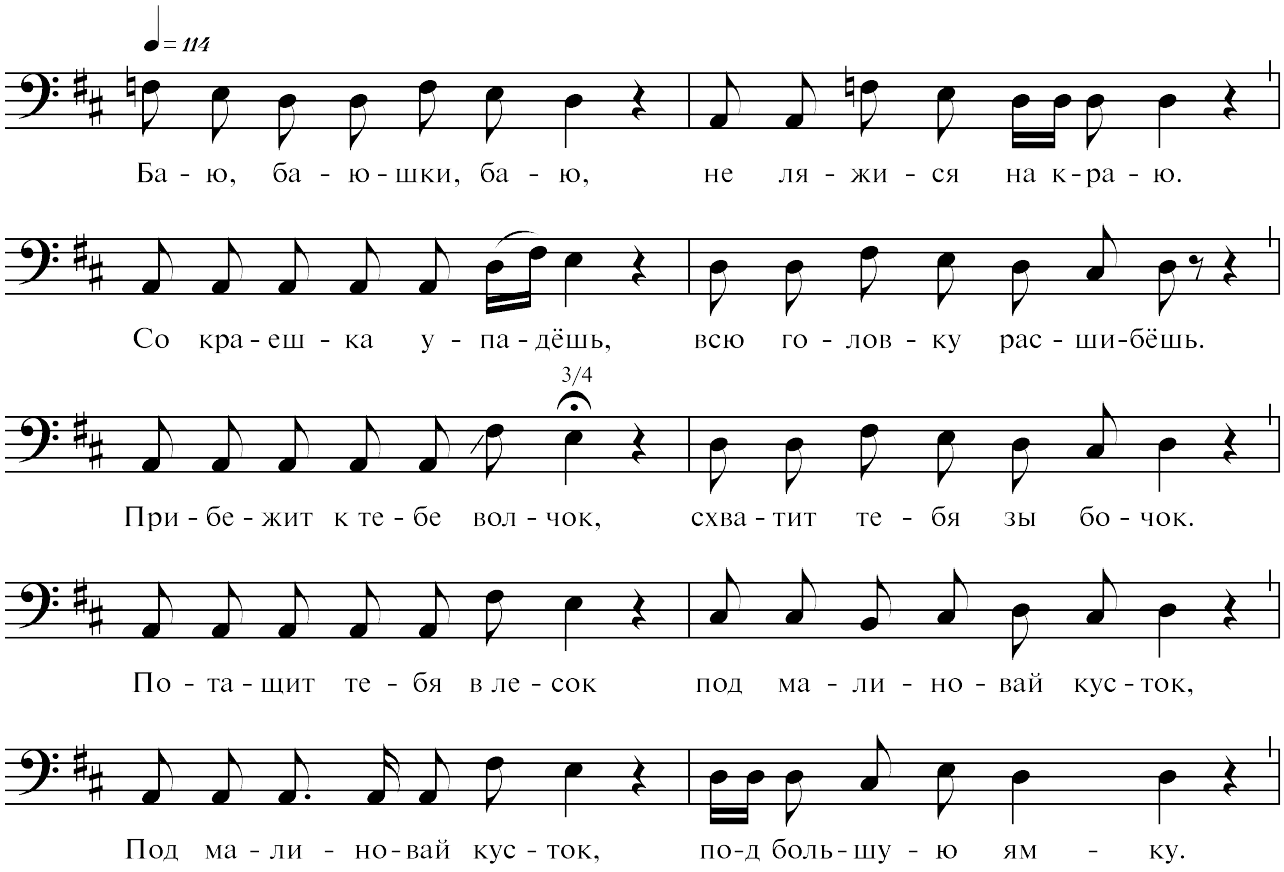


А баю, баю, баю, живёт Ондрей на краю.
Он не беден, ни богат, у него многа ребят,
все по лавычкам сидят.
Первай Гришка, второй Мишка, третий Ваня-дурачок*.
Третий Ваня-дурачок*, повадился в кабачок.
Там Ваню били в четыре дубины,
А как пятый костыль по ногам ему вострил.

---

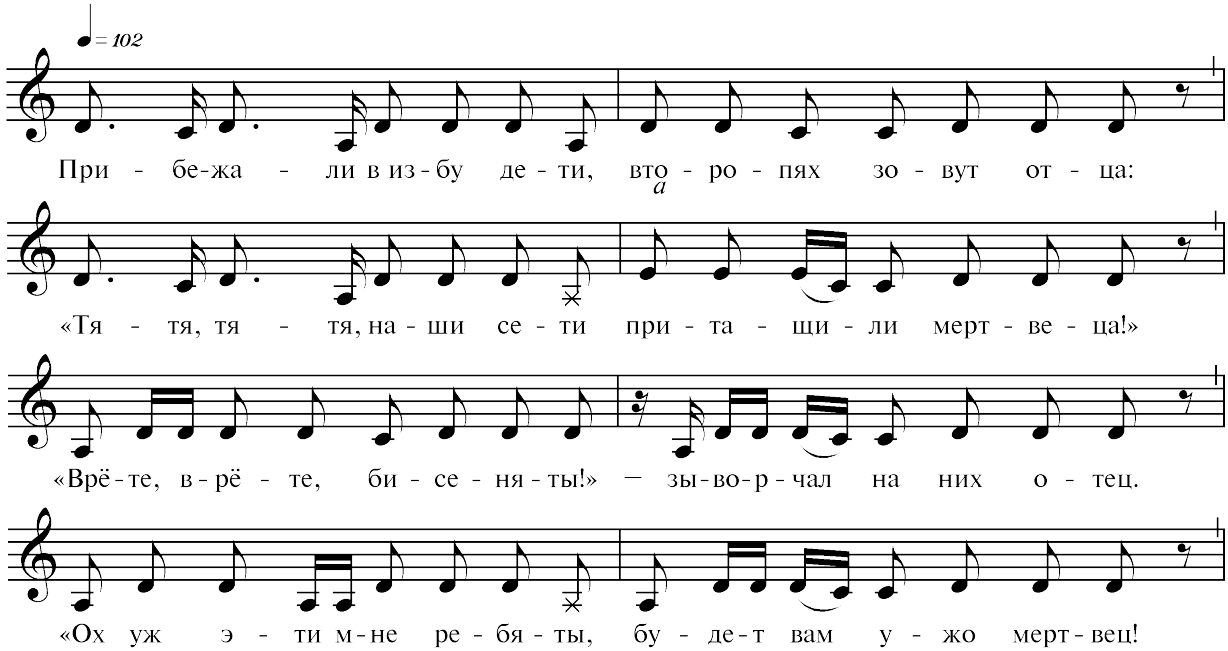
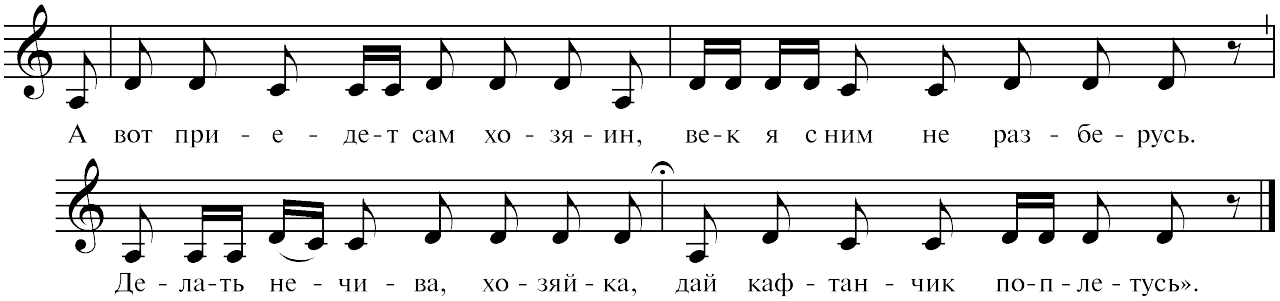
* Пропевается: «*дарачок*».

55.



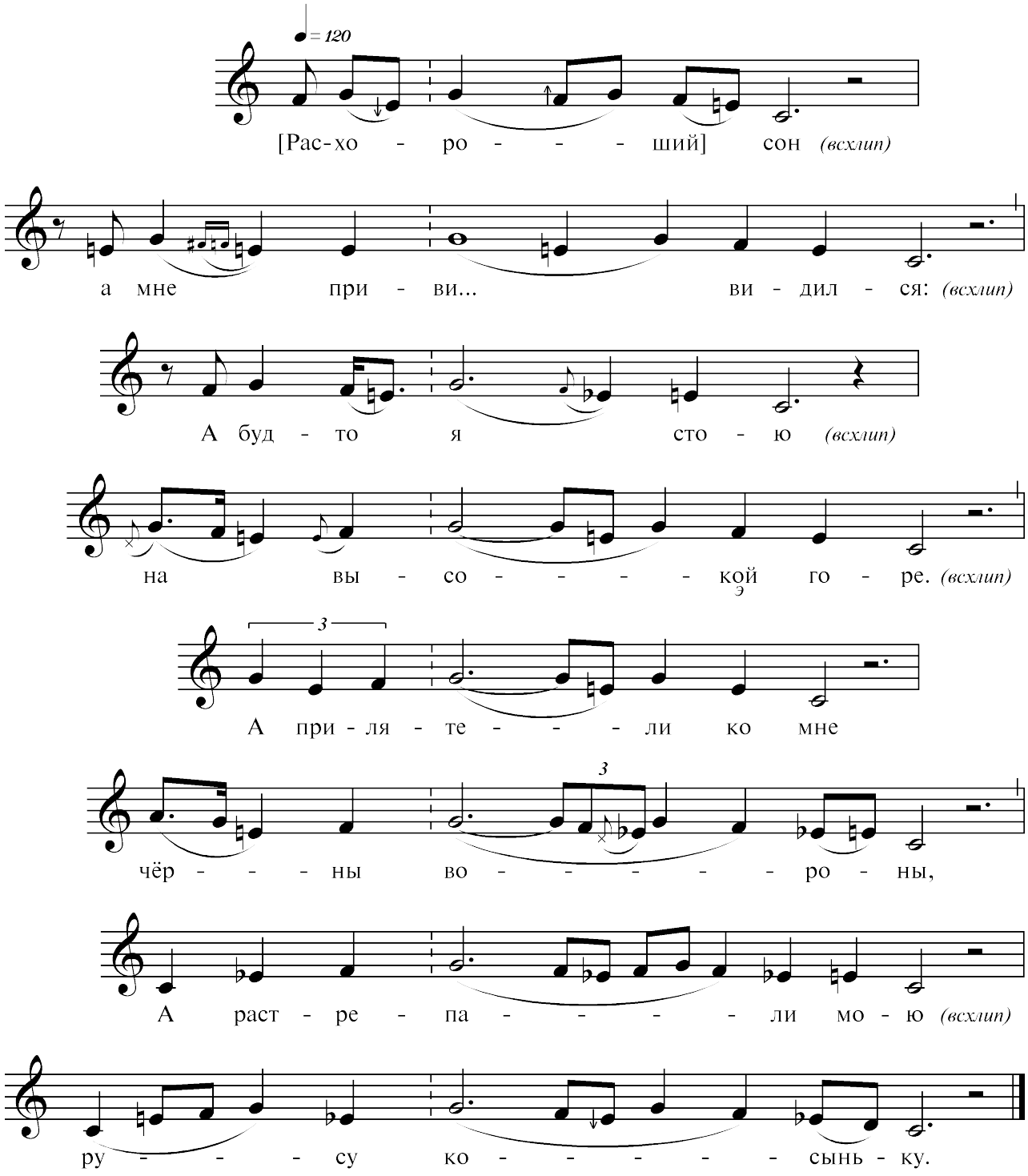
Баю, баюшки, баю, не ляжися на краю.
Со краешка упадёшь, всю головку расшибёшь.
Прибежит к тебе волчок, схватит тебя зы бочок.
Потащит тебя в лесок под малиновай кусток,
Под малиновай кусток, под большую ямку.

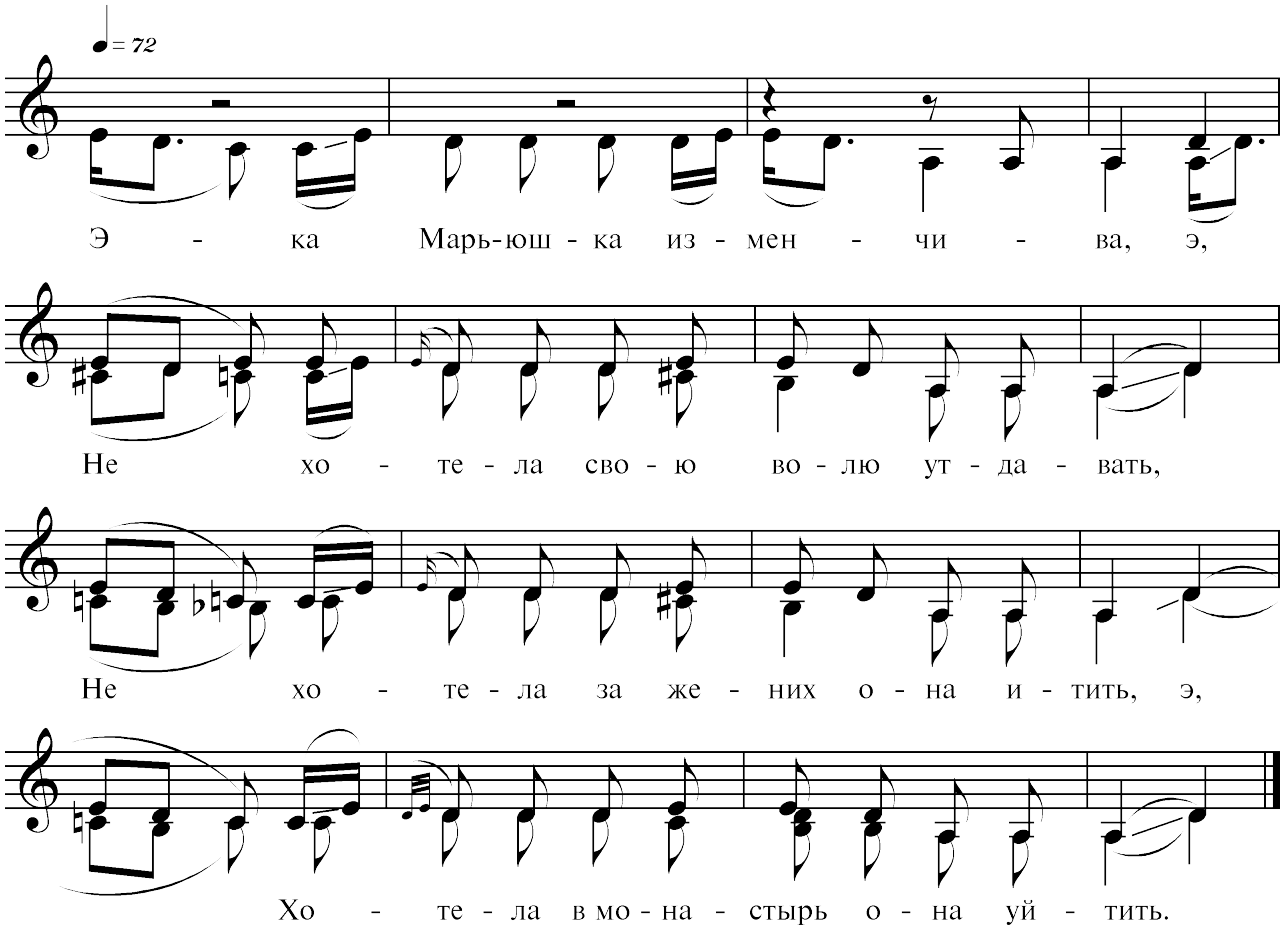
56.



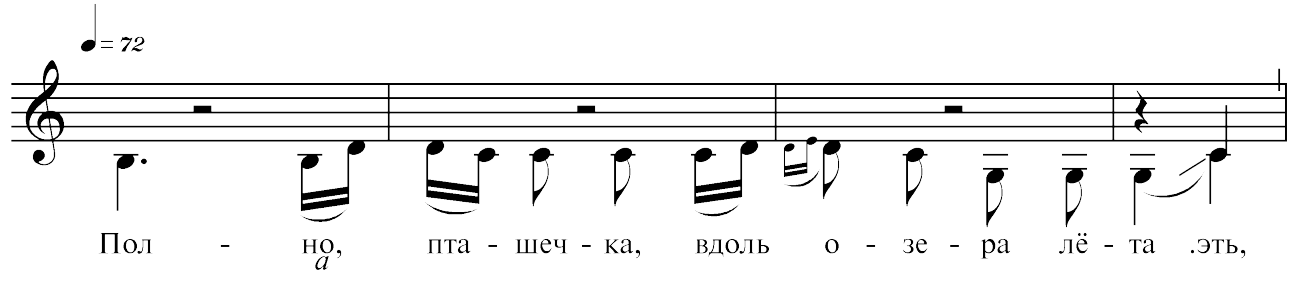
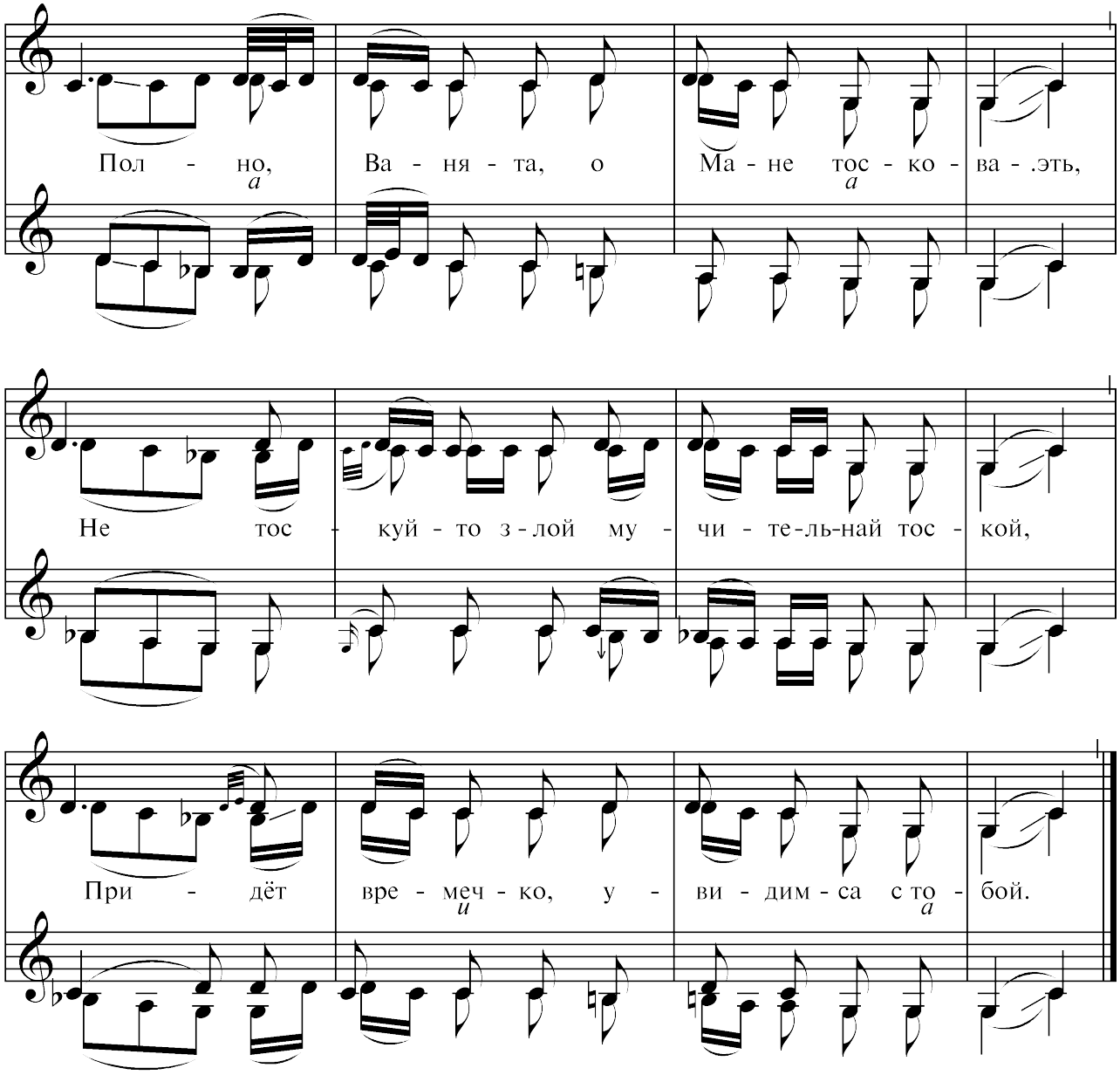
Прибежали в избу дети, втаропях зовут отца:
«Тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца!»
«Врёте, врёте, бисеняты!» — зыворчал на них отец.
«Ох уж эти мне ребяты, будет вам ужо мертвец!
А вот приедет сам хозяин, век я с ним не разбёрусь.
Делать нечива, хозяйка, дай кафтанчик, поплетусь».

СВАДЕБНЫЕ НАПЕВЫ

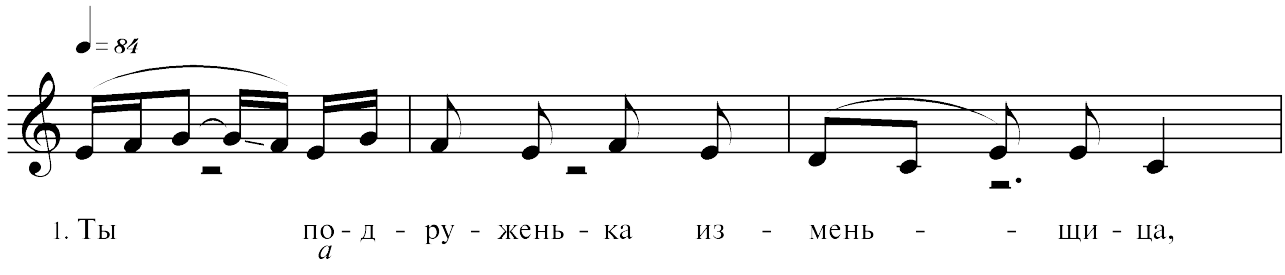
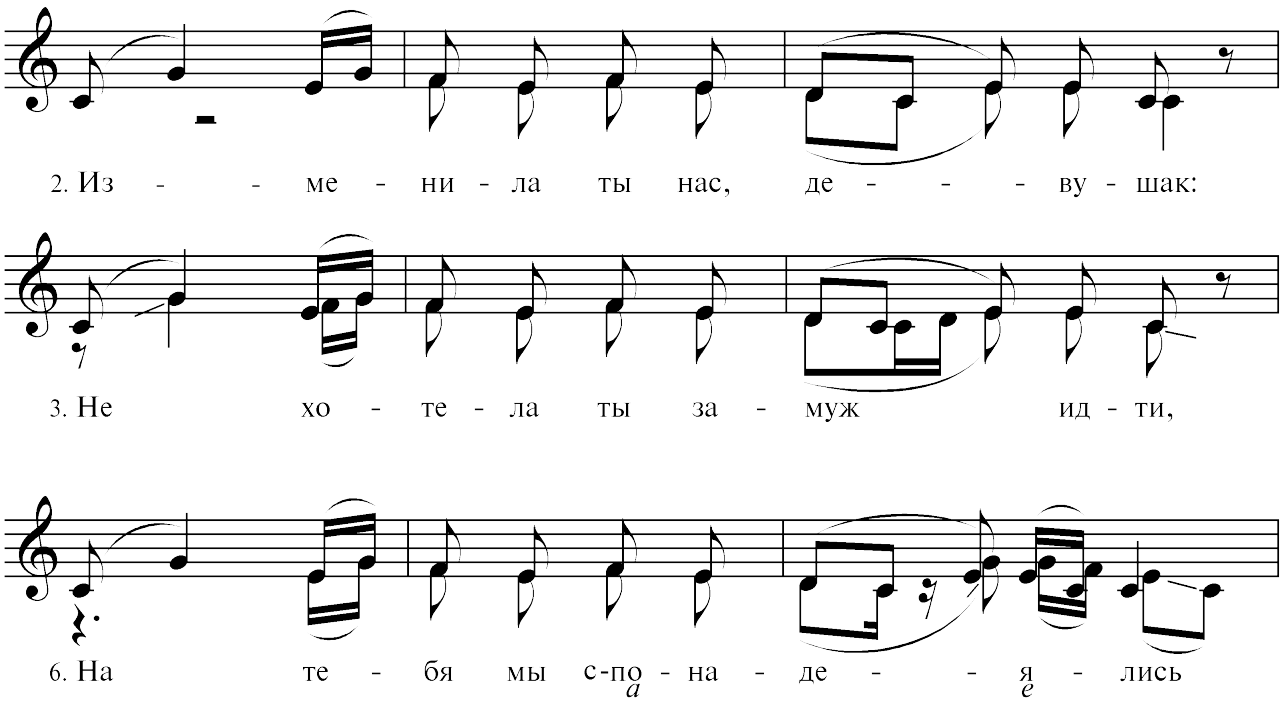
57.

[Расхороший] сон а мне приви... видился:
А будто я стою на высокой горе.
А прилятели ко мне чёрны вороны,
А растрепали мою русу косыньку.

58.

Эка Марьюшка изменчива, э,
Не хотела свою волю утдавать,
Не хотела за жених она итить, э,
Хотела в монастырь она уйтить.

59.



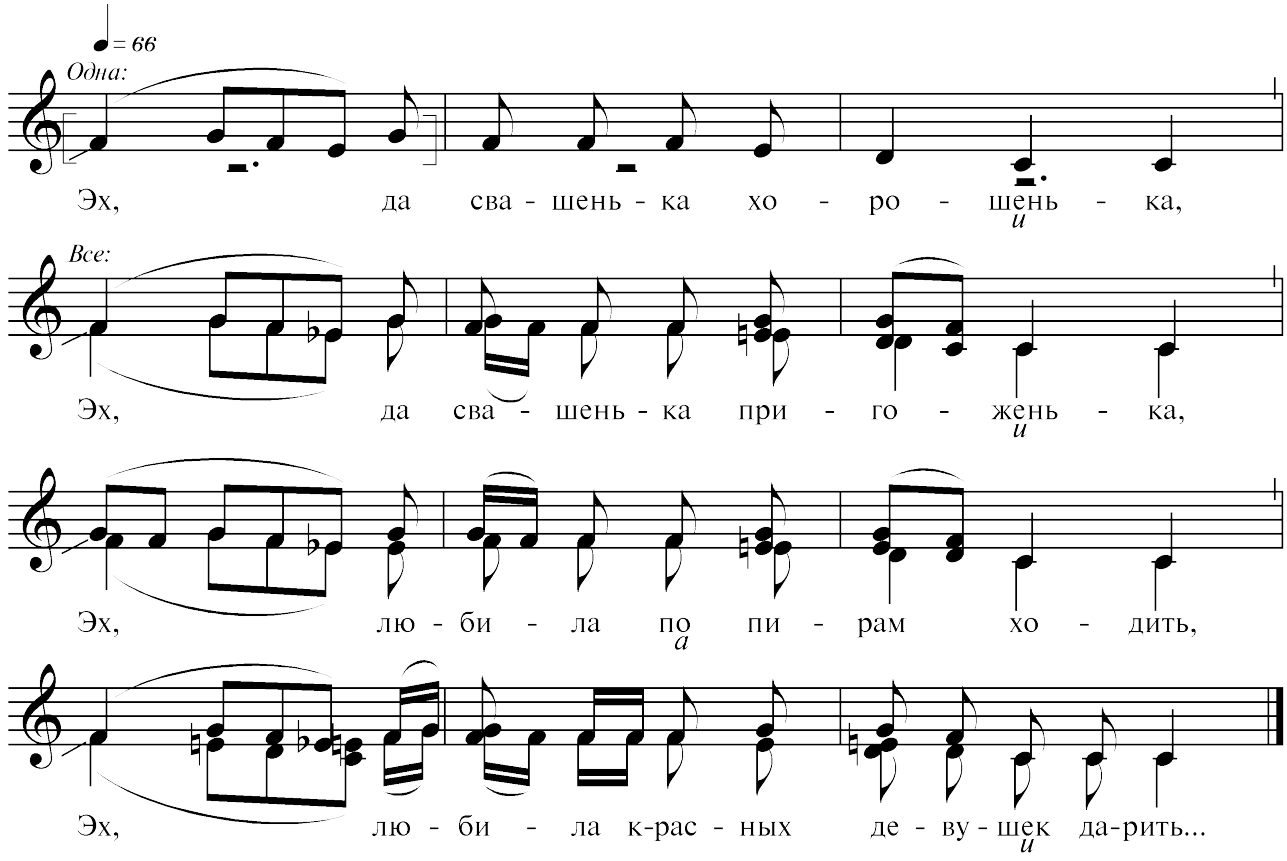
Полно, пташечка, вдоль озера лётать,
Полно, Ваня-та, о Мане тосковать,
Не тоскуй-то злой мучительнай тоской,
Придёт времечко, увидимся с тобой.

60.



а)
Ты подруженька изменьщица,
Изменила ты нас, девушак:
Не хотела ты замуж идти,
А хотела в монастырь идти,
В монастырь идти, в монашенки.
На тебя мы с-понадеялись,
Все пошили платья чёрныи,
Покупили ленты длинныи,
Ленты длинны, трёхаршиннаи.

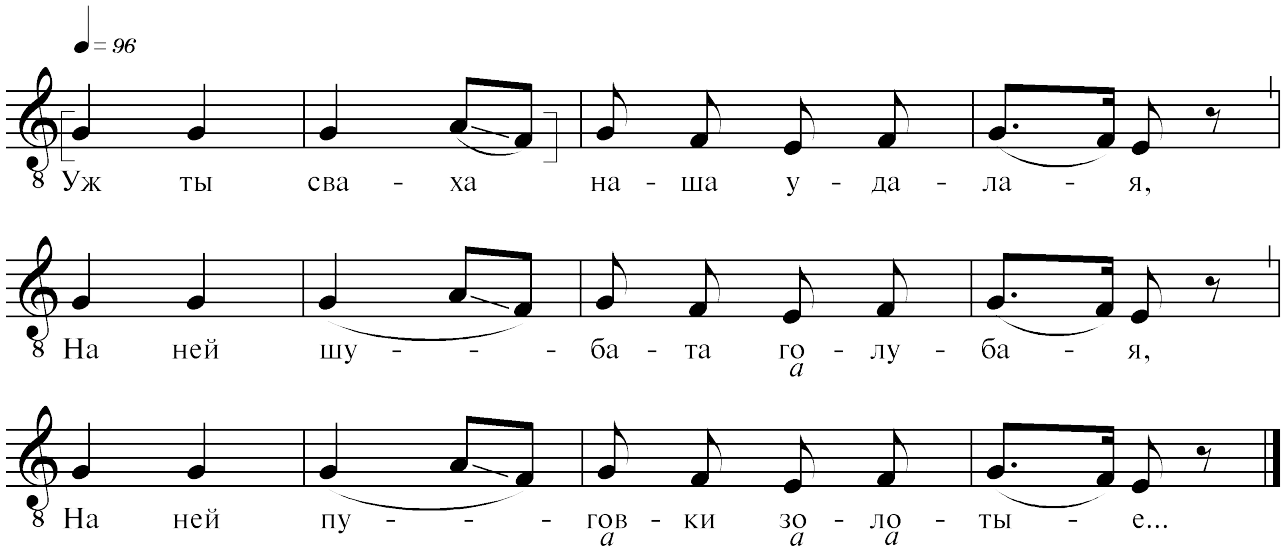
б)
Топись, топись, нова банюшка,
Мойся, мойся задушевная
Разпоследний раз в остатушки
У родимыва у батюшки,
У родимой-то у матушки.
Вот не дуло, да подунуло,
Раскачалась в саду яблынка.
Вот послали младу по воду
На Дунай на речку быструю.
Вода в ведрах возмутилася,
Со мутной водой домой пришла.
Свекровь-батюшка журит-бранит,
Свекровь-матушка побить велит,
А золовушка-белянушка
Словом ласкывам примолвила,
Вода в ведрах услежилася.

61.

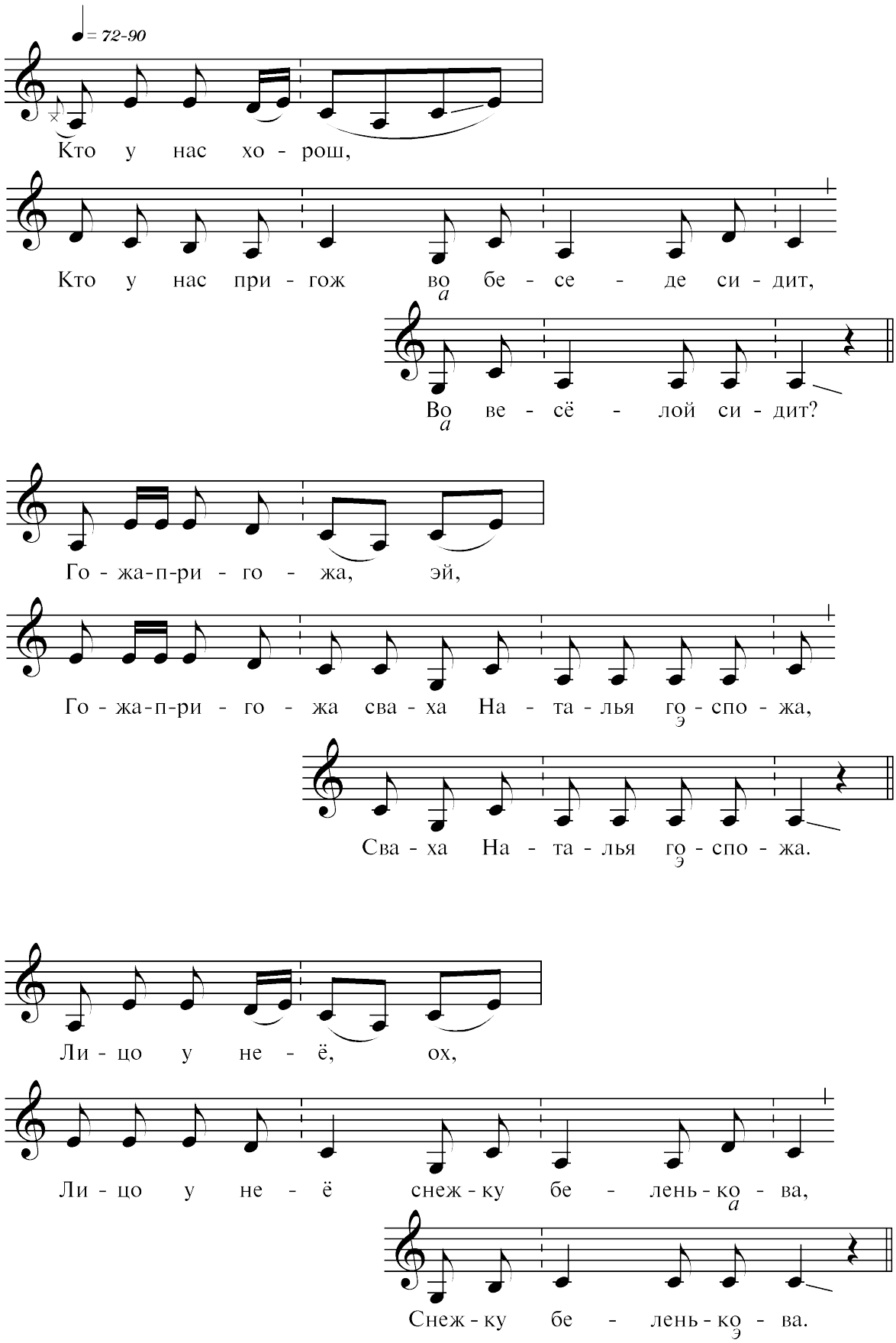
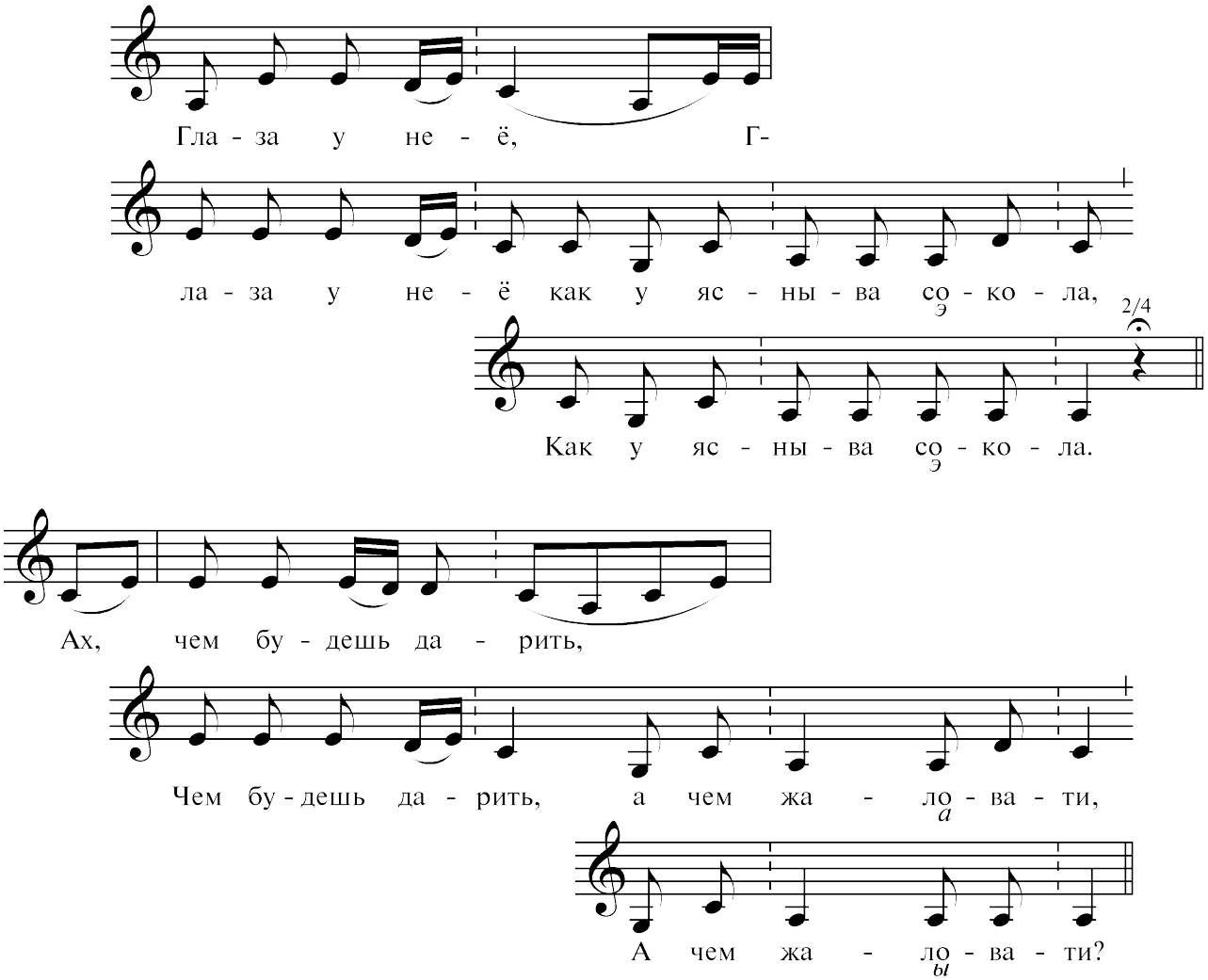


Эх, да свашенька хорошенька,
Эх, да свашенька пригоженька,
Эх, любила по пирам ходить,
Эх, любила красных девушек дарить...

62.



Уж ты сваха наша удалая,
На ней шуба-та голубая,
На ней пуговки золотые...

63.

♩ = 72-90
Кто у нас хо - рош,
Кто у нас при - гож во бе - се - де си - дит,
Во ве - сё - лой си - дит?
Го - жа-п-ри - го - жа, эй,
Го - жа-п-ри - го - жа сва - ха На - та - лья го - спо - жа,
Сва - ха На - та - лья го - спо - жа.
Ли - цо у не - ё, ох,
Ли - цо у не - ё снеж - ку бе - лень - ко - ва,
Снеж - ку бе - лень - ко - ва.

Кто у нас хорош,
Кто у нас пригож во беседе сидит,
Во весёлой сидит?

Гожа-пригожа, эй,
Гожа-пригожа сваха Наталья госпожа,
Сваха Наталья госпожа.

Лицо у неё, ох,
Лицо у неё снежку беленькова,
Снежку беленькова.

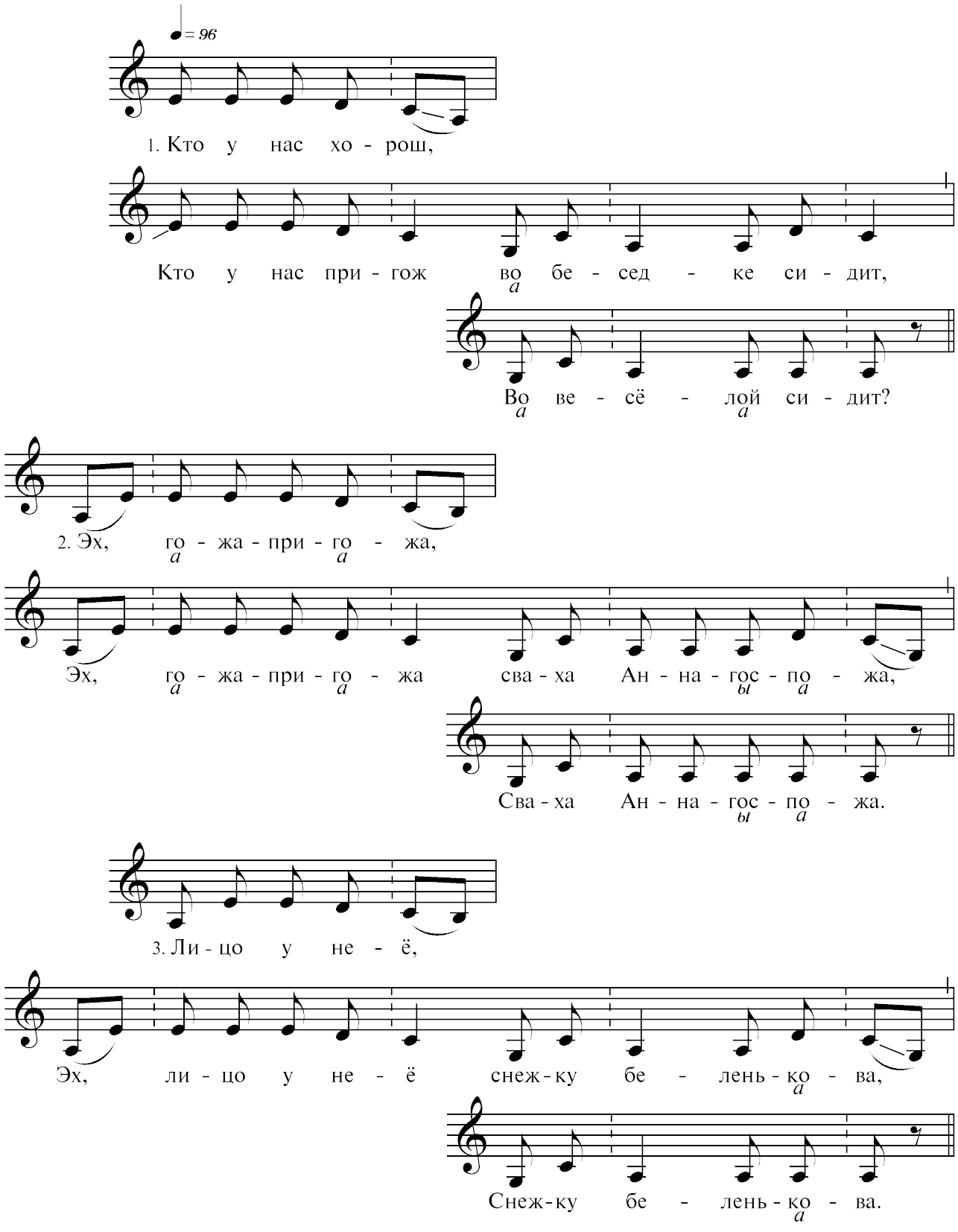
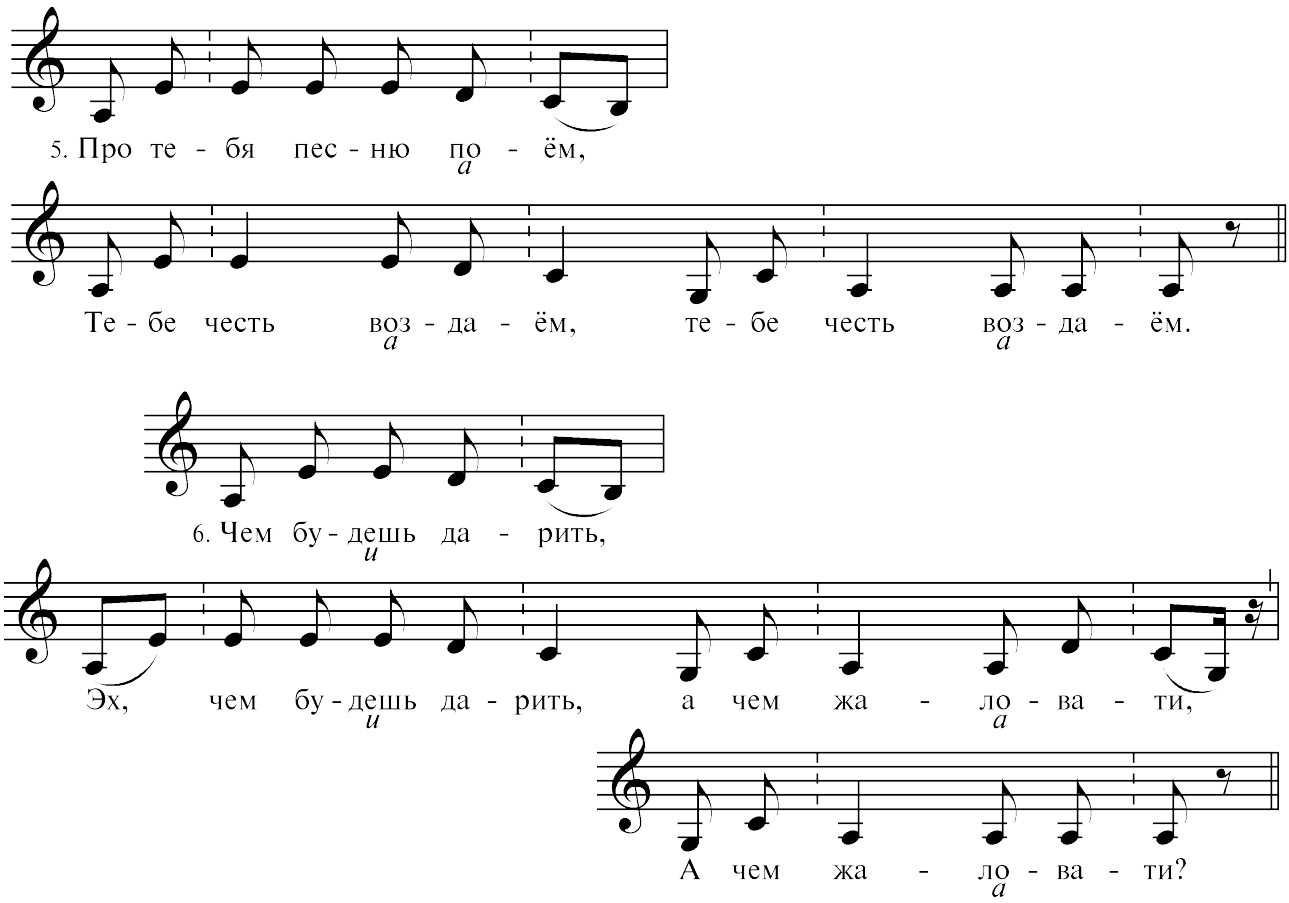
Глаза у неё,
Глаза у неё как у яснына сокола,
Как у яснына сокола.

Ах, чем будешь дарить,
Чем будешь дарить, а чем жаловати,
А чем жаловати?

— Берём ковшак — вон, поварёшку, и по голове стучи-и-им!

Эх, пивам ай вином, эх,
Пивам ай вином, али золатой казной,
Али золатой казной.

Сваха не скупись,
Сваха не скупись — залотой казной делись,
Залотой казной делись!

64.



Кто у нас хорош,
Кто у нас пригож во беседке сидит,
Во весёлой сидит?

Эх, гожа-пригожа,
Эх, гожа-пригожа сваха Анна-госпожа,
Сваха Анна-госпожа.

Лицо у неё,
Эх, лицо у неё снежку беленькова,
Снежку беленькова.

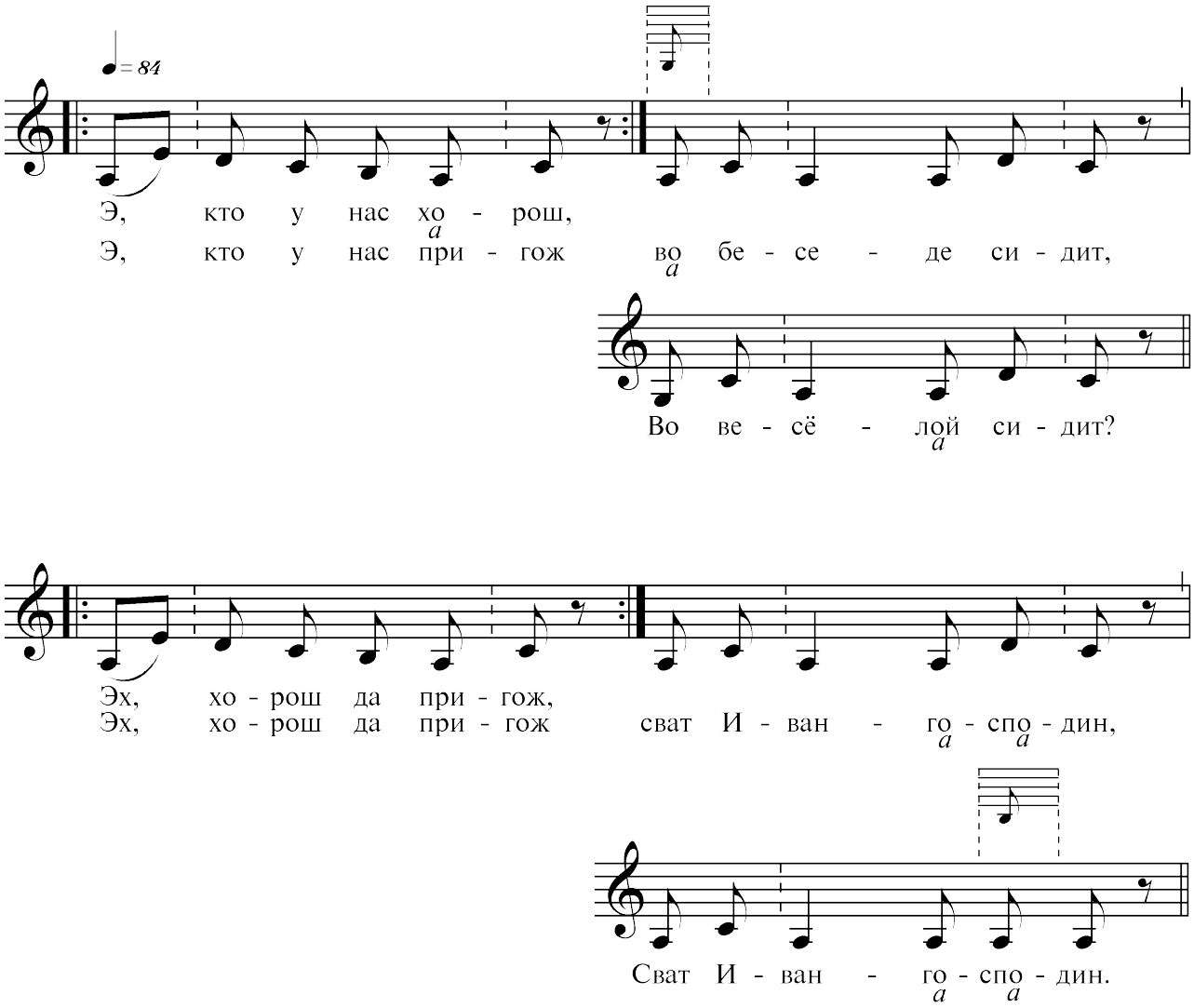
Слышишь ли, сваха,
Эх, слышишь ли, сваха, про тебя песню поём,
Про тебя песню поём.

Про тебя песню поём,
Тебе честь воздаём, тебе честь воздаём.

Чем будешь дарить,
Эх, чем будешь дарить, а чем жаловати,
А чем жаловати?

Пивом, иль вином,
Эх, пивом, иль вином, или золотой казной,
Или золотой казной?

Эх, сваха, не скупись,
Сваха не скупись, золотой казной делись,
Золотой казной делись.

65.

Э, кто у нас хорош,
Э, кто у нас пригож во беседе сидит,
Во весёлой сидит?

Эх, хорош да пригож,
Эх, хорош да пригож сват Иван-господин,
Сват Иван-господин.

Эх, лицо у него,
Эх, лицо у него снежку беленькэва,
Снежку беленькэва.

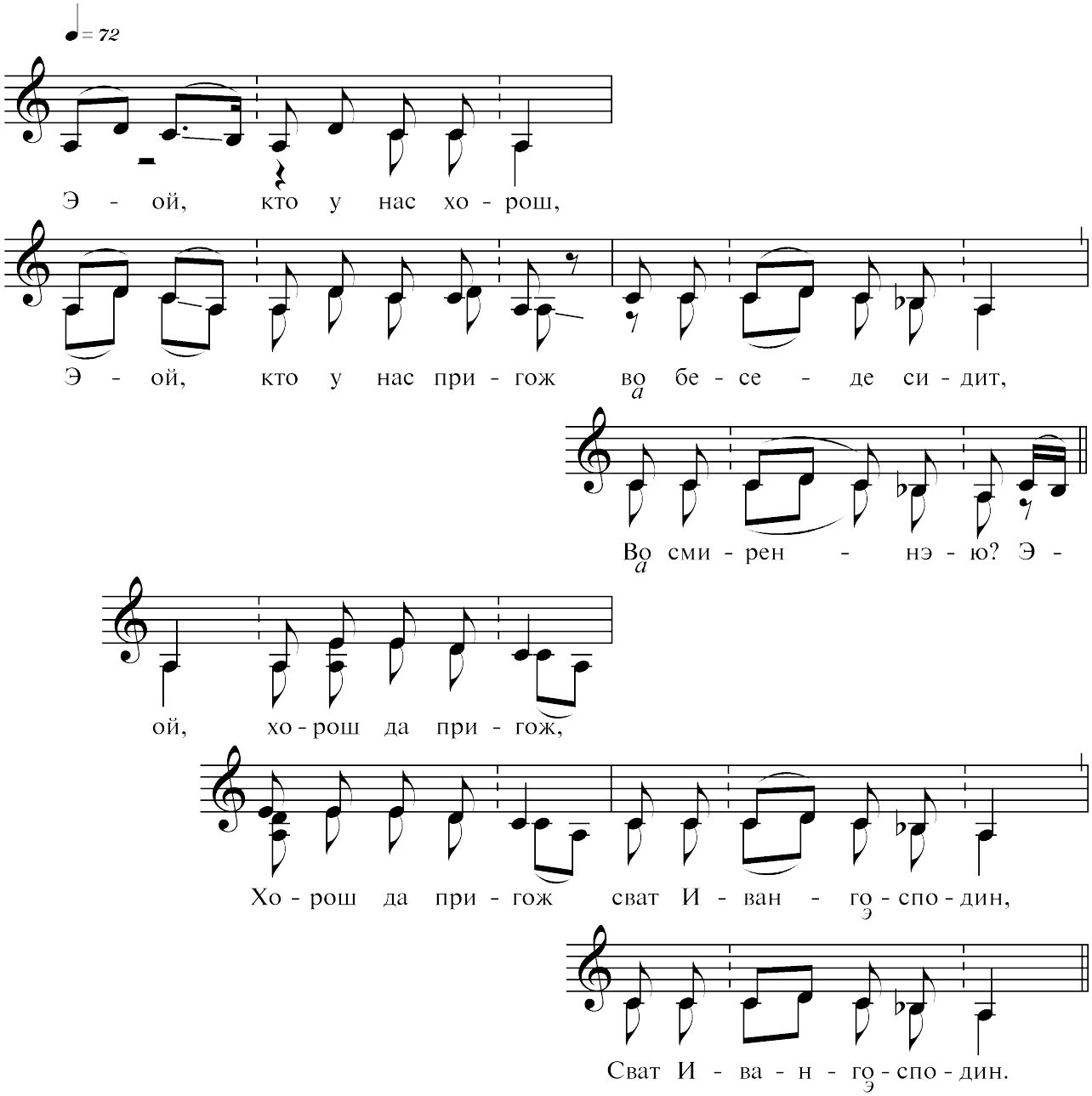
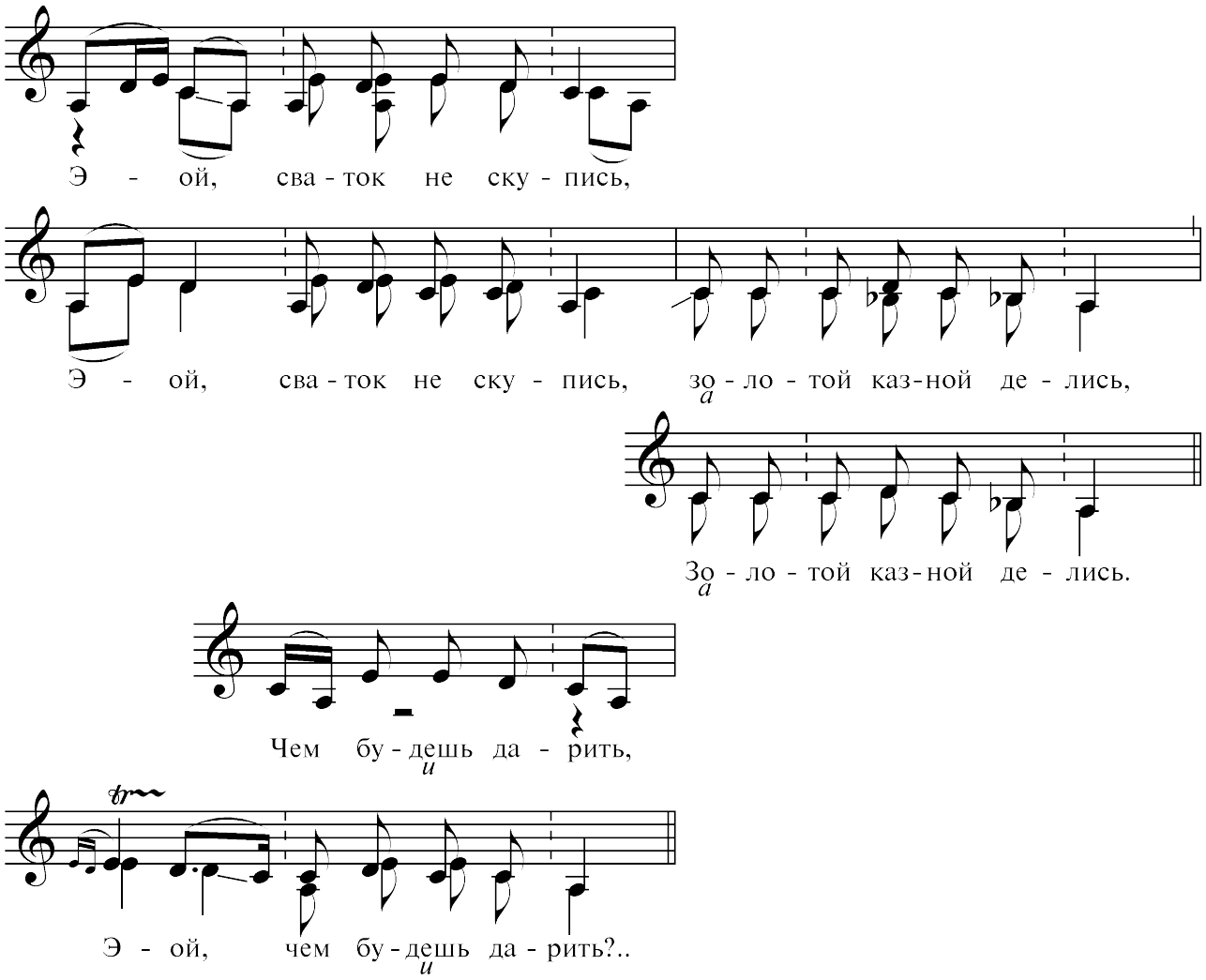
Эх, брови у него,
Эх, брови у него — у чёрныва ворына,
У чёрныва ворына.

Эх, глаза у него,
Эх, глаза у него — у яснына сокола,
У яснына сокола.

Эх, чем будешь дарить,
Эх, чем будешь дарить, а чем жаловати,
А чем жаловати?

Эх, пивом, ай вином,
Эх, пивом, ай вином, или золотой казной,
Или золотой казной?

Эх, сваток, не скупись,
Эх, сваток, не скупись, золотой казной делись,
Золотой казной делись.

66.



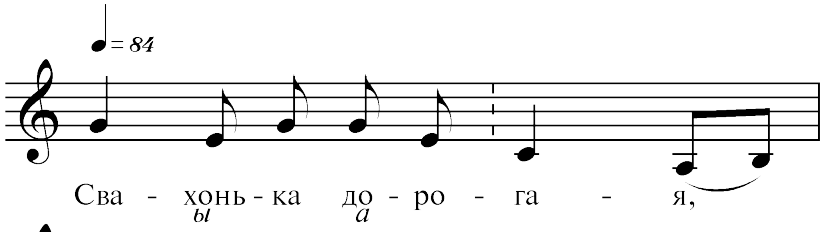
Э-ой, кто у нас хорош,
Э-ой, кто у нас пригож во беседе сидит,
Во смиреннэю?

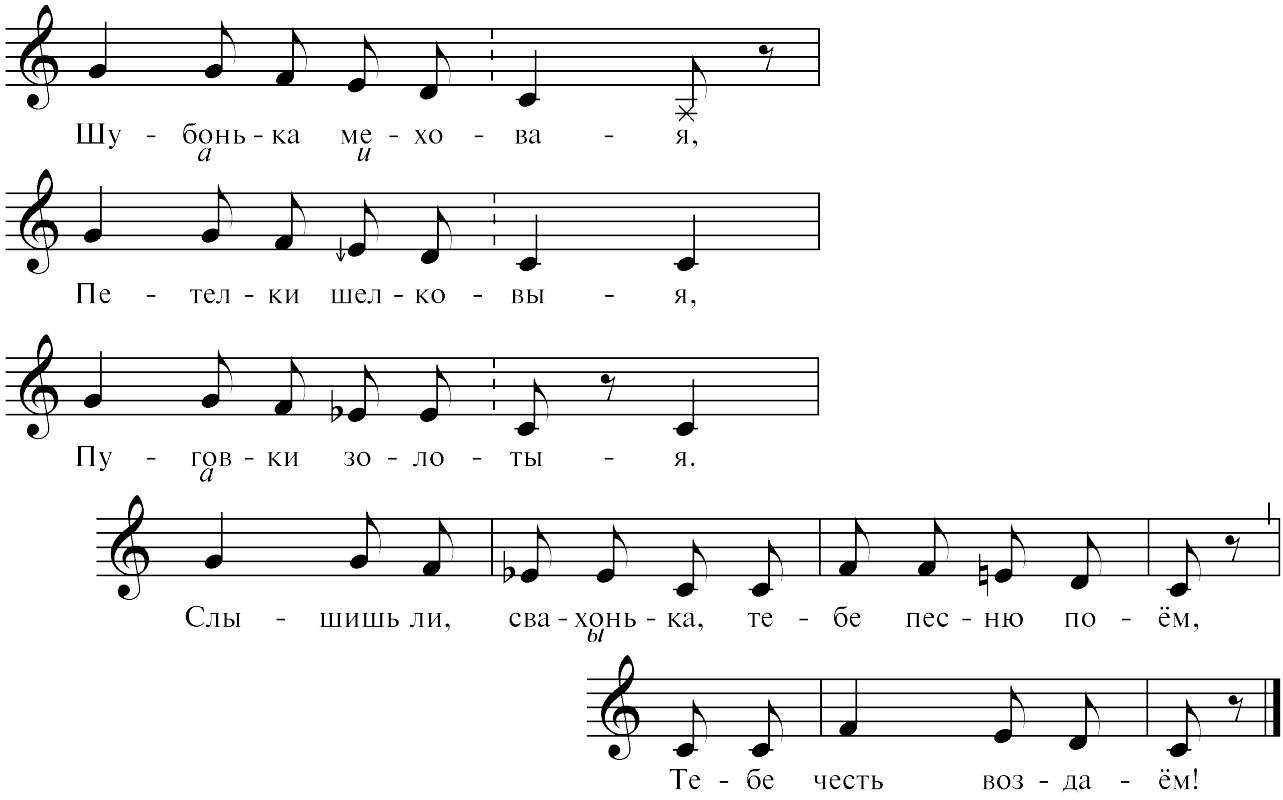
Э-ой, хорош да пригож,
Хорош да пригож сват Иван-господин,
Сват Иван-господин.

Э-ой, сватюк, не скупись,
Э-ой, сватюк, не скупись, золотой казной делись,
Золотой казной делись.

Чем будешь дарить,
Э-ой, чем будешь дарить?..

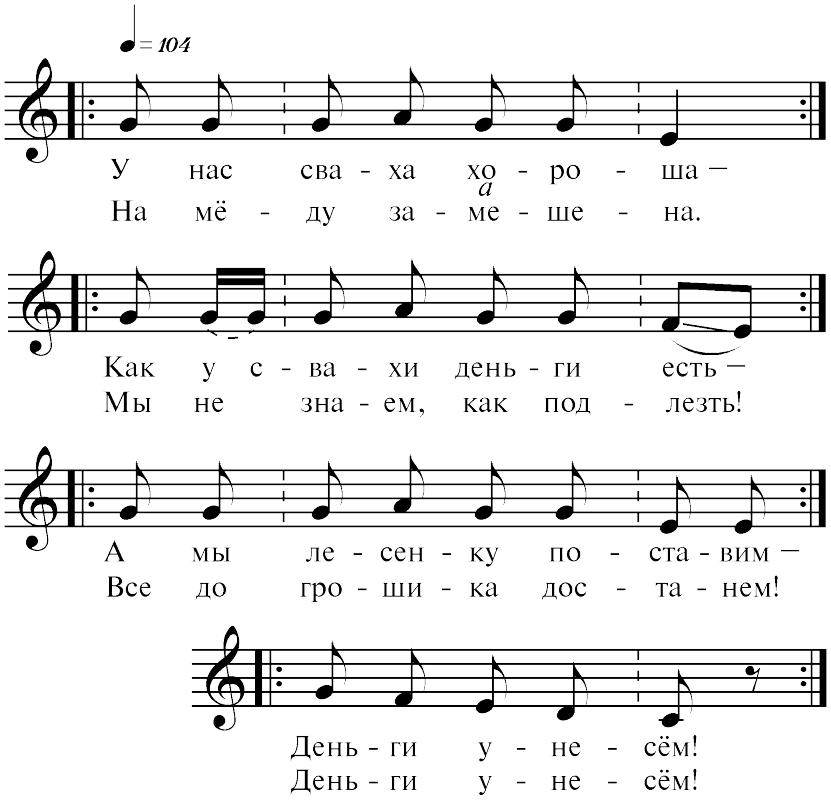
67.





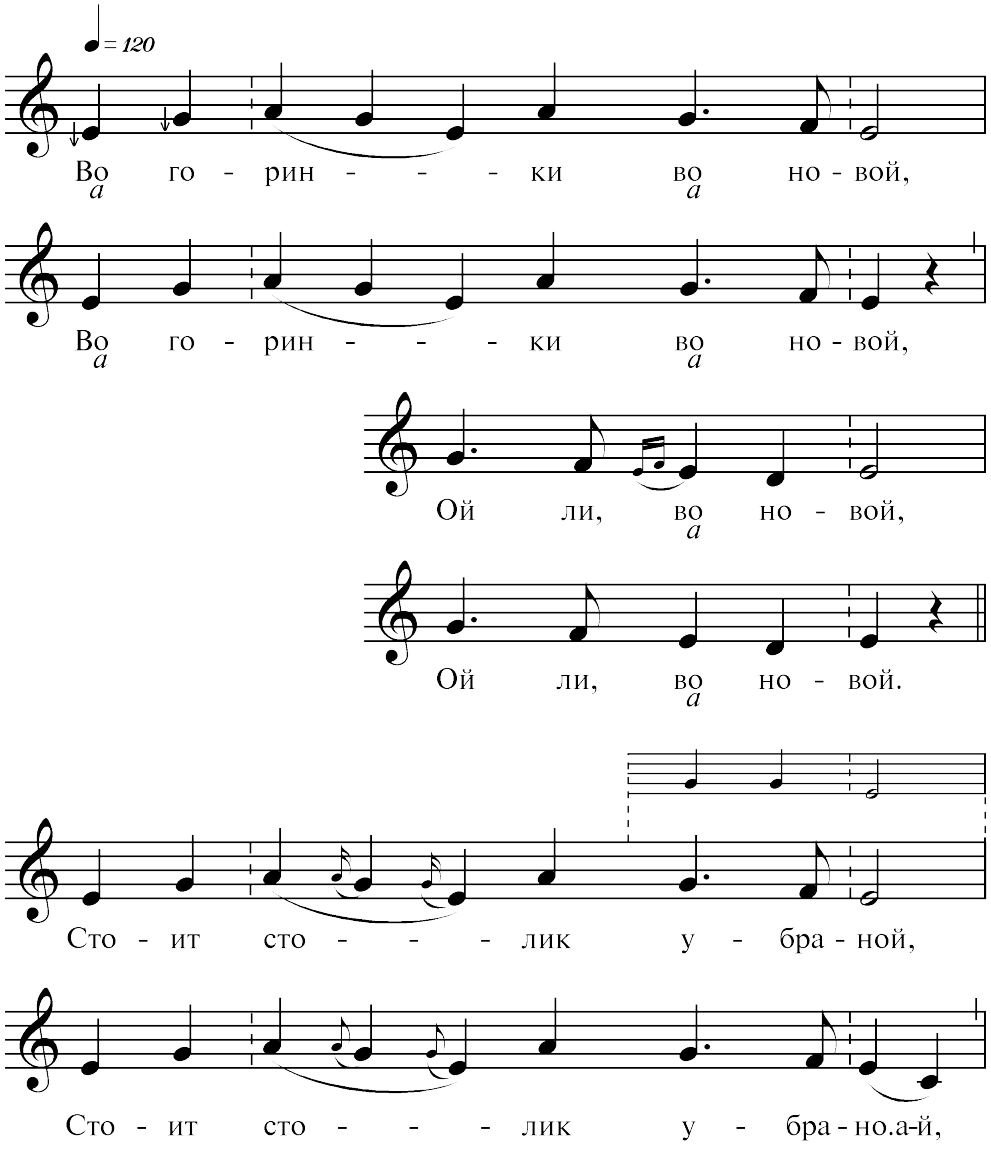
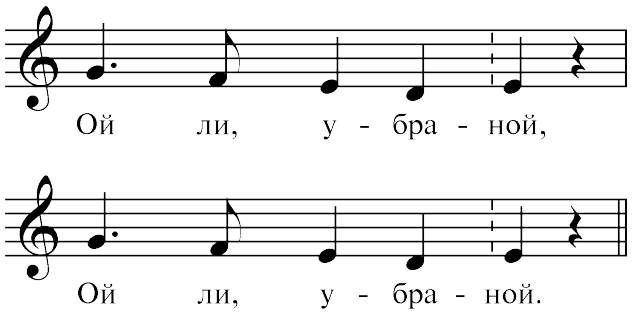
Свахонька дорогая,
Шубонька меховая,
Петелки шелковыя,
Пуговки золотыя.
Слышишь ли, свахонька, тебе песню поём,
Тебе честь воздаём!

68.



У нас сваха хороша —
На мёду замешена.
Как у свахи деньги есть —
Мы не знаем, как подлезть!
А мы лесенку поставим —
Все до грошика достанем!
Деньги унесём!
Деньги унесём!

Уж ты слышишь ли, сваток,
Тебе песню поём,
Тебе честь придаём.
А чем будешь дарить,
А чем жалывыти?
Или пивом, иль вином,
Или золотой казной,
Ни рублём-полтинью,
Золотою гривныю!

69.



Во горинки во новой,
Во горинки во новой,
Ой ли, во новой,
Ой ли, во новой.

Стоит столик убраной,
Стоит столик убраной,
Ой ли, убраной,
Ой ли, убраной.

Канвой розывай покрыт,
Канвой розывай покрыт,
Ой ли, пакрытой,
Ой ли, пакрытой.

Тут свет Коля падходил,
Тут свет Коля падходил,
Ой ли, падходил,
Ой ли, падходил.

Канву розаву открыл,
Канву розаву открыл.
Ой ли, раскрывал,
Ой ли, раскрывал.

Свет он Веру увидал,
Свет он Веру увидал,
Ой ли, увидал,
Ой ли, увидал.

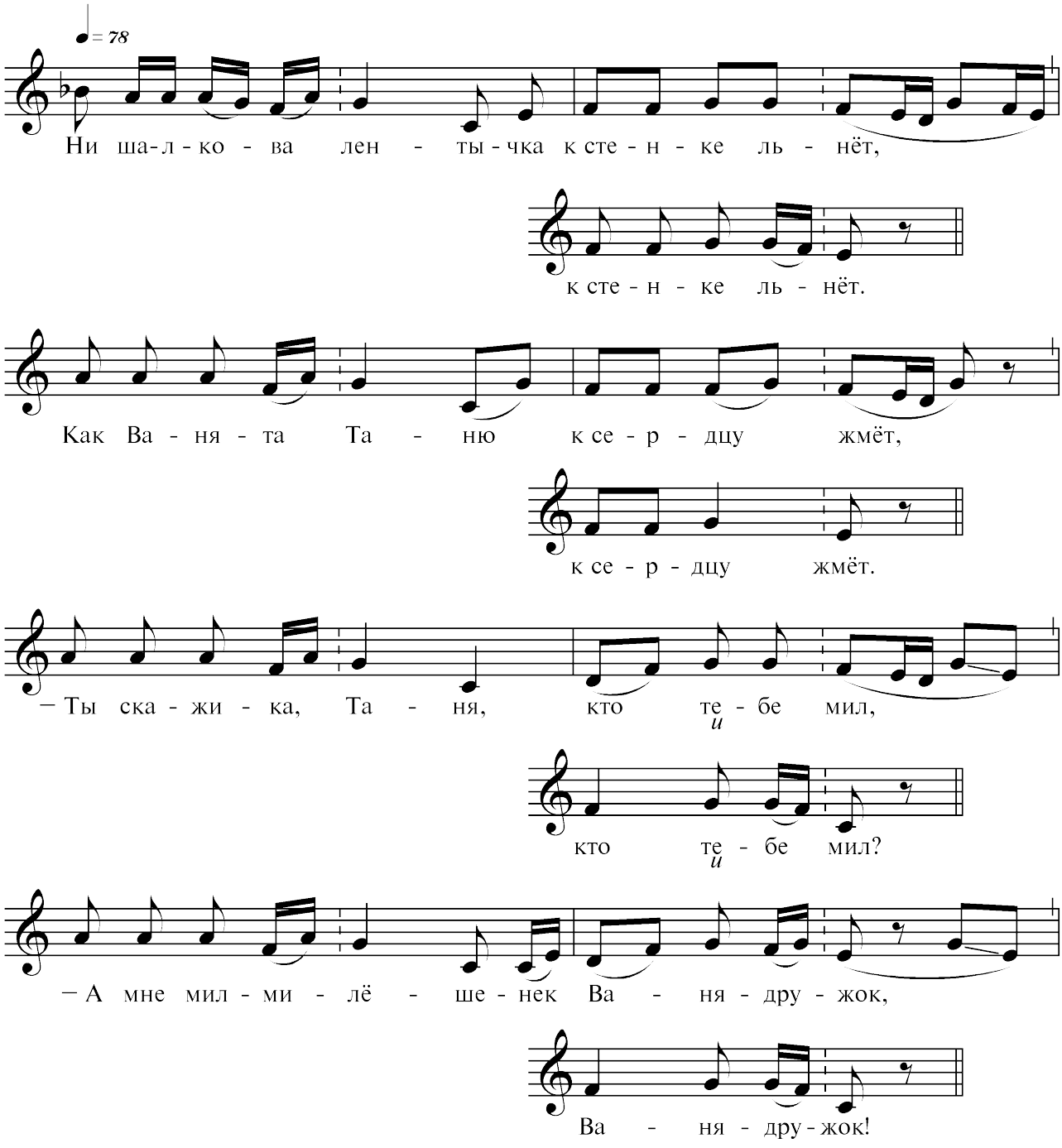
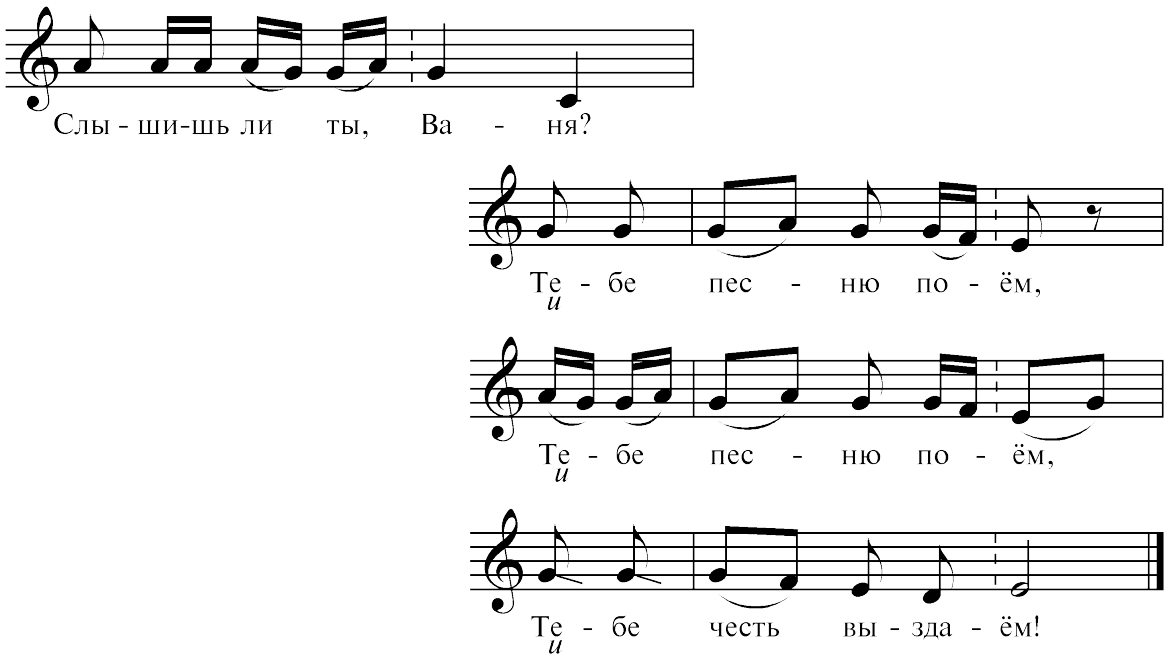
Ой ты Верычка-душа,
Ой ты Верычка-душа,
Ой ли, ты душа,
Ой ли, ты душа.

Прими чару ут меня,
Прими чару ут меня,
Ой ли ут меня,
Ой ли ут меня.

Не я чару приняла,
Не я чару приняла,
Ой ли, приняла,
Ой ли, приняла.

Косу русу пропила,
Косу русу пропила,
Ой ли, пропила,
Ой ли, пропила.

Себе друга нажила,
Себе друга нажила,
Ой ли, нажила,
Ой ли, нажила.

70.



Ни шалкова лентычка к стенке льнёт,
к стенке льнёт.

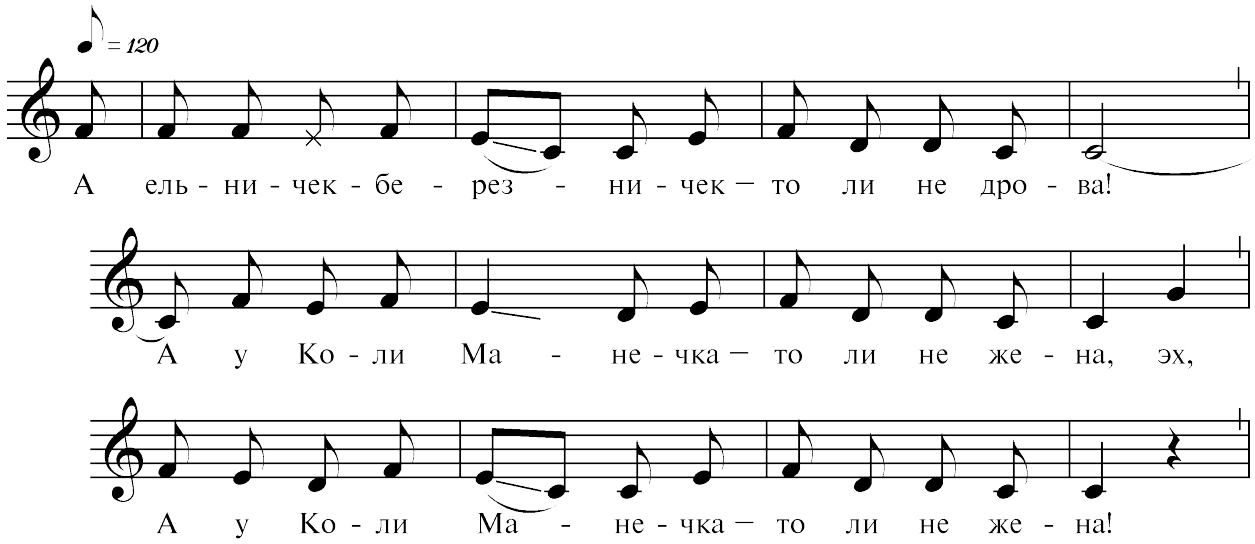
Как Ваня-та Таню к сердцу жмёт,
к сердцу жмёт.

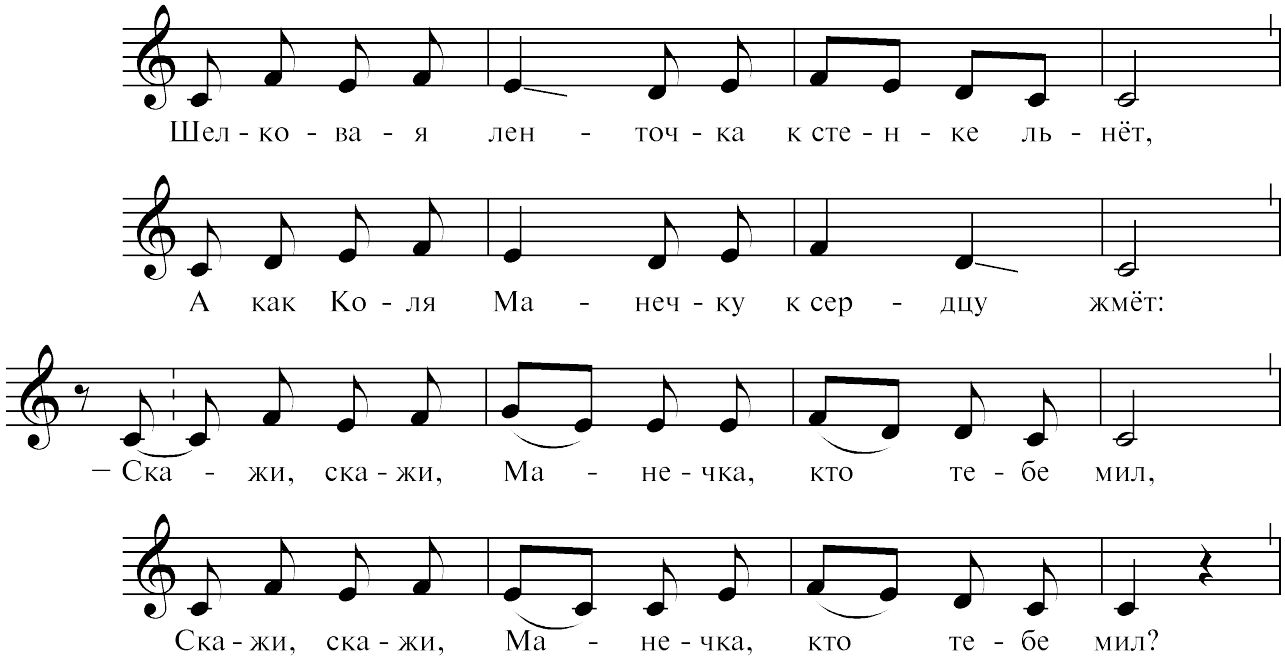
— Ты скажи-ка, Таня, кто тебе мил,
кто тебе мил?

— А мне мил-милёшенек Ваня-дружок,
Ваня-дружок!

Слышишь ли ты, Ваня?
Тебе песню поём,
Тебе песню поём,
Тебе честь выздаём!

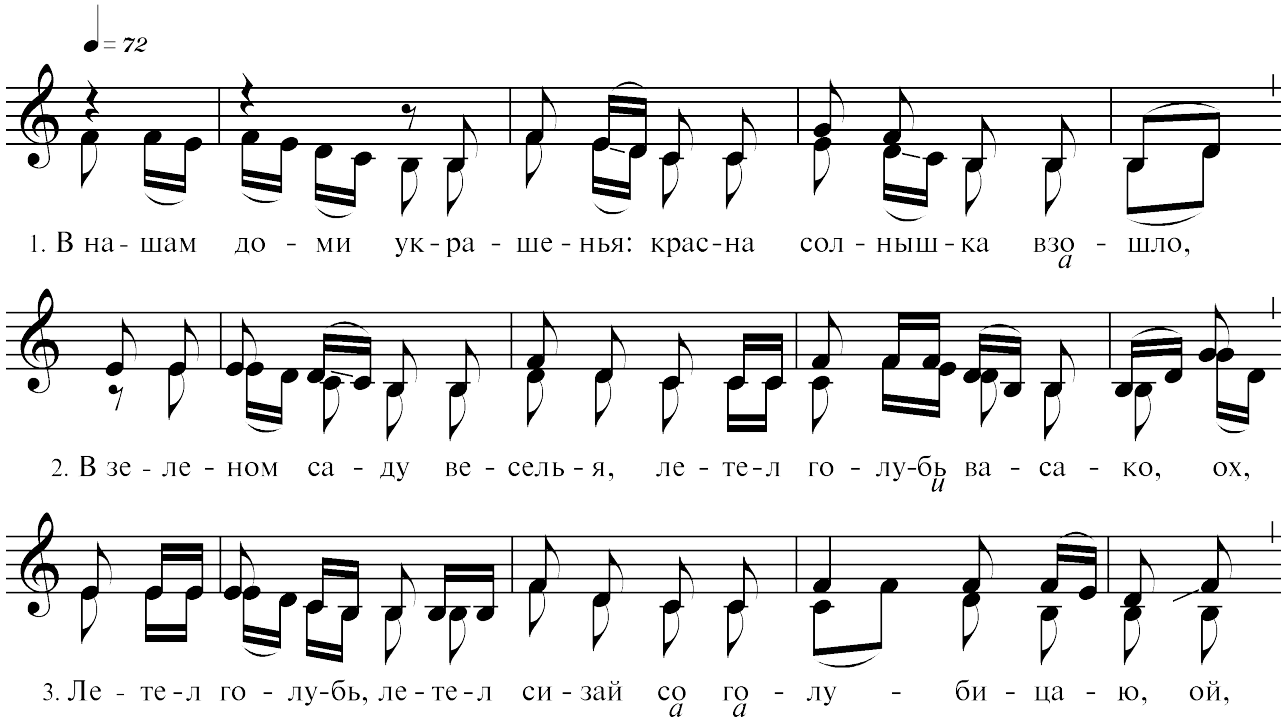
71.

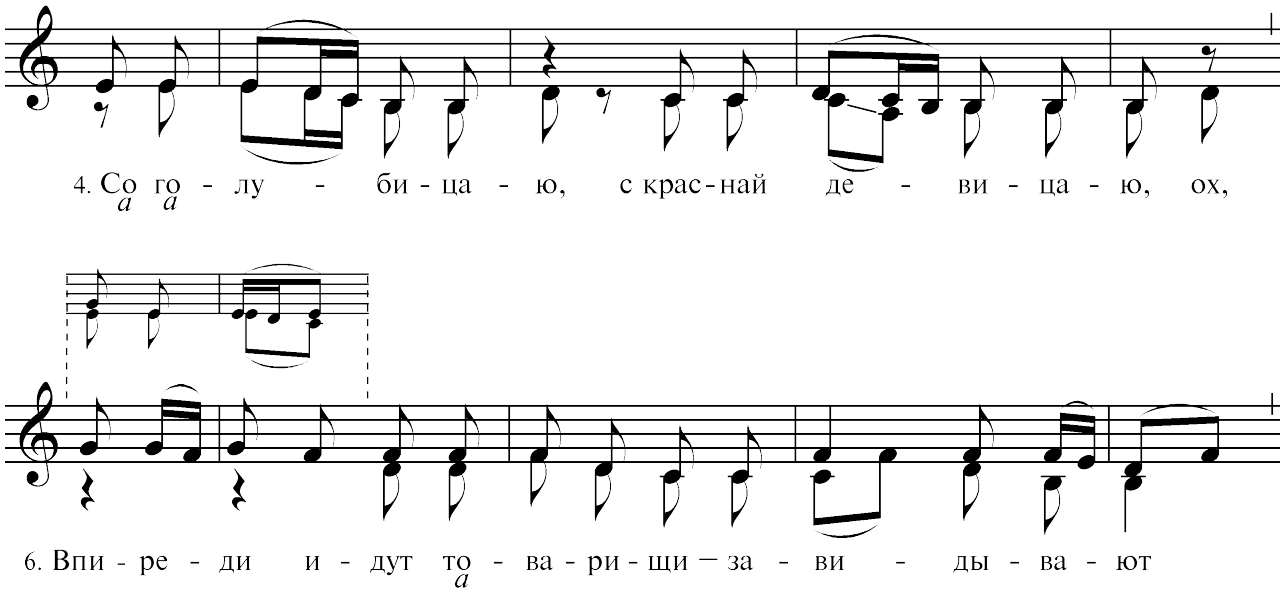




А ельничек-березничек — то ли не дрова!
А у Коли Манечка — то ли не жена, эх,
А у Коли Манечка — то ли не жена!
Шелковая ленточка к стенке льнёт,
А как Коля Манечку к сердцу жмёт:
— Скажи, скажи, Манечка, кто тебе мил,
Скажи, скажи, Манечка, кто тебе мил?
— Мил ты мне милёшенек, Колечка дружок,
Мил ты мне милёшенек, Коленька дружок!

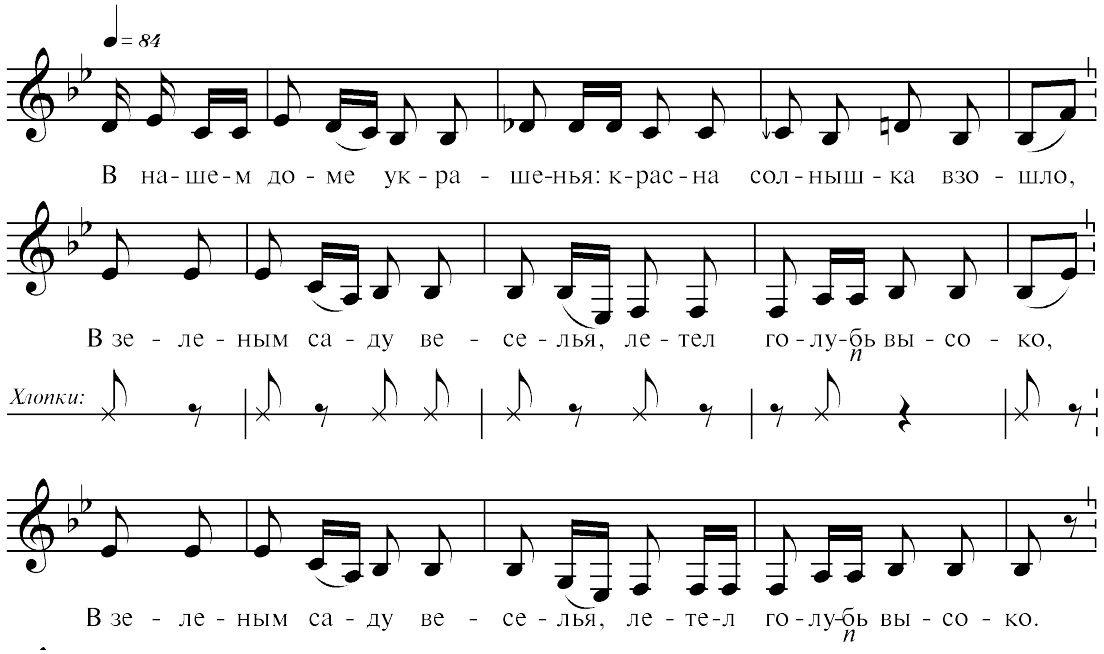
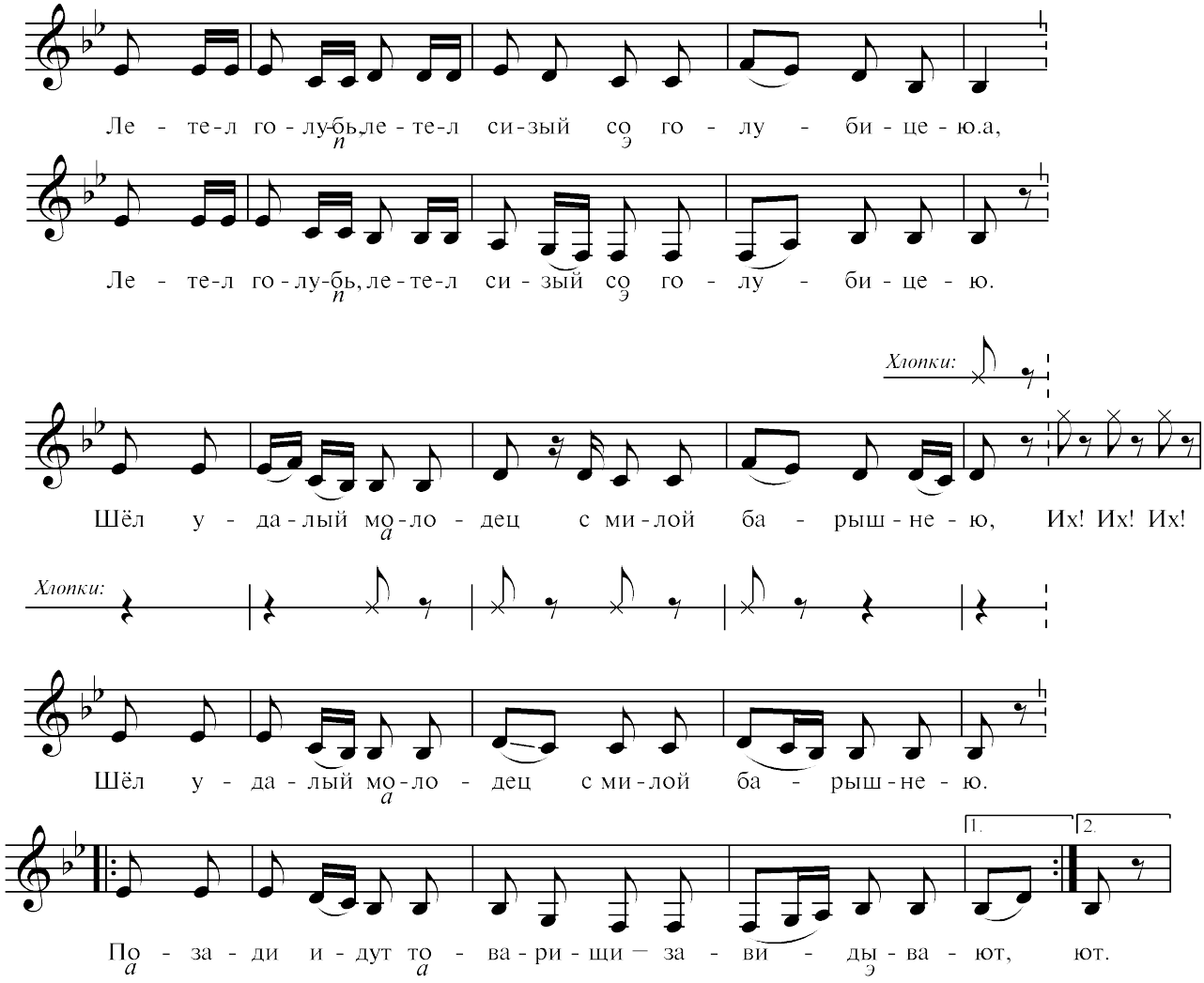
72.





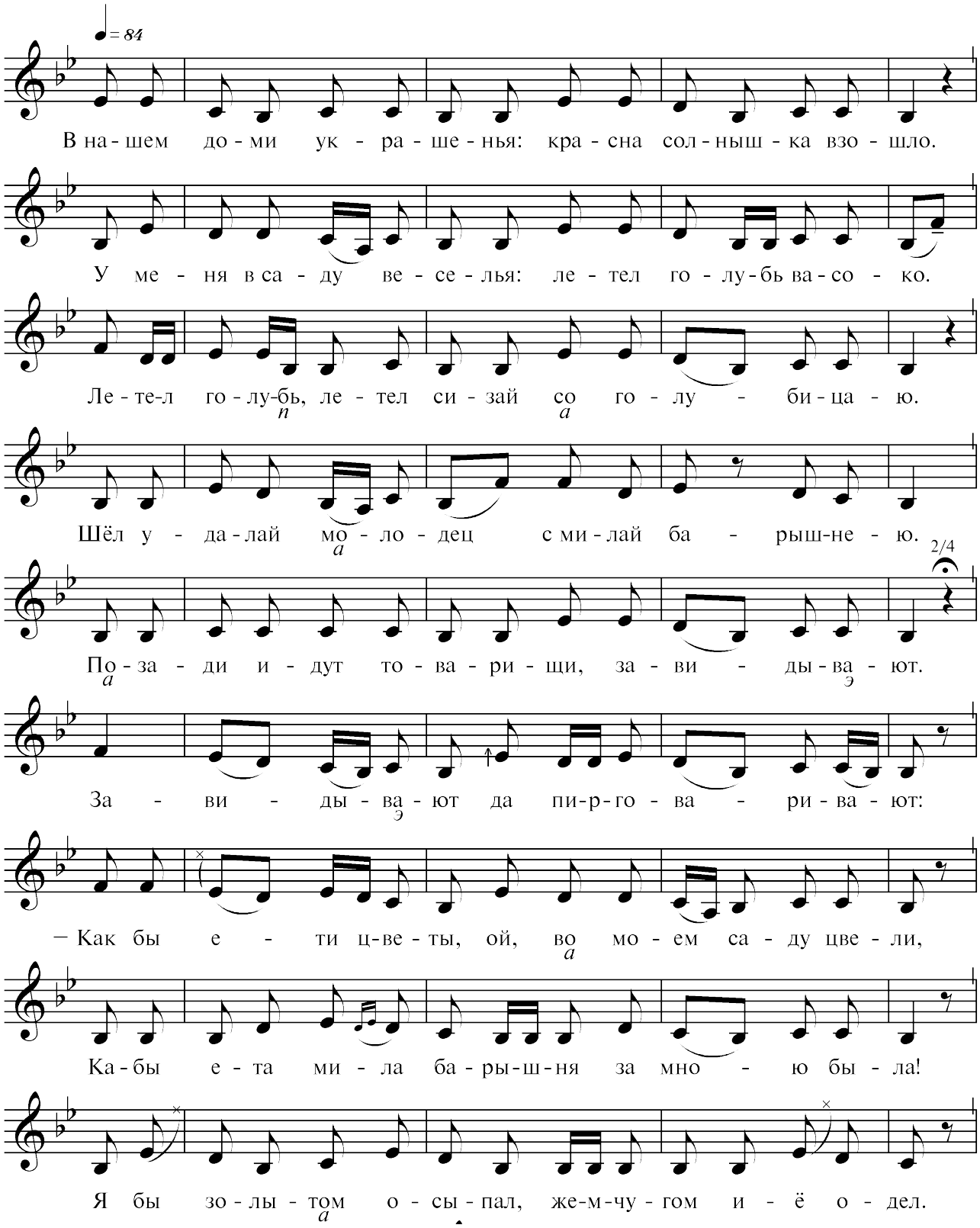
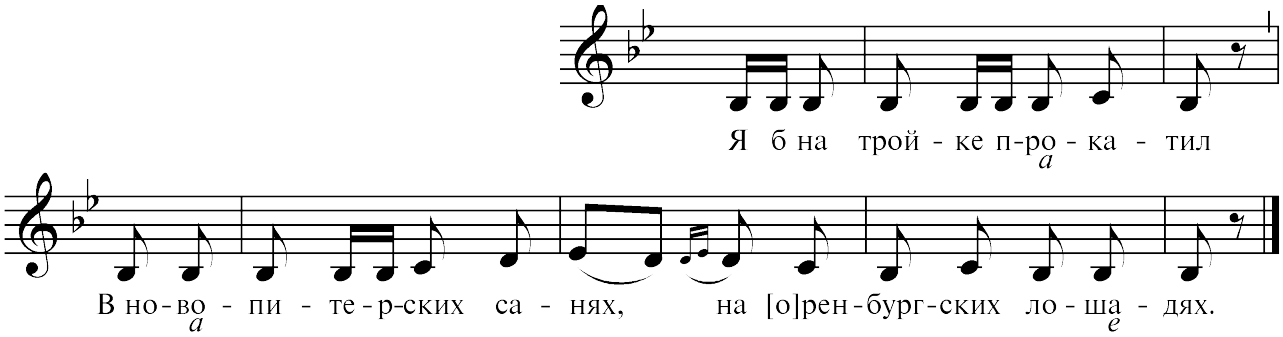
В нашам доми украшенья: красна солнышка взошло,
В зеленом саду веселья, летел голубь васако, ох,
Летел голубь, летел сизай со голубицаю, ой,
Со голубицаю, с краснай девицаю, ох,
Со голубицаю, с краснай девицаю.
Впереди идут товарищи — завидывают,
Завидавают, перговаривают:
— Ой, как бы эти цветы ва маём саду цвели, эх,
Как бы эта мила барышня со мною была, эх,
Как бы эта мила барышня со мною жила.
Я бы знал, я бы мог, чем утешать её.
Я бы золатам обсыпал, жемчугами обнизал,
Я ба летнею порою на колясках прокатал,
А зимой халадно в новых питерских санях,
В новых питерских санях, на хороших лошедях.

73.



В нашем доме украшенья: красна солнышка взошло,
В зеленым саду веселья, летел голубь высоко,
В зеленым саду веселья, летел голубь высоко.
Летел голубь, летел сизый со голубицею,
Летел голубь, летел сизый со голубицею.
Шёл удалый молодец с милой барышнею,
Шёл удалый молодец с милой барышнею.
Позади идут товарищи — завидывают,
Позади идут товарищи — завидывают:
— Штобы ети цветы вы моем саду цвели,
Штобы ети цветы вы моем саду цвели.
Кабы ета трава ва моем саду росла,
Кабы ета трава ва моем саду росла, ох,
Если б ета мила барышня за мною была,
Если б ета мила барышня за мною была.
Я бы знал, я бы мог, чем утешить её,
Я бы знал, я бы мог, чем утешить её.
Я бы золытом осыпал, жемчугами убнизал,
Я бы золытом обсыпал, жемчугами убнизал.
А я бы летнею порою на каляски праскакал,
Я бы летнею порою на каляски праскакал.
А зимой халадно в новых питерских санях,
А зимою халадно в новых питерских санях.

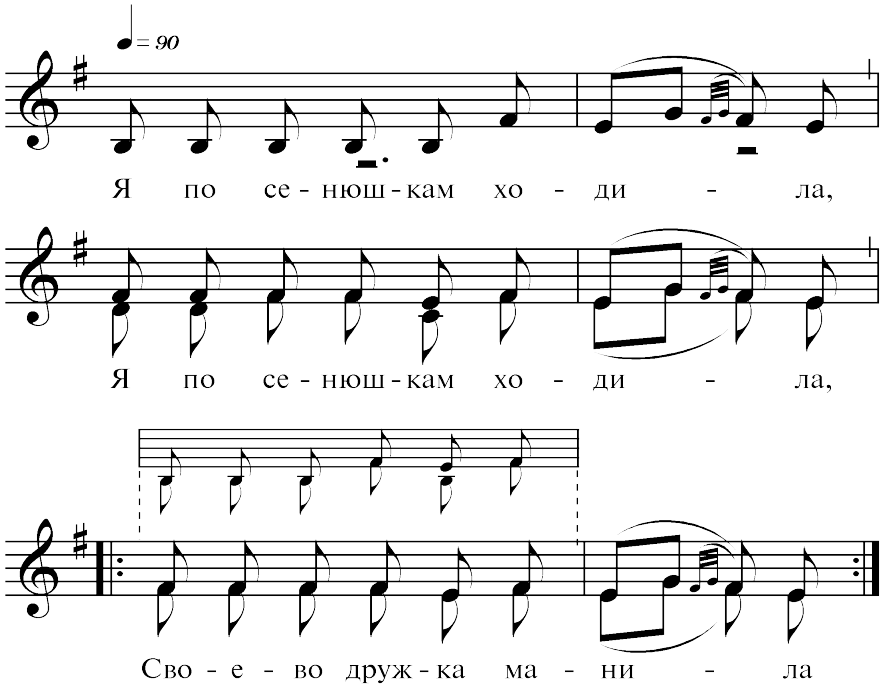
В новых питерских санях, на буланых лашидях.
В новых питерских санях, на буланых лашидях.
Как на кучери одёжа чирномецкыва сукна,
Как на кучери одёжа чирномецкыва сукна,
Чирномецкыва сукна, питербурскыва шитва!

74.



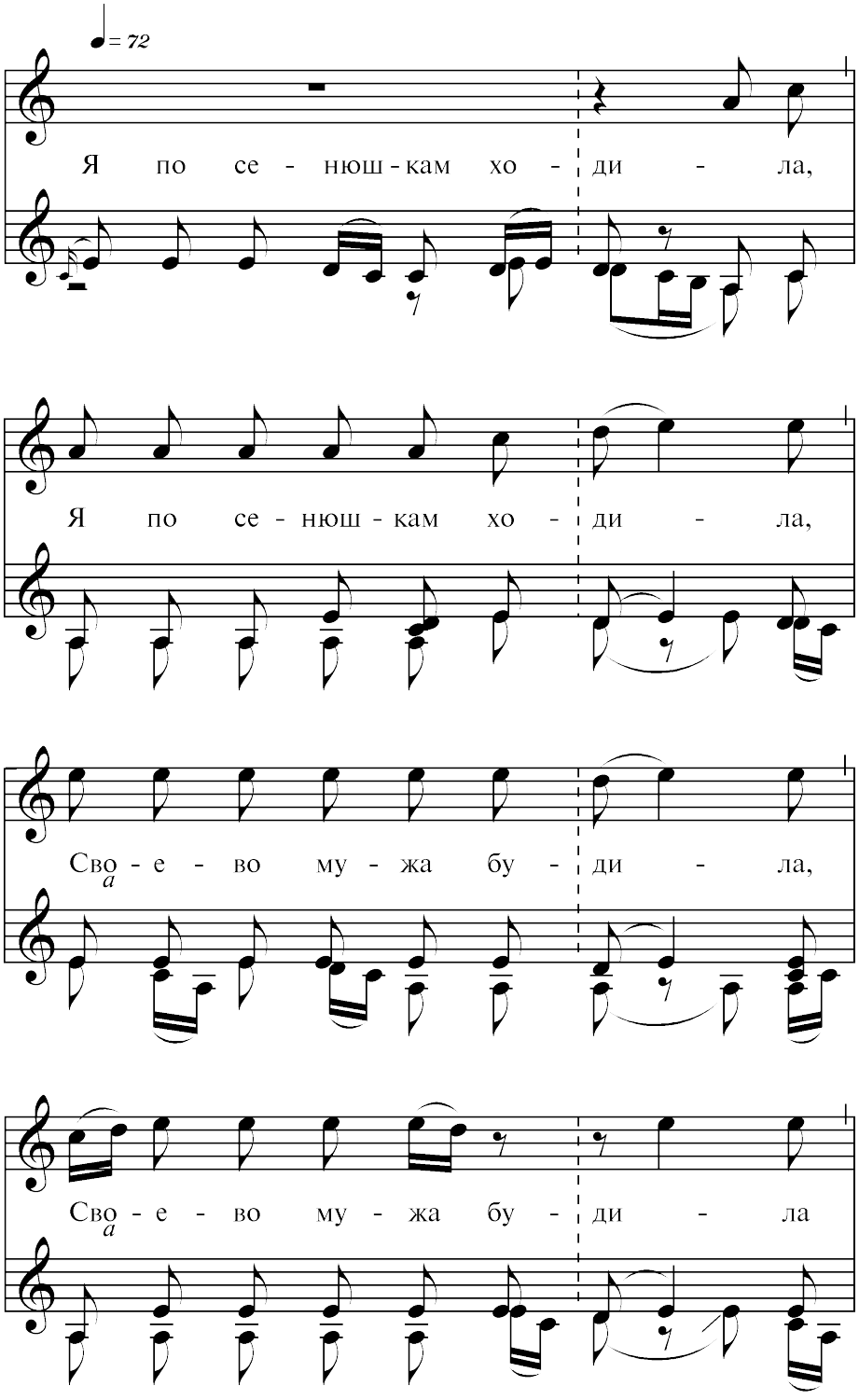
В нашем доми украшенья: красна солнышка взошло.
У меня в саду веселья: летел голубь васоко.
Летел голубь, летел сизай со голубицаю.
Шёл удалай молодец с милай барышнею.
Позади идут товарищи, завидывают.
Завидывают да пирговаривают:
— Как бы ети цветы, ой, во моем саду цвели,
Кабы ета мила барышня за мною была!
Я бы золытом осыпал, жемчугом иё одел.
Я б на тройке прокатил
В новопитерских санях, на [о]ренбургских лошадях.

ХОРОВОДНЫЕ И ПЛЯСОВЫЕ ПЕСНИ

75.

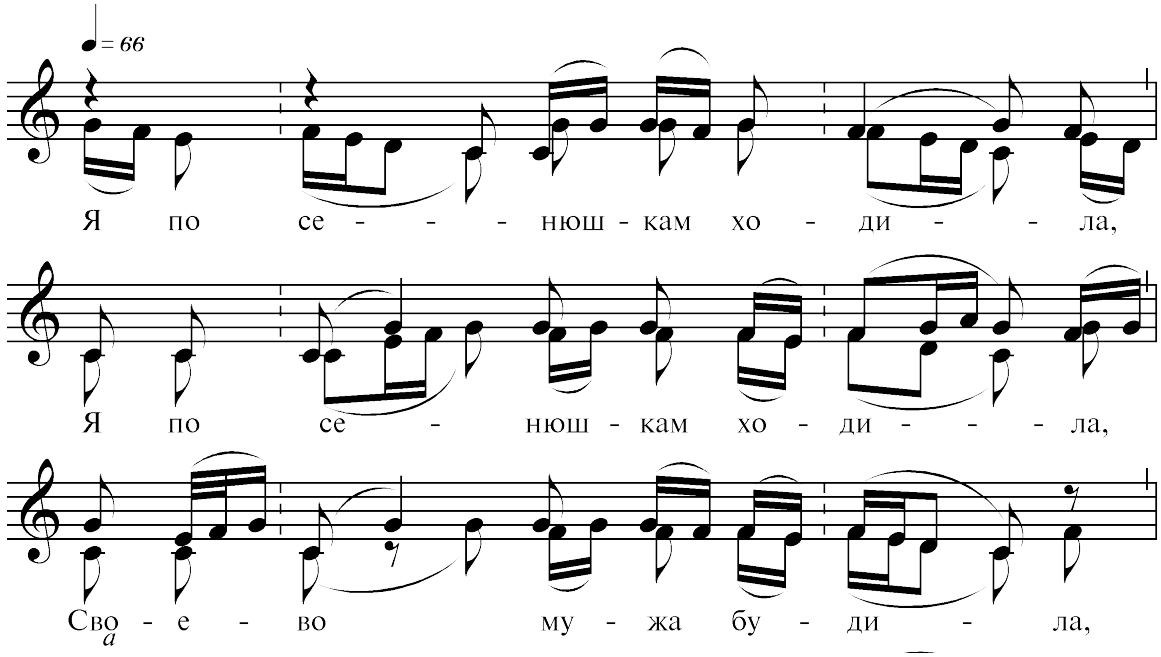


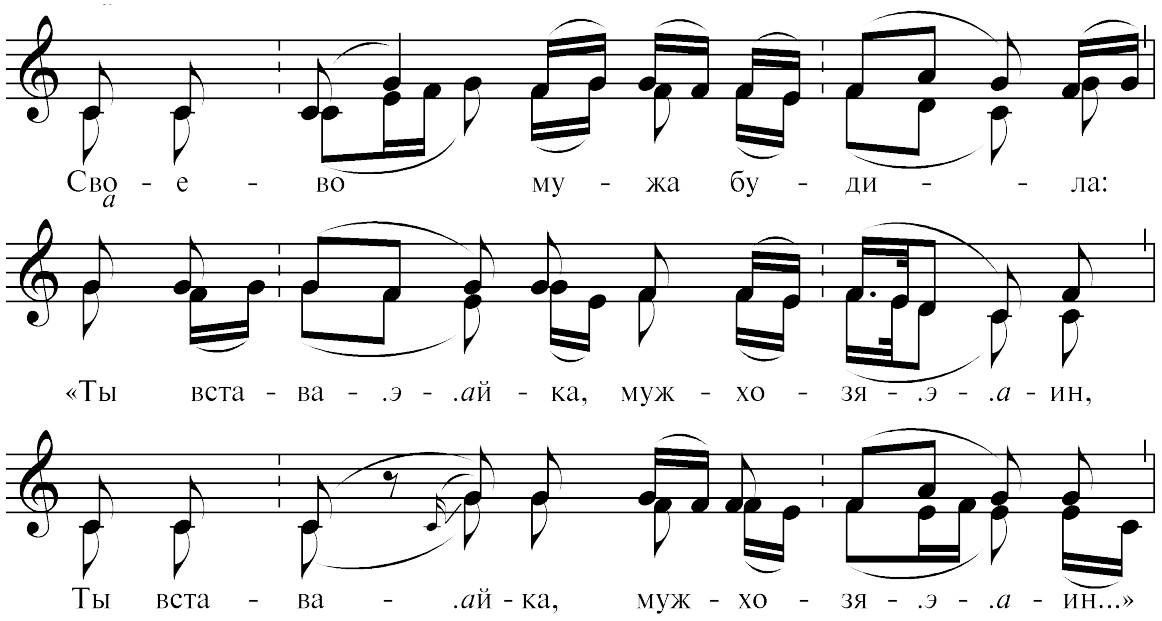
Я по сенюшкам ходила,
Я по сенюшкам ходила,
Своево дружка манила,
Своево дружка манила:
— Ты вставай-ка, друг-хозяин,
Ты вставай-ка, друг-хозяин,
У ворот-то стоят гости,
У ворот-то стоят гости.
Д[а] эти гости не простые,
Все братья мои родные,
Все братья мои родные,
Мои братья, твои шурья,
Мои братья, твои шурья.
Пошла жена завопила,
Гостей домой проводила.
— Вы ступайтя, мои братья,
Вы ступайтя, мои братья,
Передайтя по поклону,
А батюшке — по другому,
Зачем отдал замуж за такого,
За пьяницу коренного.

76.

Я по сенюшкам ходила,
Я по сенюшкам ходила,
Своево мужа будила,
Своево мужа будила:
— Ты вставай-ка, муж-хозяин,
Ты вставай-ка, муж-хозяин,
У ворот-та стоят кони,
У ворот-та стоят кони,
За столом-та сидят гости,

За столом-та сидят гости.
Эти гости д(а) не чужие,
Эти гости д(а) не чужие,
Все братья мое родные,
Все братья мое родные,
Мое братья — твое шурья,
Мое братья — твое шурья.
— Атойди, жена немила,
Атойди, жена немила.
Пошла жёна, завопила,
Пошла жёна, завопила,
Своех гостьев праводила,
Своех гостьев праводила:
— Вы, по[е]зжайтя, мое гости,
Вы, по[е]зжайтя, мое гости,
Вы по[е]зжайтя, не плутайтя,
Вы по[е]зжайтя, не плутайтя,
Вы скажитя всёму роду,
Вы скажитя всёму роду,
Всёму роду па поклону,
Всёму роду па поклону,
А мамыньки — са слезами,
А мамыньки — са слезами,
А тятиньки — д[а] никакова,
А тятиньки — д[а] никакова,
Зачем отдал за такова,
Зачем отдал за такова,
За пьяницу кореннова,
За пьяницу кореннова.

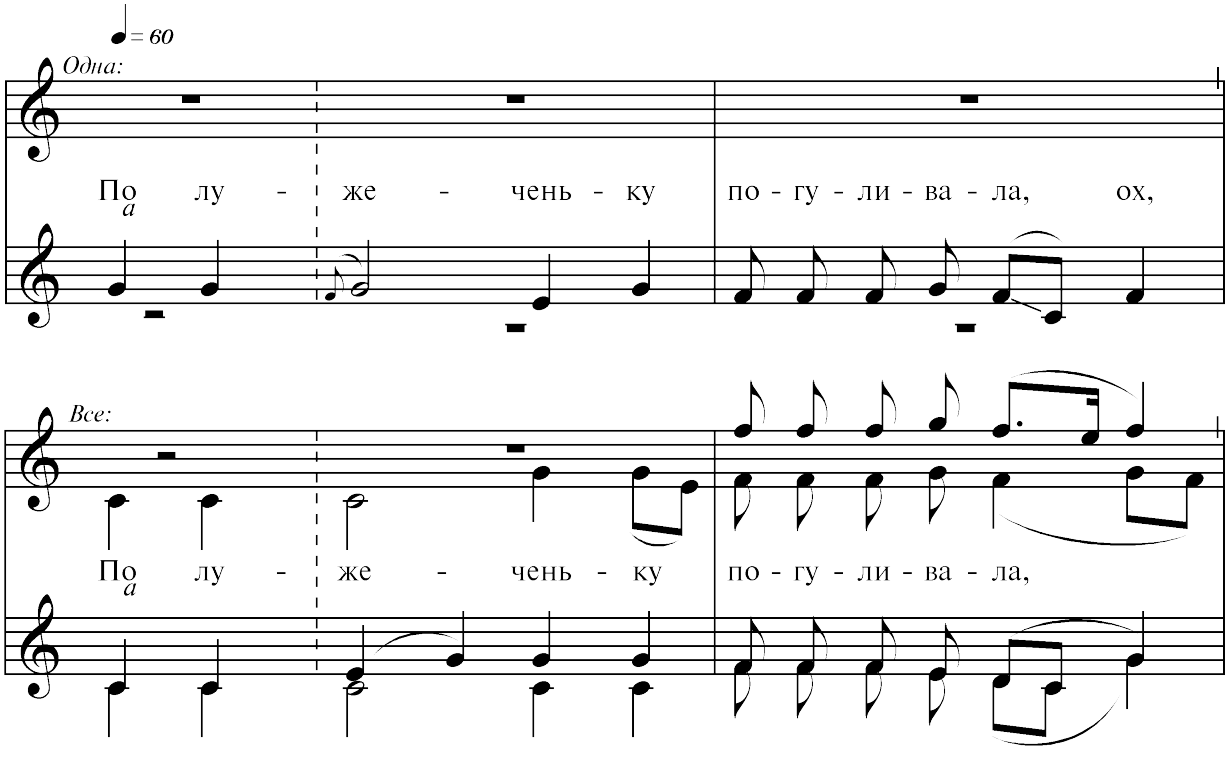
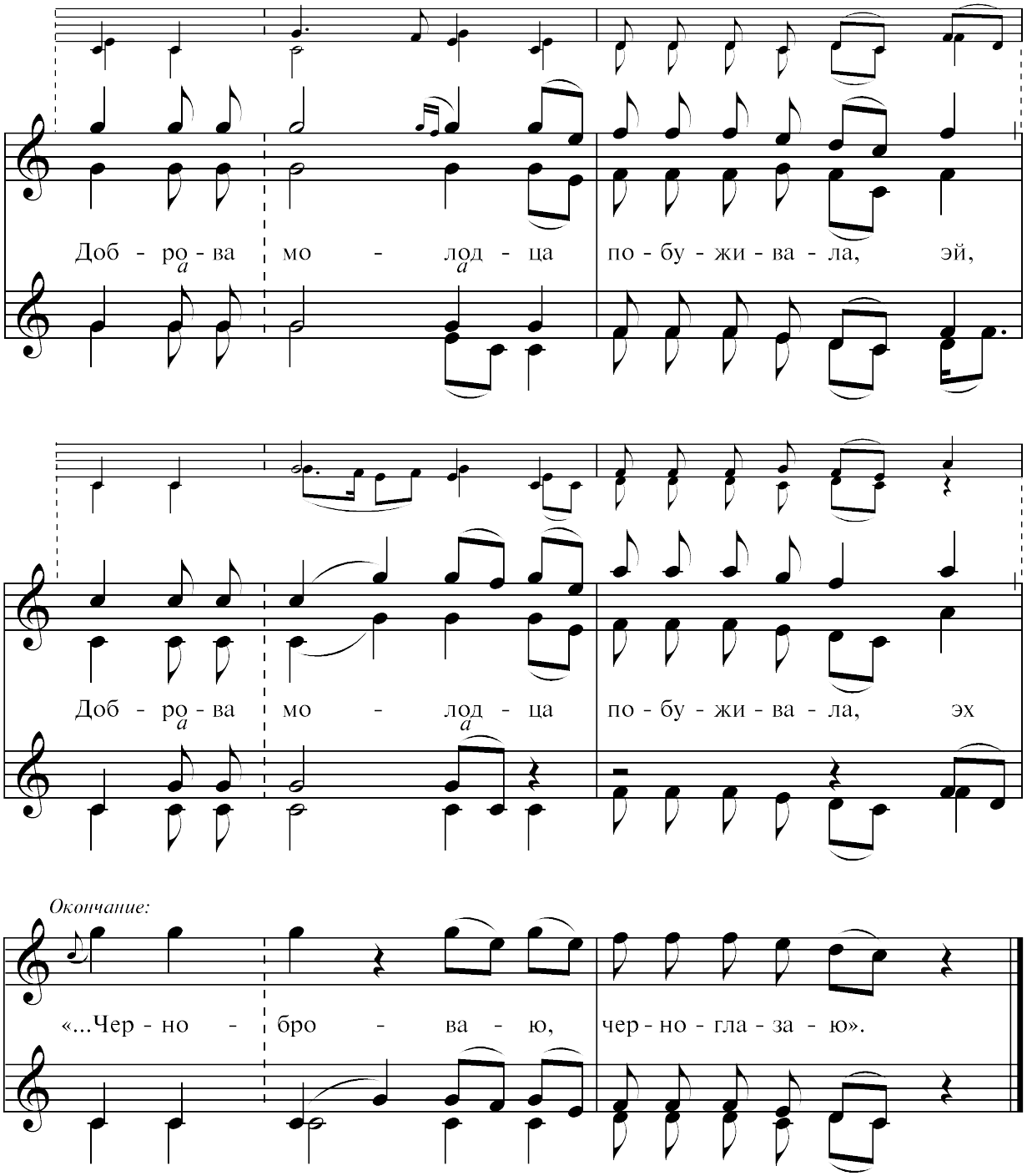
77.





Я по сенюшкам ходила,
Я по сенюшкам ходила,
Своево мужа будила,
Своево мужа будила:
«Ты вставай-ка, муж-хозяин,
Ты вставай-ка, муж-хозяин...»

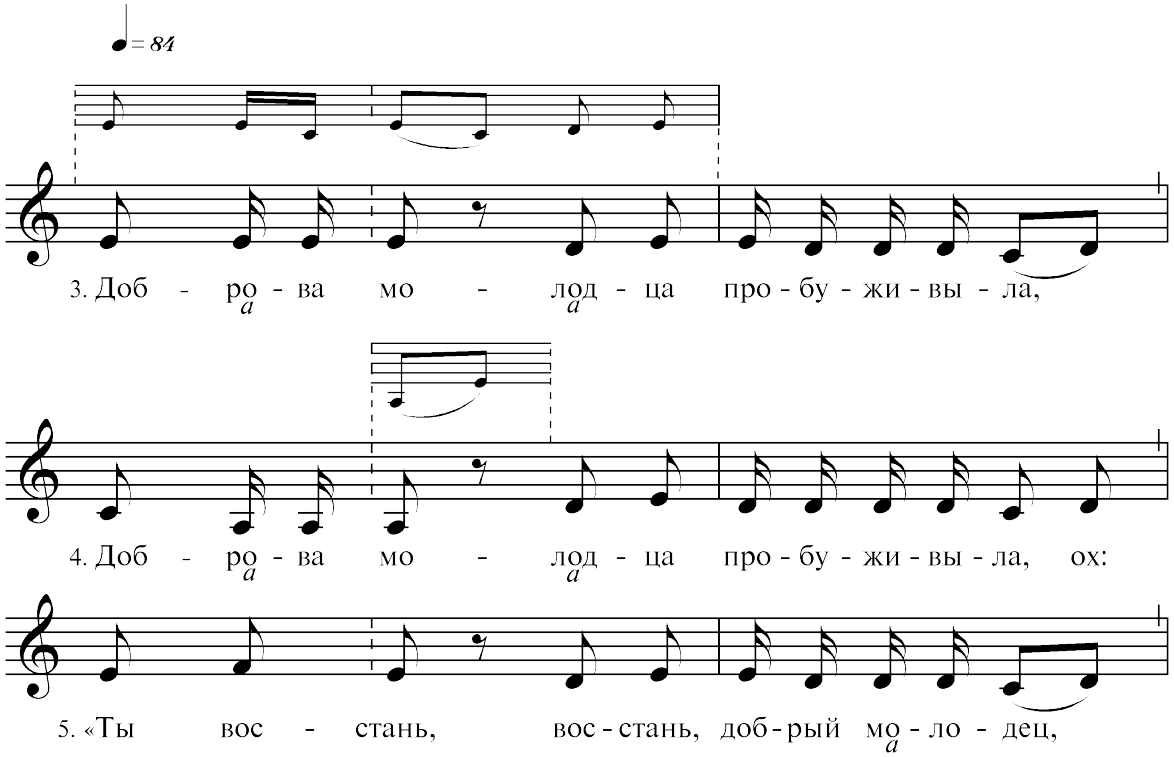
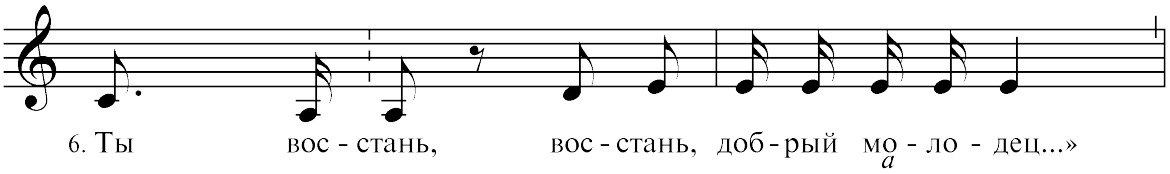
78.



Па лужеченьку погуливала, ох,
Па лужеченьку погуливала,
Добрава моладца побуживала, эй,
Добрава моладца побуживала, эх:
«Ты восстань, восстань, добрый малодец,
Ты восстань, восстань, добрый малодец,
Аторвался твой вороний конь,
Аторвался твой вороний конь
Ат столба, столба точёненького,
Ат столба, столба точёненького,
Ат колечушка лужоненького,

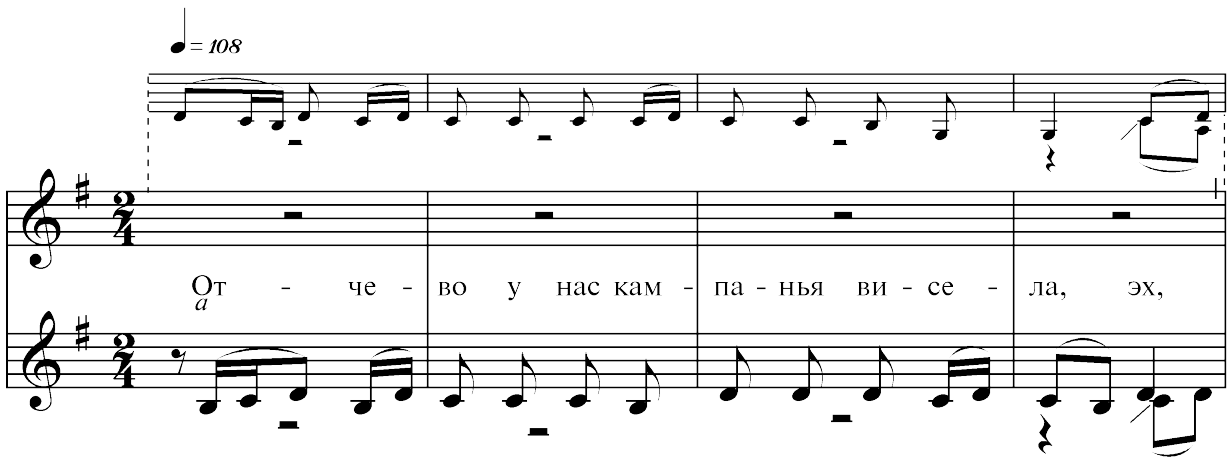
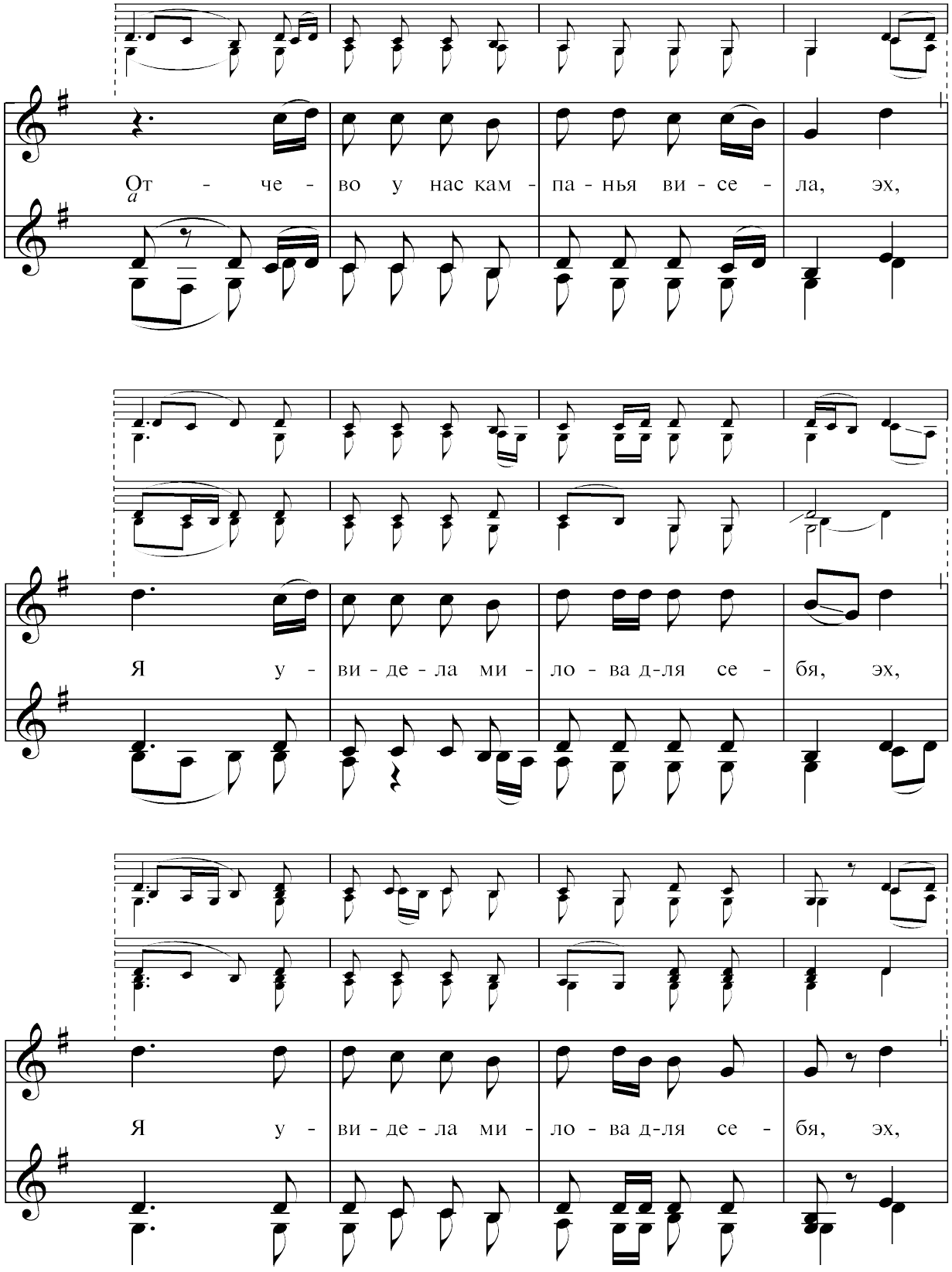
Ат колечушка лужоненького».
Конь ворвался ко девушки в сад,
Конь ворвался ко девушки в сад,
Примял травыньку шалковенькаю,
Примял травыньку шалковенькаю,
Ищё грушицу зелёненькаю,
Ищё грушицу зелёненькаю,
Чёрнаю ягаду самародину,
Чёрнаю ягаду самародину, ох,
Люблю я девушку чернобровaю,
Люблю я девушку чернобровaю,
Чернобровaю, черноглазаю,
Чернобровaю, черноглазаю.
«Постой, девушка, со мной не бранись,
Постой, девушка, со мной не бранись,
На подарачки со мной памирись,
На подарачки со мной памирись.
За протравыньку тебе заплачу,
За протравыньку тебе заплачу,
За те цветики лазоревые,
За те цветики лазоревые,
За ту грушицу зелёненькаю,
За ту грушицу зелёненькаю,
Чёрнаю ягаду самародину,
Чёрнаю ягаду самародину,
Люблю я девушку чернобровaю,
Люблю я девушку чернобровaю,
Чернобровaю, черноглазаю,
Чернобровaю, черноглазаю».

79.



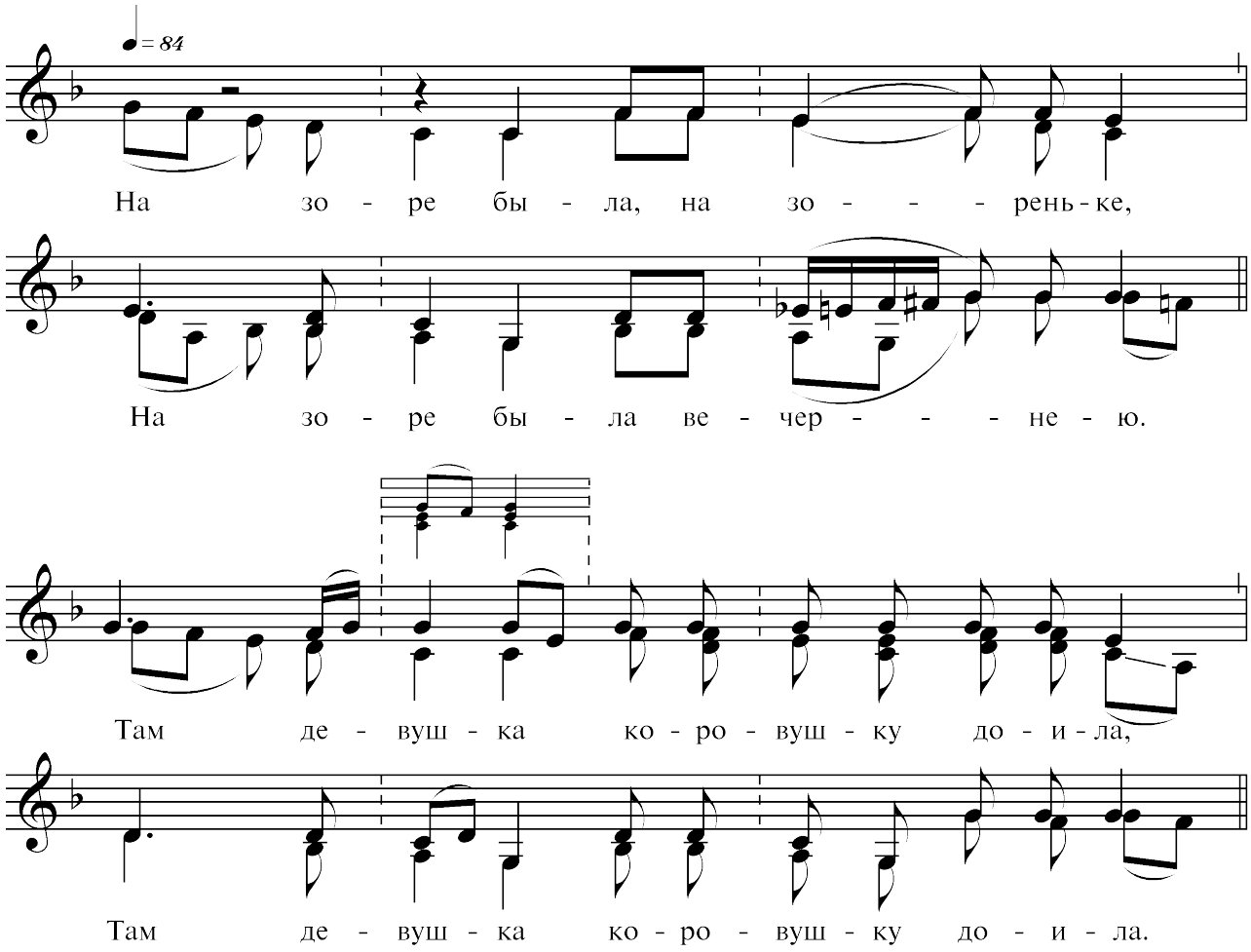
[По лужеченьку погуливала,
По лужеченьку погуливала],
Добрава м**о**ладца пробуживыла,
Добрава м**о**ладца пробуживыла, ох:
«Ты восстань, восстань, добрый малод**е**ц,
Ты восстань, восстань, добрый малод**е**ц,
Аторвался твой вороний конь,
Аторвался твой вороний конь
Ат столба, столба точёненькыва,
Ат столба, столба точёненькыва,
Ат колечушка лужёненькыва,
Ат колечушка лужёненькыва». Ох,
Конь ворвался ко девушке в сад,
Конь ворвался ко девушке в сад,
Примял травушку зелёненькаю,
Примял травушку зелёненькыю,
Чёрнаю ягоду самородину,
Чёрнаю ягоду самородину, ох,
«Люблю я девушку чернобровaю, ох,
Люблю я девушку чернобровaю, ой,
Чернобровaю, черноглазыю,
Чернобровaю, черноглазыю, ой,
Постой, девушка, со мной не бранись,
Постой, девушка, со мной не бранись, ох,
За протравушку тебе уплачу, ох,
За протравушку тебе уплачу,
За ту чёрнаю самородину,
За ту чёрнаю самородину, ох,
Люблю я девушку чернобровaю, ох,
Люблю я девушку чернобровыю,
Чернобровaю, черноглазаю, ох,
Чернобровaю, черноглазыю».

80.



Отчево у нас кампанья висела, эх,
Отчево у нас кампанья висела, эх,
Я увидела милова для себя, эх,
Я увидела милова для себя, эх,
Я увидела — обрадывалась,
Я увидела — обрадывалась, эх,

Пошла к мамыньке — розжаловылась,
Пошла к мамыньке — розжаловылась.
Моя мамынька — не худа, ни добра, эх,
Моя мамынька — не худа, ни добра, эх,
Никакова мать совету ни дала, эх,
Никакова мать совету ни дала, эх,
Пасылает мать капустыньку полоть,
Пасылает мать капустыньку полоть.
Я полю, полю, попалываю, ох,
Я полю, полю, попалываю, эх,
Да на солнышка поглядываю, ох,
Да на солнышка поглядываю, эх,
Высоко ли красна солнышка взошло, ох,
Высоко ли красна солнышка взошло, эх,
Высоко его туманым занесло, эх,
Высоко его туманым занесло, эх,
За тумаником не видно ничего, эх,
За тумаником не видно ничего, ох,
Только видно одны следики его,
Только видно одны следики его,
Мил по улицы похаживает,
Мил по улицы похаживает,
Да во скрипочку поигрывает.

81.

На зоре была на зореньке,
На зоре была вечернею.

Там девушка коровушку доила,
Там девушка коровушку доила.

Падоимши, скрозь платочка цедила,
Падоимши, скрозь платочка цедила.

Працедивши, душу Ваню поила.
Працедивши, душу Ваню поила.

Напоимши — уговаривыла,
Напоимши — уговаривыла.

«Не женися, душа Ванюша,
Не женися, душа Ванюша.

Если женисся, пиременисся,
Если женисся, пиременисся.

Потеряешь свою молодость-красу,
Потеряешь свою молодость-красу.

Между девок, между баб малодых,
Между девок, между баб малодых.

Между вдовушак, сиротушак,
Между вдовушак, сиротушак».

Стой дуброва, стой зелёная моя,
Стой дуброва, стой зелёная моя.

Во Киеве я гуляла, малода,
Во Киеве я гуляла, малода.

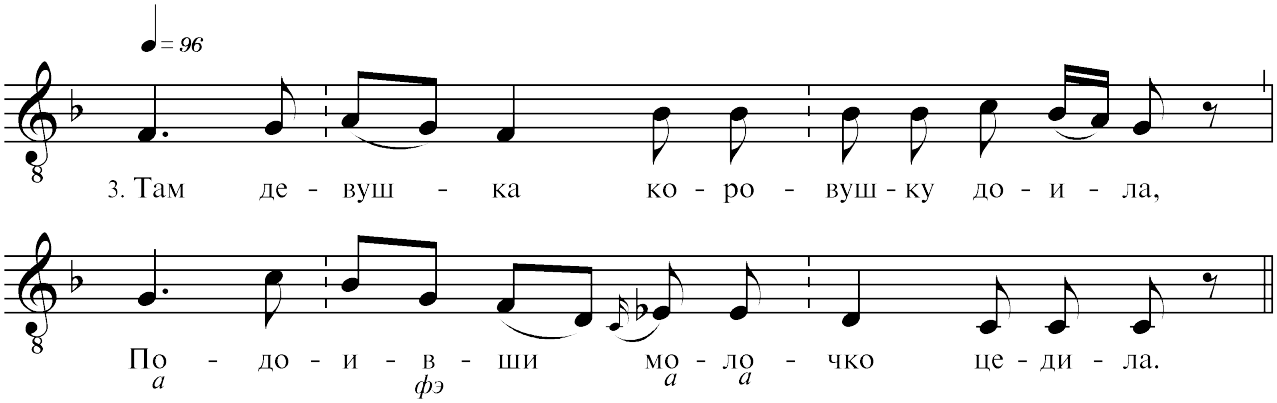
Я срывала цветы лазоревы,
Я срывала цветы лазоревы.

Я кричала свово милыва дружка,
Я кричала свово милыва дружка.

Я кричала — не докрикнулась ево,
Я кричала — не докрикнулась ево.

Показался мне лесок очень высок,
Показался мне лесок очень высок.

Не доходит до милова галосок,
Не доходит до милова галосок.

82.

[На зоре было да на зореньке,
На зоре было да на утреннею.

На зоре было да на утреннею],
Там девушка коровушку доила,

Там девушка коровушку доила,
Падоивши, молочко цедила.

Падоивши, молочко цедила,
Працедивши, душу Ваню поила.

Працедивши, душу Ваню поила,
«На-ка, выпей, душа Ваня дружочек.

На-ка, выпей, душа Ваня дружочек,
Ни женися, душа Ваня, жизнь моя.

Ни женися, душа Ваня, жизнь моя,
А как женишься, пиременишься.

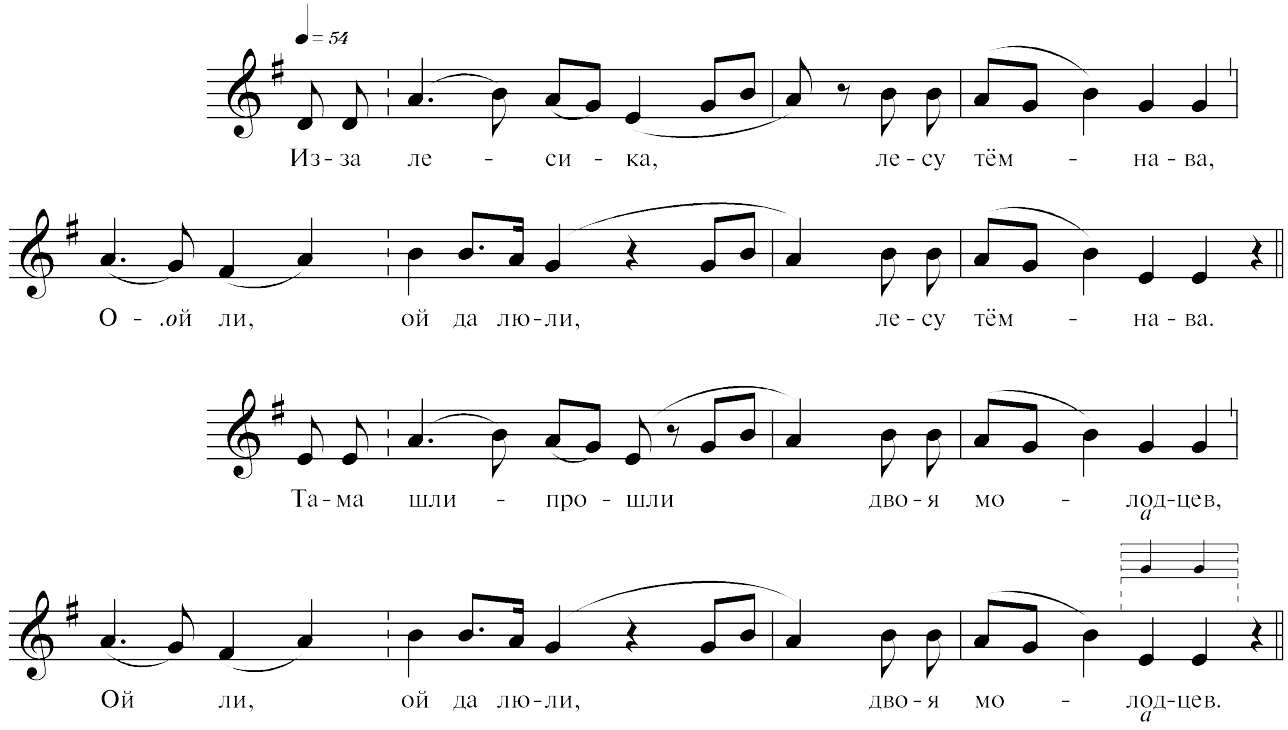
А как женишься, пиременишься,
Патеряешь малодую свою жизнь.

Патеряешь малодую свою жизнь,
Среди девак, среди баб малодых.

Среди девак, среди баб малодых,
Среди вдовушек, сиротушек.

Среди вдовушек, сиротушек,
Средь отчаянных головушек».

83.



Из-за лесика, лесу тёмнава,
Ой ли, ой да люли, лесу тёмнава.

Тама шли-прошли двоя молодцев,
Ой ли, ой да люли, ой двоя молодцев.

Двоя молодцев, парни бравыя,
Ой ли, ой да люли, парни бравыя.

Парни бравыя, неженатыя,
Ой ли, ой да люли, не женатыя.

Они вместе шли, не ругалися,
Ой ли, ой да люли, не ругалися.

Они врозь пошли, разругалися,
Ой ли, ой да люли, разругалися.

Об одной-та душе красной девице,
Ой ли, ой да люли, красной девице.

Красна девица выходила к ним,
Ой ли, ой да люли, выходила к ним.

Выходила к ним, говорила им,
Ой ли, ой да люли, говорила им:

«Уж вы братцы мои, вы товарищи,
Ой ли, ой да люли, вы товарищи.

Вы не спорьте-ка, не бранитеся,
Ой ли, ой да люли, не бранитеся.

Вы по совести разойдитеся,
Ой ли, ой да люли, разойдитеся.

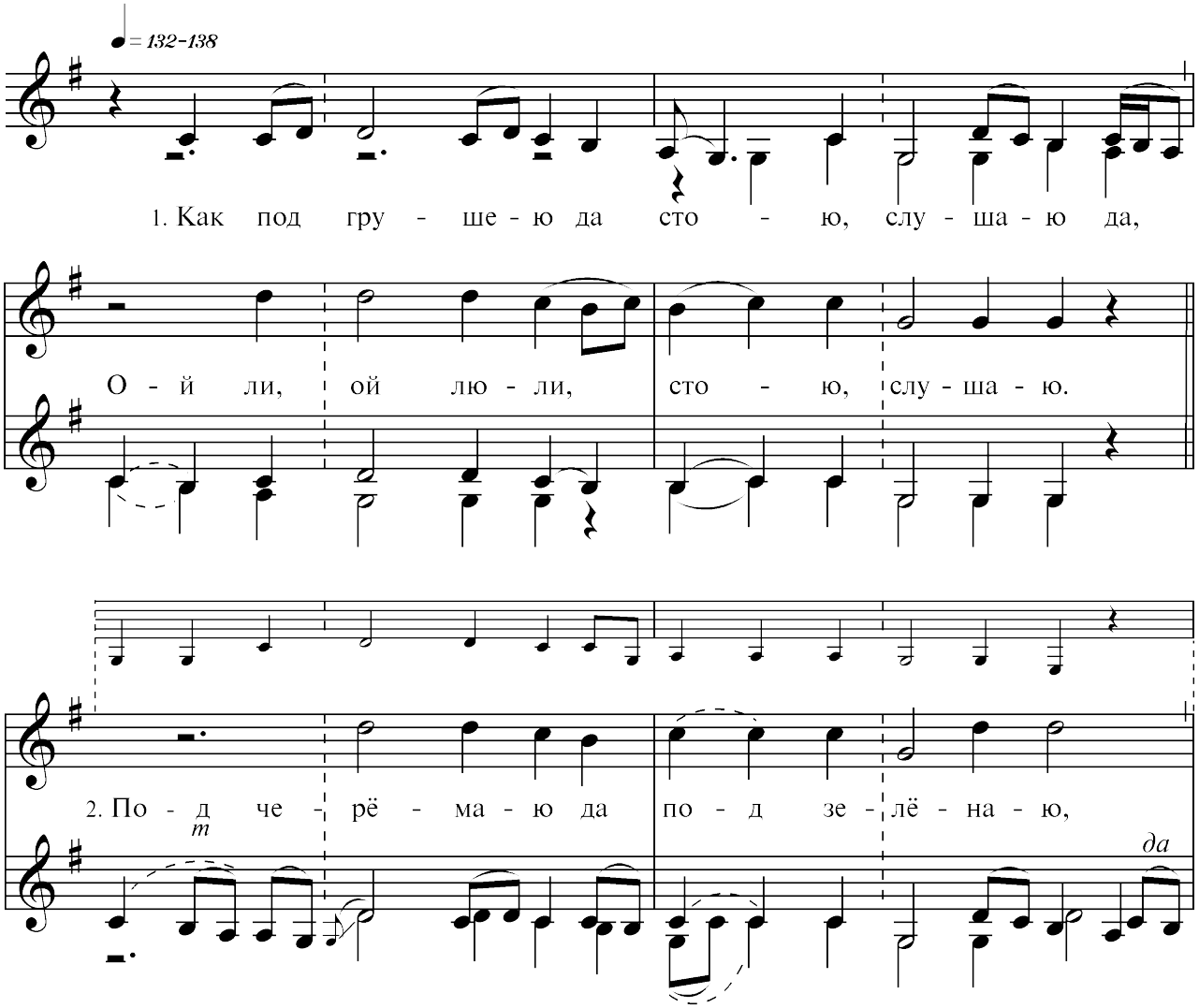
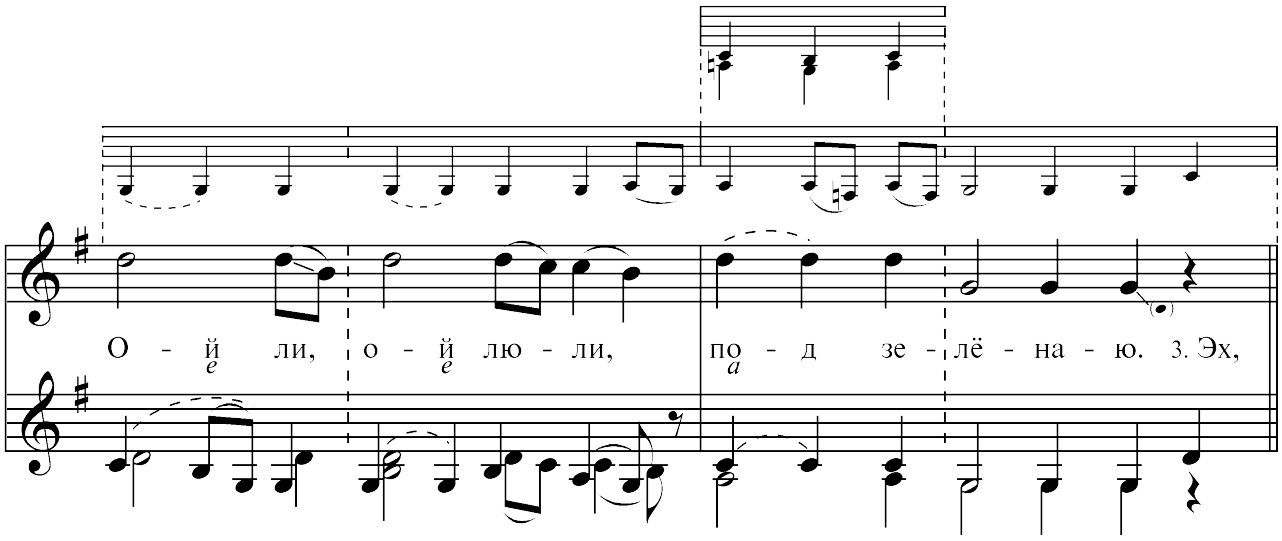
[*Фрагмент текста в пересказе:*
Вы не ссорьтеся, не бранитеся,
Вы по совести разойдитеся.
Вы подите-ка во зеленый сад
И срежьтя там по прутику...]

Вы метните-ка резвый жеребей,
Ой ли, ой да люли, резвый жеребей.

Да кому же из вас я достануся,
Ой ли, ой да люли, я достануся.

— И вот они мечут жеребей!

Доставалася парню бравому...

84.

Как под грушею да стою, слушаю да,
Ой ли, ой люли, стою, слушаю.

Под черёмаю да под зелёнаю да,
Ой ли, ой люли, под зелёнаю.

Эх, там стучит-брямчит, да муж жену учит,
Ой ли, ой люли, да муж жену учит.

Эх, муж жену учит нипокорнаю,
Ой ли, ой люли, да нипокорнаю.

Как жена мужу да ни кориласа,
Ой ли, ой люли, ни кориласа.

Эх, к подружке пошла — желобиласа*,
Ой ли, ой люли, желобиласа:

«Эх, подружка моя, атведи меня,
Ой ли, ой люли, да атведи меня.

Эх, атведи меня да ат лиха мужа,
Ой ли, ой люли, ат лиха мужа.

Эх, ат лиха, лиха да ат немилова,
Ой ли, ой люли, да от немилова.

Эх, мужик водку пьёт, да меня часто бьёт,
Ой ли, ой люли, да меня часто бьёт».

«Эх, подружка моя, воля ни моя,
Ой ли, ой люли, да воля ни моя.

Эх, нема волюшка да нема большина,
Ой ли, ой люли, да нема большина.

---

* Желобиласа — вокальное произнесение слова «жалобилась», т.е жаловалась.

Эх, велю плетку свить, велю чашше бить.
Ой ли, ой люли, да велю чашше бить.

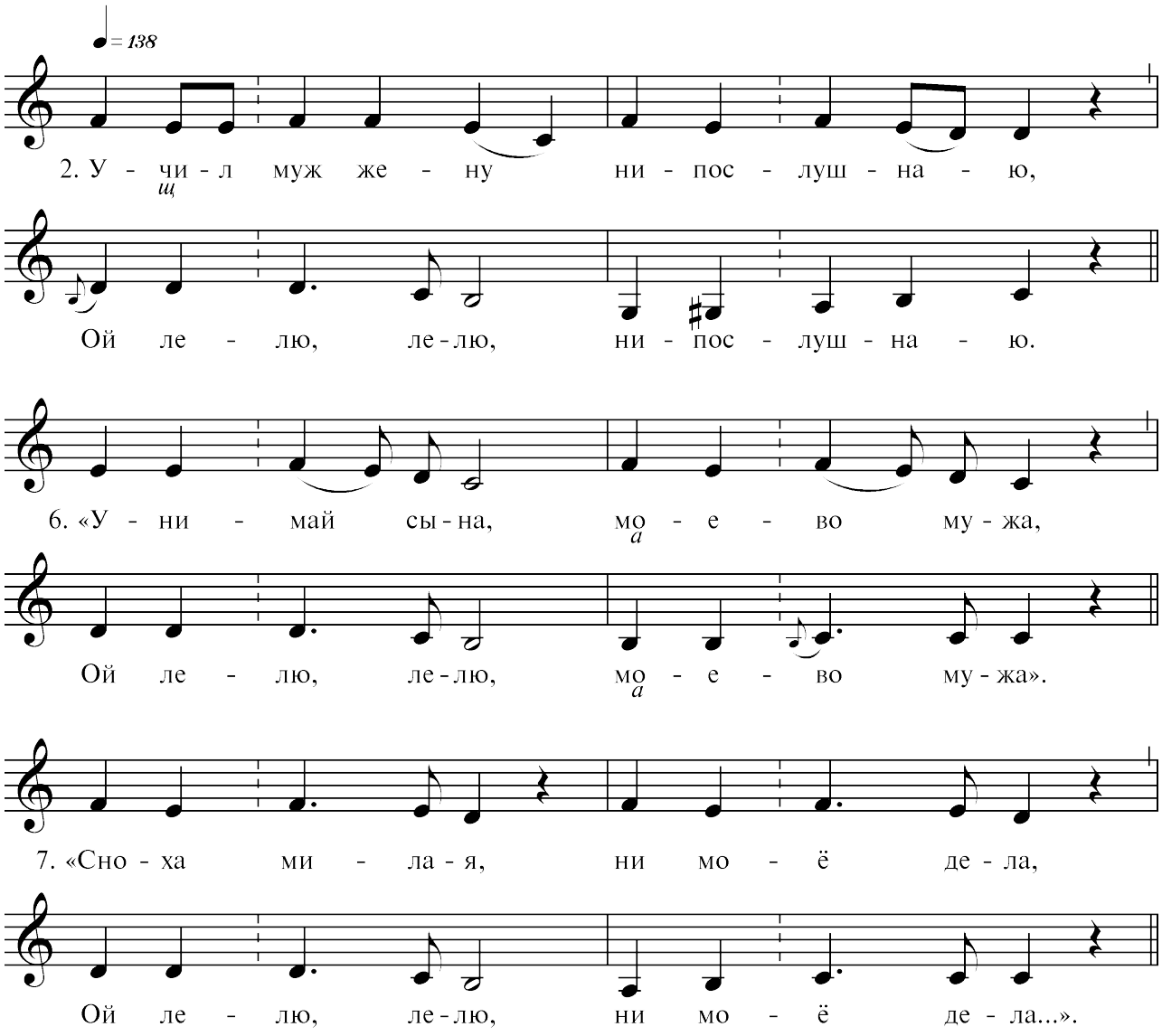
Э, чашше, чашше бить, чтобы слушалась,
Ой ли, ой люли, да чтобы слушалась.

Э, своему мужу да низка кланилась,
Ой ли, ой люли, да низко кланилась».

Эх, как жена мужу да пакориласа,
Ой ли, ой люли, да пакориласа.

Эх, на коленочки становиласа,
Ой ли, ой люли, да становиласа.

Эх, муж, прости вину да подними жену,
Ой ли, ой люли да подними жену.

85.

Как под белаю, белай берёзою,
Ой лелю, лелю, под белаю берёзою.

Учил муж жену нипослушнаю,
Ой лелю, лелю, нипослушнаю.

Как жена мужу не корилася,
Ой лелю, лелю, не корилася.

Свёкару-батюшки паклонилася,
Ой лелю, лелю, паклонилася.

«Свёкар батюшка, унимай сына,
Ой лелю, лелю, унимай сына.

Унимай сына, моево мужа,
Ой лелю, лелю, моево мужа».

«Сноха милая, ни моё дела,
Ой лелю, лелю, ни моё дела.

[Не моё дела,], дела сыновнина,
Ой лелю, лелю, дела сыновнина.

Хочет бьёт тебя, хочет милует,
Ой лелю, лелю, хочет милует».

Как под белаю, белай берёзою,
Ой лелю, лелю, под белаю берёзою.

Учил муж жену непослушнаю,
Ой лелю, лелю, непослушнаю.

Как жена мужу не корилася,
Ой лелю, лелю, не корилася.

Свёкрови-матушке паклонилася,
Ой лелю, лелю, паклонилася.

«Свёкровь милая, унимай сына,
Ой лелю, лелю, унимай сына.

Унимай сына, моево мужа,
Ой лелю, лелю, моево мужа».

«Сноха милая, не моё дела,
Ой лелю, лелю, не моё дела.

[Не моё дела,], дела сыновнина,
Ой лелю, лелю, дела сыновнина.

Хочет бьёт тебя, хочет милует,
Ой лелю, лелю, хочет милует».

Как под белаю, белай берёзою,
Ой лелю, лелю, под белаю берёзою.

Учил муж жену непослушнаю,
Ой лелю, лелю, непослушнаю.

Как жена мужу не корилася,
Ой лелю, лелю, не корилася.

Она золовушке паклонилася,
Ой лелю, лелю, паклонилася.

«Золовка милыя, золовка любимыя,
Ой лелю, лелю, золовка любимыя.

Унимай брата, моево мужа,
Ой лелю, лелю, моево мужа».

«Сноха милая, сноха любимыя,
Ой лелю, лелю, сноха любимыя.

Не моё дела, дела братнина,
Ой лелю, лелю, дела братнина.

Хочет бьёт тебя, хочет милует,
Ой лелю, лелю, хочет милует.

Гыворила тебе, не ходи гулять,
Ой лелю, лелю, не ходи гулять.

Не ходи гулять, не привечай ребят,
Ой лелю, лелю, не привечай ребят».

«Я млада была, глупо делыла,
Ой лелю, лелю, глупо делыла.

Глупо делыла, гулять бегала,
Ой лелю, лелю, гулять бегала».

Как под белаю под берёзою,
Ой лелю, лелю, под берёзою.

Учил муж жену бел-угрюмыю,
Ой лелю, лелю, бел-угрюмыю.

Как жена мужу пакорилася,
Ой лелю, лелю, пакорилася.

На резвы ноженьки паклонилыся,
Ой лелю, лелю, паклонилыся:

«Ты прости меня, дорогой мой муж,
Ой лелю, лелю, дорогой мой муж.

Я млада была, глупо делыла,
Ой лелю, лелю, глупо делыла.

Глупо делыла, гулять бегала,
Ой лелю, лелю, гулять бегала».

Мой ретивый муж за столом сидит,
Ой лелю, лелю, за столом сидит.

За столом сидит, на меня глядит,
Ой лелю, лелю, на меня глядит.

Шелковая плеть извивается,
Ой лелю, лелю, извивается.

Извивается, в руки просится,
Ой лелю, лелю, в руки просится.

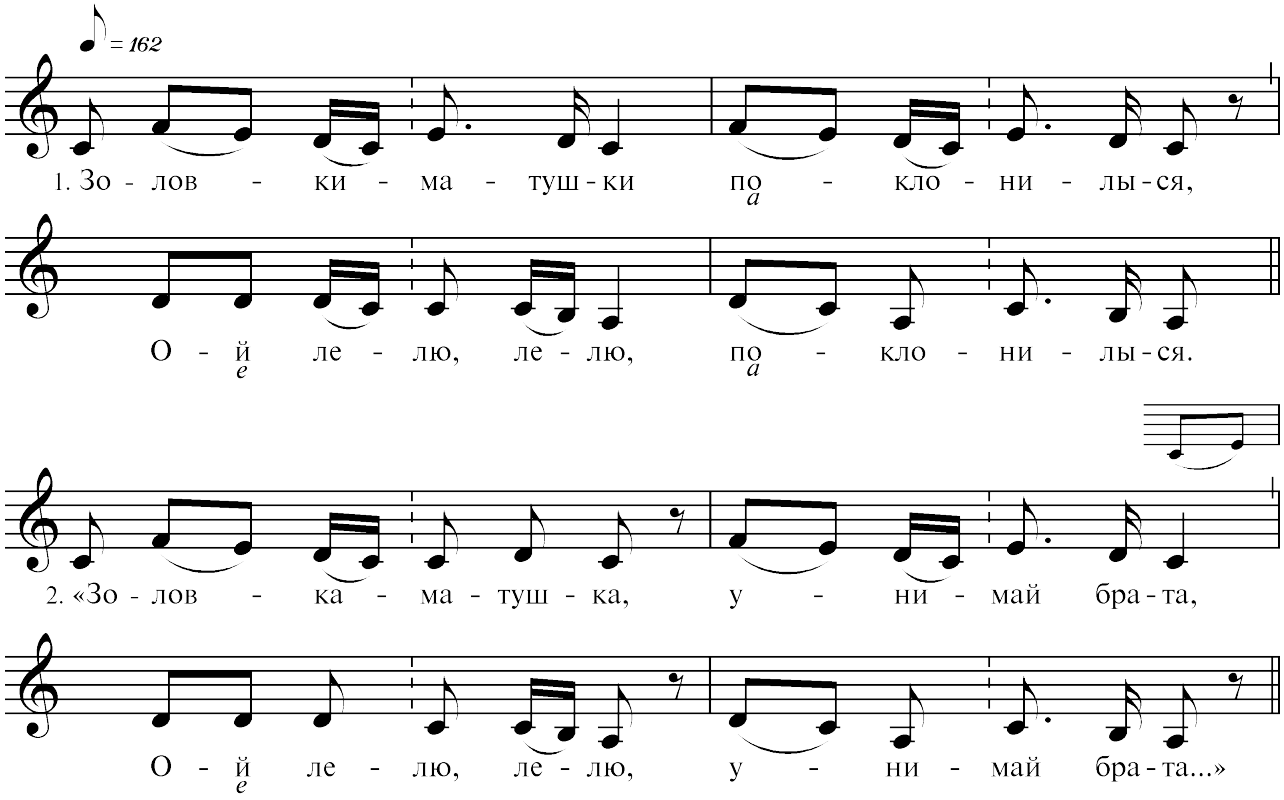
Мылоду жану побить хочется,
Ой лелю, лелю, побить хочется.

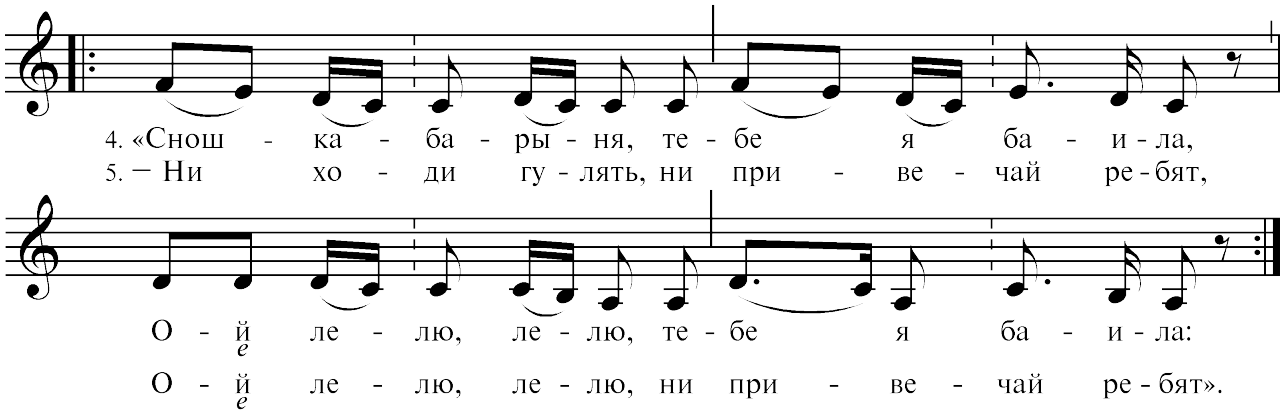
Шелковая плеть только свистнула,
Ой лелю, лелю, только свистнула.

Мылода жена только визгнула,
Ой лелю, лелю, только визгнула.

— Шелковая плеть из рук выпала у нёво, она подняла её... Помирились они.

86.





<...>
Золовки-матушки паклонилыся,
Ой лелю, лелю, паклонилыся.

«Золовка-матушка, унимай брата,
Ой лелю, лелю, унимай брата.

Унимай брата маево мужа,
Ой лелю, лелю, маево мужа!»

«Сношка-барыня, тебе я баила,
Ой лелю, лелю, тебе я баила:

— Ни ходи гулять, ни привечай ребят,
Ой лелю, лелю, ни привечай ребят».

Как под белаю, белой берёзаю,
[Ой лелю, лелю, под берёзаю].

Учил муж жену бел-угрюмаю,
[Ой лелю, лелю, бел-угрюмаю].

Бел-угрюмаю, всё послушнаю,
Ой, лелю, лелю, всё послушнаю.

Как жана мужу пакорилася,
Ой лелю, лелю, пакорилася.

На коленочки становилася,
Ой лелю, лелю, становилася

В резвы ноженьки паклонилася,
Ой лелю, лелю, паклонилася.

«Ты прости, прости меня, милый друг,
Ой лелю, лелю, меня, милый друг.

Малода была, глупа делыла,
Ой лелю, лелю, глупа делыла.

Глупа делыла, гулять бегыла,
Ой лелю, лелю, гулять бегыла!»

Ретиво сердца ножом резнула,
Ой лелю, лелю, ножом резнула.

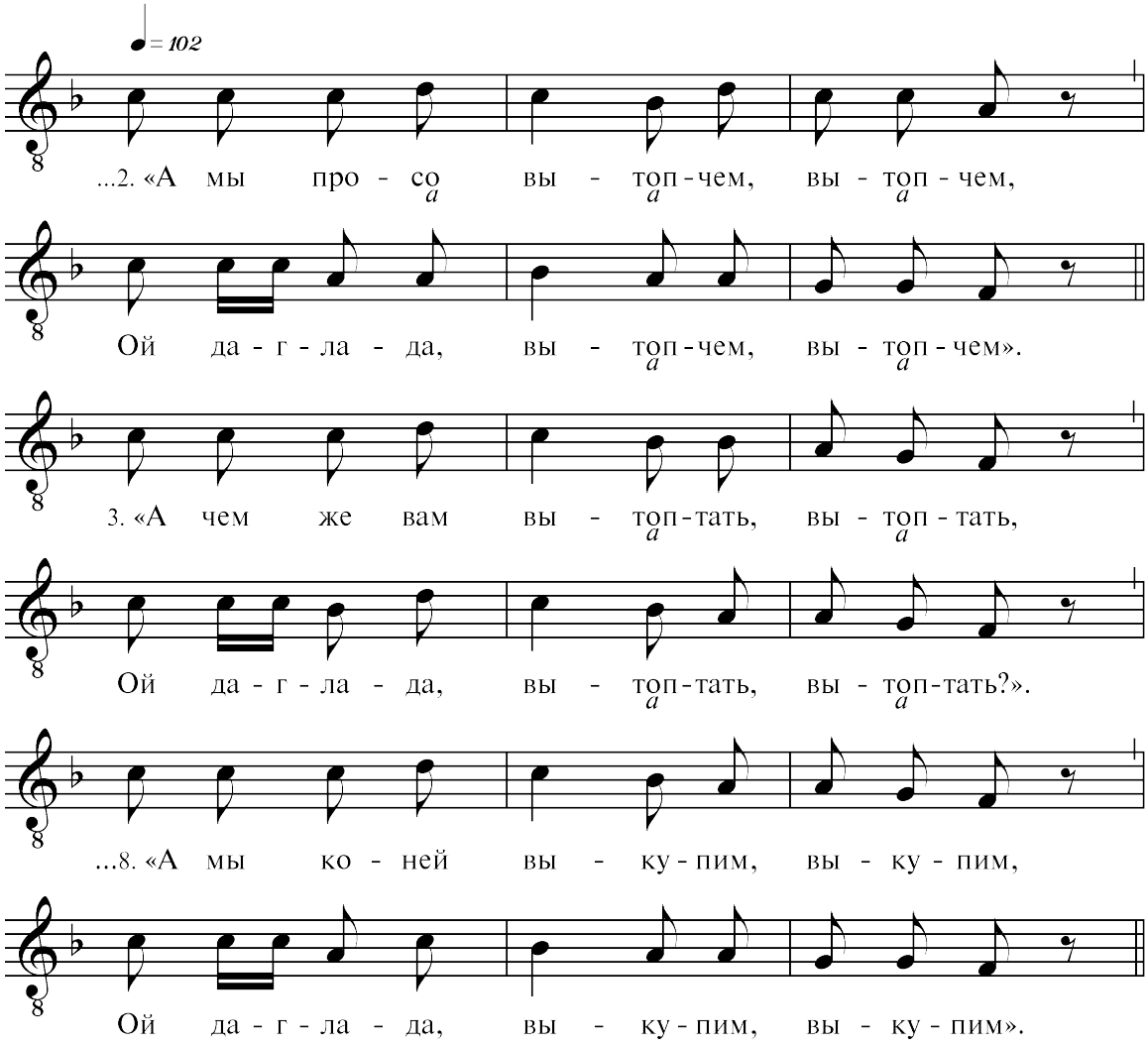
Шелковая плеть из рук выпыла,
Ой лелю, лелю, из рук выпыла.

Малода жона поднимается,
Ой лелю, лелю, поднимается.

За шелкову плеть принимается,
Ой лелю, лелю, принимается.

«Вот вам, милай друг, шелковая плеть,
Ой лелю, лелю, шелковая плеть.

Шелковая плеть, хошь бери, хошь нет... »

87.

«А мы просо сеяли, сеяли,
Ой даг-лада, сеяли, сеяли».

«А мы просо вытопчем, вытопчем,
Ой даг-лада, вытопчем, вытопчем».

«А чем же вам вытоптать, вытоптать,
Ой даг-лада, вытоптать, вытоптать?»

«А мы коней выпустим, выпустим,
Ой даг-лада, выпустим, выпустим».

«А мы коней пиреймём, пиреймём,
Ой даг-лада, пиреймём, пиреймём».

«А чем же вам пиренять, пиренять,
Ой даг-лада, пиренять, пиренять?»

«А мы шелковым повыдам, повыдам,
Ой даг-лада, повыдам, повыдам».

«А мы коней выкупим, выкупим,
Ой даг-лада, выкупим, выкупим».

«А чем же вам выкупить, выкупить,
Ой даг-лада, выкупить, выкупить?»

«А мы дадим сто рублей, сто рублей,
Ой даг-лада, сто рублей, сто рублей».

«Нам не надо тысячу, тысячу,
Ой даг-лада, тысячу, тысячу».

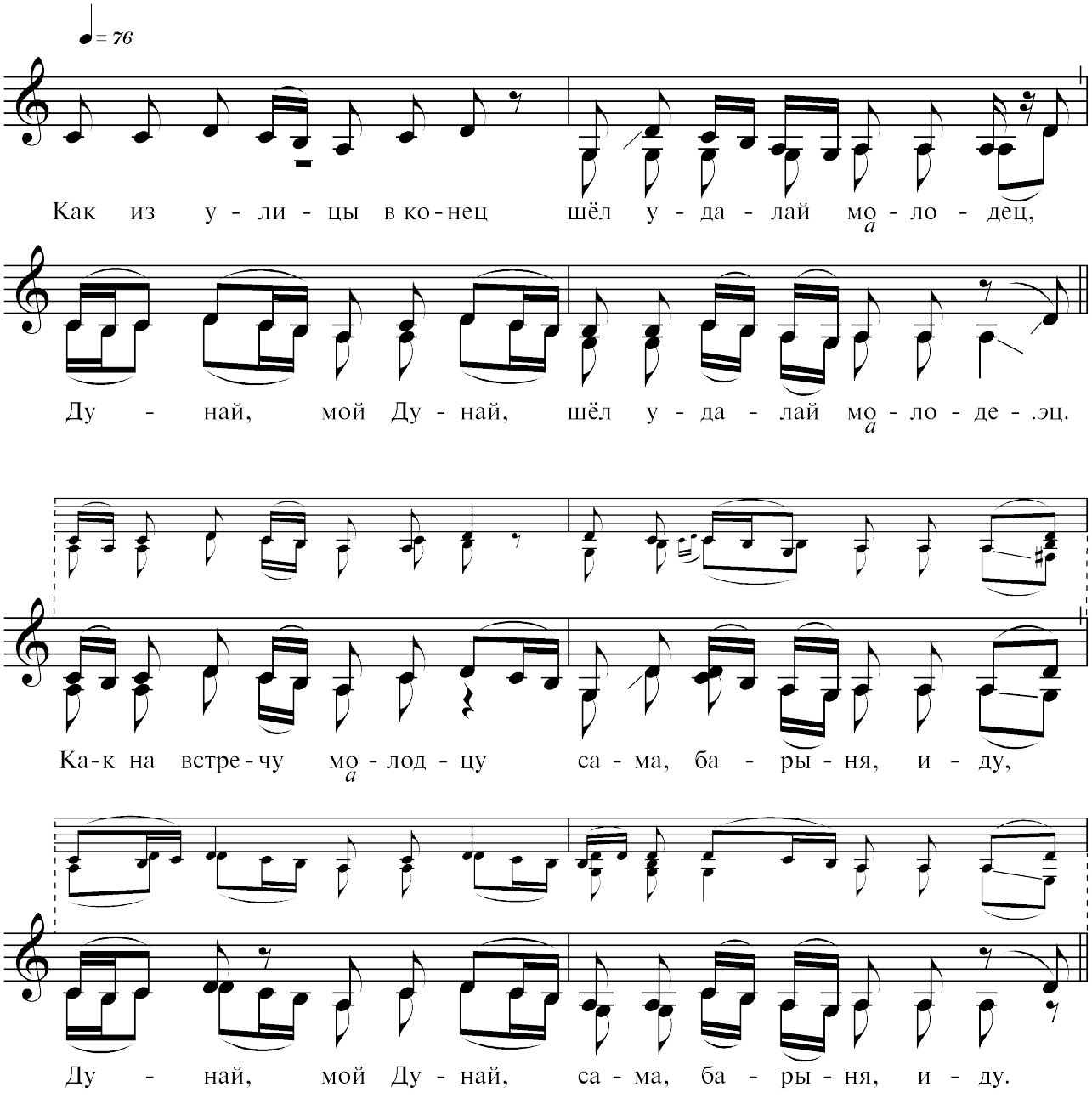
«А чево вам надобно, надобно,
Ой даг-лада, надобно, надобно?»

«Нам надобна девица, девица,
Ой даг-лада, девица, девица!»

— Забирают одну кого-то. А как забрали:

«В нашем полку убыло, убыло,
Ой даг-лада, убыло, убыло».

«В нашем полку прибыло, прибыло,
Ой даг-лада, прибыло, прибыло».

88.

Как из улицы в конец шёл удалай малодец,
Дунай, мой Дунай, шёл удалай малодец.

Как навстречу малодцу сама, барыня, иду,
Дунай, мой Дунай, сама, барыня, иду.

Сама, барыня, иду, за собой дочку веду,
Дунай, мой Дунай, за собой дочку веду, ох,

За собой дочку веду, веду — спрашиваю,
Дунай, мой Дунай, веду — спрашиваю, ох,

Веду — спрашиваю, уговариваю,
Дунай, мой Дунай, уговариваю, ох:

«Уж ты парень, паренёчек, где ты был-прабывал?
Дунай, мой Дунай, где ты был-прабывал, эх,

Где ты был-пробывал, где розгуливал-гулял?»
Дунай, мой Дунай, где розгуливал-гулял, эх, —

«Сударыня молодая, не у тебя ли ва дворце?
Дунай, мой Дунай, не у тебя ли ва дворце?

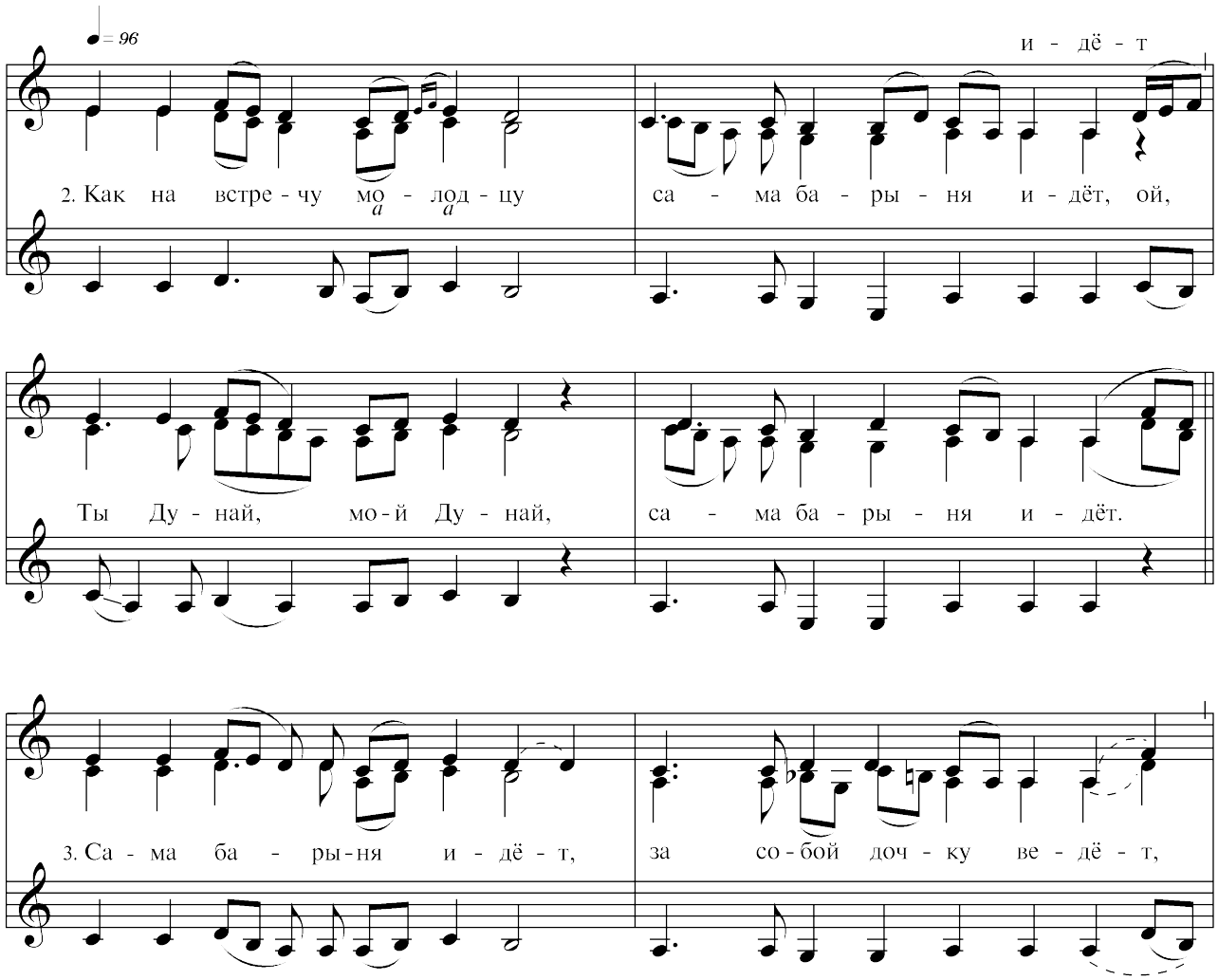
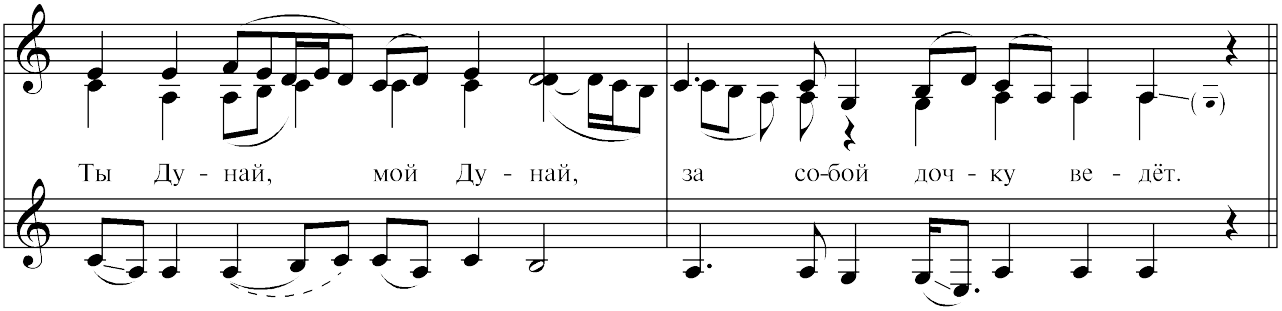
Не у тебя ли во дворце, во высоким тирямце?
Дунай, мой Дунай, во высоким тирямце?

Во высоким тирямце, в новай горницы,
Дунай, мой Дунай, в новай горницы, эх,

Во горенке во новой, на кровати тисовой,
Дунай, мой Дунай, на кровати тисовой, ой,

На кровати тисовой, на перине пуховой, ой,
Дунай, мой Дунай, на перине пуховой, ой,

На перине с Катериной с твоей дочерью родной,
Дунай мой Дунай, с твоей дочерью родной!»

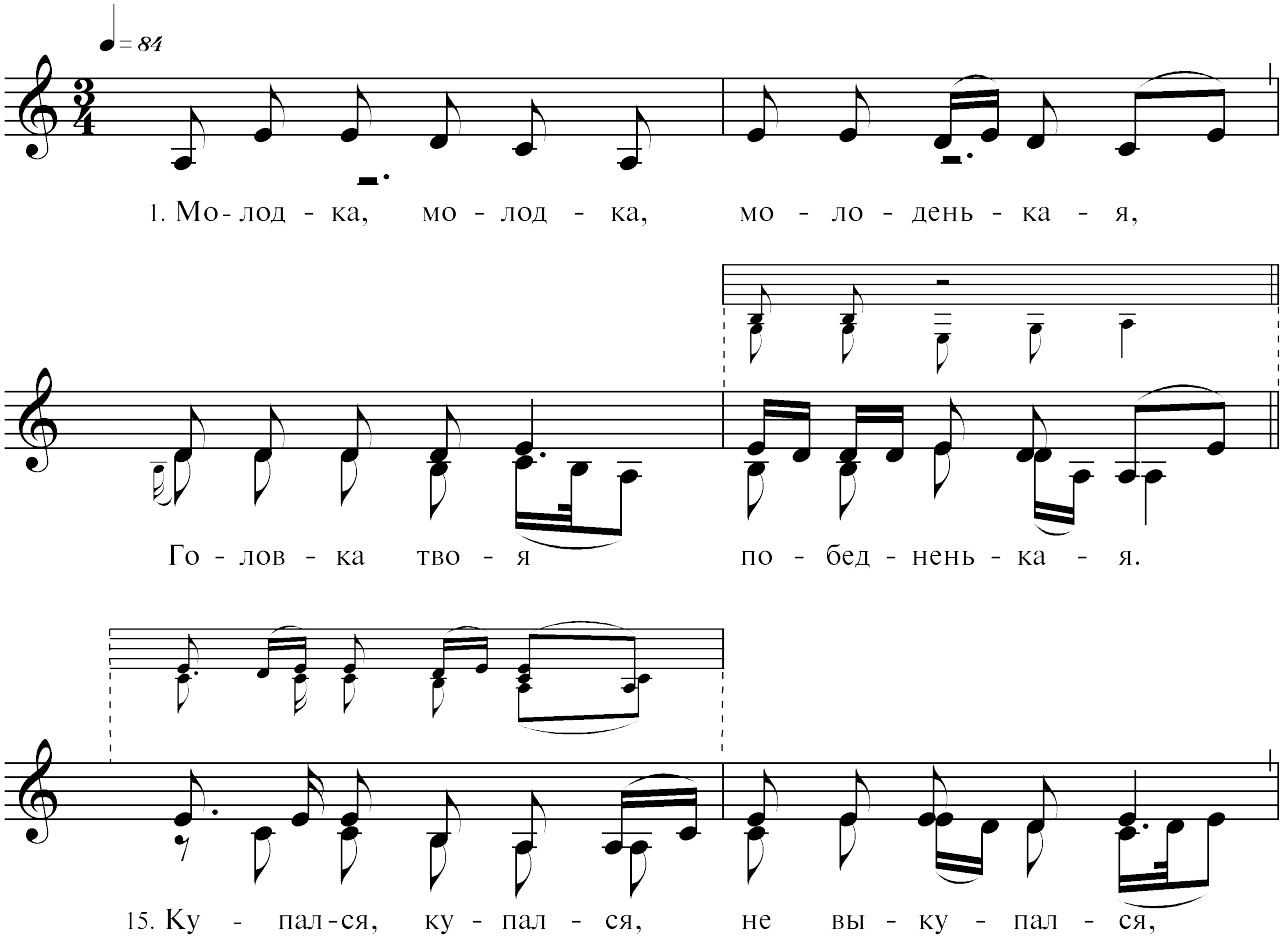
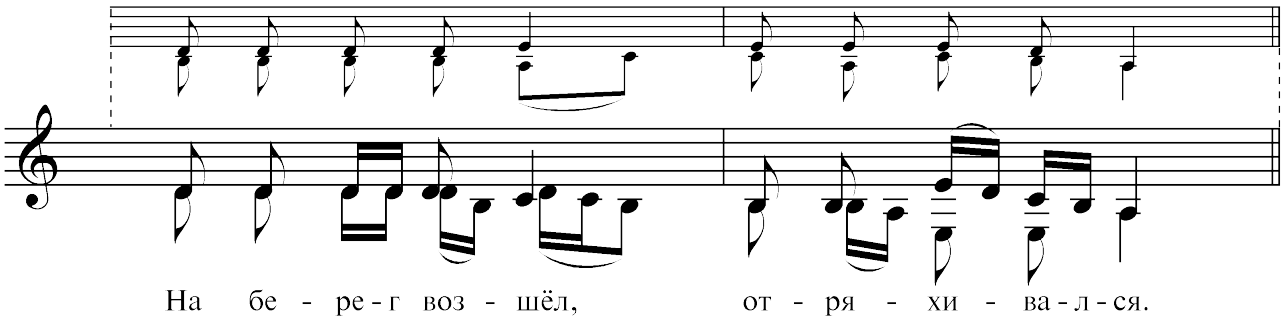
89.



[Как из улицы в конец] шёл удалай молодец, эх,
Ты Дунай, мой Дунай, шёл удалай молодец.

Как навстречу молодцу сама барыня идёт, ой,
Ты Дунай, мой Дунай, сама барыня идёт.

Сама барыня идёт, за собой дочку ведёт,
Ты Дунай, мой Дунай, за собой дочку ведёт.

За собой дочку ведёт, парня спрашивает, эх,
Ты Дунай мой Дунай, парня спрашивает.

90.



Молодка, молодка молоденькая,
Головка твоя победненькая.

Головка твоя победненькая,
Не с кем мне, молодке, ночку ночевать.

Не с кем мне, молодке, ды ночку ночевать,
Ночку ночевать, проспать-пролежать.

Ночку ночевать, проспать-пролежать,
Лягу спать одна, без мила дружка.

Лягу спать одна я, без мила дружка, ой,
Без мила дружка берёт грусть-тоска.

Без мила дружка, ой, берёт грусть-тоска.
Грусть тоска берёт, далеко живёт.

Грусть тоска берёт далеко живёт,
Далеко-далёка, на той стороне.

Далеко-далёка, на той стороне,
На той на сторонке, не близка ко мне.

Ходит мой милой тою стороной,
Машет мой милой праваю рукой.

Машет мой милой праваю рукой,
Ручкой праваю, шляпой чёрнаю.

— Сударка моя, перейди сюда!
— Я бы перешла, да переход не нашла.

Я бы перешла — переход не нашла,
Переход нашла, жердычка тонка.

Жердычка тонка, да речка глубока.
Во этой речке купался бобёр.

Во этой речке купался бобёр,
Купался, купался, не выкупался.

Купался, купался, не выкупался,
На берег возшёл, отряхивался.

На берег возшёл, отряхивался, да
Во все стороны оглядывался.

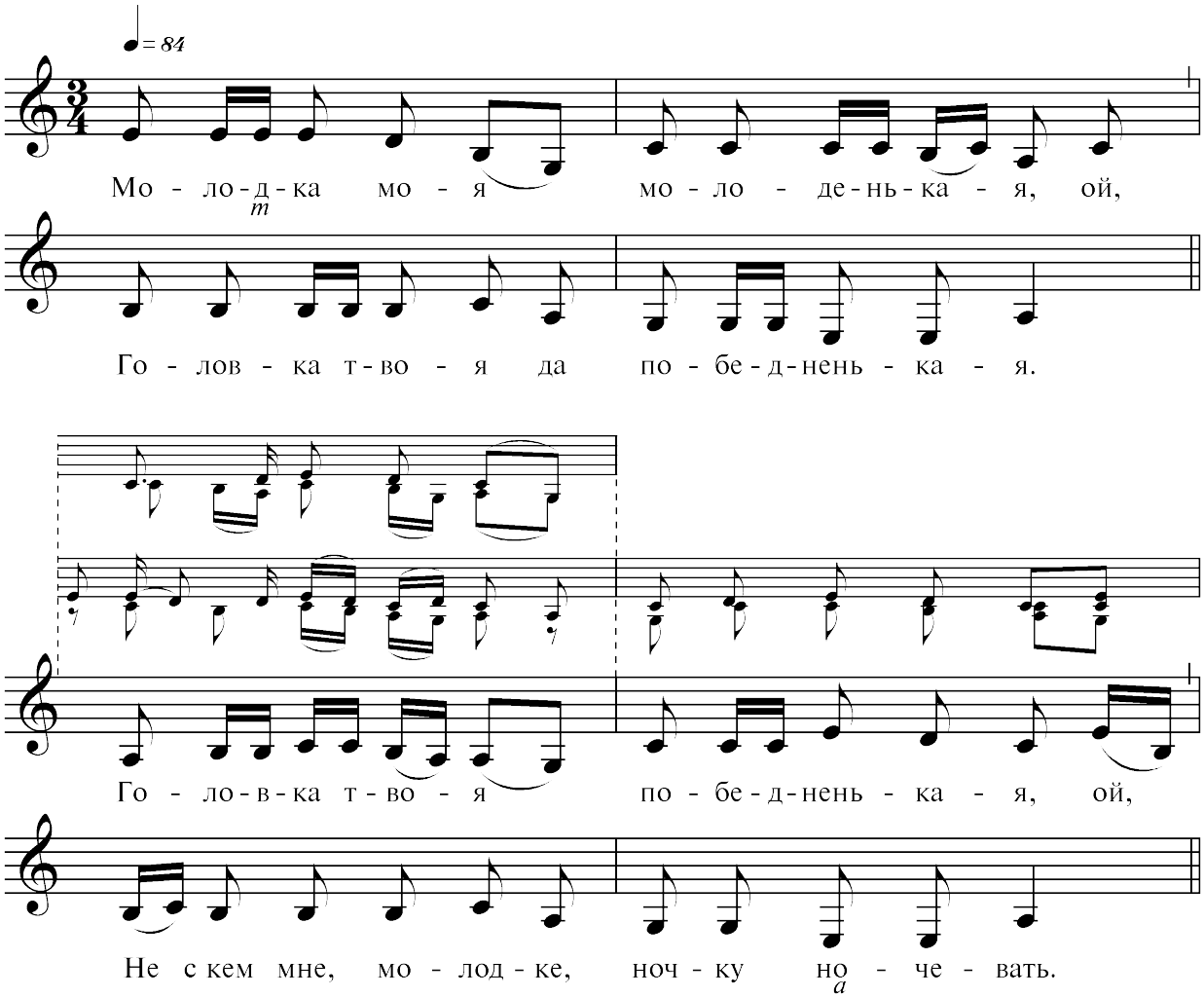
Вот нейдёт ли кто, вот не едет ли?
Охотнички свищут, чёрного бобра ищут.

Охотнички свищут, чёрного бобра ищут,
Хотят бобра бить, хотят застрелить.

Хотят бобра бить, хотят застрелить,
Хотят застрелить, Маше шубу шить.

Хотят застрелить, а Маше шубу шить,
Шубынька боброва, Маша черноброва.

Шуба коротка, Маша хороша.

91.

Молодка моя молоденькая, ой,
Головка твоя да победненькая.

Головка твоя победненькая, ой,
Не с кем мне, молодке, ночку ночевать.

Не с кем мне, молодке, ночку ночевать,
Осеннею тёмну проспать-пролежать.

Ой осеннею тёмну проспать-пролежать,
Лягу спать одна я, без мила дружка.

Лягу спать одна, без мила дружка, ой,
Без мила милова берёт грусть-тоска.

Без мила милова берёт грусть-тоска,
Грусть-тоска берёт — далеко живёт.

[Грусть тоска берёт — далеко живёт,
Далеко-далёко на той стороне].

Далеко-далёко на той стороне,
На той на сторонке, не близка ко мне.

На той на сторонке, не близка ко мне,
Ходит мой милой тою стороной.

Ходит мой милой тою стороной,
Машет мой милой правэю рукой.

Машет мой милой правэю рукой,
Ручкой правэю и шляпой чёрною.

Ручкой правэю, шляпой чёрною, ой:
— Сударка моя, да пирейди сюда!

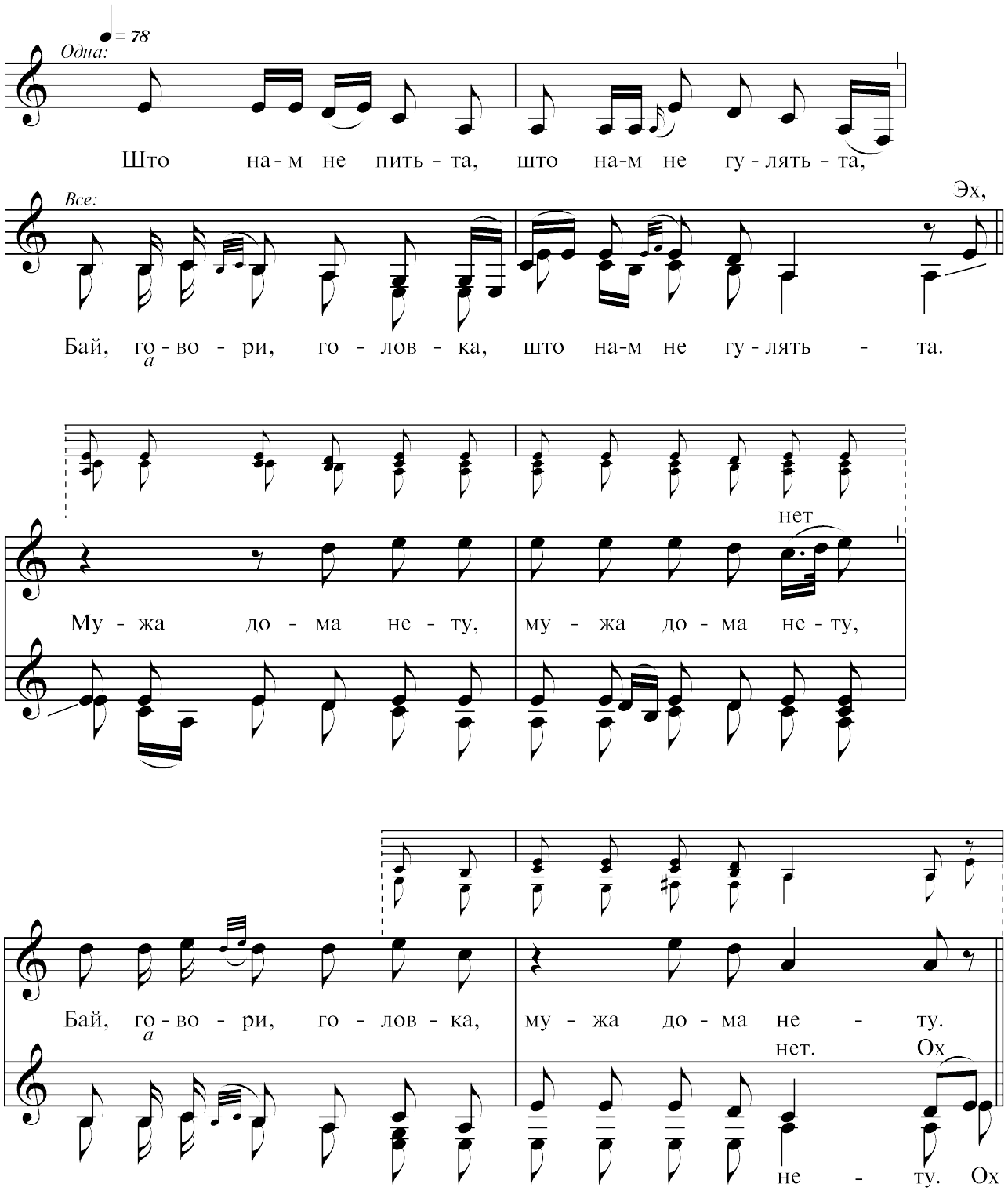
— Сударка моя, пирейди сюда, ох!
— Рад бы я пирешла, да пиреходу нет.

Рад бы я пирешла — пиреходу нет,
Я переход нашла, да жёрдочка тонка.

Жёрдочка тонка, да речка глубока.
Во етой во речке, во етой такой,

Во етой во речке, во етой такой,
Во етой такой да купался бобёр.

Во етой такой да купался бобёр,
Купался, купался — не выкупался...

92.

Што нам не пить-та, што нам не гулять-та,
Бай, говори, головка, што нам не гулять-та. Эх,

Мужа дома нету, мужа дома нету,
Бай, говори, головка, мужа дома нету. Ох,

Муж ушёл на Волгу, муж ушёл на Волгу,
Бай, говори, головка, муж ушёл на Волгу. Ох,

Сказал ни надолга, сказал ни надолга,
Бай, говори, головка, сказал ни надолга. Эх,

На одну недельку, на одну недельку,
Бай, говори, головка, на одну недельку. Эх,

Гроза его дома, гроза его дома,
Бай, говори, головка, гроза его дома. Эх,

Плетычка ремённа, плетычка ремённа,
Бай, говори, головка, плётычка ремённа. Эх,

Во сенях на гвоздях, во сенях на гвоздях,
Бай, говори, головка, во сенях на гвоздях. Эх,

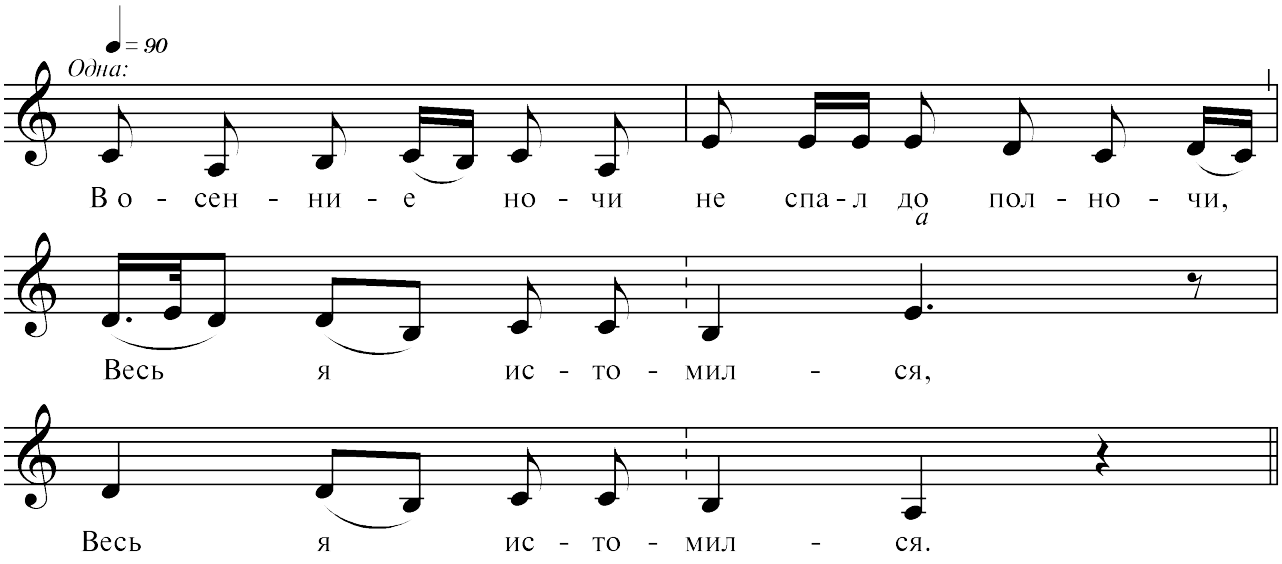
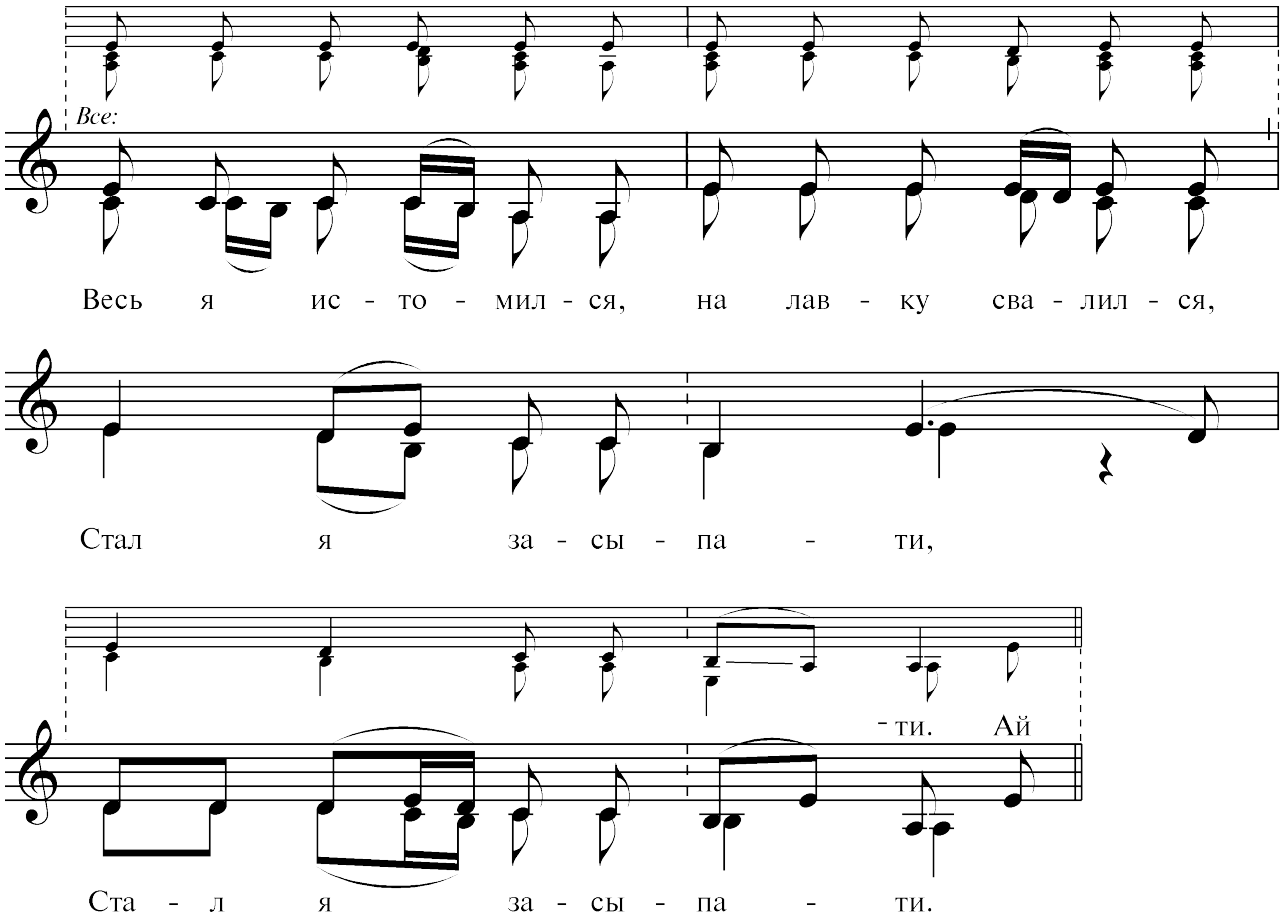
Во сенюшки взойду, во сенюшки взойду,
Бай, говори, головка, во сенюшки взойду. Ох,

На плёточку взгляну, на плёточку взгляну,
Бай, говори, головка, на плёточку взгляну. Ой,

Всё сердца обóмрет, всё сердца обóмрет,
Бай, говори, головка, всё сердца обóмрет. Эх,

Всё кровью обóльет, всё кровью обóльет,
Бай, говори, головка, всё кровью обóльет.

93.



В осенние ночи не спал да полночи,
Весь я истомился,
Весь я истомился.

Весь я истомился, на лавку свалился,
Стал я засыпати,
Стал я засыпати.

Стал я засыпати, горе я забывати,
Пришла ко мне радость,
Пришла ко мне радость.

Пришла ко мне радость, радость дорогая,
Катенька милая,
Катенька милая.

Стукнуло колечко, ёкнуло сердечко,
Пошёл отпирати,
Пошёл отпирати.

Пошёл отпирати, за рученьку брати,
Повёл вы светлицу,
Повёл вы светлицу.

Повёл вы светлицу красную девицу
Посадил на лавку,
Посадил на лавку.

Посадил на лавку, сам сел на скамейку,
Налил вина чару,
Налил вина чару.

Налил вина чару, а сам выпил пару,
Стал ей подносити,
Стал ей подносити.

Стал ей подносити, милости просити,
Она не примает,
Она не примает.

Она не примает, назад утсылает,
Запросила хмелю,
Запросила хмелю.

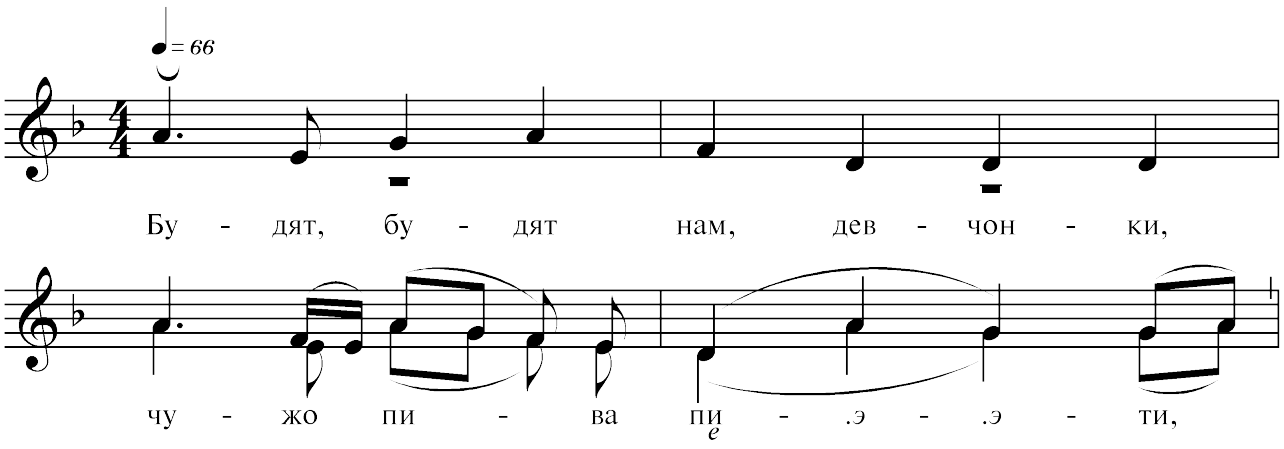
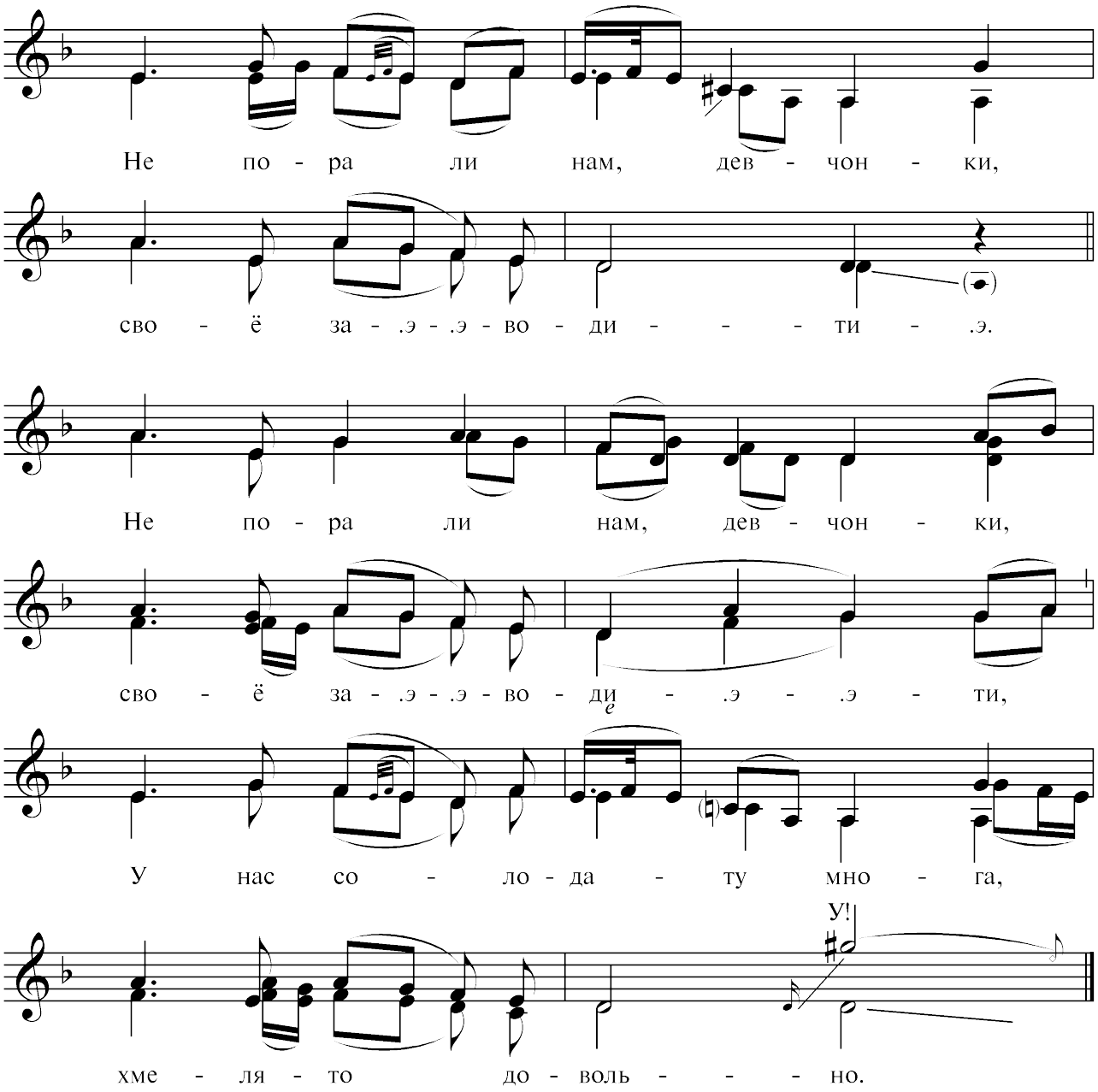
Запросила хмелю, повёл на постелю,
На мягку перину,
На мягку перину,

На мягку перину повёл Катерину,
Пошли разговоры,
Пошли разговоры.

Пошли разговоры, поднявши подолы,
Пошло целованья,
Пошло целованья.

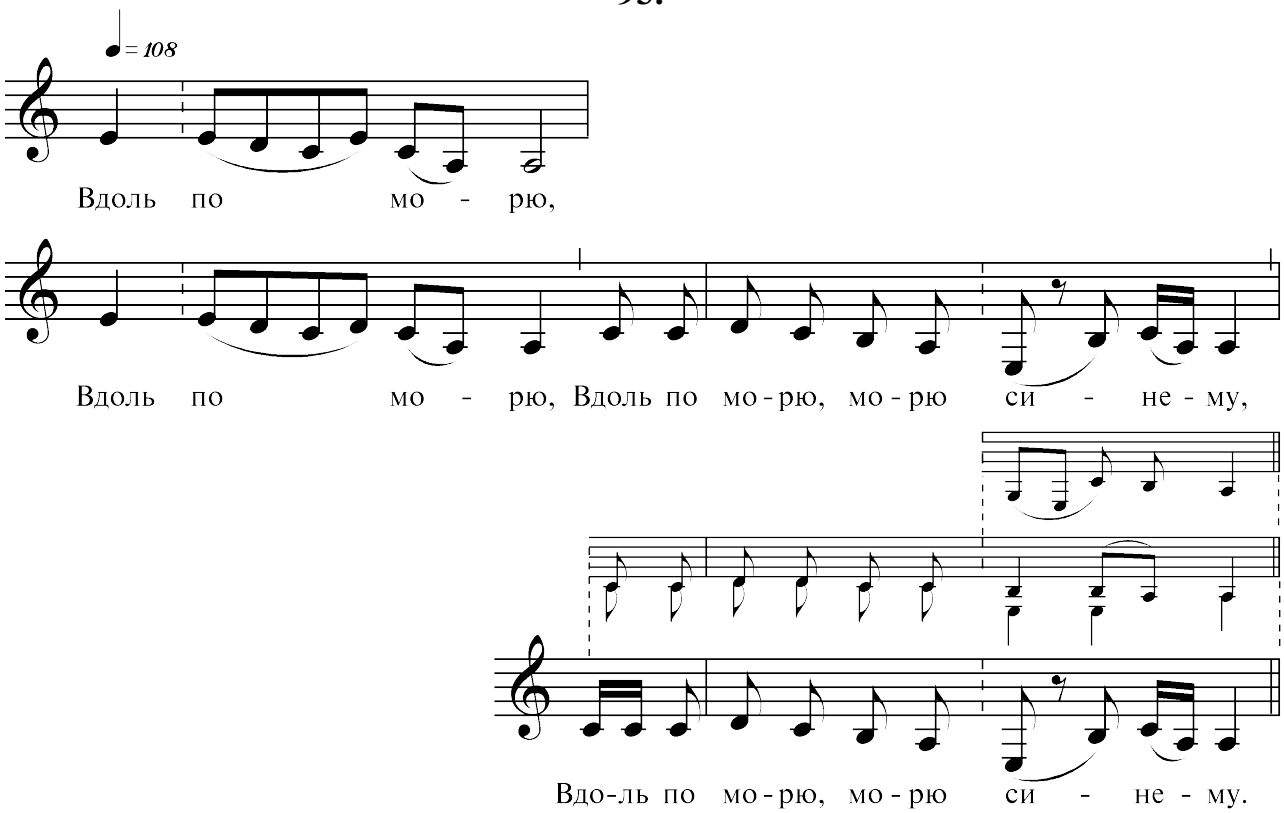
Пошло целованья, между ног сованья:
— Тпру, стой, не дрягайся,
Тпру, стой, не дрягайся.

Ко мне не хватайся, я тебя обуздаю
Шёлковой уздою,
Не виляй кундою.

94.

Будят, будят нам, девчонки, чужо пива пити,
Не пора ли нам, девчоки, своё заводити.

Не пора ли нам, девчонки, своё заводити,
У нас солода-ту многа, хмеля-то довольно.

95.



Вдоль по морю,
Вдоль по морю,
Вдоль по морю, морю синему,
Вдоль по морю, морю синему.

Плыла лебедь,
Плыла лебедь,
Плыла лебедь с лебедятами,
Плыла лебедь с лебедятами.

Со малами,
Со малами,
Со малыми со утятами,
Со малыми со утятами.

Отколь взялся,
Отколь взялся,
Где не взялся добрый молодец-душа,
Где не взялся добрый молодец-душа.

Убил утку,
Убил утку,
Убил утку со детятами,
Убил утку со детятами.

Со малами,
Со малами,
Со малыми со утятами,
Со малыми со утятами.

Он пух пустил,
Он пух пустил,
Кровь пустил он по синю морю,
Кровь пустил он по синю морю.

А перашки,
А перашки,
А перашки вдоль по бережку,
А перашки вдоль по бережку.

Отколь взялась,
Отколь взялась,
Отколь взялась красна девица-душа,
Отколь взялась красна девица-душа.

Брала перьи,
Брала перьи,
Брала перьи — приговаривыла,
Брала перьи — приговаривыла:

«Кому перья,
Кому перья,
Кому пёрышки достанутся,
Кому пёрышки достанутся?.

Ай, батюшки,
Ай, батюшки,
Ай, батюшки ва перину пухову,
Ай, батюшки ва перину пухову.

Милу дружку,
Милу дружку,
Милу дружку в изголовьица,
Милу дружку в изголовьица».

Отколь взялся,
Отколь взялся,
Где не взялся добрый молодец-душа,
Где не взялся добрый молодец-душа:

«Бог на помочь,
Бог на помочь,
Бог на помочь, красна девица-душа,
Бог на помочь, красна девица-душа.

Спесивая,
Спесивая,
Спесивая, непоклончивыя,
Спесивая, непоклончивыя.

Смотряй, девка,
Смотряй, девка,

Смотряй, девушка, покаисся,
Смотряй, девушка, покаисся.

Придёт время,
Придёт время,
Придёт время, возьму замуж за себя,
Придёт время, возьму замуж за себя.

Будишь стоять,
Будишь стоять,
Будишь стоять у постели у моей,
Будишь стоять у постели у моей».

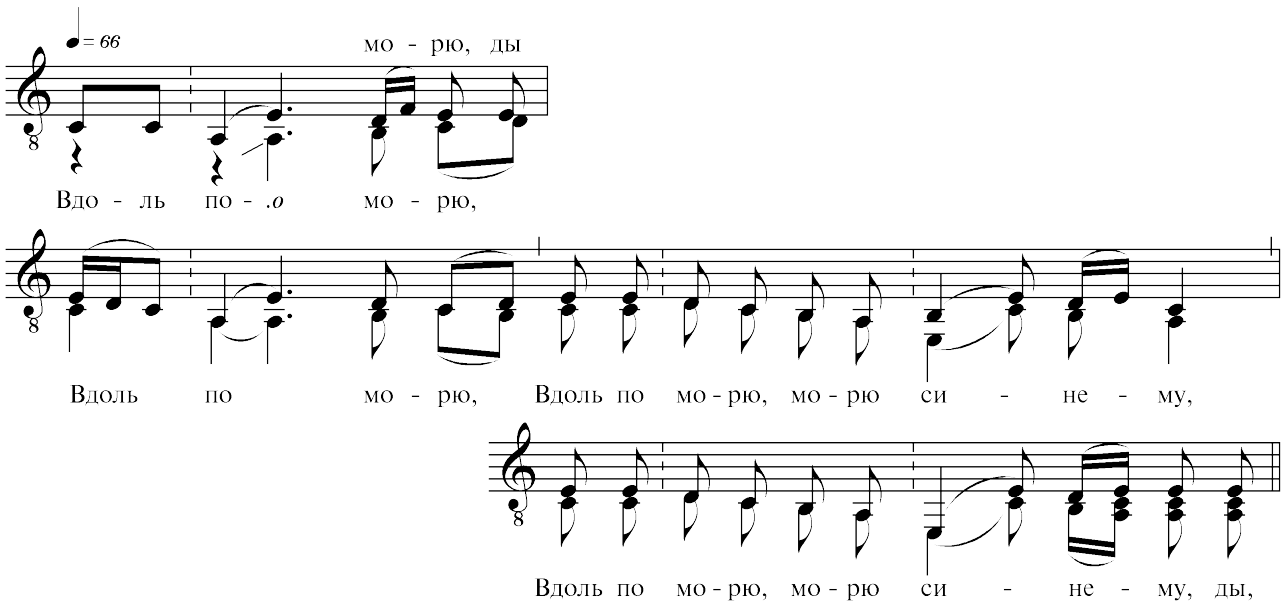
«Я думыла,
Я думыла,
Я думыла, эт не ты, милой, идёшь,
Я думыла, эт не ты, милой, идёшь.

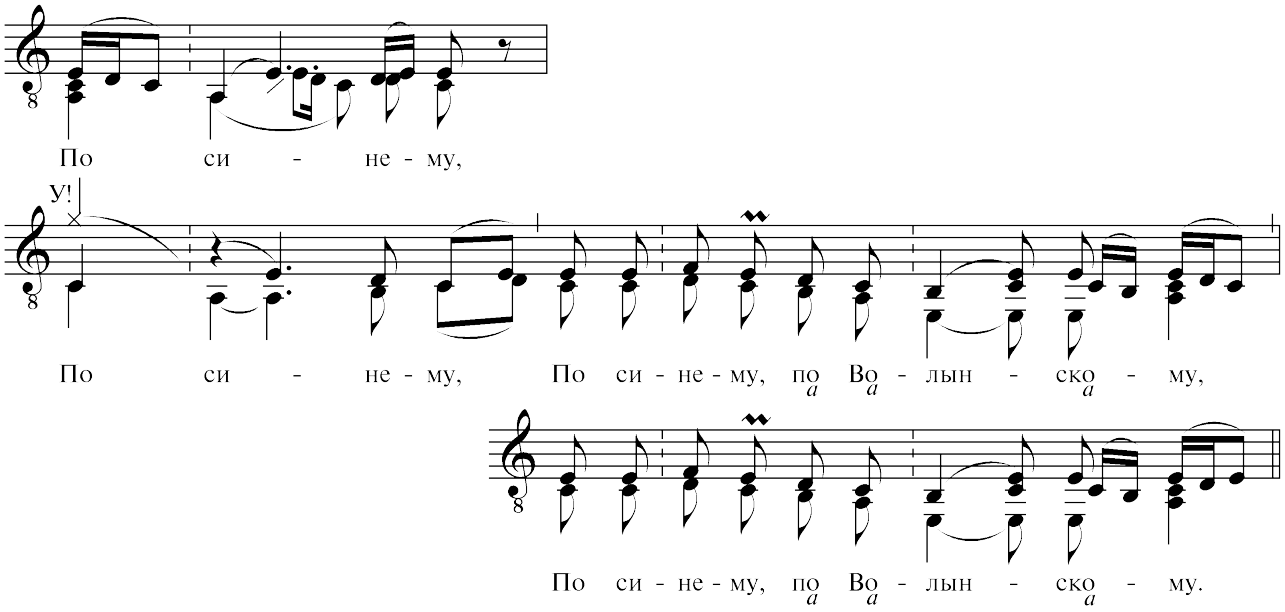
Я думыла,
Я думыла,
Я думыла, то прохожий человек,
Я думыла, то прохожий человек».

С тех пор оне,
С тех пор оне
Где встретютца — тут поклонютца,
Где встретютца — тут поклонютца.

Где сойдутца,
Где сойдутца,
Где сойдутца — поцалуютца,
Где сойдутца — поцалуютца.

96.





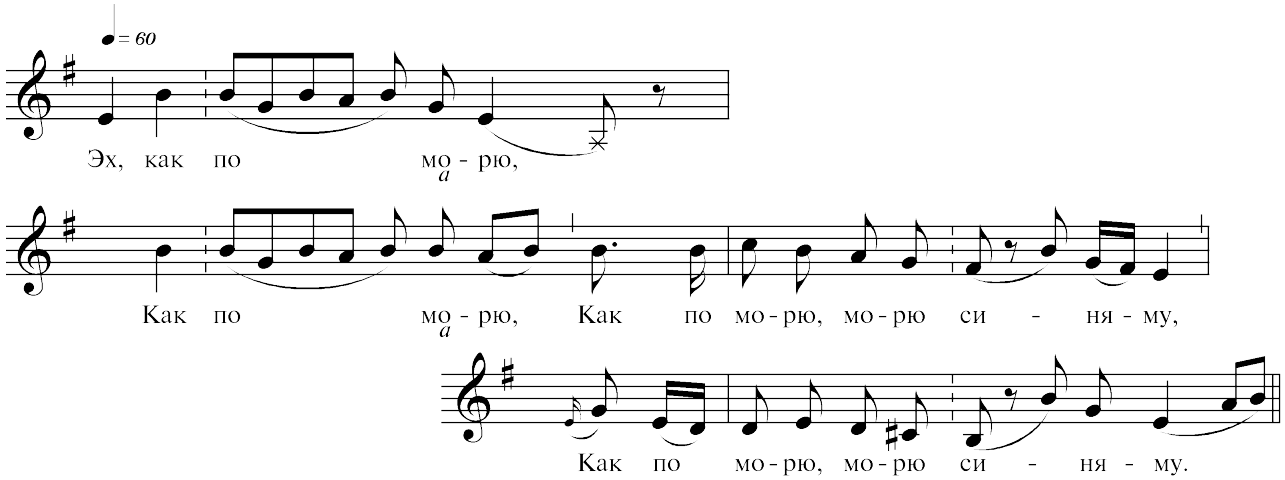
Вдоль по морю, ды,
Вдоль по морю,
Вдоль по морю, морю синему,
Вдоль по морю, морю синему, ды,

По синему,
По синему,
По синему, по Волынскому,
По синему, по Волынскому.

Плыла лебедь,
Плыла лебедь,
Плыла лебедь с лебедятами,
Плыла лебедь с лебедятами.

Со малами,
Со малами,
Со малами со дитятами,
Со малами со дитятами.

97.

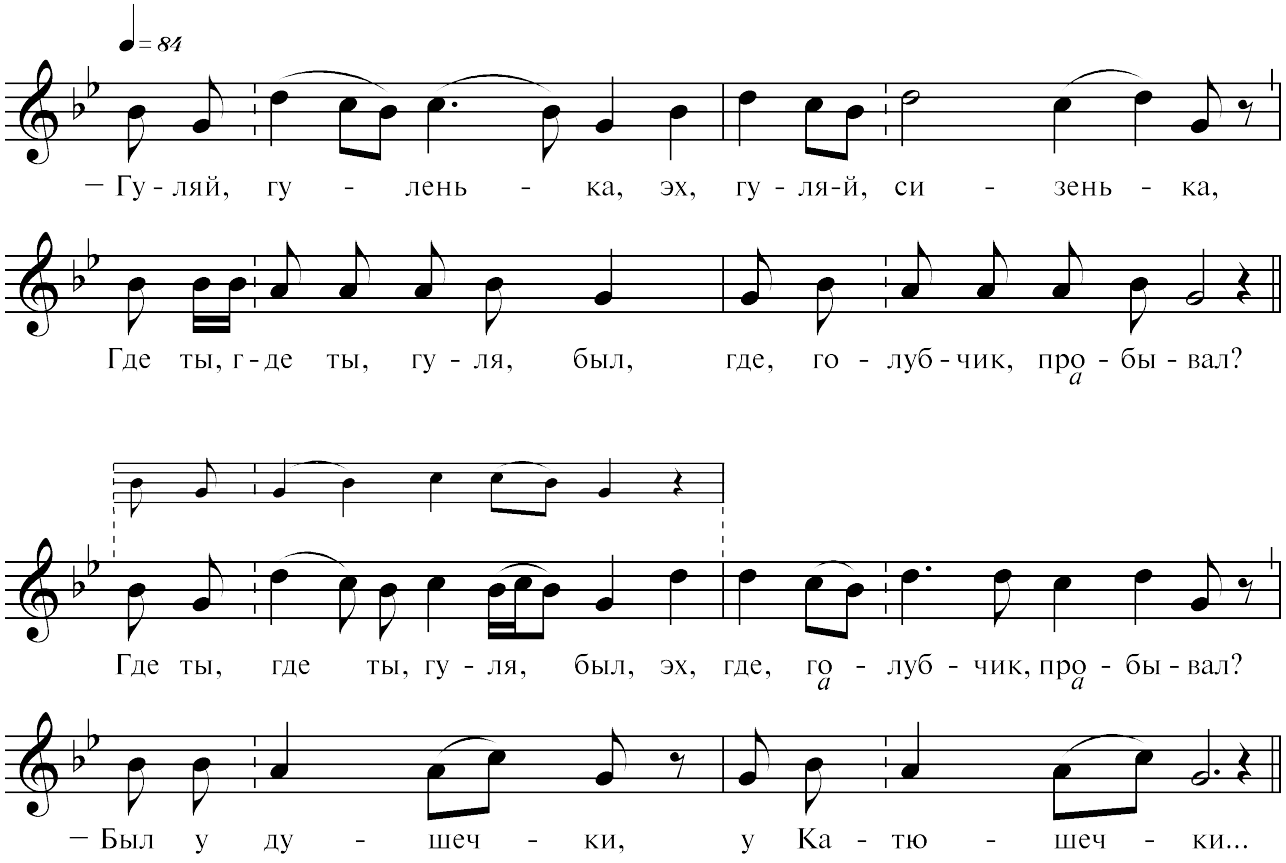


Эх, как по́ марю,
Как по́ марю,
Как по мо́рю, морю синяму,
Как по мо́рю, морю синяму.

По синяму,
По синяму,
По синяму, па волнистаму,
По синяму, па волнистаму.

Плывёт лебидь,
Плывёт лебидь,
Плывёт лебидь са лебёдушкаю,
Плывёт лебидь са лебёдушкаю.

98.



— Гуляй, гуленька, эх, гуляй, сизенька,
Где ты, где ты, гуля, был, где, голубчик, прабывал?

Где ты, где ты, гуля, был, эх, где, галубчик, прабывал?
— Был у душечки, у Катюшечки.

Был у душечки, эх, у Катюшечки,
Катю дома не застал, на крылечке прастоял.

Катю дома не застал, эх, на крылечке прастоял,
На крылечке прастоял, за колечко прадержал.

На крылечке прастоял да за колечко прадержал,
За какоя, за витоя, за серебриная.

За какоя, за витоя, за серебриная.
Я па жердочки шла, шла па тоненькаю.

Я па жердочки шла, шла па тоненькаю,
Шла па тоненькаю, па еловенькаю.

Шла па тоненькаю, па еловенькаю,
Тонка жердочка гнётся да не ломится.

Тонка жердочка гнётся да не ломится,
Мой-от миленькай спит, спит — не пр***о***снется.

Мой-от миленький спит, эх, спит — не пр***о***снется,
Часу ночь-полуночь, пиред кочетами.

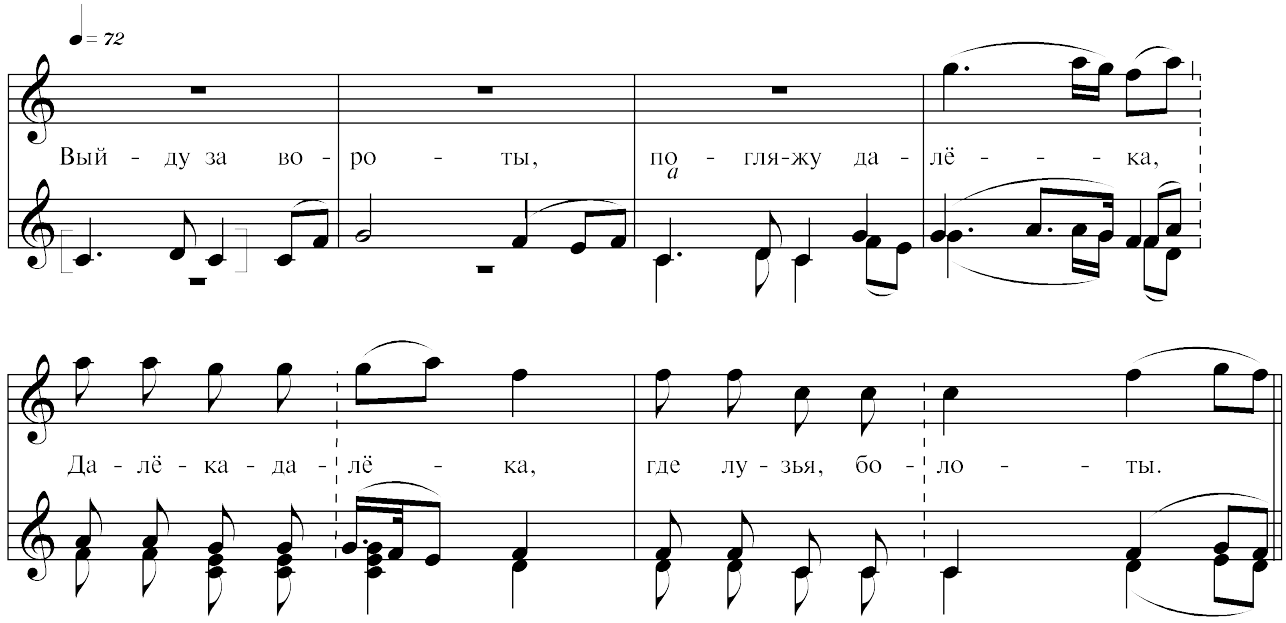
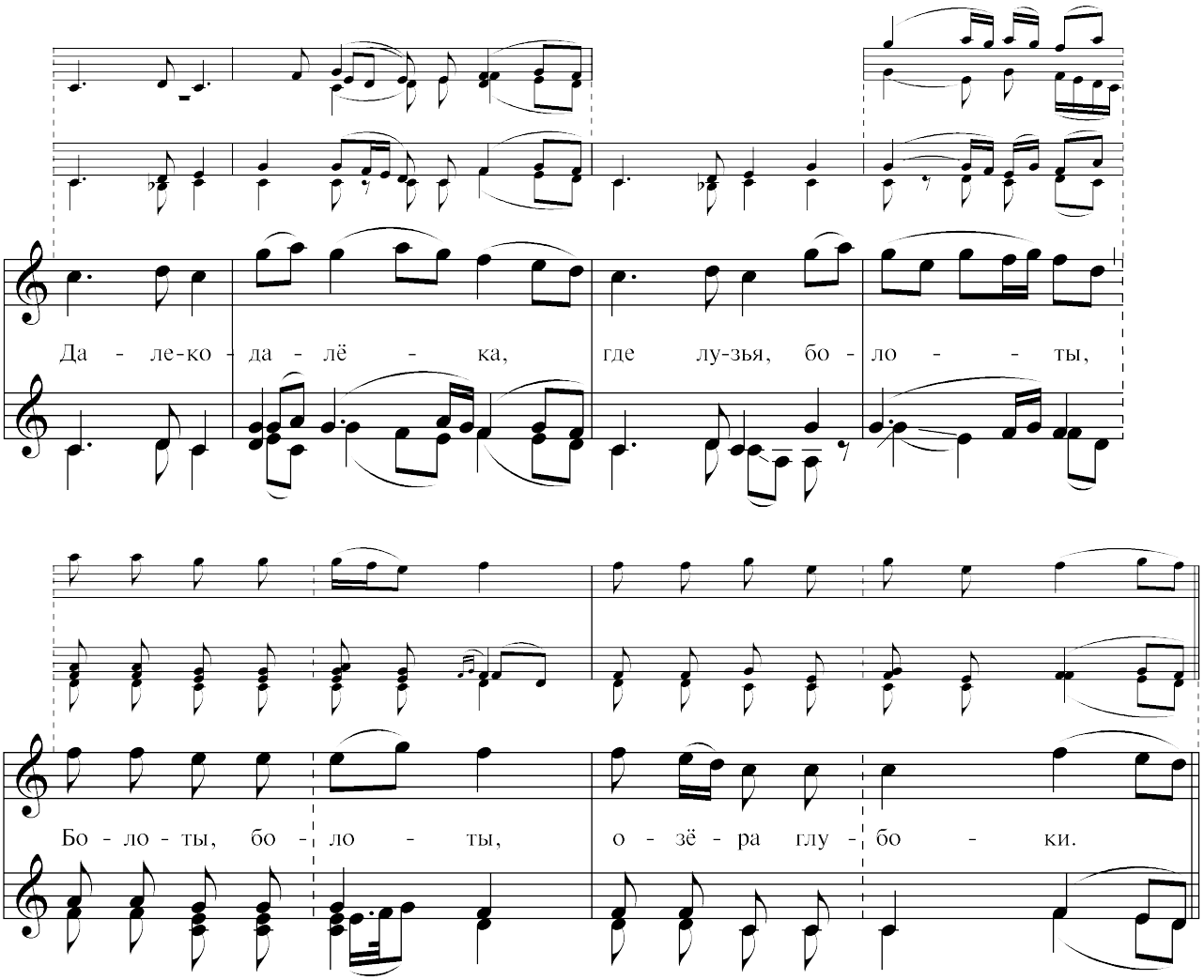
Часу ночь-полуночь, пиред кочетами
Мимо дальниих воротечков потаивался.

Мимо дальниих воротечков потаивался,
Потаивался, понапрашивался.

Он потаивался, понапрашивался:
— Дома ль Саша, дома ль Маша, дома ль барыня моя?

Дома ль Саша, дома ль Маша, дома ль барыня моя?
Кабы барыня была, вышла — встретила меня.

99.



Выйду за вороты, пагляжу далёка,
Далёка-далёка, где лузья, болоты.

Далеко́-далёка, где лузья, болоты,
Болоты, болоты, озёра глубоки.

Болоты, болоты, озёра глубоки,
Как ва этам озере ваплывала щука.

Как ва этам озере ваплывала щука,
Выплывала щука — белая белуга.

Ваплывала щука — белая белуга,
— Белая-бела́я, где моя милая?

Белая-бела́я, где моя милая?
Моя-та хорошая вдоль берижку ходила.

Моя-то хорошая вдоль берижку ходила,
Вдоль крутова ходила, неводочик носила.

Вдоль крутова ходила, неводочик носила,
Неводок закинула — ничего не вынула.

Неводок закинула — ничего не вынула,
Ещё пирекинула — карасика вынула.

Ещё пирекинула — карасика вынула.
Я не рада карасю, рада его чести.

Я не рада карасю, рада его чести,
Рада его чести, где бы с милым сести?

Рада его чести, где бы с милым сести?
Сяду я по-сяду у милого в саду.

Сяду я по-сяду у милого в саду,
Ещё пиресяду на луг, на долину.

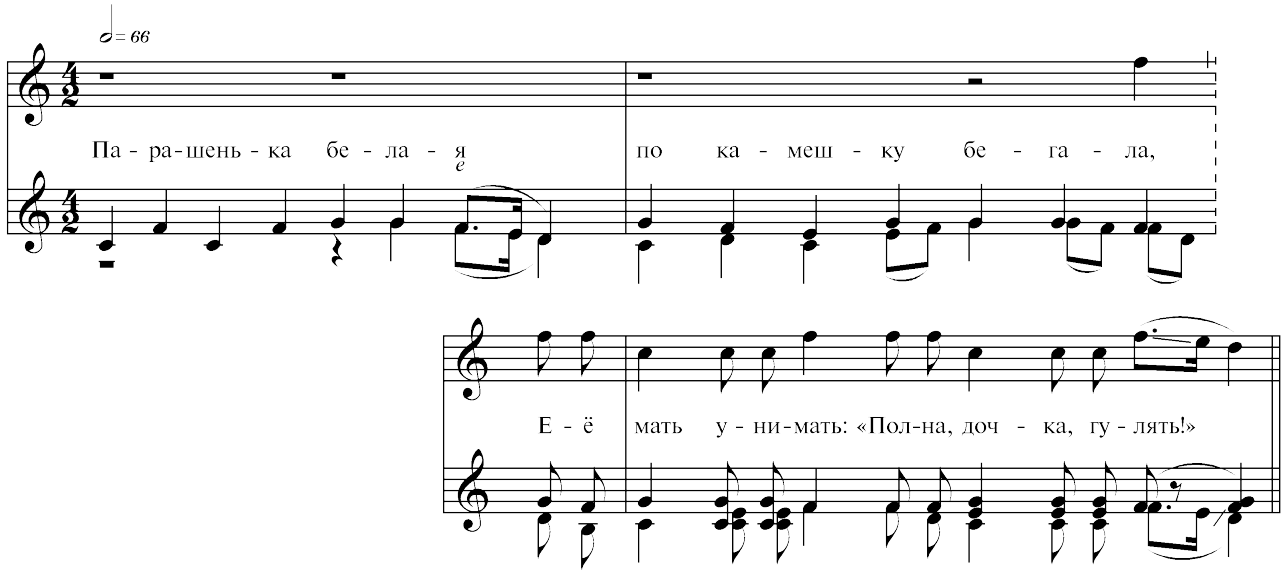
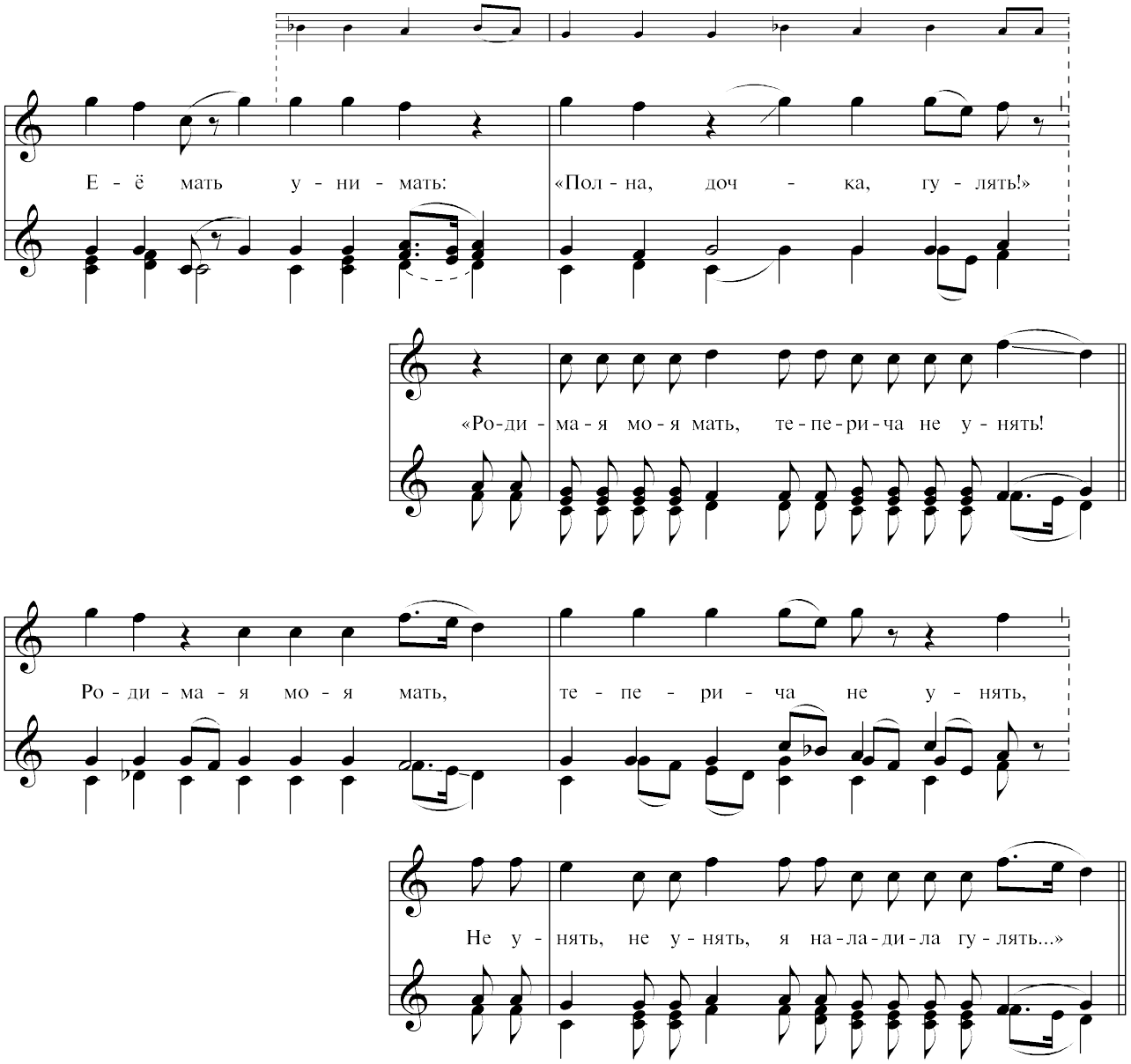
Ещё пиресяду на луг, на долину,
На луг, на долину, на летню тропину.

На луг, на долину, на летню тропину.
Ва улице девак, ва широкай была.

Ва улице девак, ва широкай была,
Ва широкай была — девка парня била.

Ва широкай была — девка парня била,
Она била, гаворила, плакать ни велела.

Она била, гаворила, плакать ни велела,
Плакать и рыдати, больше не видати.

100.

Парашенька белая по камешку бегала.
Её мать унимать: «Полна, дочка, гулять!»

Её мать унимать: «Полна, дочка, гулять!»
«Родимая моя мать, теперича не унять!

Родимая моя мать, теперича не унять,
Не унять, не унять, я наладила гулять.

Не унять, не унять, я наладилась гулять.
Ты тогда бы унимала, когда маненька была.

Ты тогда бы унимала, когда маненька была,
Когда маненька была, с тобой мамынька спала.

Когда маненька была, с тобой мамынька спала,
А теперича велика, прилучила человека.

Я теперича велика, прилучила человека,
Ни старого, ни малого, салдатика малодова.

Ни старого, ни малого, салдатика малодова,
Я на речке была да на Дунае была.

Я на речке была да на Дунае была,
Уж я мыла, калотила свому миламу платок.

Уж я мыла, калотила свому миламу платок,
Свому милому платок — девяносто шесть локот.

Свому милому платок — девяносто шесть локот,
Ни проделинова, ни пробелинова.

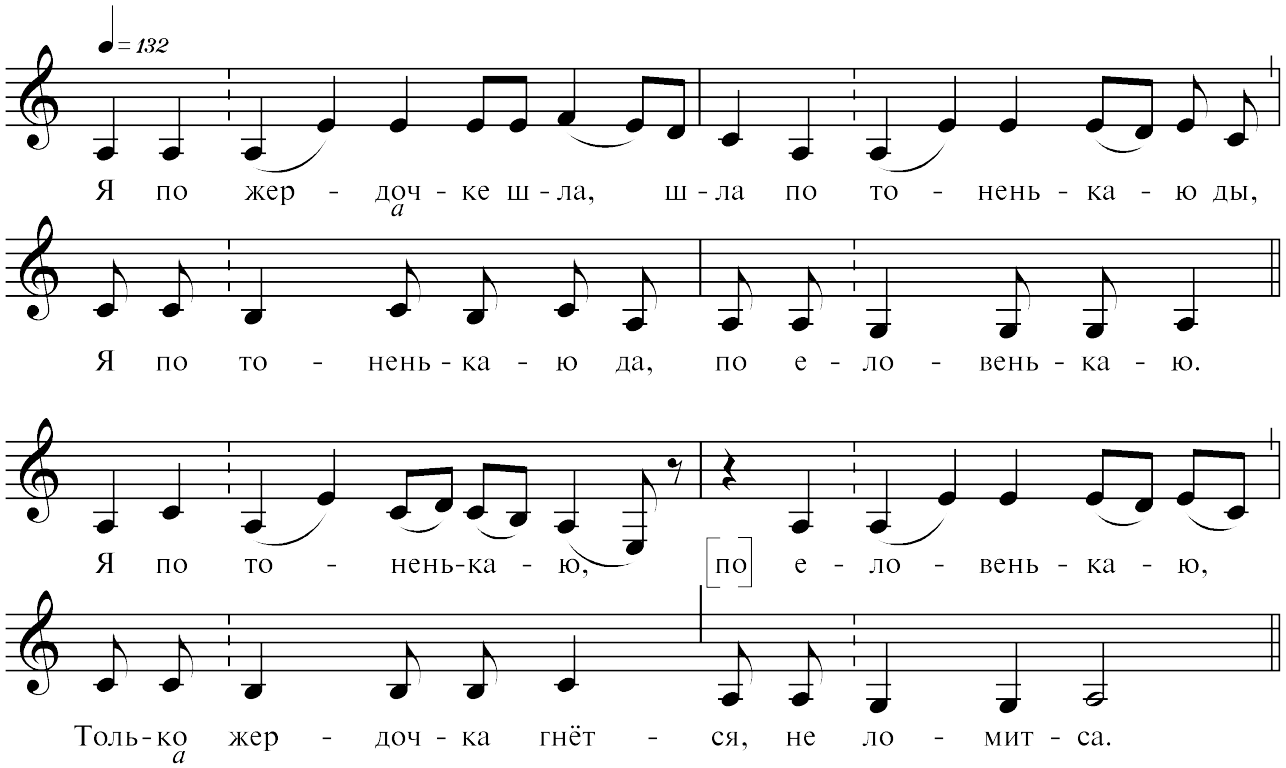
Ни проделинова, ни пробелинова,
Я по пятницам дорила, по субботам позабыла.

Я по пятницам дорила, по субботам позабыла,
В васкресенья — день веселья, прогуляла весь денёк.

В васкресенья — день веселья, прогуляла весь денёк,
Весь денёк до вечера, дома делать нечива.

Весь денёк до вечера, дома делать нечива!»

101.



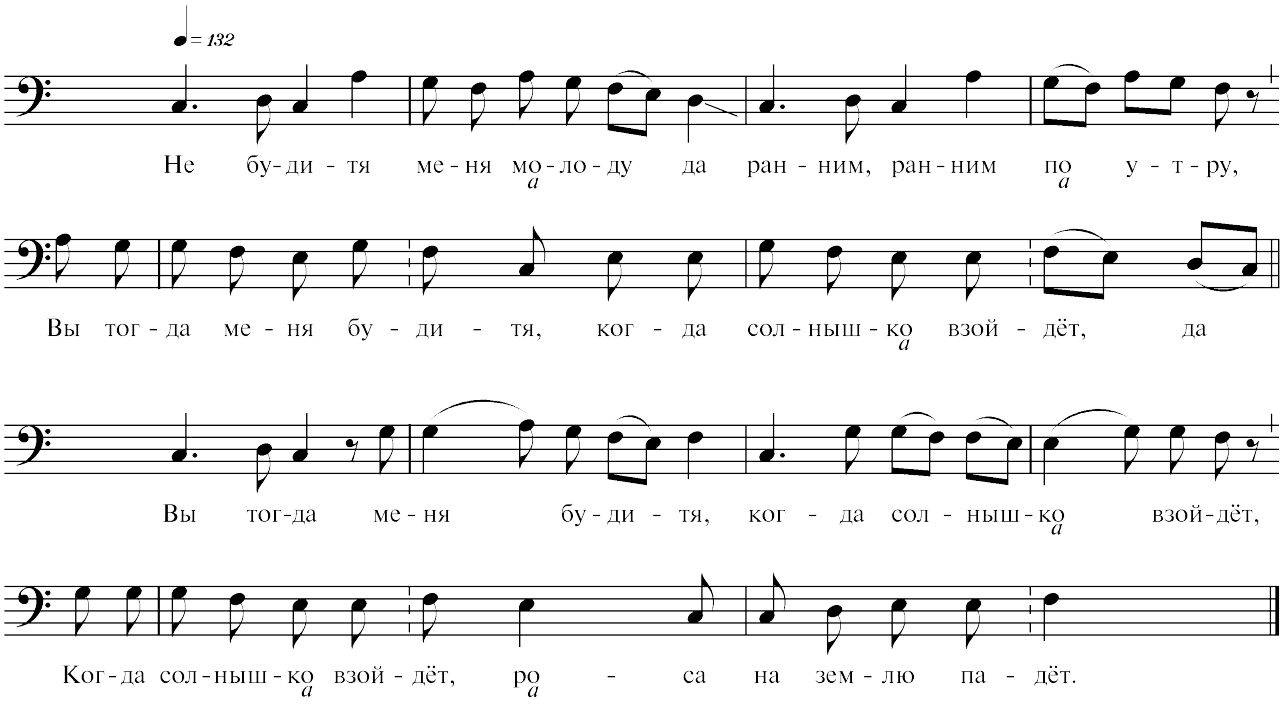
Я по жёрдачке шла, шла по тоненькаю ды,
Я по тоненькаю да, по еловенькаю.

Я по тоненькаю, [по] еловенькаю,
Толька жёрдочка гнётся, не ломится.

Толька жёрдочка гнётся, не ломится,
Со хорошим водится — жить не стошнется.

Со хорошим водится — жить не стошнется,
Хоть и стошнется на час, разгуляется сейчас.

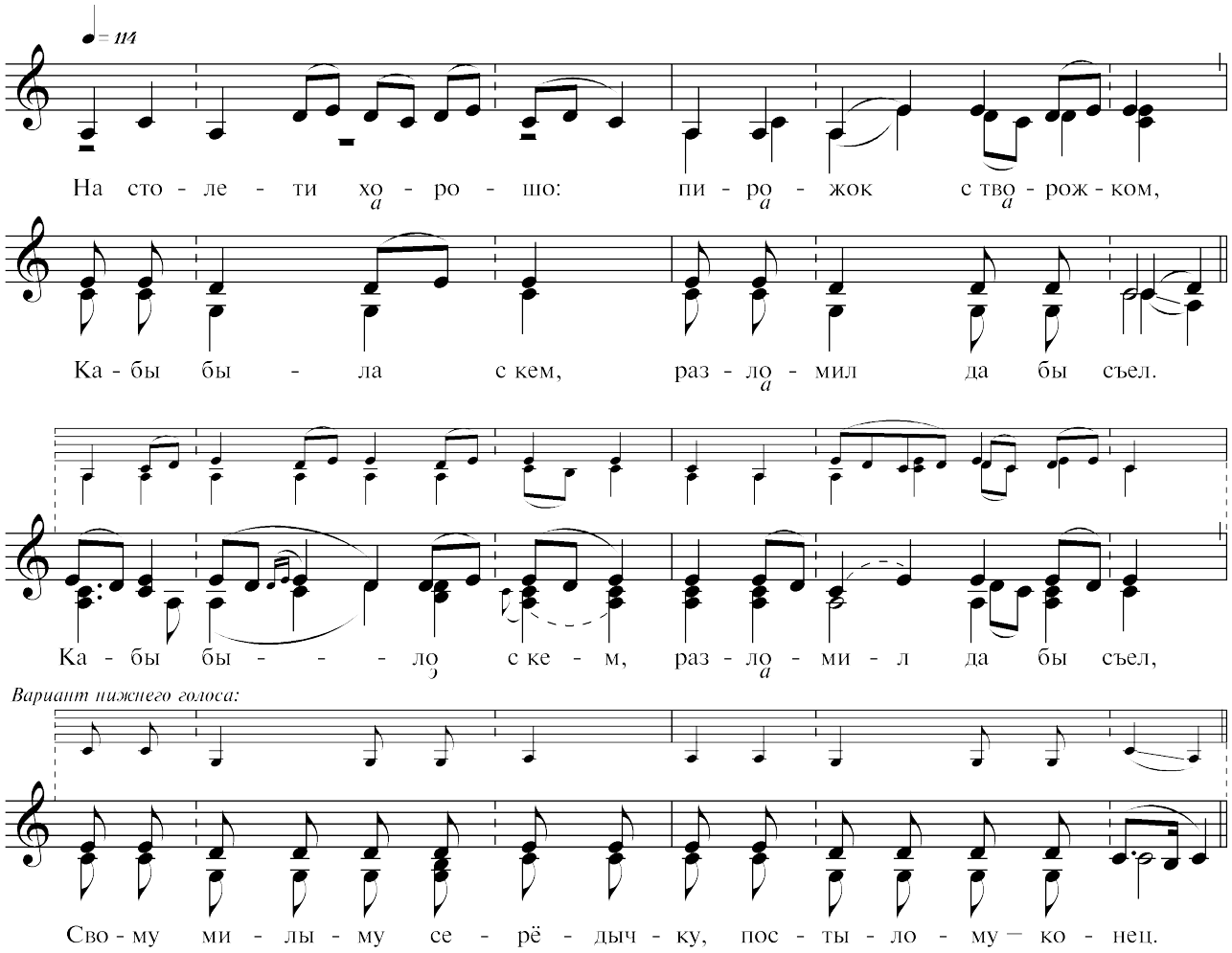
102.



Не будитя меня молоду да ранним, ранним по утру,
Вы тогда меня будитя, когда солнышко взойдёт, да

Вы тогда меня будитя, когда солнышко взойдёт,
Когда солнышко взойдёт, роса на землю падёт.

Без напева:
Пастух выйдет на лужок, заиграет во рожок:
«Выгоняйте вы скотину на широкую долину!»
Гонют девки, гонют бабы, гонют малые ребяты,
Гонют стары старики и пожилые мужики,
Одна девка весела, в хоровод плясать пошла,
Она пляшет, рукой машет, пастушка к себе зовёт:
«По́йди, по́йди, пастушок, пойди, миленькай дружок!»

103.

На столе-ти хорошо: пиражок с тварожком,
Кабы была с кем, разламил да бы съел.

Кабы было с кем, разламил да бы съел,
Свому милыму серёдычку, постылому — конец.

Свому милыму серёдычку, постылому — конец,
Я за то ему конец, что удалай малодец.

Я за то ему конец, что удалай малодец,
Не ходи, милай, по сеничкам, не топай ногой.

Не ходи, милай, по сеничкам, не топай ногой,
Ты не топай ногой, не шатай галовой.

Ты не топай ногой, не шатай галовой,
Не шатай головой, мне не быть за тобой.

Не шатай головой, мне не быть за тобой,
Уж и быть мне, не быть, мне за Ванюшкай.

Уж и быть мне, не быть, мне за Ванюшкай,
Цыловать дружка да Николаюшка.

Цыловать дружка да Николаюшка,
Николаюшка — парень любушка.

Николаюшка — парень любушка,
Любил девушку да Палагеюшку.

Любил девушку Палагеюшку,
Палагеюшка-душа словна ясныя мука.

Палагеюшка-душа словна ясная мука:
Суха высушена, мелка вытолчена.

Суха высушена, мелка вытолчена,
Крестьянская дочь неповыучена.

Что крестьянская дочь неповыучена,
Она по полу ходила, буйну голову чесала.

Она по полу ходила, буйну голову чесала,
Что чесала, чесала́, ва плетень косу плела.

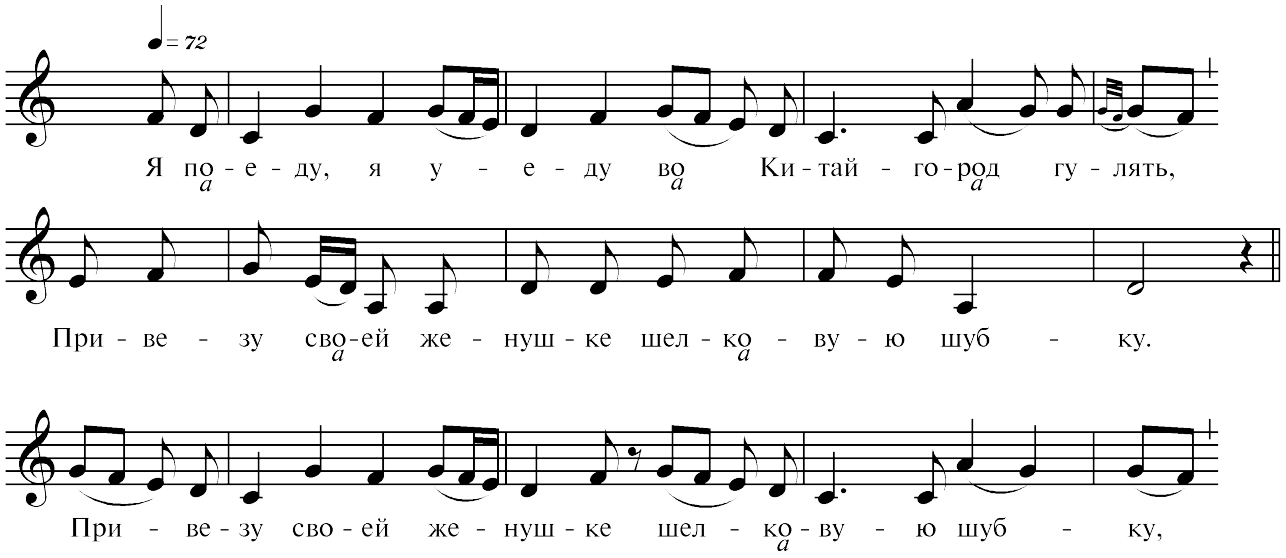
Что чесала, чесала́, ва плетень косу плела,
Что плела она, плела, приговаривала.

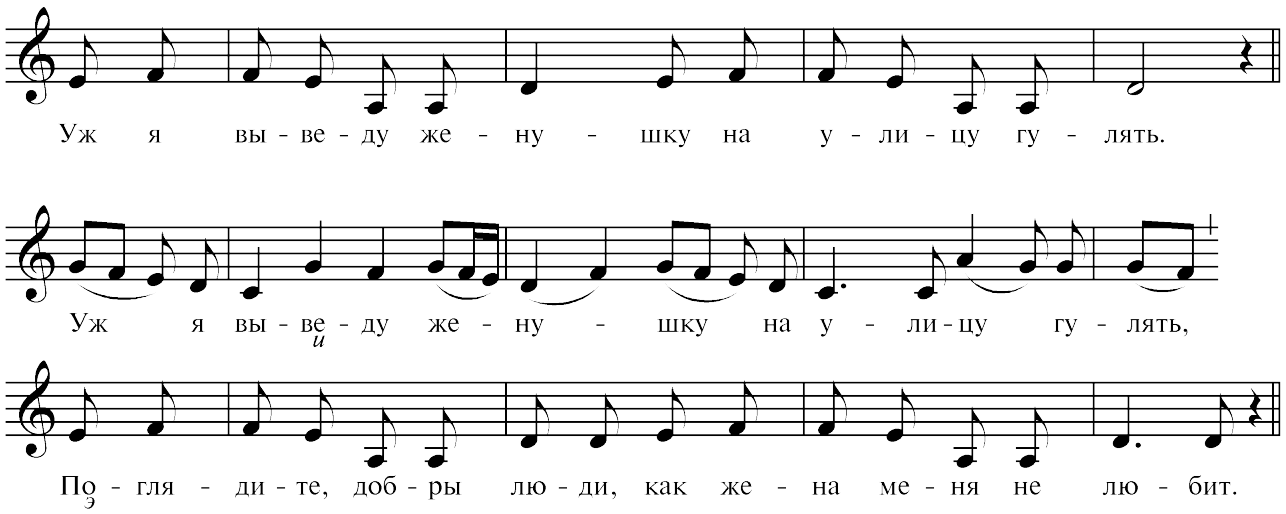
Что плела она, плела ды приговарывыла:
«Моя русая коса всёму городу краса,

Моя русая коса всёму городу краса,
Всёму городу краса, всем ребятам сухота.

Всёму городу краса, всем ребятам сухота,
Всем ребятам сухота, всем девчонкам любота».

104.





Я поеду, я уеду во Китай-город гулять,
Привезу своей женушке шелковую шубку.

Привезу своей женушке шелковую шубку,
Уж я выведу женушку на улицу гулять.

Уж я выведу женушку на улицу гулять,
Погледите, добры люди, как жена меня не любит.

Погледите, добры люди, как жена меня не любит:
К людям идёт личиком, а ко мне идёт плечиком.

К людям идёт личиком, а ко мне идёт плечиком,
Это значит — сердце злое, что не битая жена.

Это значит — сердце злое, что не битая жена.
Я поеду, я уеду во Китай-город гулять,

Я поеду, я уеду во Китай-город гулять,
Привезу своей женушке шелковую плетку.

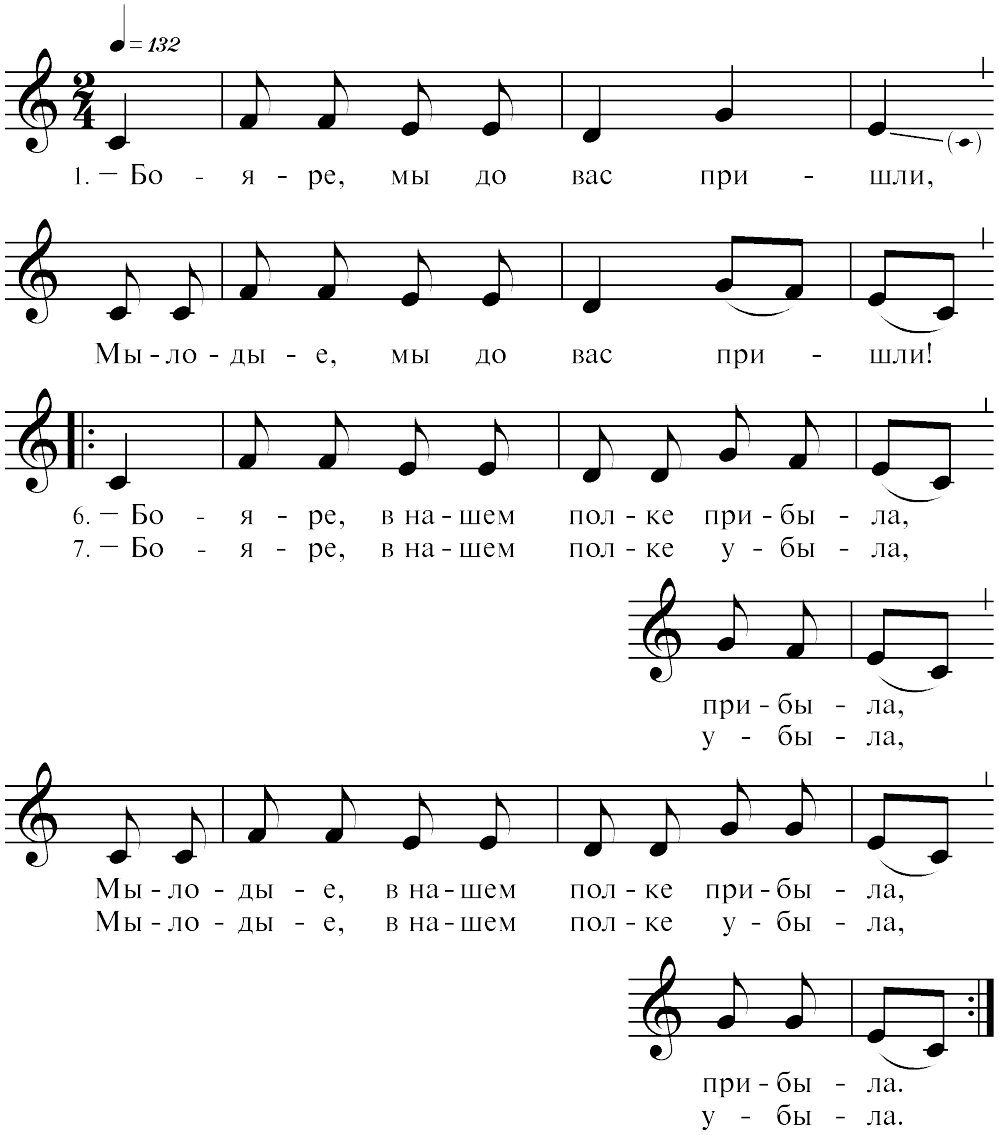
Привезу своей женушке шелковую плетку,
Уж я выведу женушку на улицу гулять.

Уж я выведу женушку на улицу гулять,
Погледите, добры люди, как жена-та меня любит.

Погледите, добры люди, как жена-та меня любит:
К людям идёт плечиком, а ко мне идёт личиком.

К людям идёт плечиком, а ко мне идёт личиком,
Это значит — сердце злое, что побитая жена.

105.



— Бояре, мы до вас пришли,
Мылодые, мы до вас пришли!

— Бояре, вы по штой-т к нам пришли,
Мылодые, вы по штой-т к нам пришли?

— Бояре, зы невестаю,
Мылодые, зы невестаю!

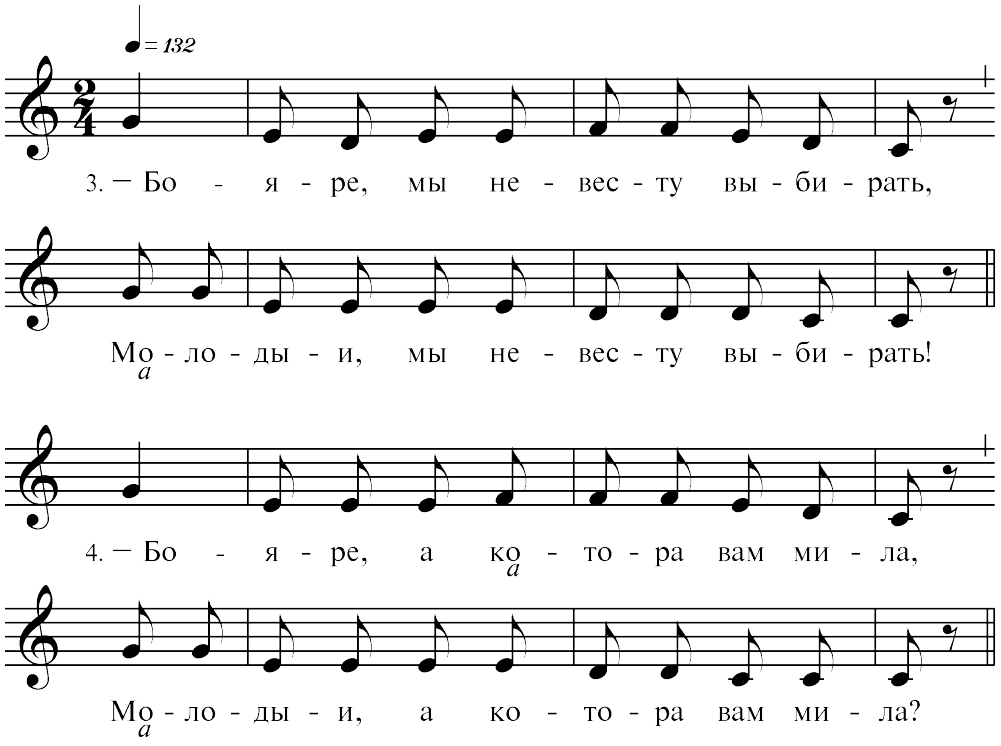
— Бояре, вам которая мила,
Мылодые, вам которая мила?

— Бояре, нам вот этая мила,
Мылодые, нам вот этая мила!

— Бояре, в нашем полке прибыла, прибыла,
Мылодые, в нашем полке прибыла, прибыла.

— Бояре, в нашем полке убыла, убыла,
Мылодые, в нашем полке убыла, убыла.

106.



— Бояре, а мы к вам пришли,
Малодыи, а мы к вам пришли!

— Бояре, а по што к нам пришли,
Малодыи, а по што к нам пришли?

— Бояре, мы невесту выбирать,
Малодыи, мы невесту выбирать!

— Бояре, а котора вам мила,
Малодыи, а котора вам мила?

— Бояре, нам вот эта мила,
Малодыи, нам вот эта мила!

— Бояре она дурачка у нас,
Малодыи, она дурачка у нас!

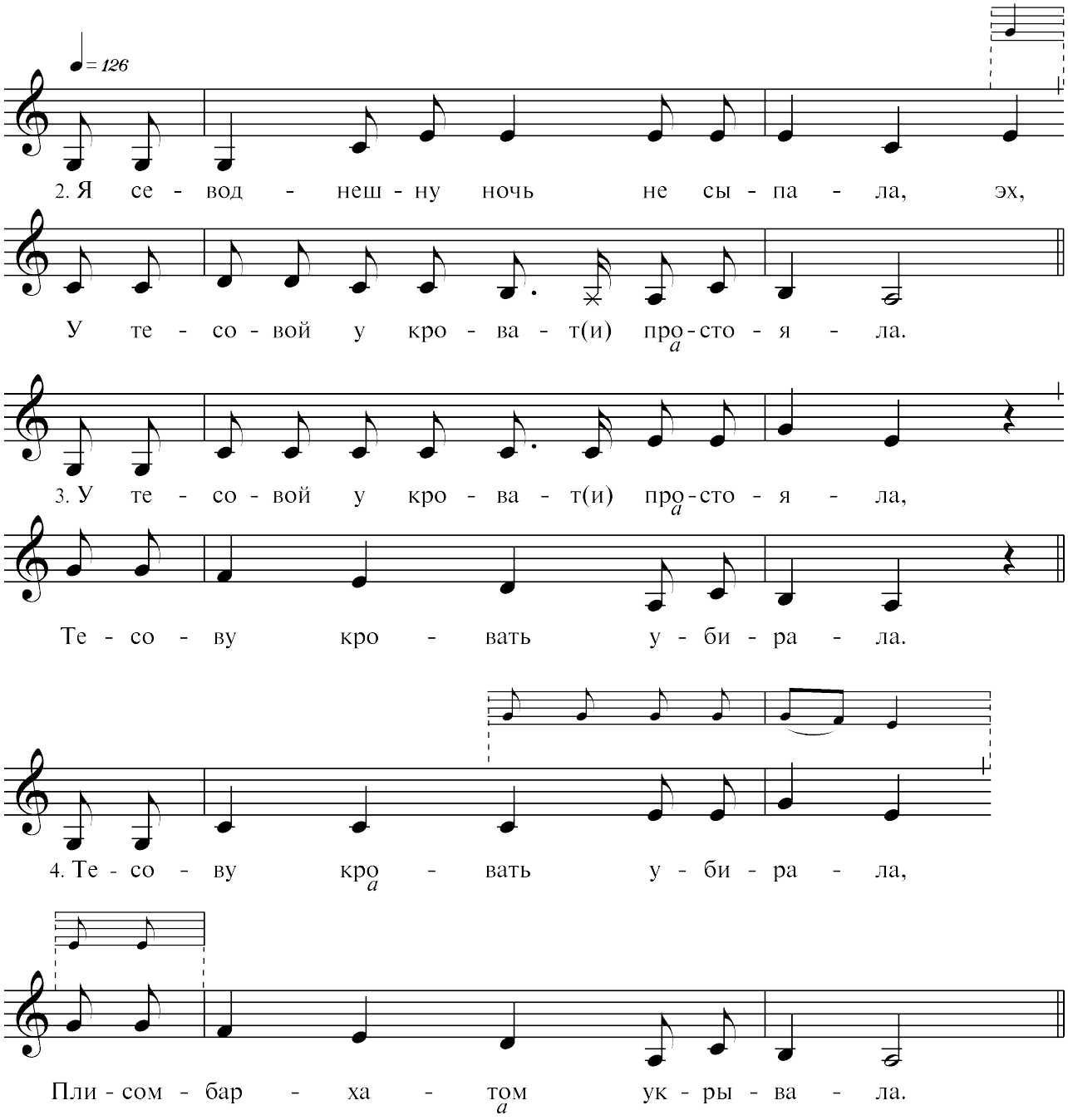
— Бояре, а мы выучим её,
Малодыи, а мы выучим её.

— Бояре, чем же выучить её,
Малодыи, чем же выучить её?

— Бояре, а мы плеточкой её,
Малодыи, а мы плеточкой её!

— Бояре, она плакса у нас,
Малодыи, она плакса у нас!

— Бояре, мы ей пряничка дадим,
Малодыи, мы ей пряничка дадим.

107.

[Никогда такова не бывала,
Я севоднешну ночь не сыпала].

Я севоднешну ночь не сыпала, эх,
У тесовой у кроват[и] прастояла.

У тесовой у кроват[и] прастояла,
Тесову кровать убирала.

Тесову кравать убирала,
Плисом-бархатам укрывала.

Плисом-бархатам укрывала,
Я ждала-ждала милова, паджидала.

Я ждала-ждала милова, паджидала,
Я не скоро же милова даждалася.

Я не скоро же милова даждалася, эх,
Я не ластушкой возвилася.

Я не ластушкой возвилася, эх,
Не касатушкой на шею бросилася.

Не касатушкой на шею бросилася, эх,
Я из горенки ва горенку хадила.

Я из горенки ва горенку хадила, эх,
Я ко шкафчику падходила.

Я ко шкафчику падходила, эх,
Я из шкафчика графинчик вынимала.

Я из шкафчика графинчик вынимала, эх,
Из графина стакан водки наливала.

Из графина стакан водки наливала, эх,
Я ково верно любила — падносила.

Я ково верно любила — падносила, эх:
— Уж ты выпей-ка, мой розмилай.

Уж ты выпей-ка, мой розмилай, эх,
На меня, на красну девку, не надейся.

На меня, на красну девку, не надейся, эх,
Не я, девушка, сгаворёна.

Не я, девушка, сгаворёна, эх,
Сгаворёна, сгаворёна, снаряжёна.

Сгаворёна, сгаворёна, снаряжёна, эх,
Снарядил меня батюшка замуж.

Снарядил меня батюшка замуж, эх,
Запросватала мамонька родная.

Запросватала маменька родная, эх,
За такова, за сякова, за невежду.

За такова, за сякова, за невежду,
За невежду, за невежду, за каналью.

За невежду, за невежду, за каналью, эх,
Не табой ли мне, канальюшка, владати.

Не табой бы мне, каналюшка, владати,
Мне владати, мне владати, снаряжати.

Мне владати, мне владати, снаряжати, эх,
Снаряжати, снаряжати, мне инова.

Снаряжати, снаряжати, мне инова, эх,
Сваяво дружка размилова.

Сваяво дружка размилова, эх,
Со катораим ва девушках хадила.

Со катораим ва девушках хадила, эх,
Залотым его калечушком дарила.

Залотым его калечушком дарила, эх,
Не за это ль меня маменька бранила.

Не за это ль меня маменька бранила,
Ой уж ты, маменька, я не буду.

Полна, маменька, я не буду, эх,
Я не буду, я не буду, я не стану.

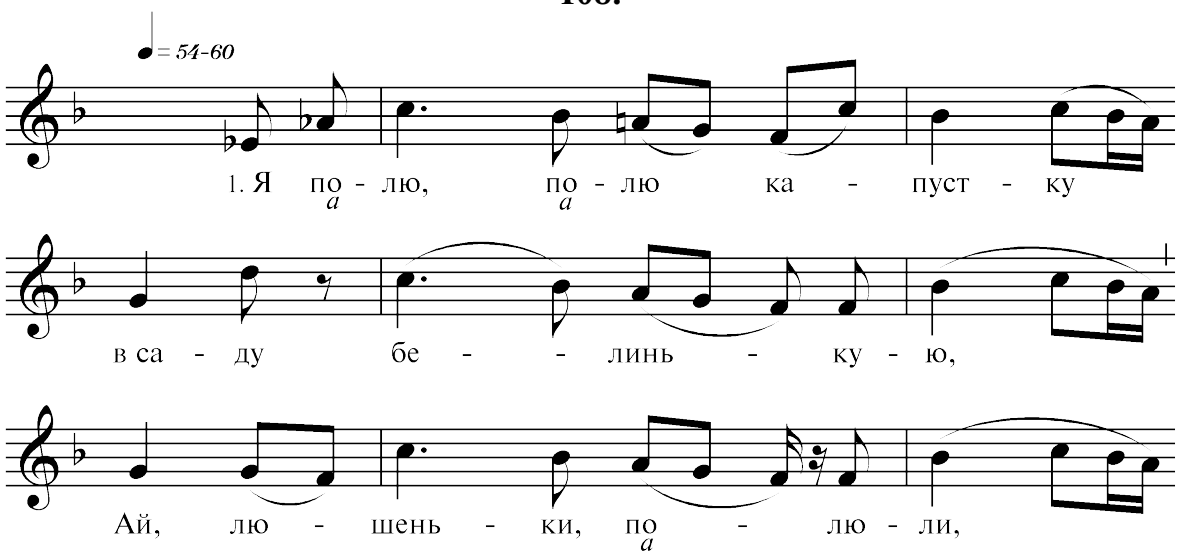
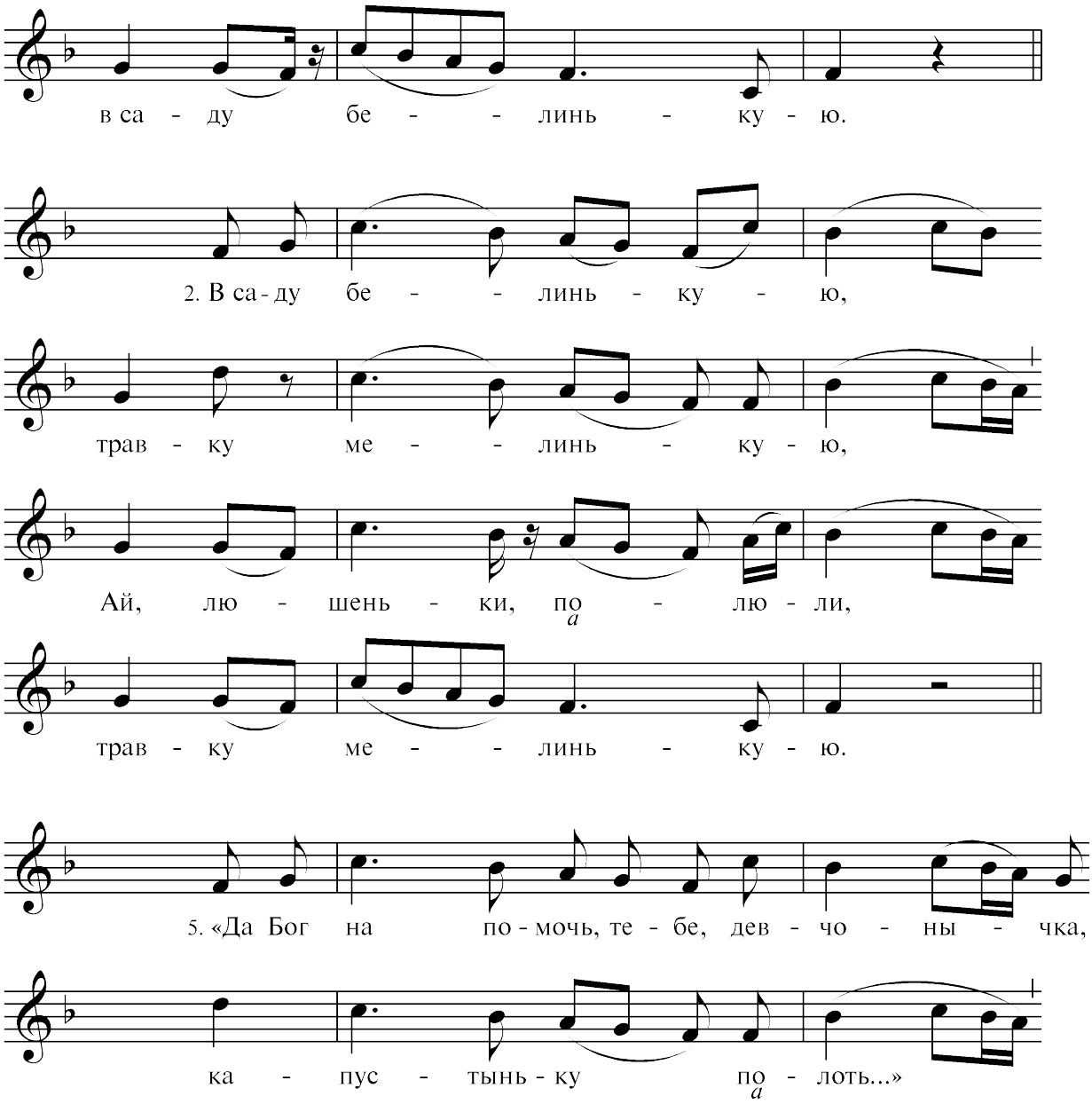
Я не буду, я не буду, я не стану, эх,
Ут мила дружка не отстану.

Ут мила дружка не отстану, эх,
Не отстану, не отстану, любить стану.

Не отстану, не отстану, любить стану, эх,
Не покину, не покину сиротину.

Не покину, не покину сиротину, эх,
Не забуду, не забуду, любить буду.

108.



Я полю, полю капустку в саду белинькую,
Ай люшеньки, по-люли, в саду белинькую.

В саду белинькую, травку мелинькую,
Ай люшеньки, по-люли, травку мелинькую.

Раз зашел ко мне детина точна ягода малина,
Ай люшеньки, по-люли, точно ягода малина.

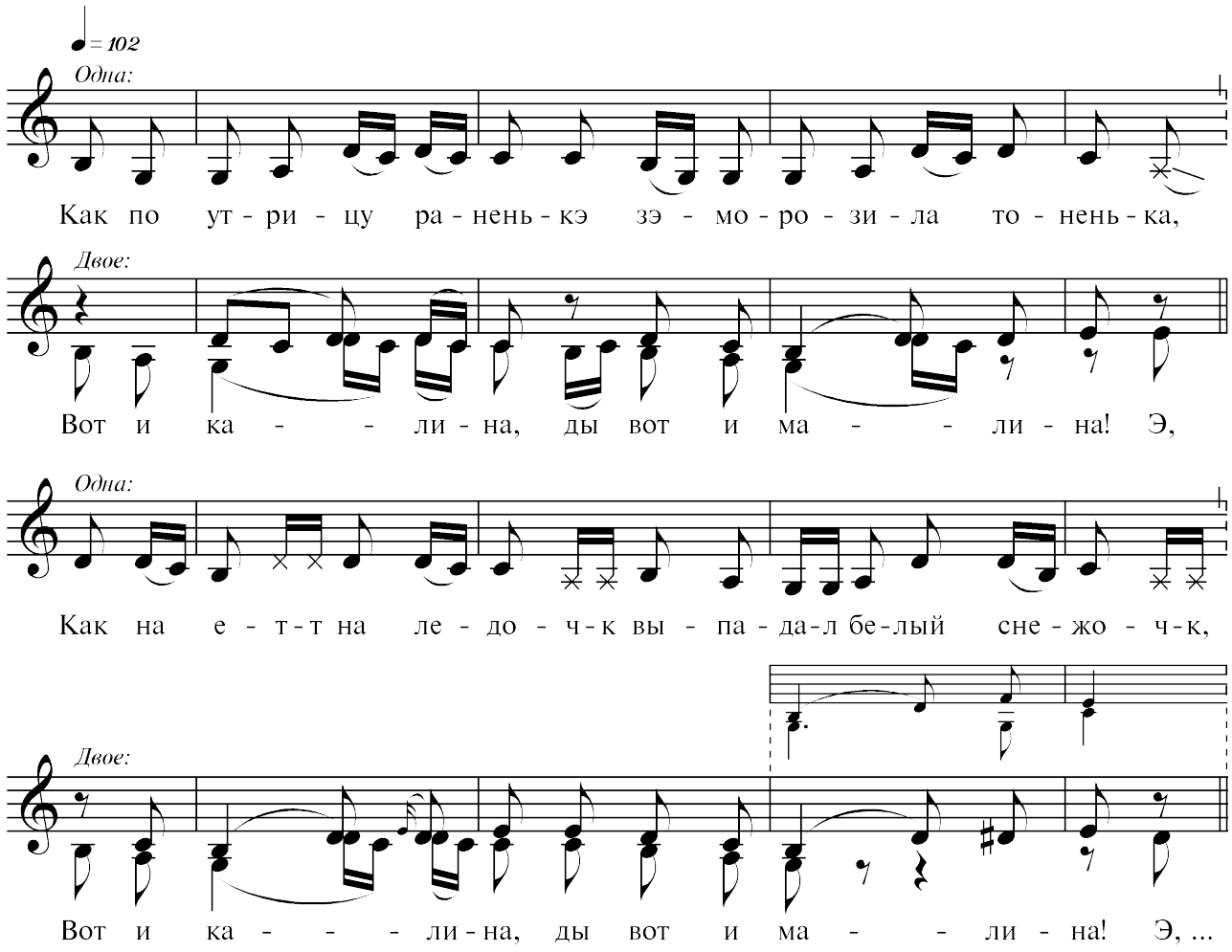
Зашел к девке в огород, Бог на помочь подаёт,
Ай люшеньки, по-люли, Бог на помочь подаёт.

— Да Бог на́ помочь тебе, девчонычка, капустыньку полоть,
Ай люшеньки, по-люли, всё капустыньку полоть.

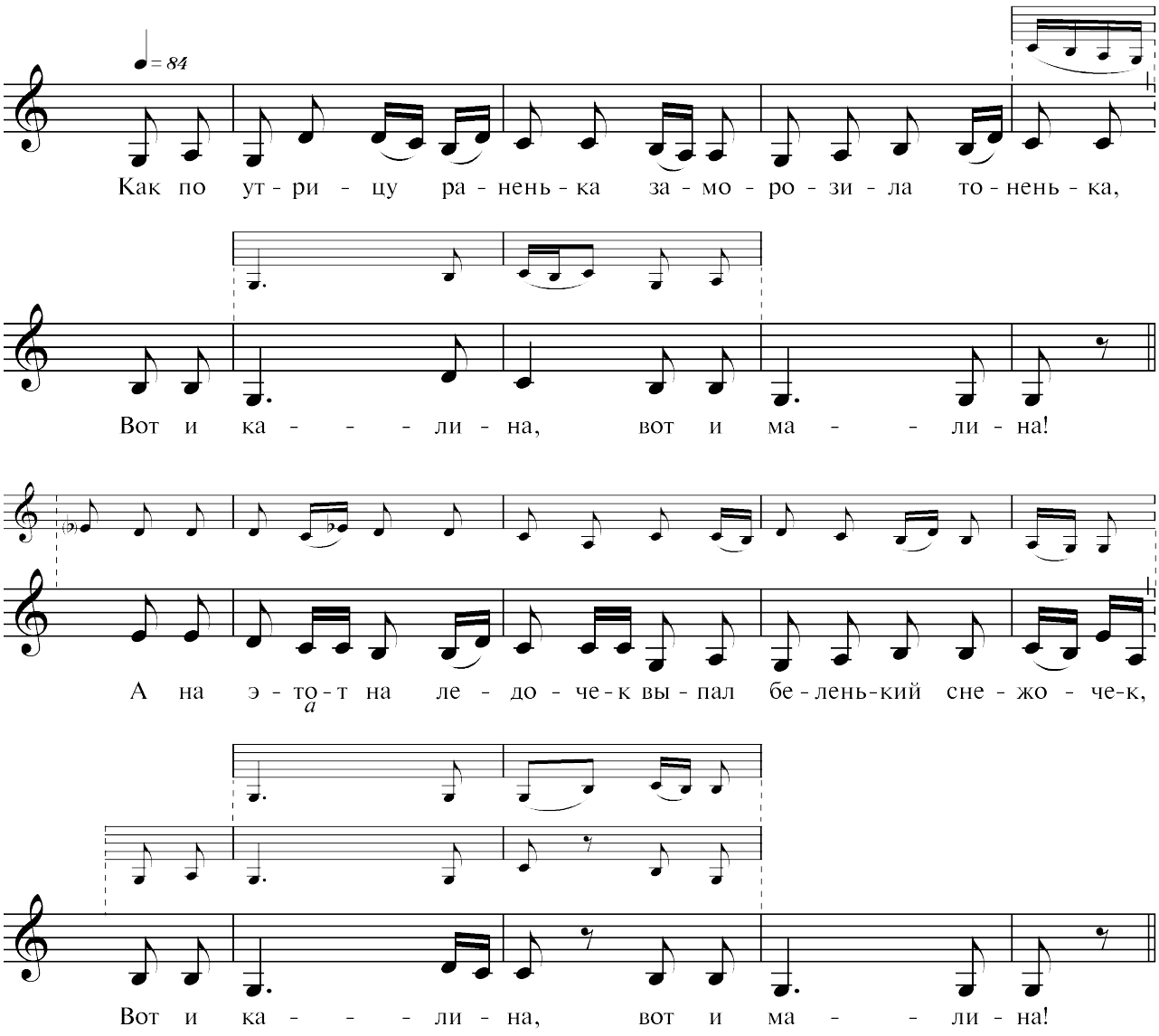
— Пойдём, миленький, по саду, выбирай себе рассаду,
Ай люшеньки, по-люли, выбирай себе рассаду.

Он рассаду не торгует, красну девицу любует,
Ай люшеньки, ай люли, красну девицу любует.

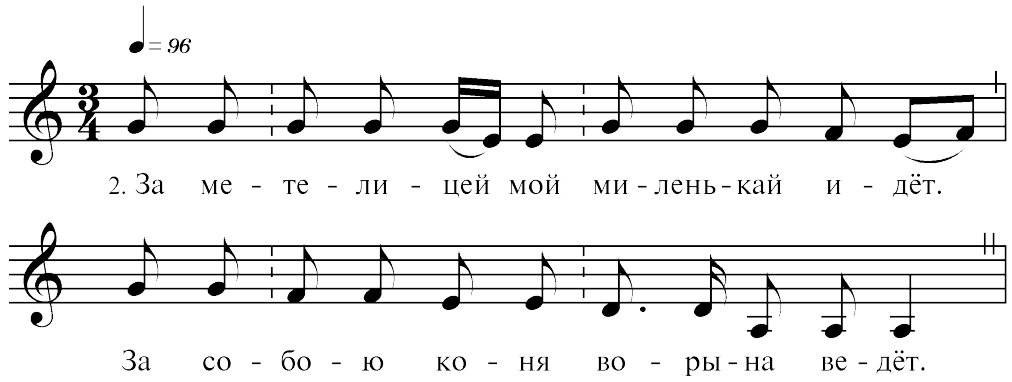
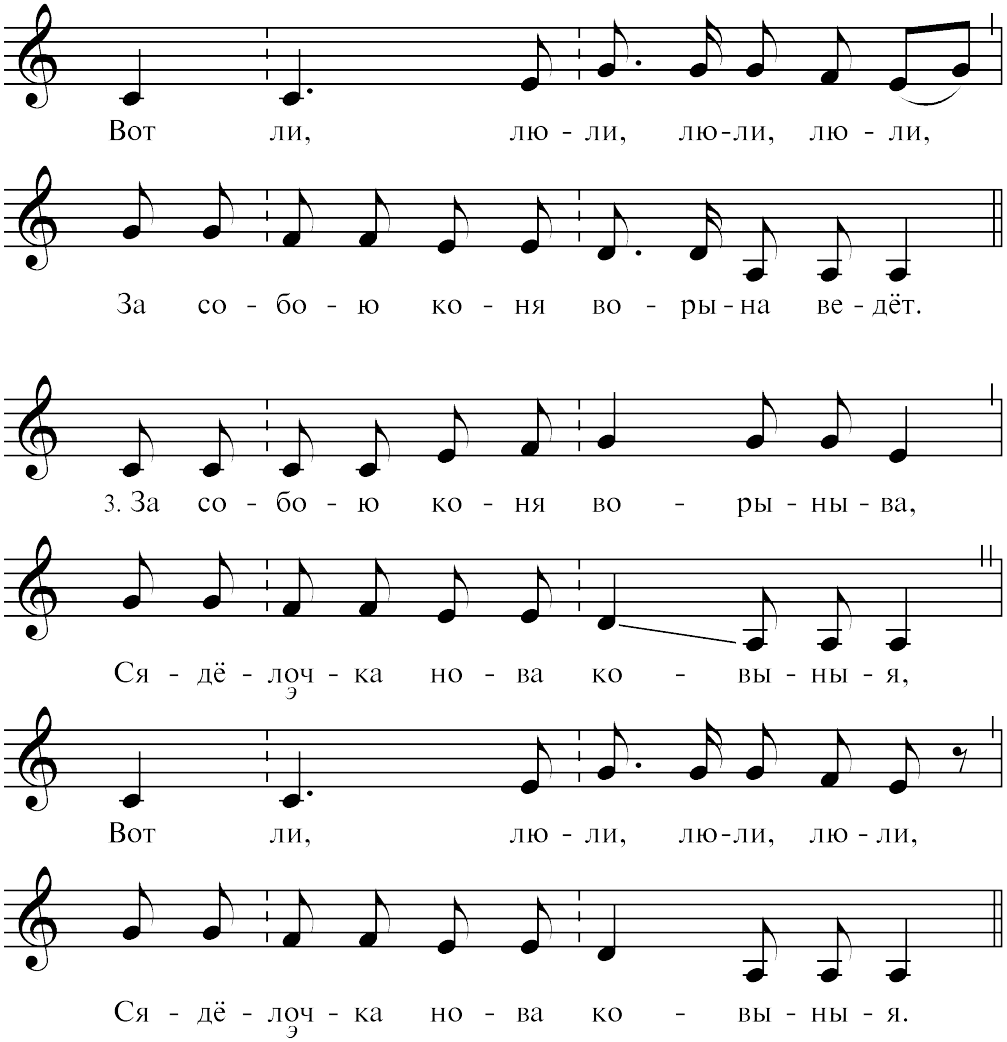
Он рассаду не купил, красну девку полюбил,
Ай люшеньки, по-люли, красну девку полюбил.

109.

Как по утрицу раненькэ зэморозила тоненька,
Вот и калина, ды вот и малина!
Э, как на эт[о]т на ледоч[е]к выпадал белый снежоч[е]к,
Вот и калина, ды вот и малина!
Э, как по этыму снежку мил на коне проезжал,
Вот и калина, ды вот и малина!
Мил на коне проезжал, сы добра коня упал,
Вот и калина, ды вот и малина!
А сы добра коня упал, нехто ёво ни видал,
Вот и калина, ды вот и малина!
Сударушка увидала, скорёхынько подбежала,
Вот и калина, ды вот и малина!
Э, скорёхонько подбежала, на добра коня сажала,
Вот и калина, ды вот и малина!
А ны добра коня сажала, в чиста поля прывожала,
Вот и калина, ды вот и малина!

А в чиста поля прывожала, всё наказывыла, ды,
Вот и калина, ды вот и малина!
— А ты поедишь, мой розмилый, ны чужую сторыну, ды,
Вот и калина, ды вот и малина!
А на чужой дальней сторонки ни загуливыйся, ды,
Вот и калина, ды вот и малина!
На хороших, ны пригожих ни заглядывайся, ды,
Вот и калина, ды вот и малина!
Э, как хороши-ти, пригожи сердца высушили, ды,
Вот и калина, ды вот и малина!
А без хрещенскыва морозу сердца вызнобили,
Вот и калина, ды вот и малина!
А чужая стырона ды полынь горькыя трава, ды,
Вот и калина, ды вот и малина!
А полынь горькыя трава при меже в поли росла, ды,
Вот и калина, ды вот и малина!
При меже-ти, при меже, да при широким рубеже,
Вот и калина, ды вот и малина!
По этыму рубежочку протёкали ручеёчки,
Вот и калина, ды вот и малина!
А во этим ручеёчке мыла девица платочки,
Вот и калина, ды вот и малина!
Она мыла, кылотила, валёк в воду упустила,
Вот и калина, ды вот и малина!
Где не взялся пыренёчек, упустился в ручеёчек,
Вот и калина, ды вот и малина!
Упустился в ручеёчек, пыймал девушки валёчек,
Вот и калина, ды вот и малина!
— И вот, спасибо, друг, тебе, пысобил моей беде, ды,
Вот и калина, ды вот и малина!
Пасобил моей беде, пыймал валёк ны воде,
Вот и калина, ды вот и малина!
По вече́ру-вичеру́ приходи к мому двору,
Вот и калина, ды вот и малина!
Приходи к мому двору, я тебя чаем напою,
Вот и калина, ды вот и малина!
И у нас тятеньки не будет, а мамаша в гостях будет,
Вот и калина, ды вот и малина!
А подружки-ти гуляют, про мою любовь не знают,
Вот и калина, ды вот и малина!

110.

Как по утрицу раненька заморозила тоненька,
Вот и калина, вот и малина!
А на этат на ледочек выпал беленький снежочек,
Вот и калина, вот и малина!
А на этот на снежочек выезжал Ваня дружочек,
Вот и калина, вот и малина!
А он ехал-праезжал, са добра коня упал,
Вот и калина, вот и малина!
А са добра коня упал, некто ево ни видал,
Вот и калина, вот и малина!
А я млада увидала, скорёшенька подбежала,
Вот и калина, вот и малина!
А скорёшенька подбежала, за белые ручки бр***а***ла,
Вот и калина, вот и малина!
А за белае ручки бра́ла, на добра коня сажала,
Вот и калина, вот и малина!

А на добра коня сажала, в чиста поля правожала,
Вот и калина, вот и малина!
А в чиста поля правожала, все наказывыла,
Вот и калина, вот и малина!
— Ты поедишь, моя радость, вы чужую сторыну,
Вот и калина, вот и малина!
А на чужой дальней сторонки не загуливайся,
Вот и калина, вот и малина!
А на хороших, на пригожих ни заглядывайся,
Вот и калина, вот и малина!
Ой как чужая старона да полынь горькая трава,
Вот и калина, вот и малина!
Полынь горькая трава да на меже в поли росла,
Вот и калина, вот и малина!
Ой на меже, меже, меже, при широком рубеже,
Вот и калина, вот и малина!
Как по этим рубежочкам протекали ручеёчки,
Вот и калина, вот и малина!
А во этих ручеёчках мыла девушка платочки,
Вот и калина, вот и малина!
Она мыла, калотила, валёк в воду упустила,
Вот и калина, вот и малина!
А валёк мок, пиремок, никто горю не помог,
Вот и калина, вот и малина!
А вдруг явился паренёчек, упустился в ручеёчек,
Вот и калина, вот и малина!
Упустился в ручеёчек, достал девушке валёчек,
Вот и калина, вот и малина!
— Ой, спасибо, друг, тебе, ты помог моей беде,
Вот и калина, вот и малина!
Ты помог моей беде, поймал валёк на воде,
Вот и калина, вот и малина!
Поймал валёк на воде, приходи ужо ко мне, да
Вот и калина, вот и малина!
А у меня папи не будет, а мамаша в гостях будет,
Вот и калина, вот и малина!
А сестра-то в тирему, она не скажет никому,
Вот и калина, вот и малина!

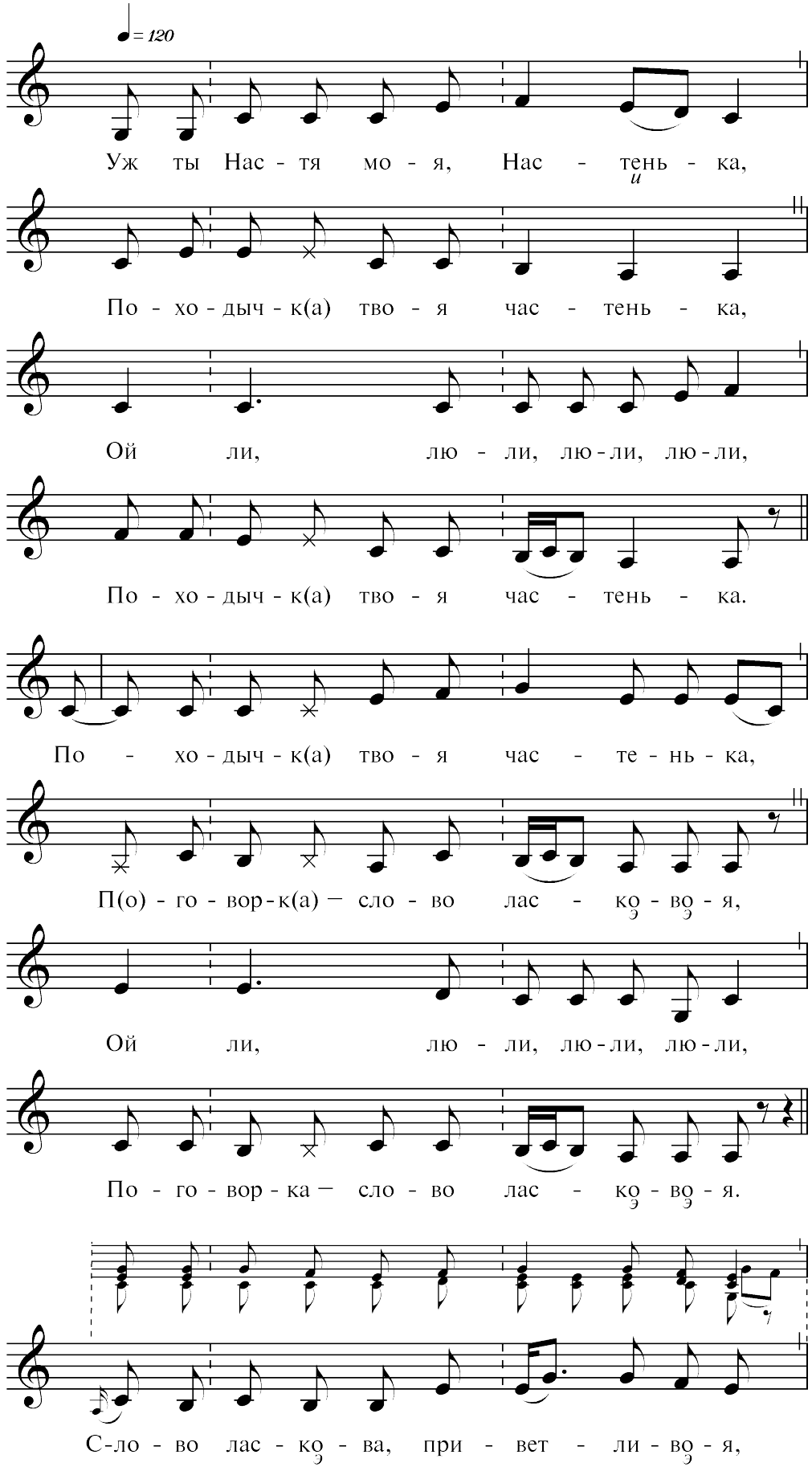
111.



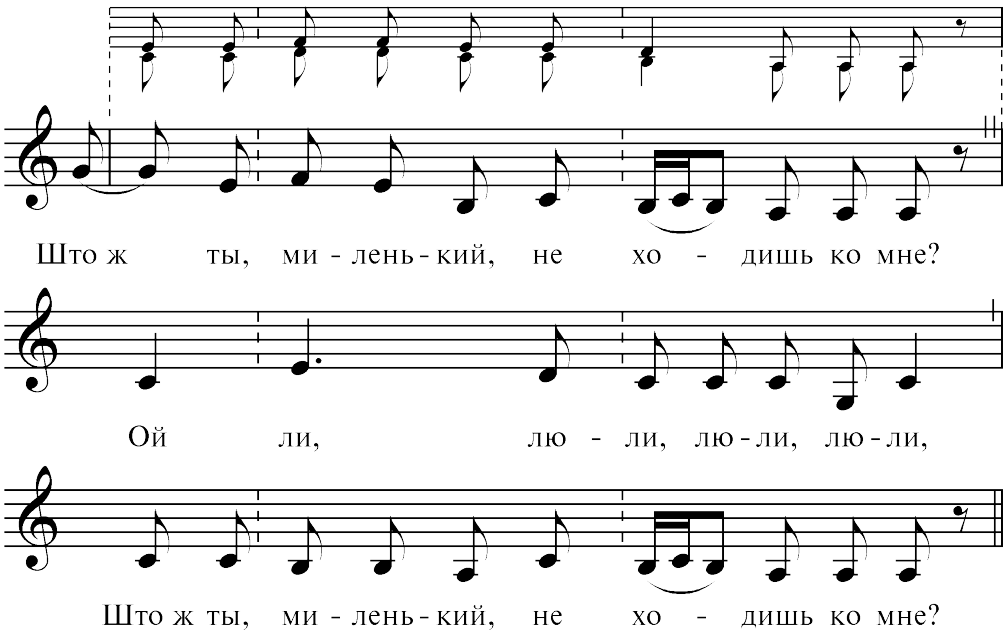
Вдоль по улице метелица метёт,
За метелицей мой миленькай идёт,
Вот ли, люли-люли-люли,
За метелицей мой миленькай идёт.

За метелицей мой миленькай идёт,
За собою коня ворына ведёт,
Вот ли, люли-люли-люли,
За собою коня ворына ведёт.

За собою коня ворынива,
Сядёлочка нова, ковыныя,
Вот ли, люли-люли-люли,
Сядёлочка нова, ковыныя.

А узды-то пазалоченыи,
С боку на бок перьвароченыи,
Вот ли, люли-люли-люли,
С боку на бок перьвароченыи.

112.

♩ = 120
Уж ты Нас - тя мо - я, Нас - тень - ка,
По - хо - дыч - к(а) тво - я час - тень - ка,
Ой ли, лю - ли, лю - ли, лю - ли,
По - хо - дыч - к(а) тво - я час - тень - ка.
По - хо - дыч - к(а) тво - я час - те - нь - ка,
П(о) - го - вор - к(а) — сло - во лас - ко - во - я,
Ой ли, лю - ли, лю - ли, лю - ли,
По - го - вор - ка — сло - во лас - ко - во - я.
С - ло - во лас - ко - ва, при - вет - ли - во - я,



Уж ты Настя моя, Настенька,
Походычк[а] твоя частенька,
Ой ли, люли, люли, люли,
Походычк[а] твоя частенька.

Походычк[а] твоя частенька,
П[о]говорк[а] — слово ласковоя,
Ой ли, люли, люли, люли,
Поговорка — слово ласковоя.

Слово ласкова, приветливоя,
Што ж ты, миленький, не ходишь ко мне?
Ой ли, люли, люли, люли,
Што ж ты, миленький, не ходишь ко мне?

Што ж ты, миленький, не ходишь ко мне,
При-на горе не наведаешь меня?
Ой ли, люли, люли, люли,
При-на горе не наведаешь меня?

При-на горе не наведаешь меня,
Я со времечком раздушечка добра,
Ой ли, люли, люли, люли,
Я со времечком раздушечка добра.

Я со времечком раздушечка добра,
По суме́ркам отец с матерью не спят,
Ой ли, люли, люли, люли,
По суме́ркам отец с матерью не спят.

А я, млада, приуснула на часок,
Мне привиделся обманчивый сон,
Ой ли, люли, люли, люли,
Мне привиделся обманчивый сон.

А будто б миленький хорошенький пришёл,
Ко тесовыю кровати подашёл,
Ой ли, люли, люли, люли,
Ко тесовыю кровати подашёл.

Ко тесовыю кровати подашёл,
Стал Настюшу целовать, миловать,
Ой ли, люли, люли, люли,
Стал Настюшу целовать, миловать.

Стал Настюшу целовать, миловать,
Ко ретивому сердечку прижимать,
Ой ли, люли, люли, люли,
Ко ретивому сердечку прижимать.

При базаре да при ярманке
Потеряла чулки вязанки,
Ой ли, люли, люли, люли,
Потеряла чулки вязанки.

Потеряла чулки вязанки да
У милого на завалинки,
Ой ли, люли, люли, люли,
У милого на завалинки.

А у милого на завалинки,
У радости под окошечком,
Ой ли, люли, люли, люли,
У радости под окошечком.

Меня маменька плясамши родила,
А баушка со похмелья павила,
Ой ли, люли, люли, люли,
А баушка со похмелья павила.

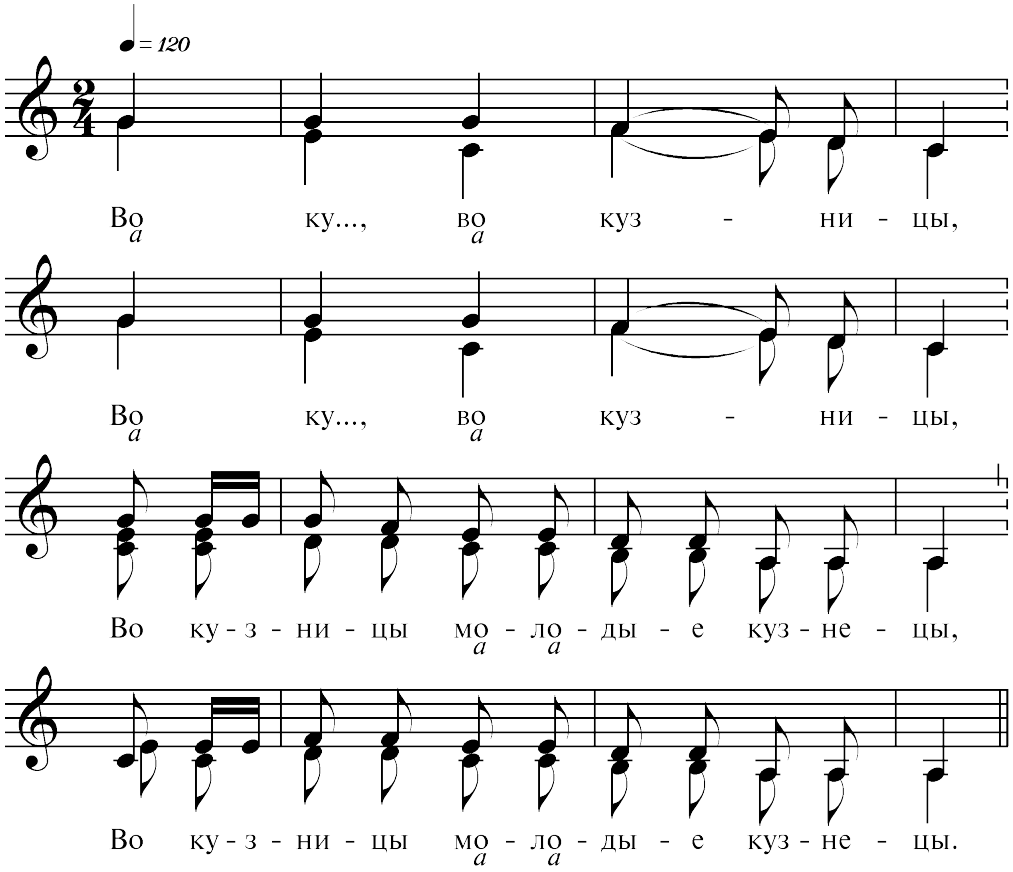
Меня кстили во цареве кабаке,
Укунали вы зелёное вино,
Ой ли, люли, люли, люли,
Укунали вы зелёное вино.

А укунали, приговаривали,
Уродись ты, Настя счастливыя,
Ой ли, люли, люли, люли,
Уродись ты, Настя счастливыя.

А уродися, Настя счастливыя,
Всёму делу будь догадливыя,
Ой ли, люли, люли, люли,
Всёму делу будь догадливыя.

Всёму делу будь догадливыя,
Ко народу будь приветливыя,
Ой ли, люли, люли, люли,
Ко народу будь приветливыя.

113.



Ва ку... ва кузницы,
Ва ку... ва кузницы,
Во кузницы маладые кузнецы,
Во кузницы маладые кузнецы.

Ани, ани куют,
Ани, ани куют,
Оне куют, всё наваривают,
Оне куют, всё наваривают.

К себе, к себе Дуню,
К себе, к себе Дуню,
К себе Дуню пригаваривают,
К себе Дуню пригаваривают.

Пойдём, пайдём, Дуня,
Пойдём, пайдём, Дуня,
Пойдём Дуня во лесок, во лесок,
Пойдём Дуня во лесок, во лесок.

Сорвём тебе, Дуня,
Сорвём тебе, Дуня,
Сорвём, Дуня, лопушок, лопушок,
Сорвём, Дуня, лопушок, лопушок.

Потом пойдём с тобой,
Потом пойдём с тобой,
Потом сходим на базар, на базар,
Пойдём сходим на базар, на базар.

Купим, купим тебе,
Купим, купим тебе,
Купим тебе сарафан, сарафан,
Купим тебе сарафан, сарафан.

Кита..., китаешнай,
Кита..., китаешнай,
Китаешнай, галубой, галубой,
Китаешнай, галубой, галубой.

Носи, носи, Дуня,
Носи, носи, Дуня,
Носи, Дуня, не морай, не морай,
Носи, Дуня, не морай, не морай.

По пра..., по праздничкам,
По пра..., по праздничкам,
По праздничкам удевай, удевай,
По праздничкам удевай, удевай.

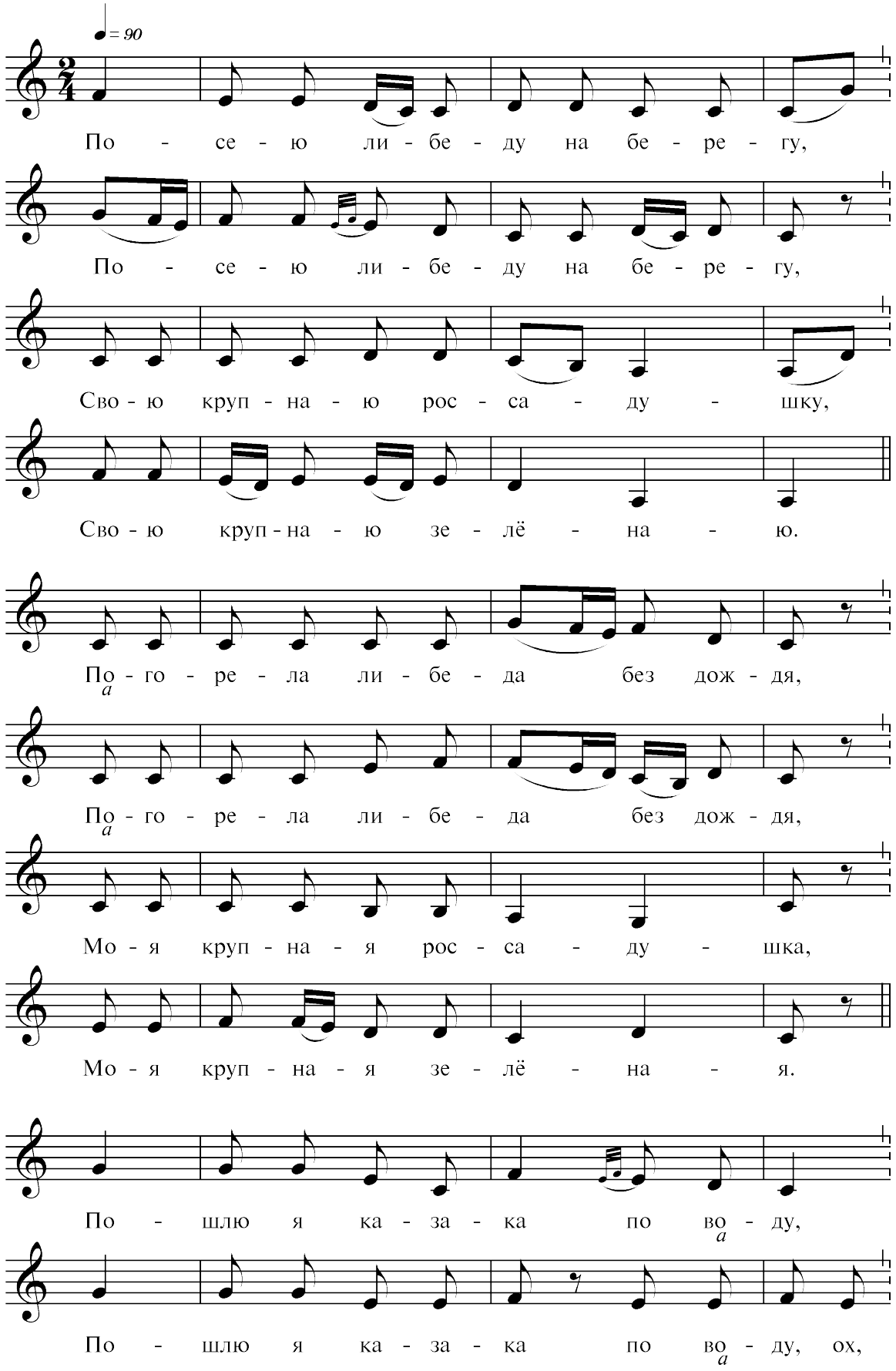
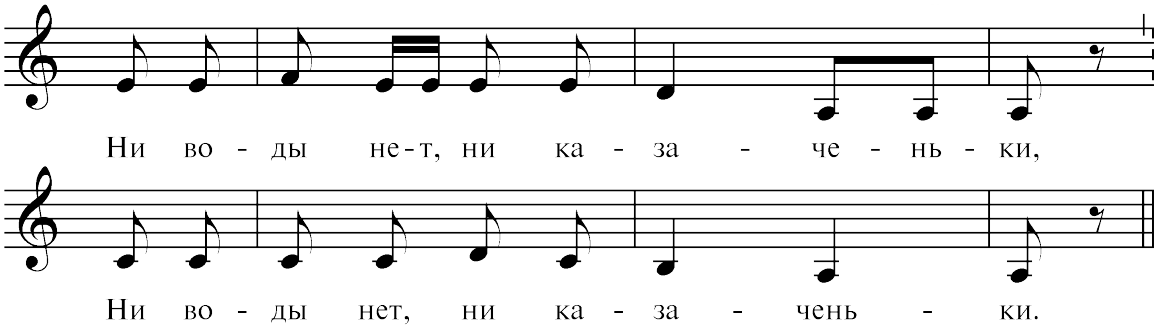
Под ла..., под лавычку,
Под ла..., под лавычку,
Под лавычку не бросай, не бросай,
Под лавочку не бросай, не бросай.

Под ла..., под лавычкай,
Под ла..., под лавычкай,
Под лавычкой таракан, таракан,
Под лавычкой таракан, таракан.

Проест, проест Дуне,
Проест, проест Дуне,
Проест Дуне сарафан, сарафан,
Проест Дуне сарафан, сарафан.

Кита..., китаешнай,
Кита..., китаешнай,
Китаешнай голубой, голубой,
Китаешнай голубой, голубой.

Над са..., над самою,
Над са..., над самою,
Над самою над дырой, над дырой,
Над самою над дырой, над дырой.

114.

♩ = 90
По - се - ю ли - бе - ду на бе - ре - гу,
По - се - ю ли - бе - ду на бе - ре - гу,
Сво - ю круп - на - ю рос - са - ду - шку,
Сво - ю круп - на - ю зе - лё - на - ю.
По - го - ре - ла ли - бе - да без дож - дя,
По - го - ре - ла ли - бе - да без дож - дя,
Мо - я круп - на - я рос - са - ду - шка,
Мо - я круп - на - я зе - лё - на - я.
По - шлю я ка - за - ка по во - ду,
По - шлю я ка - за - ка по во - ду, ох,

Посею либеду на берегу,
Посею либеду на берегу.
Свою крупнаю россадушку,
Свою крупнаю зелёнаю.

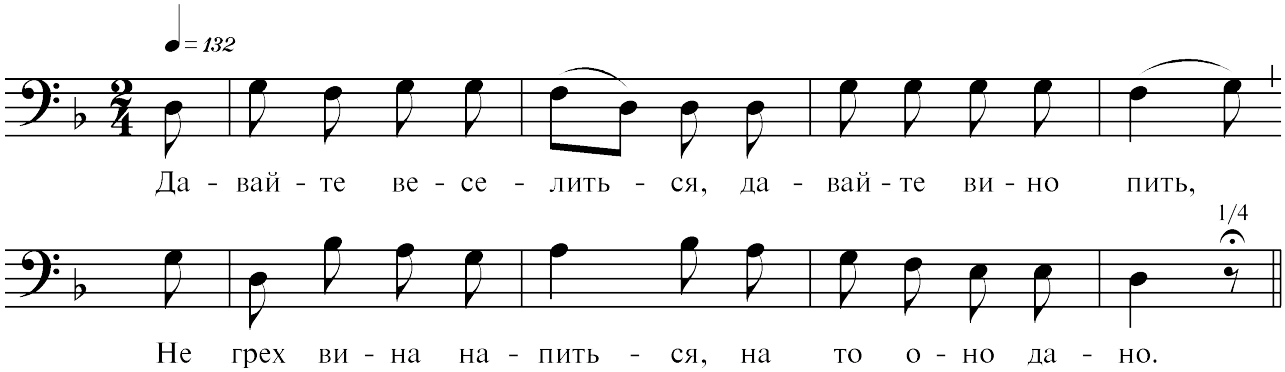
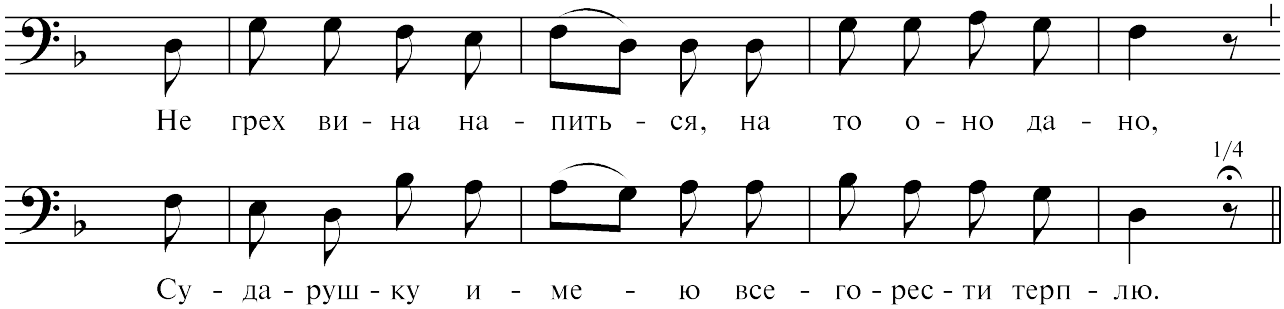
Пагорела либеда без дождя,
Пагорела либеда без дождя.
Моя крупная россадушка,
Моя крупная, зелёная.

Пошлю я казака по ваду,
Пошлю я казака по ваду, ох,
Ни воды нет, ни казаченьки,
Ни воды нет, ни казаченьки.

Как бы мне бы, младай, ворына коня,
Как бы мне бы, младай, ворына коня —
Я бы вольная казачка была,
Я бы вольная, молоденькая.

Скакала бы, плясала па лугам,
Скакала бы, плясала па лугам.
По зелёныим дубровушкам,
По зелёныим дубравушкам.

Вы ура, ура, ребятушки,
[Вы ура, ура, ребятушки],
Взяли Ваню ва салдатушки,
[Взяли Ваню ва салдатушки].

115.

Давайте веселиться, давайте вино пить,
Не грех вина напиться, на то оно дано.

Не грех вина напиться, на то оно дано,
Сударшку имею, все горести терплю.

Сударшку имею, все горести терплю,
Сказать свово не смею, зачем её люблю.

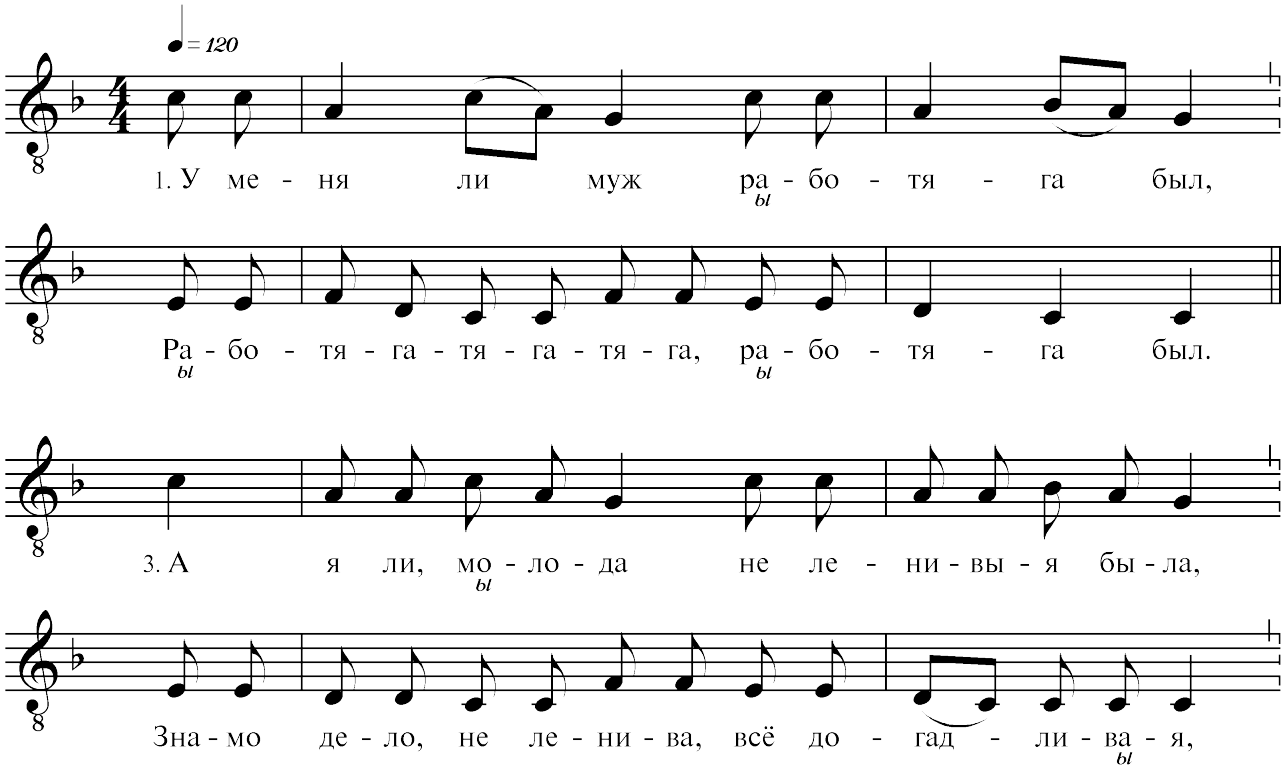
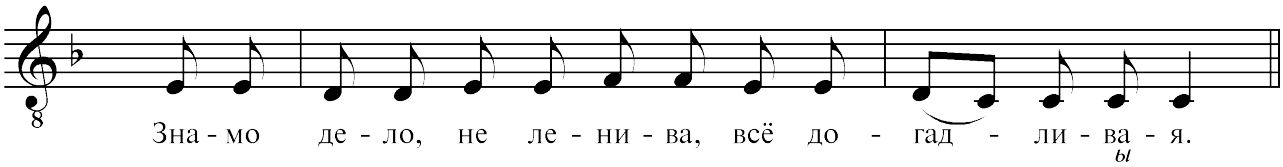
Дарю дружку колечко, дарю из золота:
— Носи милый, колечко, носи, да не теряй!

Носи милый, колечко, носи, да не теряй!
Кольцо с руки упало, на дно моря ушло.

Подуйте ветры буйны с подённой стороны,
Повыкати колечко на крутый бережок.

Повыкати колечко на крутый бережок,
На крутый бережок, где миленькай дружок.

116.



У меня ли муж работяга был,
Работяга-тяга-тяга, работяга был.

Пошёл ны борок — позабыл тыпорок,
Позабыл, позабыл, позабыл топорок.

А я ли молода не ленивыя была,
Знамо дело, не ленива, всё догадливая,
Знамо дело, не ленива, всё догадливая.

Я схватила тыпорок, да за ним на борок,
Да за ним, да за ним, да за ним на борок.

У меня ли муж работяга был,
Знамо дело, работяга, работяга был.

Он поехал пахать — позабыл соху,
Позабыл, позабыл, позабыл соху.

А я ли мылода не ленивыя была,
Знамо дело, не ленива, а догадливыя.

Я схватила соху, да за ним бёгу,
Всё за ним да за ним, всё за ним бёгу.

У меня ли муж работяга был,
Работяга, работяга, работяга был.

Поехал молотить — позабыл борыну,
Позабыл, позабыл, позабыл борыну,
Позабыл, позабыл, позабыл борыну.

А я ли мылода не ленивыя была,
Знамо дело, не ленива, а догадливыя.

Я схватила борыну, да за ним в сторыну,
Да за ним, да за ним, да за ним в сторыну,
Да за ним, да за ним, да за ним в сторону.

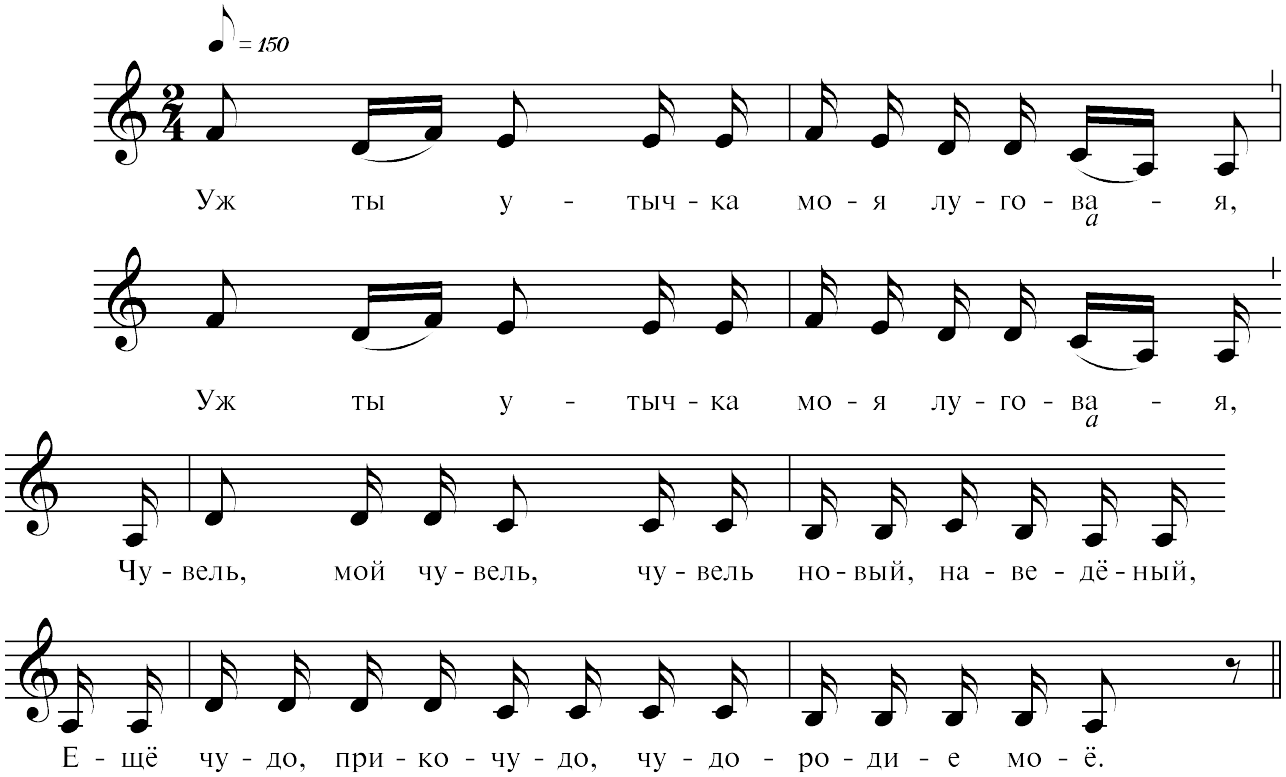
У меня ли муж работяга был,
Тяга-тяга, работяга, работяга был.

Он поехал в луга — позабыл вилы,
Позабыл, позабыл, позабыл вилы,
Позабыл, позабыл, позабыл вилы.

А я ли мылода не ленивыя была,
Знамо дело, не ленива, всё догадливыя.

Я схватила вилы, да за ним: «Милый!»
[Да за ним, да за ним, да за ним: «Милый!»]

117.



Уж ты утычка моя лугавая,
Уж ты утычка моя лугавая.
Чувель, мой чувель, чувель новый, наведёный,
Ещё чудо-прикочудо, чудородие моё.

Где ж ты была, была, пабывала?
Где ж ты была, была, пабывала?
Чувель, мой чувель, чувель новый, наведёный,
Ещё чудо-прикочудо, чудородие моё.

В тёмном лесе, лесе пад кусточком,
В тёмном лесе, лесе пад кусточком.
Чувель...*

Пад ракитовым листо-листочком,
Пад ракитовым листо-листочком.
Чувель...*

---

* Рефрен далее не приводится, форма строфы не изменяется.

Там шли-прошли мое удалыя,
Там шли-прошли мое удалыя.
Чувель...*

Два молыдца были мылодые,
Два молыдца были мылодые.
Чувель...*

У них было в руках па ножочку,
У них было в руках па ножочку.
Чувель...*

Оне срезали себе па пруточку,
Оне срезали себе па пруточку.
Чувель...*

Оне сделали себе па гудочку,
Оне сделали себе па гудочку.
Чувель...*

Вы гудочки д[а] мое, не гудитя,
Вы гудочки мое, не гудитя.
Чувель...*

Молодушку д[а] мою не будитя,
Молодушку мою не будитя.
Чувель...*

Молодушка спит моя с похмелья,
Молодушка спит моя с похмелья.
Чувель...*

Са вчерашнего поя-пирепоя,
Са вчерашнего поя-пирепоя.
Чувель...*

Мой батюшка живёт за рекою,
Мой батюшка живёт за рекою.
Чувель...*

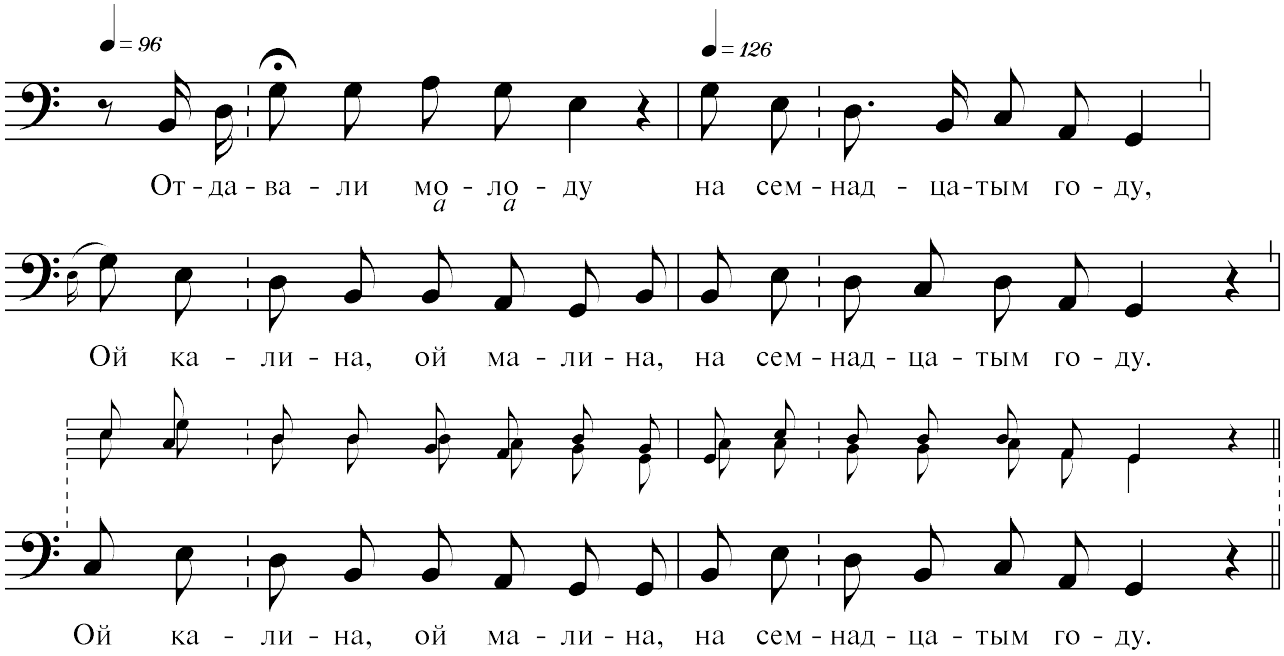
Варит пива, пива зиленоя,
Варит пива, пива зиленоя.
Чувель...*

Про зятюшку, зятя мылодова,
Про зятюшку, зятя мылодова.
Чувель...*

Мому зятю в гостях не бывати,
Мому зятю в гостях не бывати.
Чувель...*

Зиленого пива не пивати,
Заленого пива не пивати.
Чувель...*

118.



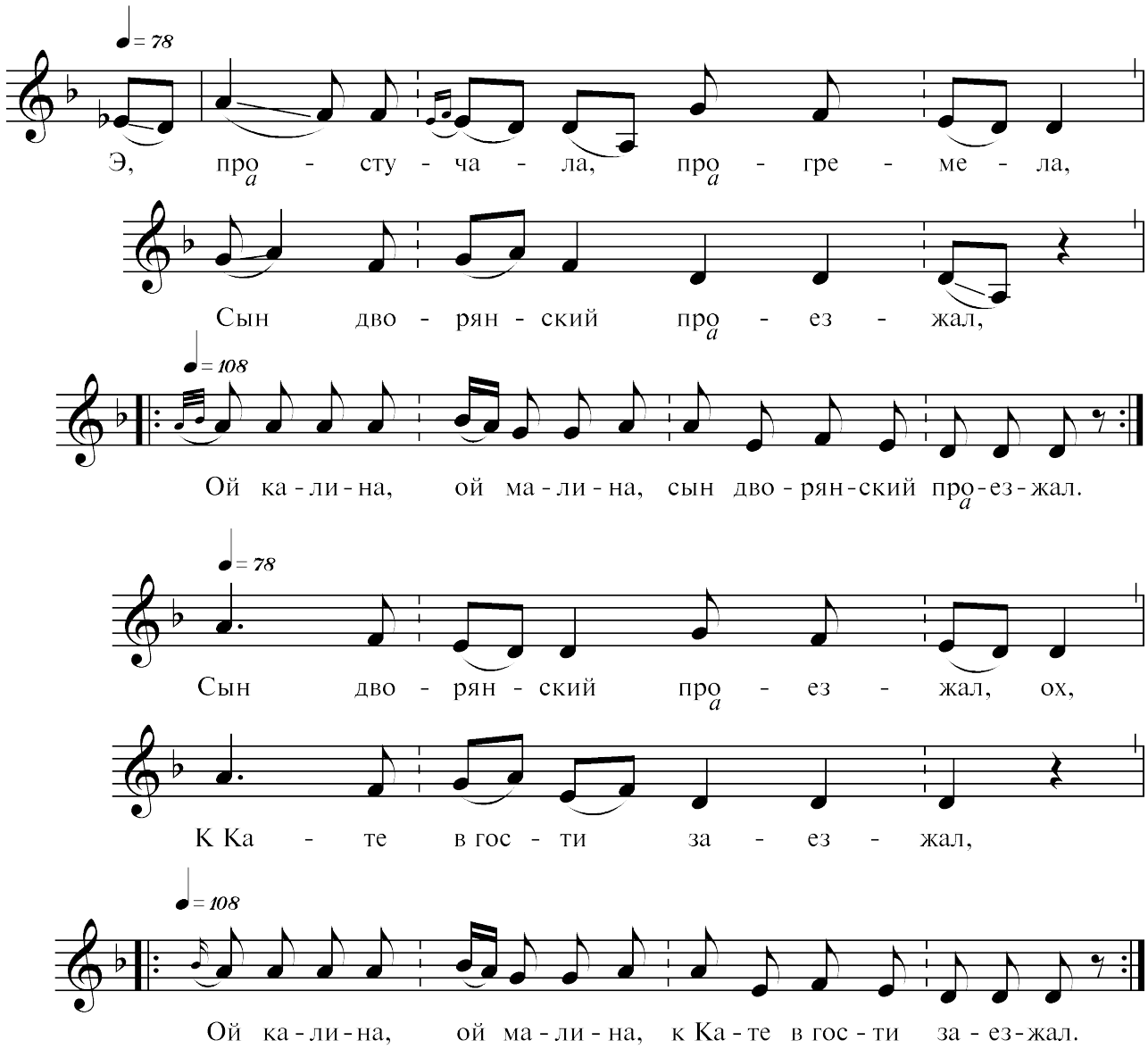
Отдавали молоду на семнадцатым году,
Ой калина, ой малина, на семнадцатым году,
Ой калина, ой малина, на семнадцатым году.

На семнадцатом году за седую борыду,
Ой калина, ой малина, за седую борыду,
Ой калина, ой малина, за седую борыду.

А седая бырода не пускает никуда,
Ой калина, ой малина, не пускает никуда,
Ой калина, ой малина, не пускает никуда.

Как пойду я по воду — возьму с собой борыду,
Ой калина, ой малина, возьму с собой борыду,
Ой калина, ой малина, возьму с собой борыду.

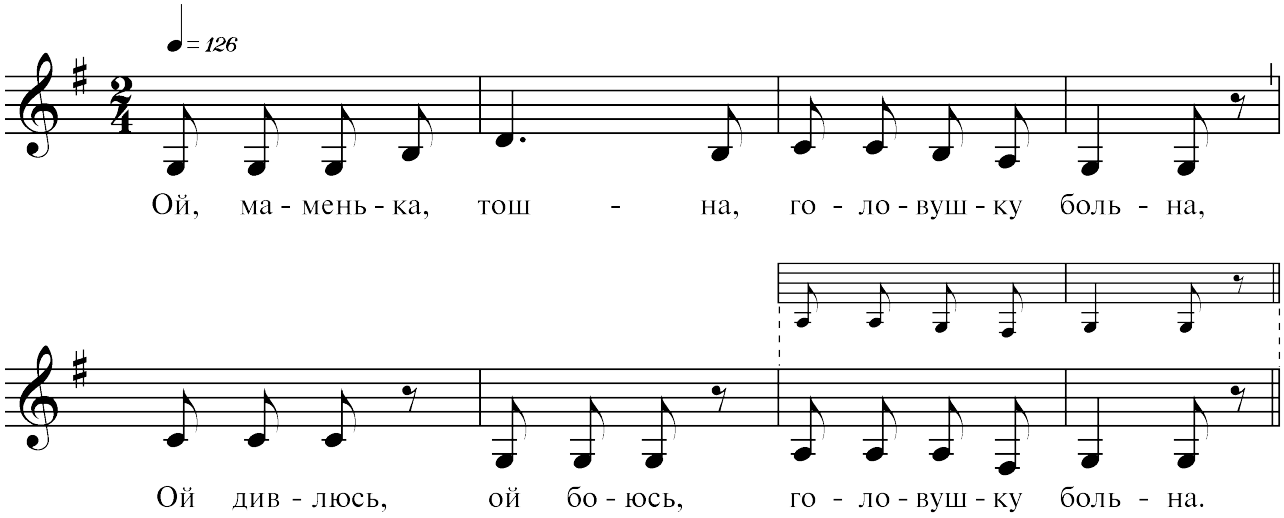
Без напева:
Брошу в пролубь головою — оставайся, чёрт с тобой,
Вот вам, девушки, наука — не ходить за стариков,
Старый муж навяжется — долгий век покажется.

119.

Э, прастучала, прагремела,
Сын дворянский праезжал,
Ой калина, ой малина, сын дворянский праезжал,
Ой калина, ой малина, сын дворянский праезжал.

Сын дворянский праезжал, ох,
К Кате в гости заезжал,
Ой калина, ой малина, к Кате в гости заезжал,
Ой калина, ой малина, к Кате в гости заезжал.

Выходила Катерина
За новыя варота,
Ой калина, ой малина, за новыя варота.
Ой калина, ой малина, за новыя варота.

120.



Ой, маменька, тошна, головушку больна,
Ой дивлюсь, ой боюсь, головушку больна.

Пойду во лесочек, лягу пыд кусточек,
Ой дивлюсь, ой боюсь, лягу под кусточек.

Под кустом барашка в красненькай рубашки,
Ой дивлюсь, ой боюсь, в красненькай рубашки.

В красненькай рубашки, в жёлтых шераварах,
Ой дивлюсь, ой боюсь, в жёлтых шураварах.

В жёлтых шераварах, в суконной поддёвке,
Ой дивлюсь, ой боюсь, в суконной поддёвке,
Ой дивлюсь, ой боюсь, в суконной поддёвке.

Я пойду домою, барашек за мною,
Ой дивлюсь, ой боюсь, барашек за мною.

Прихожу домою, барашек со мною,
Ой дивлюсь, ой боюсь, барашек со мною.

Паложу барашка во нову плетюшку,
Ой дивлюсь, ой боюсь, во нову плетюшку,
Ой дивлюсь, ой боюсь, во нову плетюшку.

Во нову плетюшку покрою дерюжкай,
Ой дивлюсь, ой боюсь, покрою дерюжкай.

Муж с Москвы приходит, па горинки ходит,
Ой дивлюсь, ой боюсь, па горинки ходит,
Ой дивлюсь, ой боюсь, па горинки ходит.

— Жёна моя жёнка, что у тея в клетюшке, покрытый дерюжкай?
Ой дивлюсь, ой боюсь, покрытый дерюжкай.

— Муж сходи к обедни, услужи молебен,
Ой дивлюсь, ой боюсь, услужи молебен.

Молебен отходит, муж домой приходит,
Ой дивлюсь, ой боюсь, муж домой приходит,
Ой дивлюсь, ой боюсь, муж домой приходит.

Муж домой приходит, по горенке ходит,
Ой дивлюсь, ой боюсь, по горенке ходит.

По горенке ходит, глазами поводит,
Ой дивлюсь, ой боюсь, глазами поводит.

— Жёна моя женка, пакажи барашку,
Ой дивлюсь, ой боюсь, пакажи барашку.

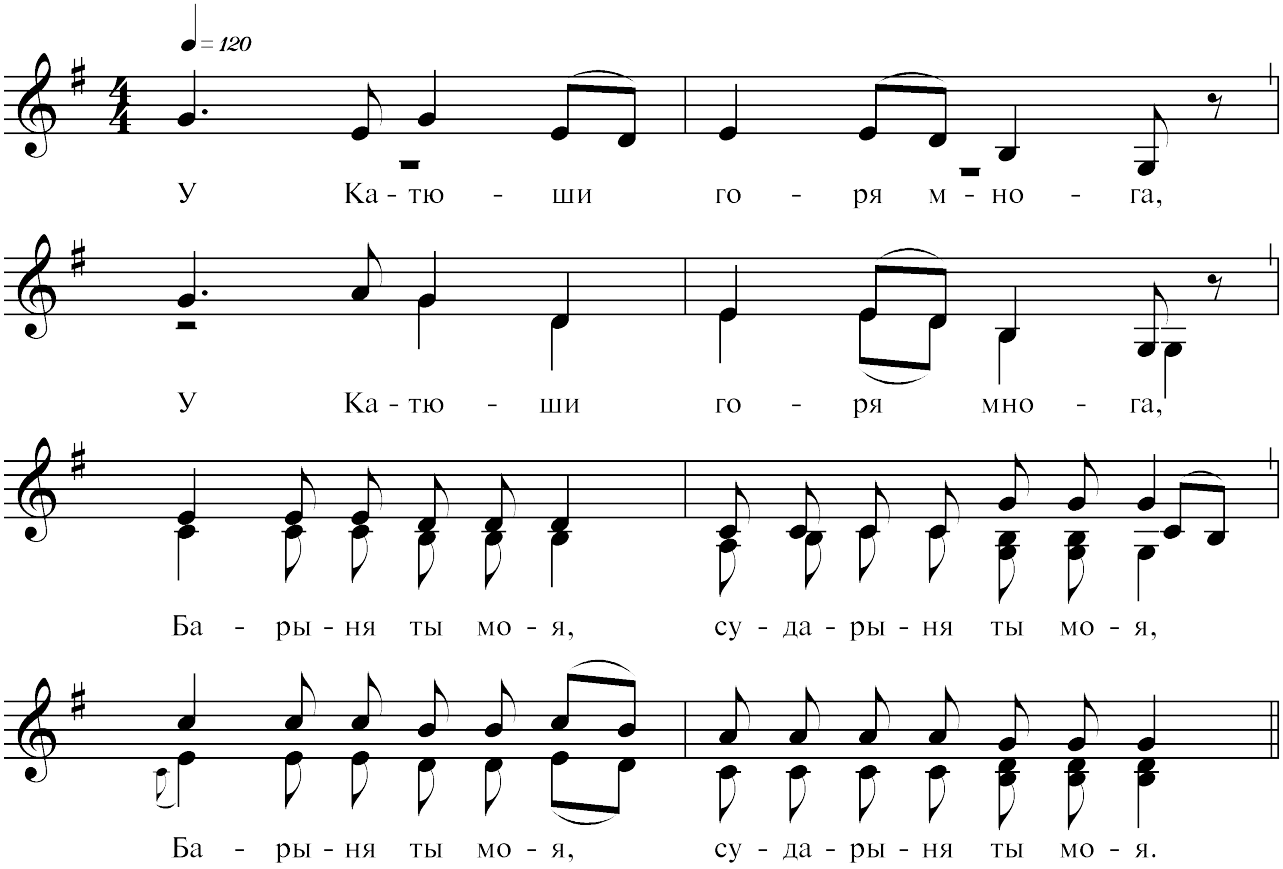
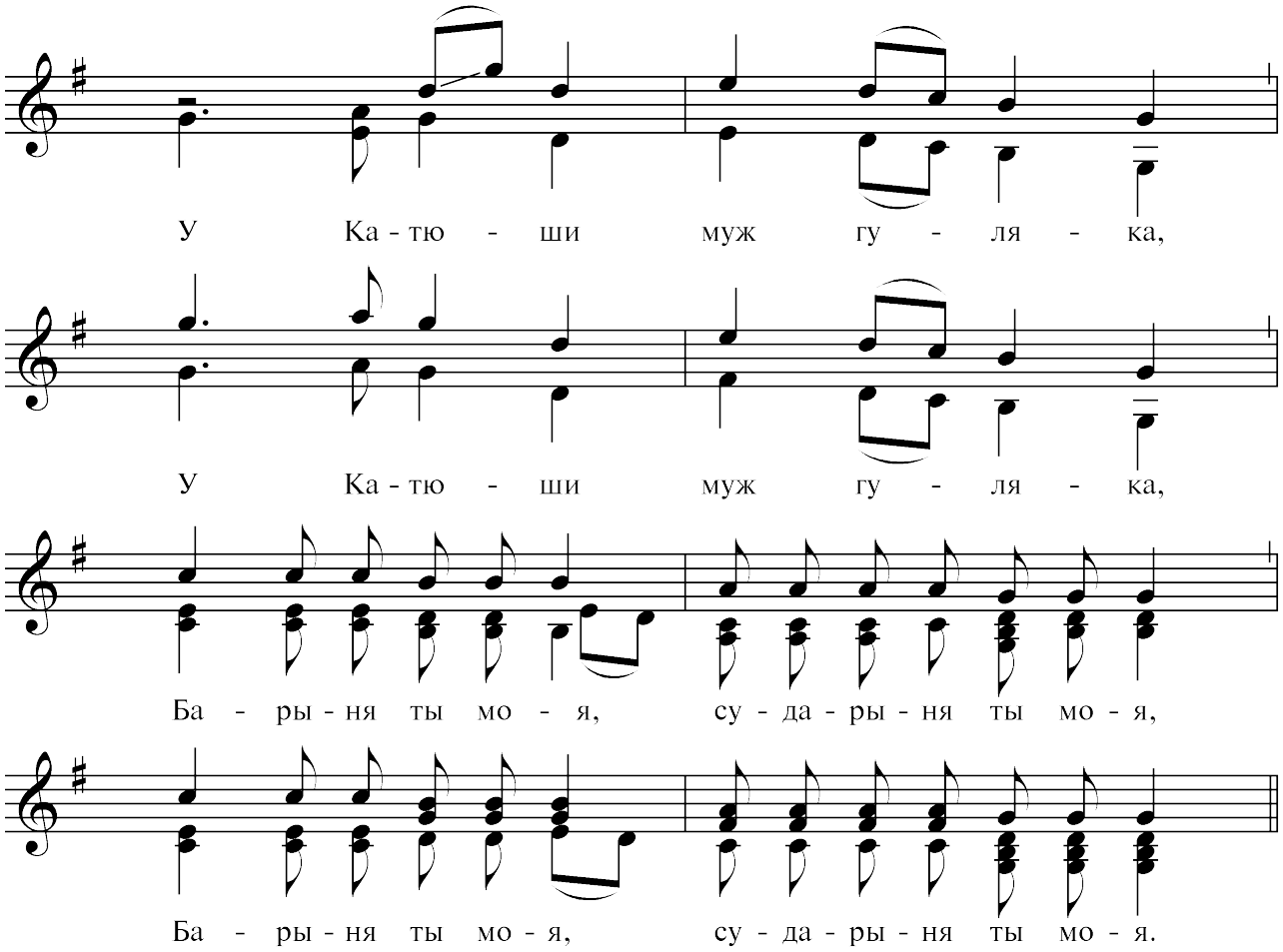
Пакажи барашку во новой плетюшки,
Ой дивлюсь, ой боюсь, во новой плетюшки

— Муж мой, муженёчек, глупый разумочек,
Ой дивлюсь, ой боюсь, глупый разумочек.

По утру вставала, барашку сгоняла,
Ой дивлюсь, ой боюсь, барашку сгоняла.
Ой дивлюсь, ой боюсь, барашку сгоняла.

Пастухи сказали: волки изорвали...

121.



У Катюши горя многа,
У Катюши горя многа,
Барыня ты моя, сударыня ты моя,
Барыня ты моя, сударыня ты моя.

У Катюши муж гуляка,
У Катюши муж гуляка,
Барыня ты моя, сударыня ты моя,
Барыня ты моя, сударыня ты моя.

Он гуляка, запивака,
Он гуляка, запивака,
Барыня...*

Муж пришёл не поздна, не рана,
Муж пришёл не поздна, не рана,
Барыня...*

Он принёс добра не мала,
Он принёс добра не мала,
Барыня...*

---

* Рефрен далее не приводится, форма строфы не изменяется.

Он не мала — три кармана,
Он не мала — три кармана,
Барыня...*

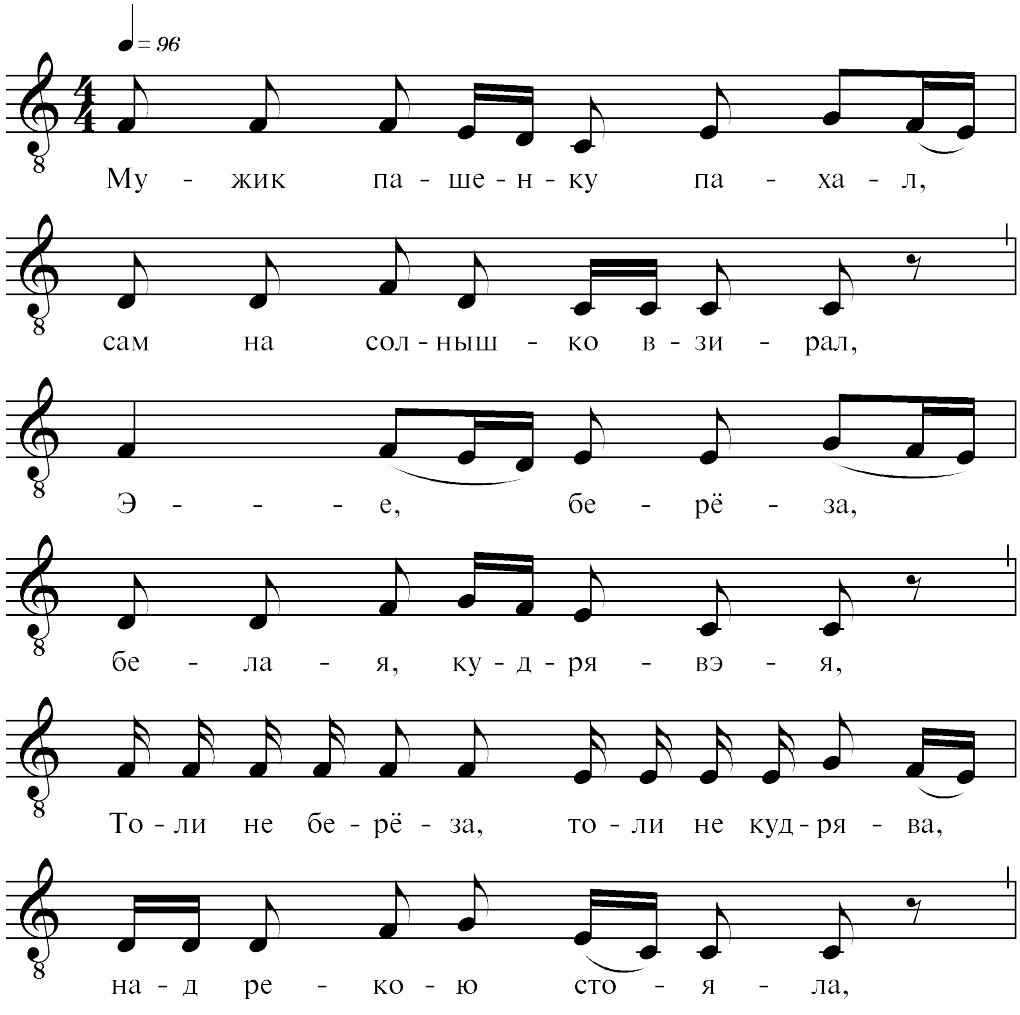
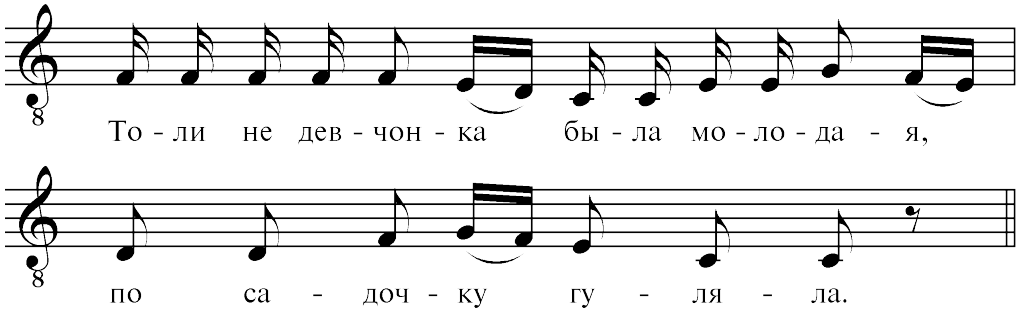
Первый карман с орехами,
Первый карман с орехами,
Барыня...*

Второй карман — с конфетами,
Второй карман — с конфетами,
Барыня...*

Ут орехов зубы больна,
Ут орехов зубы больна,
Барыня...*

От конфетов тошна, тошна,
От конфетов тошна, тошна,
Барыня...*

А на деньги выпить можна,
А на деньги выпить можна,
Барыня...*

122.

Мужик пашенку пахал, сам на солнышко взирал,
Э-е, берёза, белая, кудрявэя,
Толи не берёза, толи не кудрява, над рекою стояла,
Толи не девчонка была молодая, по садочку гуляла.

Он на солнышко взирал, свою жёну проклинал,
Э-е, берёза, белая, кудрявая,
Толи не берёза, толи не кудрява, над рекою стояла,
Толи не девчонка была молодая, по садочку гуляла.

— Как чужии-ти все жёны мужьям есть принесли,
Э-е, берёза, белая, кудрявэя,
Толи не берёза, толи не кудрява, над рекою стояла,
Толи не девчонка была молодая, по садочку гуляла.

А моя шельма жёна позабыла про меня,
Э-е, берёза, белая, кудрявэя,
Толи не берёза, толи не кудрява, над рекою стояла,
Толи не девчонка была молодая, пы садочку гуляла.

Запрягаю я пеганочку, поеду домой,
Э-е, берёза, белыя, кудрявыя,
Толи не берёза, толи не кудрява, над рекою стояла,
Толи не девчонка была молодая, по садочку гуляла.

Я поеду домой мима рошши зеленой,
Э-е, берёза, белая, кудрявая,
Э-е, берёза, белая, кудрявэя.

Уж я вы́роблю ложу́* про свою шельму жёну,
Э-е, берёза, белэя, кудрявэя,
Толи не берёза, толи не кудрява, над рекою стояла,
Толи не девчонка была молодая, пы садочку гуляла.

Подъезжаю ко двыру — жёна ходит по двыру,
Э-е, берёза, белая, кудрявэя,
Толи не берёза, толи не кудрява, над рекою стояла,
Толи не девчонка была молодая, по садочку гуляла.

Во кумашном сырафане, во пунцовых рукавах,
Э-е, берёза, белэя, кудрявэя,

---

* «Выроблю ложу» — т.е. вырублю лозу.

Толи не берёза, толи не кудрява, над рекою стояла,
Толи не девчонка была молодая, пы садочку гуляла.

— Уж ты жёнушка, жёна, что забыла про меня?
Э-е, берёза, белая, кудрявэя,
Э-е, берёза, белая, кудрявэя.

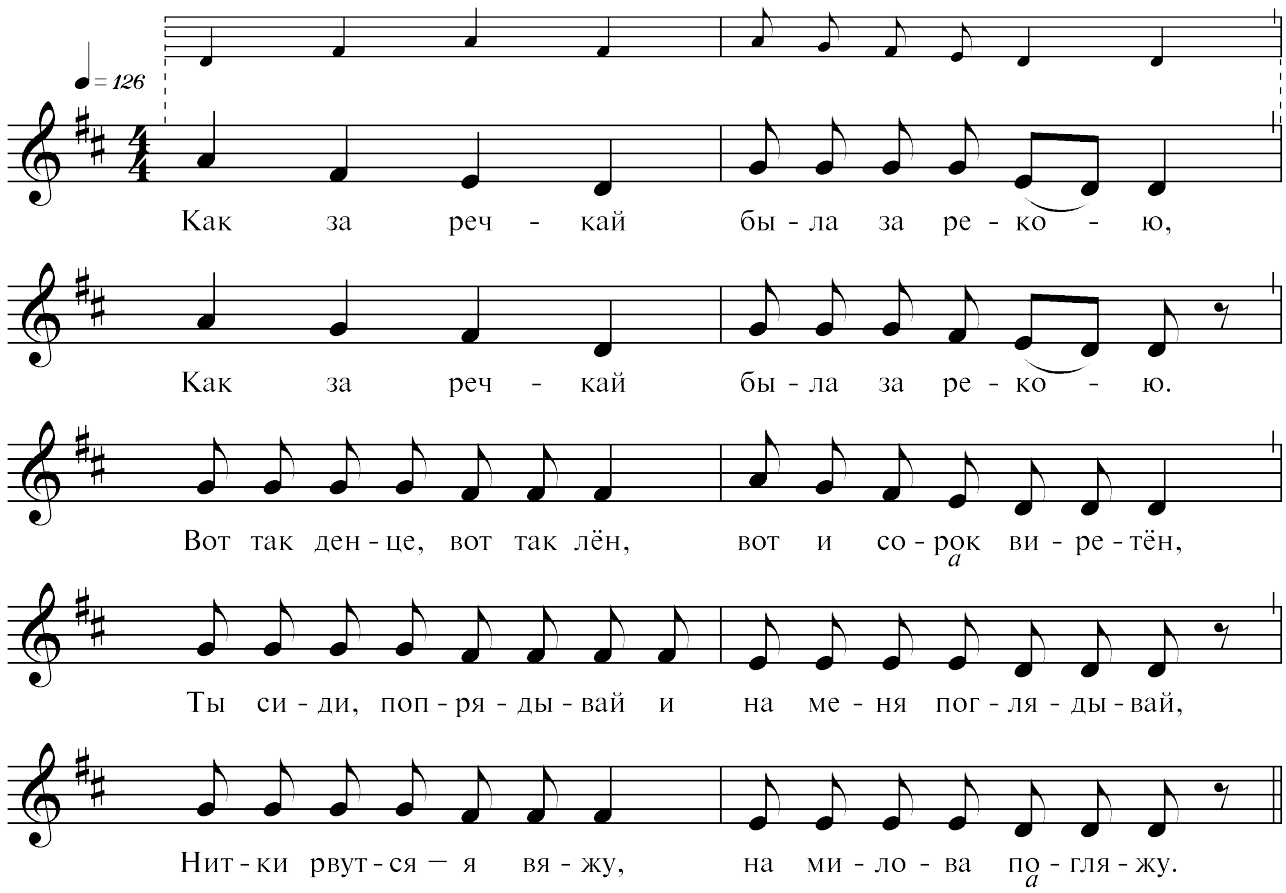
— Не ругай ты муж меня, я на имянинах пробыла,
Э-е, берёза, белая, кудрявэя.

На имянинах пробыла,
За твоё, милый здоровья, стакан водки выпила!
Э-е, берёза, белэя, кудрявэя.

Мужик бросил ложу́, расцеловал свою жёну,
Э-е, берёза, белэя, кудрявэя.

— Вот спасибо, тебе, жёна, что не забыла про меня!..

123.



Как за речкай была за рекою,
Как за речкай была за рекою,
Вот так денце, вот так лён, вот и сорак виретён,
Ты сиди, попрядывай и на меня поглядывай,
Нитки рвутся — я вяжу, на милова пагляжу.

Один цыган не пьёт, не гуляет,
[Один цыган не пьёт, не гуляет,
Вот так денце, вот так лён, вот и сорак виретён,
Ты сиди, попрядывай и на меня поглядывай,
Нитки рвутся — я вяжу, на милова пагляжу.

На цыганку скоса заглядает],
На цыганку скоса заглядает.
Вот так денце, вот так лён, вот и сорак виретён,
Ты сиди, попрядывай и на меня поглядывай,
Нитки рвутся — я вяжу, на милова пагляжу.

— Ты цыганка, ты моя гадалка,
Ты цыганка, ты моя гадалка,
Вот так денце, вот так лён, вот и сорак виретён,
Ты сиди, попрядывай и на меня поглядывай,
Нитки рвутся — я вяжу, на милова пагляжу.

Ты бери-ка ключи зылотые,
Ты бери-ка ключи зылотые,
Вот так денце, вот так лён, вот и сорак виретён,
Ты сиди, попрядывай и на меня поглядывай,
Нитки рвутся — я вяжу, на милова пагляжу.

Утпирай-ка сундуки новые,
Утпирай-ка сундуки новые,
Вот и денце, вот так лён, вот и сорак виретён,
Ты сиди, попрядывай и на меня поглядывай.

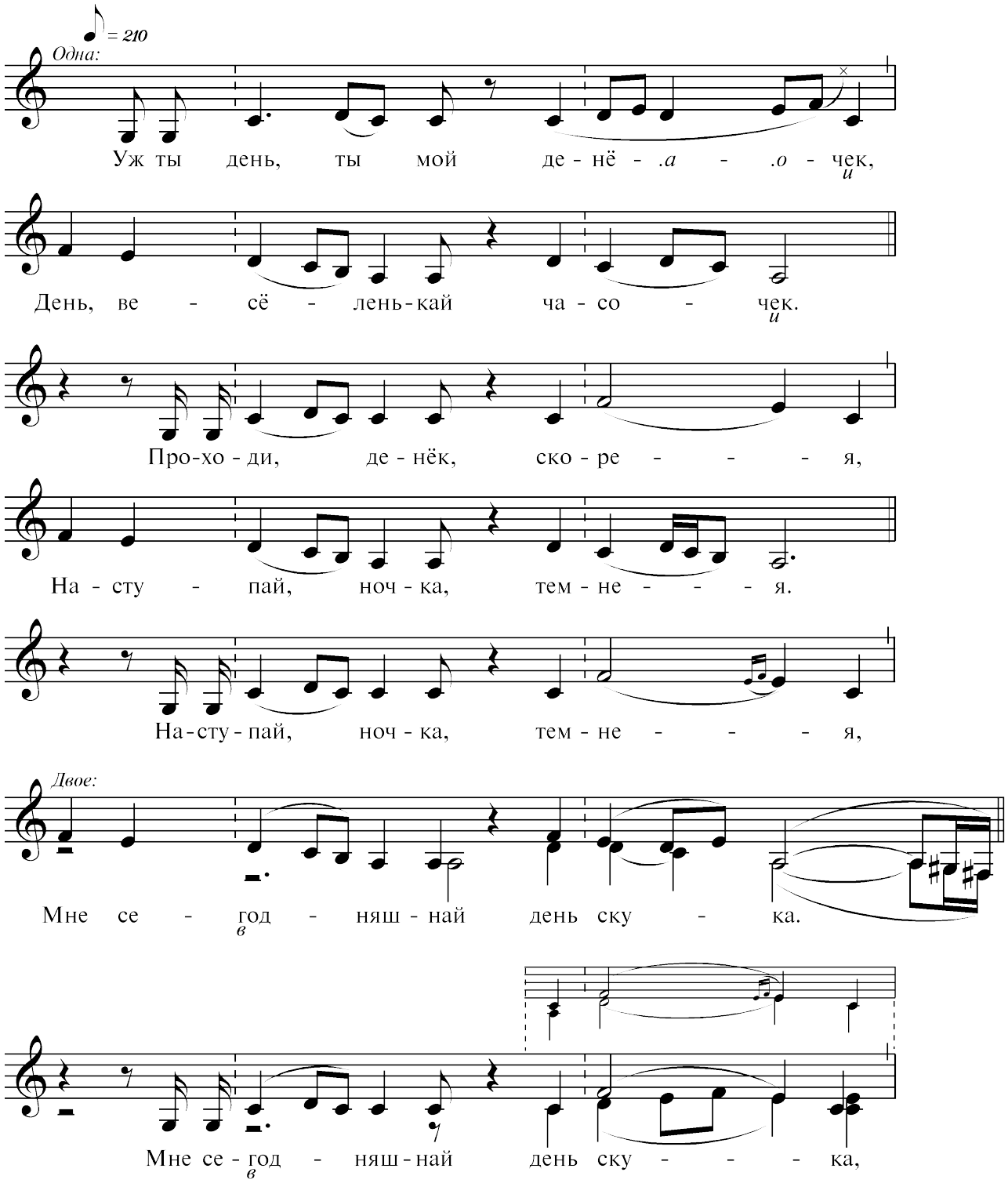
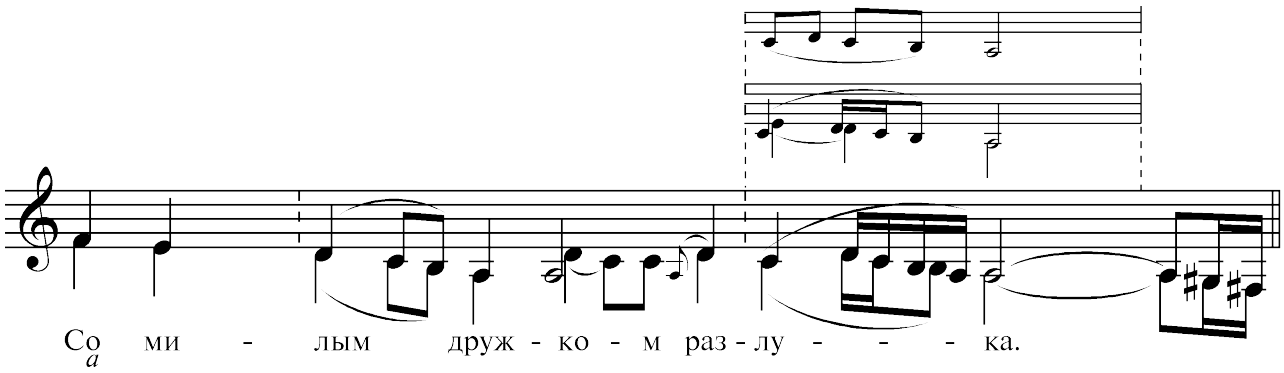
Ванимай-ка денег сорок тысяч,
Ванимай-ка денег сорок тысяч,
Вот так денце, вот и лён, вот и сорак виретён,
Ты сиди, попрядывай и на меня поглядывай.

Вакупай-ка дружка из неволи,
Вакупай-ка дружка из неволи.
Вот так денце, вот так лён, вот и сорак виретён,
Ты сиди, попрядывай и на меня поглядывай,
Нитки рвутся — я вяжу, на милова пагляжу.

— Не раз, не два ёво выкупала,
Не раз, не два ёво выкупала,
Вот и денце, вот и лён, вот и сорак виретён,
Ты сиди, попрядывай и на меня поглядывай.

Пускай живёт цыган во неволе,
Пускай живёт цыган во неволе,
Вот и денце, вот и лён, вот и сорак виретён,
Ты сиди, попрядывай, на меня поглядывай.

ЛИРИЧЕСКИЕ ПРОТЯЖНЫЕ ПЕСНИ

124.



Уж ты день, ты мой денёчек,
День, веселенькай часочек.

Проходи, денёк, скорея,
Наступай, ночка, темнея.

Наступай, ночка, темнея,
Мне сегодняшнай день скука.

Мне сегодняшнай день скука,
Со милым дружком разлука.

Со милым дружком разлука,
Разлучает нас неволя.

Разлучает нас неволя,
Чужадальная сторонка.

Чужадальная сторонка,
Ленинградская дорожка.

Ленинградская дорожка,
Сколько раз по ней я ходила.

Сколько раз я по ней я ходила,
Сколько слёз горьких я рон***и***ла.

Сколько слёз горьких рон***и***ла,
Во слезах письмо ды я писала.

Во слезах письмо писала,
Мое письма не доходют.

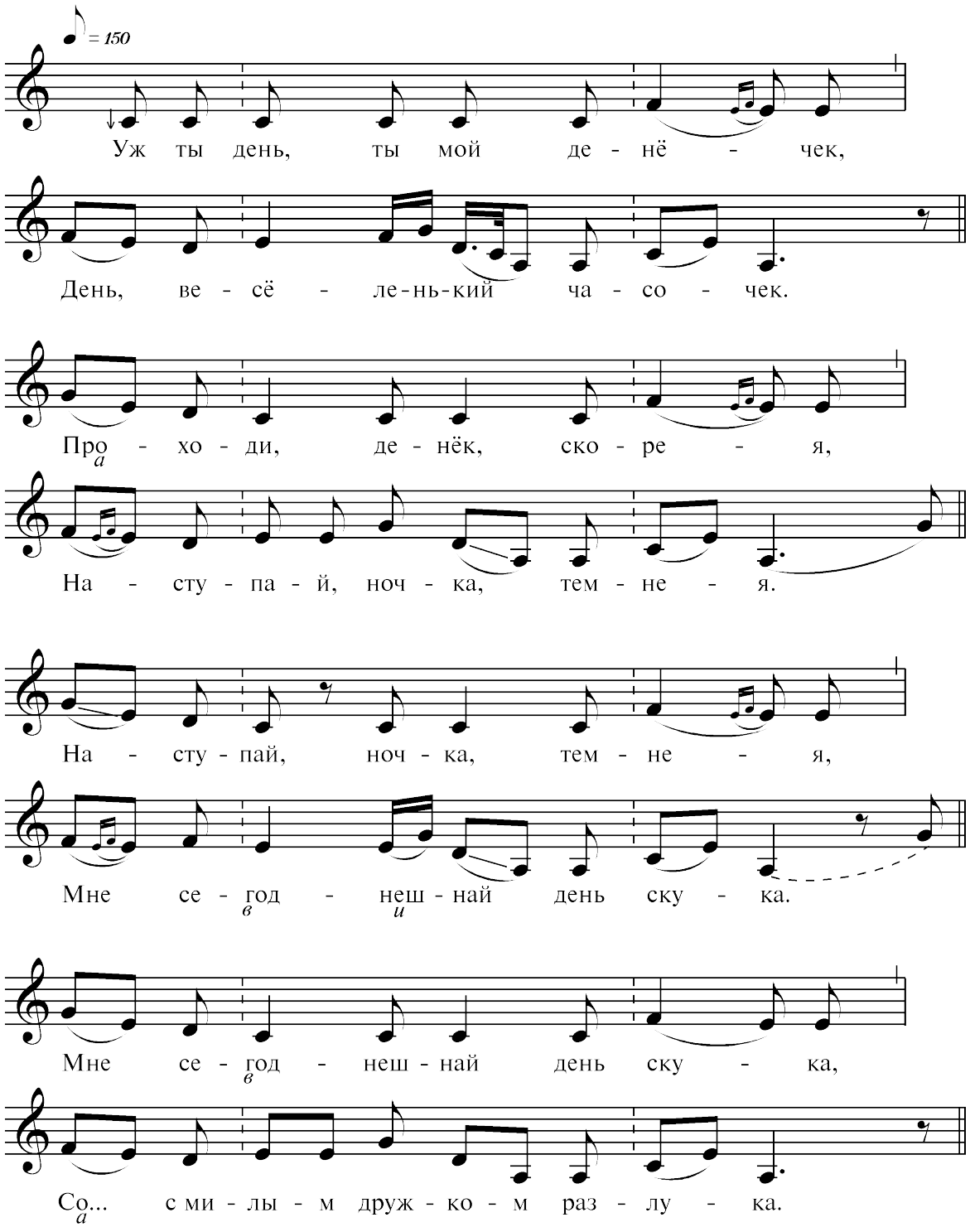
Мое письмы не доходют,
Слуги верны не доносют.

Слуги верны не доносют,
Слуги вернаи — злодеи.

Слуги вернаи — злодеи,
Разлучить меня хотели.

Разлучить меня хотели,
Никогда нас не разлучут.

Нас тогда с тобой разлучут,
Когда в гроб меня положут.

125.

Уж ты день, ты мой денёчек,
День, весёленький часочек.

Проходи, денёк, скорея,
Наступай, ночка, темнея.

Наступай, ночка, темнея,
Мне сегоднешнай день скука.

Мне сегоднешнай день скука,
Со... с милым дружком разлука.

Со... с милым дружком разлука,
Разлучает нас неволя.

Разлучает нас неволя,
Неволюшка, неохота.

Неволюшка, неохота,
Чужадальная сторонка.

Чужадальная сторонка,
Питербургская дорожка.

Сколько раз по ней ходила,
Сколько слёз я проливала.

Сколько слёз я проливала,
Во слезах письмы писала.

Во слезах письмы писала,
Мое письмы не доходют.

Мое письмы не доходют,
Слуги верны не доносют.

Слуги верны не доносют,
Слуги вернае — злодейки.

Ох, слуги вернаи — злодеи,
Разлучить меня хотели.

Эх, разлучить меня хотели,
Нас тогда с милам розлучут.

Нас тогда с милам розлучут,
Когда в гроб меня положут.

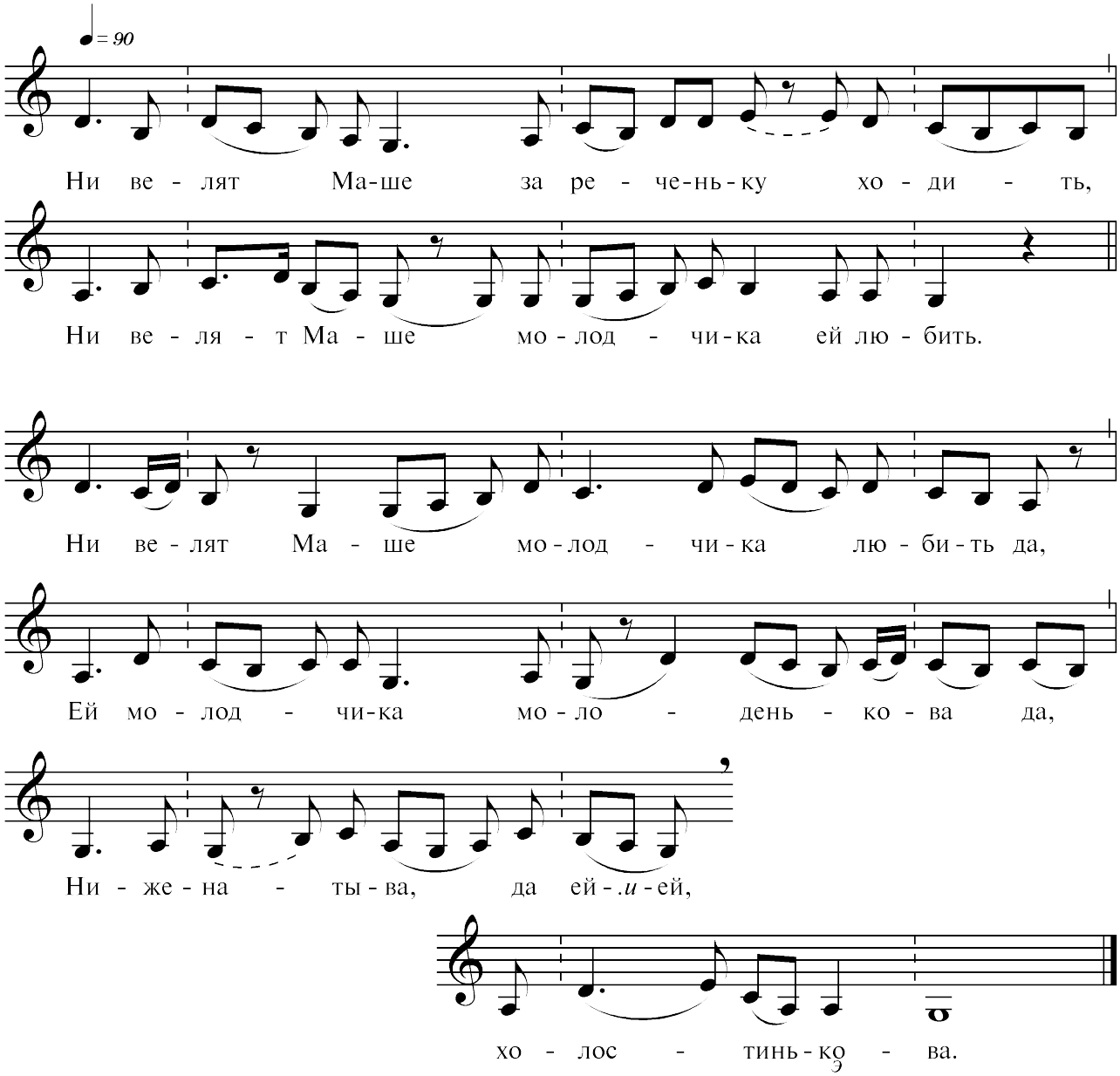
Когда в гроб меня положут,
Песком жёлтаим засыплют.

Песком жёлтаим засыплют,
Заростай, моя тропинка.

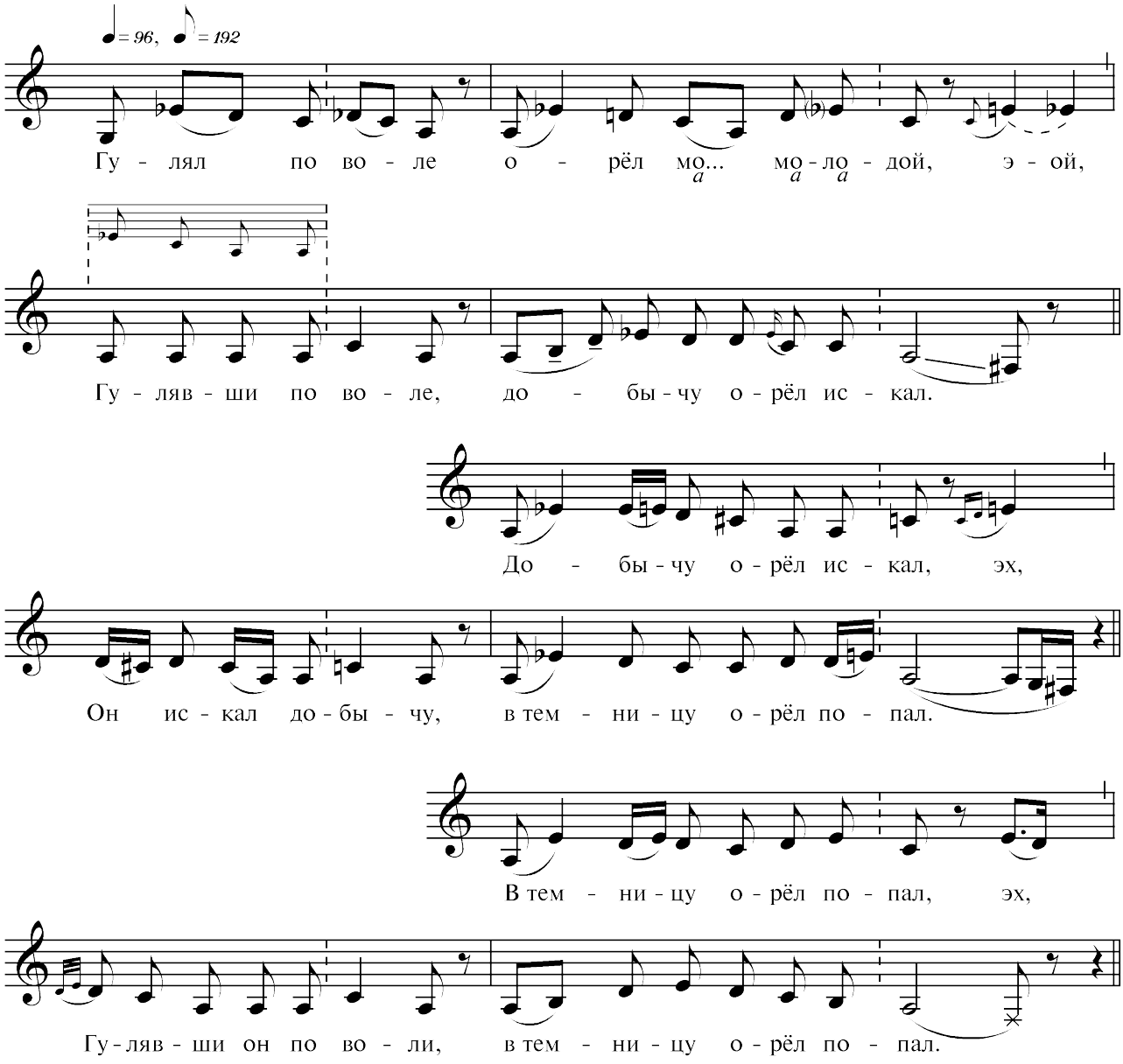
Заростай, моя тропинка,
Всё травою муравою*.

---

* Пропевает: «маравою».

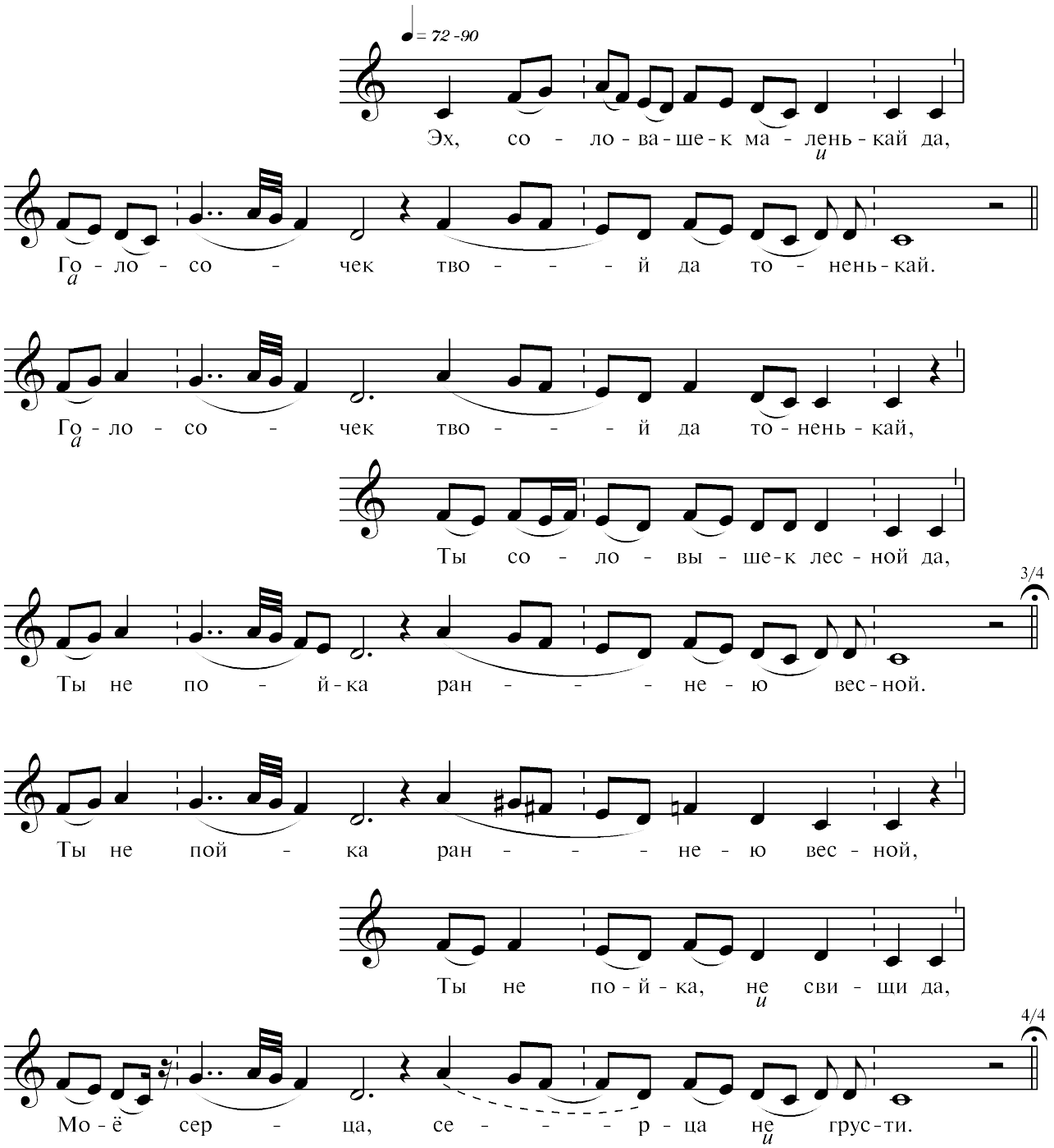
126.

Ни велят Маше за реченьку ходить,
Ни велят Маше молодчика ей любить.

Ни велят Маше молодчика любить да,
Ей молодчика молоденькова да,
Ниженатыва, да ей-ей, холостинькова.

127.

Гулял по воле орёл ма... маладой, э-ой,
Гулявши по воле, добычу орёл искал.

Добычу орёл искал, эх,
Он искал добычу, в темницу орёл попал.

В темницу орёл попал, эх,
Гулявши он по воли, в темницу орёл попал.

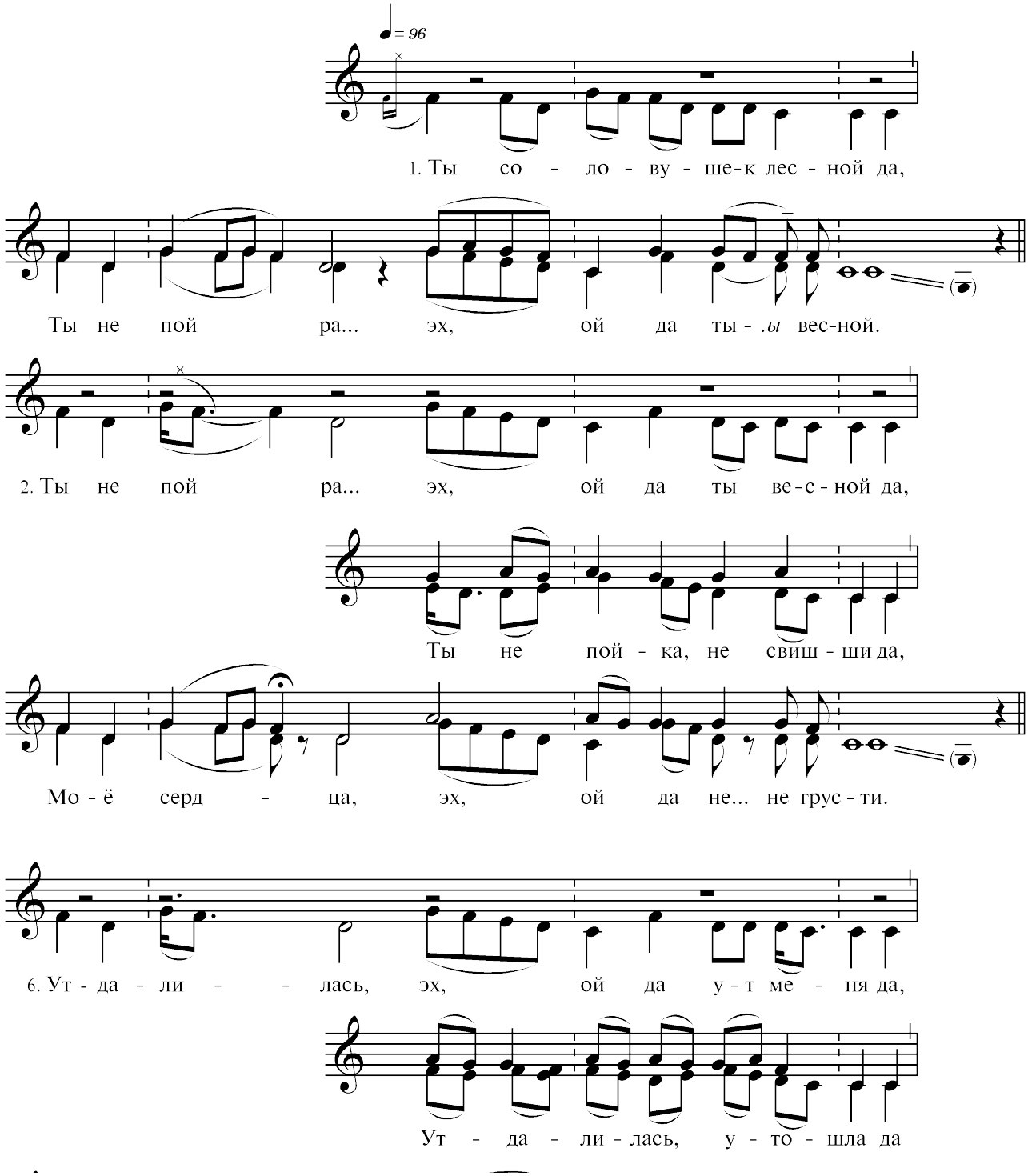
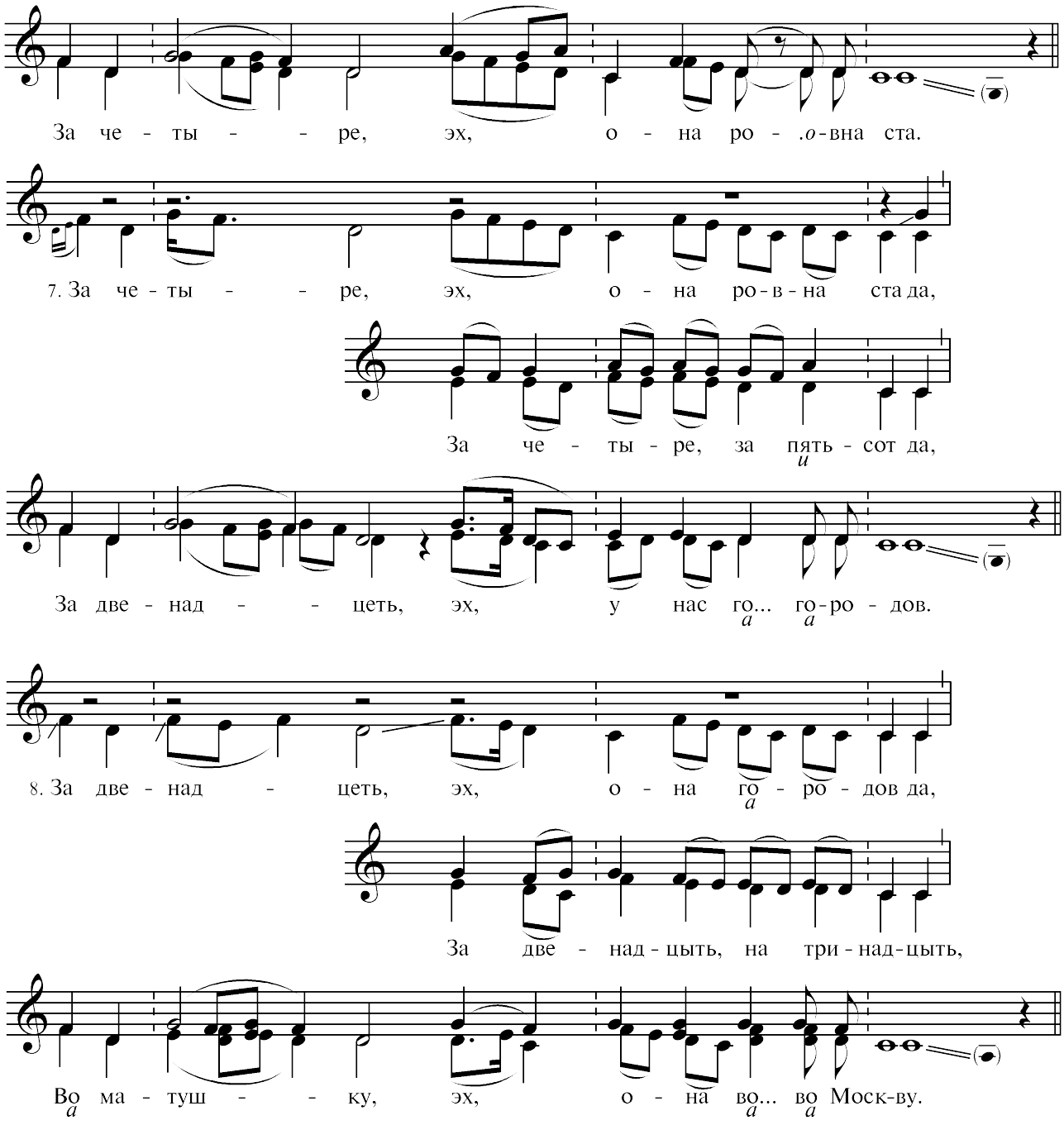
128.

Эх, соловашек малинькай да,
Галосочек твой да тоненькай.

Галосочек твой да тоненькай,
Ты соловышек лесной да,
Ты не пой-ка раннею весной.

Ты не пой-ка раннею весной,
Ты не пой-ка, ни свищи да,
Моё сер[д]ца, сер[д]ца ни грусти.

Моё сер[д]ца, сер[д]ца ни грусти,
Не грусти моё сердечка
На чужою, дальнай стороне.

На чужою, дальный стороне,
На чужой, дальнай старонки,
Где сударушка моя живёт.

129.

Ты соловушек лесной да,
Ты не пой ра... эх, ой да ты весной.

Ты не пой ра... эх, ой да ты весной да,
Ты не пой-ка, не свишши да,
Моё сердца, эх, ой да не... не грусти.

Моё сердца, эх, ой да не грусти да,
Грустно было молодчику
На чужою, эх, ой да ста... стороне.

На чужою, эх, ой да стороне да,
На чужой-та на сторонке
Без сударушки бе... без своей.

Без сударушки без своей, эх,
Сударушка — жисть моя да
Утдалилась эй, ой да ут... ут меня.

Утдалилась, эх, ой да ут меня да,
Утдалилась, утошла да
За четыре, эх, она ровна ста.

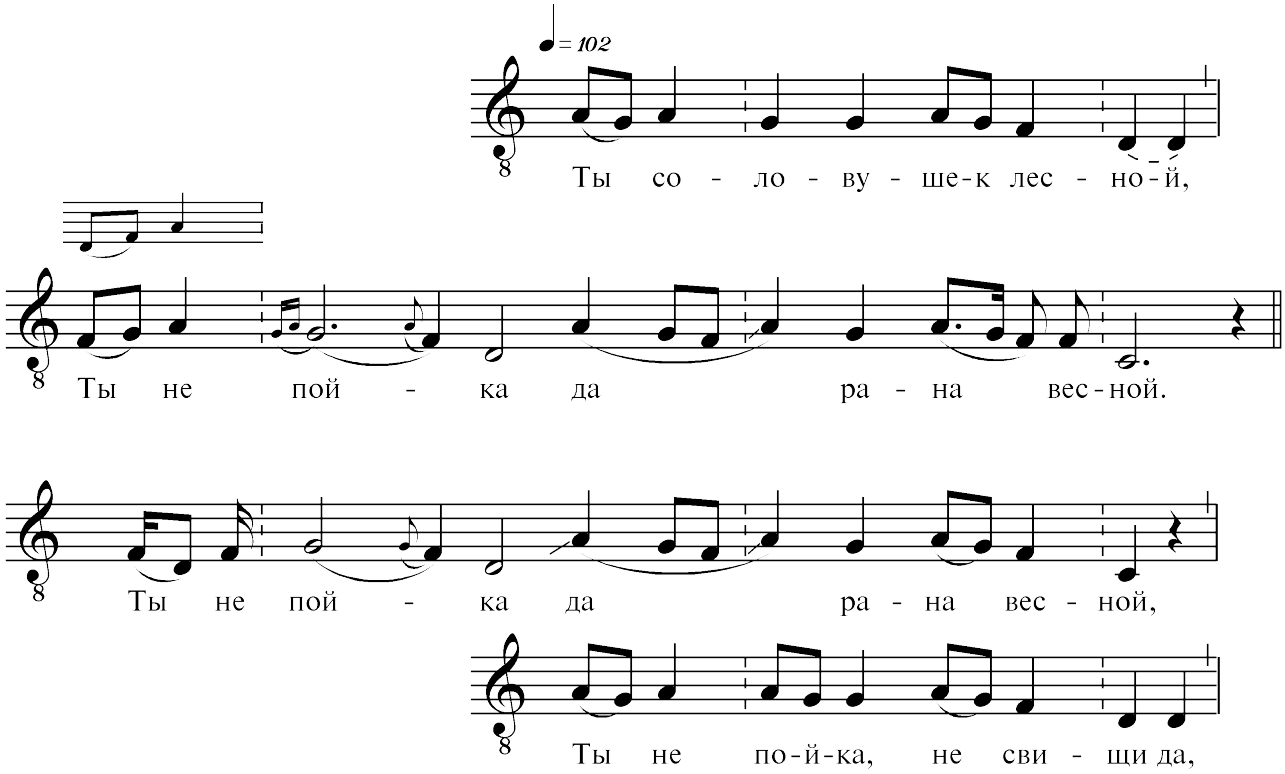
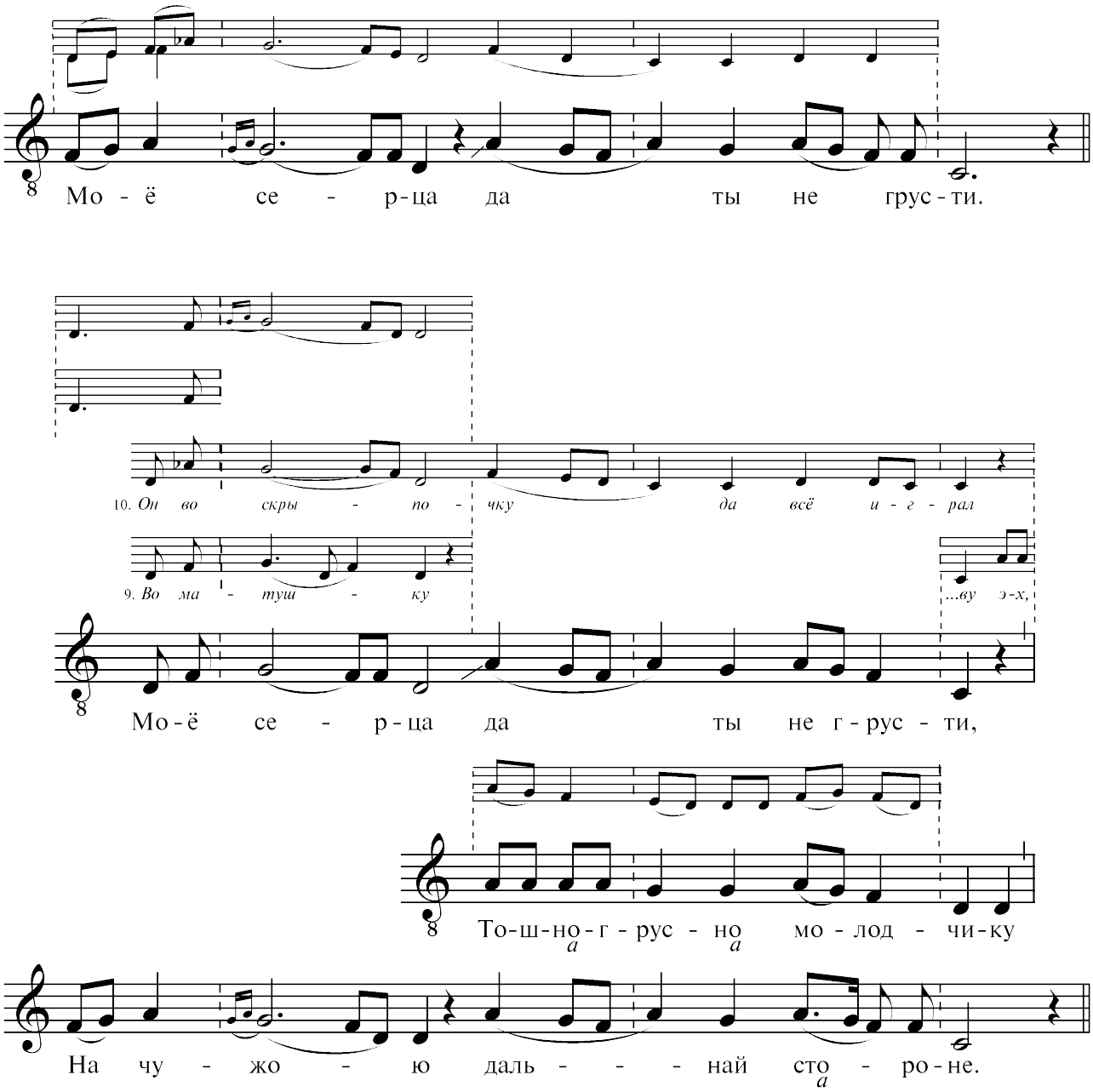
За четыре, эх, она ровна ста да,
За четыре, за питьсот да,
За двенадцеть, эх, у нас га... гародов.

За двенадцеть, эх, она гародов да,
За двенадцыть, на тринадцыть,
Ва матушку, эх, она ва... ва Москву.

Во матушку, ех, она ва Москву,
Во Москве парень гуляет,
Он ва скрипочку и... играет.

Он ва скрипачку играет да,
Он ва скрыпку, балалайку,
Товар мелкай эх, ой да за... закупал.

Товар мелкай, эх, ой да закупал ох,
Закупивши тавар мелкай,
Извошшичка э-ой да на... нанимал.

130.

Ты соловушек лесной,
Ты не пой-ка да рана весной.

Ты не пой-ка да рана весной,
Ты не пой-ка, не свищи да
Моё сер[д]ца да ты не грусти.

Моё сер[д]ца да ты не грусти,
Тошна-грустна молодчику
На чужою дальнай стороне.

На чужою дальнай стороне,
На чужой дальнай сторонке
Без сударушки да без своей.

Без сударушки да без своей,
Сударушка — жисть моя,
Удалилась уна ут меня.

Удалилась уна ут меня,
Удалилась, утошла
На четыре она равно ста.

На четыре она равно ста,
На четыре ды на пятьсот,
На двенадцать она гародов.

На двенадцать она гародов,
На двенадцать, на тринадцать,
Во матушку она во Москву.

Во матушку она во Москву, эх,
Во Москве мальчик гулял,
Он во скрыпочку да всё играл.

Он во скрыпочку да всё играл,
Он во скрыпку, в балалайку,
Товар мелкай да он закупал.

Товар мелкай да он закупал.
Закупимши товар мелкай,
Извозщичка да он нанимал.

Извозщичка да он нанимал,
Извозщичка да он не нашёл,
Сам заплакал да Ваня пошёл.

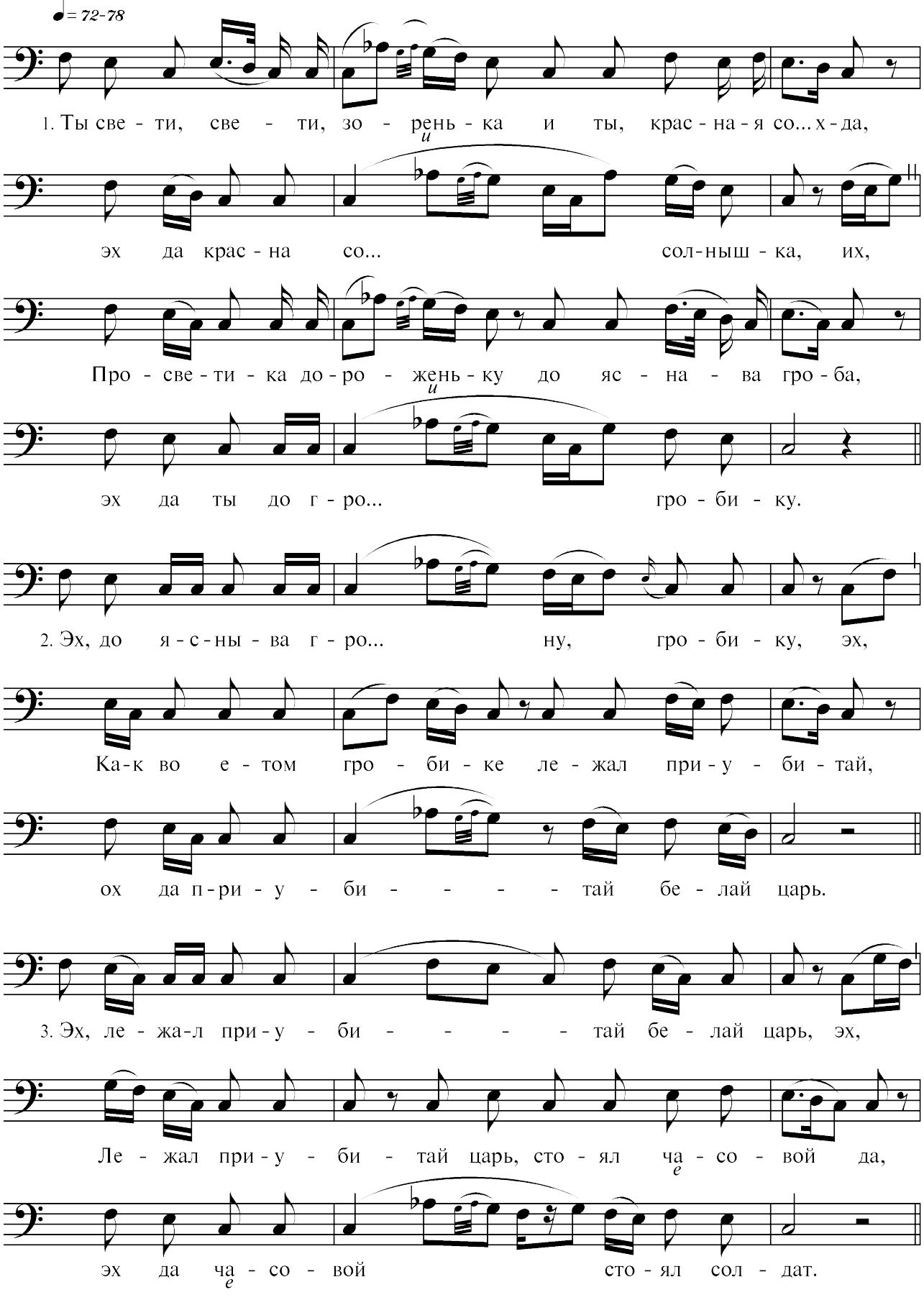
Сам заплакал да Ваня пошёл,
Сам заплакал да пошёл,
Ко товарищу да он зашёл.

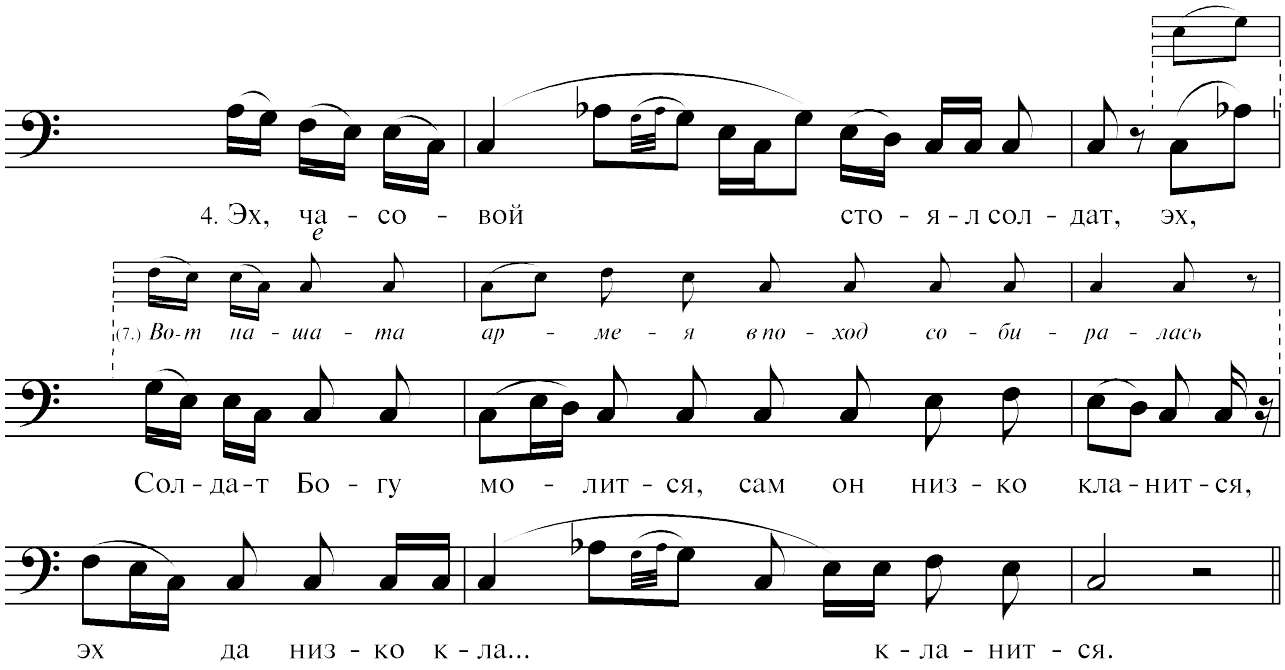
Ко товарищу да он зашёл:
— Ты товарищ, друг родной,
Сядь, подумай-ка да ты со мной.

Сядь, подумай-ка да ты со мной,
Сядь, подумай, пагорюй:
Ково к любушке да мне послать?

Ково к любушке да мне послать?
Если старыва послать —
Стар не до́йдет да он до поры.

Он не до́йдет да он до поры, эх,
Если малыва послать —
Мал не знает да чево сказать.

131.

♩= 72-78
1. Ты све - ти, све - ти, зо - рень - ка и ты, крас - на - я со... х - да,
эх да крас - на со... сол - ныш - ка, их,
Про - све - ти - ка до - ро - жень - ку до яс - на - ва гро - ба,
эх да ты до г - ро... гро - би - ку.
2. Эх, до я - с - ны - ва г - ро... ну, гро - би - ку, эх,
Ка - к во е - том гро - би - ке ле - жал при - у - би - тай,
ох да п - ри - у - би - - - - - тай бе - лай царь.
3. Эх, ле - жа - л при - у - би - - - - - тай бе - лай царь, эх,
Ле - жал при - у - би - тай царь, сто - ял ча - со - вой да,
эх да ча - со - вой сто - ял сол - дат.



Ты свети, свети, зоренька и ты, красная со... х-да,
эх да красна со... солнышка, их,
Просвети-ка дороженьку до яснава гроба,
эх да ты до гро... гробику.

Эх, до ясныва гро... ну, гробику, эх,
Как во етом гробике лежал приубитай,
ох да приубитай белай царь.

Эх, лежал приубитай белай царь, эх,
Лежал приубитай царь, стоял часовой да,
эх да часовой стоял солдат.

Эх, часовой стоял солдат, эх,
Солдат Богу молится, сам он низко кланится,
эх да низко кла... кланится.

Ох, сам он низко кланится, эх:
— Восстань, восстань, батюшка, восстань, православный,
эх да православной белай царь.

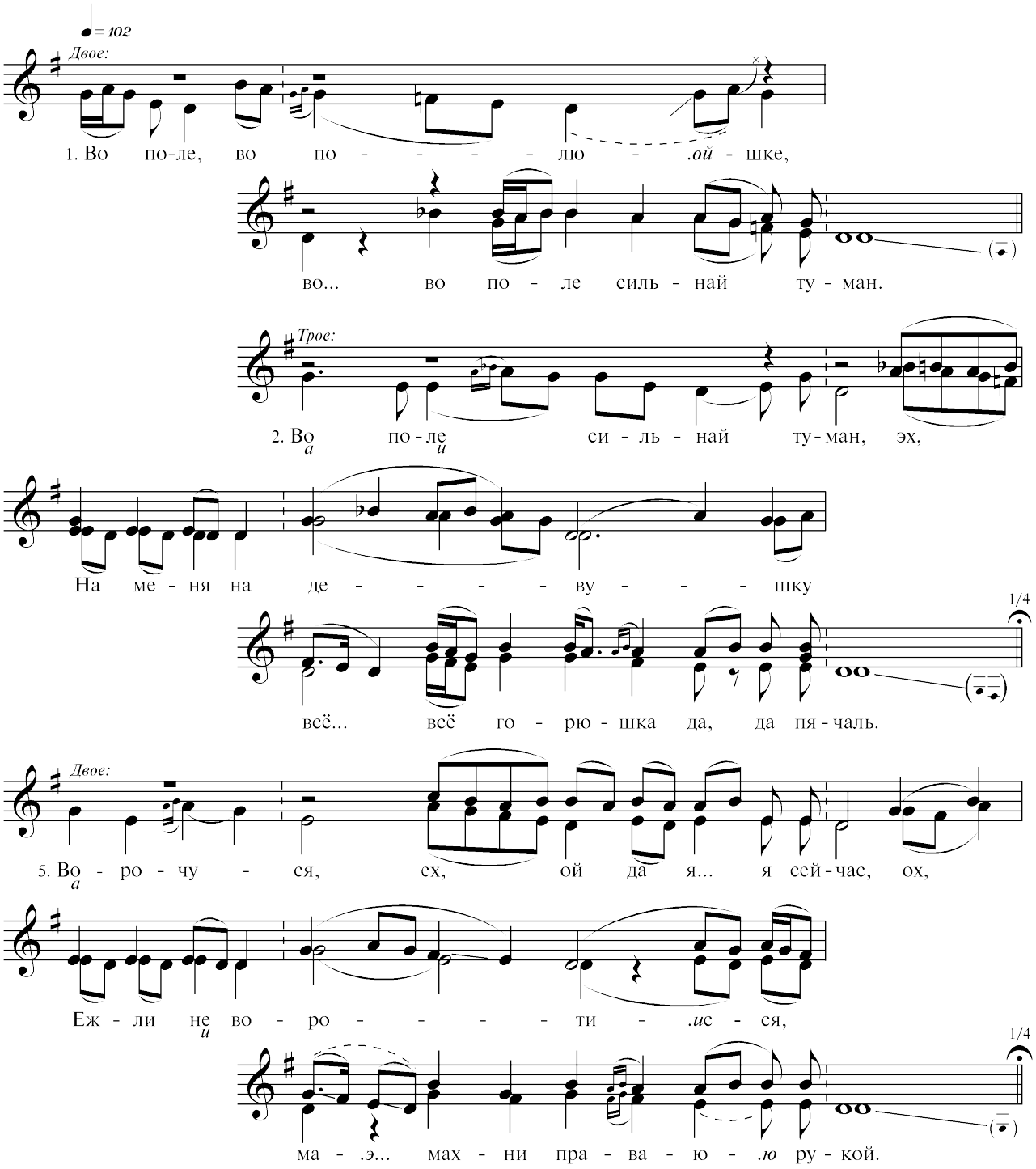
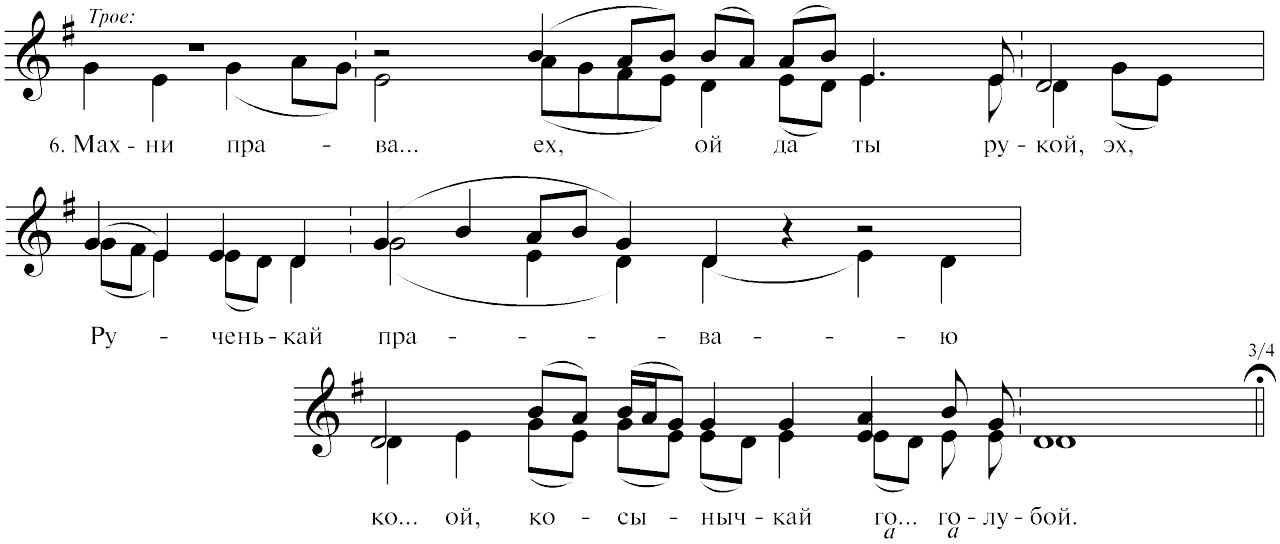
Эх, восстань православной белай царь, эх,
Посмотри-ка на армию, на прекрасну гварде...,
эх да ты на гва... ой, гвардею.

Эх, на прекрасну гва... гвардею, эх,
Вот наша-та армия в поход собиралась,
эх да сабираласа.

Эх, в поход собираласа, с родными прощалась,
эх да распрощаласа.

Эх, с родными прощаласа, эх:
«Прощай, прощай, батюшка и ты, родна мату....,
эх да родна ма... э-ах, матушка.

Эх, ой ты родна ма.... матушка, эх,
Прощай, малода жона со малыми де...,
Эх да со малыми де... а-эх, детками».

132.



Во поле, во полюшке,
во... во поле сильнай туман.

Ва поли сильнай туман, эх,
На меня на девушку
всё... всё горюшка да, да пячаль.

Всё горюшка эх, ой да всё печаль,
Ой, уехал мой миленькай,
уехал да ён на час.

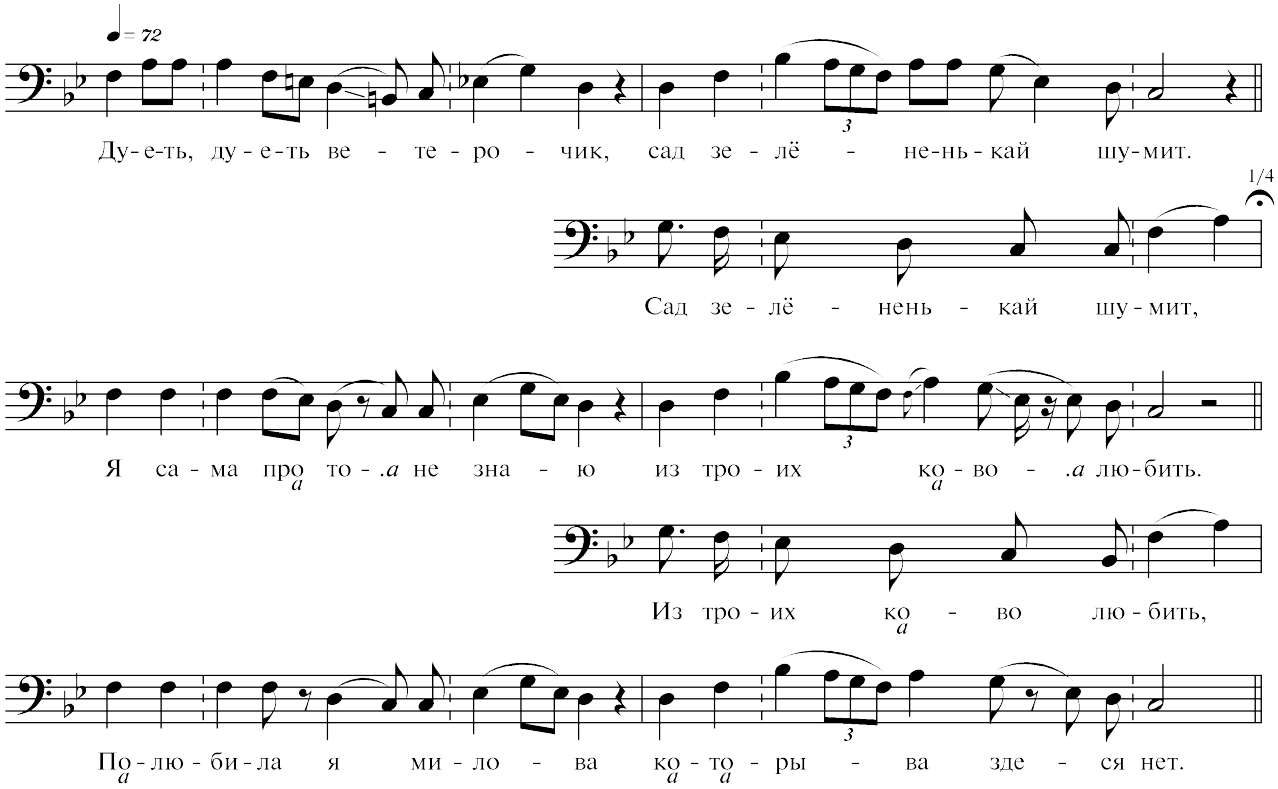
Уехал, эх, он на час, ех,
Гаворил хорошенькай
ва... варочуся я... я сейчас.

Варочуся ех, ой да я... я сейчас, ох,
Ежли ни воротисся,
ма... махни праваю рукой.

Махни права... ех, ой да ты рукой, эх,
Рученькай праваю,
ко... ой, косынычкай га.. галубой.

Косынычкай, ех, ой да галубой, эх,
Ежли не махнёшь, да
па... паезжай-ка ку... куда хошь.

Паезжай-ка эх, ой да куда хошь, эх,
А я красна девушка
ва... варочуся я... я назад.

133.

Дуеть, дуеть ветерочик, сад зелёненькай шумит.

Сад зелёненькай шумит,
Я сама пра то не знаю, из троих каво любить.

Из троих каво любить,
Палюбила я милова, каторыва здеся нет.

Каторыва здеся нет,
Он во городе в Одессе на улице на ровной.

На улице на ровной,
Там стояли две-три башни, посерёдки — дом большой.

Посерёдки дом большой,
Эт не дом и не больница — настоящая тюрьма.

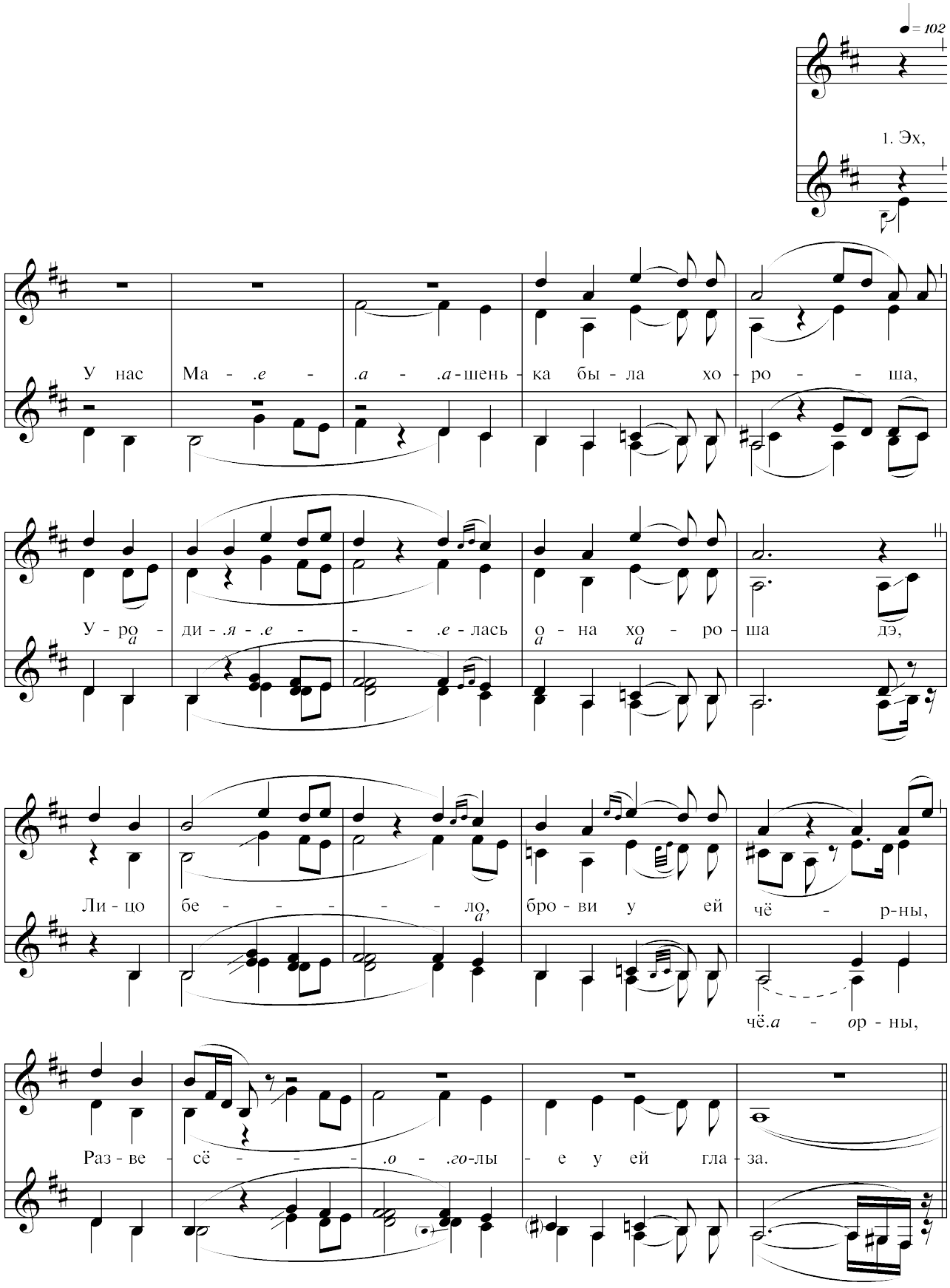
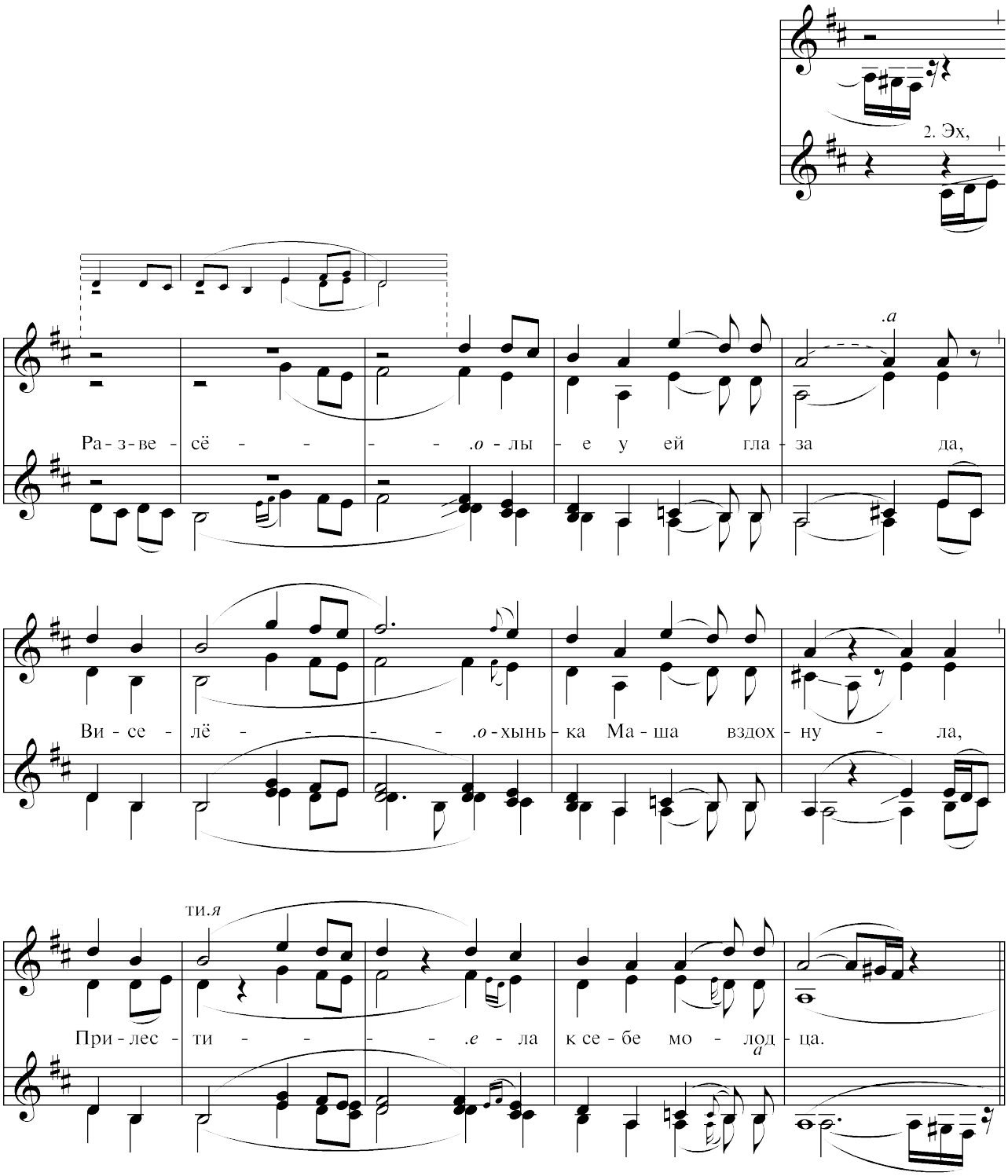
Настоящая тюрьма,
Ничего в тюрьме не видно и не слышно ничево.

И не слышно ничево,
Только слышно — кандалами звук идёт по всей тюрьме.

Звук идёт по всей тюрьме,
А ещё было слышнее — клюшник двери отворял.

Клюшник двери отворял.
— Отворяй-ка, клюшник, двери, выпускай на белый свет.

Выпускай на белый свет,
На свет Божий выходил я, перкрестился на собор.

134.

= 102
1. Эх,
У нас Ма - .е - .а - .а-шень - ка бы - ла хо - ро - - ша,
У - ро - ди - .я - .е - - - .е - лась о - на хо - ро - ша дэ,
Ли - цо бе - - - - - - ло, бро - ви у ей чё - р-ны,
чё.а - ор - ны,
Раз - ве - сё - - - - .о - .го-лы - е у ей гла - за.

Эх,
У нас Машенька была хоро́ша,
Урадилась ана хороша́ дэ,
Лицо бела, брови у ей чёрны,
Развесёлые у ей глаза.

Эх,
Развесёлые у ей глаза да,
Виселёхынька Маша вздохнула,
Прилестила к себе моладца́.

Ох,
Прилестила к себе молодца да,
Прилестила она, приласкала,
Унимала его начевать.

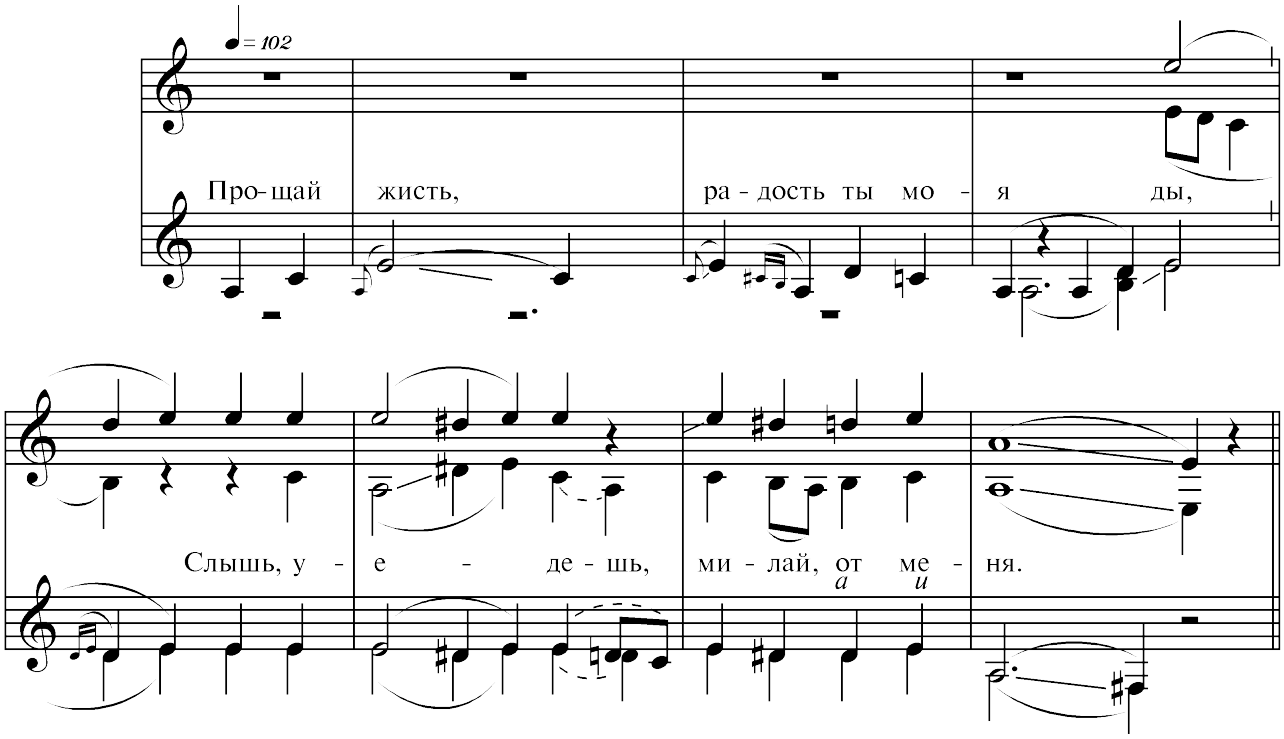
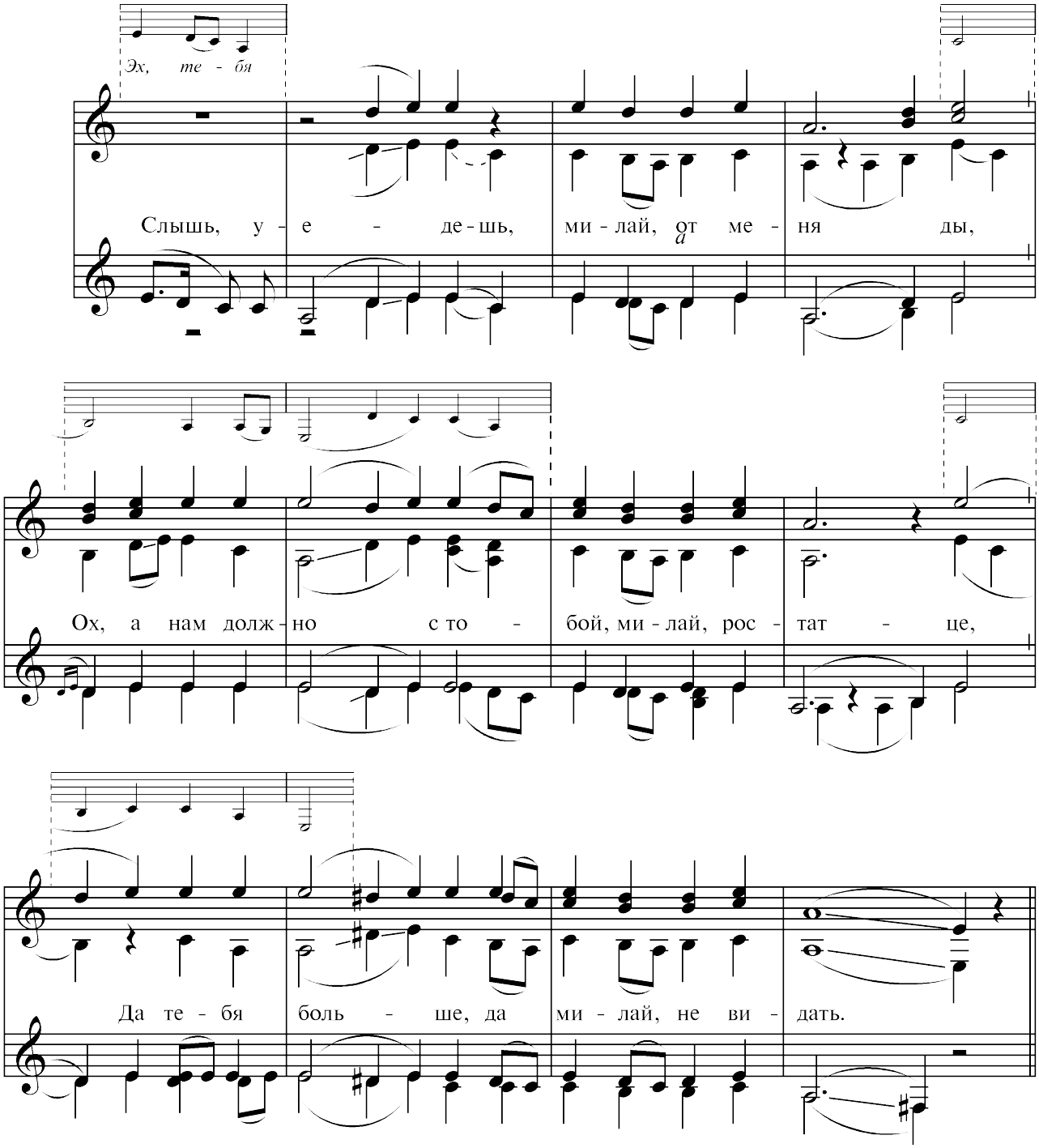
Эх,
Унимала его начевать да:
— Ты начуй-ка, начуй, мой хорошай,
Начуй ноченьку са мной одну.

Эх,
Начуй ноченьку са мной одну, ой да, —
— Я бы ра... э, рад бы с тобой начевать, да
Боюсь зо... зореньку ба не проспать.

Эх,
Боюсь зореньку ба не проспать, —
— Ты не бойса, милай, не упасайса,
Я сама ране твово встаю.

Эх,
Я сама ране твово встаю да,
Я пора... э, ране, милай, тебя встану
И подале тебя правожу.

Эх,
И подале тебя правожу, да
Я до тех лужков тебя зелёных,
До крутова, милай, би... бирежка.

135.

Прощай жисть, радость ты моя ды,
Слышь, уедешь, милай, ат миня.

Слышь, уедешь, милай, ат меня ды,
Ох, а нам должно с тобой, милай, ростатце,
Да тебя больше, да милай, не видать.

Эх, тебя больше, да милай, не видать, да
Буду помнить, милай, твое взоры,
Твой весёлай, милай, разговор.

Эх, твой весёлай, милай, разговор, ды
Тёмна ноченька да мне не спитца,
Сама знаю я, она атчево.

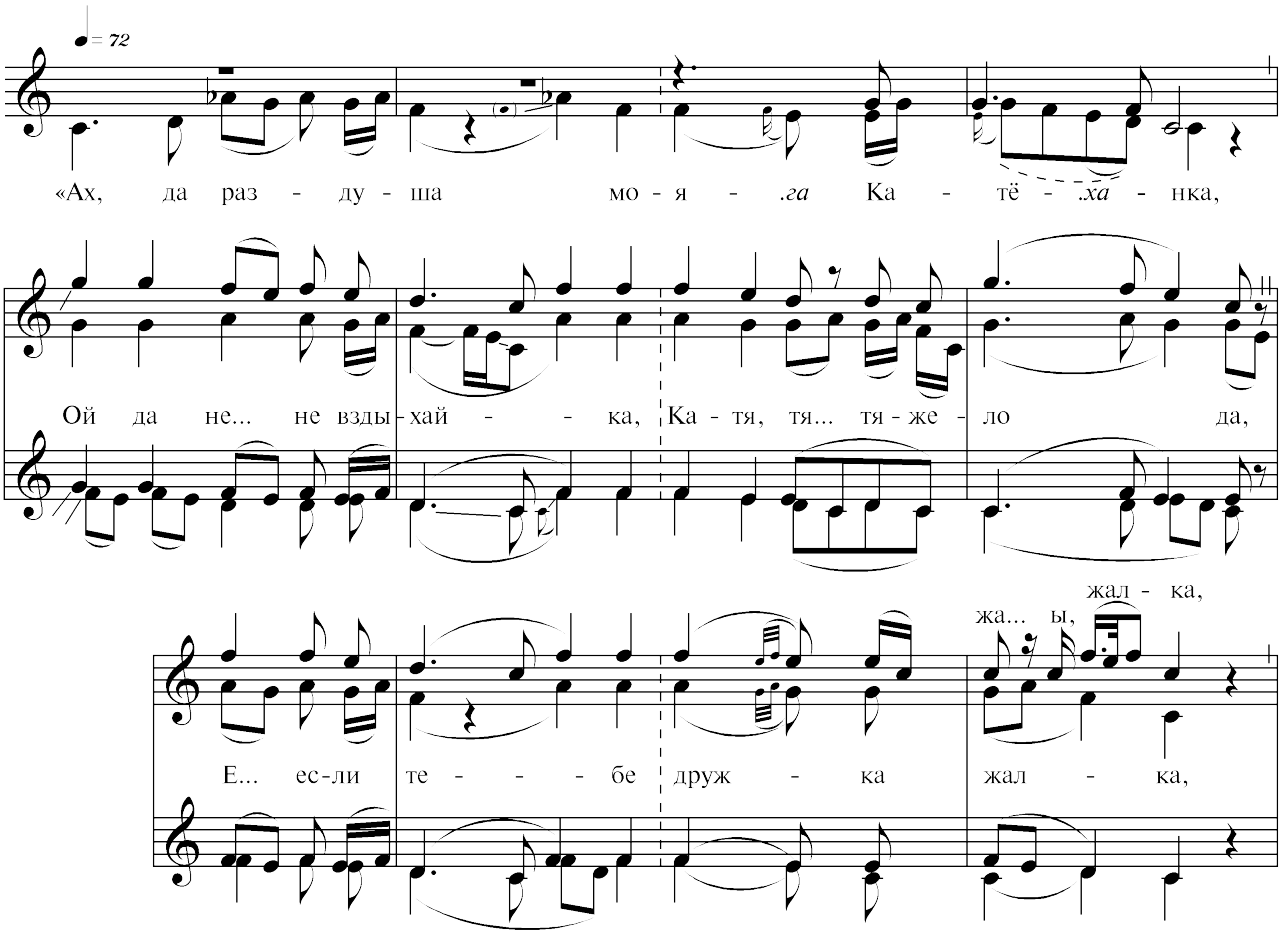
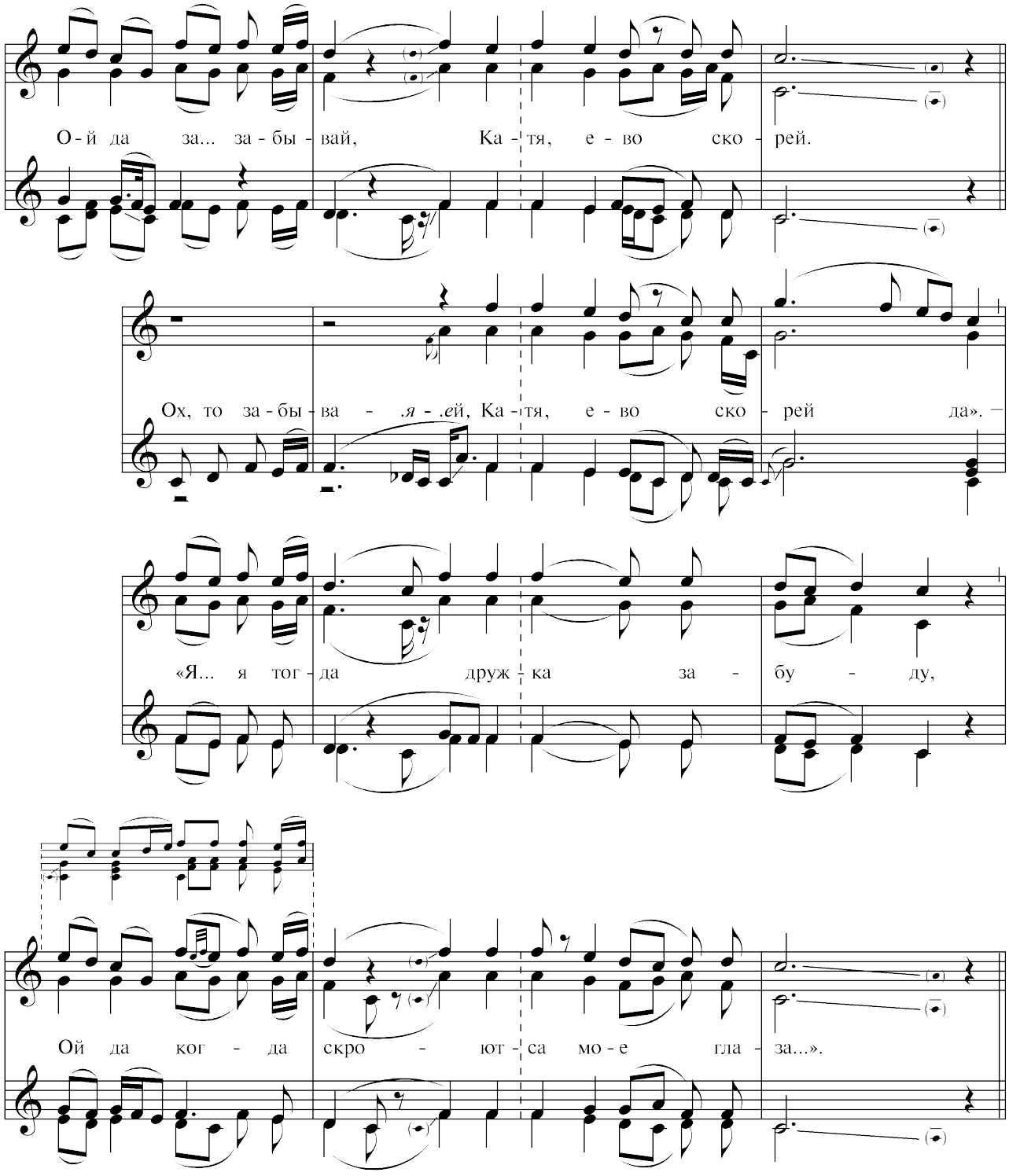
Эх, сама знаю да она атчево, ды ох,
Сама знаю я, милай, размышляю,
Что малютка да моя на руках.

Эх, что малютка да моя на руках, да ох,
Я утдам сестре свою малютку,
Сама выйду я гулять на крыльцо.

Сама выйду я гулять на крыльцо, да ох,
На крылечка я гулять выходила,
Мил сустретилса да он со мной.

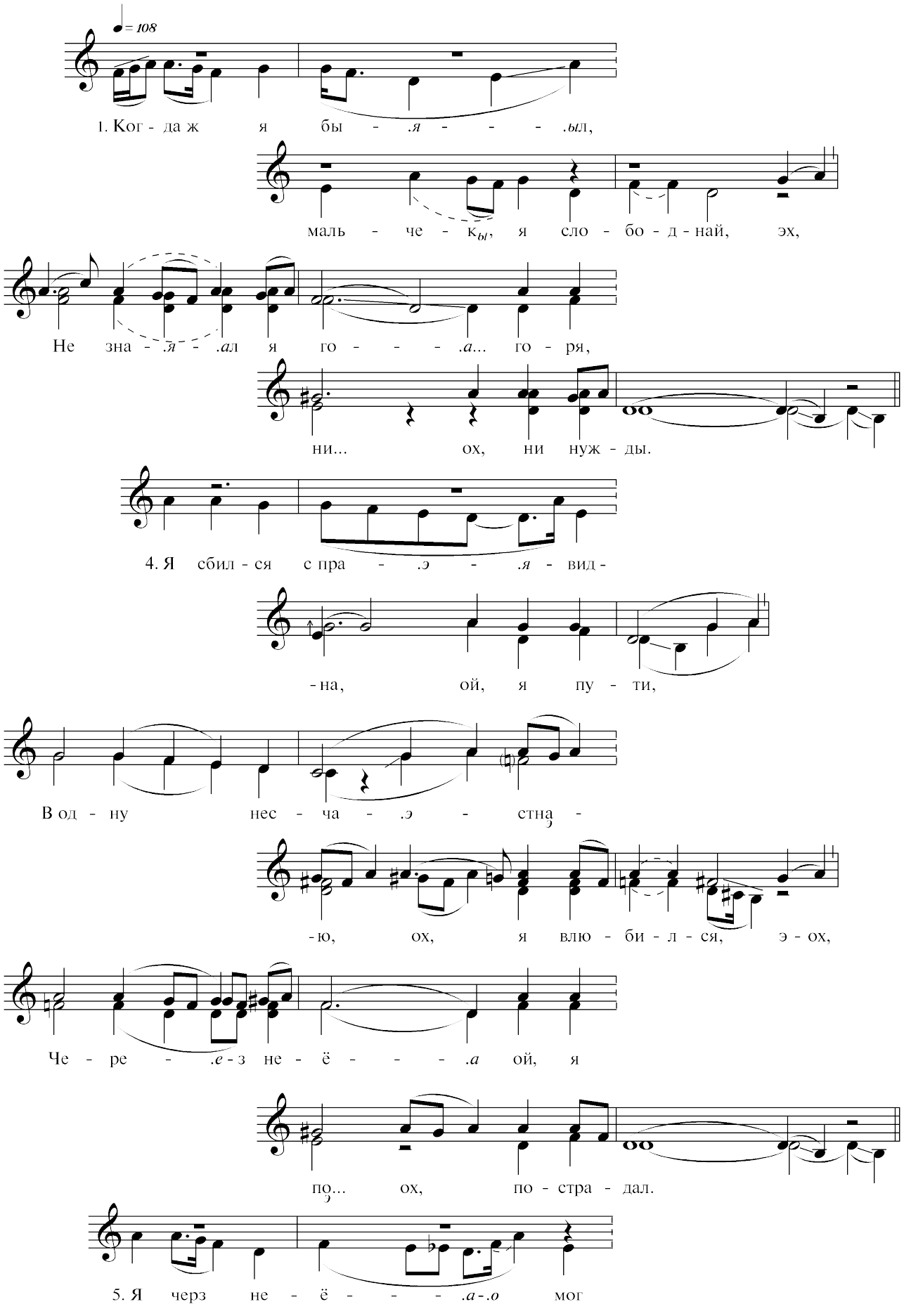
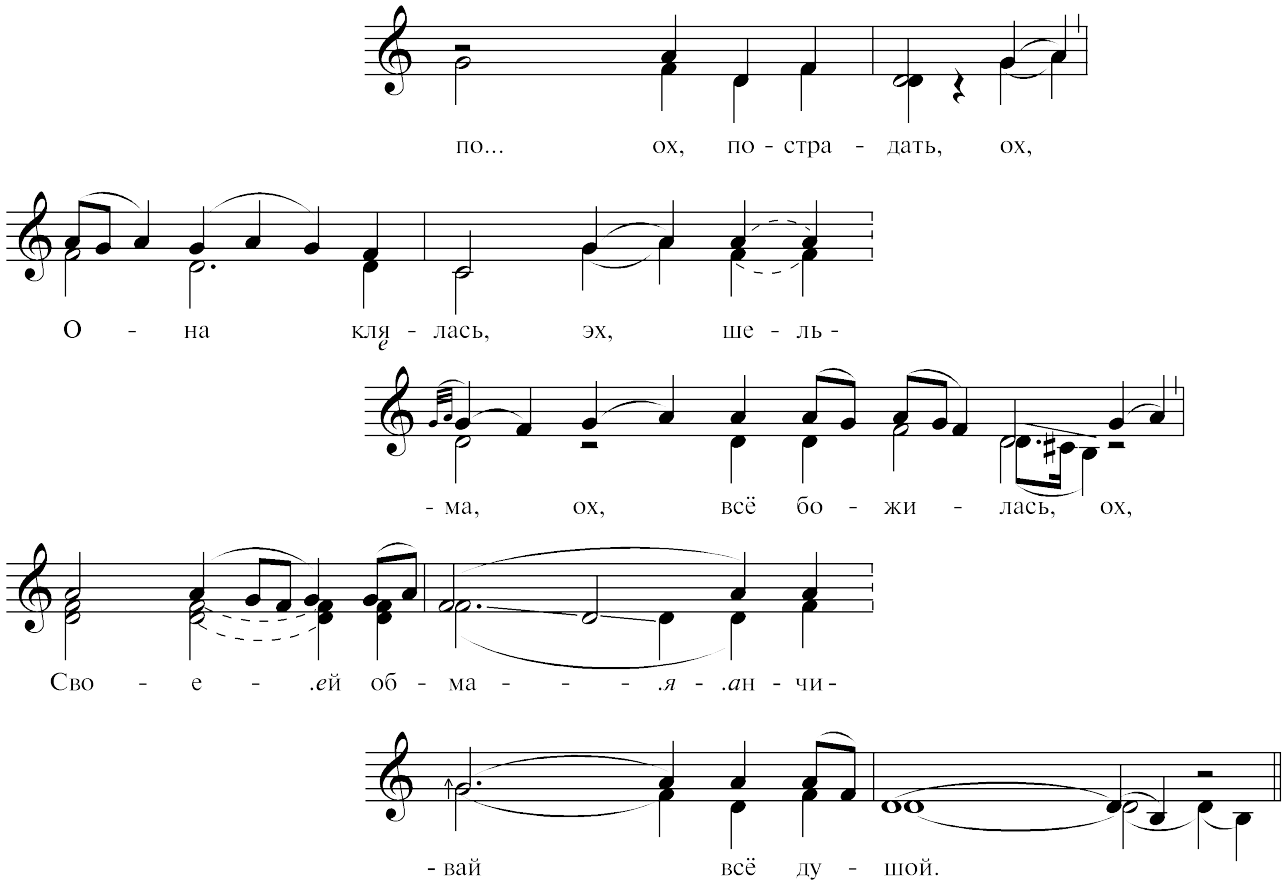
Эх, мил сустретилса да он со мной, да ох,
Бросилась ему да я на шею, да
И «душою» я ево назвала.

И «душою» да ево назвала, да ох:
— Не зови меня да ты душою, ох,
Я теперя да не твой милай стал.

136.

«Ах, да раздуша моя Катёнка,
Ой да не... не вздыхай-ка, Катя, тя... тяжело да,
Е... если тебе дружка жалка,
Ой да за... забывай, Катя, ево скорей.

Ох, то забывай, Катя, ево скорей да», —
«Я... я тогда дружка забуду,
Ой да когда скроются мое глаза.

Ох, да когда скроются мое глаза да,
Уста кровью за... запекутса,
Ой да мил-та не будет меня це... целовать».

137.

♩= 108
1. Ког - да ж я бы - .я - - - .ыл,
маль - че - кы, я сло - бо - д - най, эх,
Не зна - .я - .ал я го - - - .а... го - ря,
ни... ох, ни нуж - ды.
4. Я сбил - ся с пра - .э - .я - вид -
-на, ой, я пу - ти,
В од - ну нес - ча - .э - стна -
-ю, ох, я влю - би - л - ся, э - ох,
Че - ре - .е - з не - ё - - - .а ой, я
по... ох, по - стра - дал.
5. Я черз не - ё - - - .а - .о мог

Когда ж я был, мальчек, я слободнай, эх,
Не знал я го... горя, ни... ох, ни нужды.

Не знал я го... горя, и-ох, и нужды,
Родные да все меня любили,
Когда я рос в родной я семье.

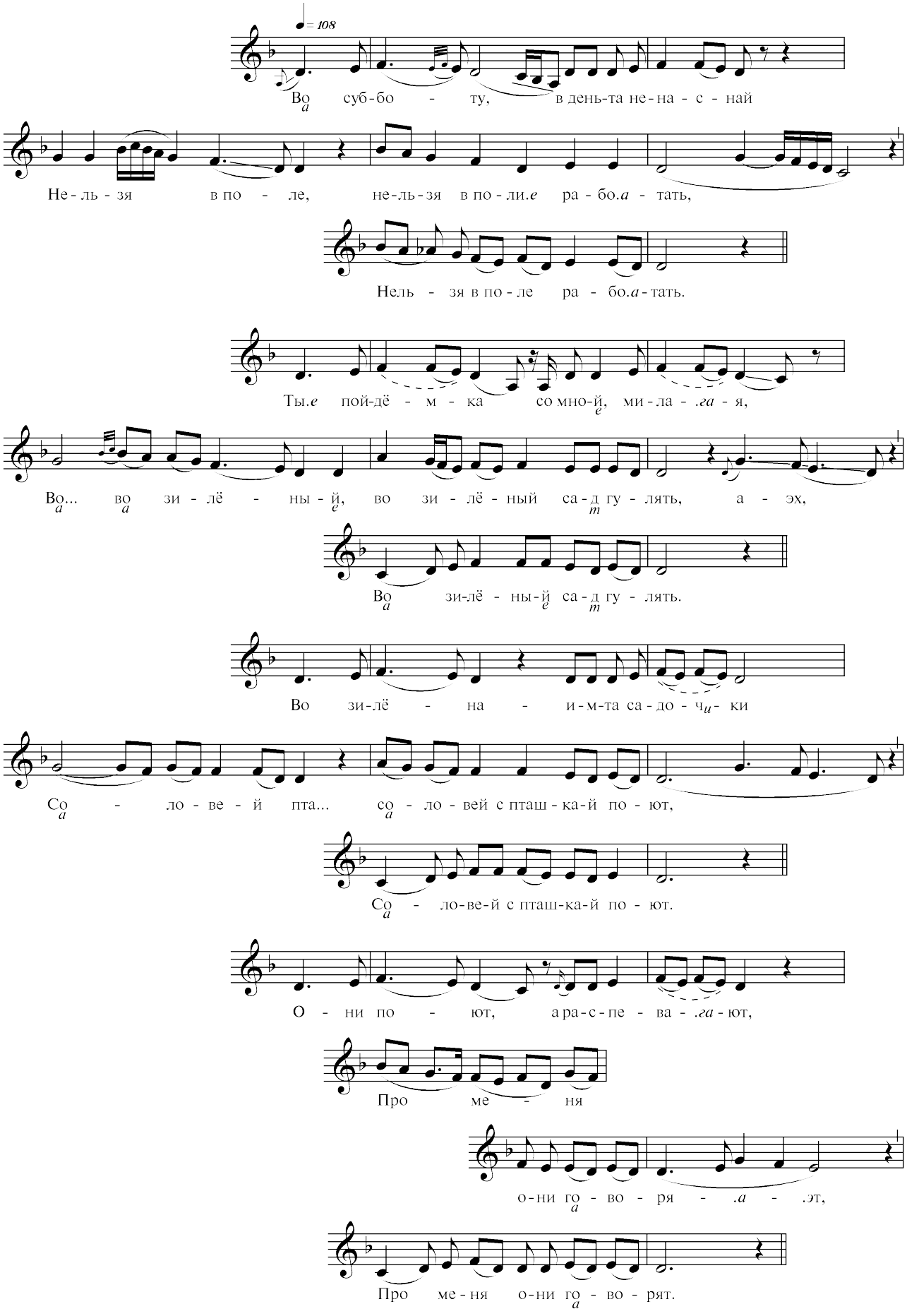
Когда ж я рос в родной я семье, ох,
Вот баловство, ох, меня, ох, всё сгубило, ой,
Я сбился с правидна я пути.

Я сбился с правидна, ой, я пути,
В одну несчастнаю, ох, я влюбился, э-ох,
Через неё ой я по... ох, пострадал.

Я черз неё мог по... ох, пострадать, ох,
Она клялась, эх, шельма, ох, всё божилась, ох,
Своей обманчивай всё душой.

Своей обманчивай душой, ах,
А я мальчишка ды я, ох, ей поверил,
Поверил со... совести, ох, я её.

Поверил совести ды я её, ох,
[С тюрьмой], несчастнай, ох, я спознался,
Спознался — три... три года, ах, я сидел.

138.

♩ = 108
Во суб-бо - ту, в день-та не-на - с - най
Не-ль - зя в по - ле, не-ль-зя в по-ли.е ра - бо.а - тать,
Нель - зя в по-ле ра - бо.а-тать.
Ты.е пой-дё - м - ка со мно-й, ми-ла - .га - я,
Во... во зи - лё - ны - й, во зи - лё - ный са-д гу - лять, а - эх,
Во зи-лё - ны-й са-д гу - лять.
Во зи-лё - на - и-м-та са-до - чи - ки
Со - ло - ве - й пта... со - ло - вей с пташ-ка-й по - ют,
Со - ло-ве-й с пташ-ка-й по - ют.
О - ни по - ют, а ра-с-пе - ва - .га-ют,
Про ме - ня
о-ни го - во - ря - .а - .эт,
Про ме-ня о-ни го - во - рят.

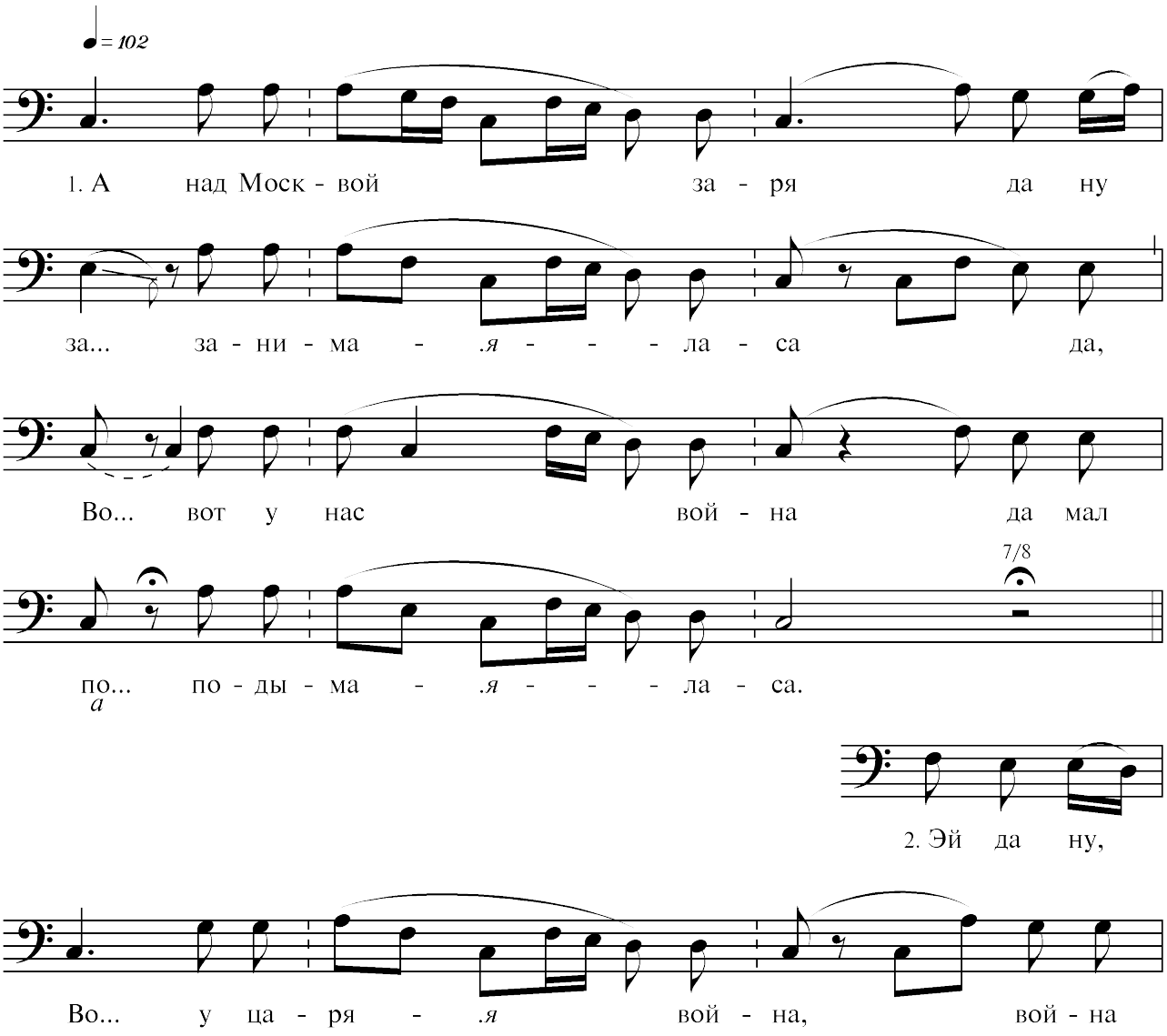
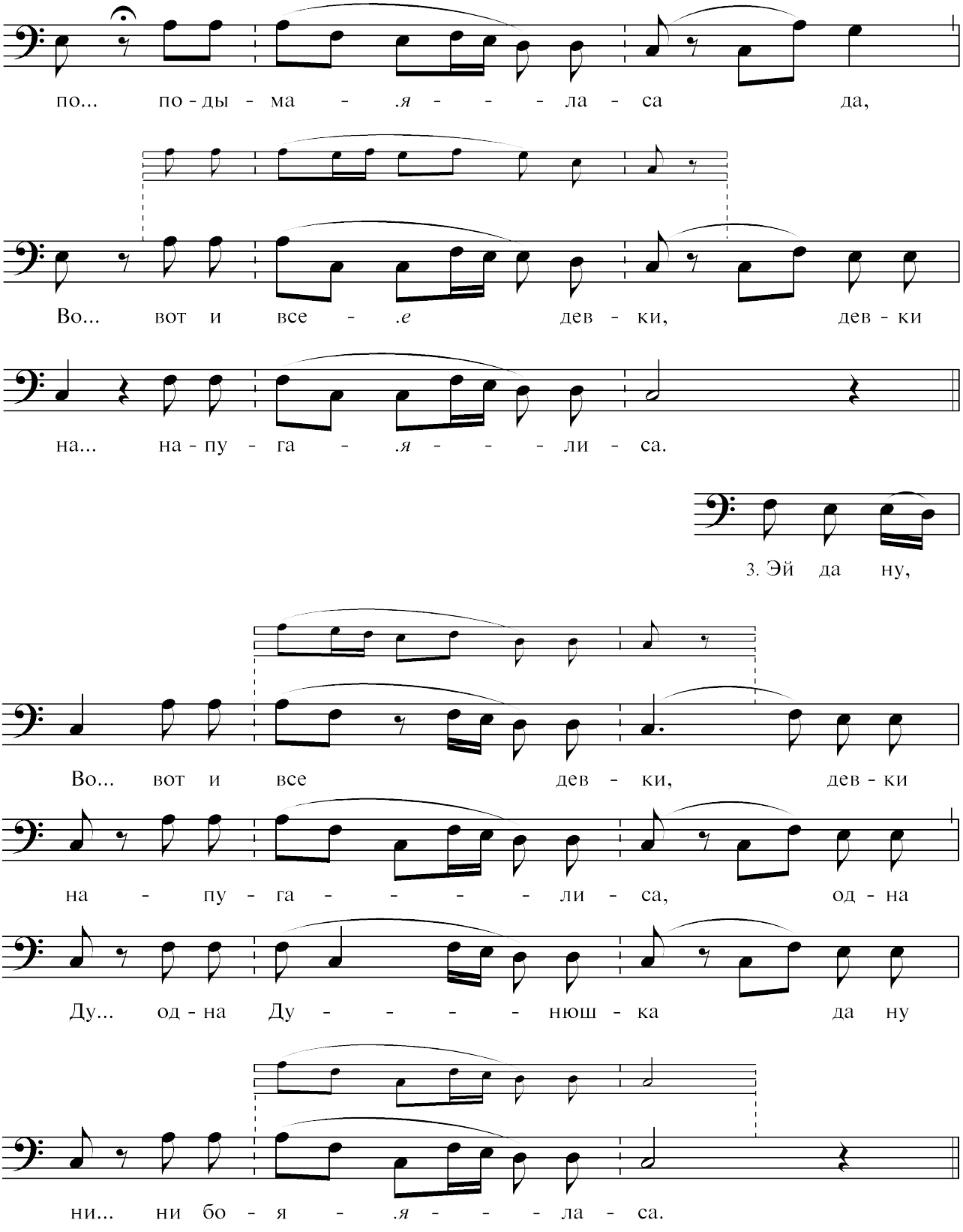
Ва субботу, в день-та ненаснай
Нельзя в поле, нельзя в поле работать,
Нельзя в поле работать.

Ты пойдём-ка со мной, милая,
Ва... ва зилёный, во зилёный сад гулять, а-эх,
Ва зелёный сад гулять.

Во зилёнаим-та садочки
Саловей пта... саловей с пташкай поют,
Саловей с пташкай поют.

Они поют, а распевают,
Про меня они гаворят,
Про меня они гаворят.

Прощайтя, девки, прощайтя, бабы,
Уезжаю, уезжаю я в Афганистан,
Уезжаю в Афганистан.

139.

А над Москвой заря да ну за... занималаса да,
Во... вот у нас* война да мал па... подымаласа.

---

* *«... пели “у царя” раньше-то»* — замечание исполнителя.

Эй да ну,
Во... у царя война, война по... подымаласа да,
Во... вот и все девки, девки на... напугалиса.

Эй да ну,
Во... вот и все девки, девки напугалиса, одна
Ду... одна Дунюшка да ну ни... ни бояласа.

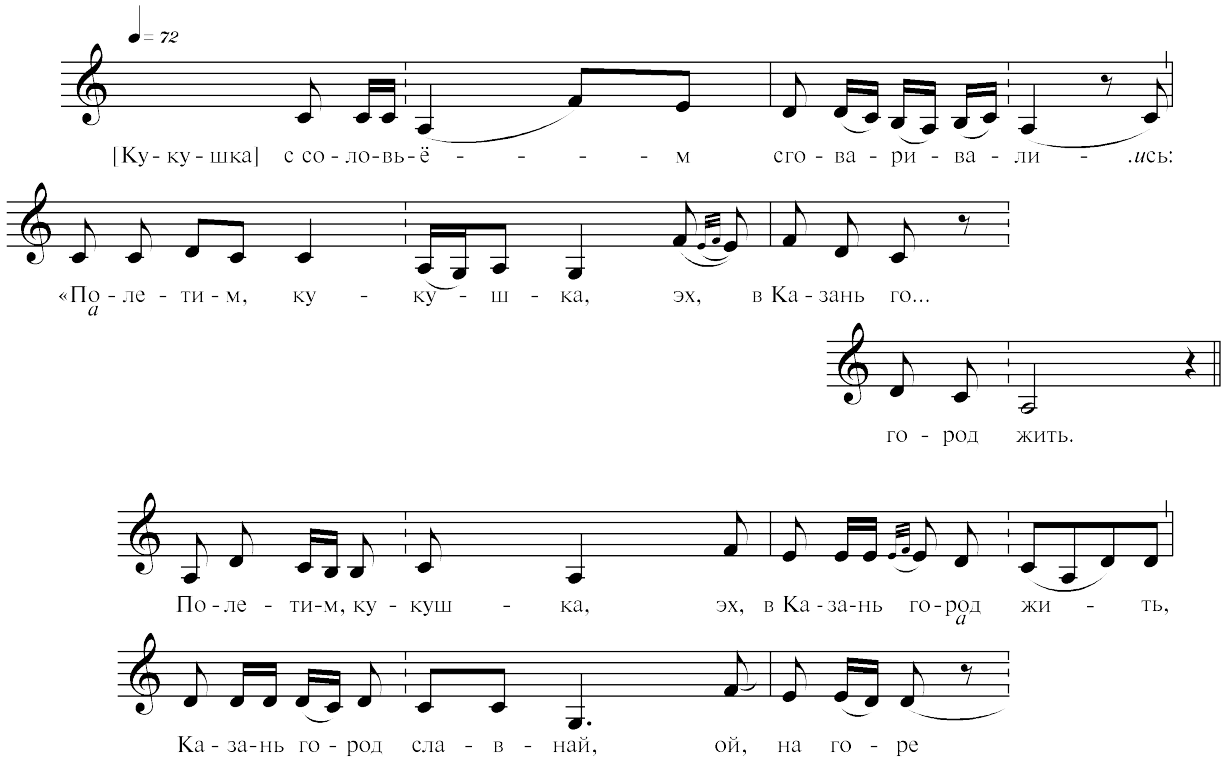
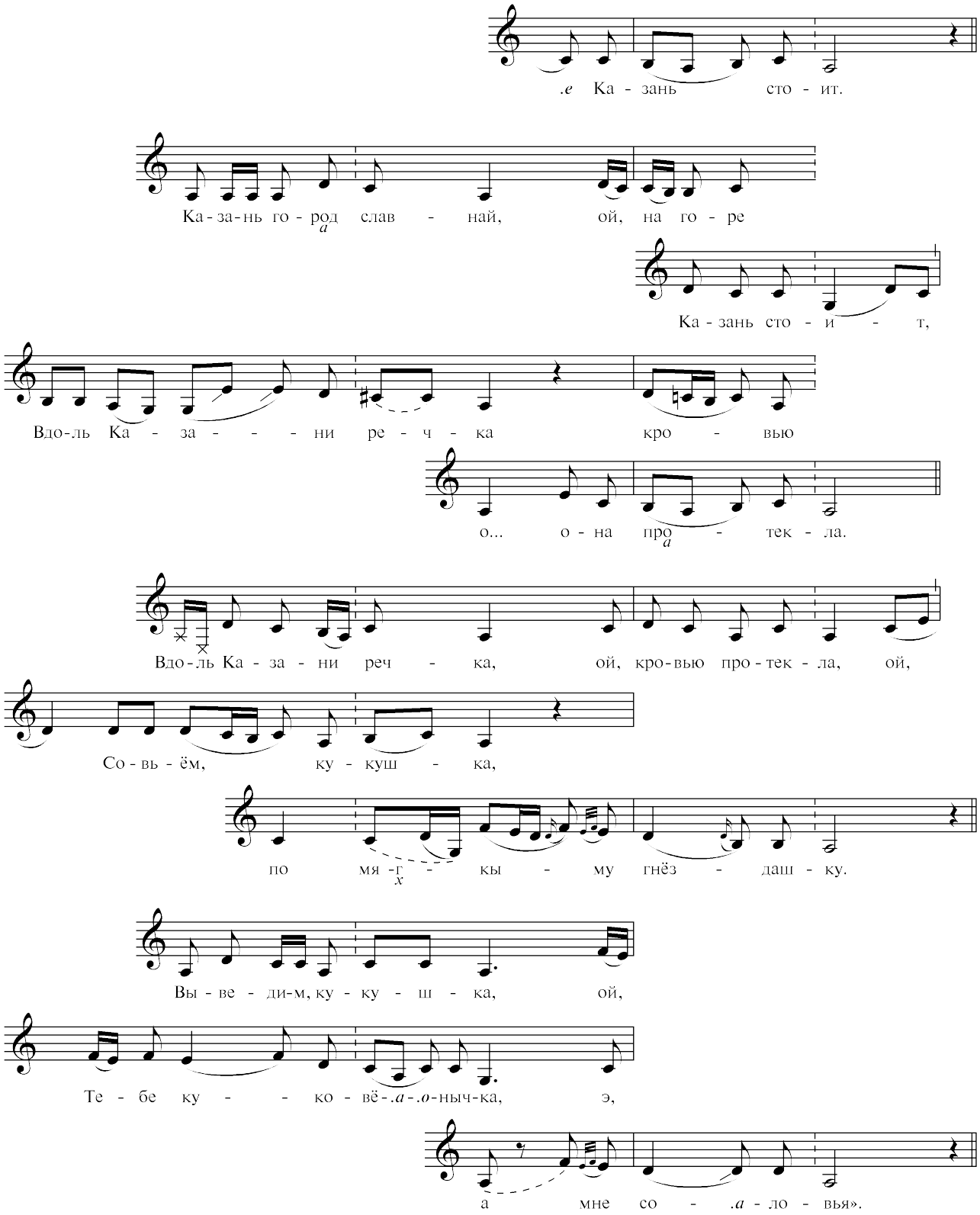
Эй да ну,
Во... одна Дунюшка да я ни... ни бояласа, да
За... за жених идти, эх, она са... сабираласа.

Эх да я,
За жених идти Дуня сабираласа, да ну
Е... её батюшка да я у... уговаривал.

Эй, да на
Е... её батюшка да я у... уговаривал, да:
— Па... пасиди-ка, Дуня, в красных девушках.

Эй, да ну
Пасиди, Дуня, да ты в красных девушках, ах да ну, —
— Ро... родной батюшка, да я насиделаса.

Эх, да я
Родной батюшка, да я насиделаса, да я
Мно... много горюшка да я натерпеласа.

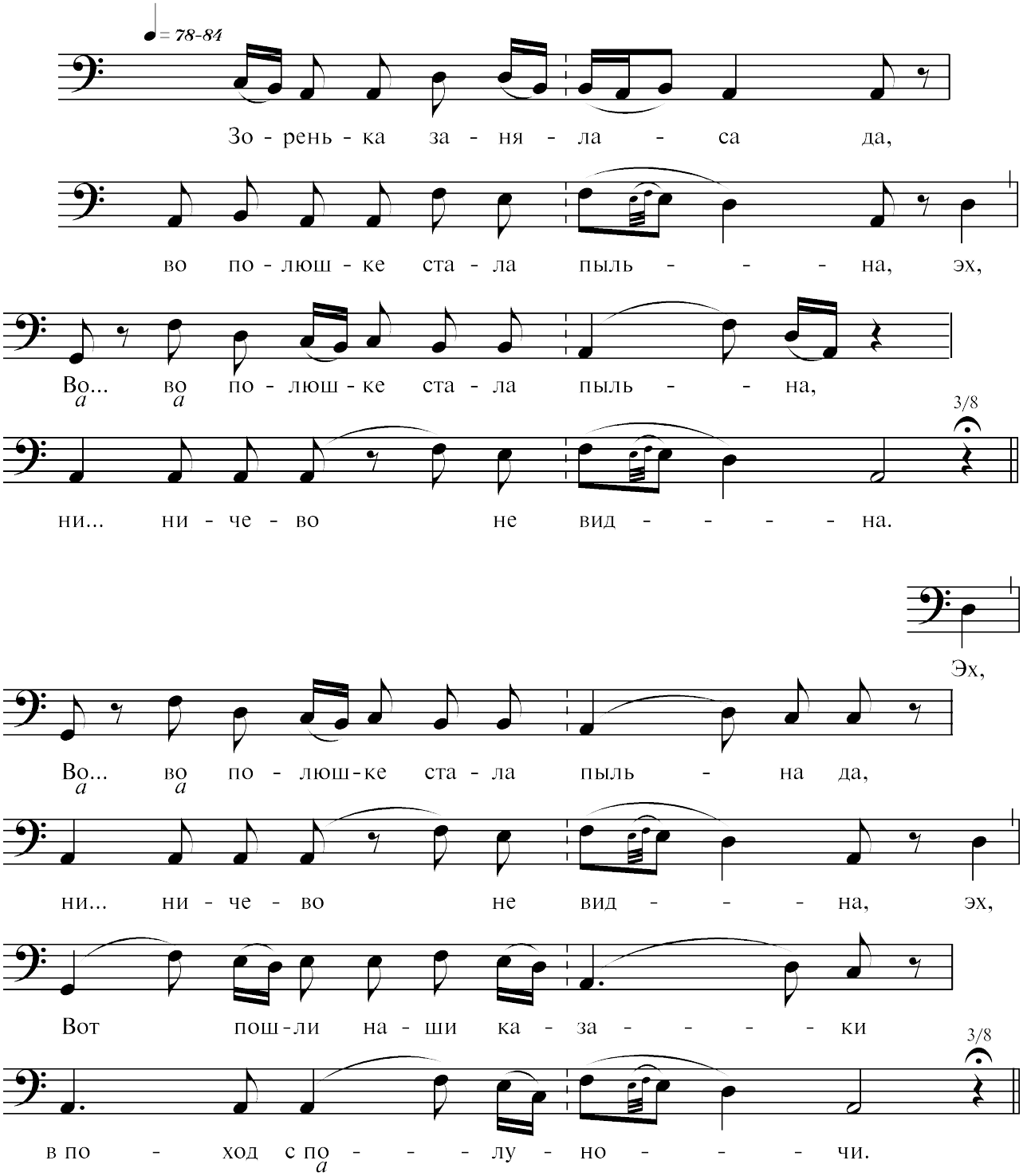
140.

[Кукушка] с соловьём сговаривались:
«Полетим, кукушка, эх, в Казань го... город жить.

Полетим, кукушка, эх, в Казань город жить,
Казань город славнай, ой, на горе Казань стоит.

Казань город славнай, ой, на горе Казань стоит,
Вдоль Казани речка кровью о... она протекла.

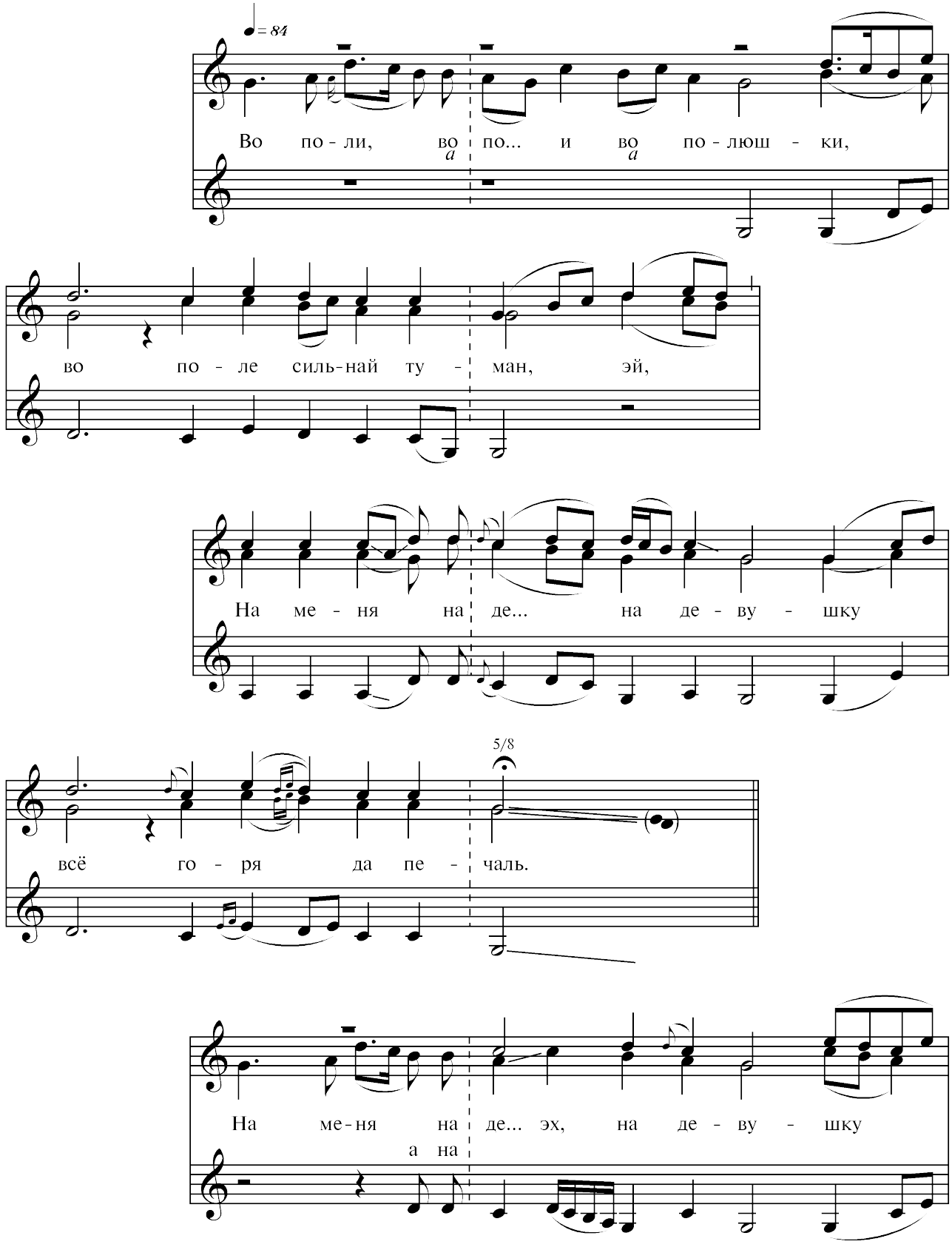
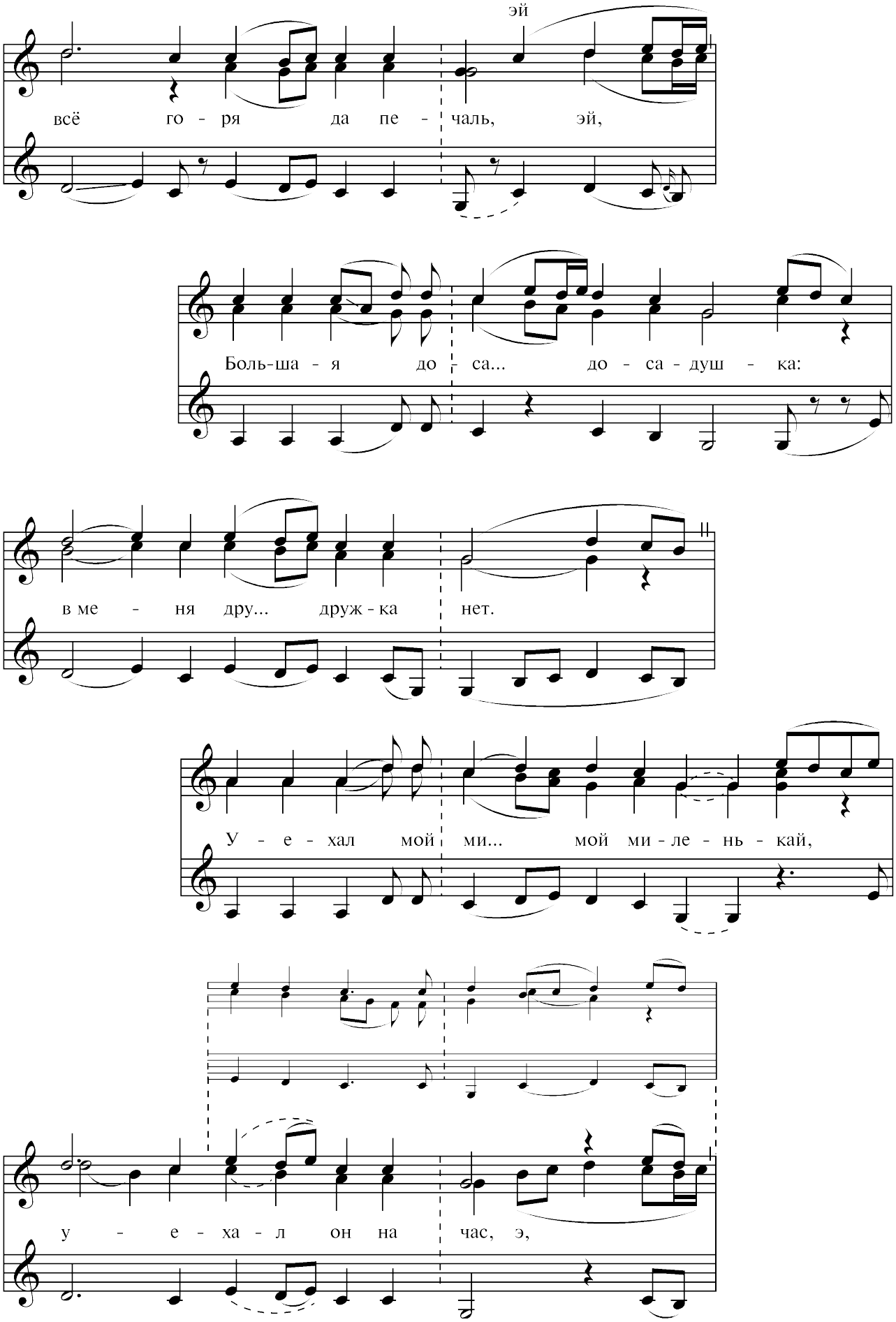
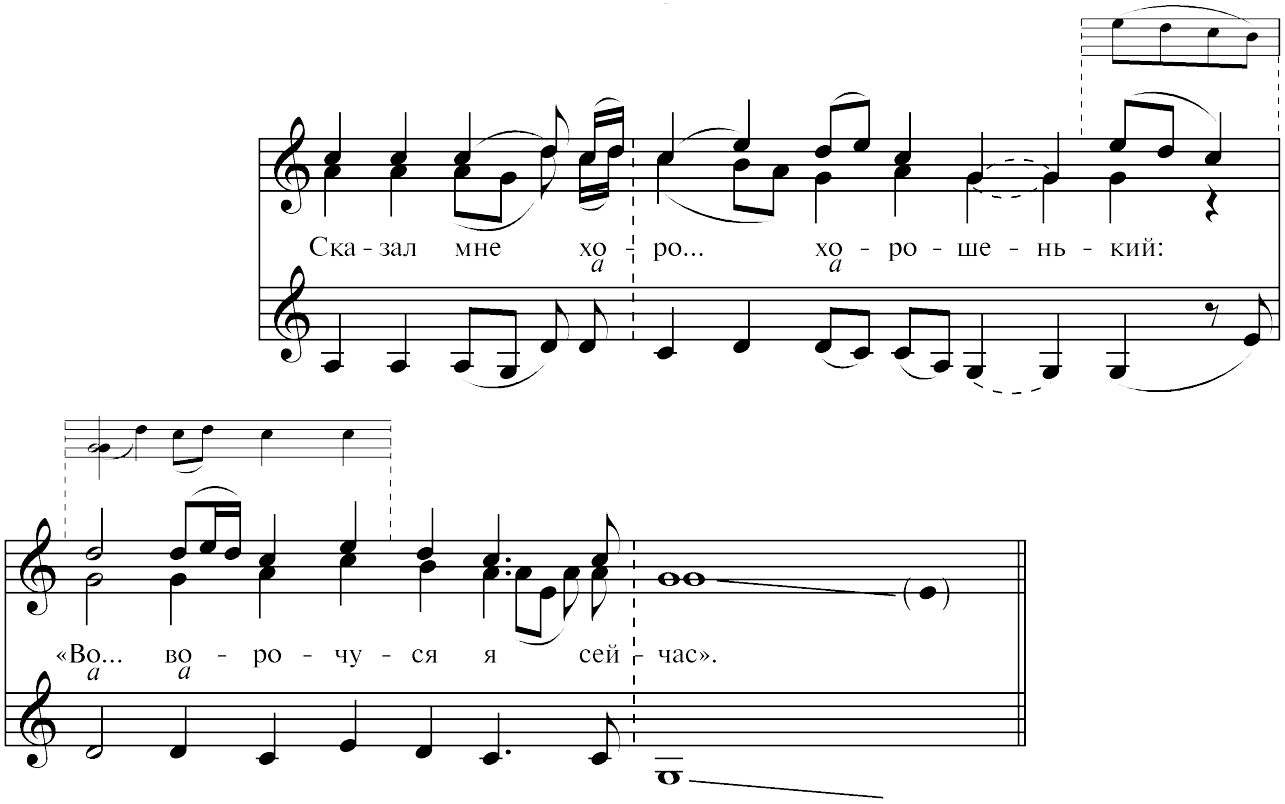
Вдоль Казани речка, ой, кровью протекла, ой,
Совьём, кукушка, по мягкыму гнёздашку.

Выведим, кукушка, ой, [два детёныша],
Тебе — куковёнычка, э, а мне — соловья».

141.

Зоренька заняласа да, во полюшке стала пыльна, эх,
Во... во полюшке стала пыльна, ни... ничево не видна.

Эх,

Во... во полюшке стала пыльна да, ни... ничево не видна, эх,
Вот пошли наши казаки в поход с полуночи.

142.

эй
всё го - ря да пе - чаль, эй,
Боль-ша - я до - са... до - са - душ - ка:
в ме - ня дру... друж - ка нет.
У - е - хал мой ми... мой ми - ле - нь - кай,
у - е - ха - л он на час, э,

Во поли, ва по... и ва полюшки, во поле сильнай туман, эй,
На меня на де... на девушку всё горя да печаль.

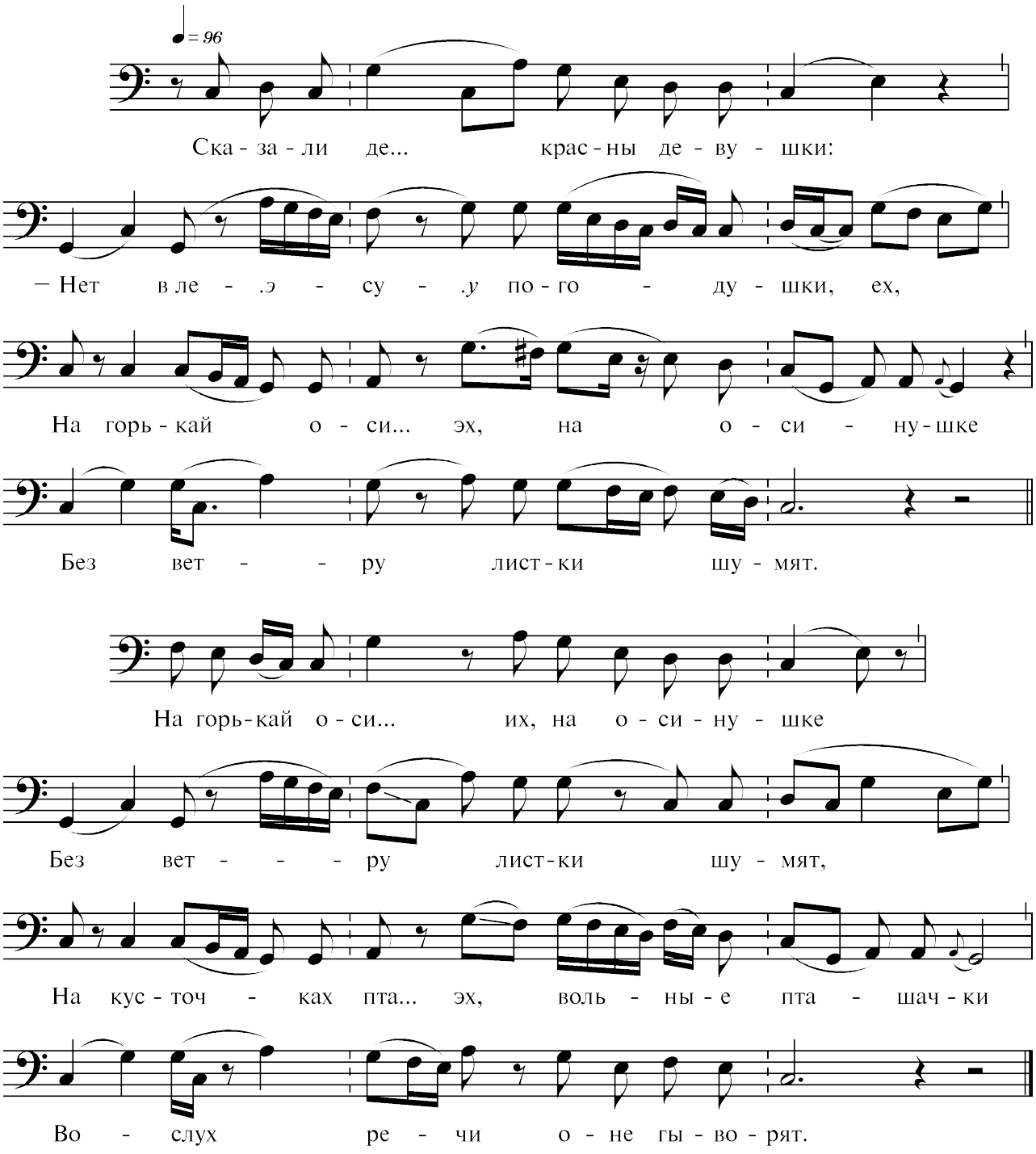
На меня на де... эх, на девушку всё горя да печаль, эй,
Большая доса... досадушка: в меня дру... дружка нет.
Уехал мой ми... мой миленькай, уехал он на час, э,
Сказал мне харо... харошенький: «Ва... варочуса я сейчас».

Если не варо... варотишься — махни праваю рукой,
Если махну ру... ох да рученькой — прощай, су... суженой.

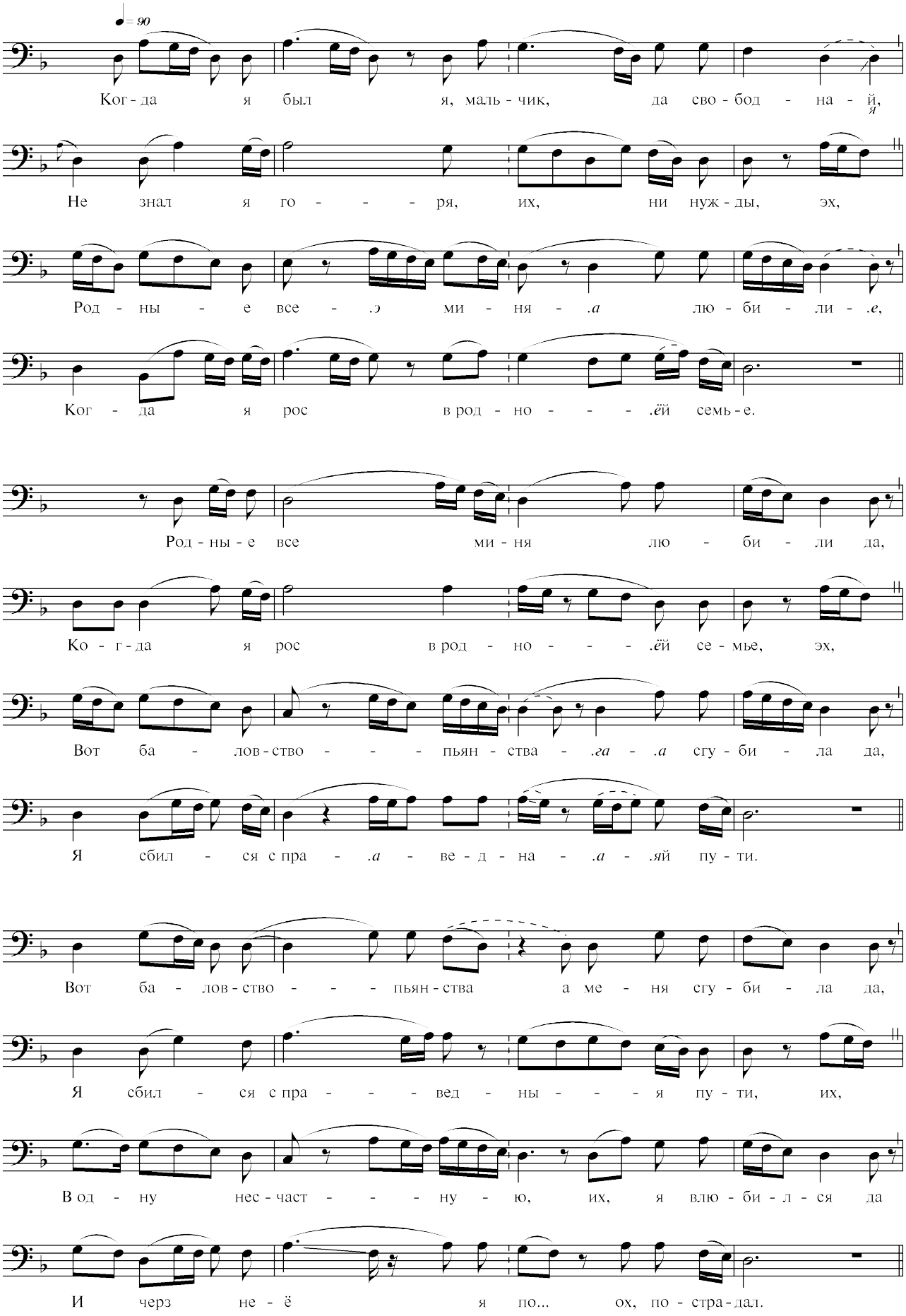
Со етава го... да горюшка да пойду я, я домой,
Пойду я во го... во горенку во... во новенькаю.

Сяду я на ла... на лавэчку, за ... за дубовай новай стол,
Посмотрю в око... в окошечко ох, ра... разборчитая.

Погляжу во по... ох, во полюшко — лодьи с моря плывут,
Ни мово-то ми... ой, милова е... ево под руки ведут.

143.

Сказали де... красны девушки:
— Нет в лесу погодушки, ех,
На горькай оси... эх, на осинушке
Без ветру листки шумят.

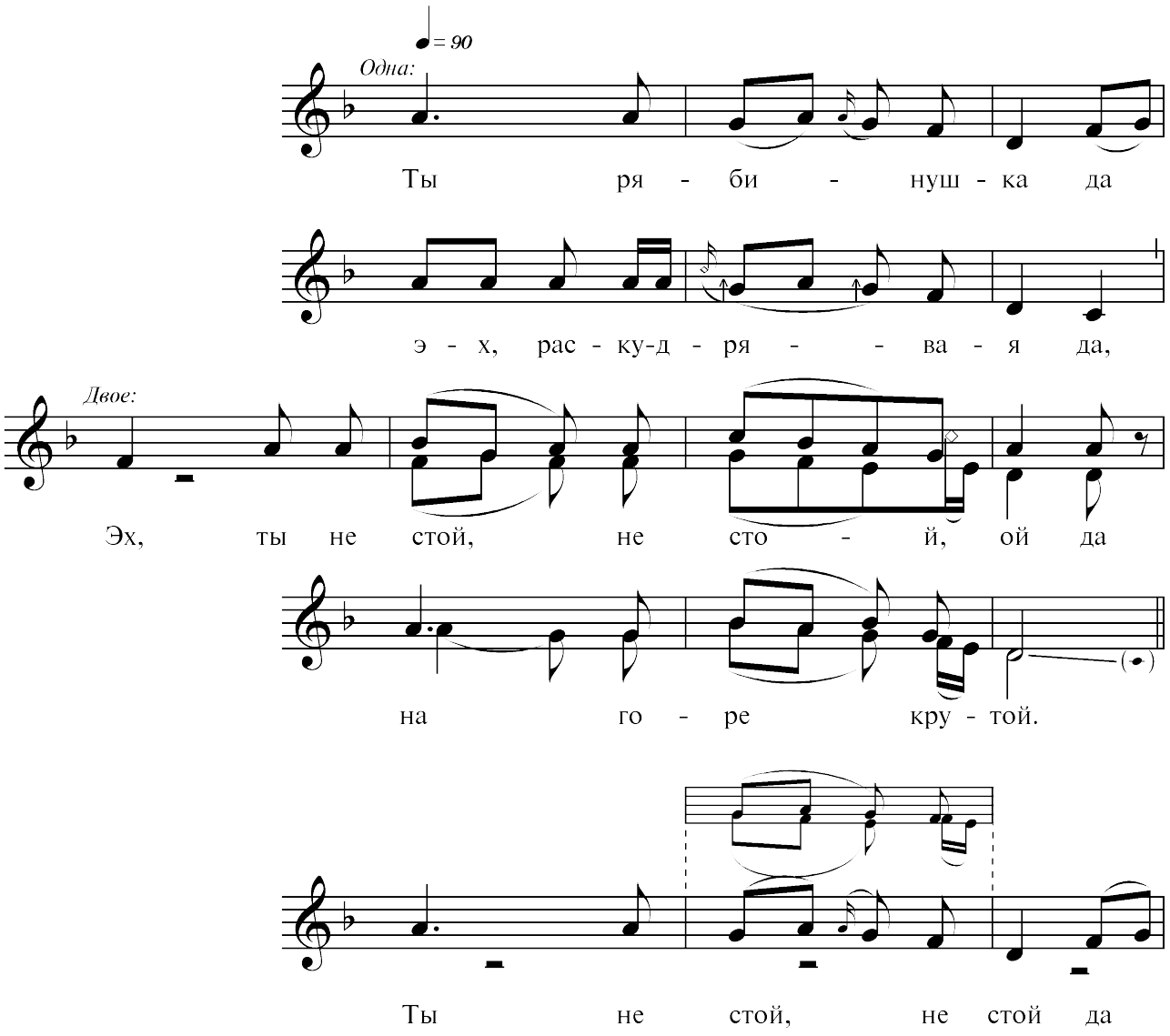
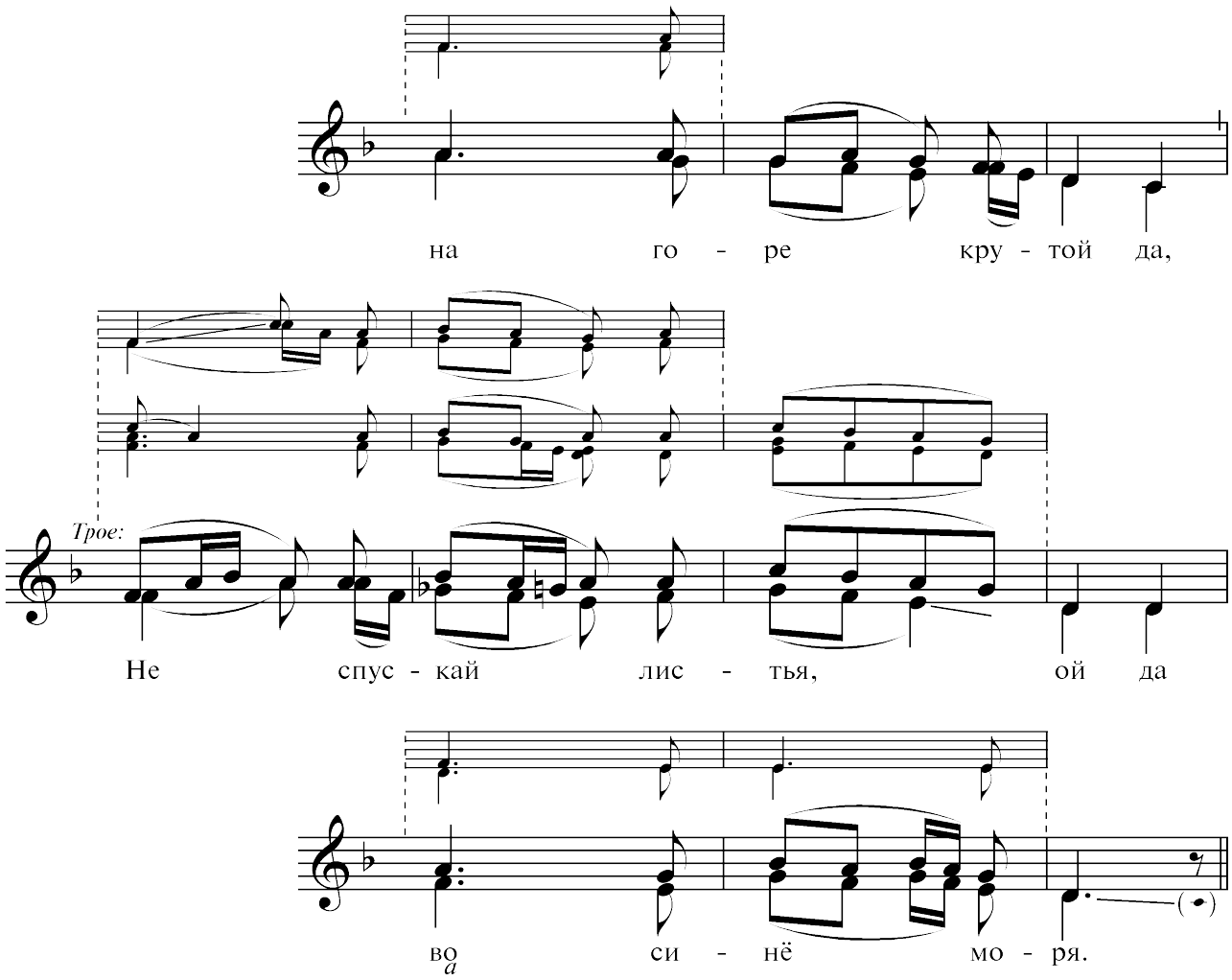
На горькай оси... их, на осинушке
Без ветру листки шумят,
На кусточках пта... эх, вольные пташачки
Вослух речи оне гыворят.

144.

♩= 90
Ког - да я был я, маль - чик, да сво - бод - на - й, я
Не знал я го - - - - ря, их, ни нуж - ды, эх,
Род - ны - е все - .э ми - ня - .а лю - би - ли - .е,
Ког - да я рос в род - но - - - - .ёй семь - е.
Род - ны - е все ми - ня лю - би - ли да,
Ко - г - да я рос в род - но - - - - .ёй се - мье, эх,
Вот ба - лов - ство - - - - пьян - ства - .га - .а сгу - би - ла да,
Я сбил - ся с пра - .а - ве - д - на - .а - .яй пу - ти.
Вот ба - лов - ство - - - - пьян - ства а ме - ня сгу - би - ла да,
Я сбил - ся с пра - - - - вед - ны - - - - я пу - ти, их,
В од - ну нес - част - - - - ну - ю, их, я влю - би - л - ся да
И черз не - ё я по... ох, по - стра - дал.

Когда я был я, мальчик, да свободнай,
Не знал я горя, их, ни нужды, эх,
Родные все миня любили,
Когда я рос в родной семье.

Родные все миня любили да,
Когда я рос в родной семье, эх,
Вот баловство-пьянства сгубила да,
Я сбился с праведнай пути.

Вот баловство-пьянства меня сгубила да,
Я сбился с праведныя пути, их,
В одну несчастную, их, я влюбился да
И черз неё я по... ох, пострадал.

145.

Ты рябинушка да эх, раскудрявая да,
Эх, ты не стой, не стой, ой да на горе крутой.

Ты не стой, не стой да на горе крутой да,
Не спускай листья, ой да ва синё моря.

Не спускай листья да ва синё моря да,
Па синю морю, ой да карабель плывёт.

Па синю морю да карабель плывёт да,
Карабель плывёт, ой да лишь волна ревёт.

Карабель плывёт, лишь волна ревёт да,
Как ва том карабле два полка салдат.

Как ва том карабле два полка салдат да,
Два полка салдат, ой да малодых ребят.

Два полка салдат, малодых ребят да,
Генерал-майор, ой да Богу молится.

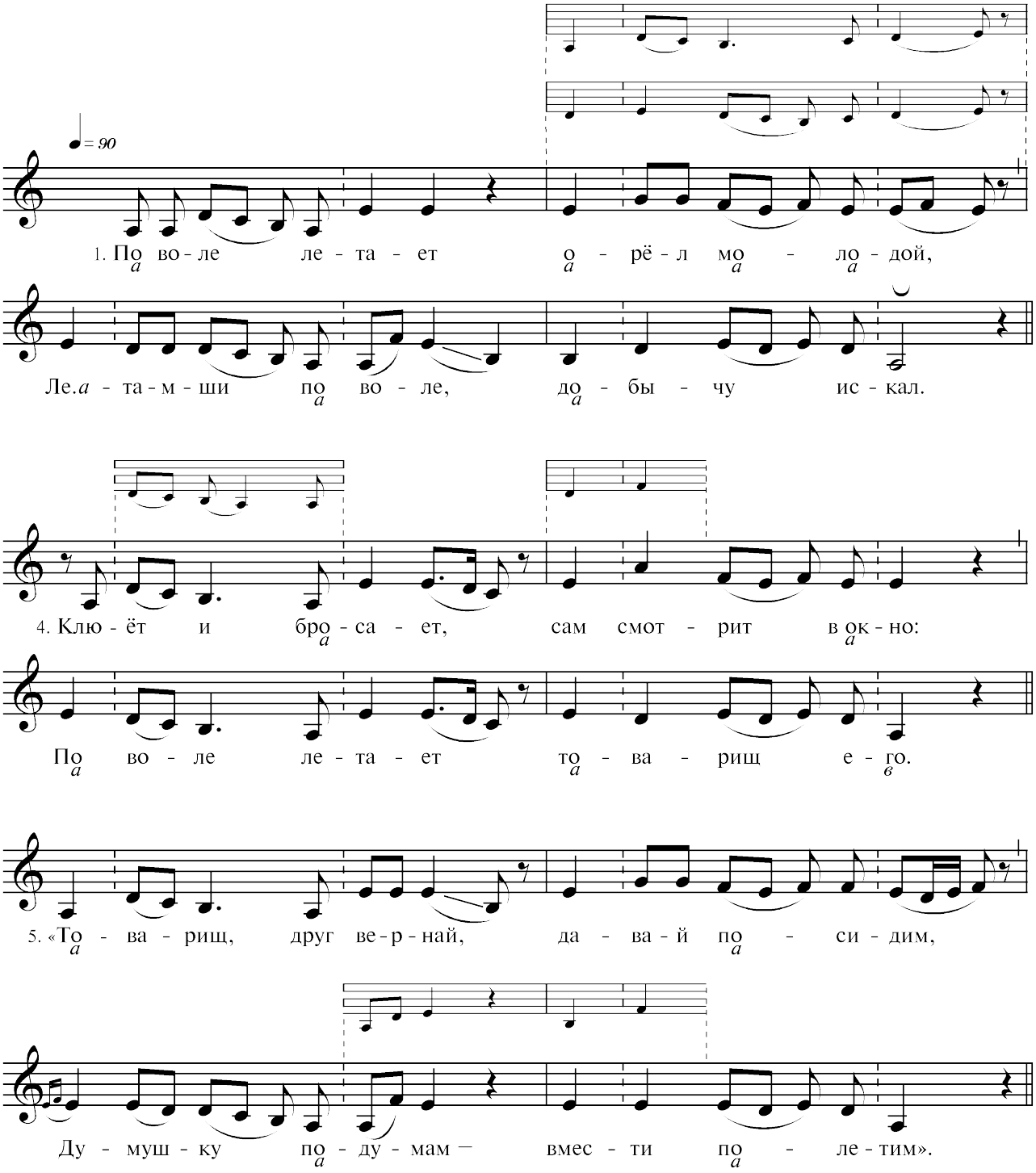
Генерал-майор да Богу молится да,
Ридовой салдат, ой да домой просится.

Ридовой солдат, ох, домой просится да:
— Генерал-майор, ой да отпусти домой.

Генерал-майор, отпусти домой да,
Отпусти домой, ой да к отцу с матерью.

Отпусти домой да к отцу с матерью да,
К отцу с матерью, ой да к малым детушкам.

К отцу с матерью да к малым детушкам да,
К малым детушкам, ой да к малодой жены.

146.

По воле летает орёл молодой,
Летамши по воле, добычу искал.

Летамши на воле, добычу искал,
Искавши добычу, сам в клетку попал.

Сидит за решеткой орёл молодой,
Кровавую пищу клюёт перьд собой.

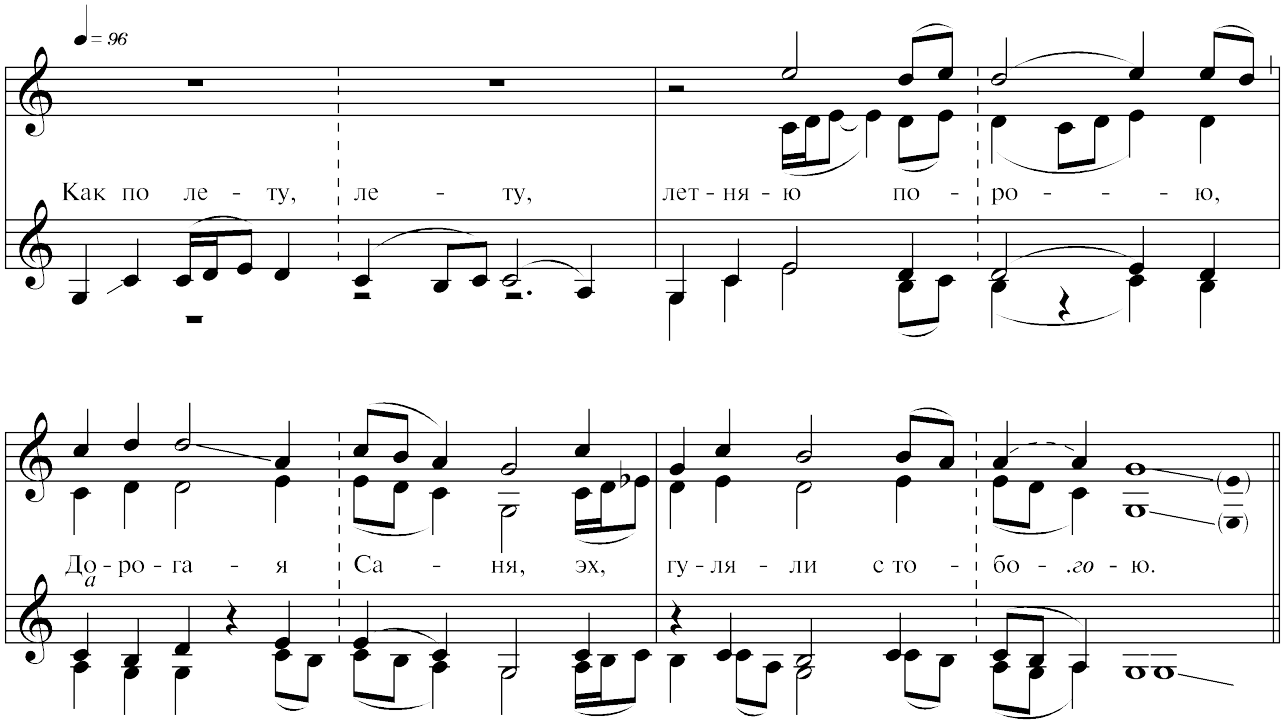
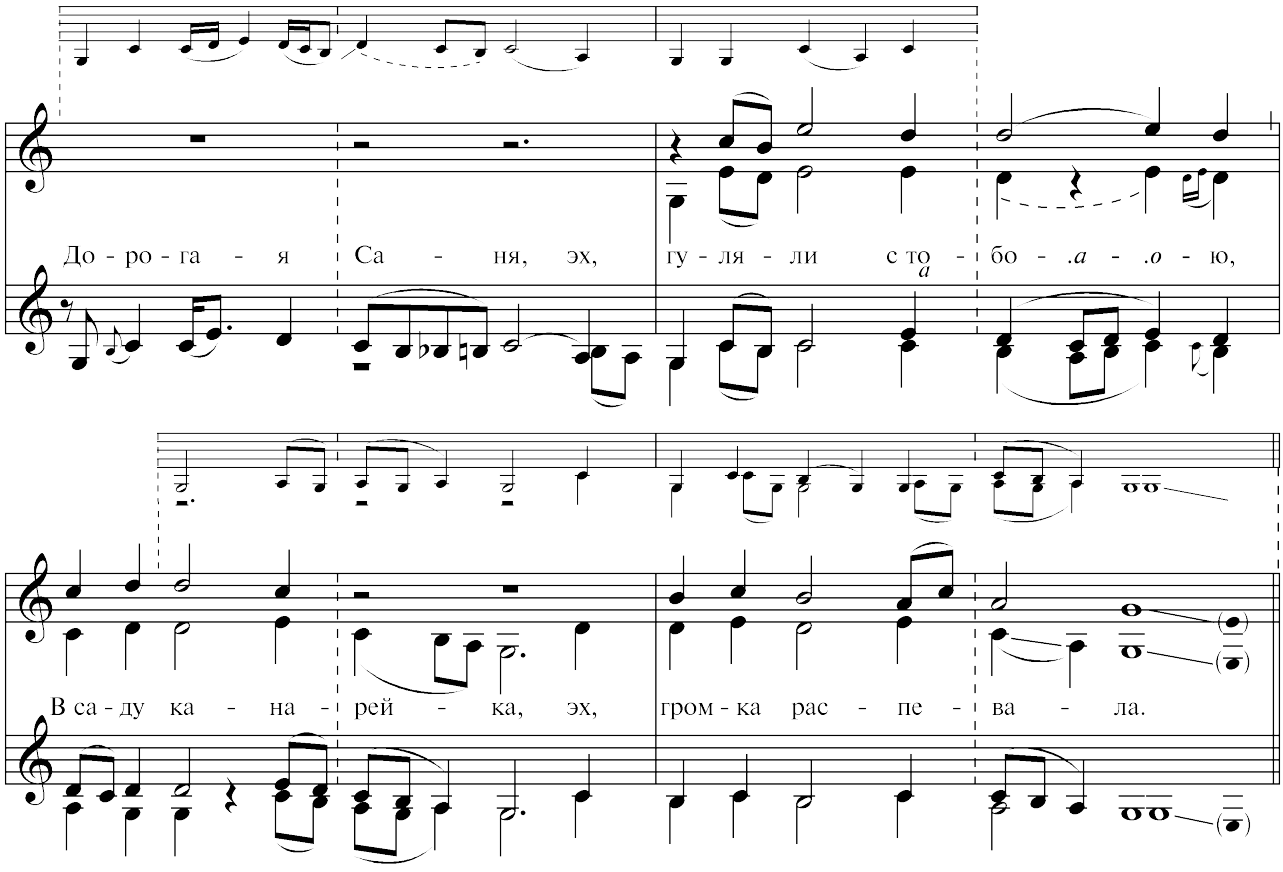
Клюёт и бросает, сам смотрит в окно:
По воле летает товарищ его.

«Товарищ, друг вернай, давай посидим,
Думушку подумам — вмести полетим».

«Лети, мой товарищ, а я — за тобой,
Где солнце не светит, луна — никогда.

Где солнце не светит, луна — никогда,
Там ходит, гуляет красотка моя.

Она не со мною, с донским казаком,
С донским, со удалым, с добрам молодцам».

147.

Как по лету, лету, летняю порою,
Дарогая Саня, эх, гуляли с тобою.

Дорогая Саня, эх, гуляли с табою,
В саду канарейка, эх, громка распевала.

В саду канарейка, эх, громка распевала,
Галосок унылай вдали раздаётся.

Галосок унылай вдали раздаётся,
Это, верна, Саня с Ваняй расстаётся.

Это, видно, Саня с Ваняй расстаётся,
Выходила Саня на нова крылечка.

Выходила Саня на нова крылечка,
Гаворила Саня тайнае словечка.

Гаворила Саня тайнае словечка:
— Куда, милай, едешь, куда уезжаешь,

Куда, милай, едешь, куда уезжаешь,
На ково ж ты, милай, меня спакидаешь,

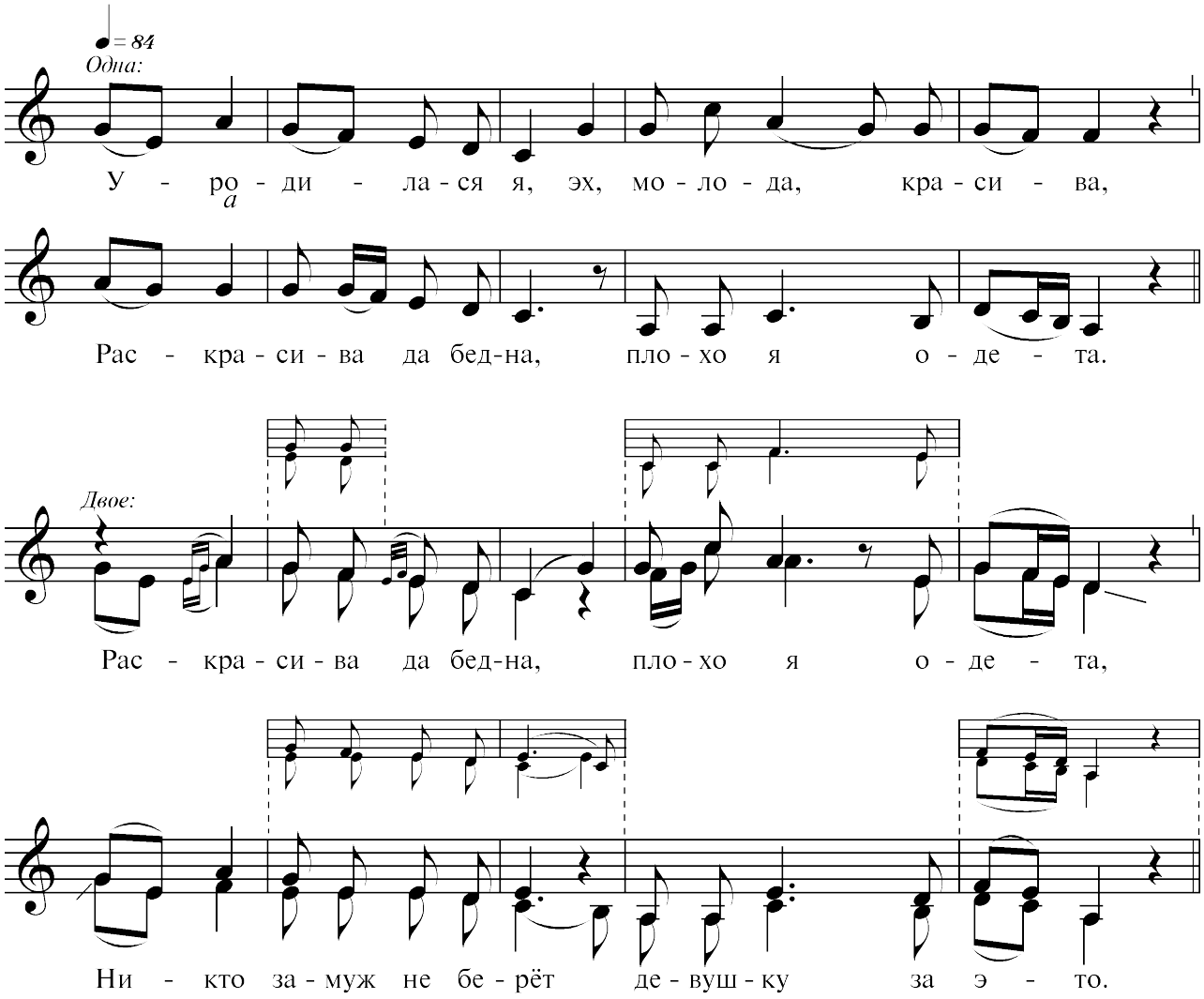
На ково ты, милай, меня спакидаешь?
— Спакидаю с теми, кто живёт на неби.

Пакидаю с теми, кто живёт на небе.
Уповай на Бога, нас у Бога многа.

Уповай на Бога, нас у Бога многа,
Нас у Бога многа, вабирай любова.

Нас у Бога многа, вабирай любова!
— Я не вабирала, вабирать не буду.

Я не вабирала, вабирать не буду,
А тебя, мой милай, вовек не забуду.

148.

Уродилася я, эх, молода, красива,
Раскрасива да бедна, плохо я одета.

Раскрасива да бедна, плохо я одета,
Никто замуж не берёт девушку за это.

Никто замуж не берёт девушку за это,
Пойду схожу в монастырь, Богу помолюся.

Пойду схожу в монастырь, Богу помолюся,
Пред иконою святой слёзами зальюся.

Пред иконою святой слёзами зальюся:
Не подаст ли мне Господь той доли счастливой?

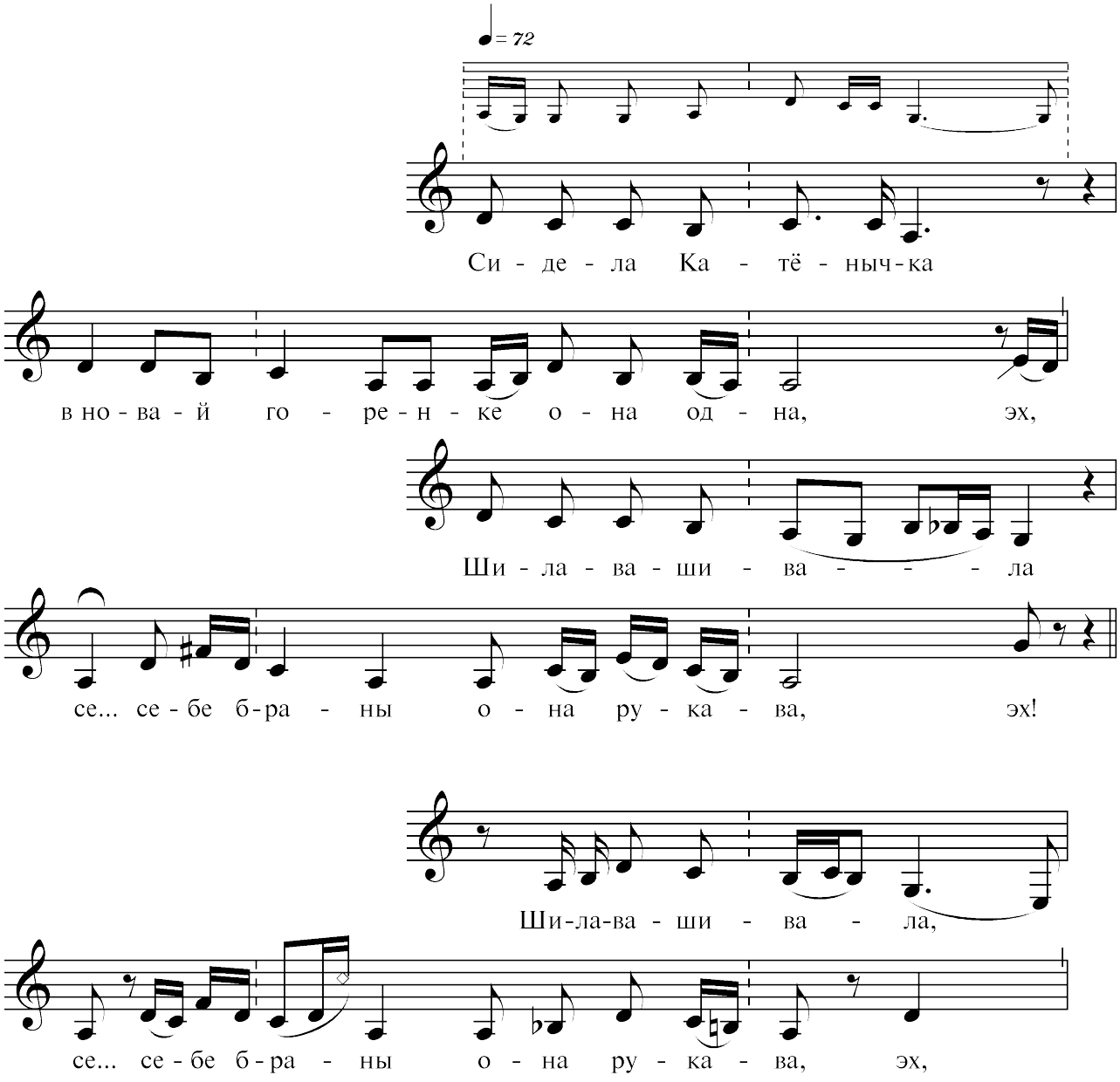
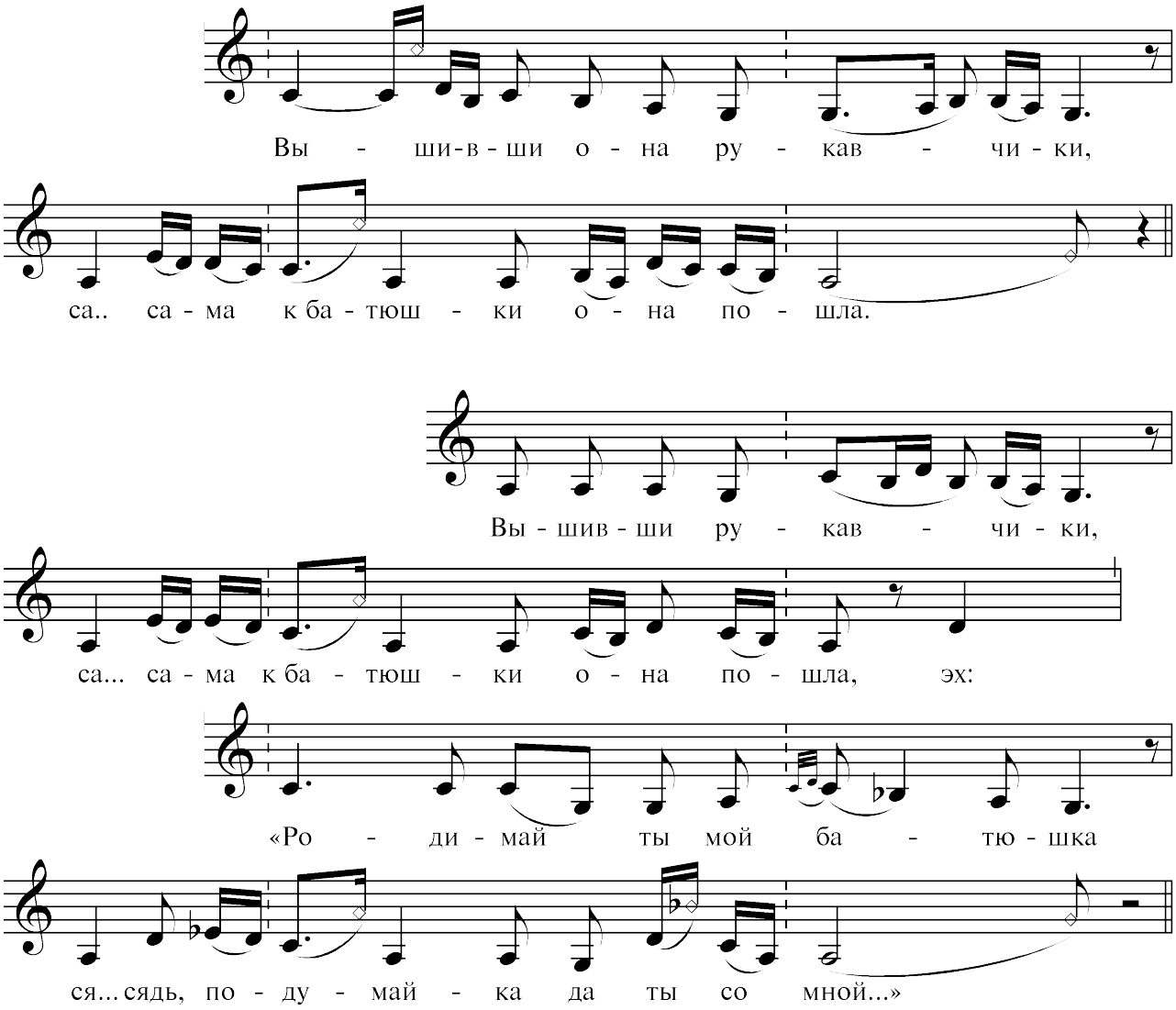
Не подаст ли мне Господь той доли счастливой,
Не полюбит ли какой молодец красивый?

Не полюбит ли какой молодец красивый,
Как во тёмнаим лесу пташка распевала.

Как во тёмнаим лесу пташка распевала,
Не мое ли счастие с милым улетело.

Не мое ли счастие с милым улетело,
Воротись, счастье, назад, я буду счастлива...

— Чего-то ещё тут, два слова каких-то...

149.

Сидела Катёнычка в новай горенке она одна, *эх*,
Шила-вашивала се... себе браны она рукава, *эх*!

Шила-вашивала, се... себе браны она рукава, *эх*,
Вышивши она рукавчики, са.. сама к батюшки она пошла.

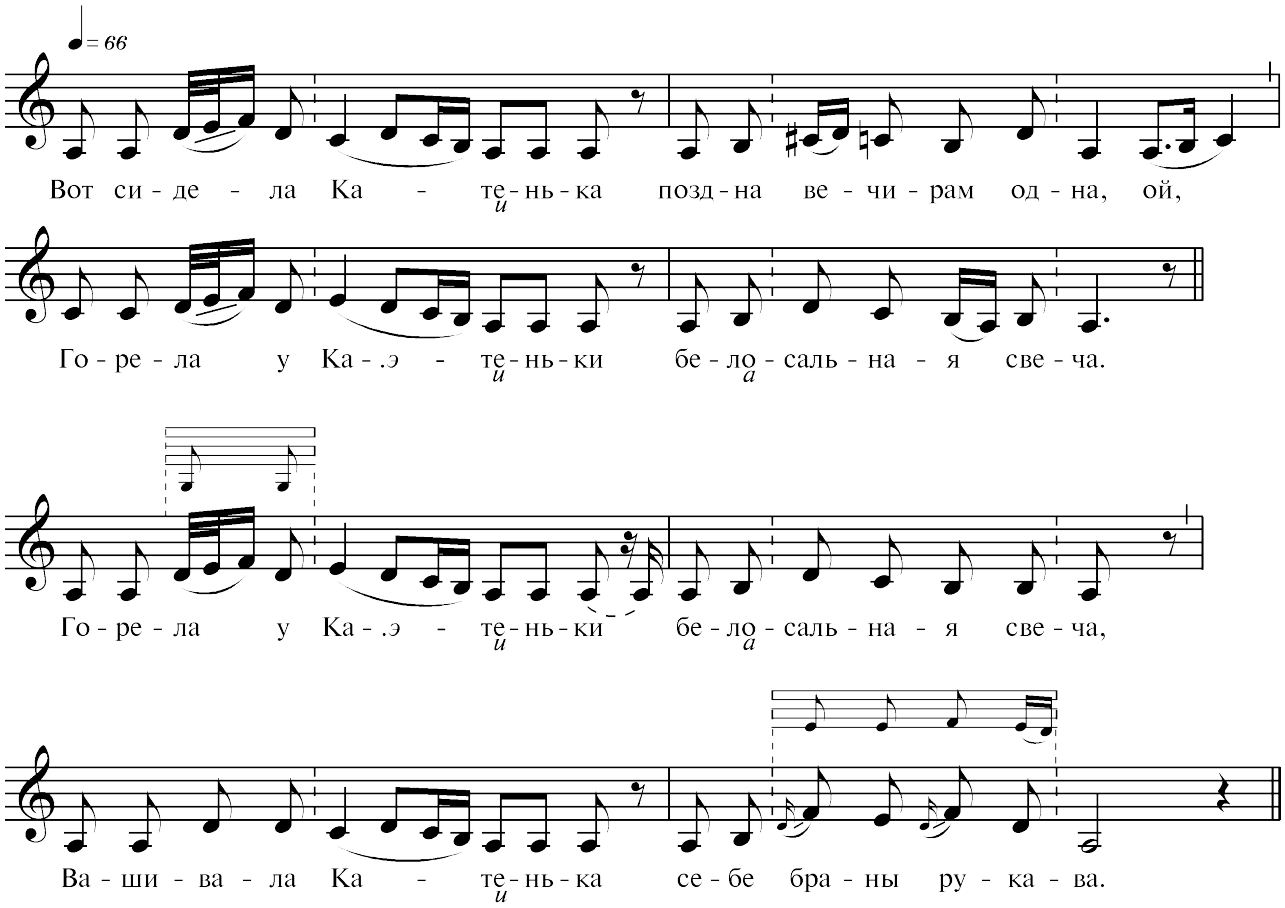
Вышивши рукавчики, са... сама к батюшки она пошла, *эх*:
«Родимай ты мой батюшка ся... сядь, подумай-ка да ты со мной.

Родимай папашенька, ся... сядь, подумай-ка ты со мной». *Эх,*
«Дочка моя [Катенька, за... запишися да ты] в манастырь.

Дочка моя Катенька, [за... запишися да ты] в манастырь».
«Родимай ты мой батюшка, в ма... манастырь я очень малода.

«Родимай ты мой батюшка, в ма... манастырь я очень малода, *ох*,
Келью я да там я изломаю, ма... манастырь я разобью.

Келью я да там изломаю, ма... манастырь я разобью, *эх*,
А на старой игумене тёмная платья а я изорву».

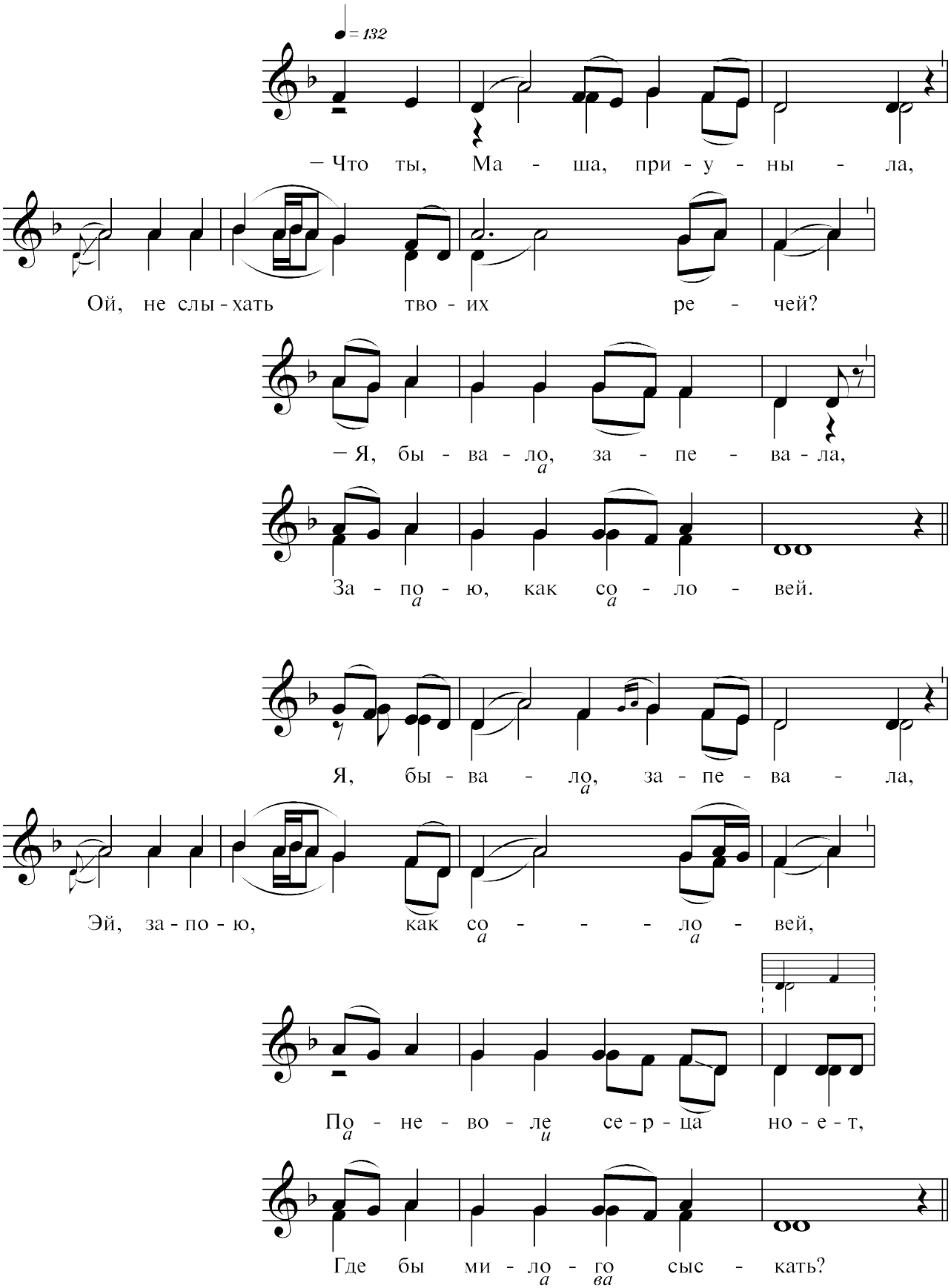
150.

Вот сидела Катинька поздна вечирам одна, ой,
Горела у Катиньки беласальная свеча.

Горела у Катиньки беласальная свеча,
Вашивала Катенька себе браны рукава.

Вашивала Катинька себе браны рукава,
Вышивши рукавчики в терим к батюшки пошла.

Вышивши рукавчики в терим к батюшки пошла:
«Родимай мой батюшка, сядь, подумый-ка со мной.

Родимай мой батюшка, сядь, подумый-ка со мной,
Ты со мною с горькаю, со мной, горькай сиротой».

151.

♩ = 132
– Что ты, Ма - ша, при - у - ны - ла,
Ой, не слы - хать тво - их ре - чей?
– Я, бы - ва - ло, за - пе - ва - ла,
За - по - ю, как со - ло - вей.
Я, бы - ва - ло, за - пе - ва - ла,
Эй, за - по - ю, как со - - - ло - вей,
По - не - во - ле се - р - ца но - е - т,
Где бы ми - ло - го сыс - кать?

— Что ты, Маша, приуныла,
Ой, не слыхать твоих речей?
— Я, бывало, запевала,
Запою, как соловей.

Я, бывало, запевала,
Эй, запою, как соловей,
Поневоле сер[д]ца ноет,
Где бы милого сыскать?

Поневоле сер[д]ца ноет,
Ой, где ба милого сыскать?
Где ба мне его сыскать,
Размилого увидать.

Где ба мне его сыскать да
Ой, размилого увидать,
Размилого, прежнего,
Своего любезного.

Размилого, прежнего да
Ой, своего любезного,
Пущай люди многих любют,
А я в свети одного.

Пущай люди многих любют,
Ох, а я в свети одного,
А я в свети одного,
Век страдаю за него.

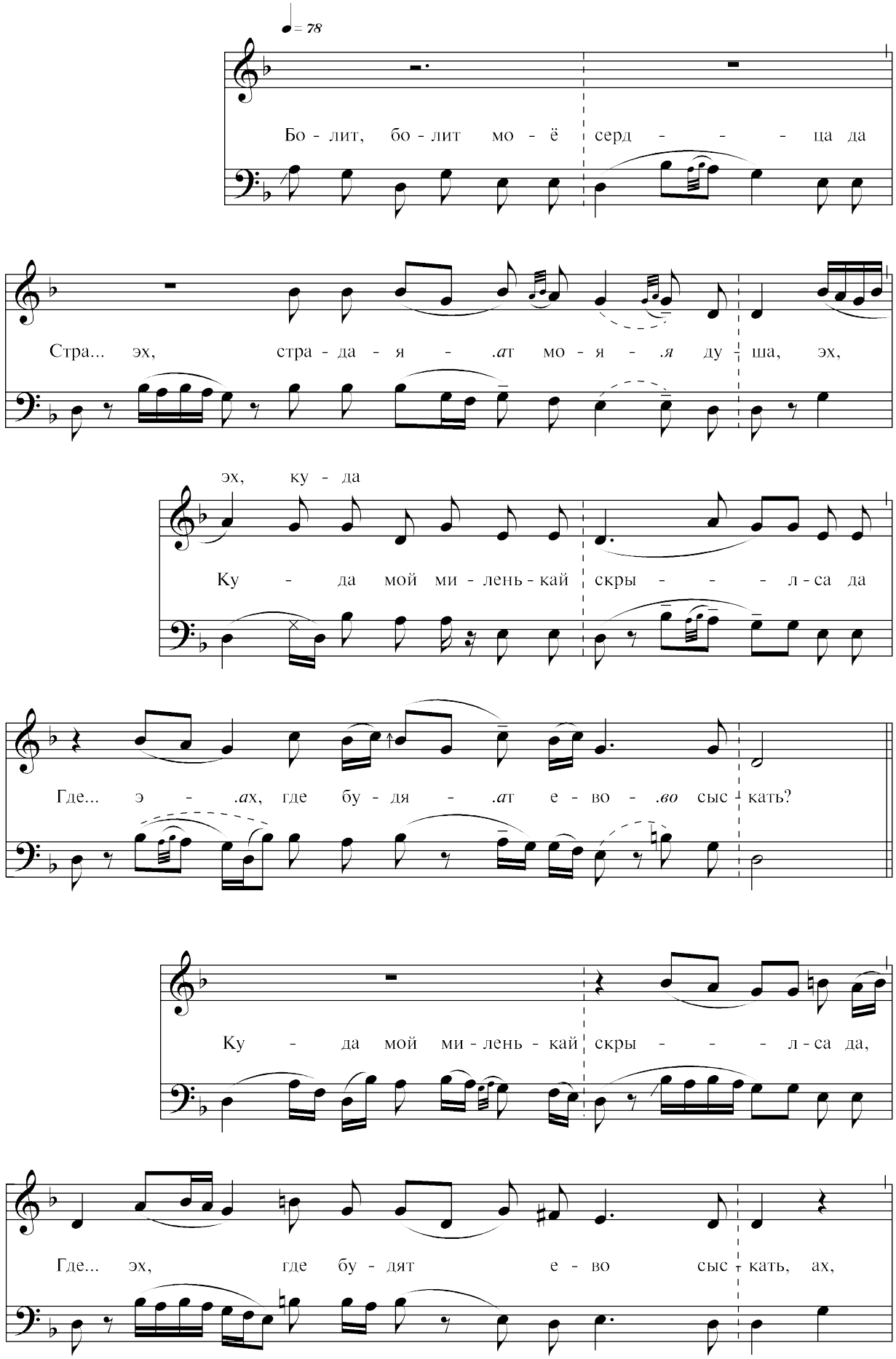
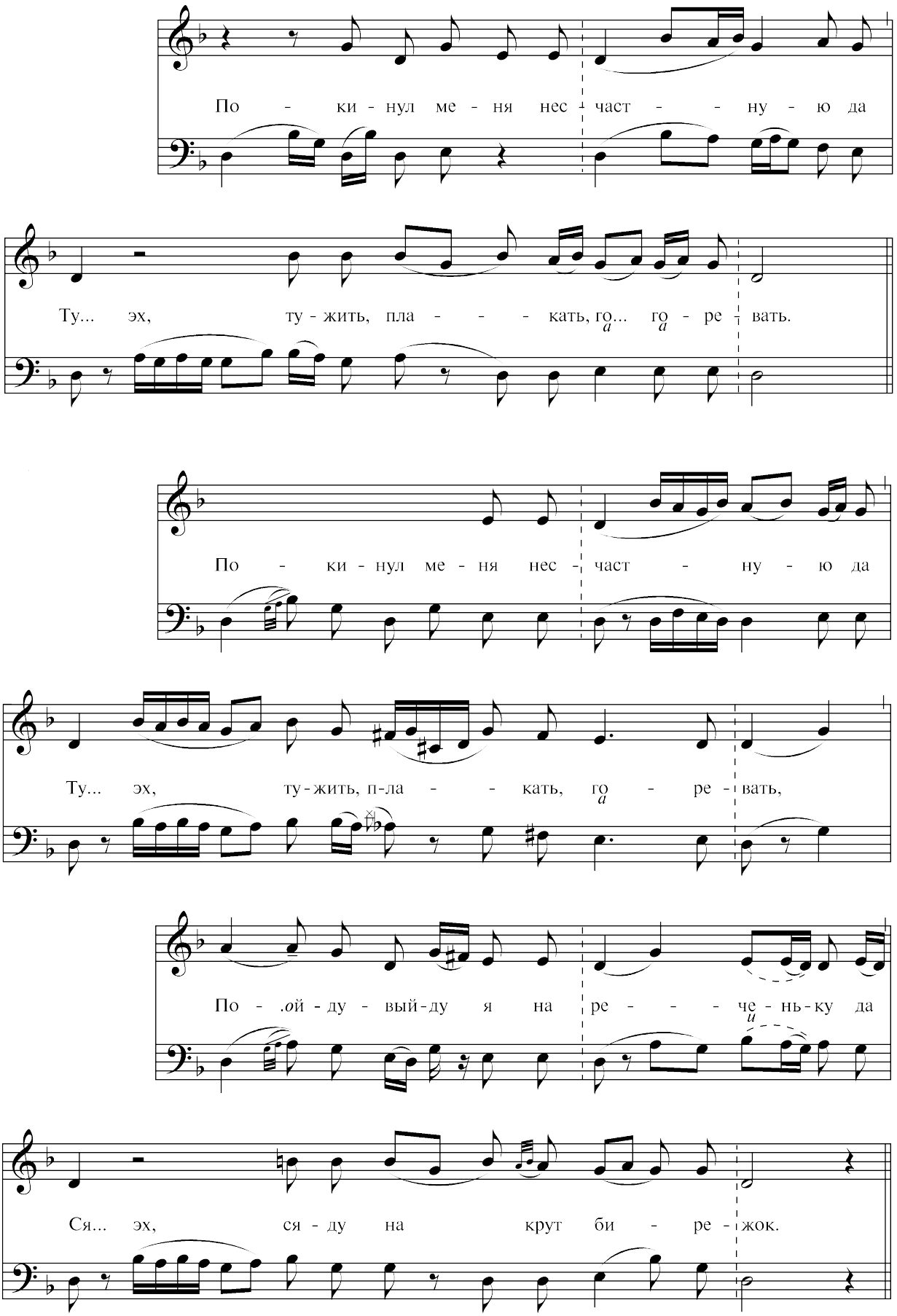
А я в свети одного да
Ой, век страдаю за него,
Я страдаю, сама знаю,
Утчего сердца болит.

Я страдаю, сама знаю,
Ой, утчего сердца болит.
Отчего оно болит,
Хочет милай позабыть.

Отчего оно болит,
Ой, хочет милай позабыть.
Он забыть-то не забыл,
А другую полюбил.

Он забыть-то не забыл,
Сам... сам другую полюбил,
Он другую, городскую
Манюшеньку-душеньку.

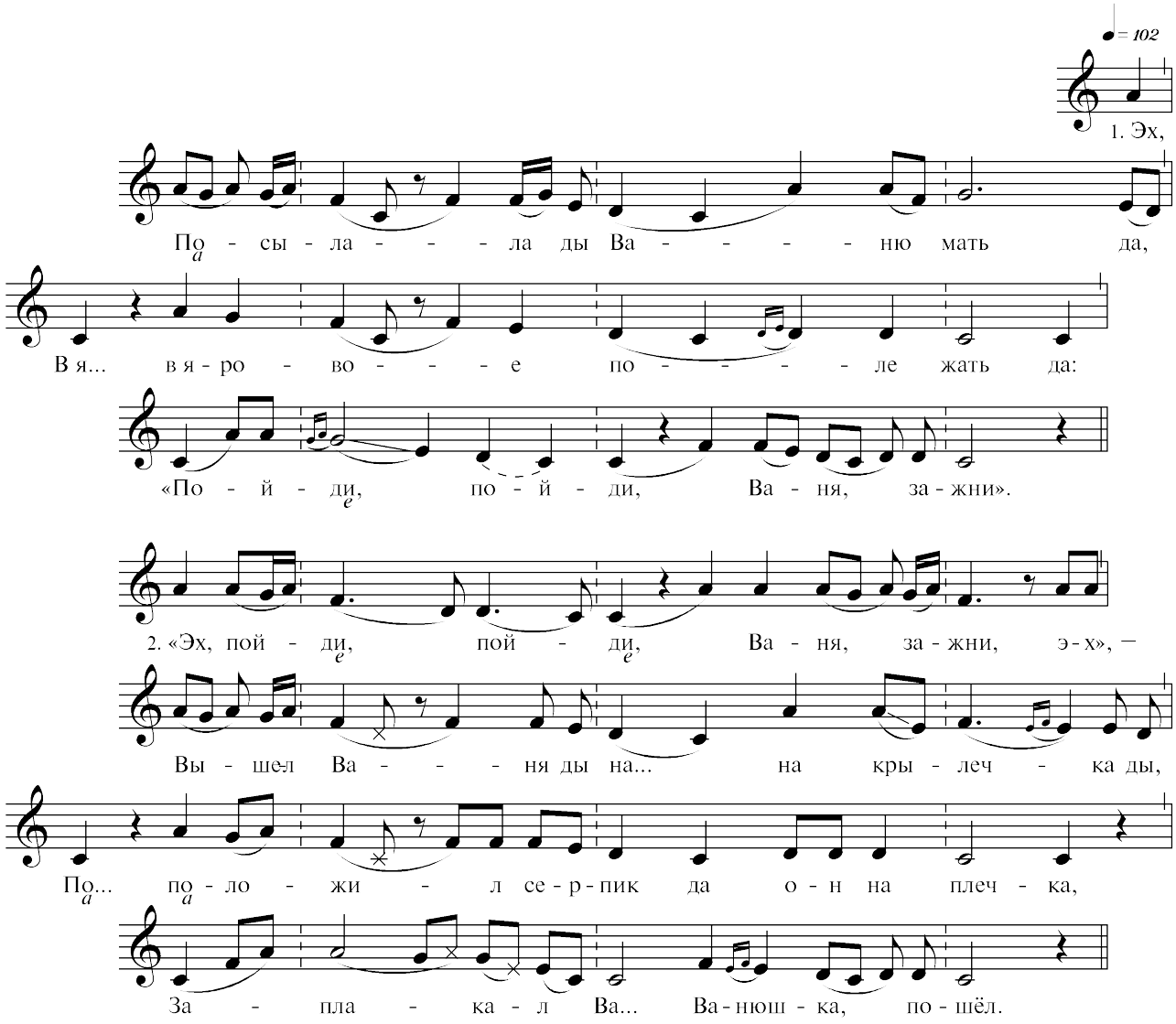
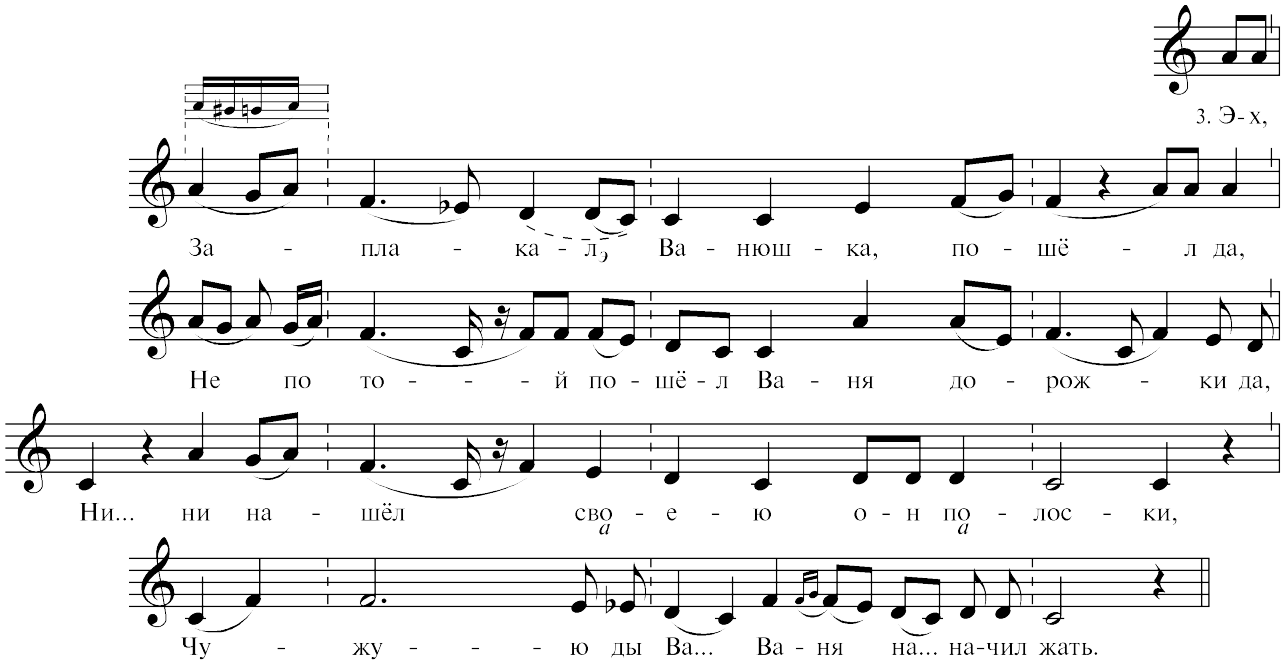
Он другую, городскую
Ой, Манюшеньку-душеньку.
— Манюшенька-душенька,
С кем гуляешь, с кем живёшь?

152.

♩ = 78
Бо - лит, бо - лит мо - ё серд - - - ца да
Стра... эх, стра - да - я - .ат мо - я - .я ду - ша, эх,
эх, ку - да
Ку - да мой ми - лень - кай скры - - - л - са да
Где... э - .ах, где бу - дя - .ат е - во - .во сыс - кать?
Ку - да мой ми - лень - кай скры - - - л - са да,
Где... эх, где бу - дят е - во сыс - кать, ах,

По - ки - нул ме - ня нес - част - - ну - ю да
Ту... эх, ту - жить, пла - - - кать, го... го - ре - вать.
По - ки - нул ме - ня нес - част - ну - ю да
Ту... эх, ту - жить, п-ла - - кать, го - ре - вать,
По - .ой - ду - вый - ду я на ре - - - че - нь - ку да
Ся... эх, ся - ду на крут би - ре - жок.

Болит, болит моё сердца да
Стра... эх, страдаят моя душа, эх,
Куда мой миленькай скрылса да
Где... эх, где будят ево сыскать?

Куда мой миленькай скрылса да,
Где... эх, где будят ево сыскать, ах,
Покинул меня несчастную да
Ту... эх, тужить, плакать, га... гаревать.

Покинул меня несчастную да
Ту... эх, тужить, плакать, гаревать,
Пойду-выйду я на речиньку да
Ся... эх, сяду на крут бирежок.

153.

Эх,
Посылала ды Ваню мать да,
В я... в яровое поле жать да:
«Пойди, пойди, Ваня, зажни».

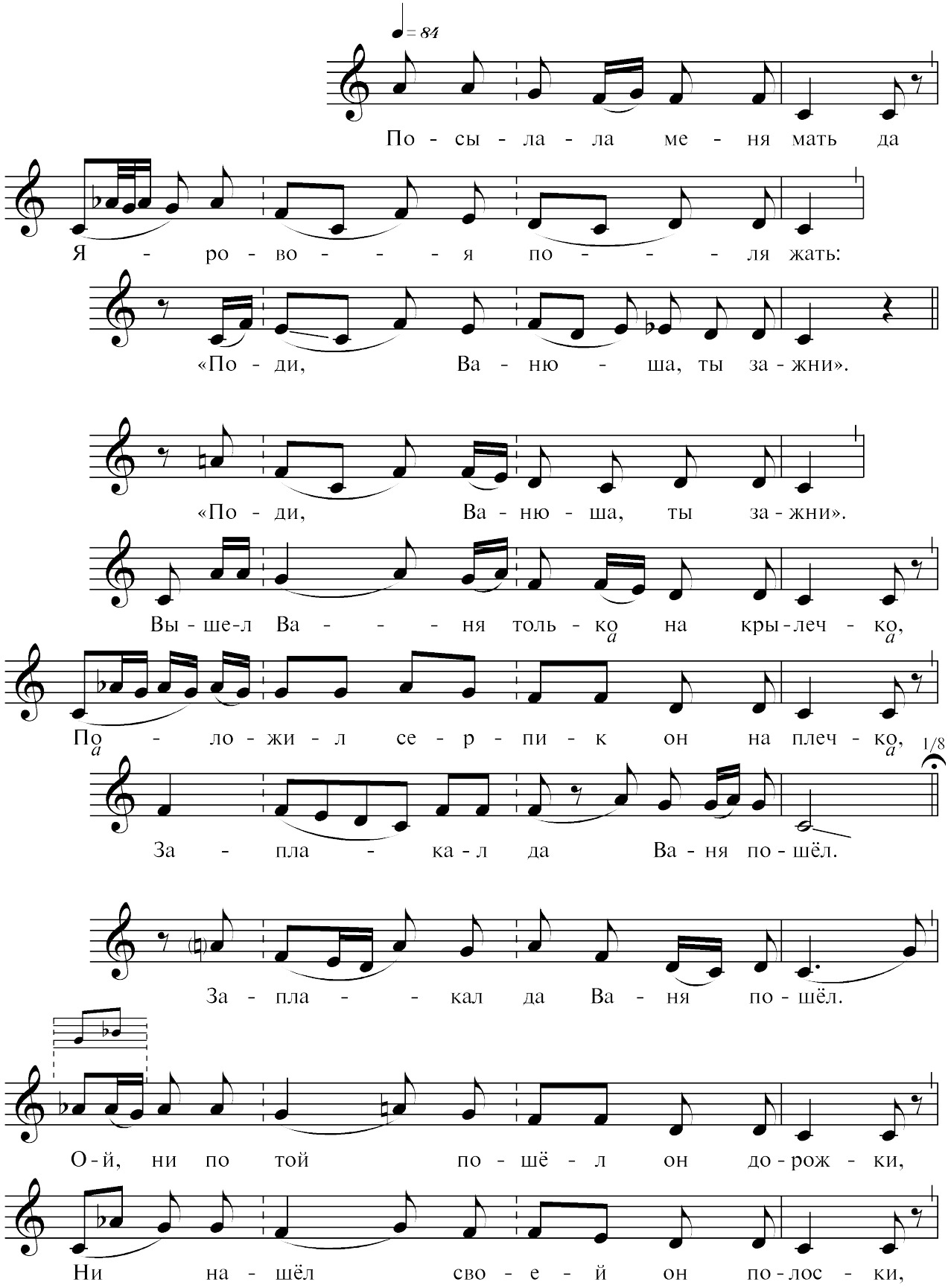
«Эх, пойди, пойди, Ваня, зажни, эх», —
Вышел Ваня ды на... на крылечка ды,
По... положил серпик да он на плечка,
Заплакал Ва... Ванюшка, пошёл.

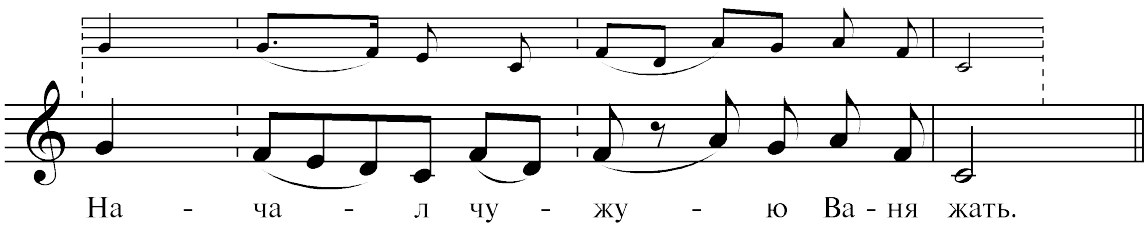
Эх,
Заплакал Ванюшка, пошёл да,
Не по той пошёл Ваня дорожки да,
Ни... ни нашёл своею он полоски,
Чужую ды Ва... Ваня на... начил жать.

Эх, чужую Ваня начал жать,
Он жать-то ды не... ни нажал да,
До... долго с Машею он простоял да,
Единый снопик он связал.

Эх, единый снопик он связал,
А другой-та ды ра... ради скуки,
Он обрезал серпом руки,
Пошла, пошла у Ванюши кровь.

Эх, пошла, пошла у Ванюши кровь да,
Ни... ни далёко ды Ма... Маша жала,
Вско... вскори к Ване она подбежала:
Уймись, уймись у Ванюши кровь.

154.

♩ = 84
По - сы - ла - ла ме - ня мать да
Я - ро - во - - - я по - - - ля жать:
«По - ди, Ва - ню - ша, ты за - жни».
«По - ди, Ва - ню - ша, ты за - жни».
Вы - ше-л Ва - - - ня толь - ко на кры - леч - ко,
По - ло - жи - л се - р - пи - к он на плеч - ко,
1/8
За - пла - ка - л да Ва - ня по - шёл.
За - пла - - кал да Ва - ня по - шёл.
О - й, ни по той по - шё - л он до - рож - ки,
Ни на - шёл сво - е - й он по - лос - ки,



Посылала меня мать да
Яровоя поля жать:
«Поди, Ванюша, ты зажни».

«Поди, Ванюша, ты зажни».
Вышел Ваня толька на крылечка,
Паложил серпик да он на плечка,
Заплакал да Ваня пошёл.

Заплакал да Ваня пошёл.
Ой, ни по той пошёл он дорожки,
Ни нашёл своей он полоски,
Начал чужую Ваня жать.

Начал чужую Ваня жать.
А он жать-то не нажал да,
Со любезной своей прастоял,
Один снопик он нажал.

Один снопик Ваня нажал,
Эх, а второй-от, ради скуки.
Он обрезал серпом руку,
Пошла урезная кровь.

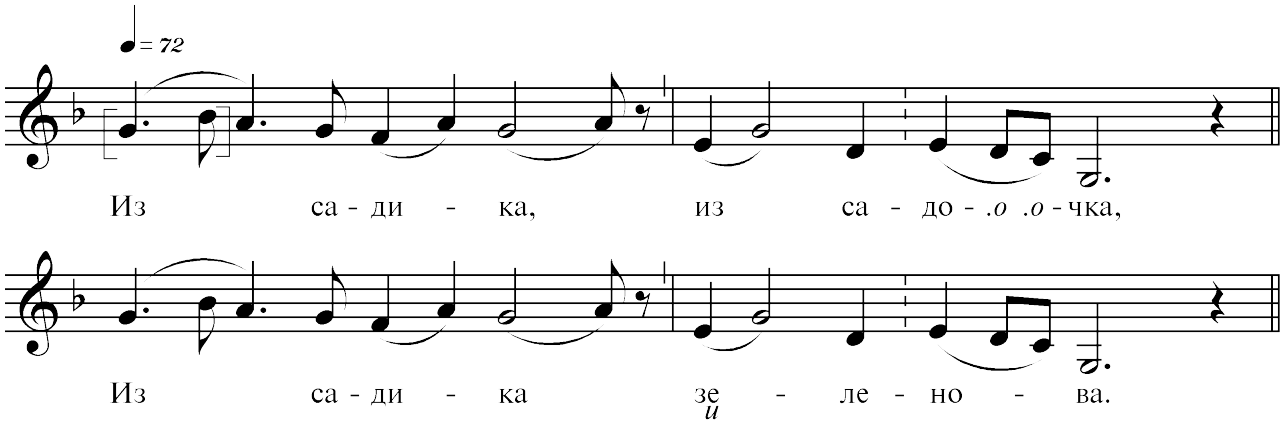
Пошла урезная кровь.
Ох, недалёка Маша жала,
Платком руку Ване завязала:
Уймись, урезная кровь!

Уймись, урезная кровь!.
Отец с матерью стоят,
Всё про Ваню оне гаворят,
Домой, домой Вани велят.

— Вся... Рюмочку бы — глядишь, получше было!

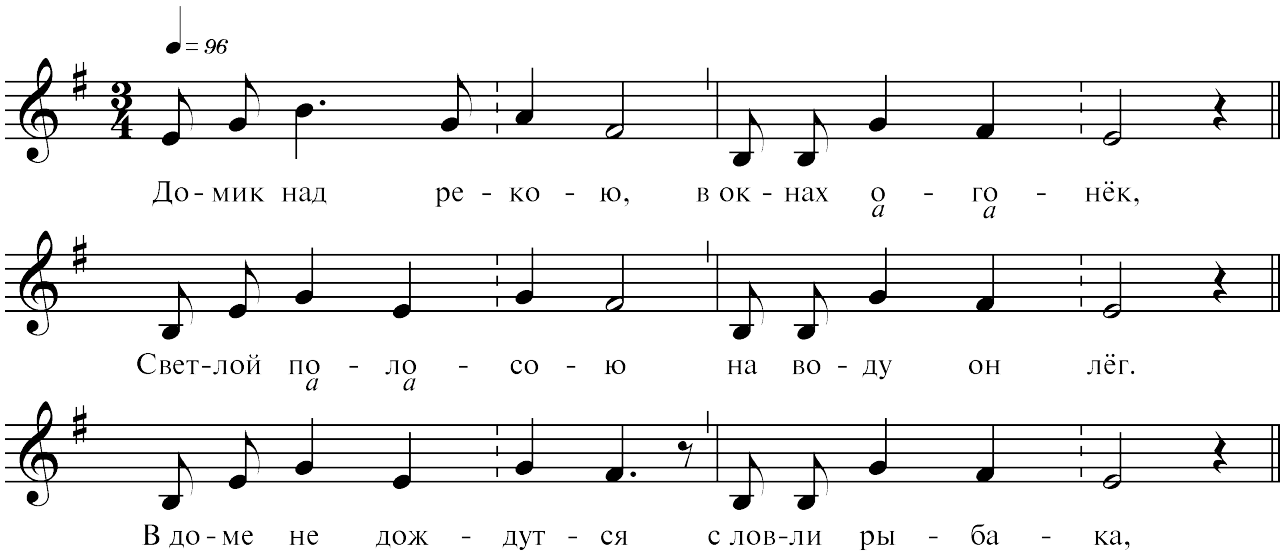
РОМАНСЫ И НОВЫЕ БАЛЛАДЫ

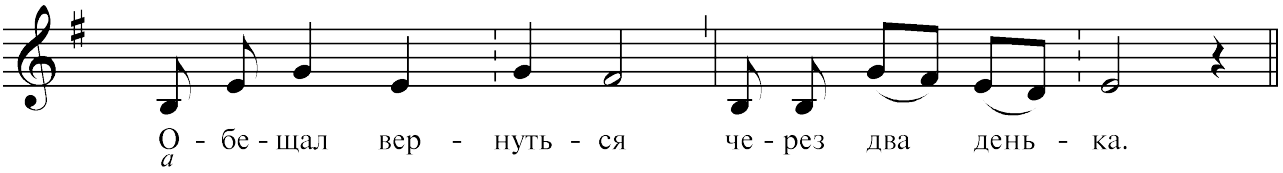
155.



Из садика, из садочка,
Из садика зиленова.
Вылетал там соловушек,
Вылетал там молоденькай.
А я за ним, кинарейка,
А я за ним, маладая,
Соловушка варачала:
«Варотись ты соловушек,
Варотись ты малоденький!»

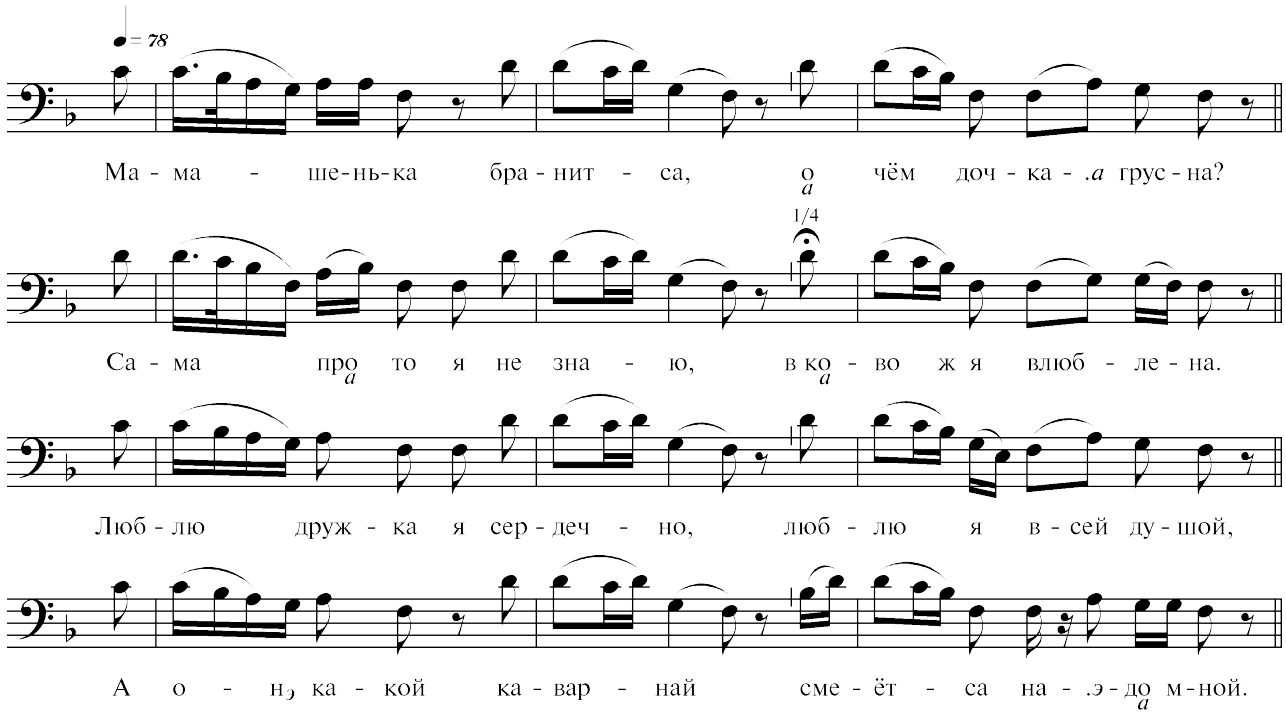
156.





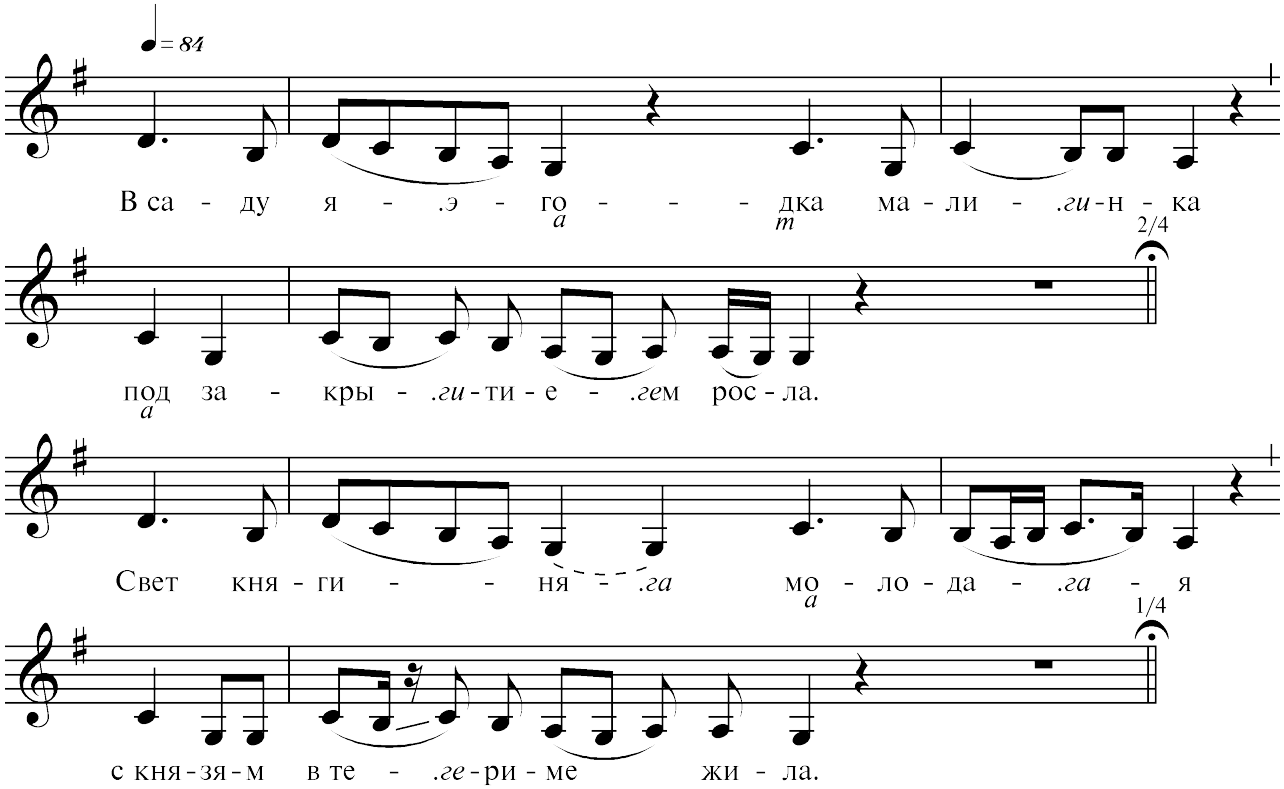
Домик над рекою, в окнах огонёк,
Светлой полосою на воду он лёг.
В доме не дождутся с ловли рыбака,
Обещал вернуться через два денька.
Вот прошёл уж третий, а его всё нет.
Ждёт жена и дети, ждёт и старый дед.
Вот сели за ужин — им не до еды:
Как бы в самом дели не было беды.
Лодочка несётся, а ещё на ней
Голос раздается все слышней, слышней.

157.

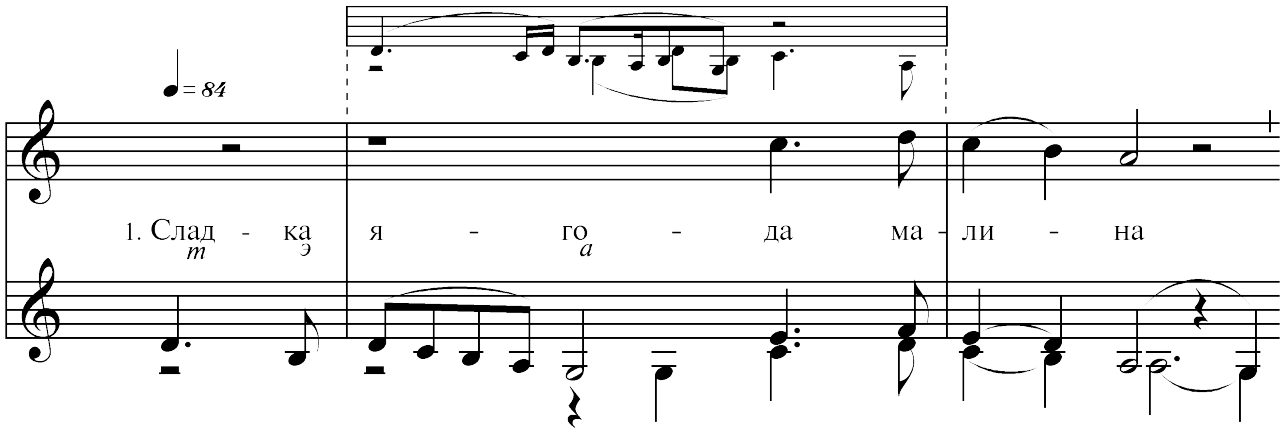
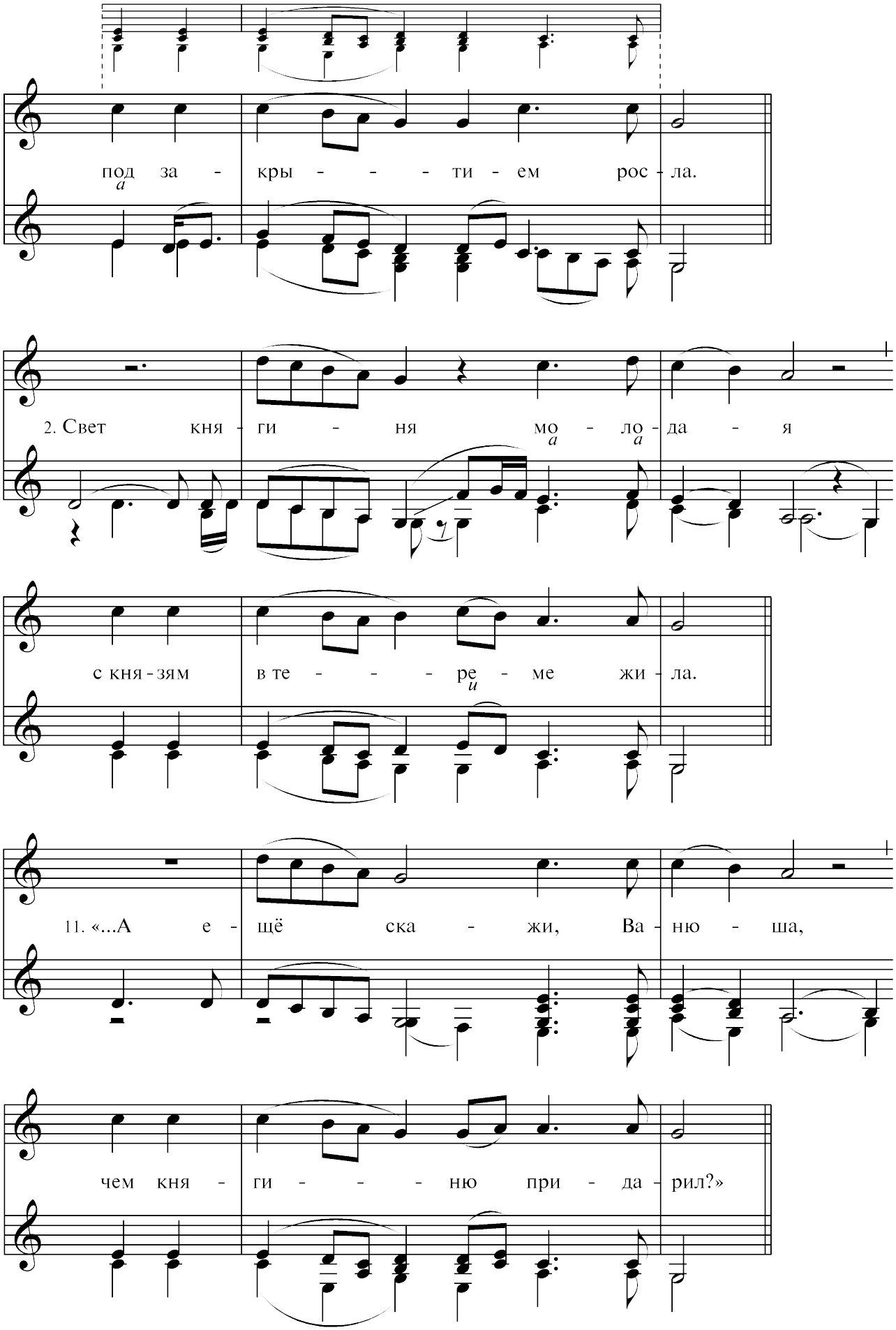


Мамашенька бранится, о чём дочка грус[т]на?
Сама про то я не знаю, в ково ж я влюблена.
Люблю дружка я сердечно, люблю я всей душой.
А он, какой коварнай, смеётса надо мной.
Не смейсь, не смейсь, мой милай, не смейся надо мной.
Тебя Господь накажет несчастною судьбой.
Несчастною судьбою, коварною женой.
Не в поле ль ветер воет, военнай гром гремит,
Никто так не сражался, как милай на войне.
Он пули не боялся, всё думал обо мне.
Одна пуля, злодейка, пронзила милке грудь.
Шинель его, фуражка на кустике висит,
А тело его бело под кустиком лежит.

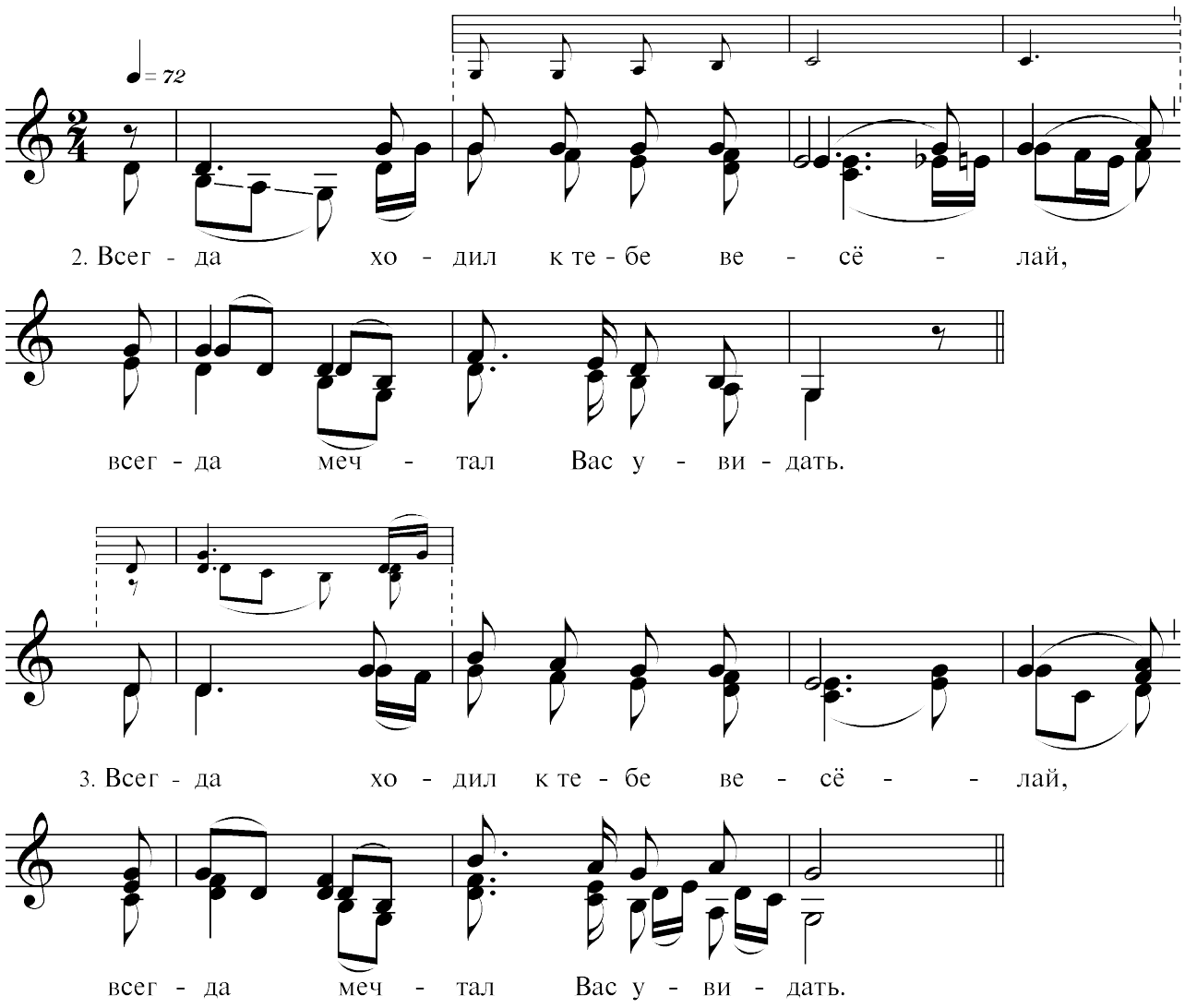
158.



В саду ягадка малинка пад закрытием росла.
Свет-княгиня малодая с князям в териме жила.
А у князя был слугою Ванька-ключник молодой.
Ванька-ключник, злой разлучник, разлучил князя с женой.
Князь дознался, догадался, посадил Ваньку в тюрьму.
Посадил он на неделю, просидел Ванюша год.
«Ой вы слуги мое, слуги, слуги верные мои,
Вы подите, приведите, Ваньку ключника ко мне!»
Вот ведут, ведут Ванюшу на шелковом поясу,
На нём белая рубашка, витерочек кудри вьёт.
«Ты скажи, скажи, Ванюша, сколько лет с княгиняй жил?»
«Только знает грудь моя, рубашка, да подушка пухова».

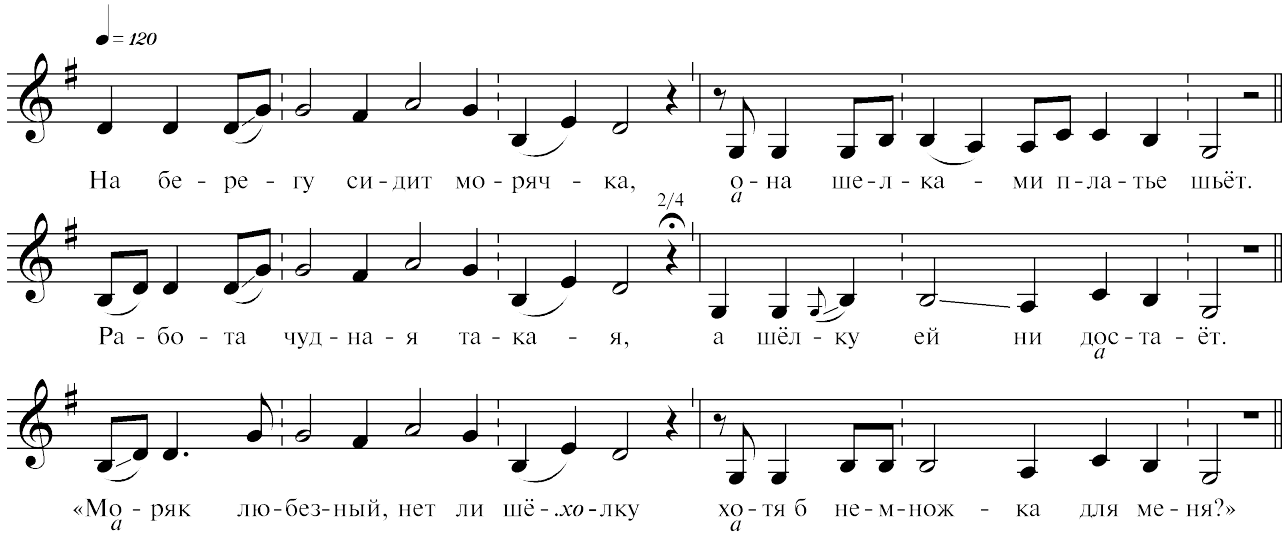
159.

под за - кры - - - - ти - ем рос - ла.
2. Свет кня - ги - ня мо - ло - да - я
с кня - зям в те - - - - ре - ме жи - ла.
11. «...А е - щё ска - жи, Ва - ню - ша,
чем кня - ги - - - - ню при - да - рил?»

Сладка ягада малина пад закрытием росла.
Свет княгиня маладая с князям в териме жила.
А у князя да был слугою Ванька-ключник молодой, ой,
Ванька-ключник, злой разлучник, разлучил князя с женой.
Князь дозналса, догадалса, посадил Ваньку в тюрьму.
«Уж вы слуги мое, слуги, слуги верные мое,
Вы подите, приведите, Ваньку-ключника ко мне».
Вот ведут, ведут Ванюшу на широкай большой двор.
А у В*а*нюшки кудерки развевает витерком.
Стал князь спрашивать Ванюшу: «Сколько лет с княгиней жил?
А ещё скажи, Ванюша, чем княгиню придарил?»
«Я не даривал княгиню, я не златом, ни сребром».
Подарил Ванька княгиню своей белой головой.
Ванька гнётся, да и качатся как былинка на меже,
А княгиня в это время умирает на ноже.

160.

А вспомни, милка дорогая, как начинали мы гулять.
А вспомни, милка дорогая, как начинали мы гулять.
Всегда ходил к тебе весёлай, всегда мечтал Вас увидать.
Всегда ходил к тебе весёлай, всегда мечтал Вас увидать.

Вошёл в деревню — было тихо, нигде не видно угонька.
Вошёл в деревню — было тихо, нигде не видно угонька.
С её я домом паровнялся, она сидела у окна.
С её я домом паровнялся, она сидела у окна.
Сидит, мамашу умоляет: «Пусти на улицу гулять».
Сидит, мамашу умоляет: «Пусти на улицу гулять,
Сегодни пр***и***дёт ко мне милай, его мне надо увидать,
Сегодни пр***и***дёт ко мне милай, его мне надо увидать».
«Поди, гуляй, дочка, недолга, а то не буду отпирать,
Поди, гуляй, дочка, недолга, а то не буду отпирать».
Вдруг шумна, двери заскрипели, наверна милая идёт.
Вдруг шумна, двери заскрипели, наверна милая идёт.
Ко мне, весёлая, подходит, гулять по улице зовёт,
Ко мне, весёлая, подходит, гулять по улице зовёт:
«Хочу, залётычка, признаться, кончаю с Вами я гулять,
Хочу, залётычка, признаться, кончаю с Вами я гулять».
«Так разрешите, дорогая, последняй раз поцыловать,
Так разрешите, дорогая, последняй раз поцыловать».
Последняй раз я поцелую, весёлай я домой пойду,
Последняй раз я поцелую, весёлай я домой дойду.
Приду домой, лягу на койку, мечтать я буду об одном,
Приду домой, лягу на койку, мечтать я буду об одном:
Зачем ты, милка, изменила, зачем покончила гулять,
Зачем ты, милка, изменила, зачем покончила гулять?
Зачем весёлыва мальчишку на век заставила страдать,
Зачем весёлыва мальчишку на век заставила страдать?

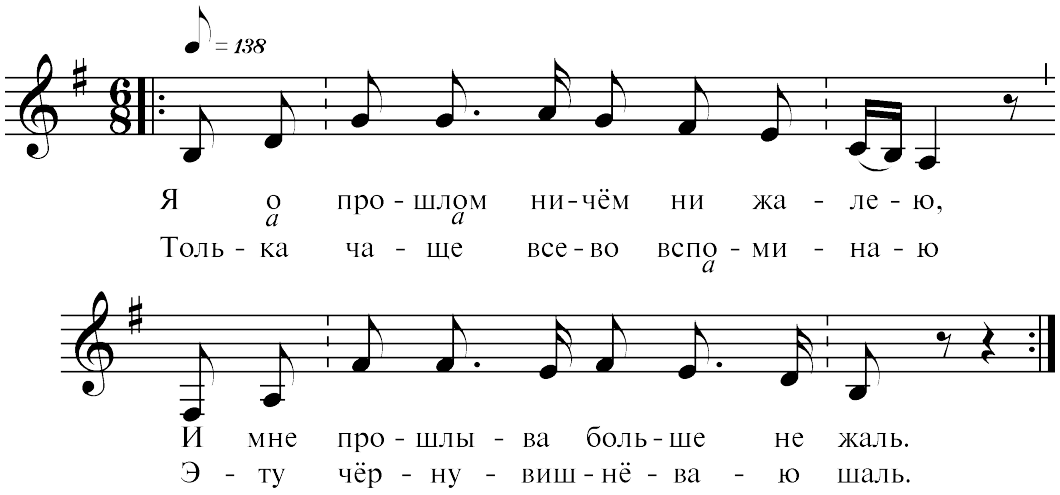
161.



На берегу сидит морячка, она шелками платье шьёт.
Работа чудная такая, а шёлку ей ни достаёт.
«Моряк любезный, нет ли шёлку, хотя б немножко для меня?»
«А как не быть такой красотке, у нас есть разные шелка:
У нас есть белый, самый нежный, который только для тебя,
У нас есть белый, самый нежный, который только для тебя.
Так постарайся, дорогая, ко мне на палубу взойти».
Она взошла, парус поднялся, моряк ей шёлку не даёт.

И про любовь, страну далёку, он песню громко ей поёт,
И про любовь, страну далёку, он песню громко ей поёт.
«Вези меня, моряк, на бериг, мне грустно от морской воды.
«Простой морячкой ты не будешь, а королевой будешь ты,
Простой морячкой ты не будешь, а королевой будешь ты».

162.



Я о прошлом ничём ни жалею,
И мне прошлыва больше не жаль.

Только чаще всего вспоминаю
Эту черну-вишневаю шаль.

В этой шали я с ним повстречалась,
В этой шали он руку мне жал.

Я стыдливо глаза закрывала,
А он нежно меня цыловал.

И зачем мы напрасно влюблялись,
И зачем мы напрасно клялись?

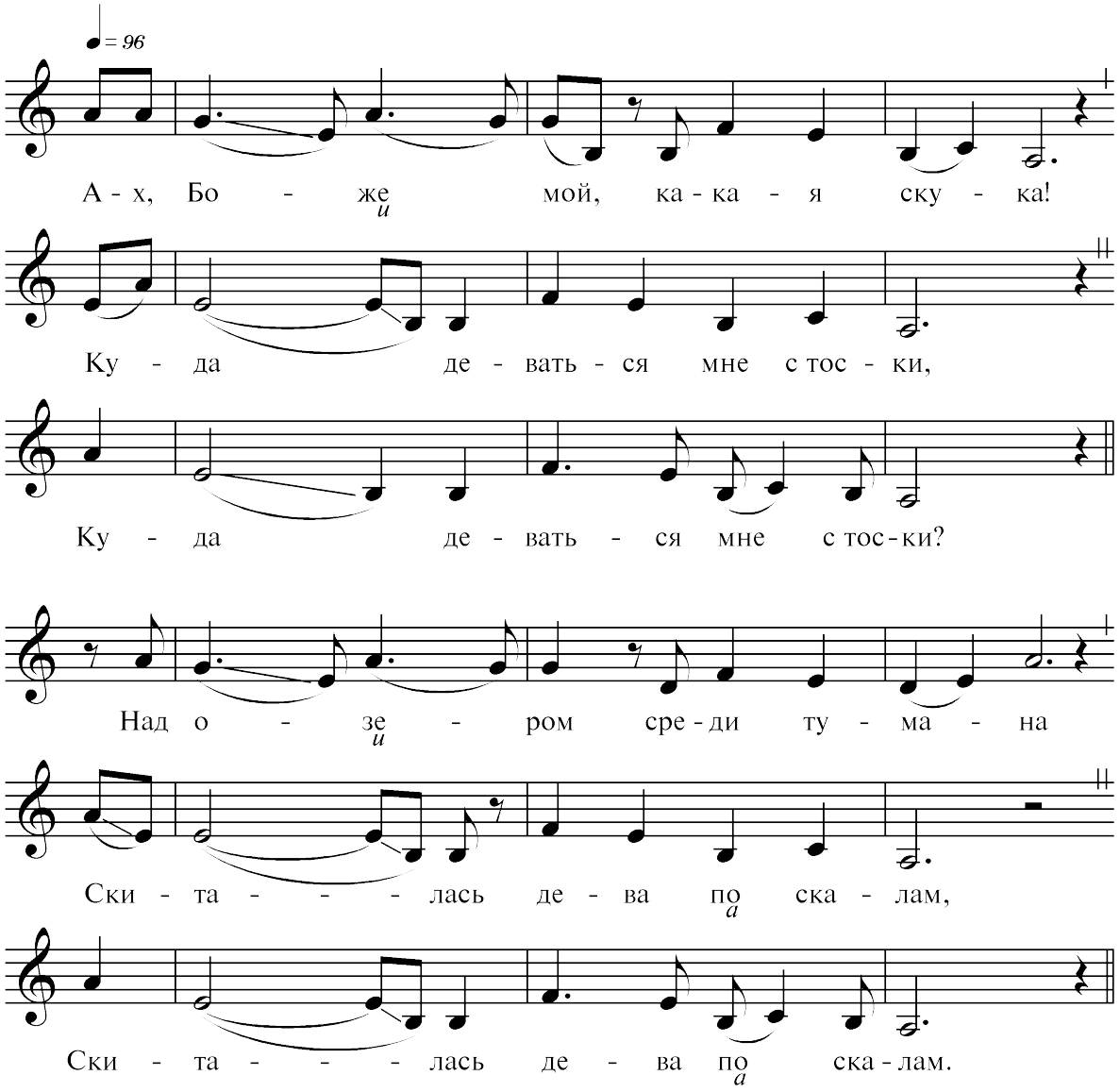
Все прошло, и он любит другую:
Как же быстро мы с ним разошлись!

Он сказал мне: «Прощай, дорогая,
Расставаться с тобою мне жаль.

Как идёт тебе, милая Маша,
Эта черно-вишневая шаль!»*

---

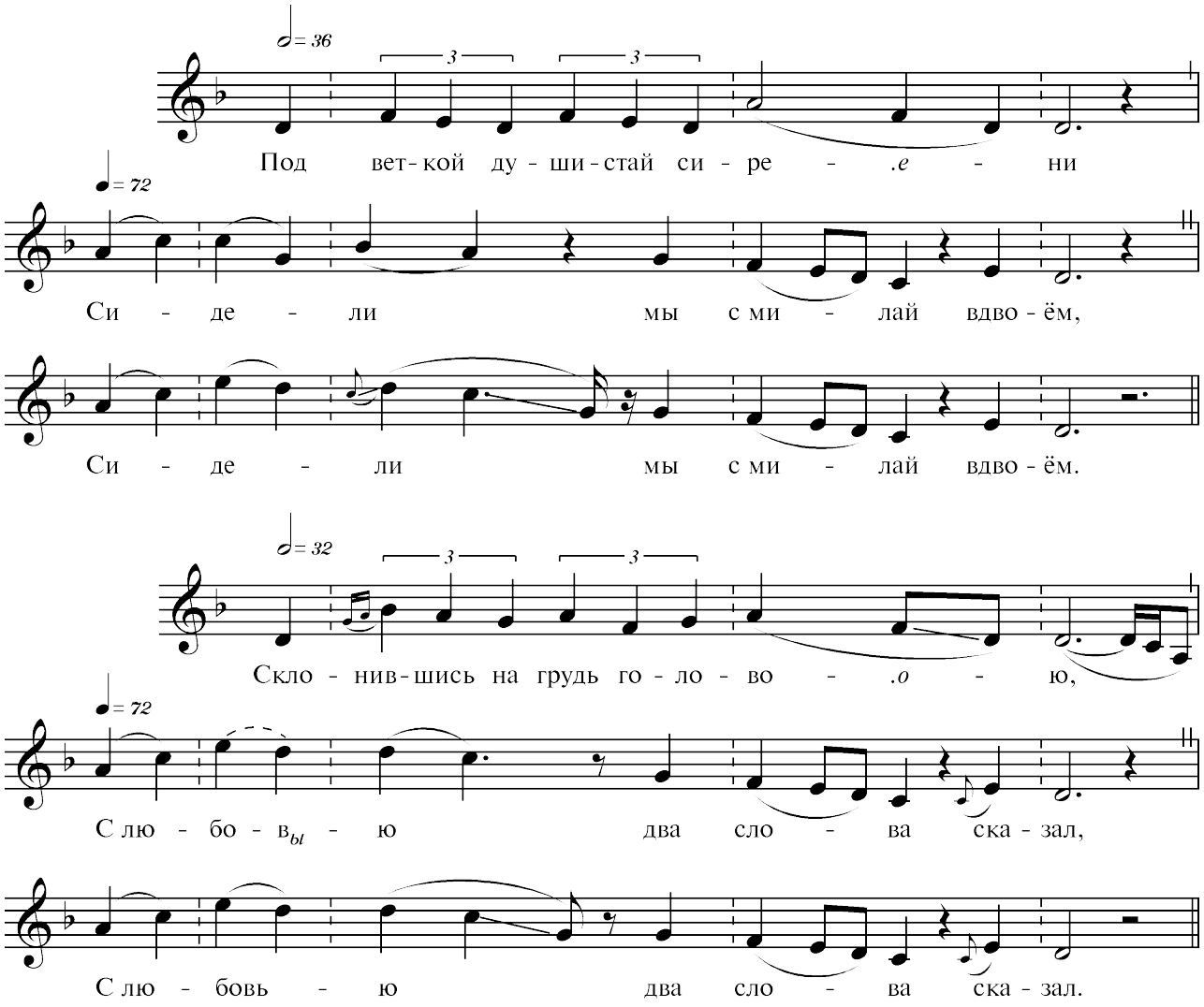
* Последняя строфа повторена дважды.

163.

Ах, Боже мой, какая скука!
Куда мне деваться мне с тоски,
Куда мне деваться мне с тоски?

Над озером среди тумана,
Скиталась дева по скалам,
Скиталась дева по скалам.

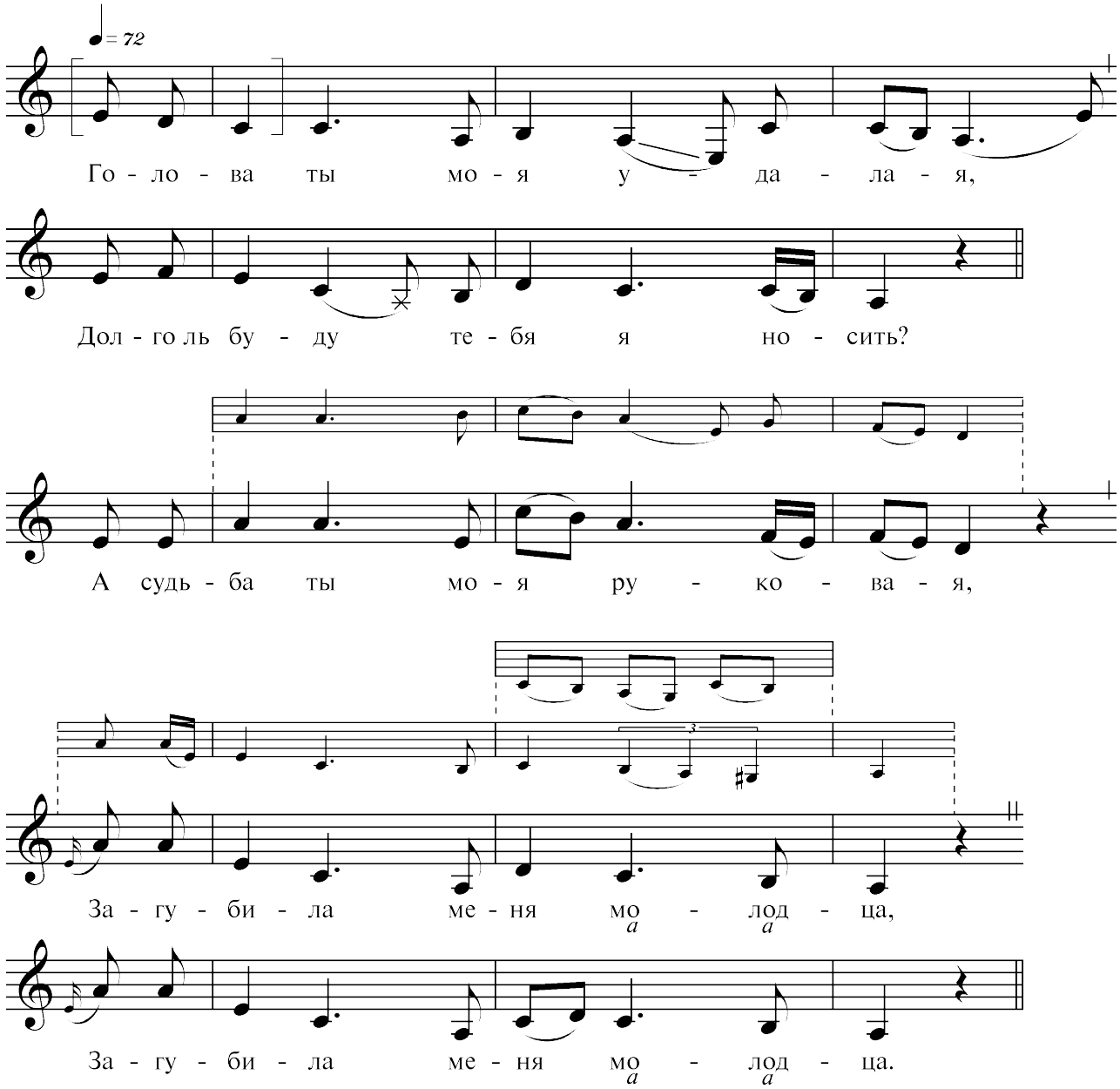
Кляла жестокыва тирана,
Хотела жизнь отдать волнам,
Хотела жизнь отдать волнам.

«Тиран, тиран, ты мой злой мучитель...»

164.

Под веткой душистай сирени
Сидели мы с милай вдвоём,
Сидели мы с милай вдвоём.

Склонившись на грудь головою,
С любовью два слова сказал,
С любовью два слова сказал:

«Поверь же, поверь, дорогая,
Всем сердцам увлёкся тобой,
Всем сердцам увлёкся тобой».

165.

[Голова ты] моя удалая,
Долго ль буду тебя я носить?

А судьба ты моя руковая,
Загубила меня молодца,
Загубила меня молодца.

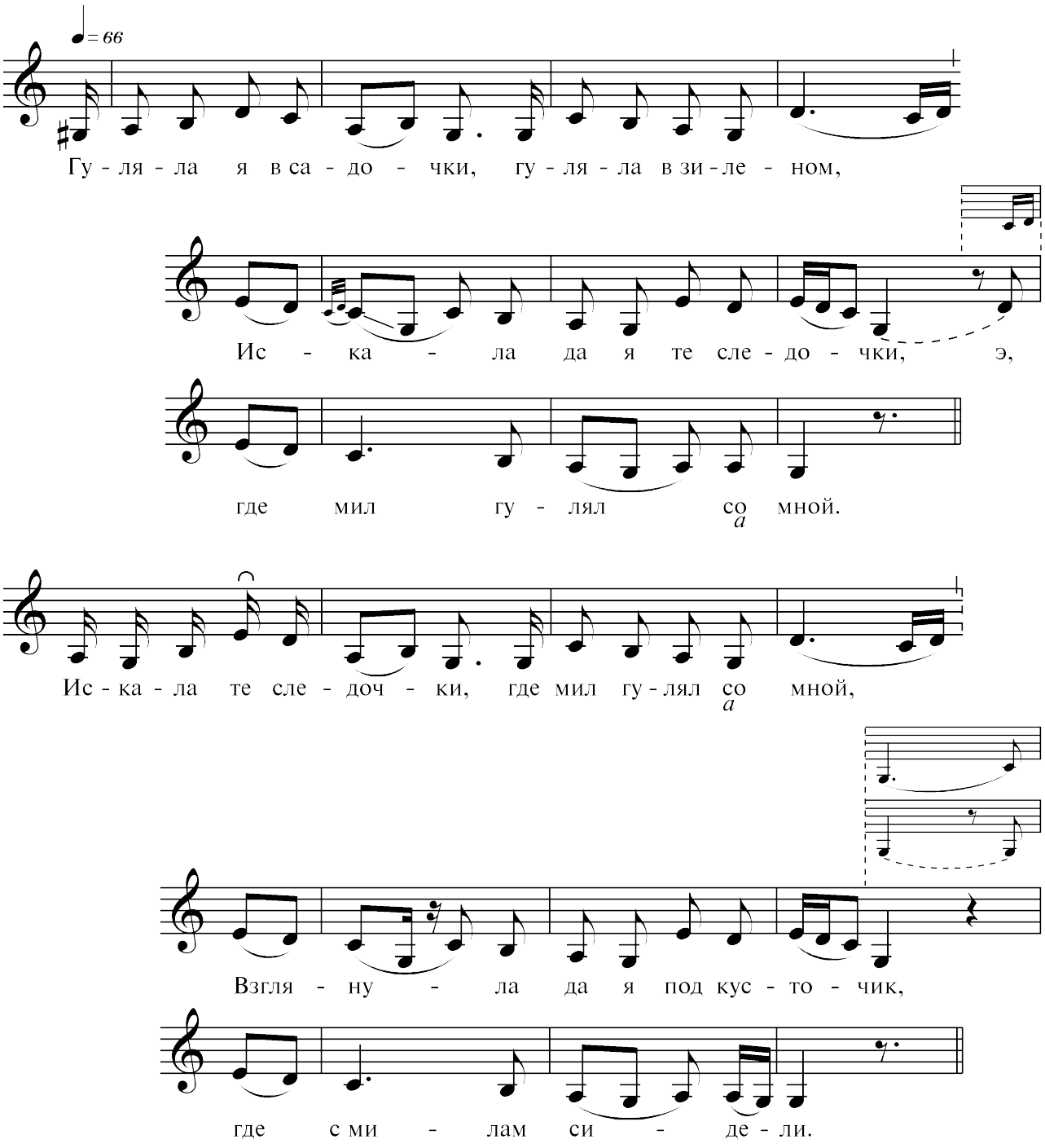
Молодецкаю жизнь загубила
И в неволю меня призвела,
И в неволю меня призвела.

Для чего ж я на свет уродился,
Для чего родила меня мать,
Для чего родила меня мать?

Для того, что б сидеть в этой клетке
И тюремнаю жизнь заклинать,
И тюремнаю жизнь заклинать.

Я помру на тюремной подушке,
Похоронют меня коя-как,
Похоронют меня коя-как.

А над этой моею могилкой
Не поплачет родимая мать.

166.

Гуляла я в садочки, гуляла в зиленом,
Искала да я те следочки, э, где мил гулял са мной.

Искала те следочки, где мил гулял са мной,
Взглянула да я под кусточик, где с милам сидели.

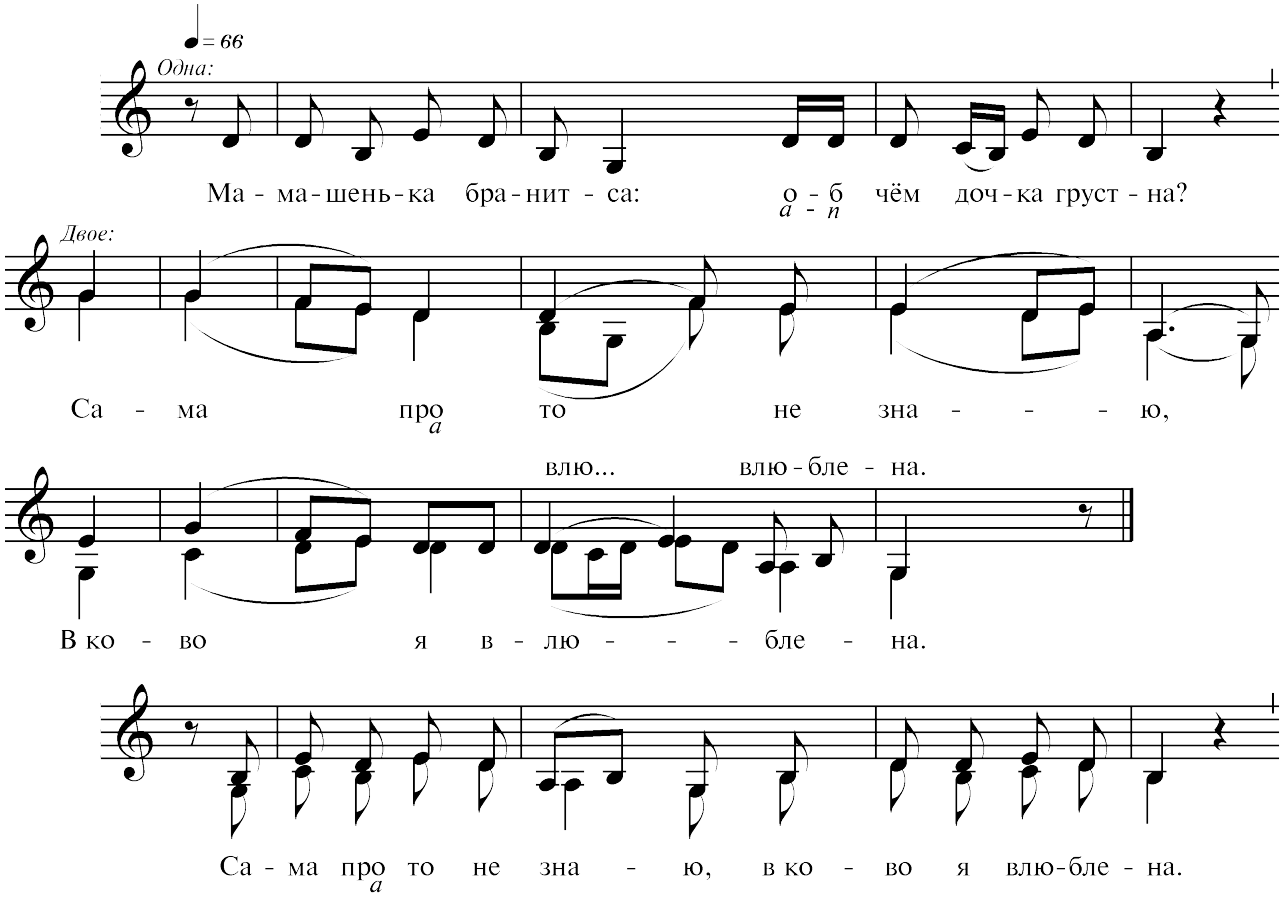
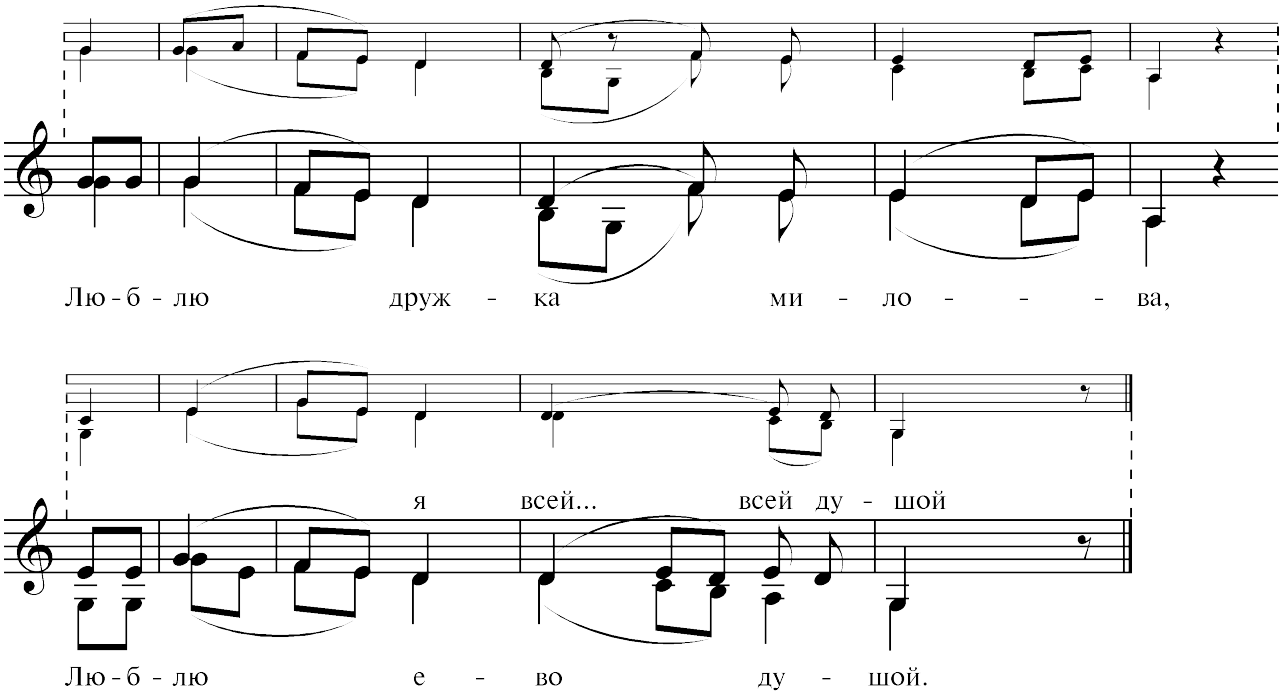
Взглянула под кусточик, где с милам сидели,
Летели да то две голубки, одна за [о]дной они гнались.

Летели две голубки, одна за [о]дной гнались,
Одна села да на яблонку, а другая на белаю грудь.

Одна села на яблонку, другая на белаю грудь,
А я, младёшенька, вздохнула: «А где ж мой милай друг?»

А я, младёшенька, вздохнула: «А где ж мой милай друг,
А где ж моя ты отрада, Серёжа дорогой?

А где ж моя отрада, Серёжа дорогой?»
Ходил гулять а он от стада, эх, на крутой би... бирежок.

167.



Мамашенька бранится, об чём дочка грустна?
Сама про то не знаю, в ково я влюблена.

Сама про то не знаю, в ково я влюблена.
Люблю дружка милова, люблю ево душой.

Люблю дружка милова, люблю я всей душой,
А он, такой неверная, смеётся над... надо мной.

А он, такой неверная, смеётся надо мной.
Не смейся, злой мальчишка, не смейся над... надо мной.

Не смейся, злой мальчишка, не смейся надо мной,
Тебя Господь накажет несчастною судьбой.

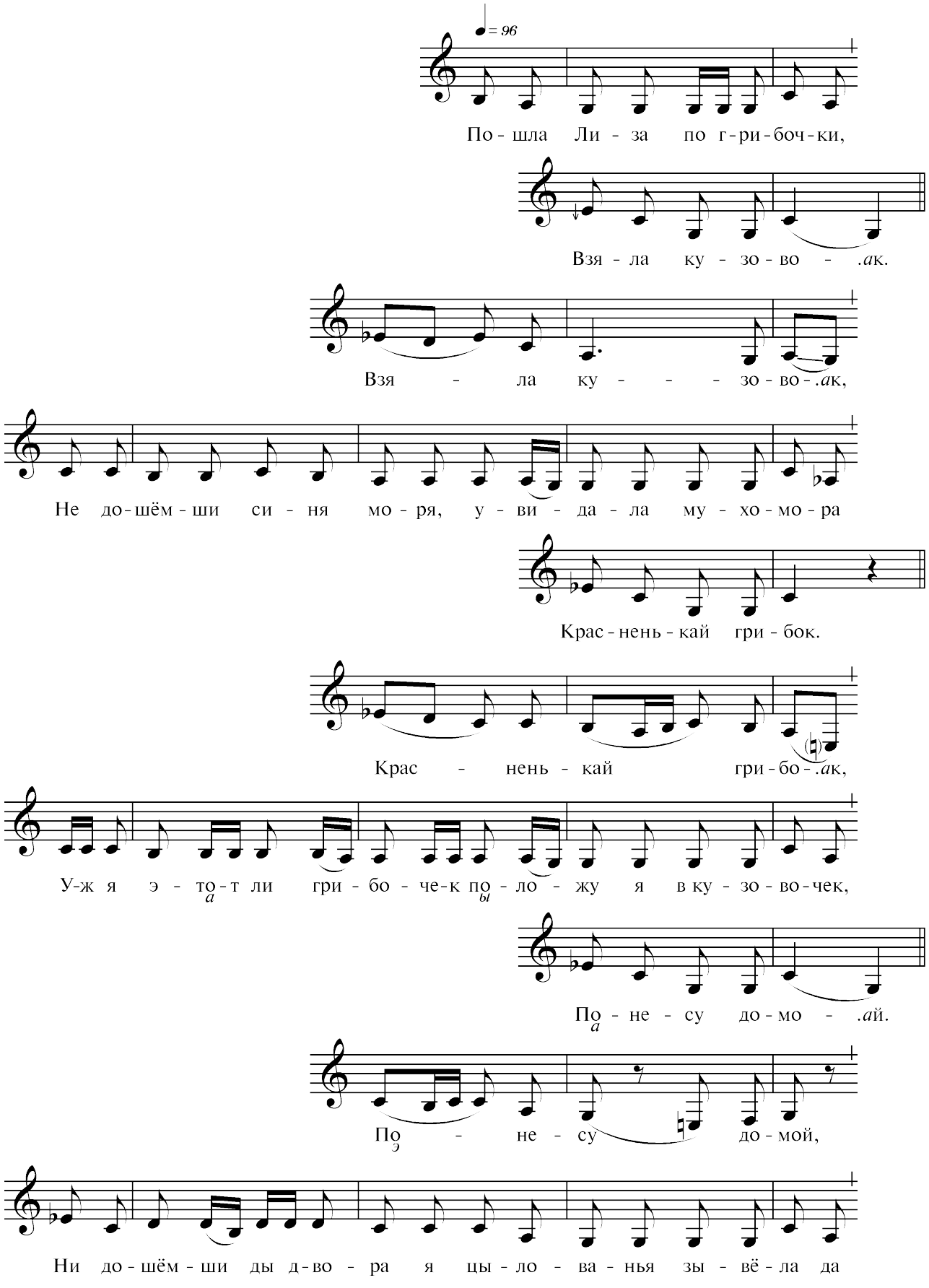
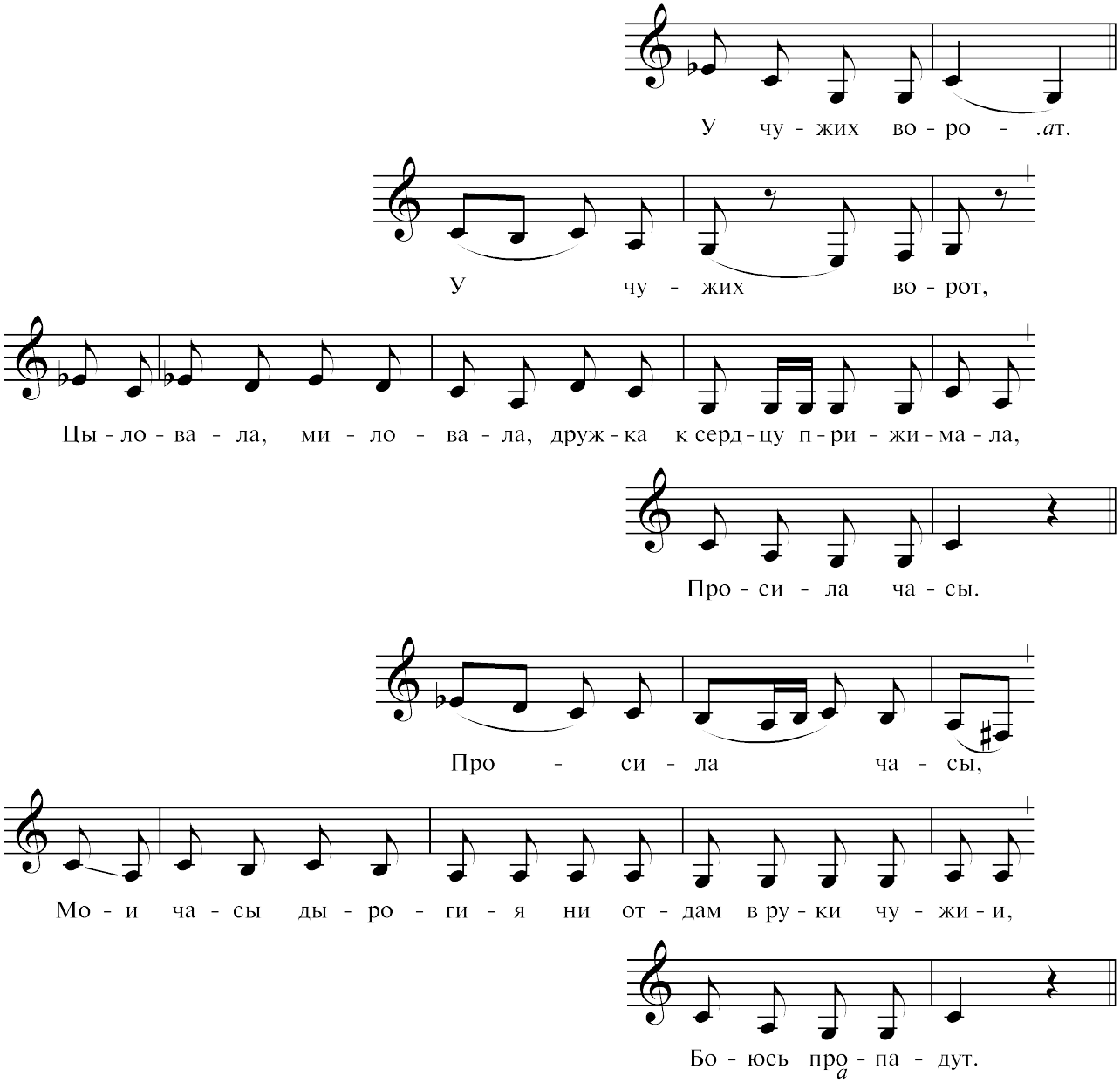
Тебя Господь накажет несчастною судьбой,
Несчастною, ох, судьбою, неверною женой.

Несчастною судьбою, неверною женой,
Не ветер в поле воет — военная гром гремит.

Не ветер в поле воет — военная гром гремит,
Никто так не сражался, как милый мой на... на войне:

Никто так не сражался, как милый на войне,
Он пули не... не боялся, всё думал о... обо мне.

Он пули не боялся, всё думал обо мне,
Одна злодейка-пуля пронзила грудь... грудь его.

168.

♩ = 96
По - шла Ли - за по г - ри - боч - ки,
Взя - ла ку - зо - во - .ак.
Взя - ла ку - - - зо - во - .ак,
Не до - шём - ши си - ня мо - ря, у - ви - да - ла му - хо - мо - ра
Крас - нень - кай гри - бок.
Крас - нень - кай гри - бо - .ак,
У-ж я э - то-т ли гри - бо - че-к по - ло - жу я в ку - зо - во - чек,
По - не - су до - мо - .ай.
По - не - су до - мой,
Ни до - шём - ши ды д - во - ра я цы - ло - ва - нья зы - вё - ла да

Пошла Лиза по грибочки,
Взя́ла кузовок.

Взя́ла кузовок,
Не дошёмши синя моря, увидала мухомора
Красненькай грибок.

Красненькай грибок,
Уж я этат ли грибочек пыложу я в кузовочек,
Панесу домой.

Пэнесу домой,
Ни дошёмши ды двора, я цылованья зывёла да
У чужих ворот.

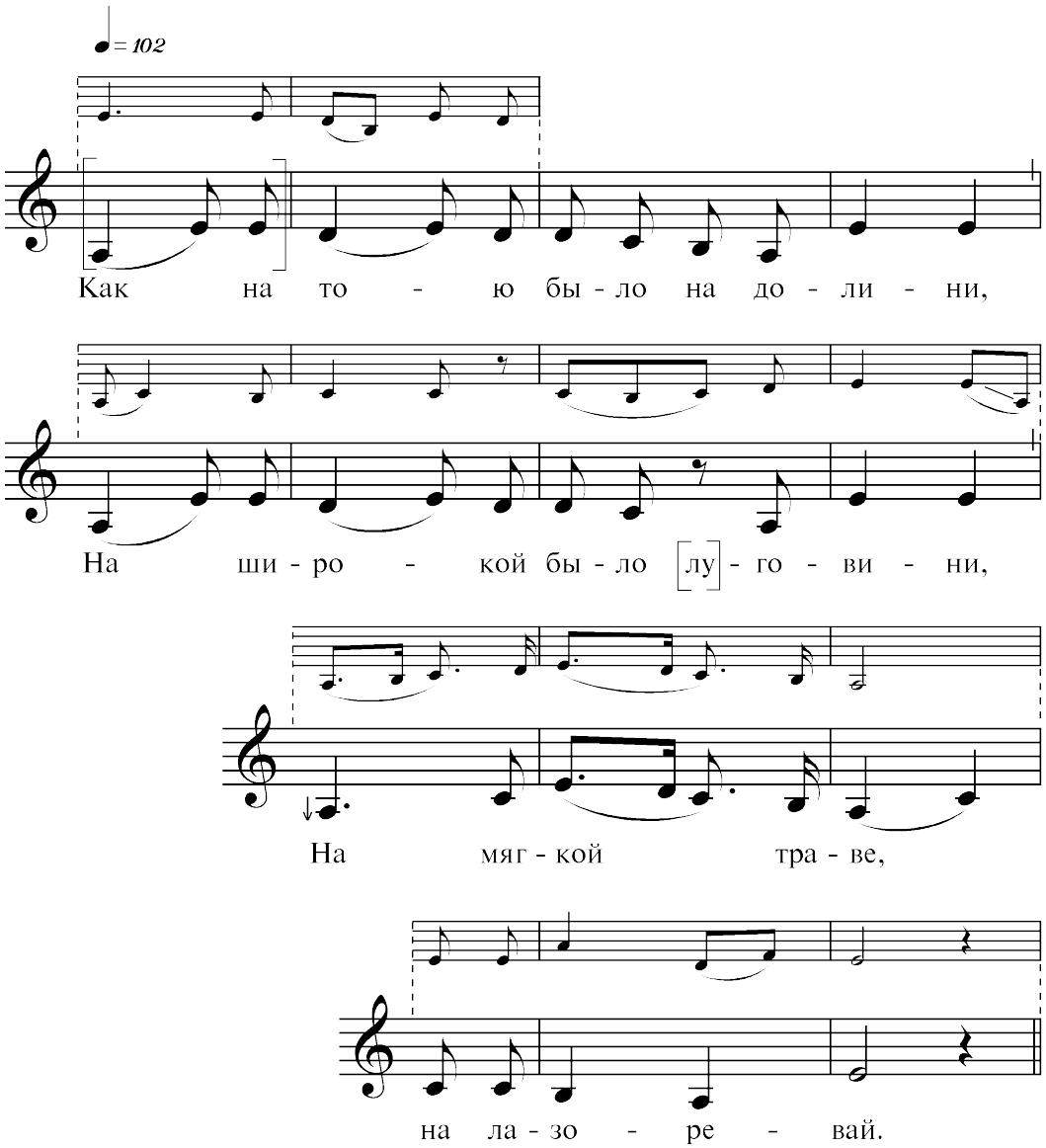
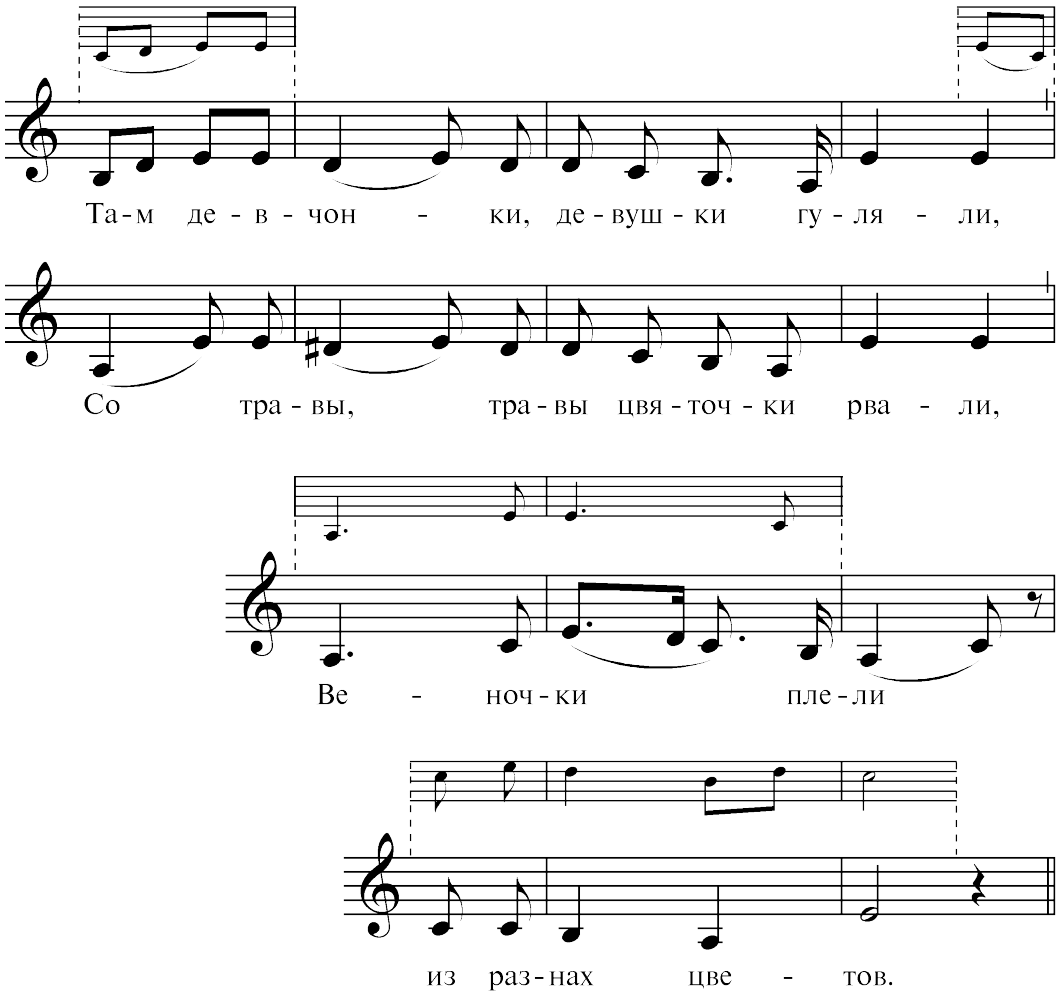
У чужих ворот,
Цыловала, миловала, дружка к сердцу прижимала,
Просила часы.

Просила часы:
— Мои часы дырогия ни отдам в руки чужии,
Боюсь прападут.

Боюсь прападут!
Мы кутили дни чатыри, к себе Лизу прилучили
В коретнаю часть.

В коретнаю часть,
Из коретнаю части хотят Лизу увезти да
Не знаю куда.

Не знаю куда,
Пывезли Лизу с двора, закричали все: «Ура! Да
Лизынька прощай!»

169.

Как на тою было на долини,
На широкой было [лу]говини,
На мягкой траве, на лазоревай.

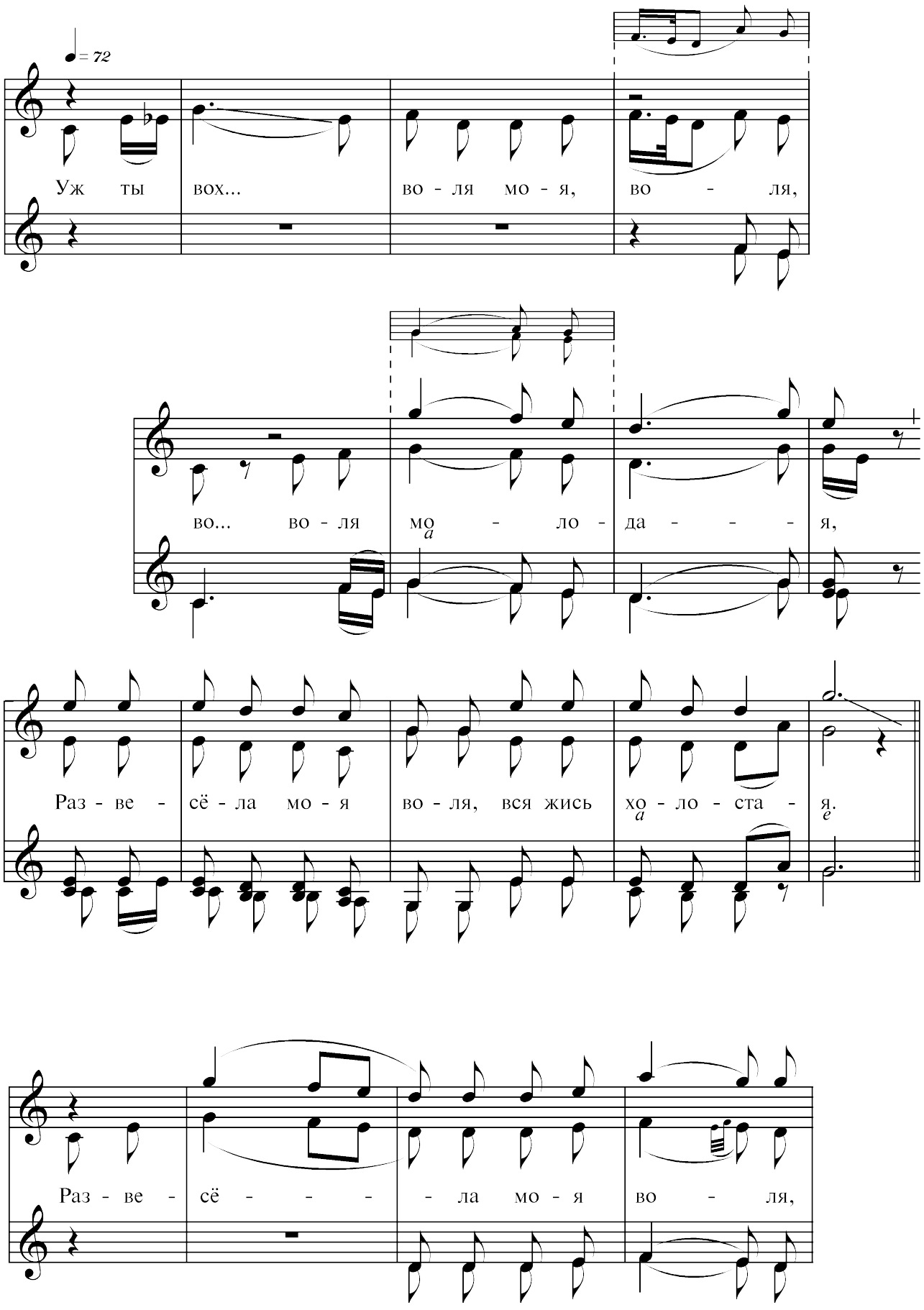
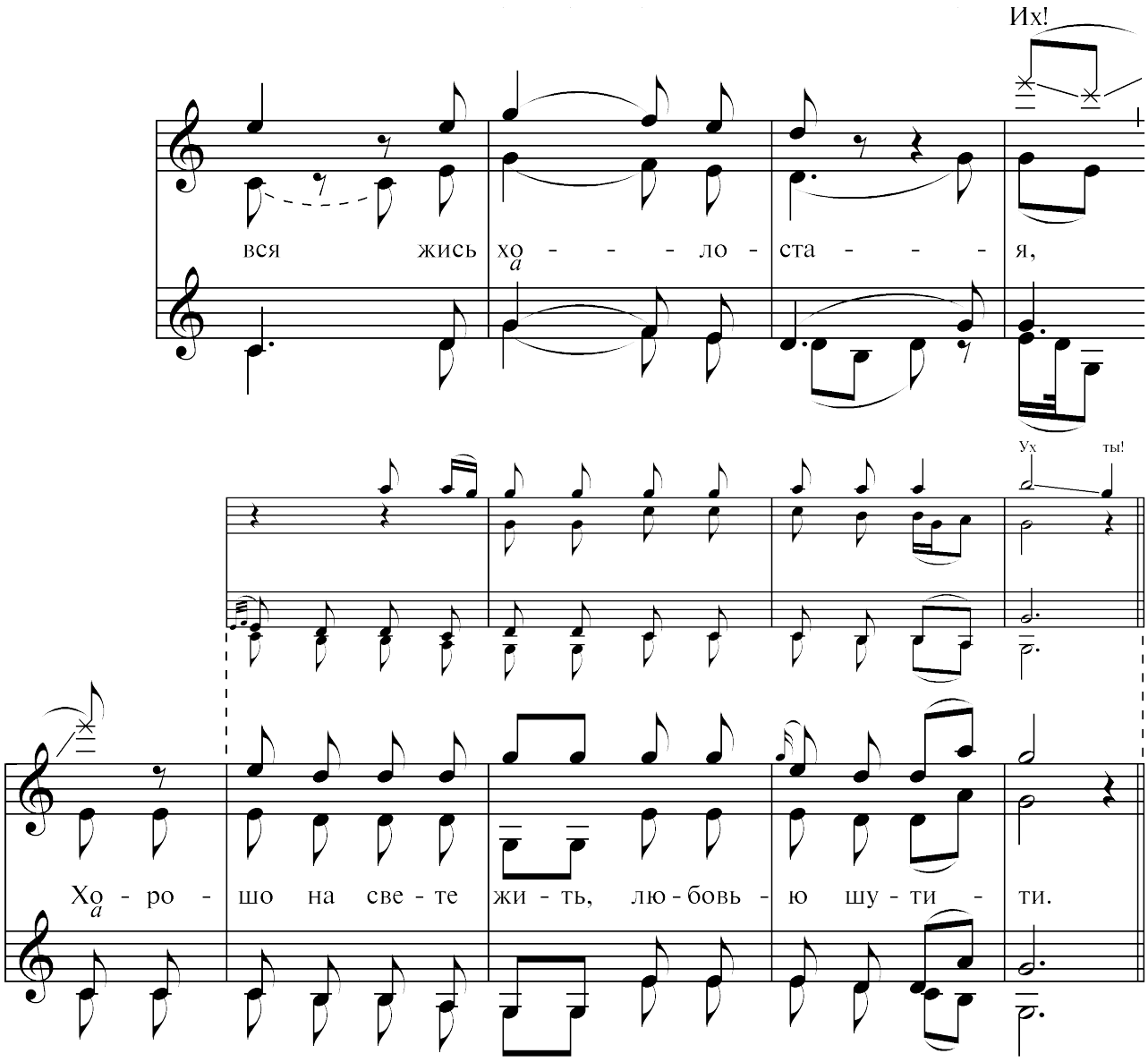
Там девчонки, девушки гуляли,
Со травы, травы цвяточки рвали,
Веночки плели из разнах цветов.

На венках, венках девки гадали,
Венки в реченьку оне бросали:
Чей венок плывет, милый вот воздохнет!

Одна девка, девка не смолчала,
Громким голосым она вскричала:
«А мой потонул — милый убманул!»

Все подружки в груду собирались
Уговаривать её старались:
«Не плачь, глупая, эх, безразумная!

Твой венок, венок в волнах ныряет,
Милый клятву, клятву уверяет,
Хочет верным быть, одною́ любить!»

170.

♩ = 72
Уж ты вох... во - ля мо - я, во - ля,
во... во - ля мо - ло - да - я,
Раз - ве - сё - ла мо - я во - ля, вся жись хо - ло - ста - я.
Раз - ве - сё - ла мо - я во - ля,

Уж ты вох... воля моя, воля, во... воля малодая,
Развесёла моя воля, вся жись халостая.

Развесёла моя воля, вся жись халостая,
Харошо на свете жить, любовью шутити.

Харошо на свете жить да любовью шутити,
Любовь сердца заразила, не могу терпети.

Любовь сердца заразила, не могу терпети,
Не сама я заразила — заразили очи.

Не сама я заразила — заразили очи,
Развесёлы мое очи, гуляй да полночи.

Развесёлы мое очи, гуляй да полночи,
Да полуночи гуляла, да второва часу.

Да полуночи гуляла, да второва часу,
Два часа ночи пробило, а я приуныла.

Два часа ночи пробило, а я приуныла,
Приуныла, призаснула, тижело вздохнула.

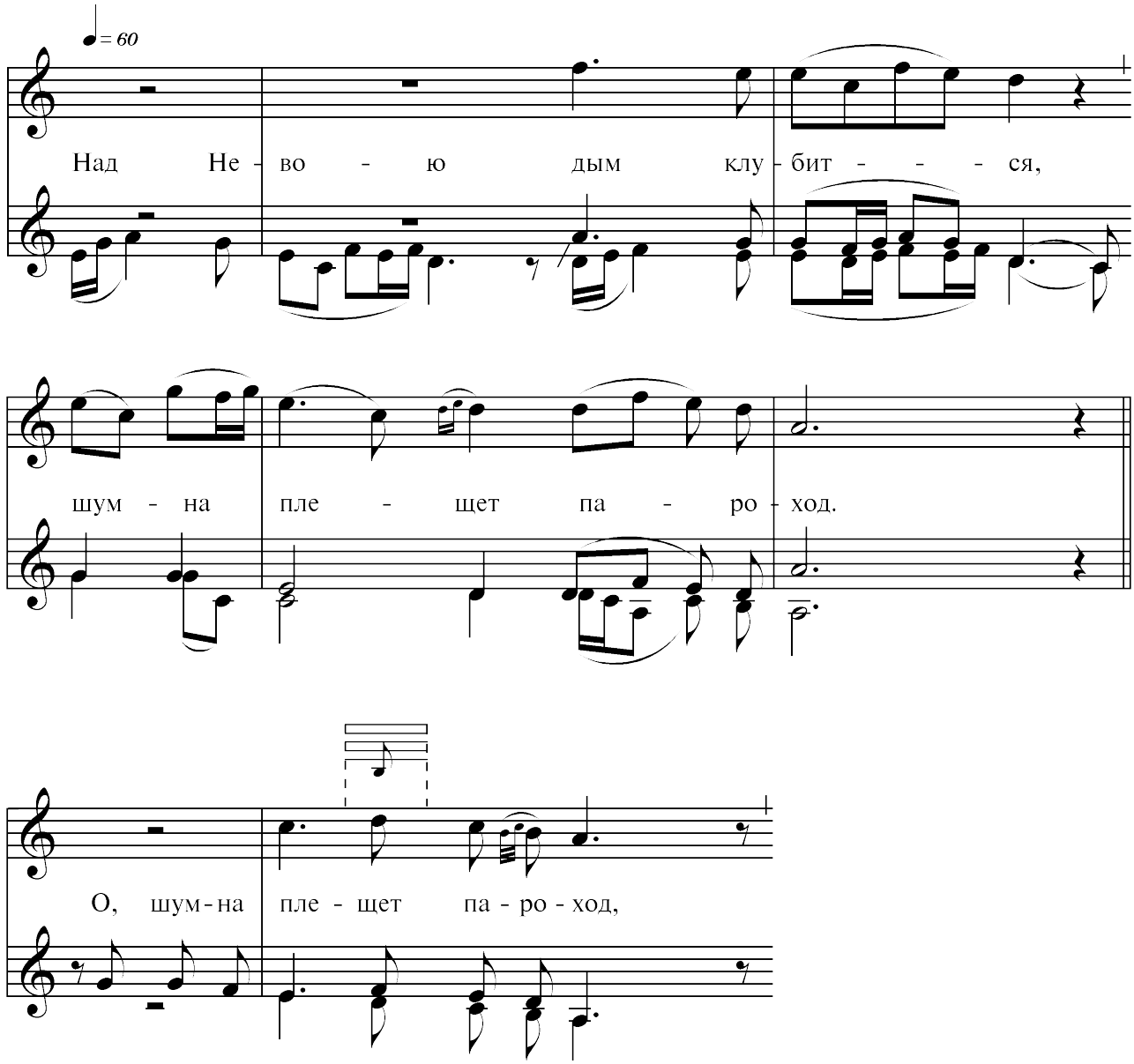
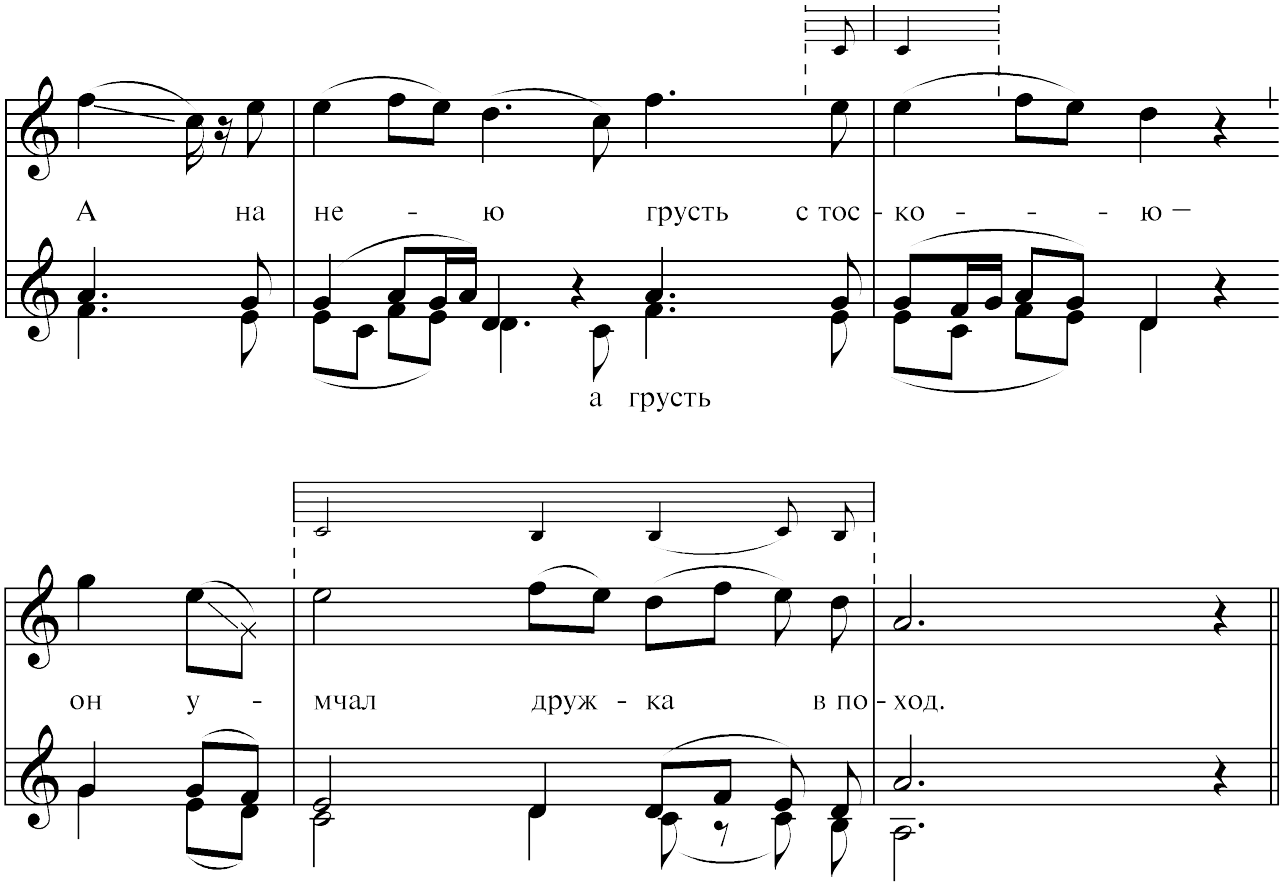
Приуныла, призаснула, тижело вздохнула,
Тижелёхынька вздохнула, дружка вспомянула.

Тижелёхынька вздохнула, дружка вспомянула,
Любил, любил парень девку, любил, да спокинул.

Любил, эх, любил парень девку, любил, да спокинул,
А спокинувши девчонку, в глаза насмеялся.

Он, спокинувши девчонку, в глаза насмеялся,
Ты не смейся, дрянь мальчишка, сам ты не женатай.

Ты не смейся, дрянь мальчишка, сам ты не женатай,
Сам ты, мальчик, не женатай, белый, кудреватай.

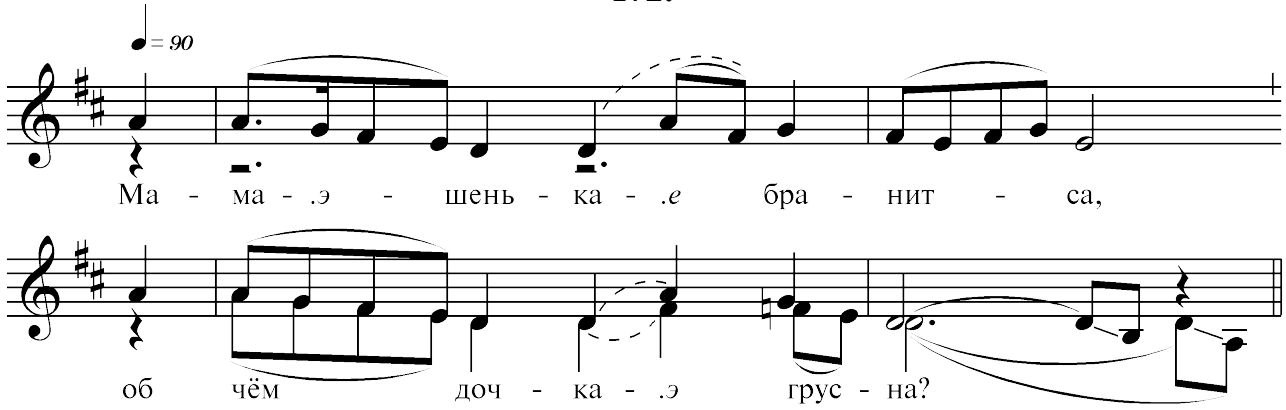
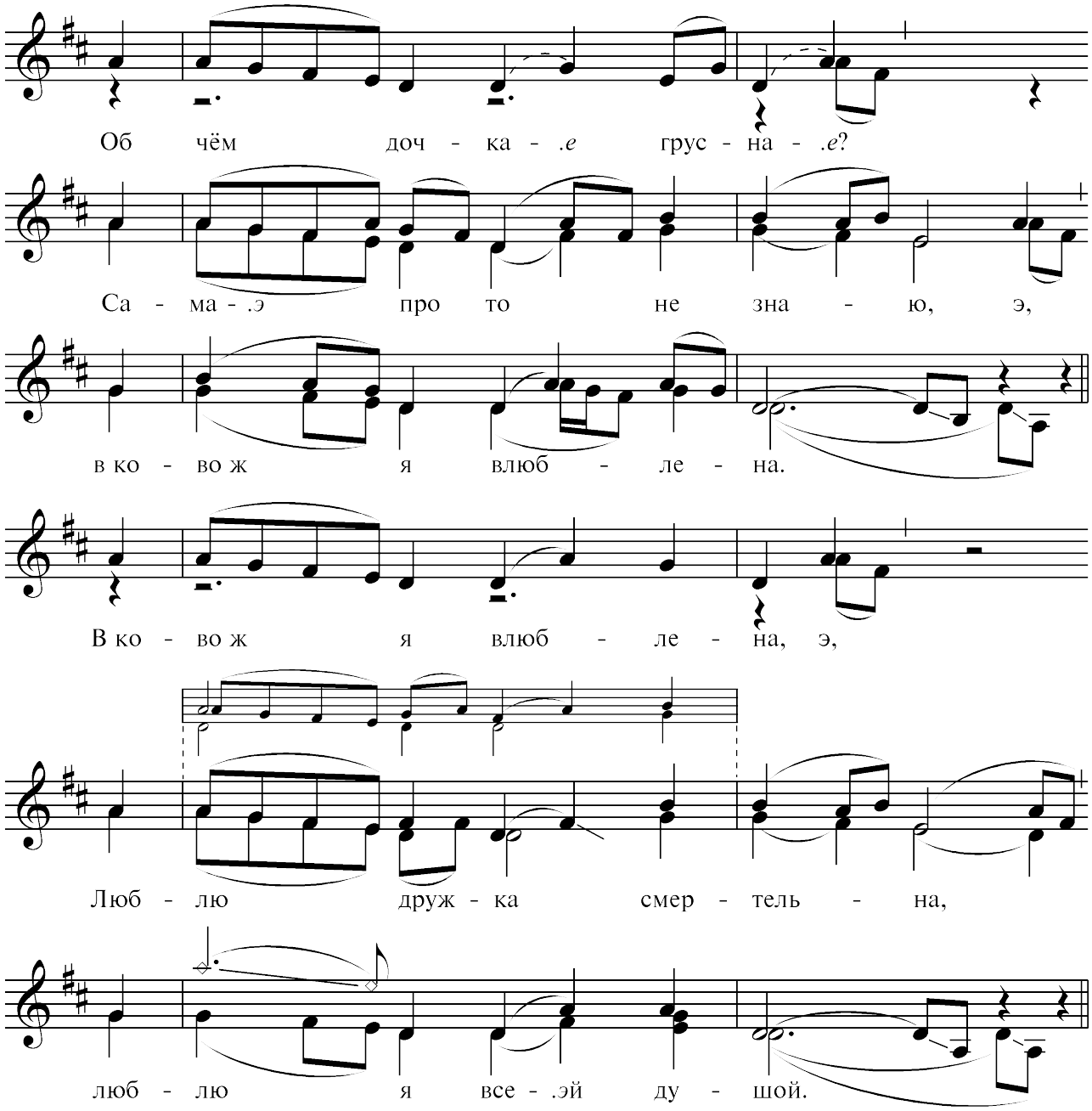
171.

Над Невою дым клубится, шумна плещет пароход.

О, шумна плещет пароход,
А на нею грусть с тоскою — он умчал дружка в поход.

Он умчал дружка в поход,
Друг мой милай, друг сердечнай, не скучай, друг, обо мне.

Не скучай, друг, обо мне,
Вспоминай меня порою, вечерком да перьд окном.

Вечерком да перьд окном,
Перьд иконою святою я молюса день и ночь.

172.

Мамашенька бранитса, об чём дочка грус[т]на?

Об чём дочка грус[т]на?
Сама про то не знаю, э, в кого ж я влюблена.

В кого ж я влюблена, э,
Люблю дружка смертельна, люблю я всей душой.

Люблю я всей душой,
А он, какой коварнай, смеётся надо мной.

Смеётся надо мной,
Не смейся, злой мальчишка, не смейся надо мной.

Не смейся надо мной,
Тебя Господь накажет несчастнаю судьбой.

Несчастнаю судьбой,
Несчастнаю судьбою, коварнаю женой.

Коварнаю всё женой,
Не в поле ветер воет — военнай гром всё звенит.

Военнай гром всё звенит,
Никто так не сражался, как мой мил на войне:

Как мой мил на, эх, войне,
Он пули не боялся, всё думал о... эх, убо мне.

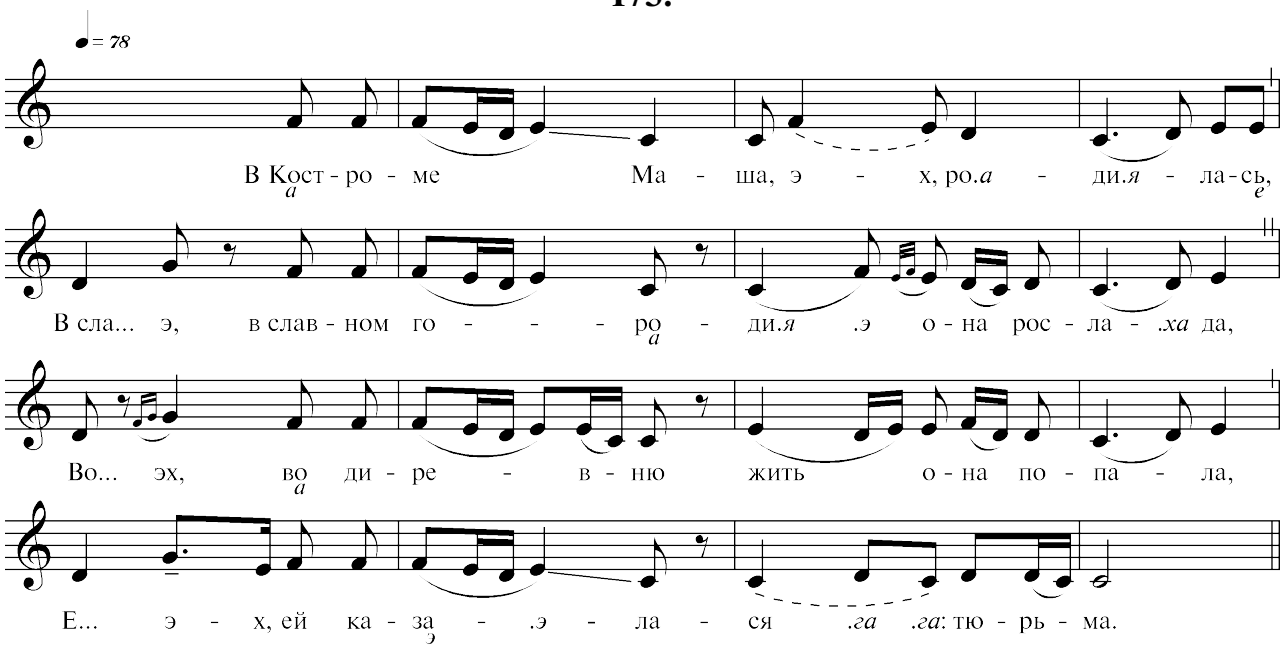
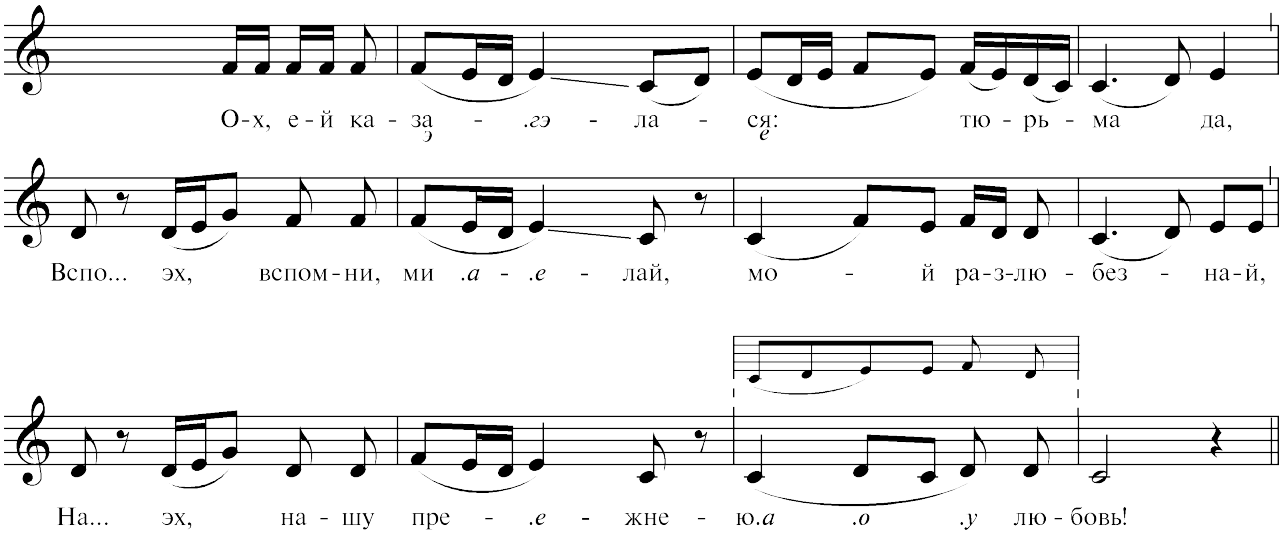
Всё думал о... эх, убо мне,
Одна пуля-злодейка попала милке в грудь.

Попала милке в грудь,
Убит, убит, мой милай, убит он на войне.

Убит он на, эх, войне,
Шинель его, фуражка на косточке всё висит.

На косточке всё висит,
А тело его бело в сырой земле всё лежит.

В сырой земле всё лежит,
Жена его бедняжка у ног его всё стоит.

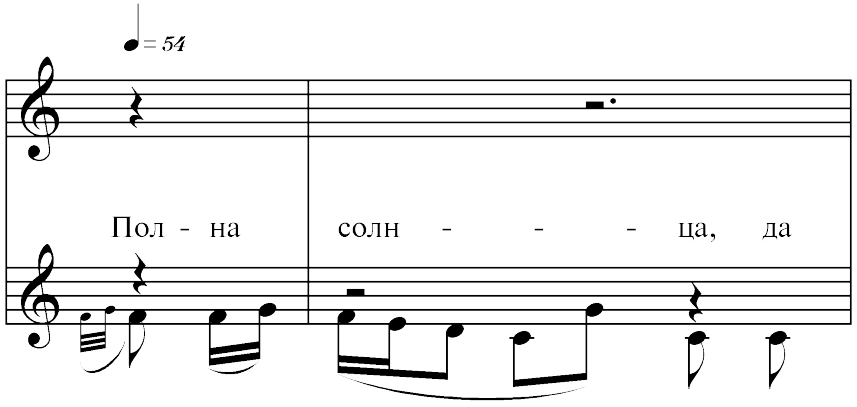
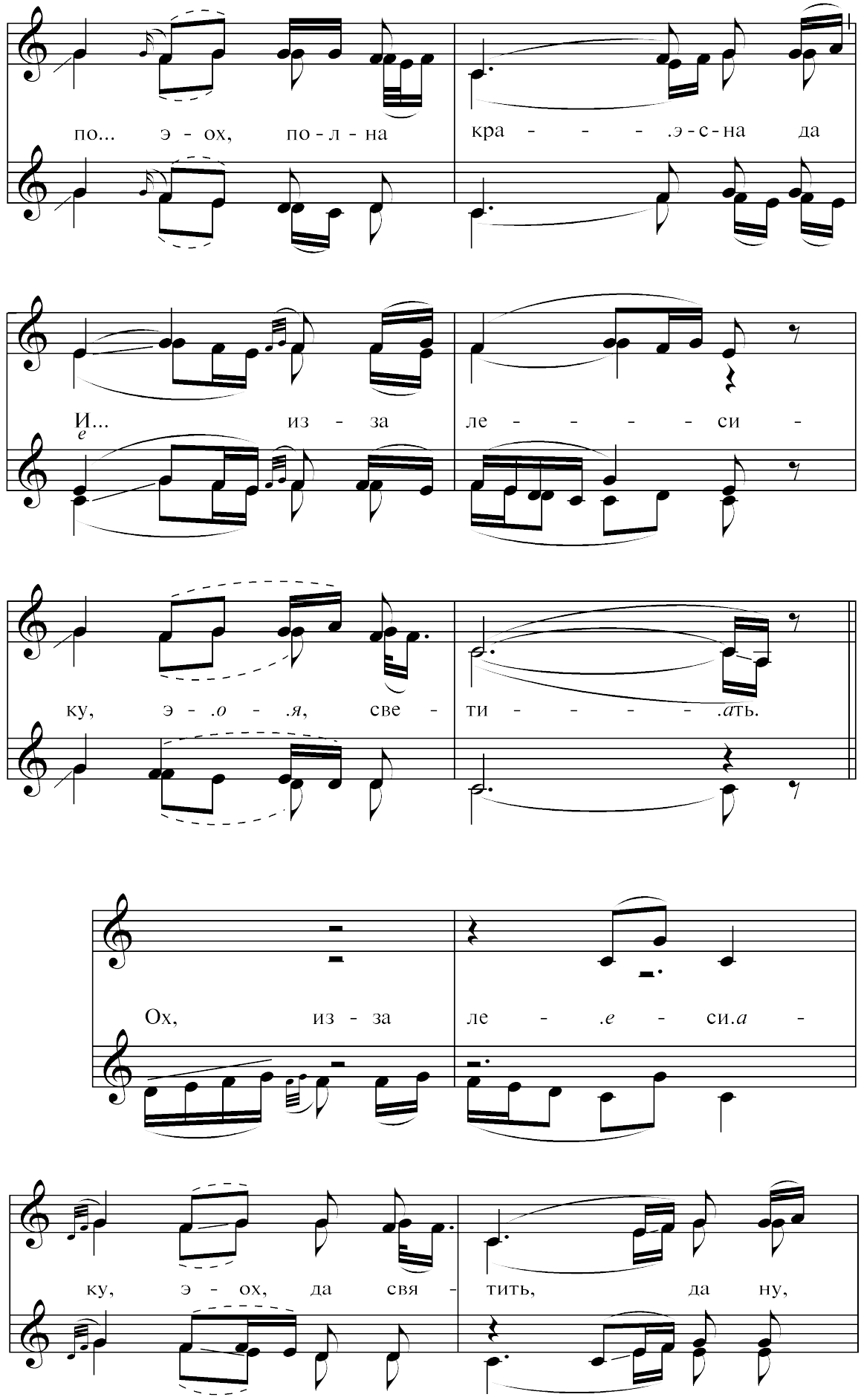
173.

В Кастроме Маша, эх, родилась,
В сла... э, в славном горади она росла да,
Во... эх, ва диревню жить она попала,
Е... эх, ей казалася: тюрьма.

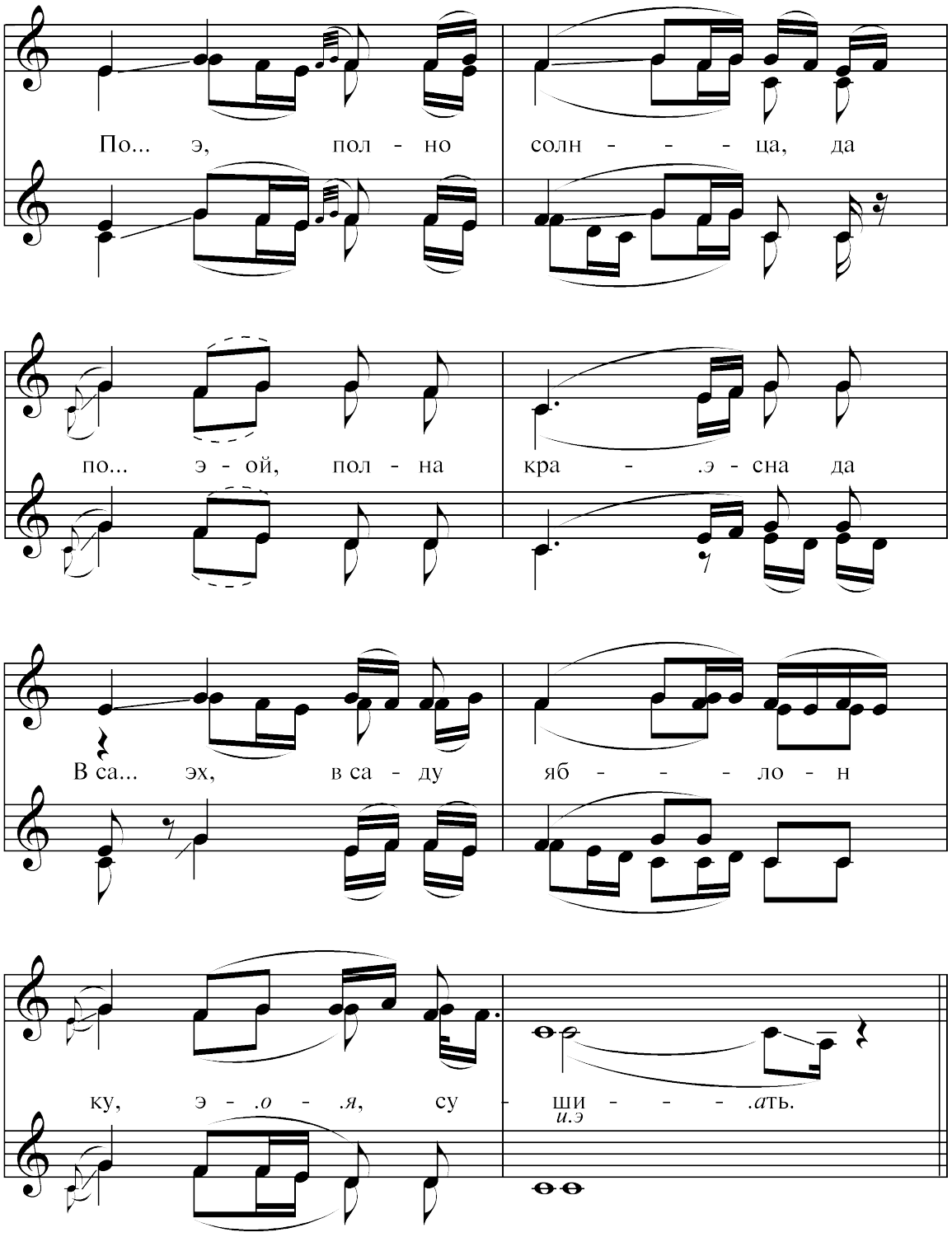
Ох, ей казалася: тюрьма да,
Вспо... эх, вспомни, милай, мой разлюбезнай,
На... эх, нашу прежнею любовь!

Ох, нашу прежнею любовь да,
Эх, а теперя что ета случилось,
В о... эх, в один час ты ме... меня изменил.

В один час ты меня изменил ды,
Эх, изменил священнаю клятву,
Са... эх, сам женился, ми... милай, на другой.

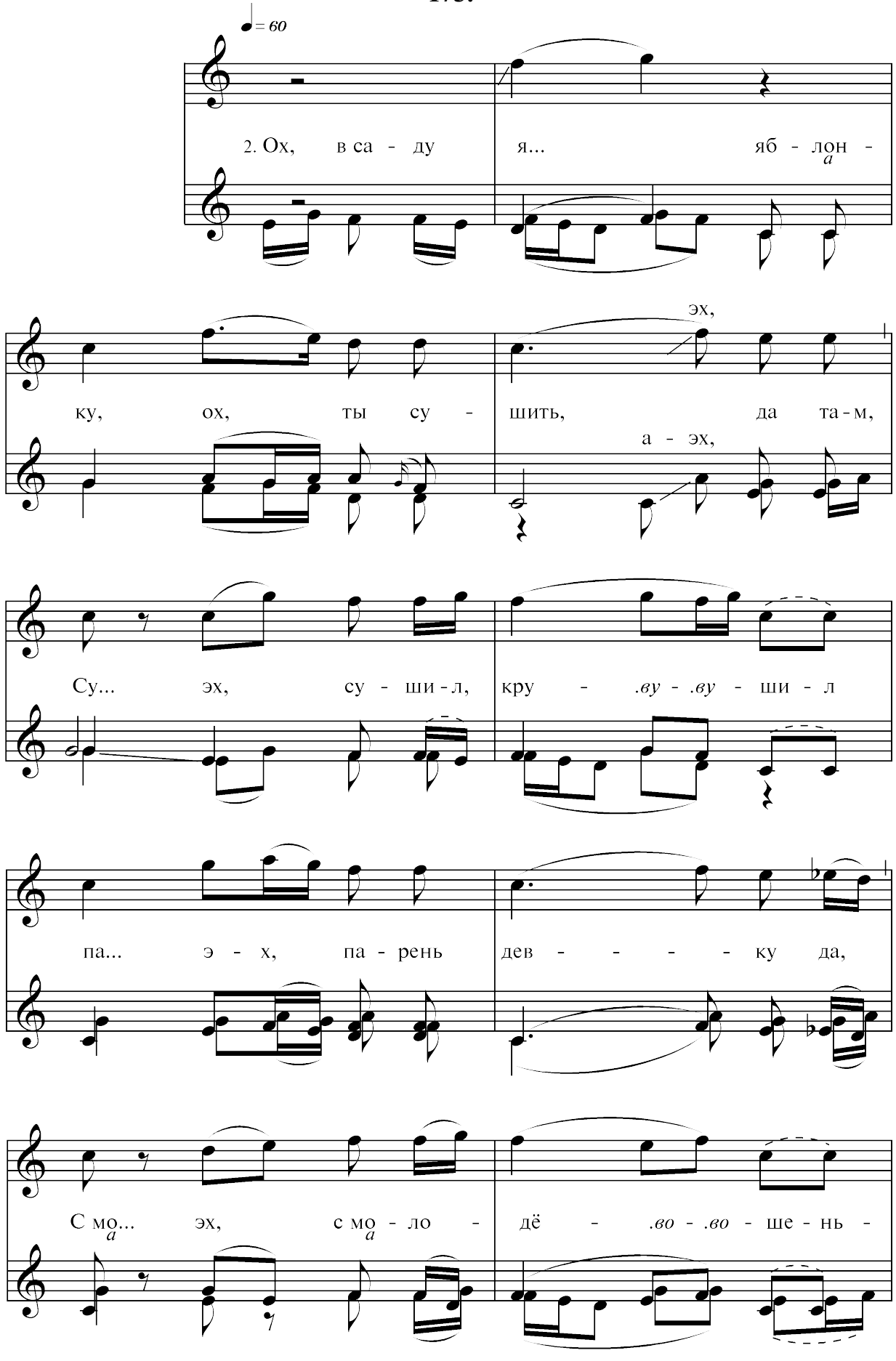
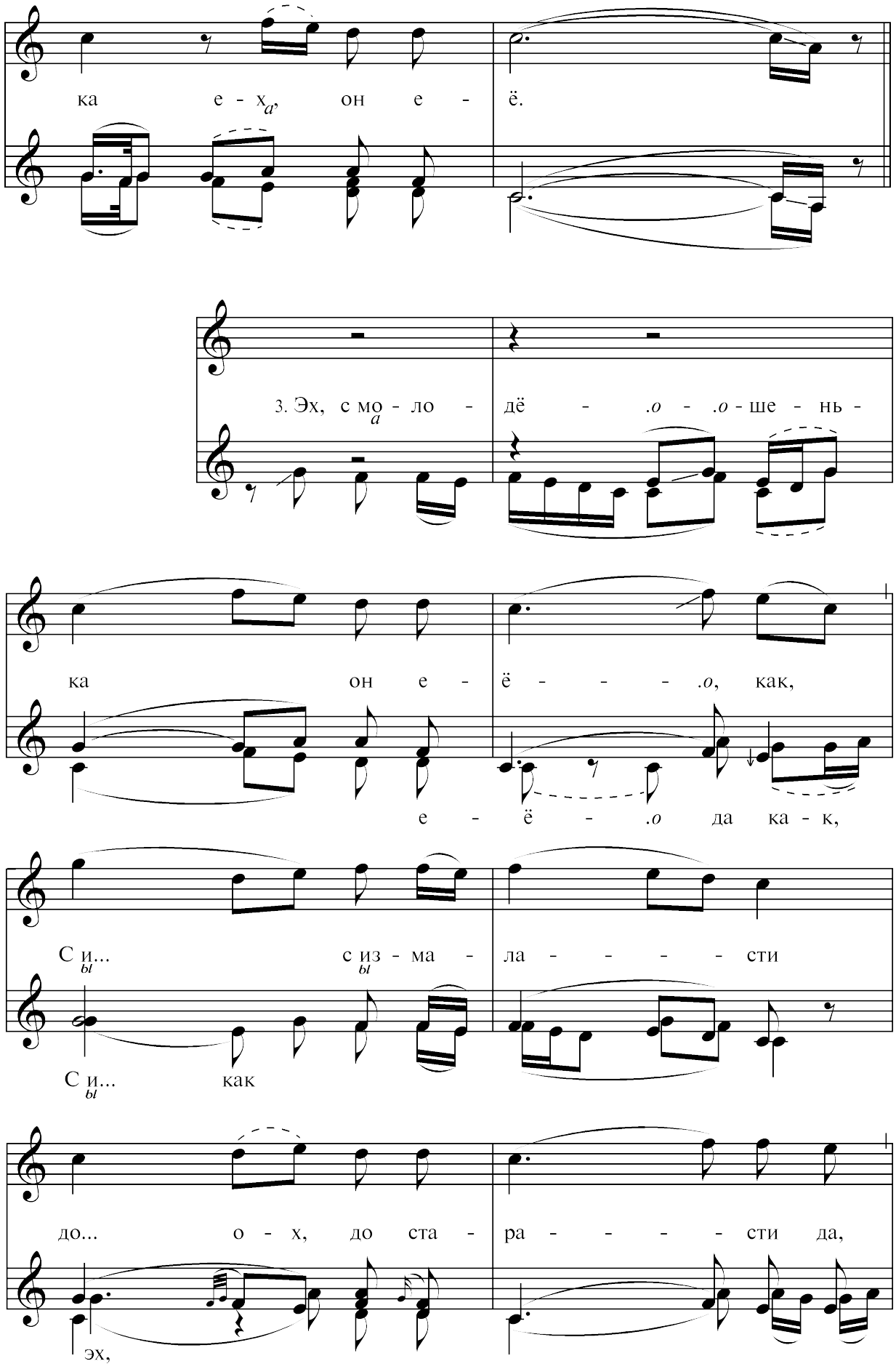
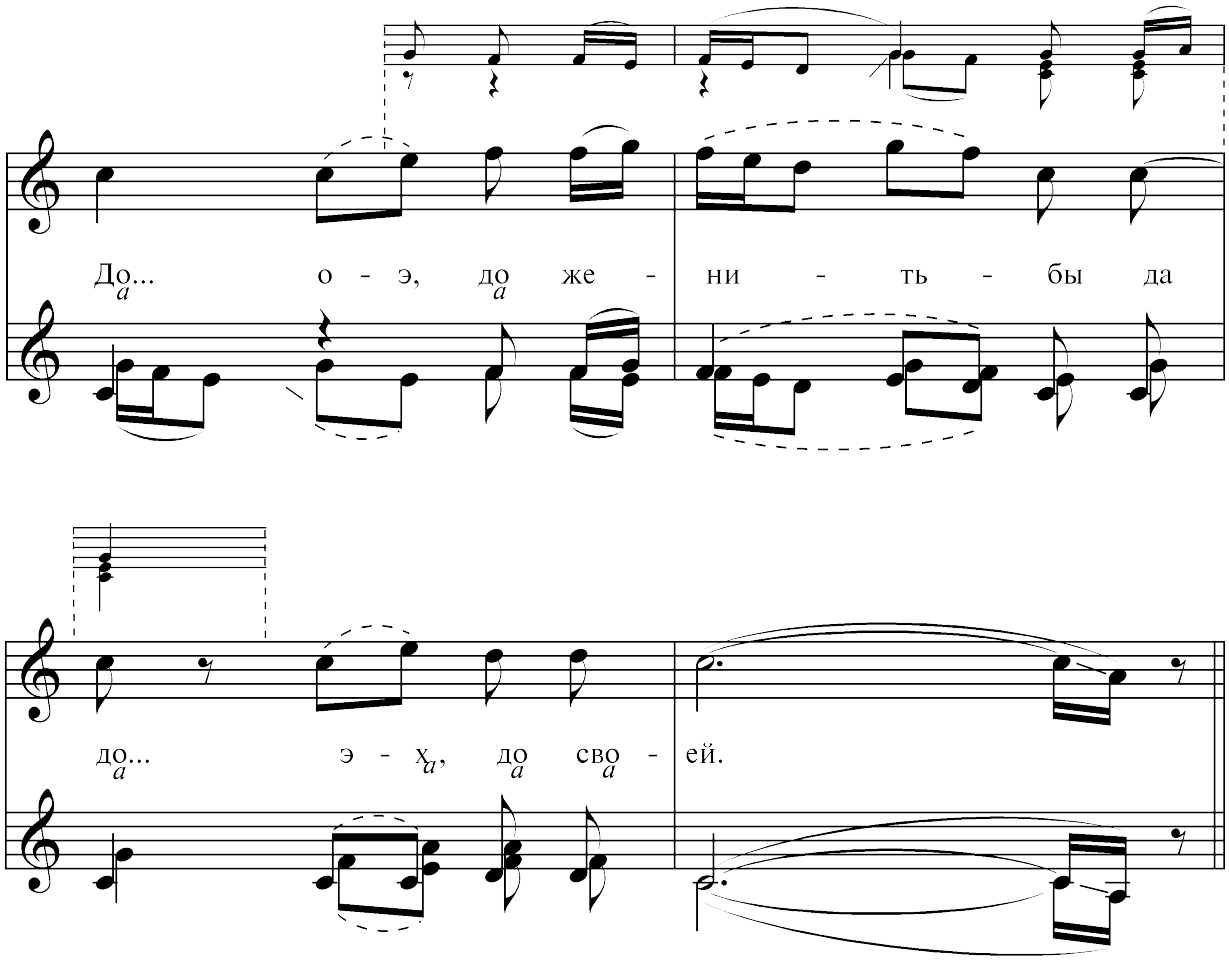
174.



по... э - ох, по - л - на кра - - - - .э - с - на да
И... из - за ле - - - - - си -
ку, э - .о - .я, све - ти - - - - - .а ть.
Ох, из - за ле - .е - си.а -
ку, э - ох, да свя - тить, да ну,

Полна солнца, да по... э-ох, полна красна да
И... из-за лесику, э, светить.

Ох, из-за лесику, э-ох, да святить, да ну,
По... э, полно солнца, да по... э-ой, полна красна да
В са... эх, в саду яблонку, э, сушить.

175.


♩= 60
2. Ох, в са - ду я... яб - лон - а
эх,
ку, ох, ты су - шить, да та - м,
а - эх,
Су... эх, су - ши - л, кру - .ву - .ву - ши - л
па... э - х, па - рень дев - - - - - ку да,
С мо... эх, с мо - ло - дё - .во - .во - ше - нь -
а а

ка е - х(а), он е - ё.
3. Эх, с мо(а) - ло - дё - .о - .о - ше - нь -
ка он е - ё - - - .о, как,
е - ё - .о да ка - к,
С и...(ы) с из(ы) - ма - ла - - - - сти
С и...(ы) как
до... о - х, до ста - ра - - - - сти да,
эх,

Эх, полна солнца, ох да полна красна да
И... из-за лесику ох ты светить,
В саду яблонку ох ды сушить.

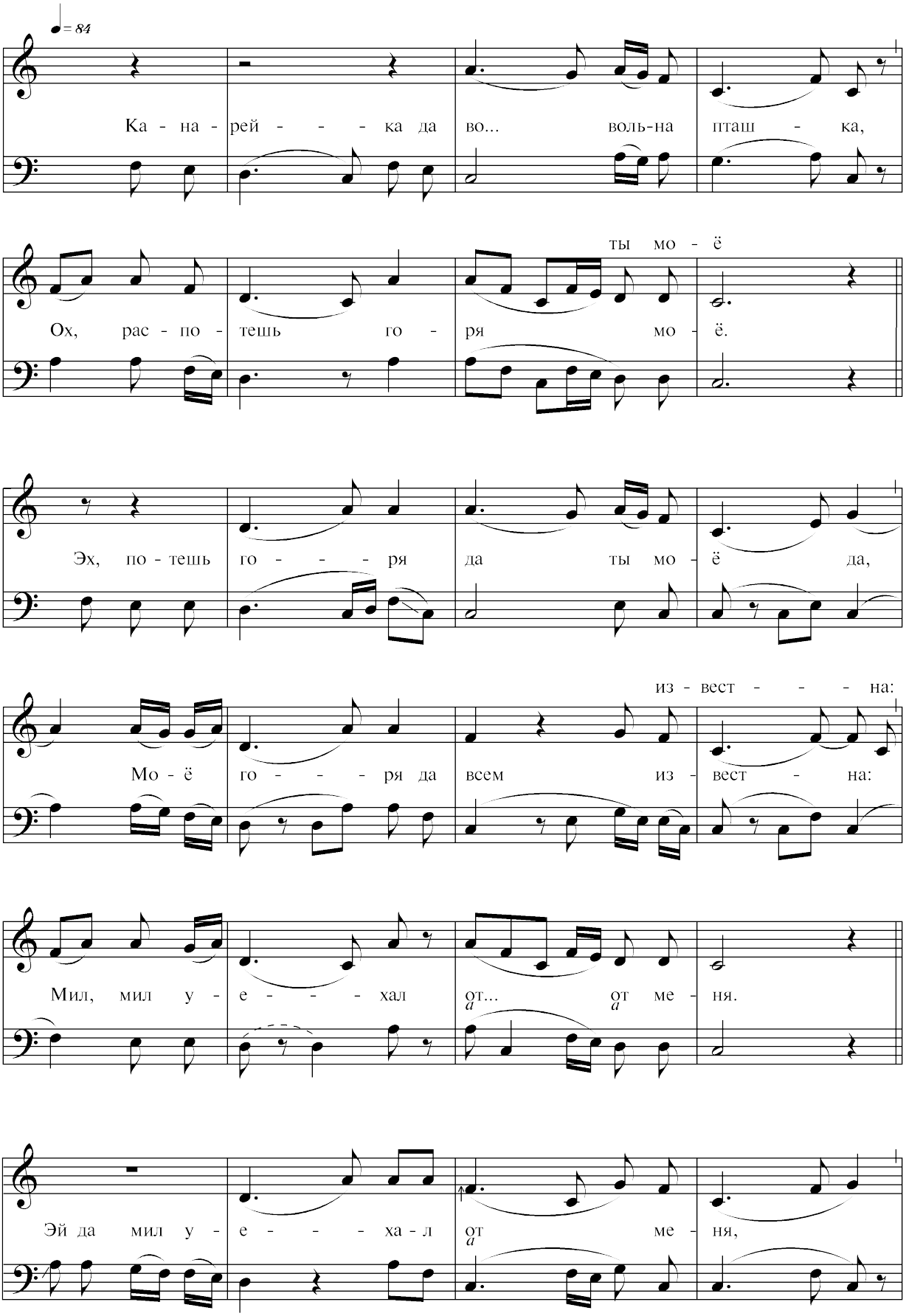
Ох, в саду я... ябланку, ох, ты сушить, да там,
Су... эх, сушил, крушил па... эх, парень девку да,
С ма... эх, с малодёшенька ех, он её.

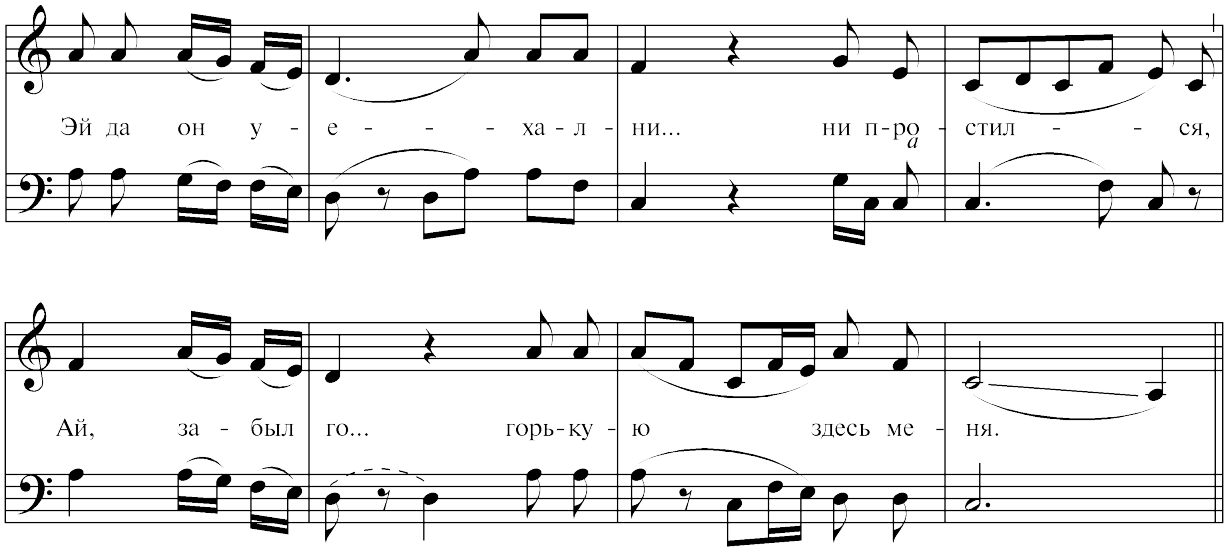
Эх, с малодёшенька он её, как,
С и... с измаласти до... ох, до старасти да,
Да... о-э, да женитьбы да да... эх, да сваей.

Ох, да женитьбы ды да... ох, да сваей, да
Ты... эх, ты женись, женися, мой хорошай,
Да... ох, дазволяю да я... ох, я тебе.

Ох, дазволяю ды я... ох, я тебе, да
До... ох, дозволяю, да па... ох, праздравляю да,
С на... ох, с нареченнаю ой, я женой.

Ох с нареченною ох, я женой да,
Те... эх, тебе, миленькай мой, карета ды,
А... ех, а мне, Сане, да но... ох, новай гроб.

176.

♩= 84
Ка - на - рей - - - - ка да во... воль-на пташ - ка,
ты мо - ё
Ох, рас - по - тешь го - ря мо - ё.
Эх, по - тешь го - - - - ря да ты мо - ё да,
из - вест - - - - на:
Мо - ё го - - - - ря да всем из - вест - на:
Мил, мил у - е - - - - хал от... от ме - ня.
Эй да мил у - е - - - - ха - л от ме - ня,

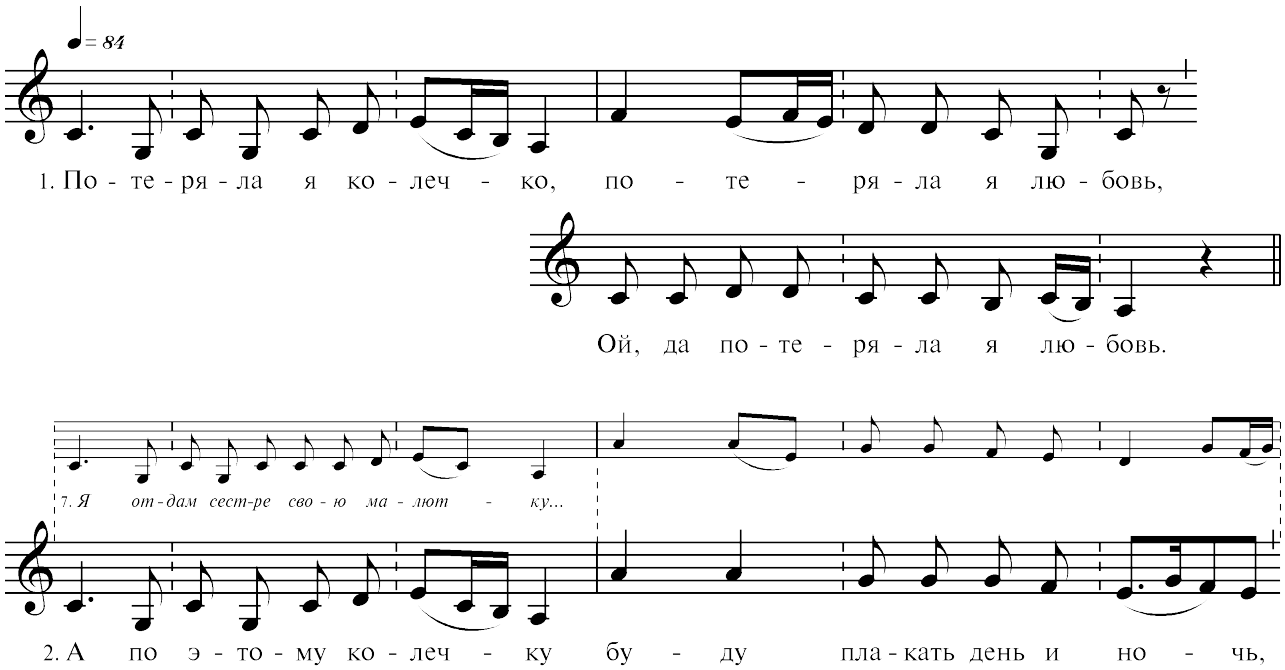
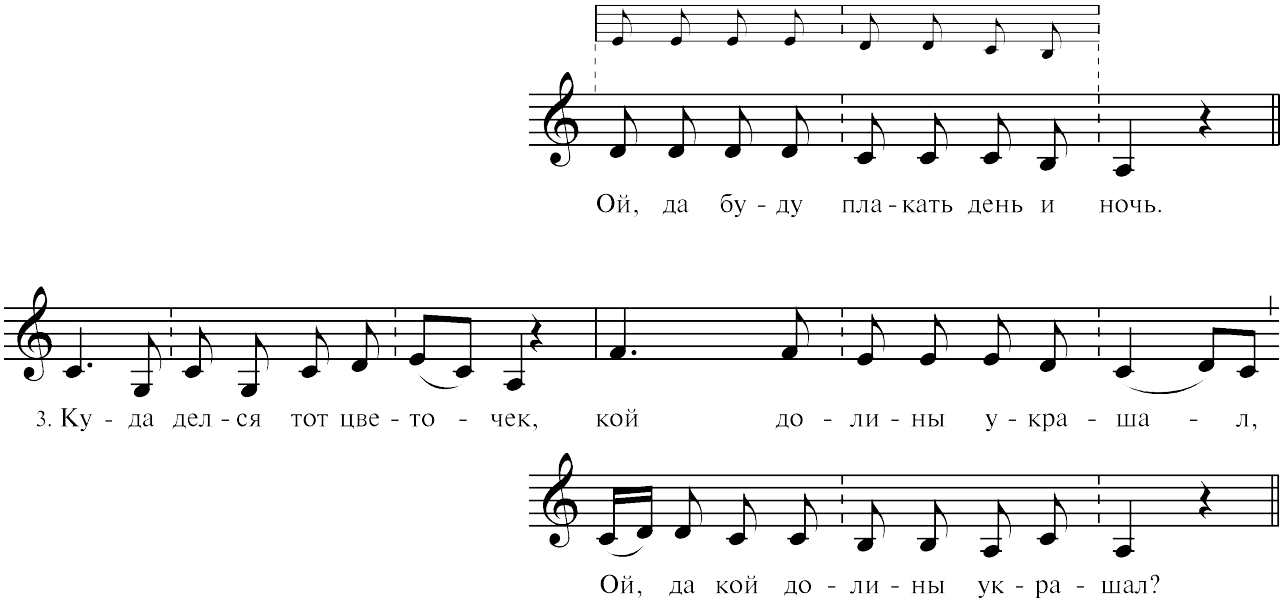


Канарейка да во... вольна пташка,
Ох, распотешь горя моё.

Эх, потешь горя да ты моё да,
Моё горя всем известна:
Мил, мил уехал от... от меня.

Эй да мил уехал от меня,
Эй да он уехал — ни...ни простился,
Ай, забыл го... горькую здесь меня.

Э, забыл горькую он меня да,
Забыл горькую, несчастну,
Ай да словно пташку вза.... взаперте.

177.

Потеряла я колечко, потеряла я любовь,
Ой, да потеряла я любовь.

А по этому колечку буду плакать день и ночь,
Ой, да буду плакать день и ночь.

Куда делся тот цветочек, кой долины украшал,
Ой, да кой долины украшал?

Куда делся мил дружочек, кой словами улещал,
Ой, да кой словами улещал?

Улестил меня словами, сам уехал навсегда,
Ой, да сам уехал навсегда.

Он уехал и оставил мне малютку на руках,
Ой, да мне малютку на руках.

Я отдам сестре свою малютку, сама в море утоплюсь,
Ой, да сама в море утоплюсь.

Сколько раз я опускалась, не достала в море дна,
Ой, да не достала в море дна.

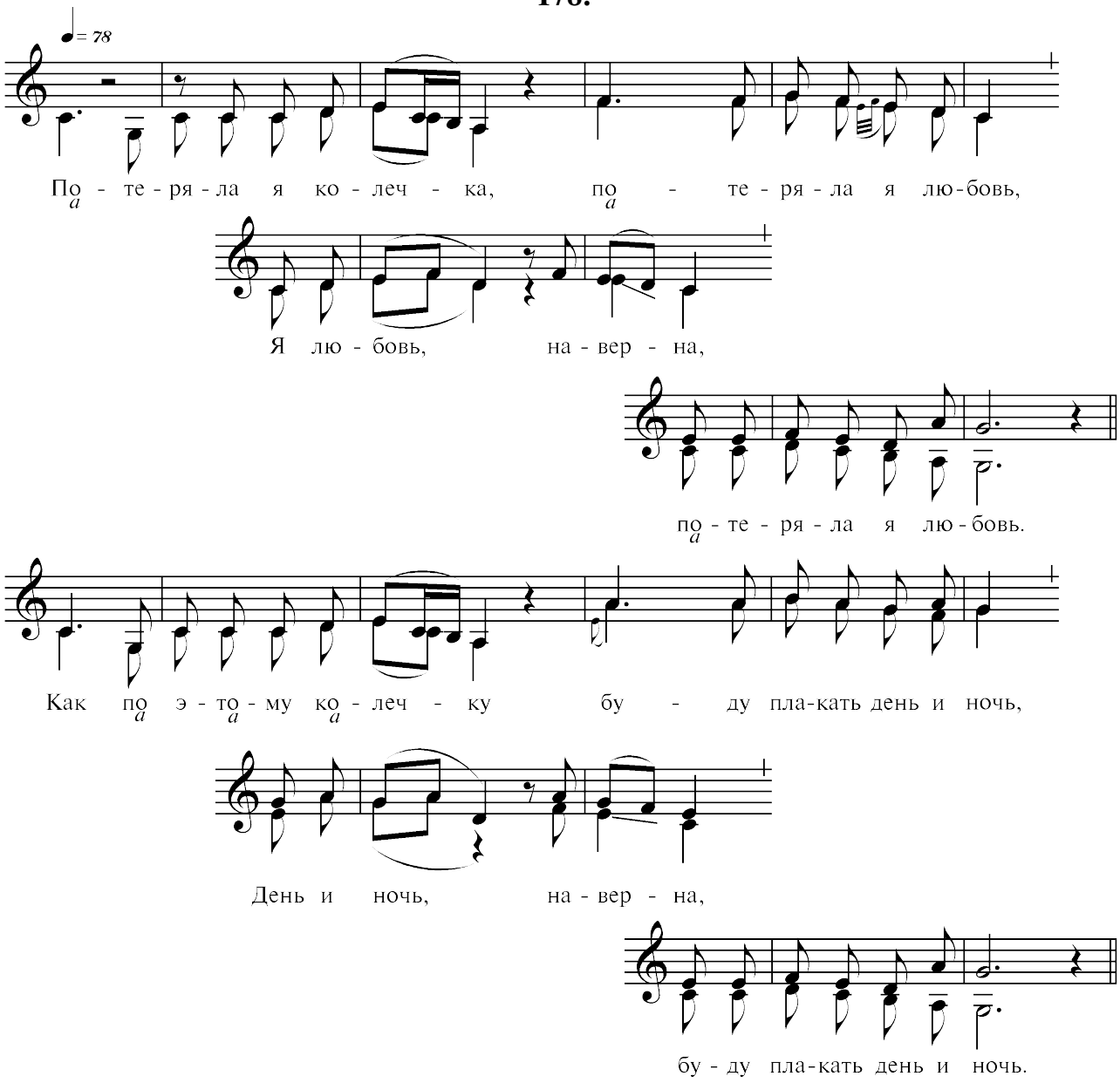
Своей лентой голубою украшала берега,
Ой, да украшала берега.

Своей русою косою трепескала* по волнам,
Ой, да трепескала по волнам.

Правай рученькой махала до свиданья навсегда,
Ой, да до свиданья навсегда.

---

* «Трепескала» — в значении: плескала; пропевают «трипескала».

178.

Потеряла я колечка, потеряла я любовь,
Я любовь, наверна, потеряла я любовь.

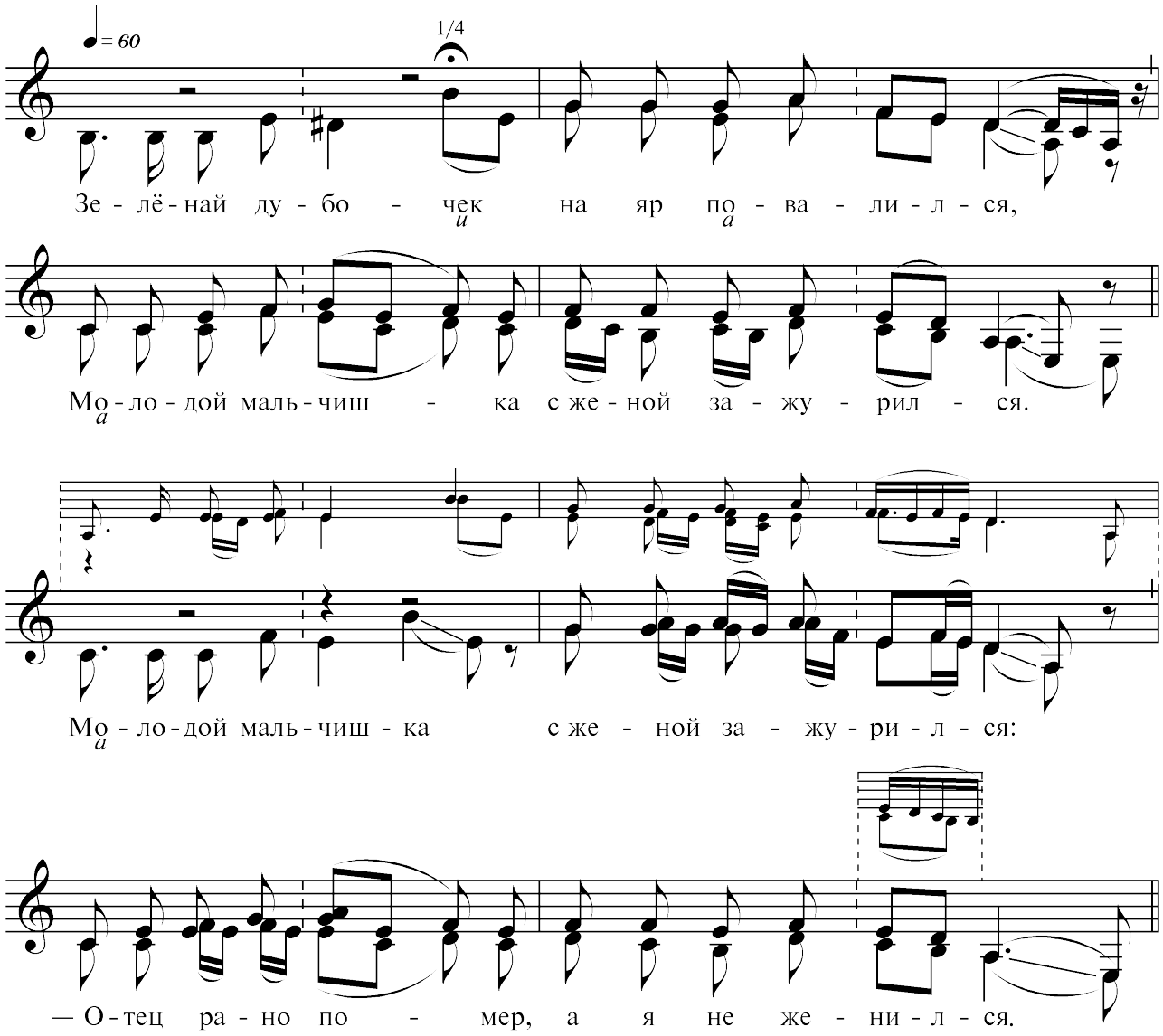
Как по этому колечку буду плакать день и ночь,
День и ночь, наверна, буду плакать день и ночь.

Ни на что я не взирала, как на этот тёмный бор,
Тёмный бор, наверна, как на этот тёмный бор.

Ни о ком я не страдала, как об милоем своём,
Об своём, наверна, как о милоем своём.

Он уехал и оставил мне малютку на руках,
На руках, наверна, мне малютку на руках.

Возьму на руки малютку, словно милый был такой,
Был такой, наверна, словно милый был такой.

179.

Зелёнай дубочик на яр павалился,
Малодой мальчишка с женой зажурился.

Малодой мальчишка с женой зажурился:
— Отец рано помер, а я не женился.

Отец рано помер, а я не женился,
А я не женился, без доли родился.

А я не женился, без доли родился,
Пойду в чиста поля искать себе долю.

Пойду в чиста поля искать себе долю,
Не нашёл я долю, нашёл сибе морю.

Не нашёл я долю, нашёл сибе моря,
У етыва моря стоят рыболовцы*.

У етыва моря стоят рыболовцы,
Рыболовцы — ловцы, удалые хлопцы.

Рыболовцы — ловцы, удалые хлопцы,
Вы раскинтя сети чирез быстры реки.

Вы раскинтя сети чирез быстры реки,
Вы споймайте долю парню молодому.

Вы споймайте долю парню молодому,
Не поймали долю, а споймали шшуку.

Не поймали долю, а споймали шшуку,
А споймали шшуку парню на разлуку.

А споймали шшуку ой, парню на разлуку.
— Братцы мое, братцы, чем я провинился?

Братцы мое, братцы, чем я провинился?
Ходил в Божью церковь, Богу я молился.

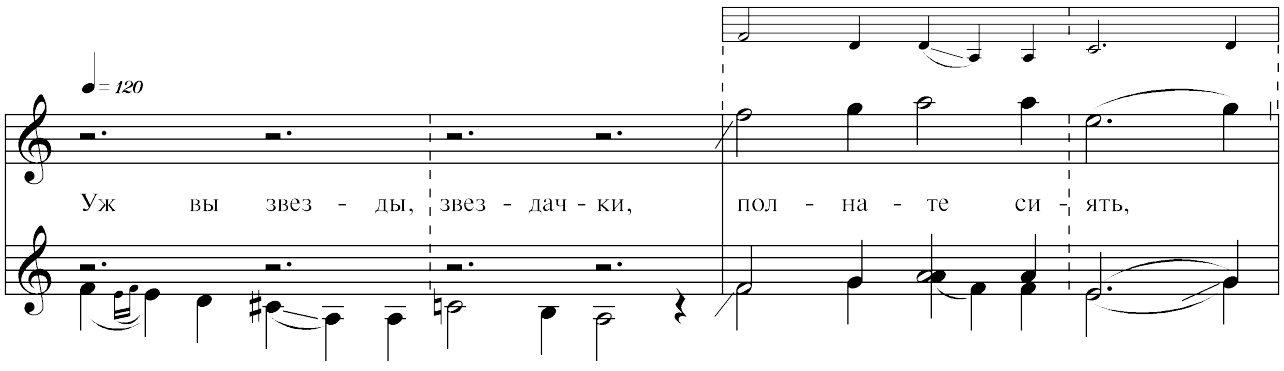
Ходил в Божью церковь, Богу я молился,
Крёстнай мой свидетель рядом становился.

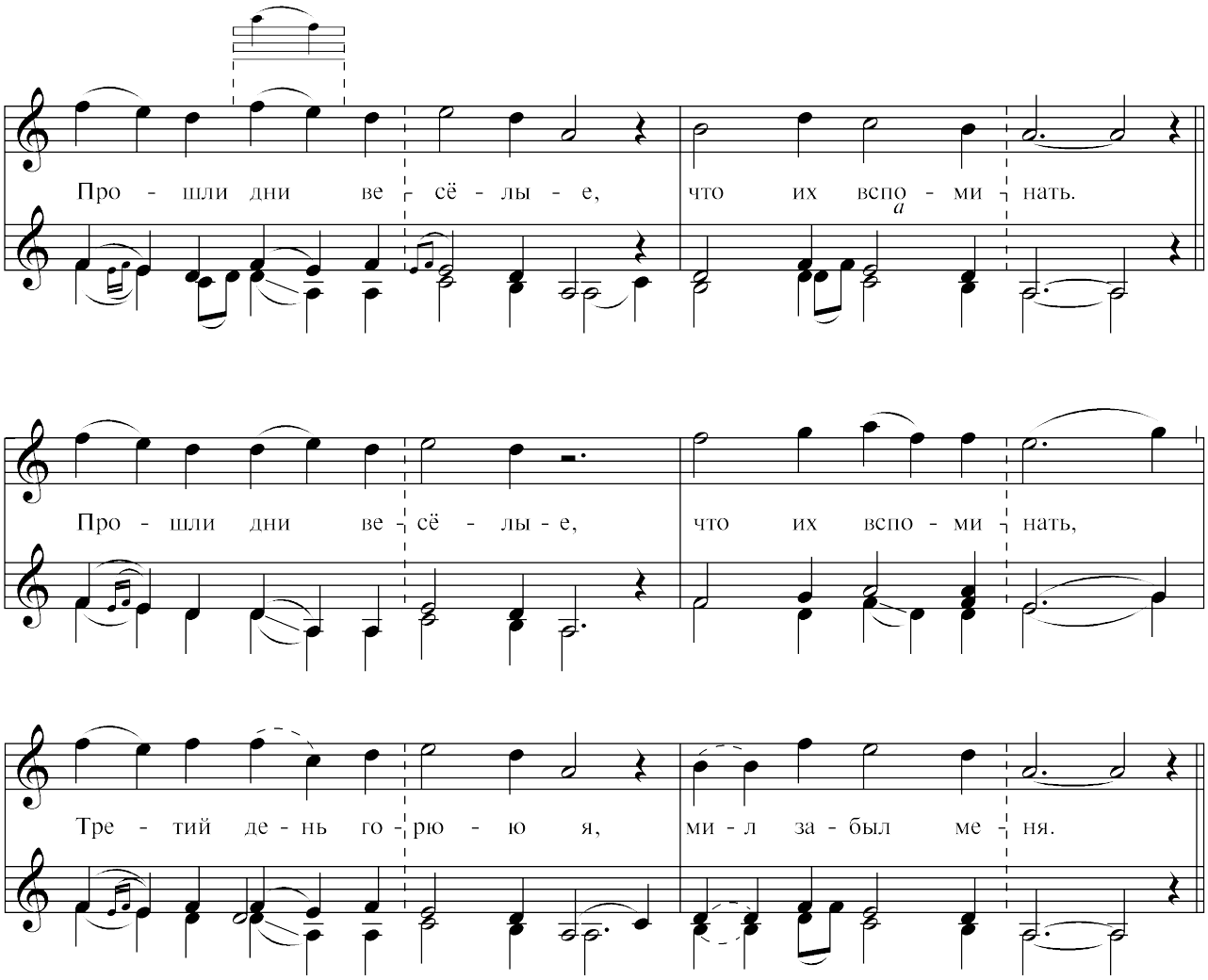
Крёстнай мой свидетель рядом становился,
Дали мне избёнку — дожжём проливает.

Дали мне избёнку — дожжём проливает,
Дали мне женёнку — чуть не помирает.

Дали мне женёнку — чуть не помирает,
А я где не сяду — везде меня мочит.

180.



* Слово «рыболовцы» пропевается: *раболовцы.*

Уж вы звезды, звездачки, полна-те сиять,
Прошли дни весёлые, что их вспаминать.

Прошли дни весёлые, что их вспоминать,
Третий день горюю я, мил забыл меня.

Третий день горюю я, мил забыл меня,
Он забыть-то не забыл, другу палюбил.

Он забыть-та не забыл, другу палюбил,
Другая — разлучница чем лучше меня?

Другая — разлучница чем лучше меня?
Или лицо белая, карие глаза.

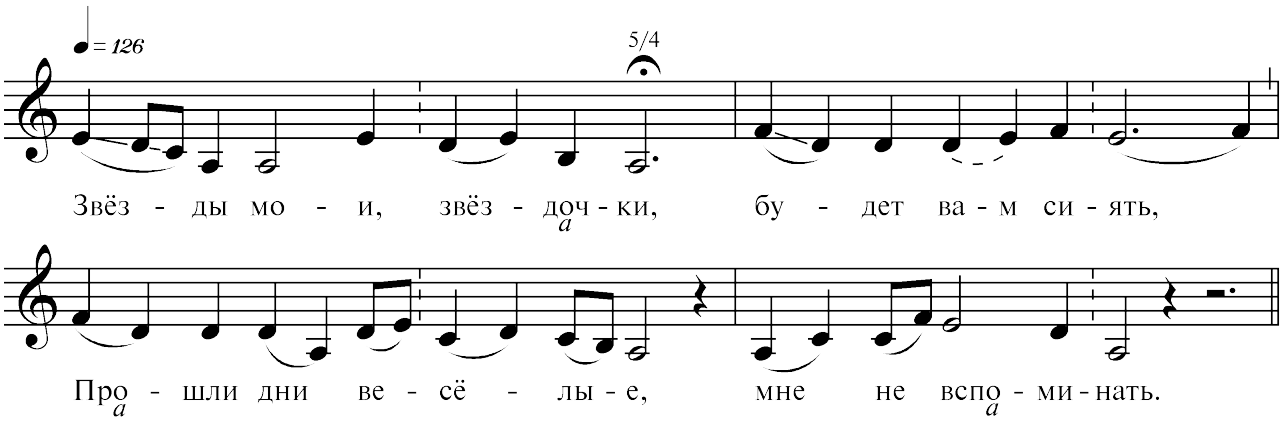
Или лицо белая, карие глаза,
Приласкала милыва, я не знаю чем.

Приласкала милыва, я не знаю чем:
Или красным яблычкам, или чем другим.

Или красным яблычкам, или чем другим,
Или змея лютая между нас легла.

Или змея лютая между нас легла, ох,
Разлучила с миленьким меня навсегда.

181.



Звёзды мои, звёздочки, будет вам сиять,
Прошли дни весёлые, мне не вспоминать.

Прошли дни весёлые, мне не вспоминать,
День и ночь тоскую я, мил забыл меня.

День и ночь тоскую я, мил забыл меня,
Он забыть-то не забыл, другую полюбил.

Он забыть-то не забыл, дугую полюбил.
Другая — разлучница, чем лучше меня?

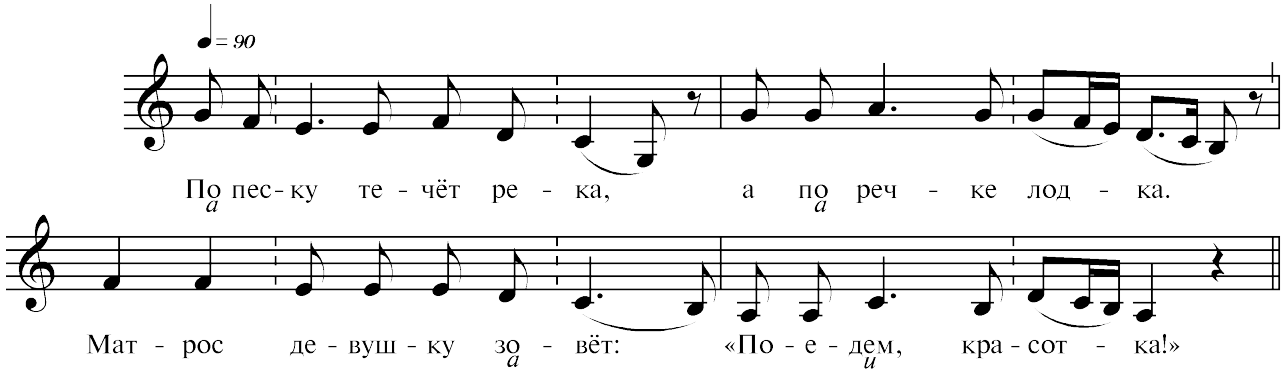
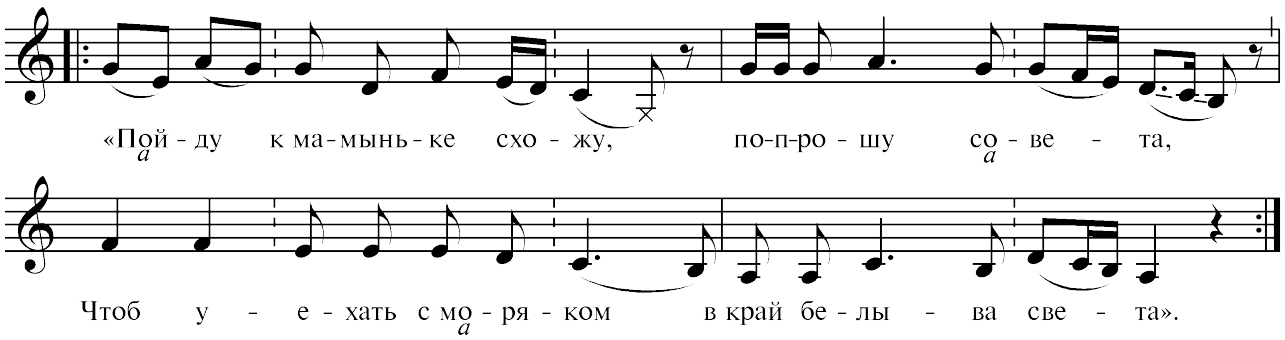
Другая — разлучница, чем лучше меня?
Брови у ней чёрные, карие глаза.

Брови у ней чёрные, карие глаза.
Скажи, чем прогневала, милый мой, тебя?

Скажи, чем прогневала, милый мой, тебя?
Или красным яблочком, или чем другим?

Или красным яблочком, или чем другим?
Три года гуляла я, милый мой, с тобой.

182.



По песку течёт река, а по речке лодка.
Матрос девушку зовёт: «Поедем, красотка!»

«Пойду к маменьке схожу, попрошу совета,
Чтоб уехать с моряком в край белыва света».

Мать совета не дала: «Бойся, дочь, матроса,
Матрос замуж не возьмёт, только насмеётся.

Оставайся, дочь моя, оставайся с нами,
Мы дадим тебе конфет, чаю с сухарями».

«Я конфеты не люблю, чай не уважаю,
Я матросика люблю, с ним я уезжаю».

Год живёт, живёт другой, горюшка не знает,
О матери о родной часто вспоминает.

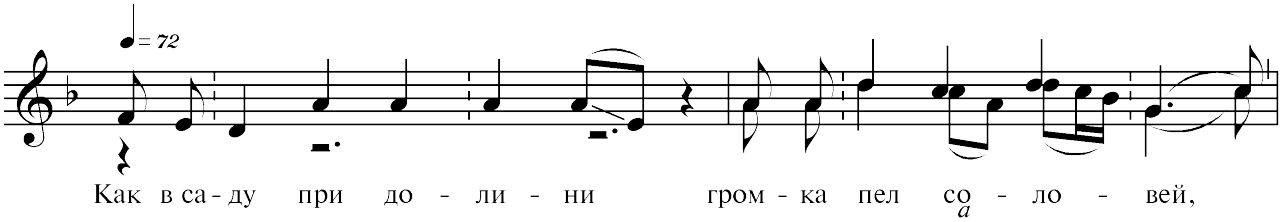
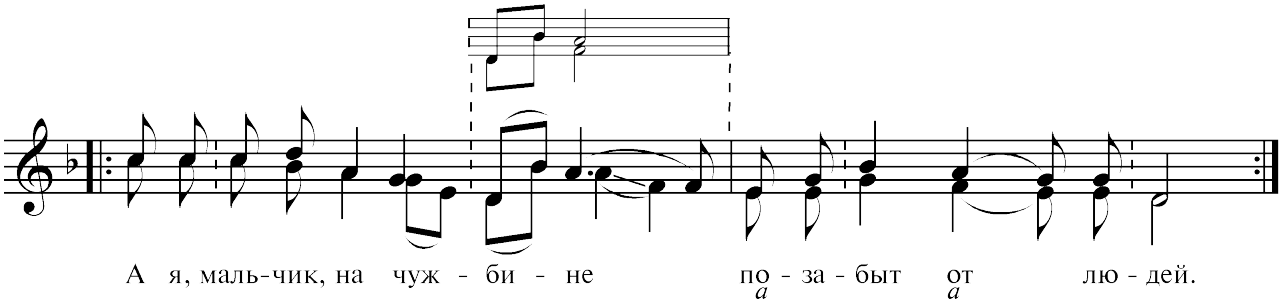
А через годик на другой дочь идёт уныло,
На руках она несёт матросёнка сына.

«Прими мать, прими меня, семья небольшая,
Через год он назовёт — бабушка родная».

«Иди дочь, иди туда, с кем совет имела,
А меня, родную мать, слушать не хотела».

«Пойдём сын, пойдём со мной, здесь не принимают,
Сине море глубоко, там нас ожидают».

«Вернись дочь, вернись, моя! Первый раз прощаю!»
«Поздно, поздно мать моя — я уж утопаю!»

183.



Как в саду при долини громка пел соловей,
А я, мальчик, на чужбине позабыт от людей,
А я, мальчик, на чужбине позабыт от людей,

Позабыт — позаброшен с молодых, юных лет,
Я остался сиротою, счастья в жизни мне нет,
Я остался сиротою, счастья в жизни мне нет.

Нету счастья и доли, я бездомнай живу,
И родного уголочка я нигде не найду,
И родного уголочка я нигде не найду.

Вот нашел уголочек, да и он был не свой,
Надоело мне скитаться, я ищу себе покой,
Надоело мне скитаться, я ищу себе покой.

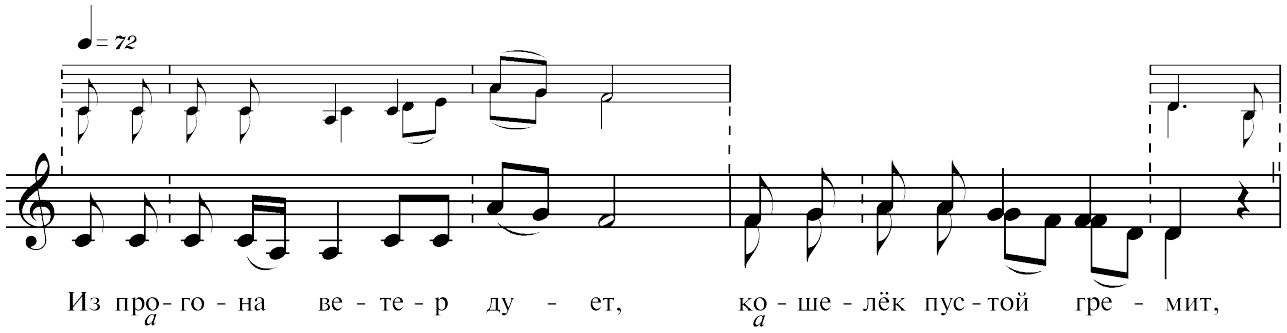
[И помру я], помру, похоронют меня,
И родные не узнают, где могилка моя,
И родные не узнают, где могилка моя.

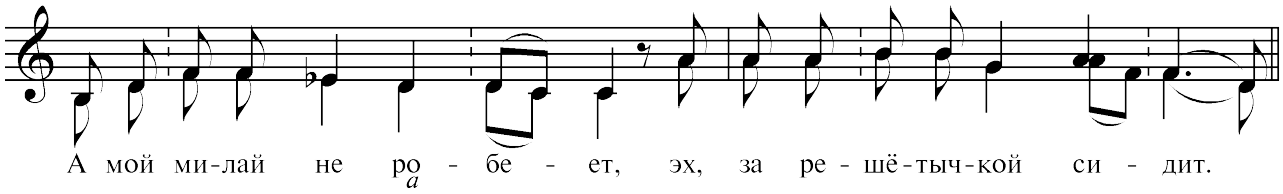
И никто не узнает, и никто не придёт,
Только раннею весною соловей пропоёт,
Только раннею весною соловей пропоёт.

Пропоёт и просвищет и опять улетит,
А моя-то всё могилка одиноко стоит,
А моя-то всё могилка одиноко стоит.

У людей на могиле всё цветы да цветы,
У меня, у сиротинки, ой, всё полынь да кусты,
У меня, у сиротинки, всё полынь да кусты.

184.





Из прогона ветер дует, кошелёк пустой гремит,
А мой милай не робеет, эх, за решётычкой сидит.

А мой милай не робеет, эх, за решётычкой сидит,
Он сидит и горько плачет, эх, сам с собою говорит.

Он сидит и горько плачет, сам с собою говорит:
— Тело грязно, ноги босы, а рубашонка как смола.

Тело грязно, ноги босы, рубашонка как смола,
Разнесчастная девчонка, до чего ж ты довела!

Разнесчастная девчонка, до чего ж ты довела,
Довела меня девчонка, эх, до позору, до стыда.

Довела меня девчонка до позору, до стыда,
До такова до позору — до тюремныва замка.

До такова до позору — до тюремныва замка,
Возьму карты, погадаю, развиселю я сам себя.

Возьму карты, погадаю, развиселю я сам себя,
Карты правду мне сказали: не любит милая меня.

Карты правду мне сказали: не любит милая меня.
Она не любит и не надо, за что же я её люблю?

Пусть не любит и не надо, за что же я её люблю?
А ты слетай-ка, чёрнай ворон, эх, на чужую сторону.

А ты слетай-ка, чёрнай ворон на родную сторону,
Пиредай милке почтенье, а и заочный поцелуй.

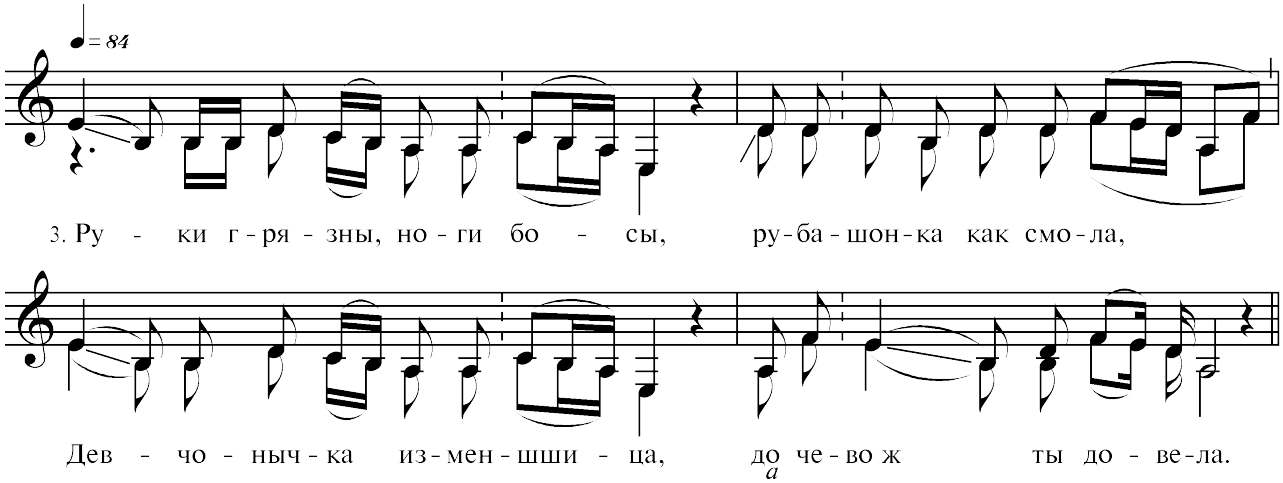
Пиредай милке почтенье, а и заочный поцелуй,
А и скажи, что я страдаю в холодной каморе сырой.

И скажи, что я страдаю в холодной каморе сырой,
Час на час я ожидаю, а не придёт ли кто родной.

Час на час я ожидаю, не придет ли кто родной,
Родные все меня забыли, забыли, бросили меня.

Родные все меня забыли, забыли, бросили меня,
Как будто н***е*** жил я на свете, не любит милая меня.

185.



[Во кармане ветер воет, кошелёк пустой звенит,
А мальчишка не робеет, за порожнею сидит.

А мальчишка] не робеет, за порожнею сидит,
Руки грязны, ноги босы, рубашонка как смола.

Руки грязны, ноги босы, рубашонка как смола,
Девчоночка изменшшица, до чего ж ты довела.

Девчоночка изменшшица, до чего ж ты довела,
Дала беленький платочек и его назад взяла.

Дала беленький платочек и его назад взяла,
Чёрный ворон, друг залётный, ты летаешь далеко.

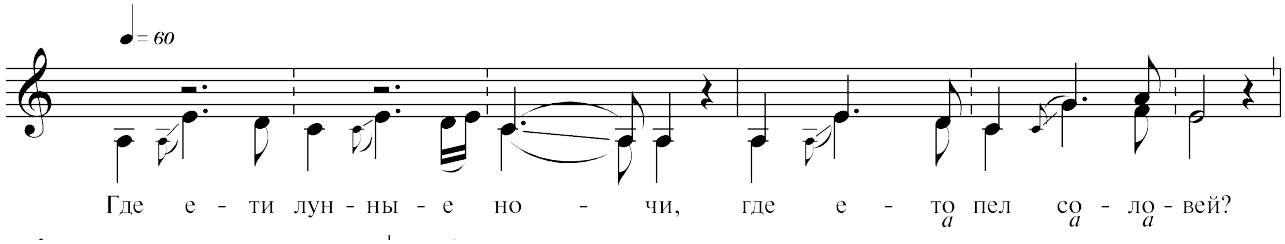
Чёрный ворон, друг залётный, ты летаешь далеко,
Ты слетай на ту сторонку, где мой миленький живёт.

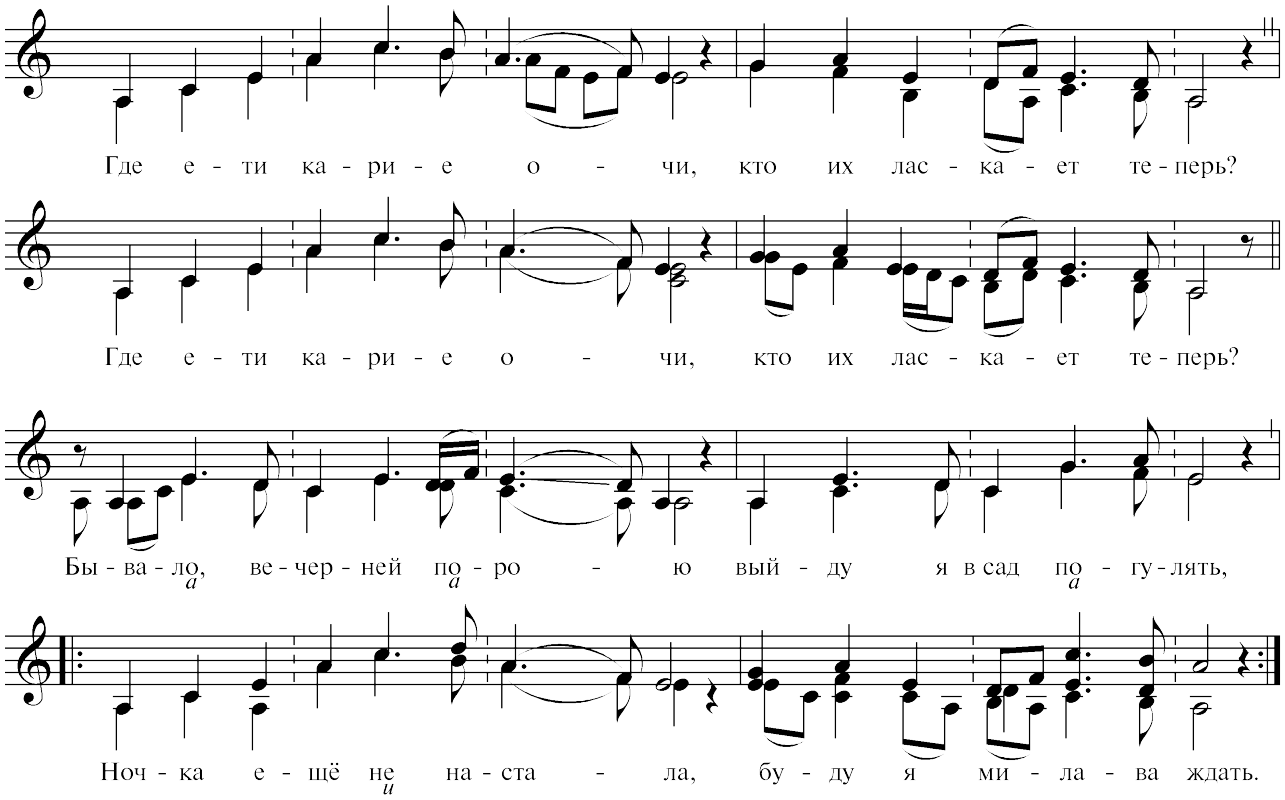
Ты слетай на ту сторонку, где мой миленький живёт,
Передай дружку почтенья и заочный поцелуй.

Передай дружку почтенья и заочный поцелуй,
Если любишь — то признайся, любовь тайную открой.

Если любишь — то признайся, любовь тайную открой,
А не любишь — откажися, дай душе моей спокой.

186.





Где ети лунные ночи, где ето пел соловей?
Где ети карие очи, кто их ласкает теперь?
Где ети карие очи, кто их ласкает теперь?

Бывало, вечерней порою выйду я в сад погулять,
Ночка ещё не настала, буду я милава ждать,
Ночка ещё не настала, буду я милава ждать.

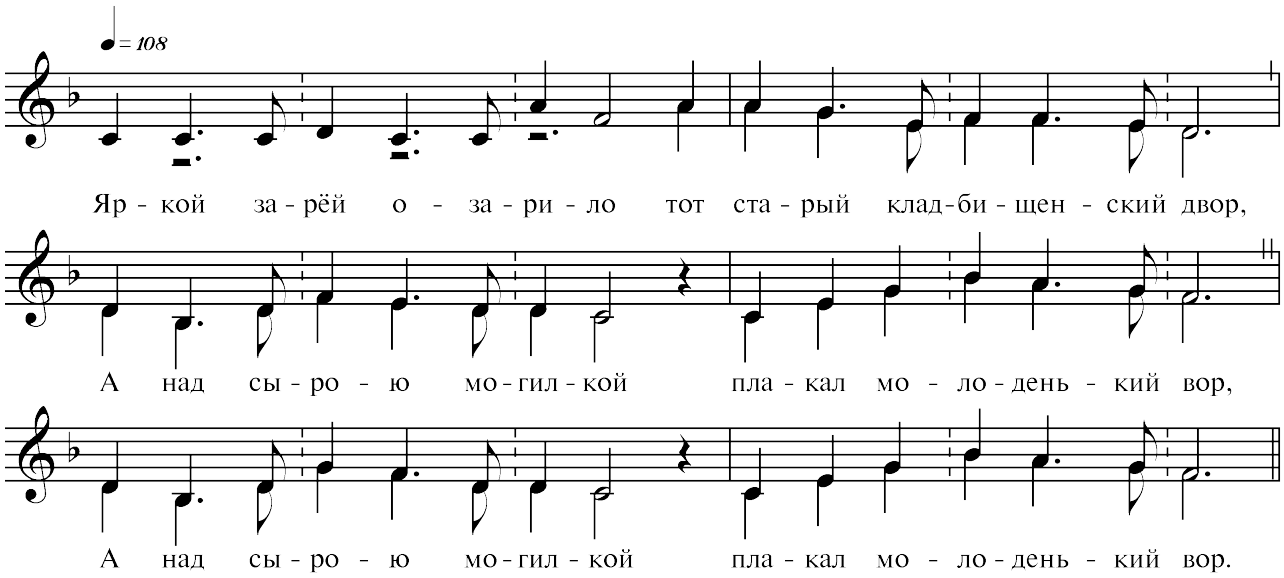
Жду я его, не дождуся, верно, не любит меня,
Верно, он любит другую, ой, как несчастлива я,
Верно, он любит другую, ой, как несчастлива я!

Слышу, шаги раздаются: верно, мой милай идёт,
Брошусь к нему я на шею и расцелую его!
Брошусь к нему я на шею и расцелую его!

Тут уж пойдут разговоры, тут уж пойдёт болтовня,
Вспомнются прежние ссоры — ссоры те были любя,
Вспомнются прежние ссоры — ссоры те были любя.

Годы пройдут за годами, старость покроет лицо,
С горя умоюсь слезами, но не забуду его!

187.



Яркой зарёй озарило тот старый кладбищенский двор,
А над сырою могилкой плакал молоденький вор,
А над сырою могилкой плакал молоденький вор.

«Мамочка, родная мама, зачем ты так рано ушла,
С жизнью рассталась рано, отца моего не нашла,
С жизнью рассталась рано, отца моего не нашла».

В том замке роскошно и пышно с княжною живёт прокурор,
Не зная тоски и печали, не зная, что сын его вор,
Не зная тоски и печали, не зная, что сын его вор.

А там, на скамье подсудимых, молоденький мальчик сидит
И голубыми глазами на прокурора глядит,
И голубыми глазами на прокурора глядит.

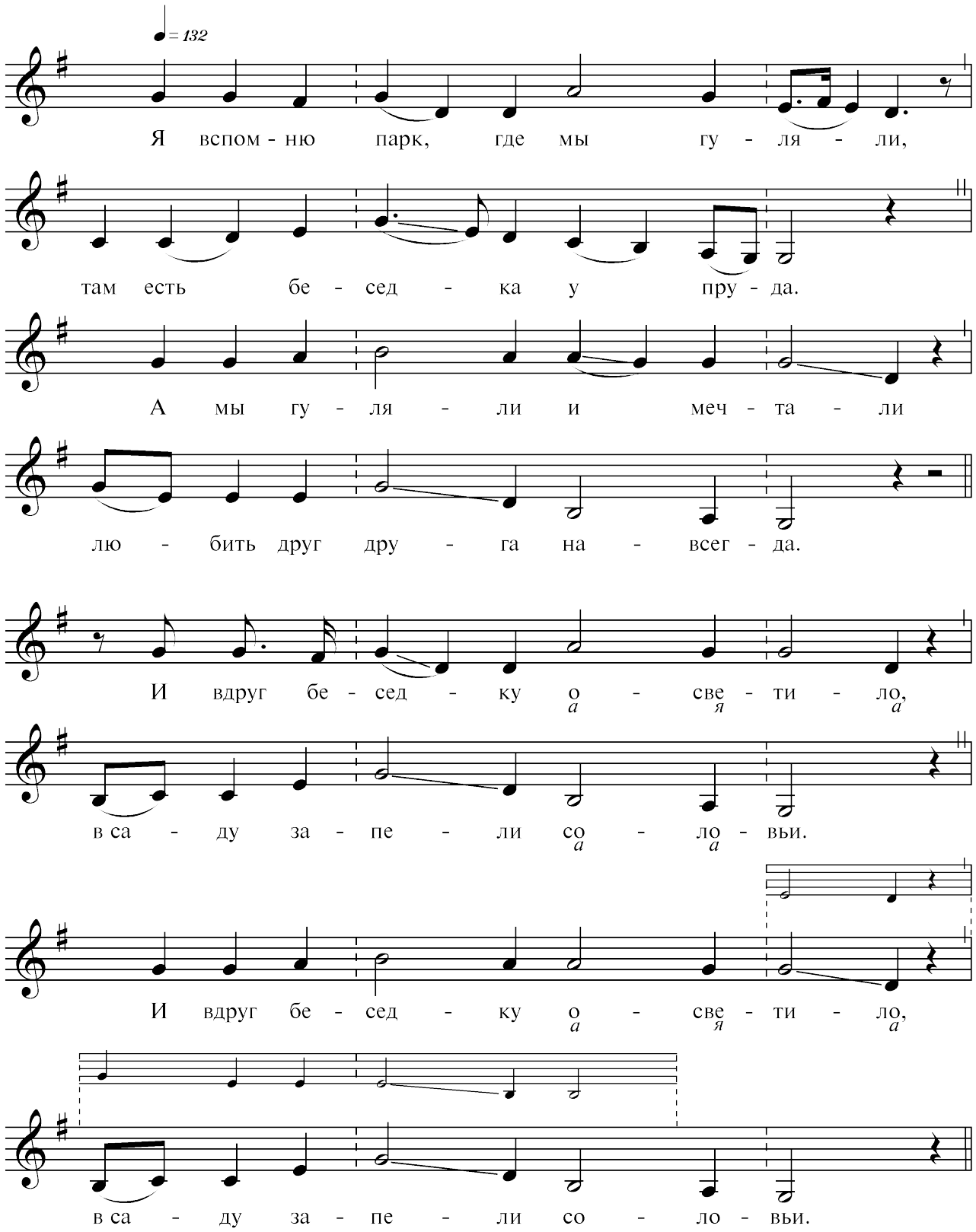
Слышится речь прокурора: «Преступника надо судить
За грабежи и убийства нельзя его больше простить,
За грабежи и убийства нельзя его больше простить».

Вот кончилась речь прокурора, преступнику слово дают:
«Ой, судьи, судите быстрее, лицо перед вами дано,
Ой, судьи, судите быстрее, лицо перед вами дано.

Я сын трудового народа, отец мой сейчас прокурор,
Он сына лишает свободы, скажите, и кто из нас вор,
Он сына лишает свободы, скажите, и кто из нас вор?»

Прокурор тут нечаянно вздрогнул, он сына родного узнал,
Но приговор был уж зачитан и вор у могилки стоял,
Но приговор был уж зачитан и вор у могилки стоял.

Зарей озарило тот старый кладбищенский двор,
А над двойною могилкой плакал отец-прокурор,
А над двойною могилкой плакал отец-прокурор.

188.

Я вспомню парк, где мы гуляли, там есть беседка у пруда.
А мы гуляли и мечтали любить друг друга навсегда.

И вдруг беседку освятило, в саду запели соловьи.
И вдруг беседку освятило, в саду запели соловьи.

А во мне чувства пробудились, и я её поцеловал.
А во мне чувства пробудились, и я её поцеловал.

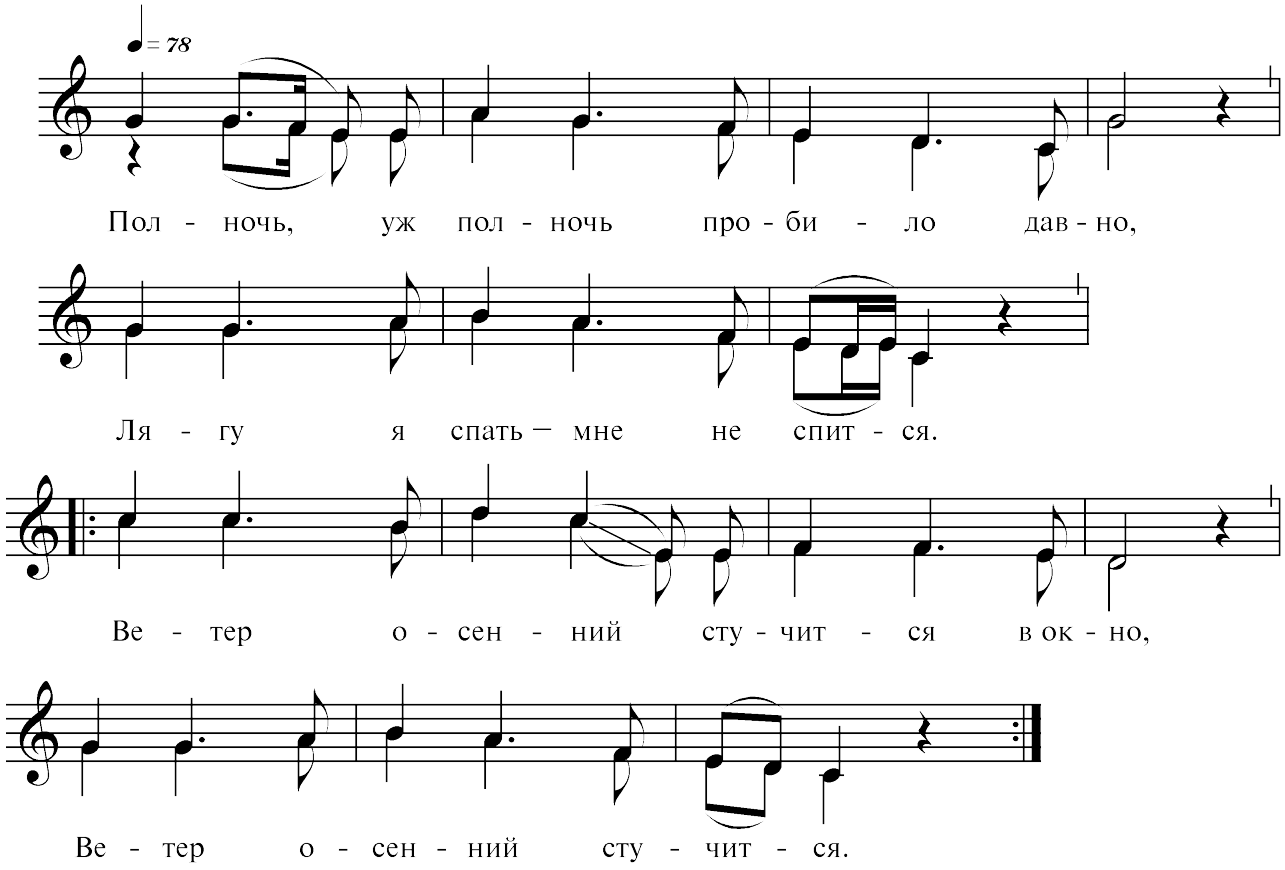
Она на это осердилась, смотреть не хочет на меня.
Она на это осердилась, смотреть не хочет на меня.

Я перед нею на коленях просил прощенья у нея.
Я перед нею на коленях просил прощенья у нея:

«Прости меня, младая дева, преступник твой — у ног твоих.
Прости меня, младая дева, преступник твой — у ног твоих.

Преступник твой души и тела, прости меня — а что ж молчишь?
Преступник твой души и тела, прости меня — а что ж молчишь?»

Она чуть слышно прошептала: «Тебя, мой друг, Господь простит!»
Она чуть слышно прошептала: «Тебя, мой друг, Господь простит!»

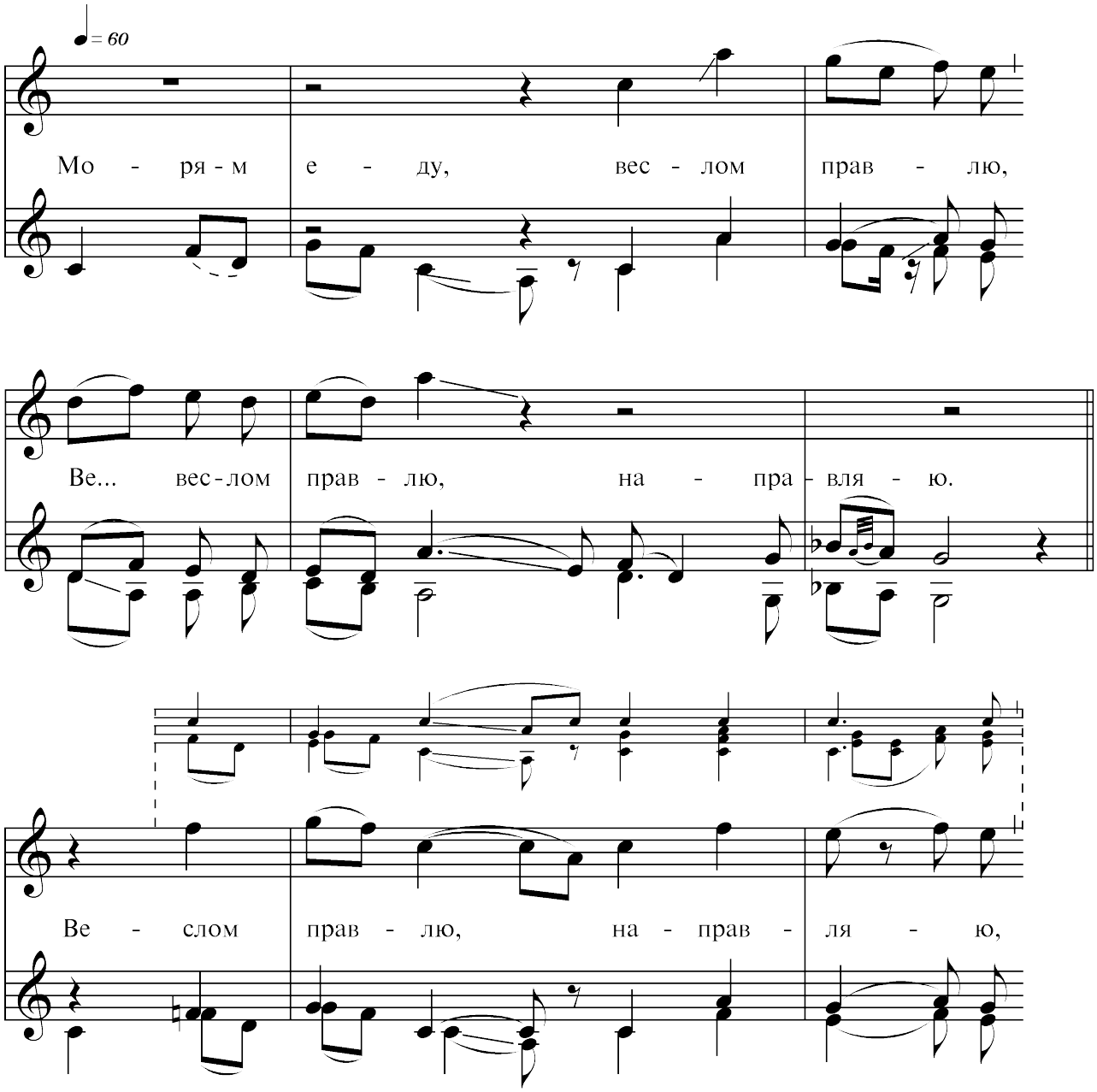
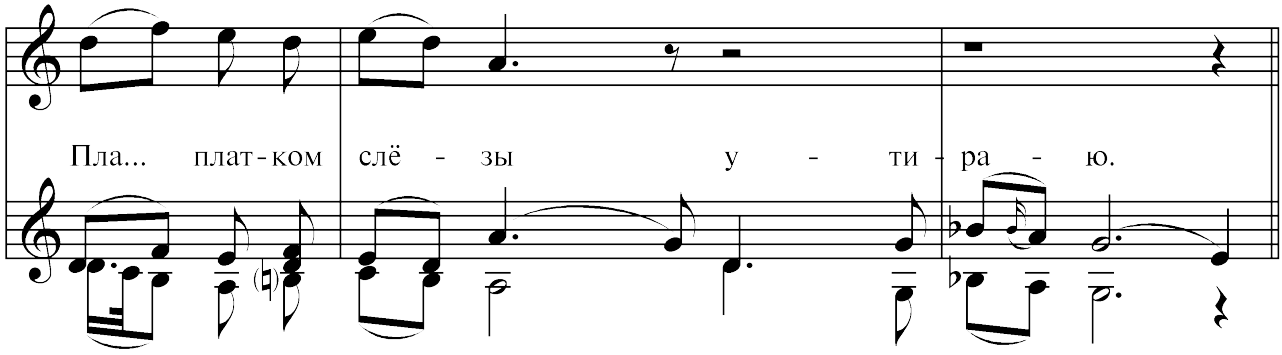
189.

Полночь уж, полночь пробило давно,
Лягу я спать — мне не спится.
Ветер осенний стучится в окно,
Ветер осенний стучится.

Ветра осеннева жалобный стон —
Слышать его не могу я.
Скоро ли, скоро найду я покой,
Скоро ли, скоро усну я?

Мой дорогой, как люблю я тебя,
Любишь ли ты — я не знаю.
Так терпеливо любовь я сношу
И горделиво страдаю.

Что же мне делать: иль в ноги упасть?
Слишком горда для признанья,
Я не хочу, чтобы весь мир узнавал
Гордого сердца страданья.

Полночь уж, полночь пробило давно,
Лягу я спать — мне не спится.
Ветер осенний стучится в окно,
Ветер осенний стучится.

190.



Морям еду, веслом правлю,
Ве... веслом правлю, направляю.

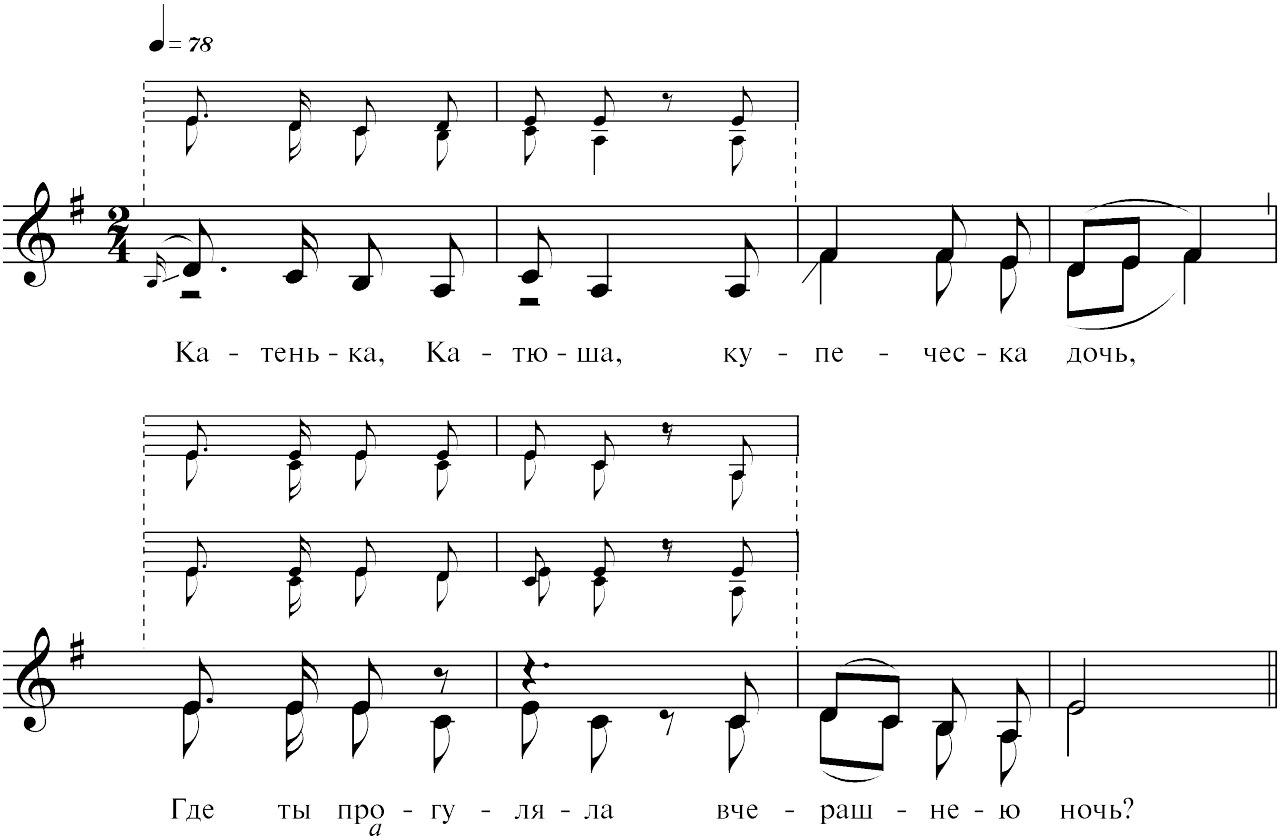
Веслом правлю, направляю,
Пла... платком слёзы утираю.

Платком слёзы утираю,
Ты... ты не плачь, душа Анюта.

Ты не плачь, душа Анюта,
Ос... остается жить минута.

Остается жить минута,
Ми... минутычка часовая.

Минутычка часовая,
Нам-то разлука вековая.

191.

Катенька, Катюша, купеческа дочь,
Где ты прагуляла вчерашнею ночь?

А поутру рано будила её мать:
— Вставай, вставай, Катя, довольно тебе спать,

Вставай, вставай, Катя, довольно тебе спать,
Пашли пароходы по морю гулять.

Пашли пароходы по морю гулять,
Адин парус белый, другой — галубой.

Адин парус белый, другой — галубой,
Адин матрос старый, другой — маладой.

Адин матрос старый, другой — маладой,
Выходила Катя на берег крутой.

Выходила Катя на берег крутой,
Миламу махала всё лентой галубой.

Миламу махала всё лентой галубой,
Дайте мне бумаги, ещё — карандаш.

Дайте мне бумаги, ещё — карандаш,
Напишу записку, а ты пиредашь.

Напишу записку, а ты пиредашь,
Пусть он прачитаит и вспомнит меня.

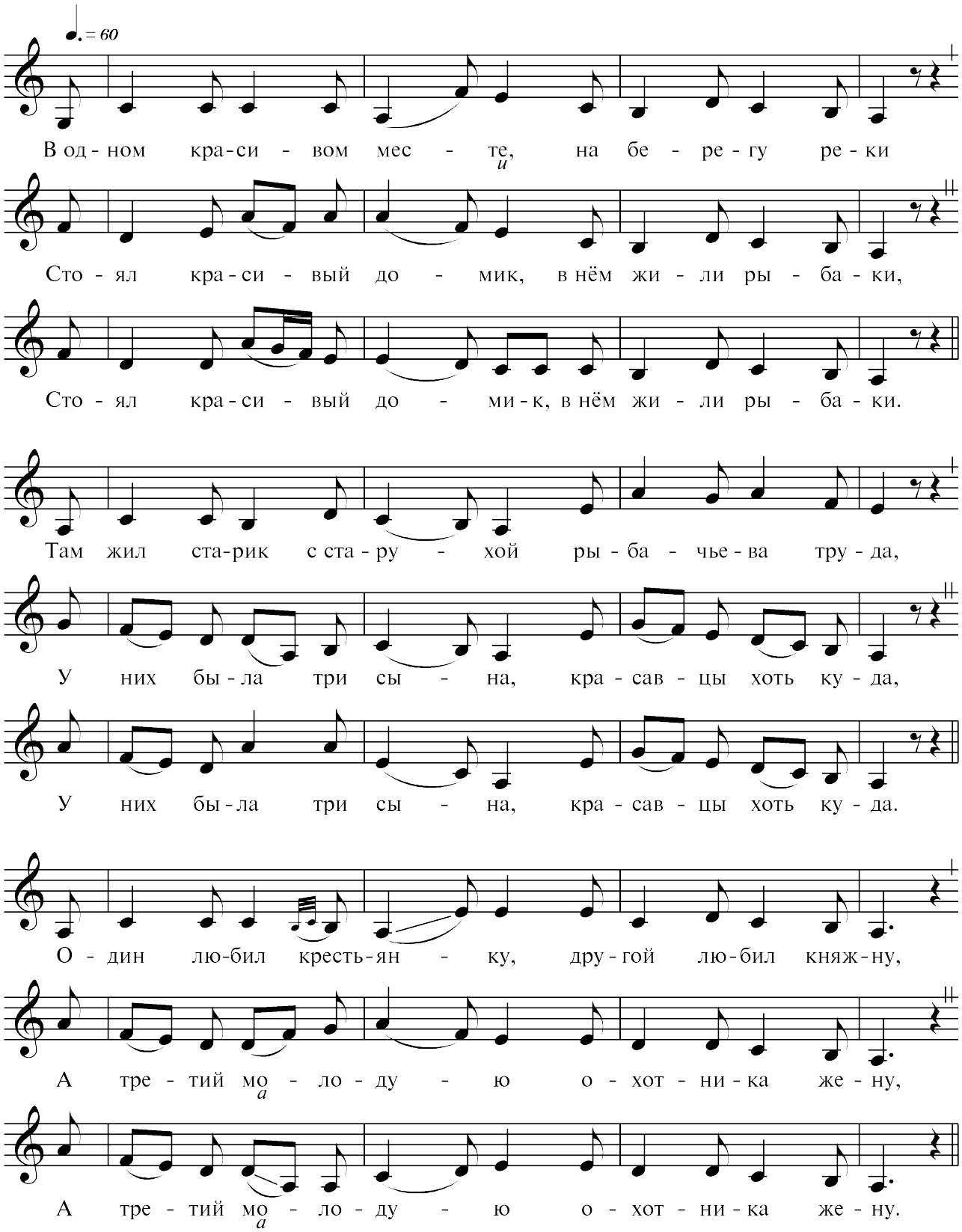
Пусть он прачитаит и вспомнит меня:
— Что была за Катя, Катюша у меня,

Что была за Катя, Катюша у меня?
Зачем жа купаться в халоднай воде,

Зачем жа купаться в халоднай воде?
Я и не купалась — меня ублили,

Я не купалась — меня ублили,
Зачем же влюбляться в чужой стороне,

Зачем же влюбляться в чужой стороне?
Я и не влюблялась — меня ой, завлекли.

192.

В одном красивом мести, на берегу реки
Стоял красивый домик, в нём жили рыбаки,
Стоял красивый домик, в нём жили рыбаки.

Там жил старик с старухой рыбачьева труда,
У них было три сына, красавцы хоть куда,
У них было три сына, красавцы хоть куда.

Один любил крестьянку, другой любил княжну,
А третий молодую охотника жену,
А третий молодую охотника жену.

Любил он её тайно, охотник сам не знал,
Вся жизнь его разбита, и он по ней страдал,
Вся жизнь его разбита, и он по ней страдал.

Задумал раз охотник по лесу побродить,
Он встретил там цыганку и начал ворожить,
Он встретил там цыганку и начал ворожить.

Цыганка молодая умела ворожить,
Все карты разложила, боялась говорить,
Все карты разложила, боялась говорить.

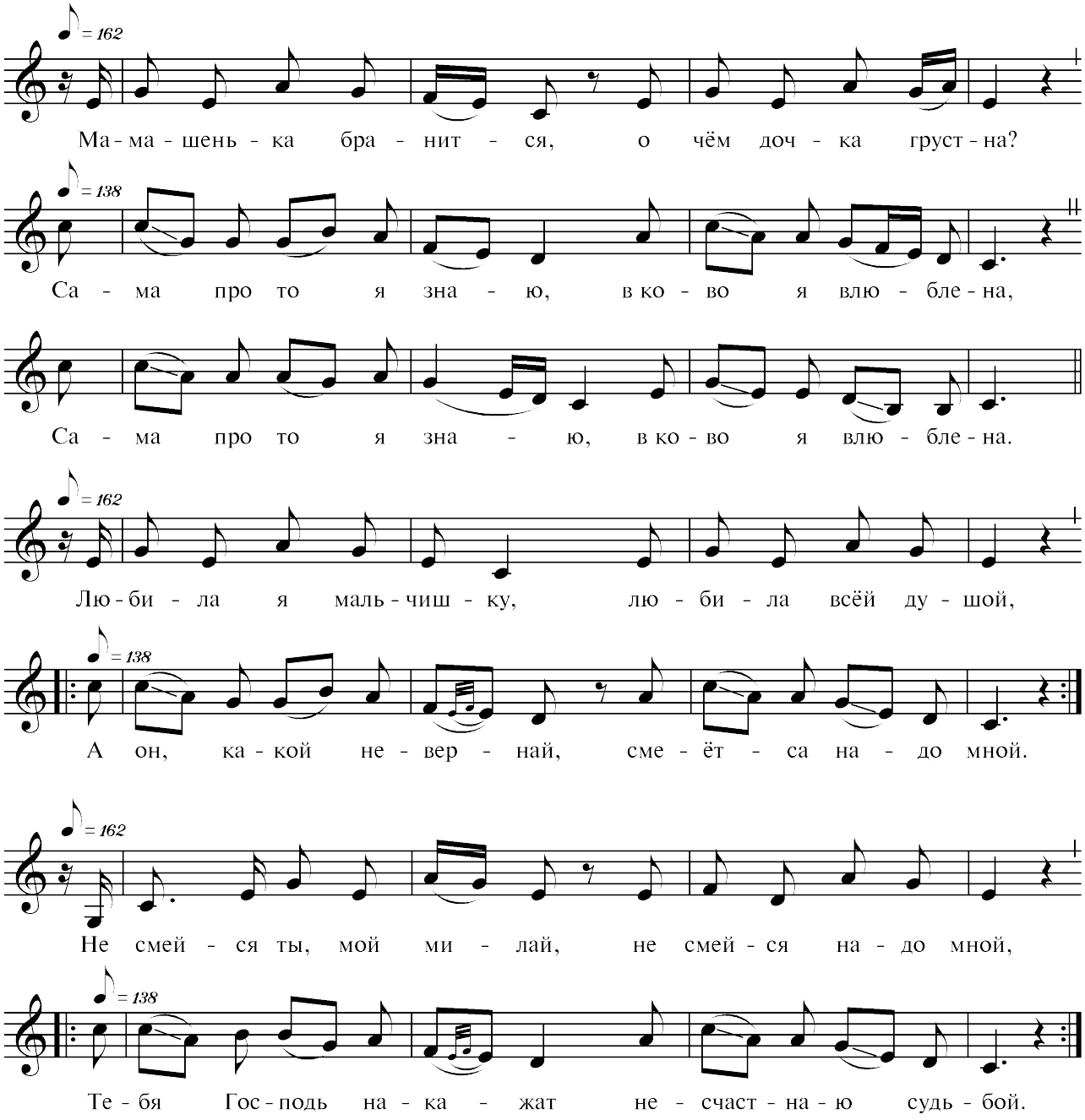
«Жена твоя неверна: девятка так легла,
А туз виней — могила», — она произнесла.
«А туз виней — могила», — она произнесла.

Охотник усмехнулся, цыганке заплатил,
А сам тропой знакомой домой поворотил,
А сам тропой знакомой домой поворотил.

Подходит ближе к дому и видит у крыльца:
Жена его неверна в объятьях рыбака,
Жена его неверна в объятьях рыбака.

И выстрел тут раздался, рыбак младой упал,
За ним жена неверна, потом охотник сам,
За ним жена неверна, потом охотник сам.

На утро все три трупа лежали впереди,
Глаза полуоткрытые — в могилу жить ушли,
Глаза полуоткрытые — в могилу жить ушли.

193.

Мамашенька бранится, о чём дочка грустна?
Сама про то я знаю, в кого я влюблена,
Сама про то я знаю, в кого я влюблена.

Любила я мальчишку, любила всёй душой,
А он, какой неверная, смеётся надо мной
А он, какой неверная, смеётся надо мной.

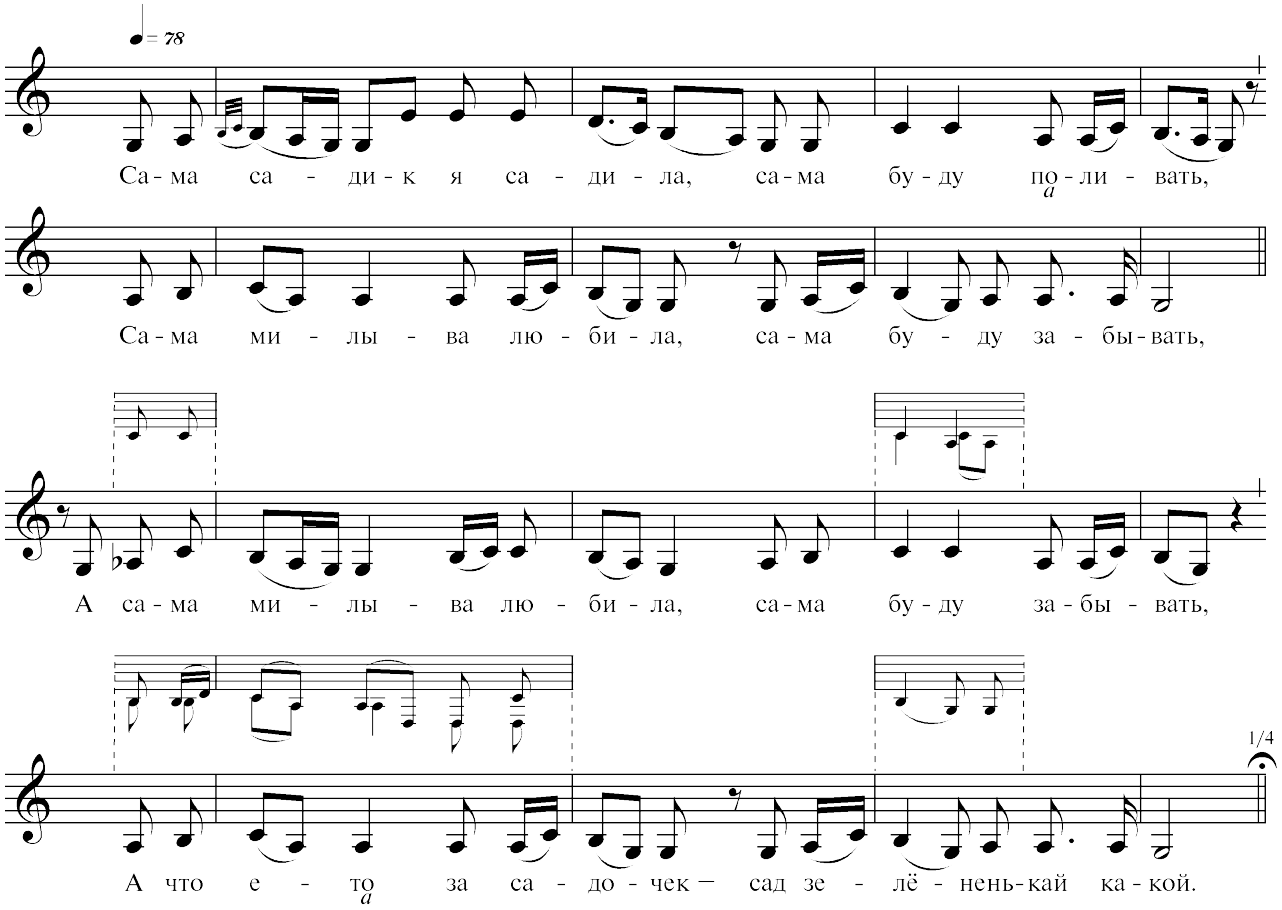
Не смейся ты, мой милай, не смейся надо мной,
Тебя Господь накажат несчастнаю судьбой,
Тебя Господь накажат несчастнаю судьбой.

Несчастнаю судьбою, розвратницай женой,
Не в поли ветер воит — военнай гром гремит,
Не в поли ветер воит — военнай гром гремит.

Не в поли ветер воет — военнай гром гремит,
Никто так не сражался, как милый на войне,
Никто так не сражался, как милый на войне.

Никто так не сражался, как милый на войне,
Он пули ни боялся, всё думал убо мне,
Он пули ни боялся, всё думал убо мне.

Убит, убит, мой милай, под кустиком лежит,
А бела рубашонка на кусту висит,
А бела рубашонка на кусту висит.

194.

Сама садик я садила, сама буду паливать,
Сама милыва любила, сама буду забывать,

А сама милыва любила, сама буду забывать,
А что ета за садочек — сад зелёненькай какой.

А что ето за садочек — сад зелёненькый какой,
А что ето за мальчишка — разбессовестный какой!

А что ето за мальчишка — разбессовестный какой:
Праложил про девку славу по всей улицы большой.

Праложил про девку славу по всей улицы большой,
Все соседушки узнали, и подруги гаворят.

Все соседушки узнали, и подруги гаворят,
За глаза девку ругают и в глаза её стыдят.

За глаза девку ругают и в глаза её стыдят.
Девчонычки стыдна стала, стала плакать и рыдать.

Девчонычки стыдна стала, стала плакать и рыдать,
А мальчишки жалка стала — стал девчонку унимать.

А мальчишки жалка стала — стал девчонку унимать,
Вынул беленькай платочик, стал ей слёзы утирать.

Вынул беленькай платочик, стал ей слёзы утирать:
«Не плачь, девка, не плачь, красна, сам я холаст, ни женат

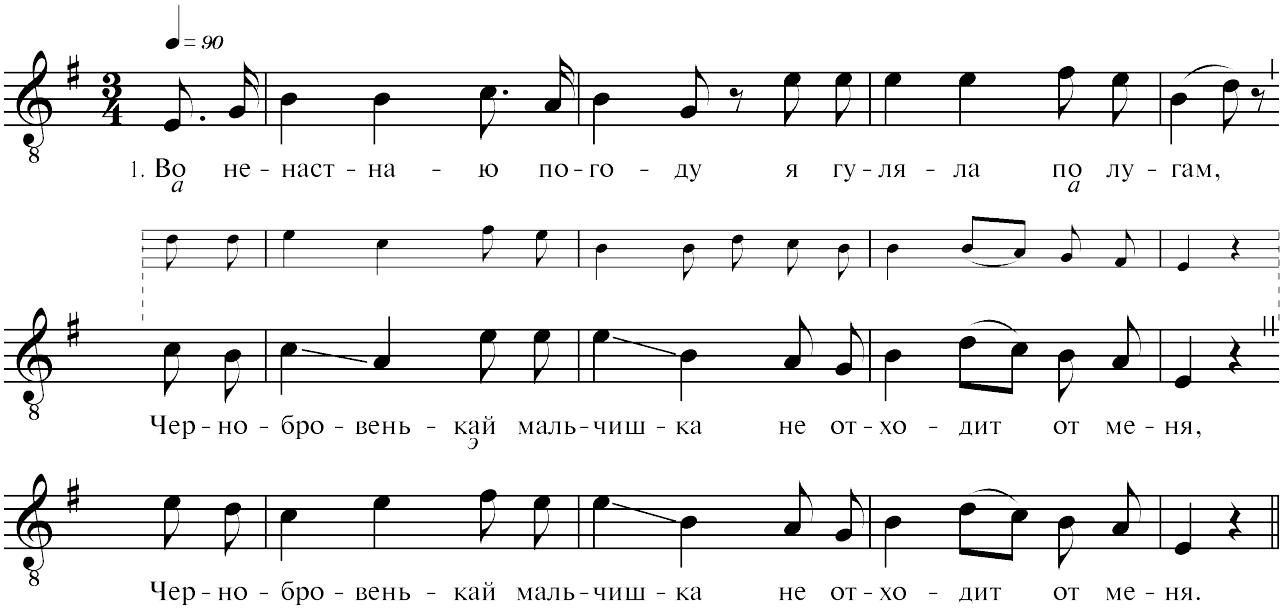
Не плачь, девка, не плачь, красна, сам я холаст, ни женат,
Если вздумаю жениться, то посватаю тебя!

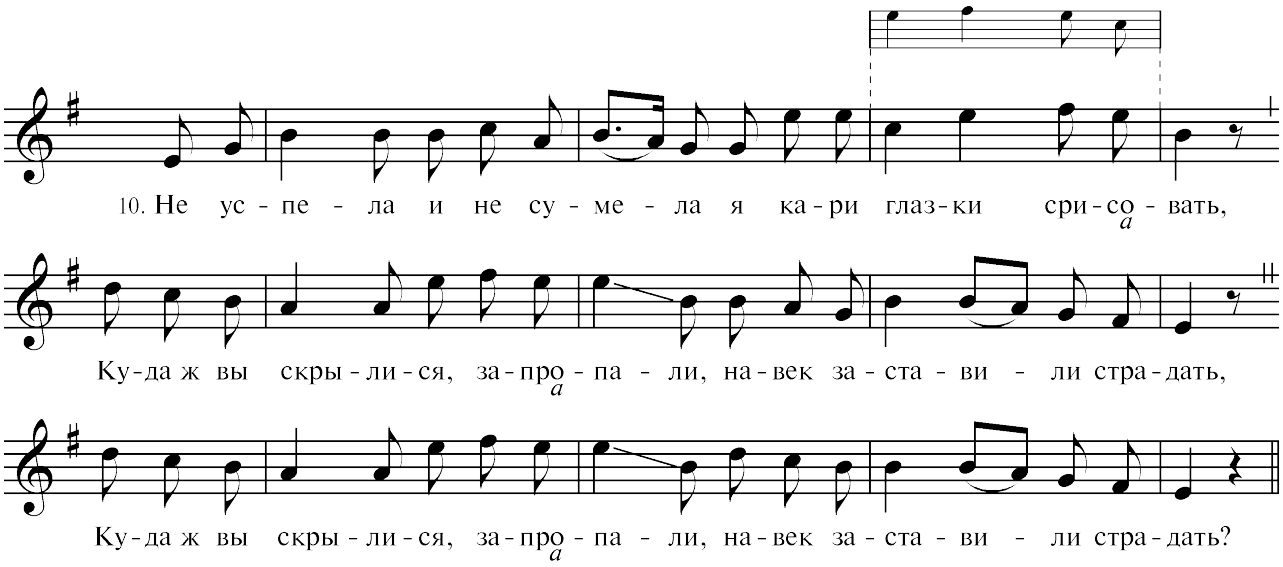
Если вздумаю жениться, то посватаю тебя!».
«Уж ты сватай, сват богатай, всё равно я ни пойду!

«Уж ты сватай, сват богатай, всё равно я ни пойду!
Твоя маменька сердита, завсегда будет ругать.

Твоя маменька сердита, завсегда будет ругать,
А я девушка грус[т]лива, буду плакать и рыдать».

195.





Во ненастнаю погоду я гуляла по лугам,
Чернобровенькай мальчишка не отходит от меня,
Чернобровенькай мальчишка не отходит от меня.

Он идёт со мною рядом, про любовь всё говорит,
А я слушала, молчала, всё дальши, дальши за ним шла,
А я слушала, молчала, всё дальши, дальши за ним шла.

Я огромную аллею не видала, как прошла,
Вдруг упал он на колени и сказал: «Люблю тебя!»
Вдруг упал он на колени и сказал: «Люблю тебя!»

«Посмотри, милый, на небо — на небе светится луна,
Если люди нас увидят, то нам с тобой, милый, беда,
Если люди нас увидят, то нам с тобой, милый, беда».

«Что нам люди, что нам люди, если я тебя люблю!»
«А меня маменька ругает, домой я поздно прихожу,
А меня маменька ругает, домой я поздно прихожу».

Прихожу домой я поздно — начинает ругать мать:
— Долго, долго дочь гуляешь, пора бы замуж отдавать,
Долго, долго ты дочь гуляешь, пора бы замуж отдавать.

Не прошло тому с полгода, мать придано собрала,
За помещика за седого меня замуж отдала,
За помещика за седого меня замуж отдала.

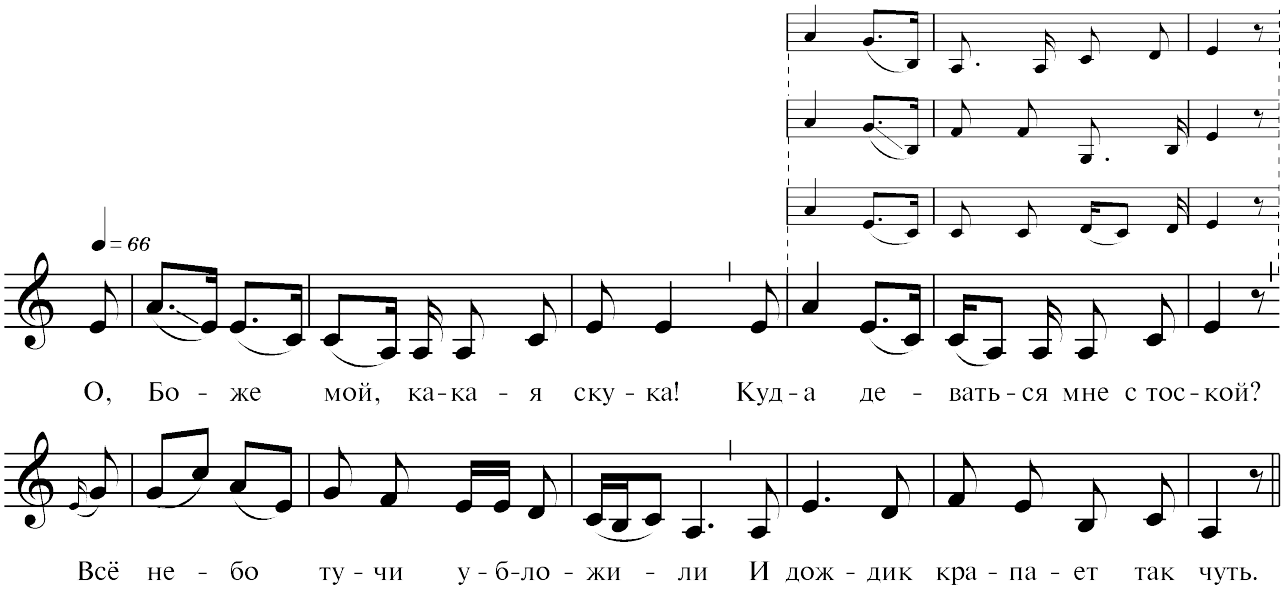
Я помещика седого, ой, до страсти не люблю,
А мальчишка молодого забыть никак я не могу,
А мальчишка молодого забыть никак я не могу.

Дайте кисти, дайте краски, живописькой буду я,
Я срисую кари глазки, их оставлю для себя,
Я срисую кари глазки, их оставлю для себя.

Не успела и не сумела я глазки срисовать,
Куда ж вы скрылися, запропали, навек заставили страдать,
Куда ж вы скрылися, запропали, навек заставили страдать?

Я страдала в жизни много, страдать я буду по тебе,
Тебя, мой милый, я не забуду, в какой бы не был стороне,
Тебя, мой милый, я не забуду, в какой бы не был стороне.

196.



О, Боже мой, какая скука!
Куда деваться мне с тоской?
Все небо тучи убложили,
И дождик крапает так чуть. *

Среди над озером в тумане,
Скиталась дева по скалам,
Она кляла свого тирана,
Хотела жизнь отдать волнам.

«Тиран, тиран, ты злой мучитель,
Зачем ты мучаешь меня?
Я черз тебя, тиран-мучитель,
Лишилась матери-отца.

Отца я с матерью лишилась,
Родным всем стала не нужна,
Родные все меня ругают,
Знакомы все меня бранят.

Пущай бранят, пущай ругают,
Мне всё равно, мне всё равно,
Мне всё равно — страдать я буду,
Страдать привыкла я давно».

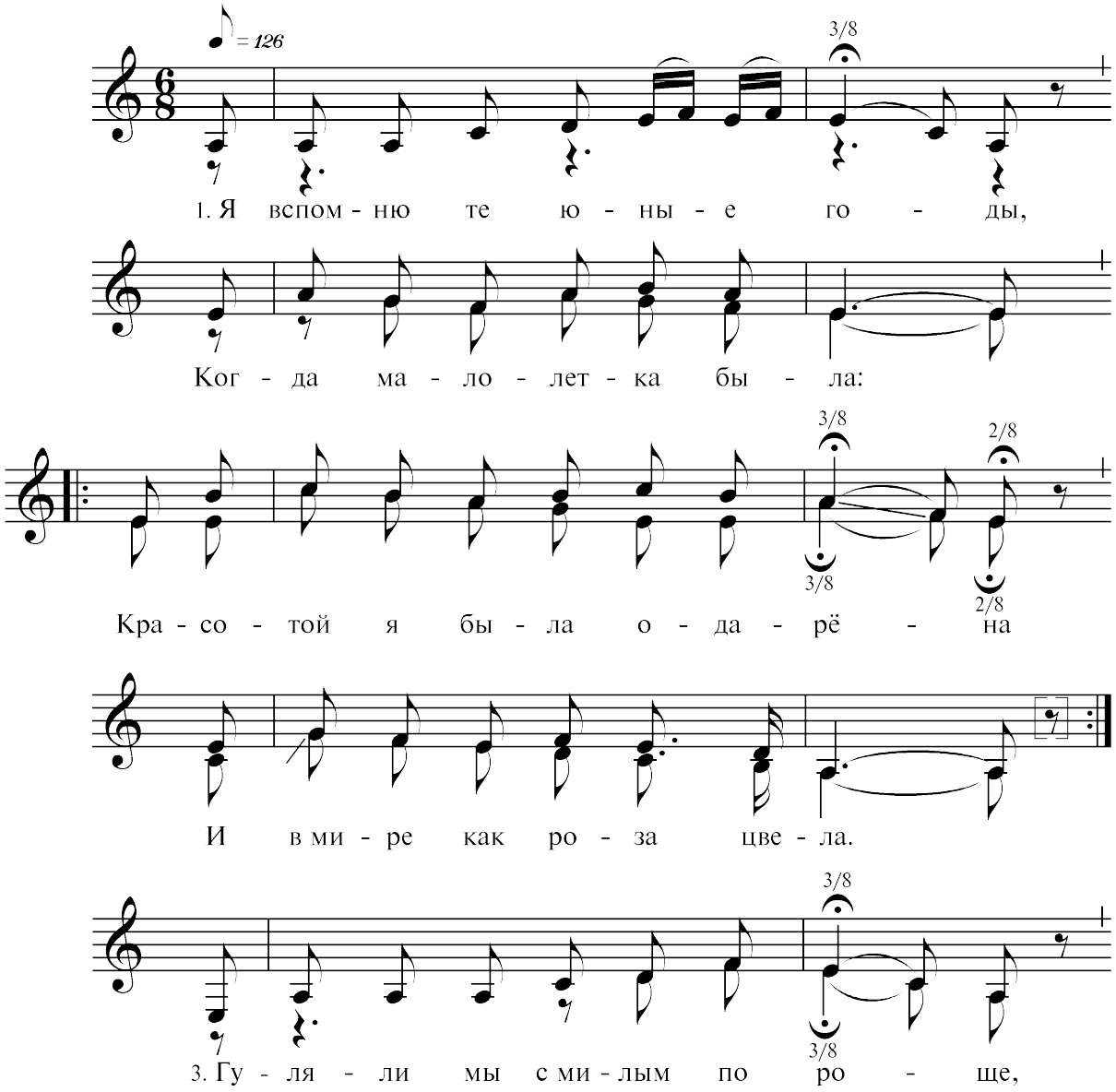
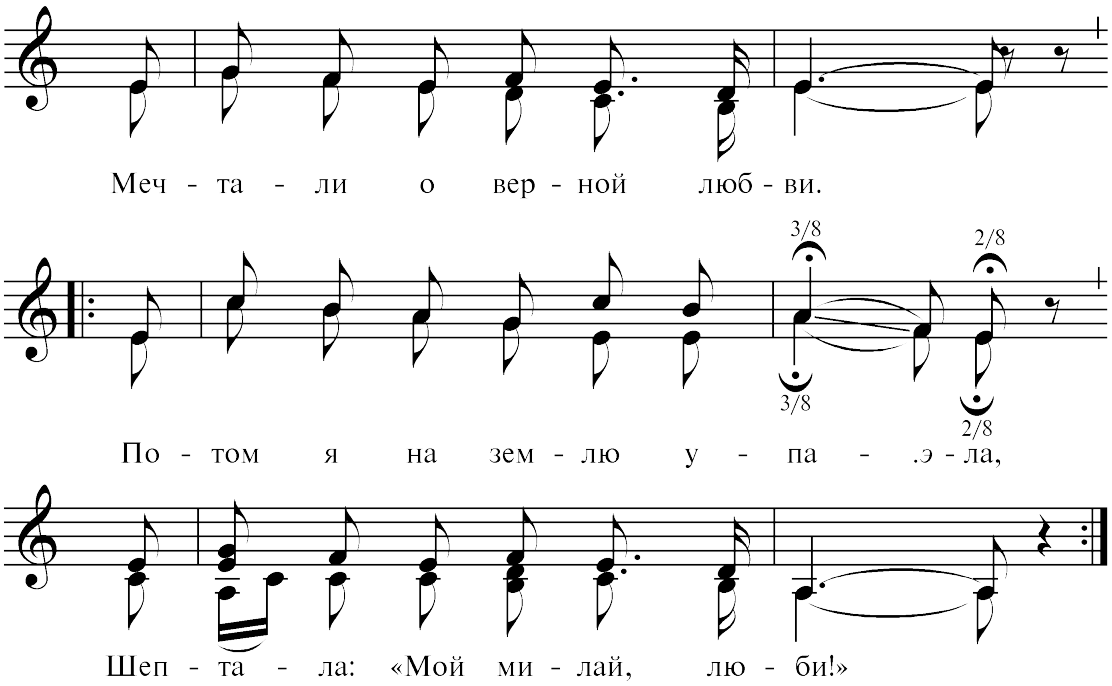
---

* Исполнительнице трудно петь, поэтому она сокращает повтор двух последних строк.

Девчонка к морю подходила,
Кричала: «Вольный свет, прощай!
Прощайте, кустики-берёзы,
Прощай, изменщик, навсегда».

Девчонка в море бросила́ся,
И волны по морю пошли.
Теперя Катеньки не стало,
Она на дне морском лежит.

Девчонки в озеро сходитесь,
Пока краса ваша цветёт,
Моей вы участи страшитесь,
Она к погибели ведёт.

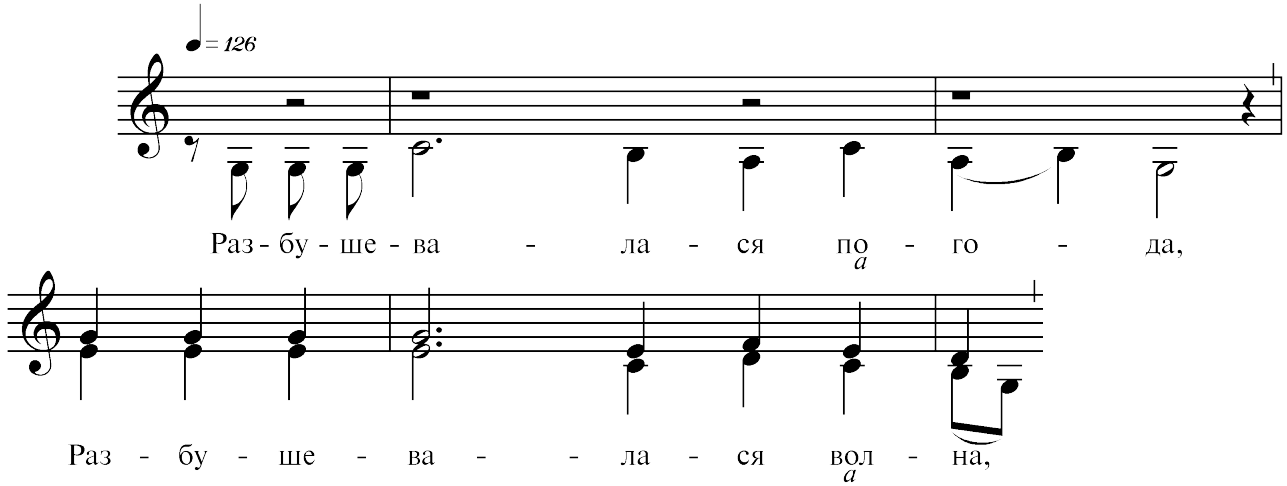
197.



Я вспомню те юные годы,
Когда малолетка была.
Красотой я была одарёна
И в мире как роза цвела.*

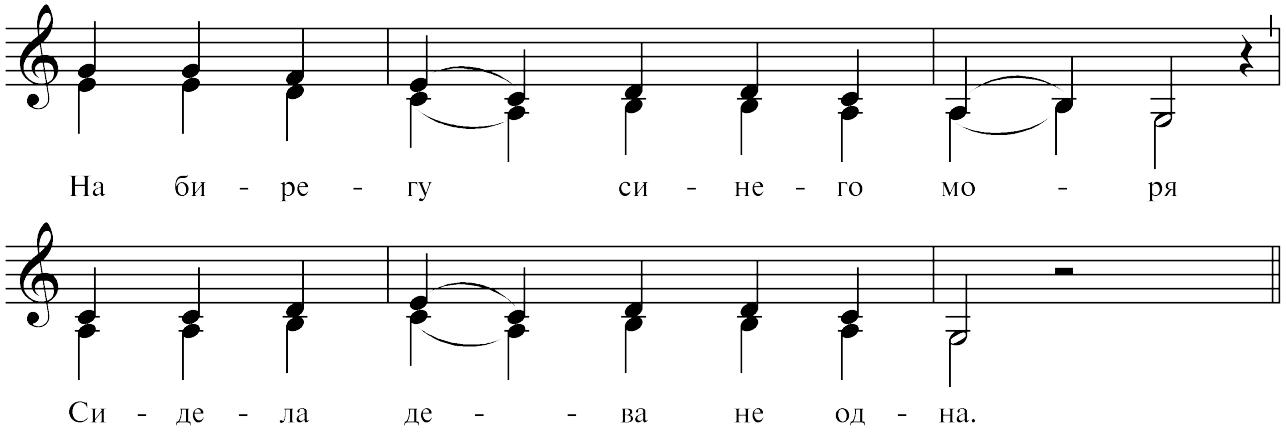
Родные меня все любили,
Мальчишки гонялись за мной.
Семнадцать мне лет миновало,
И что же случилось со мной?

Гуляли мы с милым по роще,
Мечтали о верной любви.
Потом я на землю упала,
Шептала: «Мой милай, люби!»

198.



* Последние две строки каждого четверостишия повторяются.



Разбушевалася погода,
Разбушевалася волна,
На бирегу синего моря
Сидела дева не одна.

На бирегу синего моря
Сидела дева не одна,
А на руках у ней ребёнок,
Прижавши к гру́дям, крепко спит.

А на руках у ней ребёнок,
Прижавши к гру́дям, крепко спит,
Она ребёнка целовала,
Сама ребёнку говорит.

Она ребёнка целовала,
Сама ребёнку говорит:
«Малютка, ты не виноватый,
А виноватый милый мой!

Малютка, ты не виноватый,
А виноватый милый мой!
Он виселится, пьёт, гуляет
Среди товарищей своих.

Он виселится, пьёт, гуляет
Среди товарищей, друзей».
Девчонка к морю подходила
И тихо с берега сошла.

Девчонка к морю подходила
И тихо с берега сошла,
Ребёнка в море опустила,
Сама заплакала, пошла.

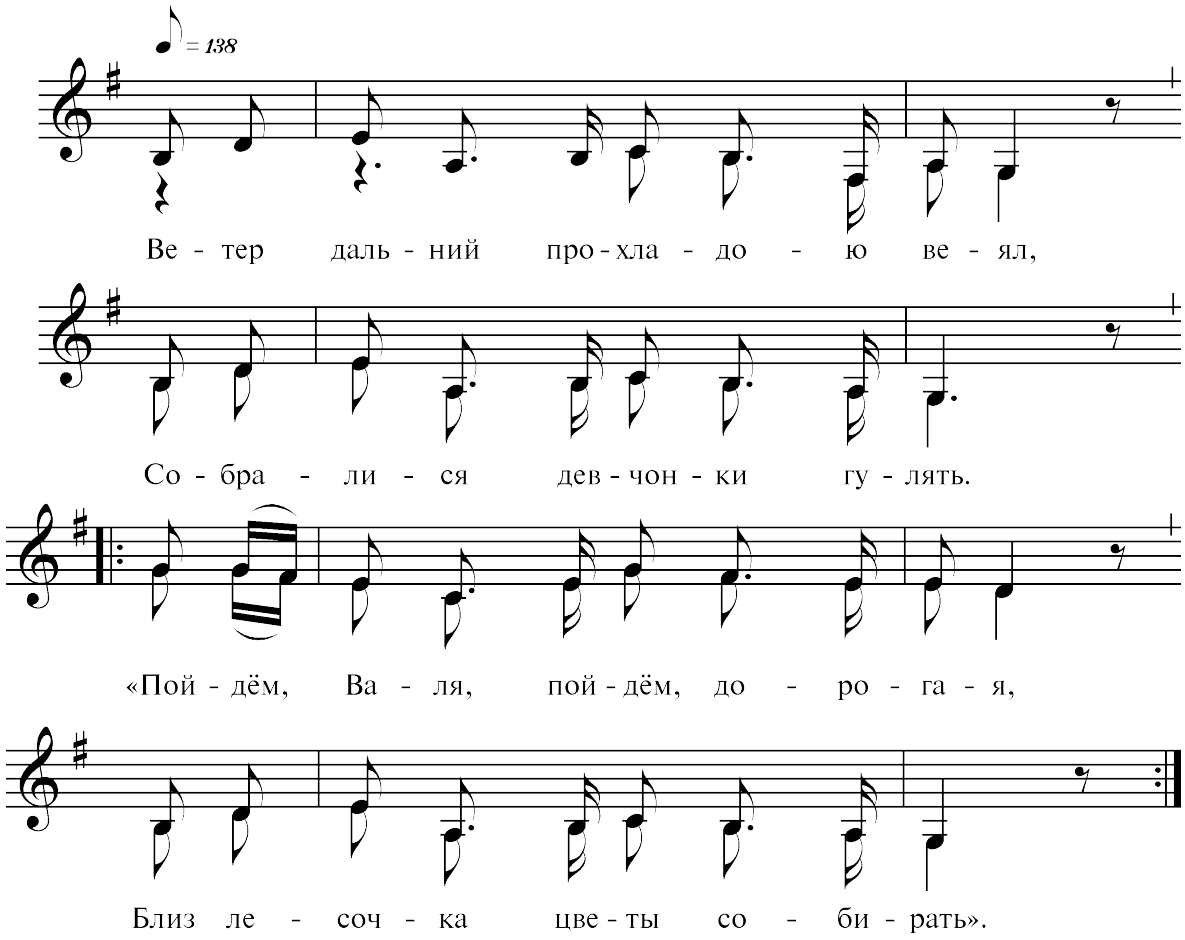
Ребёнка в море опустила,
Сама заплакала, пошла:
«Прощай злодей, прощай мучитель,
Тебе нас больше не видать.

Прощай злодей, прощай мучитель,
Тебе нас больше не видать,
Ребёнка больше не увидишь,
Меня своей не назовёшь.

Ребёнка больше не увидишь,
Меня своей не назовёшь,
Меня ты больше не заставишь
Любить по-прежнему тебя.

Меня ты больше не заставишь
Любить по-прежнему тебя».
Утихла на море погода,
Утихла на море волна.

Утихла на мори погода,
Утихла на мори волна,
На бирегу синева моря
Осталась девушка одна.

199.

Ветер дальний прохладою веял,
Собралися девчонки гулять.
«Пойдём, Валя, пойдём, дорогая,
Близ лесочка цветы собирать».*

Шли дорогой, шутили, смеялись,
Незаметно к ручью подошли.
Пел соловушек песню и трели,
Напевая, до лесу дошли.

Солнце низко над лесом склонилось,
Не журчит ручеёчек в лесу.
«Обожди, моя милая Валя,
Я сейчас тебе новость скажу.

Расскажу тебе, Валечка, новость,
Не заставлю тебя долго ждать.
Выхожу я за милого замуж,
А тебя приглашаю гулять».

Не прошло тут и больше полгода,
Как у Нади родилася дочь.
Часто Надя жалела малютку,
Приходилось не спать день и ночь.

Ещё чаще жалела Ванюшу —
Никого во несчастьице нет.
И солдатке, красивый и стройный,
Приглянулся удалый сосед.

И солдатка влюбилась не в шутку
До тех пор, как нача**л** к ней ходить.
Постучался, и дверь отворилась,
На пороге Надюша стоит.

«Здравствуй, Надя», — она поклонилась.
«Здравствуй, Вася», — и стул подала.
Улыбнулась, как будто девчонка,
А на сердце тревога была.

«Я пришел к тебе, Надя, открыться,
Что всем сердцем люблю я тебя,
Но, поверь, не хочу притворяться
И что хочешь куплю для тебя».

И обнял её Вася рукою:
«Что Вам, Надечка, надо купить:
Шляпу новую, новые туфли?
А ребенка нам надо убить».

---

* Последние две строки каждой строфы повторяются везде, кроме 7, 10—12, 14, 18.

«Полно, Вася, не трогай малютку.
Сердце сжалось в груди у меня».
«Но, поверь, не хочу притворяться:
На вот ножик — а то буду я».

Взяла ножик, подходит к малютке,
А малютычка встала, глядит:
«Ой, ты мамочка, родная мама,
Что за дядя на стуле сидит?»

«Это, Олечка, папочка-папа,
Только, Оленька, папа не твой».
И вонзила малютычке ножик,
Только девоычка крикнула: «Ой!»

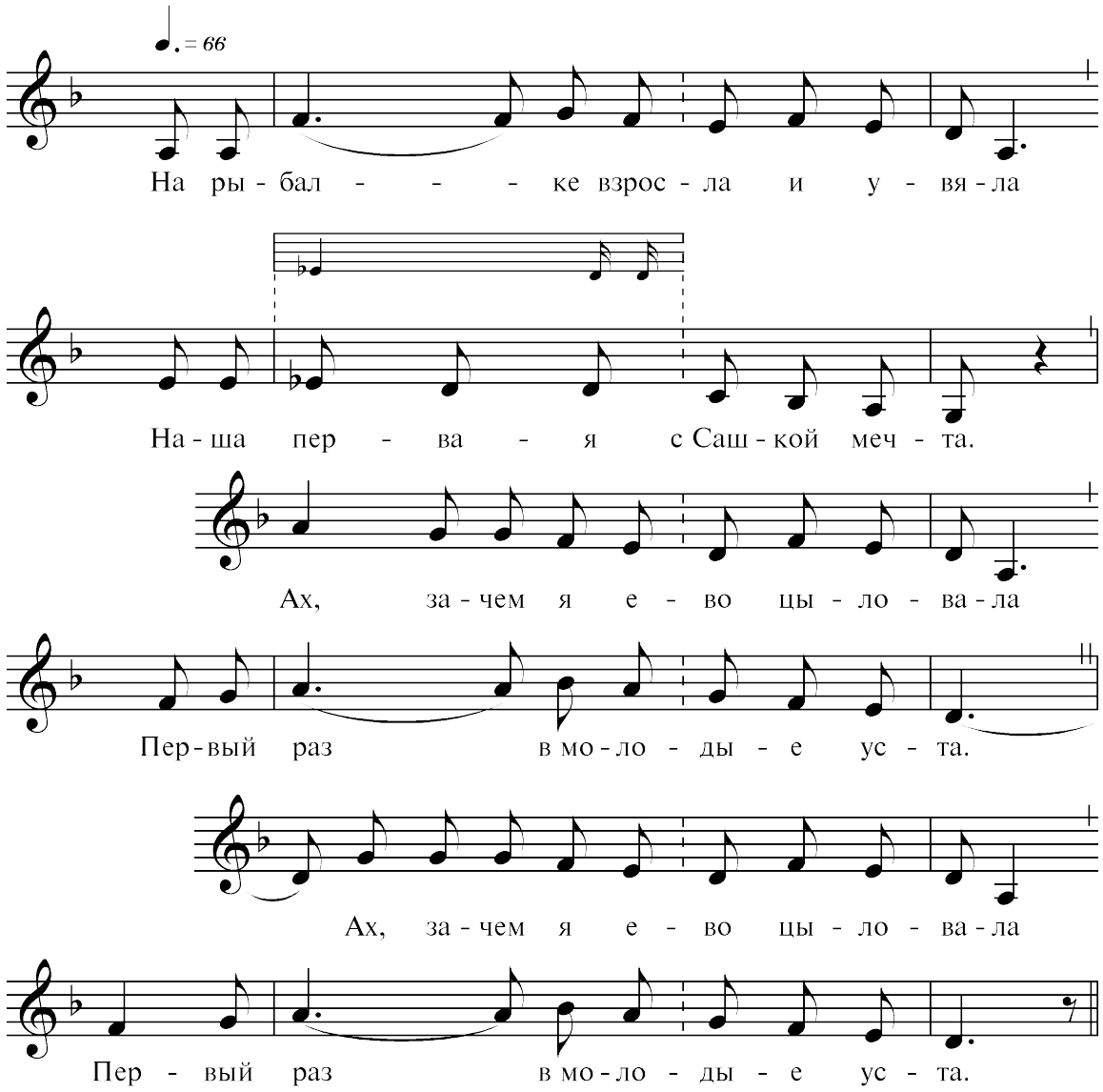
Облилася подушечка кровью
И слегка изменилось лицо.
«Вася, слышишь, стучатся в окошко!
Вася, слышишь, стучатся в крыльцо!»

Вася вздрогнул и к двери подходит,
Кто-то стукнул и прочь отошел.
«Отпирай, моя милая Надя,
Это муж твой на отпуск пришёл».

Муж заходит в каку-то тревогу,
Достаёт положенье жены,
И случайно глазами находит
Свою дочь, залитую в крови.

«Это что?» — и наган вынимает,
И слегка нажимает курок.
И жене с полюбовником вместе
Остается коротенький срок.

Застрелил, и выходит на улицу,
И кричит: «Я двоих загубил!
Забирайте меня поскорее,
Я за дочь за свою отомстил!».

200.

На рыбалке взросла и увяла
Наша первая с Сашкой мечта.
Ах, зачем я его целовала
Первый раз в молодые уста.
Ах, зачем я его целовала
Первый раз в молодые уста.

Ах, зачем полюбила я Сашку,
Ах, за что ж я его увлекла.
Или за черные кудри густые,
Голубые большие глаза.

Море тихо, спокойно так было,
И перрон у скалы не шумел.
И тогда, когда штурм разыгрался,
Ехать в море никто не хотел.

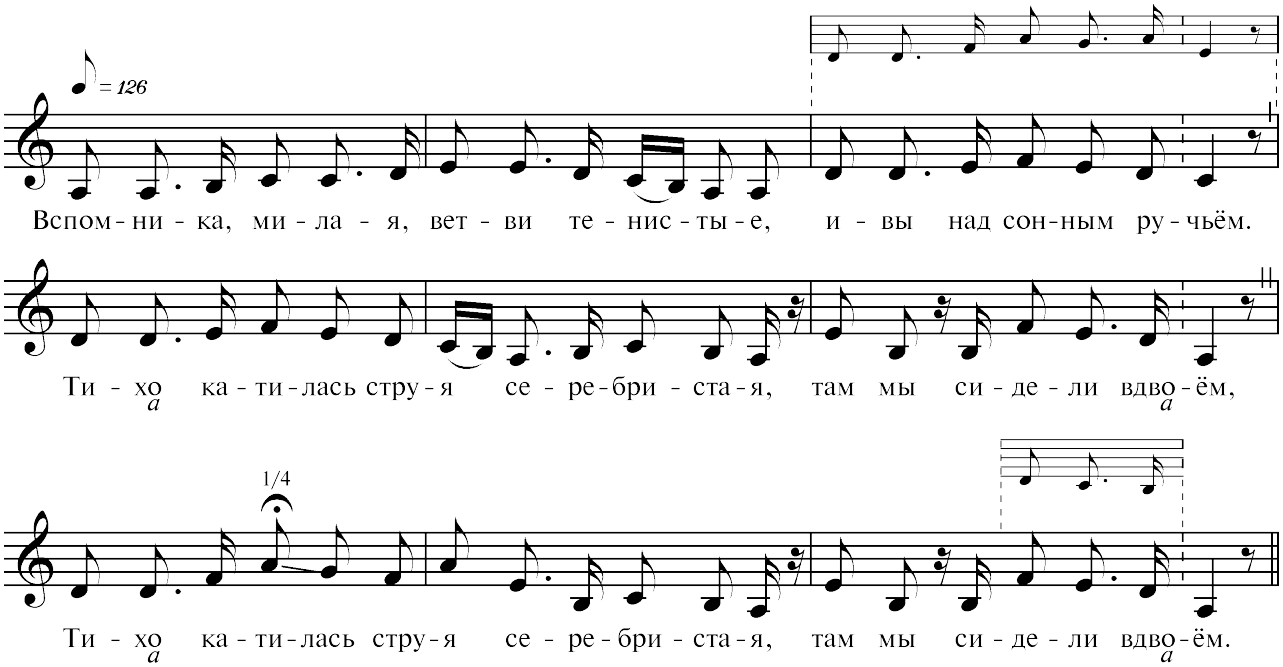
И забилося сердце у Сашки,
А еще у пяти моряков.
Не боимся мы шторма лихого,
Рыбы вам привезём сто пудов.*

И взмахнул он густыми кудрями,
Сашка первый на катер вошёл.
Попрощалси со мной, с моряками,
Сам веселую песню запел.

Катер дальше, все дальше отходит,
Оставляет волнующий взгляд.
Тут и сердце мое предсказало —
Не вернётся мой Сашка назад.

Все я бурному морю прощаю,
Гибель Сашки простить не могу.
Я стою и над морем рыдаю,
Потому что я Сашку люблю.

201.



Вспомни-ка, милая, ветви тенистые, ивы над сонным ручьём.
Тихо катилась струя серебристая, там мы сидели вдвоём,
Тихо катилась струя серебристая, там мы сидели вдвоём.

Там мы покл*я*лись при лунном сиянии вечно друг друга любить.
Мне вспоминаются наши свидания, я не могу их забыть,
Мне вспоминаются наши свидания, я не могу их забыть.

---

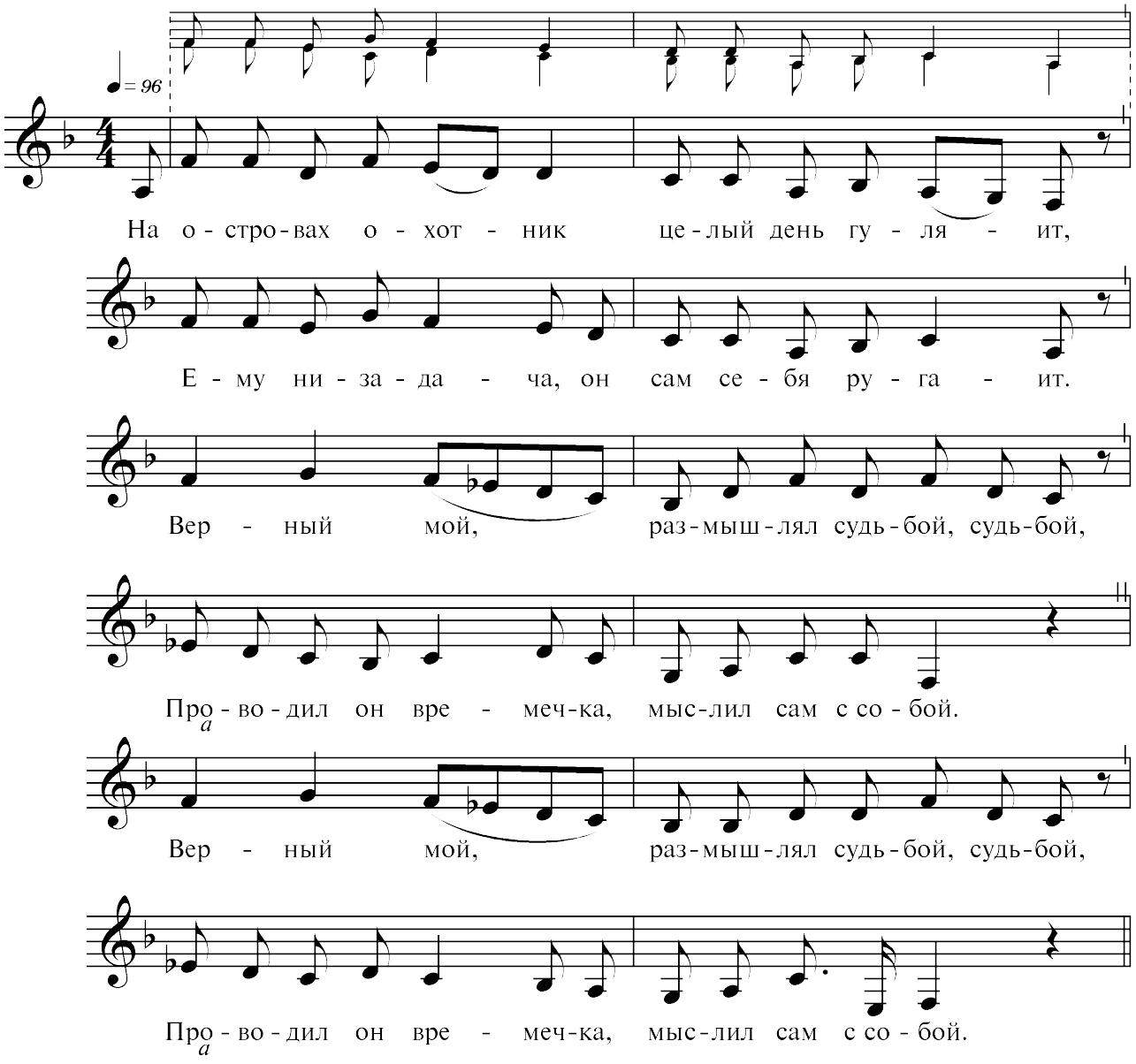
* Далее последние две строки текста повторяются во всех строфах.

Пел соловей свою песню унылую, стан твой сжимал я рукой.
Ты мне дарила лобзания жгучие, я разделял их с тобой,
Ты мне дарила лобзания жгучие, я разделял их с тобой.

Сядь же поближе, головкой унылою ты мне склонись на плечо.
Дай же обнять тебя силою страстною, поцеловать горячо,
Дай же обнять тебя силою страстною, поцеловать горячо.

Все порешила судьба неизбежная: ты не должна быть моей.
Кончилось всё, моя милая, нежная, нет уж весёлых тех дней,
Кончилось всё, моя милая, нежная, нет уж весёлых тех дней.

— *Всё, изменил он её!*

202.

На островах охотник целый день гуляит,
Ему низадача, он сам себя ругаит.
Верный мой, размышлял судьбой, судьбой,
Проводил он времечка, мыслил сам собой.*

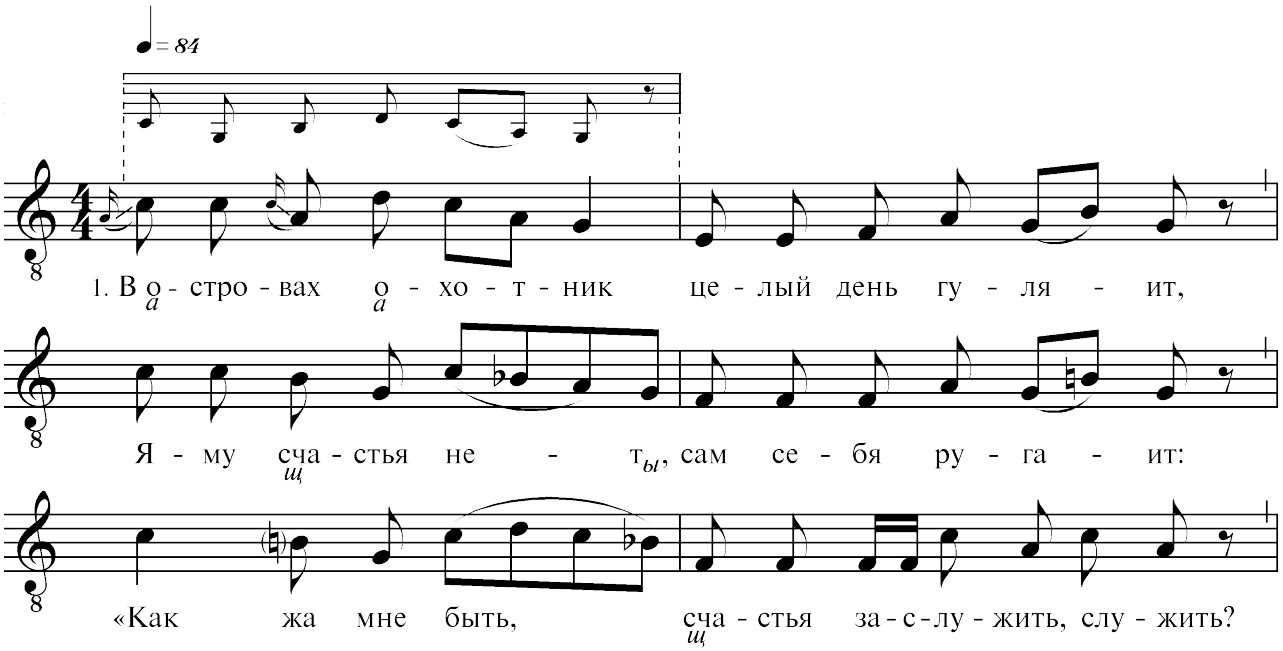
Поехал охотник на тёплаи воды,
Где пташки летают при яснью погоде.
Там на берегу вздумал отдохнуть, уснуть,
Охота взорвалася, слышно гончих чуть.

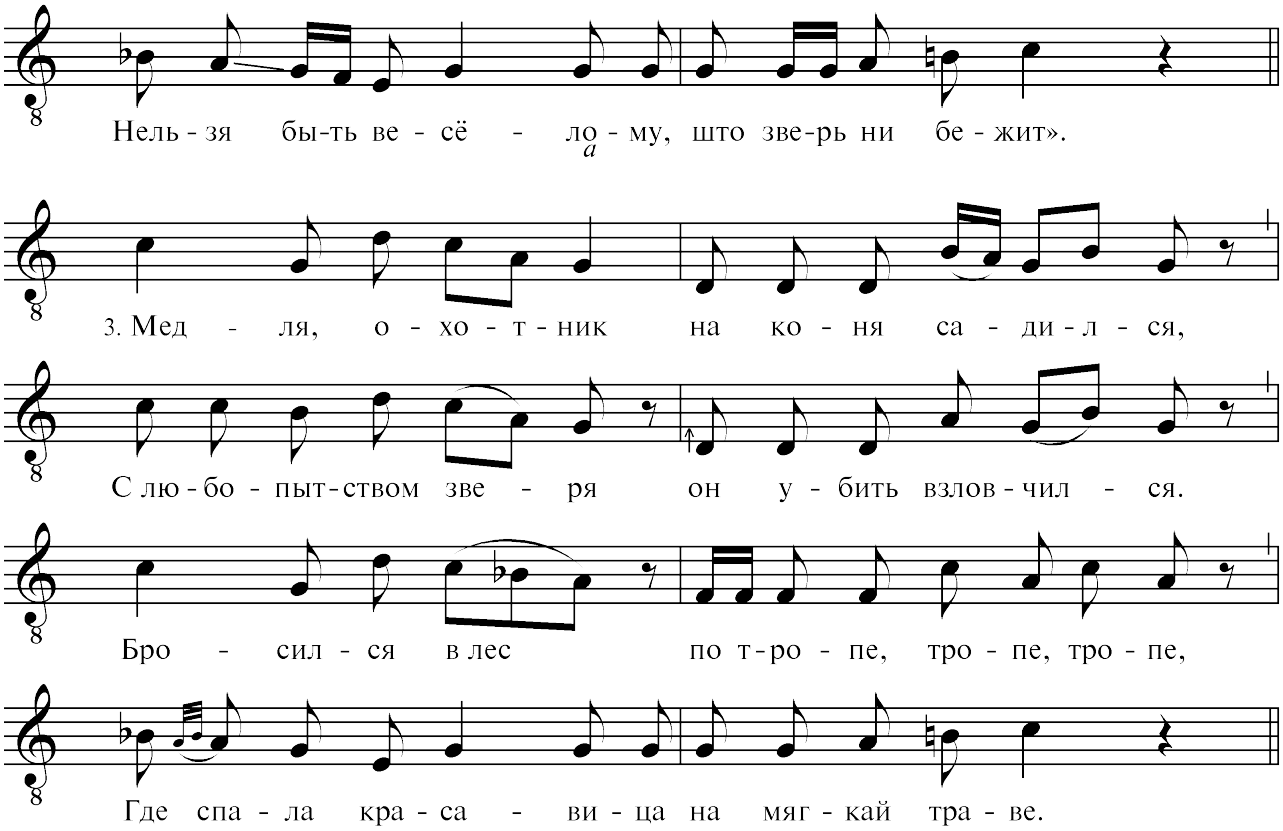
Охотник, не медля, на коня садится,
Зверя любопытного он поймать стремится.
Бросился он да в лес по тропинке, тропке,
Где спала красавица на мягкой траве.

Её очи ясные с чёрнами бровями,
Её губки алые обросли цветами.
Он увидал — задрожал, упал, лежит.
«Неверна красавица!» — легонька сказал.

Красотка проснулась, охотника видит:
«Ты злодей-охотник, чем можешь обидеть?»
«Я могу застрелить, убить, убить,
Из руки кинжалом в белу грудь вонзить!»

«Экой ты, охотник, не поймал лисицы,
Поезжай-ка дальше от меня, девицы».
«Слышишь ли ты — стали в рог играть, играть,
Поедим, красавица, в лагере гулять!»

203.

* Последние две строки текста повторяются во всех строфах.



В островах охотник целый день гуляит,
Яму счастья нет, сам себя ругаит:
«Как жа мне быть, счастья заслужить, служить?
Нельзя быть весёлому, што зверь ни бежит».

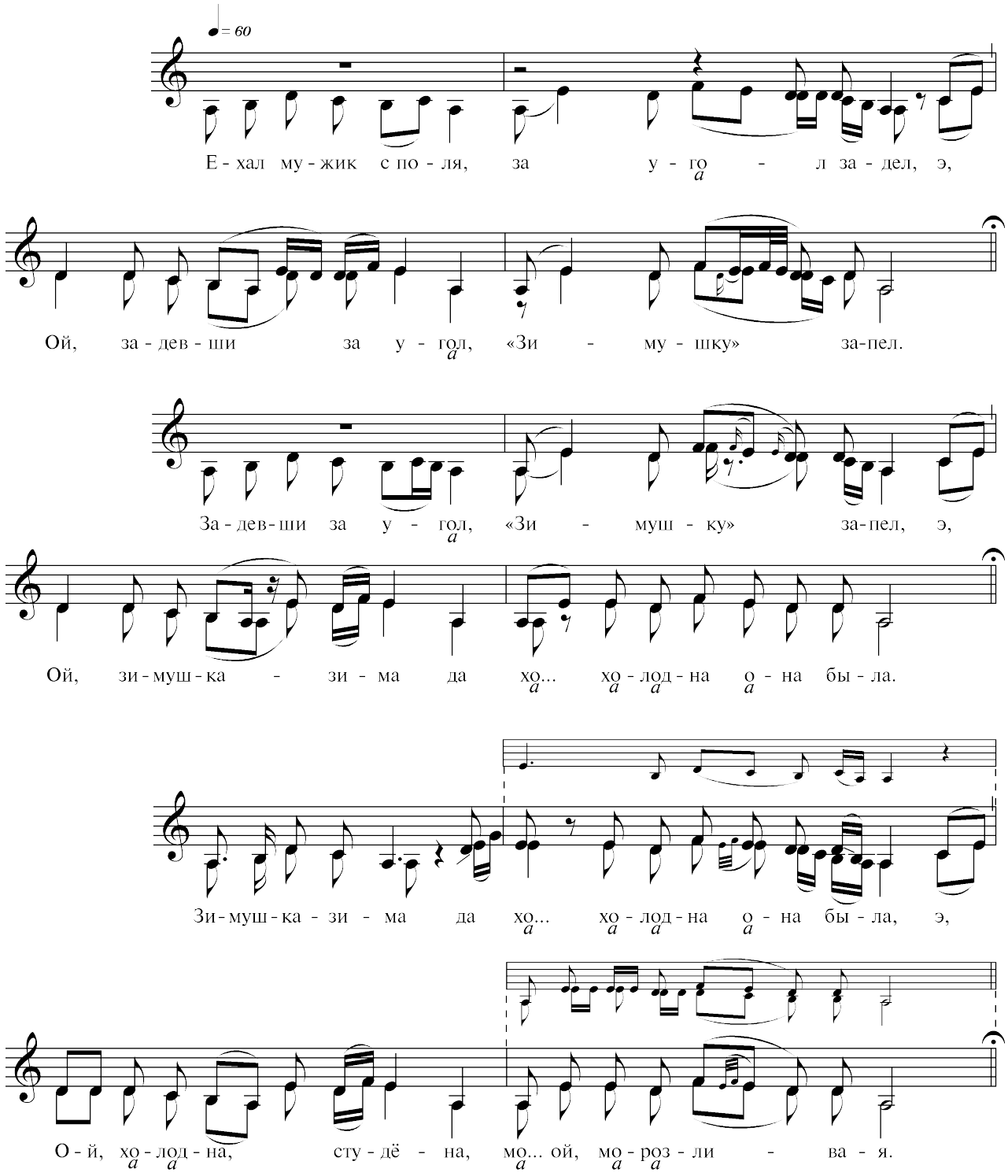
Поехал охотник на тёплаи воды,
Где летают птицы при ясный погоде.
Там на берегу вздумал утдохнуть, уснуть,
Охота взорвалась, слышно гончих чуть.

Медля, охотник на коня садился,
С любопытством зверя он убить взловчился.
Бросился в лес по тропе, тропе, тропе,
Где спала красавица на мягкай траве.

Очи её ясны, залиты слезами,
Нежны белы груди заняты судьбами.
Как он увидал — задрожал, упал, лежит.
«Венера, Венера!» — легонько сказал,
«Венера, Венера!» — охотник сказал.

Проснувшись, Венера охотника видит.
Проснувшись, сказала: «Чем хотишь обидеть?
Что ж ты злодей, что ж ты натворил:
Сколько лет спасалась, а ты разыскал!»

БАЛЛАДЫ

204.

♩= 60
Е - хал му - жик с по - ля, за у - го - л за - дел, э,
Ой, за - дев - ши за у - гол, «Зи - му - шку» за-пел.
За - дев - ши за у - гол, «Зи - муш - ку» за-пел, э,
Ой, зи - муш - ка - зи - ма да хо... хо - лод - на о - на бы - ла.
Зи - муш - ка - зи - ма да хо... хо - лод - на о - на бы - ла, э,
О - й, хо - лод - на, сту - дё - на, мо... ой, мо - роз - ли - ва - я.

Ехал мужик с поля, за угол задел, э,
Ой, задевши за угол, «Зимушку» запел.

Задевши за угол, «Зимушку» запел, э,
Ой, зимушка-зима да хо... холодна она была.

Зимушка-зима да хо... холодна она была, э,
Ой, холодна, студёна, мо... ой, морозливая.

Холодна, студёна, мо... эх, морозливая, э,
Ой, не морозь, зима, да ме... эх, меня молодца*.

Не морозь, зима, да меня молодца, э,
Ой, да меня молодца, да го... ой, горьку пьяницу.

Не морозь, зима, да меня, пьяницу, э,
Ой, да как жена с мужам да не... не в ладу она жила.

Как жена с мужам да не в ладу она жила, э,
Ой, не в ладу жила, да мужа своово извела.

Не в ладу жила, эх, мужа своово извела, э,
[Ой, да вострам ножичкам да ево зарезыла.

Вострам ножичкам ево зарезыла], э,
Ой, да в зеленом садочке ево она подвесила.

В зеленом садочке ево подвесила, э,
Ой, да подвесивши мужа, при... пришла ко двору.

Повесивши мужа, при... пришла ко... ко двору, э,
Ой, да пришла ко... ко двору, да се... села на... на скамью.

Пришла ко двору, да села на... на скамью, э,
Ой, да на скамейку села, го... горько плакала.

На скамейку села, горько она плакала, э,
Ой, да горько плакала, сво... свою жисть она кляла.**

Горько плакала, да сво... свою жисть она кляла**, э:
«Ой, да распроклята жисть да с чу... ох, с чужим мужам жить.

Распроклята жисть да с чу... с чужим мужам жить, э,
Ой, да с чужим му... мужам жить да сво... своово не любить.

С чужим мужам жить да сво... своово не любить, э,
Ой, да пойду в зе... в зелен сад, да бу... ой, буду мужа звать.

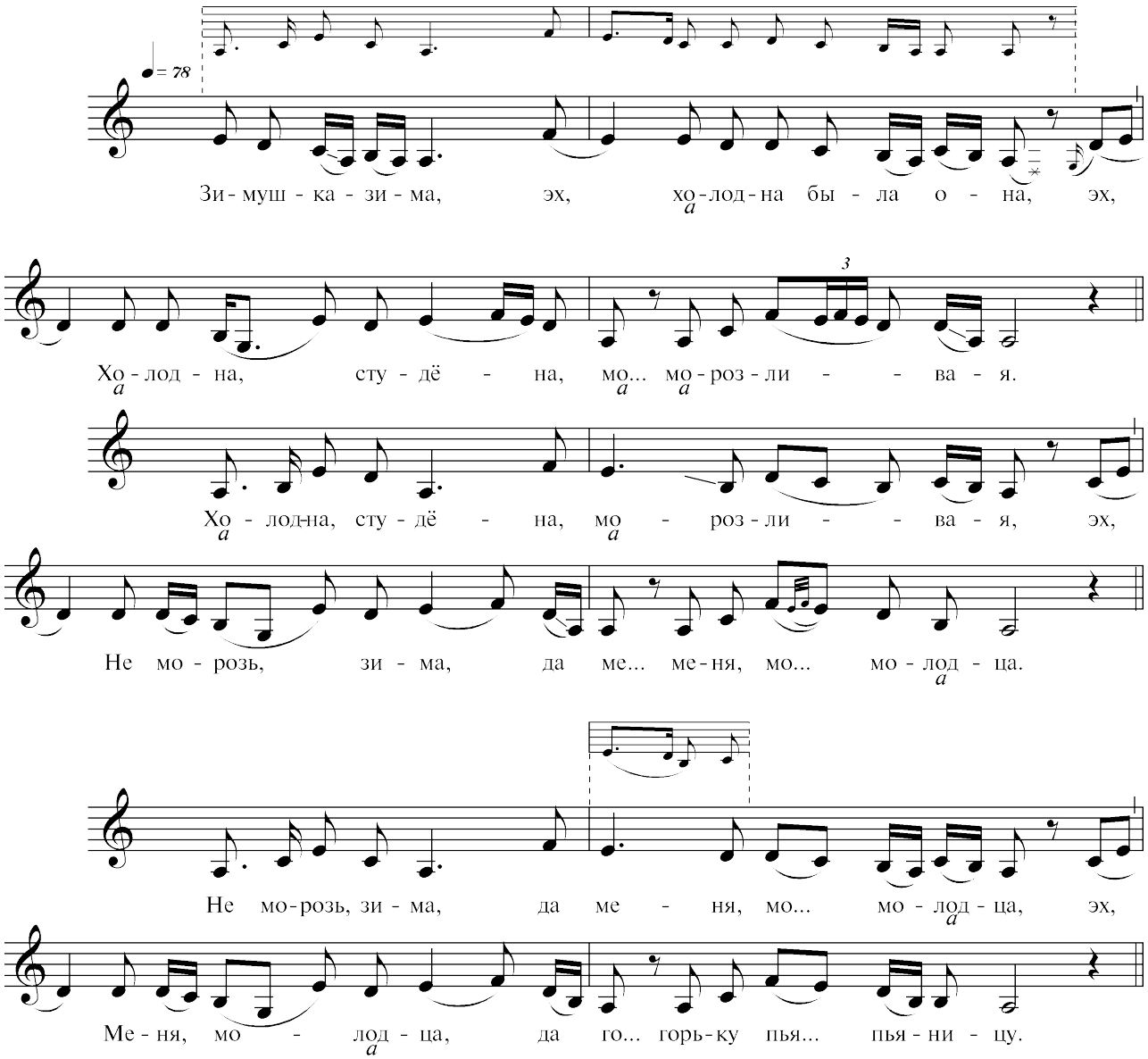
Пойду в зелен сад, да буду мужа звать, э:
— Ой, да уж ты муж мой, муж, да ты... ты пойдём домой.

---

* Вариант текста: «добра молодца».
** В пении: кляла = [клела].

Муж ты, муж ты мой, да ты пойдём домой, э,
Ой, да красных яблычкав, да чай, накушался.

Красных яблычкав да ты накушался, э,
Ой, да трель соловушек да ты наслушался***.

205.

Зимушка-зима, эх, халодна была она, эх,
Халодна, студёна, ма... марозливая.

Халодна, студёна, марозливая, эх,
Не морозь, зима, да ме... меня, мо... моладца.

Не морозь, зима, да меня, мо... моладца, эх,
Меня, моладца, да го... горьку пья... пьяницу.

*** Вариант текста: «да дробных пташечек, да чай, наслушался».

Меня, моладца, да горьку пьяницу, эх,
Как жена с мужам да не... не в ладу жила она.

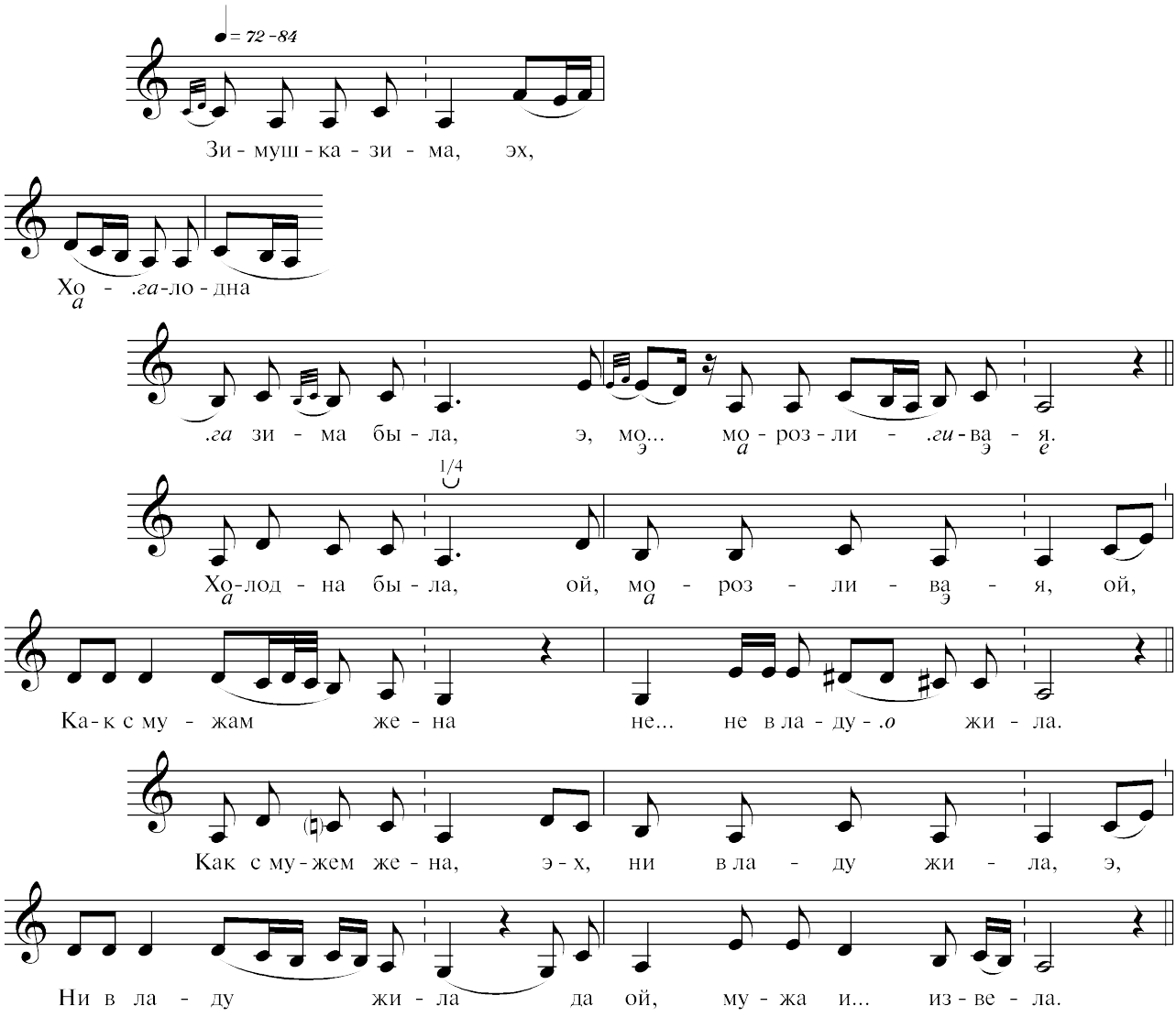
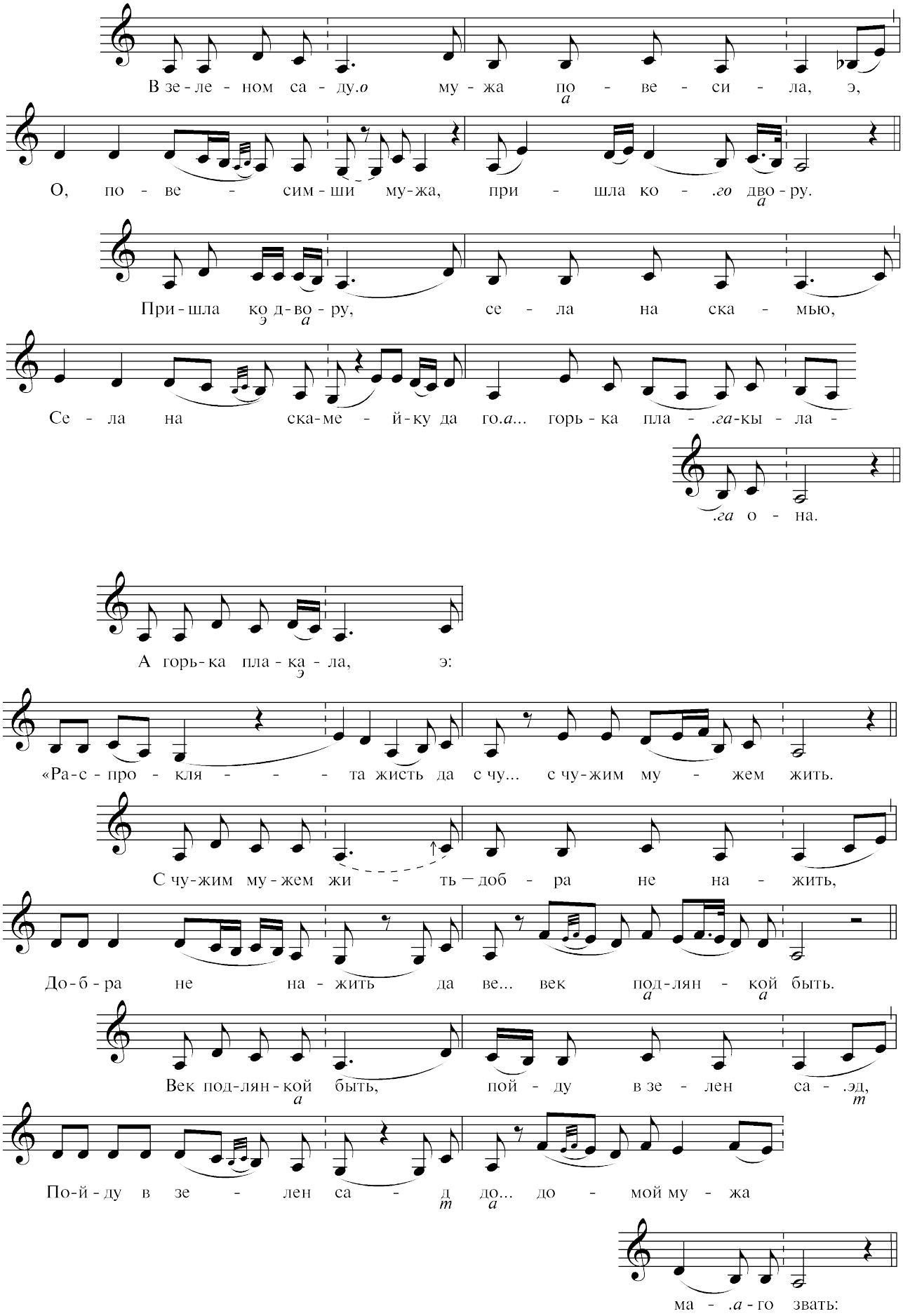
Как жена с мужам да не в ладу была она, эх,
Не в ладу была, да бе... без согласия.

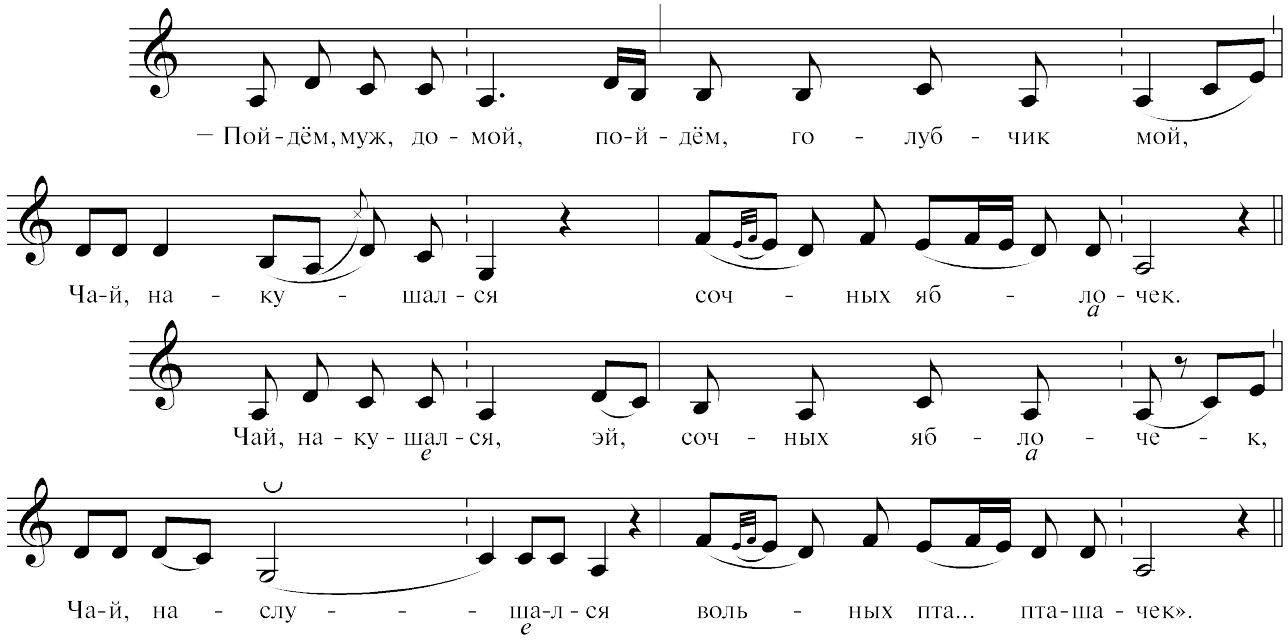
Не в ладу жила, да без согласия, эх,
В зеленом садочке я ево повесила.

В зеленом садочке я мужа повесила, эх,
Пришла ко... ко двору, да се... села на... на скамью.

Пришла ко двору, да села она на скамью, эх,
На скамейку севши, го... горько плакать начала.

На скамейку севши, горько плакать начала, эх,
Горько плакала, да сво... свою жизнь она кляла*.

206.

* В пении: кляла = [клела].

В зе-ле-ном са-ду.о му-жа по-ве-си-ла, э,
О, по-ве-сим-ши му-жа, при-шла ко-.го дво-ру.
При-шла ко д-во-ру, се-ла на ска-мью,
Се-ла на ска-ме-й-ку да го.а... горь-ка пла-.га-кы-ла-
.га о-на.
А горь-ка пла-ка-ла, э:
«Ра-с-про-кля-та жисть да с чу... с чу-жим му-жем жить.
С чу-жим му-жем жи-ть — доб-ра не на-жить,
До-б-ра не на-жить да ве... век под-лян-кой быть.
Век под-лян-кой быть, пой-ду в зе-лен са-.эд,
По-й-ду в зе-лен са-д до... до-мой му-жа
ма-.а-го звать:



Зимушка-зима, эх,
Холодна зима была, э, мо... морозливая.

Холодна была, ой, морозливая, ой,
Как с мужам жена не... не в ладу жила.

Как с мужем жена, эх, ни в ладу жила, э,
Ни в ладу жила да ой, мужа и... извела.

В зеленом саду мужа повесила, э-о,
Повесимши мужа, пришла ко двору.

Пришла ко двору, села на скамью,
Села на скамейку да го... горька плакыла она.

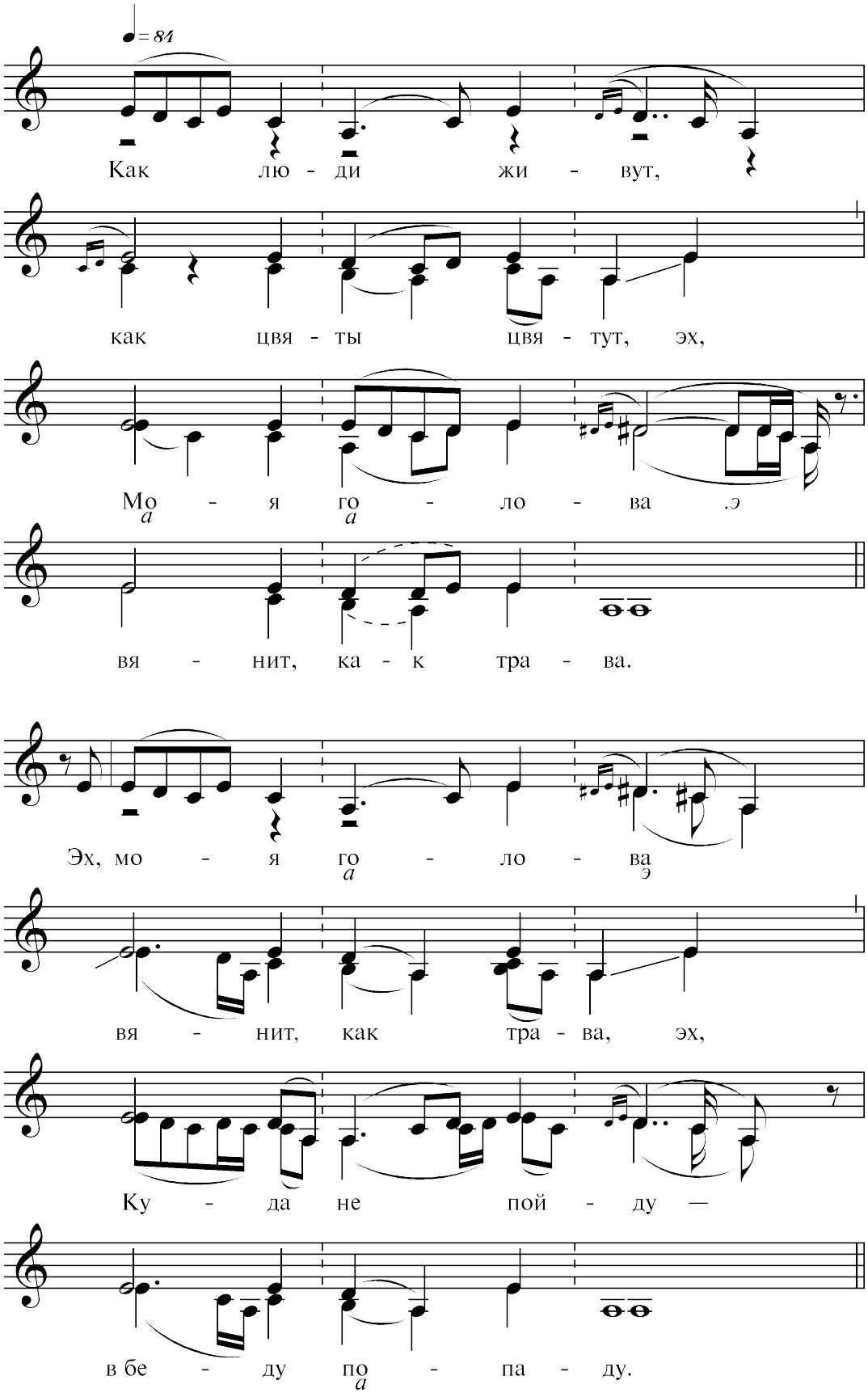
А горька плакала, э:
«Распроклята жисть да с чу... с чужим мужем жить.

С чужим мужем жить — добра не нажить,
Добра не нажить да ве... век подлянкой быть.

Век подлянкой быть, пойду в зелен сад,
Пойду в зелен сад до... домой мужа маго звать:

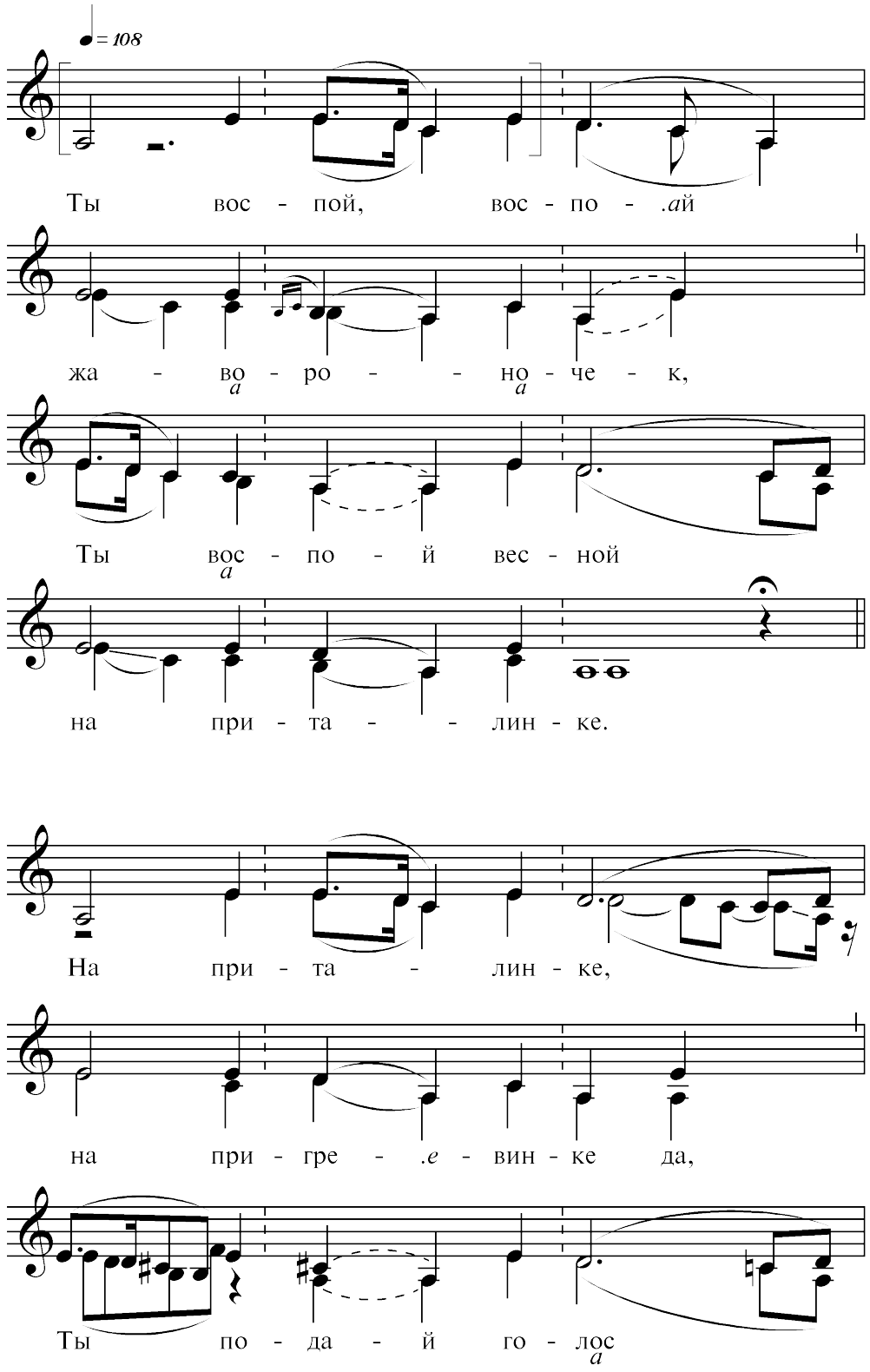
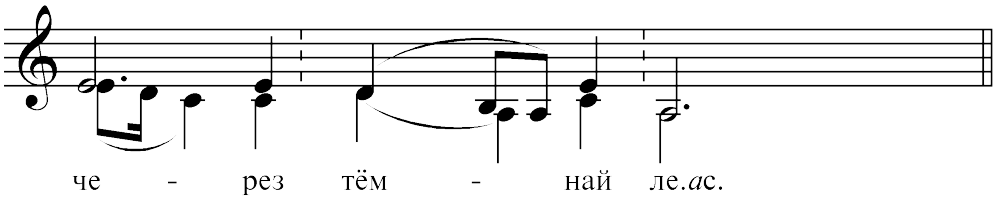
— Пойдём, муж, домой, пойдём, голубчик мой,
Чай, накушался сочных яблочек.

Чай, накушался, эй, сочных яблочек,
Чай, наслушался вольных пта... пташечек».

207.

♩= 84
Как лю - ди жи - вут,
как цвя - ты цвя - тут, эх,
Мо - я го - ло - ва .э
вя - нит, ка - к тра - ва.
Эх, мо - я го - ло - ва
вя - нит, как тра - ва, эх,
Ку - да не пой - ду —
в бе - ду по - па - ду.

Как люди живут, как цвяты цвятут, эх,
Моя голова вянит, как трава.

Эх, моя голова вянит, как трава, эх,
Куда не пойду — в беду попаду.

208.



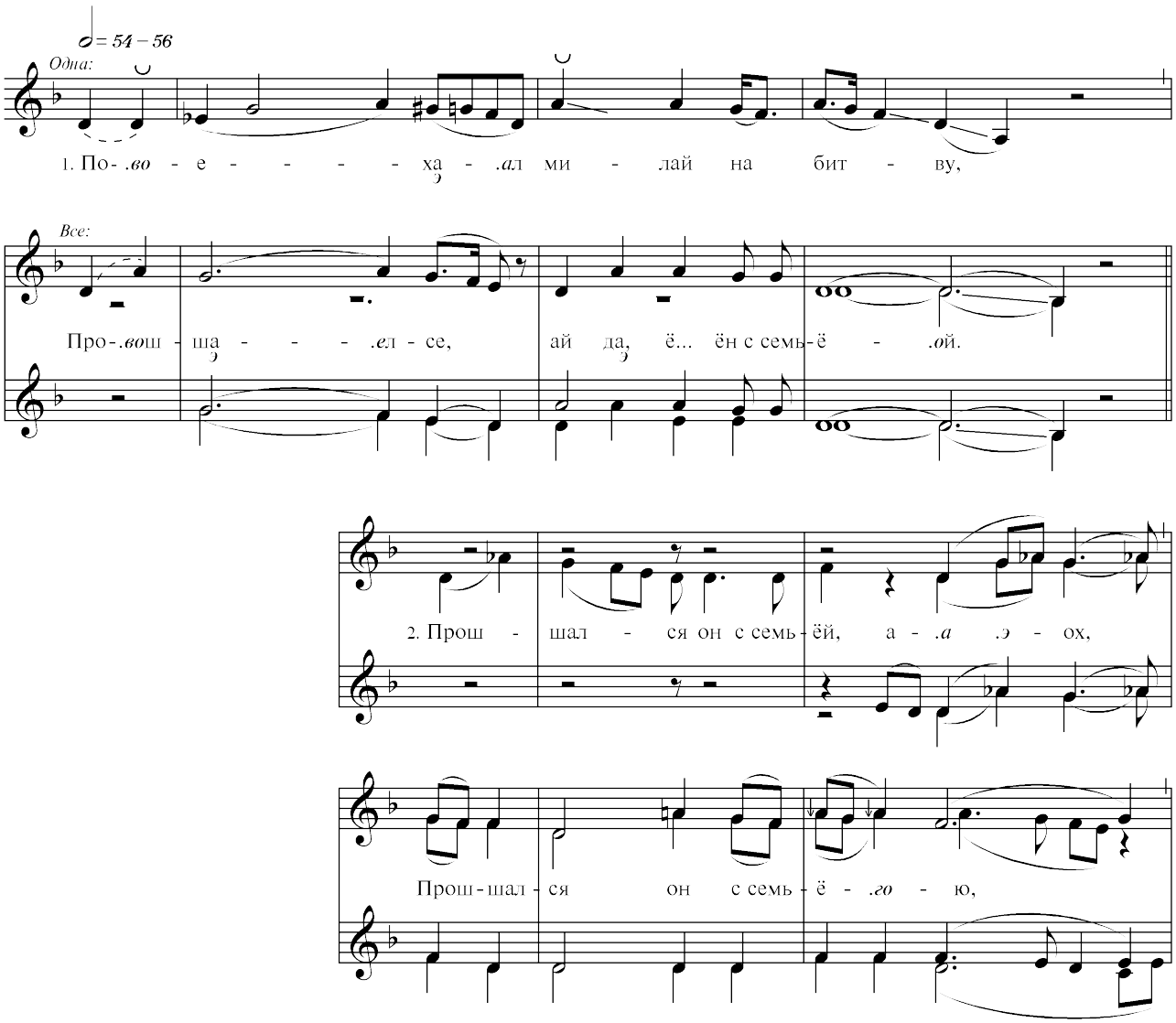
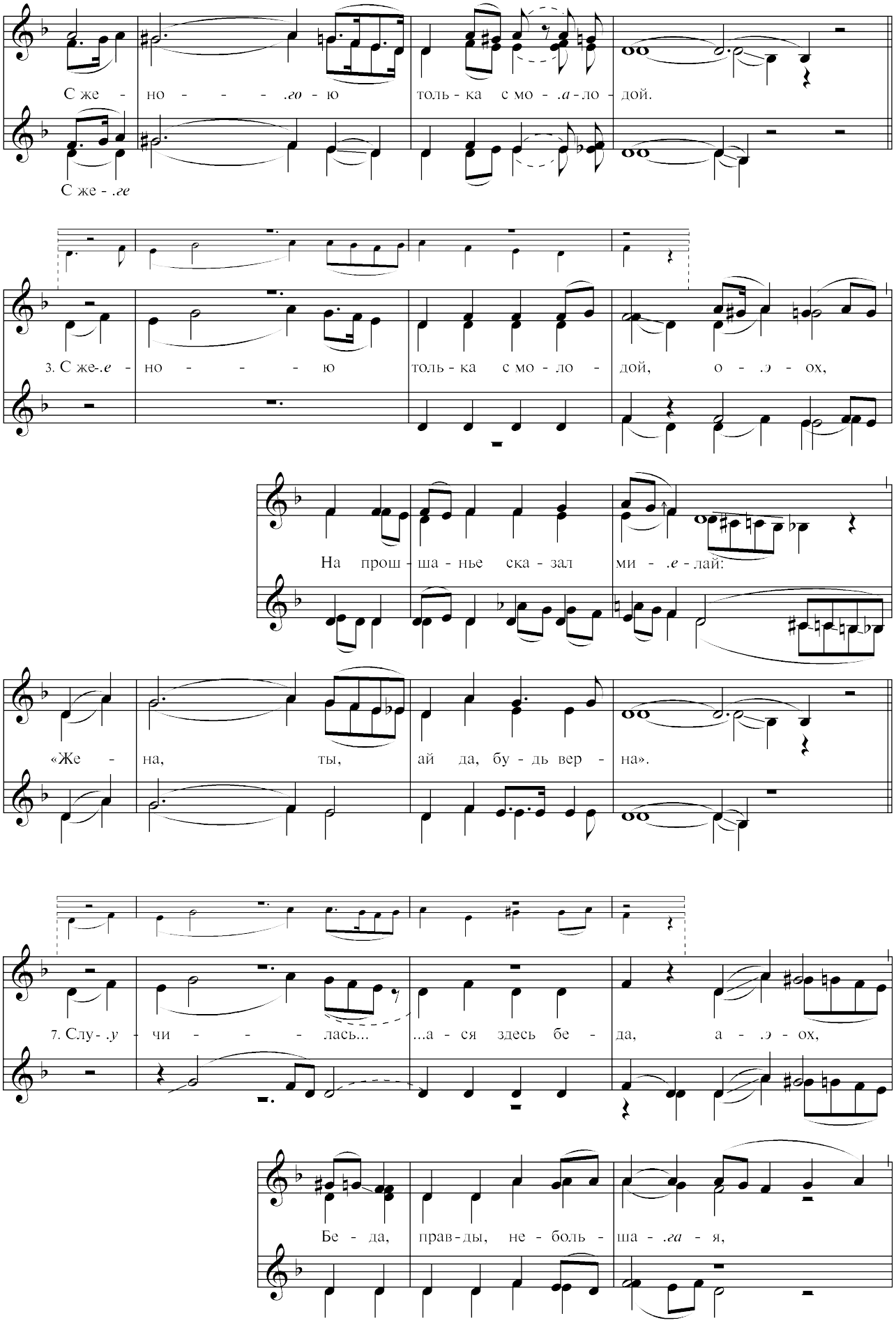
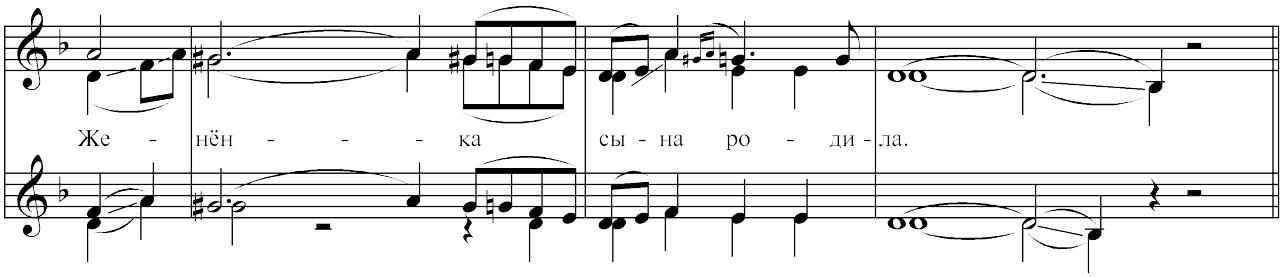
Ты воспой, воспой, жавороночек,
Ты воспой весной на приталинке.

На приталинке, на пригревинке да,
Ты подай голос через темнай лес.

Без напева:

...Через темнай лес, в тюрьму камену.
Там посажен был сын купеческай.
Стал писать письмо отцу с матерью.
Отец с матерью утказалися...

— Стал молодой жене писать, а уж вот та ёго приняла, жана-та.

209.

С же - но - - - .го - ю толь - ка с мо - .а - ло - дой.
С же - .ге
3. С же-.е - но - - - ю толь - ка с мо - ло - дой, о - .э - ох,
На прош - ша - нье ска - зал ми - .е - лай:
«Же - на, ты, ай да, бу - дь вер - на».
7. Слу - .у - чи - - - лась... ...а - ся здесь бе - да, а - .э - ох,
Бе - да, прав - ды, не - боль - ша - .га - я,

Поехал милай на битву,
Прошшалсе, ай да, ё... ён с семьёй.

Прошшался он с семьёй, а-ох,
Прошшался он с семьёю,
С женою толька с молодой.

С женою толька с молодой, ох,
На прошшанье сказал милай:
«Жена, ты, ай да, будь верна».

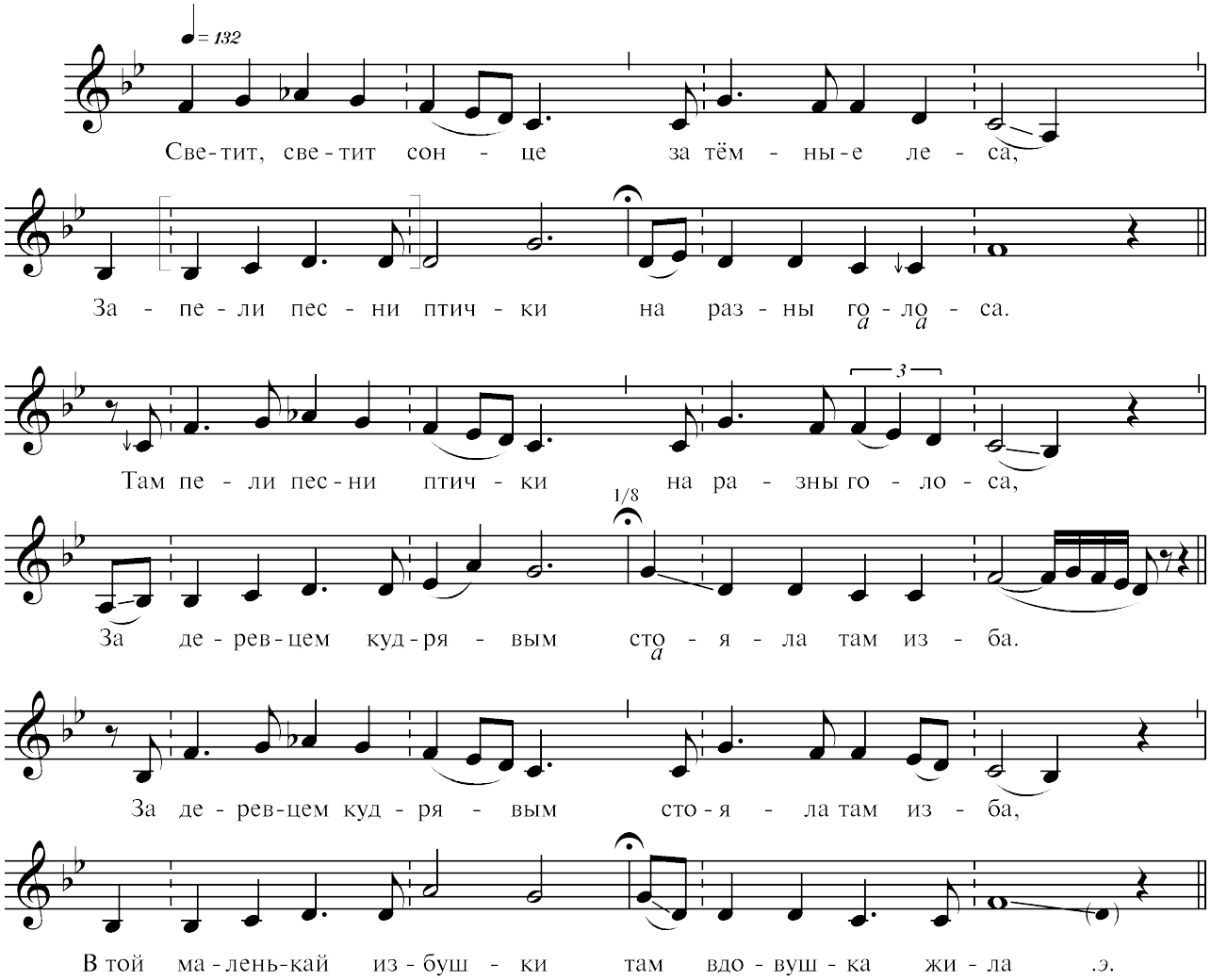
Жена, ты будь верна, э-ой,
Жена мужу утвечала:
«До гробу буду я... я твоя.

До гробу, милай, я твоя, а-ох,
До гробу, милай, до смерти,
Да приезду толька да твово».
Да приезду толька да твово, а-ох,
Да твово, милай, приезду
Случилася здесь беда.

Случилася здесь беда, э-ох,
Беда, правды, небольшая:
Женёнка сына родила.

Женёнка сына родила, а-ох,
Народимши жена сына, ох,
Сама ж ты, ай да, чуть жива.

Сама ж ты, ай да, чуть жива, а-эх,
Милай он поехал,
Дорожкай ста... ай, сталбовой.

210.

Светит, светит со[л]нце за тёмные леса,
Запели песни птички на разны голоса.

Там пели песни птички на разны голоса,
За деревцем кудрявым стояла там изба.

За деревцем кудрявым стояла там изба,
В той маленькай избушки там вдовушка жила.

В той маленькай избушки там вдовушка жила,
Однажды ранним утром солдаты к ней пришли.

Однажды ранним утром солдаты к ней пришли:
— Любезныя, хозяюшка, дозволь перьночевать!

Любезныя, хозяюшка, пусти перьночевать!
— Я печку ни топила, гостей я ни ждала.

Я печку ни топила, гостей я ни ждала,
Я в поли работа́ла, домой поздно пришла.

Я в поле работа́ла, домой поздно пришла.
— Любезныя хозяюшка, не надо ничего.

Любезныя хозяюшка, не надо ничего,
Мы завтра на рассвете опять в поход пойдём.

Мы завтра на рассвете опять в поход пойдём.
Хозяйка расступилась, пустила ночевать.

Хозяйка расступилась, пустила ночевать.
Один герой приходит, садится прям за стол.

Один герой приходит, садится прям за стол.
Второй герой приходит, заводит разговор.

Второй герой приходит, заводит разговор:
— Любезныя хозяюшка, давно ли ты вдова?

Любезныя хозяюшка, давно ли ты вдова?
— В семнадцатым годочки начáлася война.

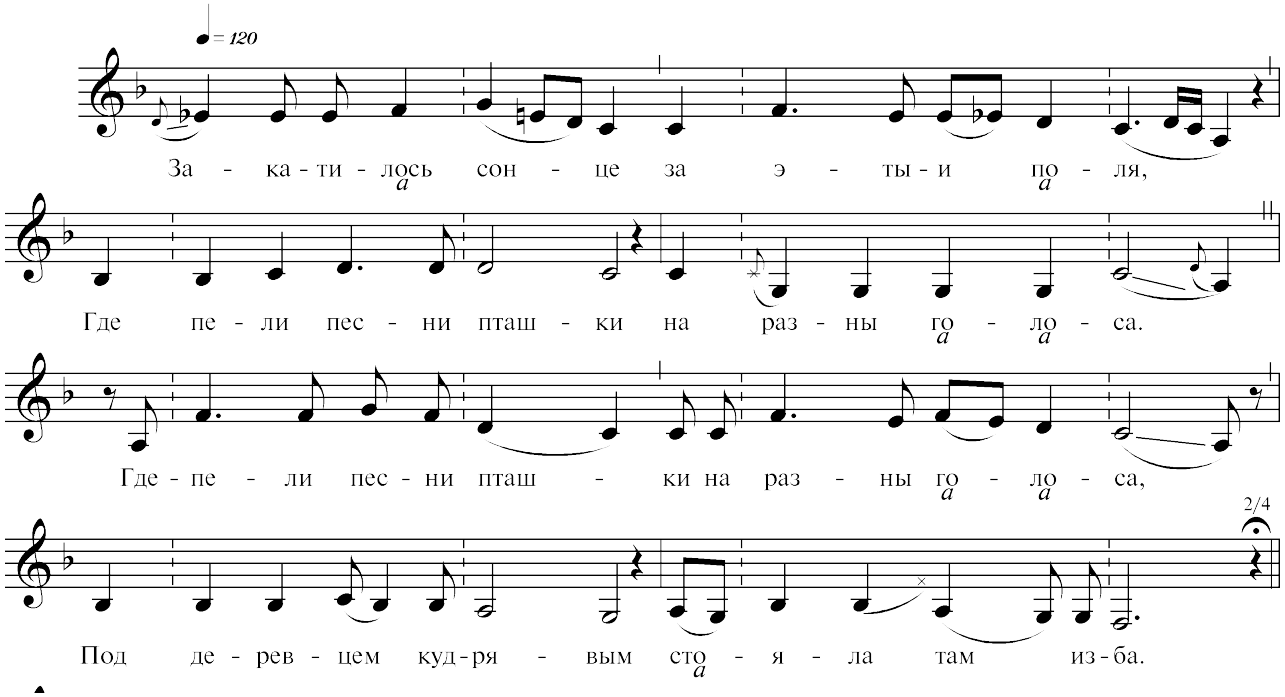
В семнадцатым годочки начáлася война,
Сыночка проводила и мужа отдала.

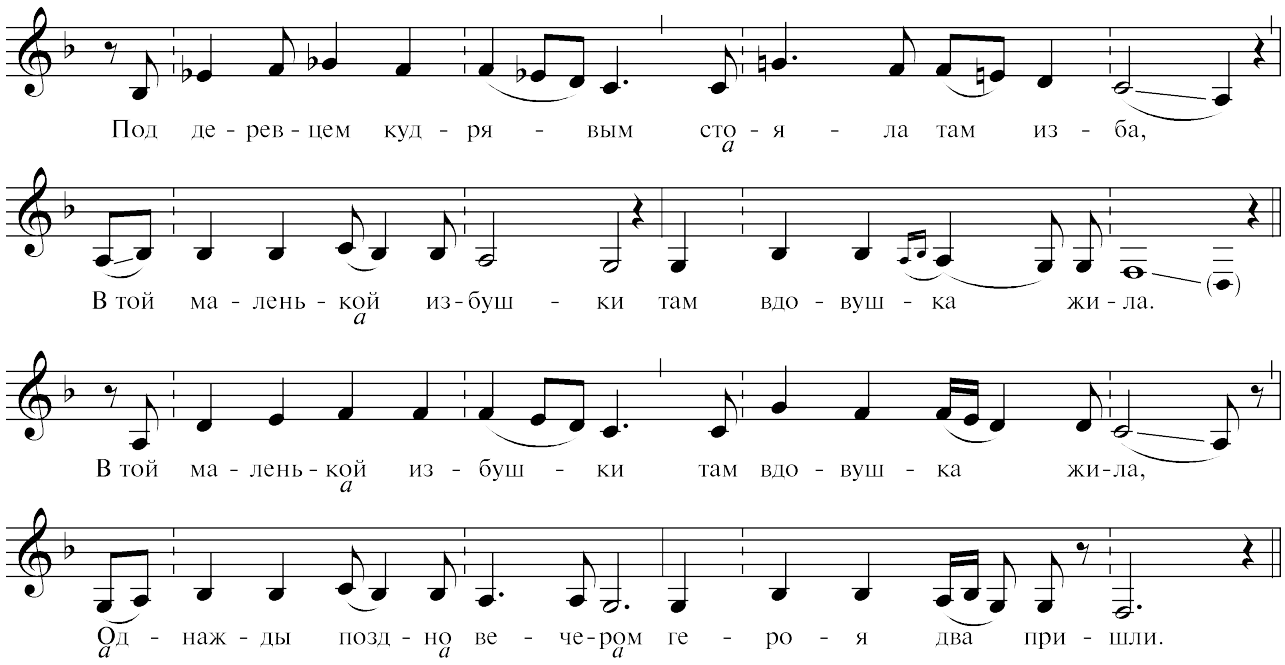
Сыночка проводила и мужа отдала.
— Признай, признай, хозяюшка, ты мужа своего.

Признай, признай, хозяюшка, ты мужа своего,
Еще признай, хозяюшка, ты сына своего.

Еще признай, хозяюшка, и сына своего,
Хозяйка испугалась и тут же обмерла.

211.





Закатилось со[л]нце за этыи поля,
Где пели песни пташки на разны голоса.

Где пели песни пташки на разны голоса,
Под деревцем кудрявым стояла там изба.

Под деревцем кудрявым стояла там изба,
В той маленькой избушки там вдовушка жила.

В той маленькой избушки там вдовушка жила,
Однажды поздно вечером героя два пришли.

Однажды поздно вечером героя два пришли:
«Любезныя хозяюшка, пусти перьночевать.

Любезныя хозяюшка, пусти перьночевать».
«Я печку ни топила, гостей я ни ждала.

Я печку ни топила, гостей я ни ждала,
Я в поле работа́ла, домой поздно пришла.

Я в поле работа́ла, домой поздно пришла».
«Любезныя хозяюшка, не надо ничего.

Любезныя хозяюшка, не надо ничего:
Мы завтра на рассвети в поход опять пойдём.

Мы завтра на рассвети в поход опять пойдём».
Хозяйка расступилась, пустила ночевать.

Хозяйка расступилась, пустила ночевать,
Один герой заходит, садится прям за стол.

Один герой заходит, садится прям за стол,
Второй герой заходит, заводит разговор.

Второй герой заходит, заводит разговор:
«Скажи, скажи, хозяюшка, давно ли ты вдова?

Скажи, скажи, хозяюшка, давно ли ты вдова?»
«В семнадцатом годочке случилыся война.

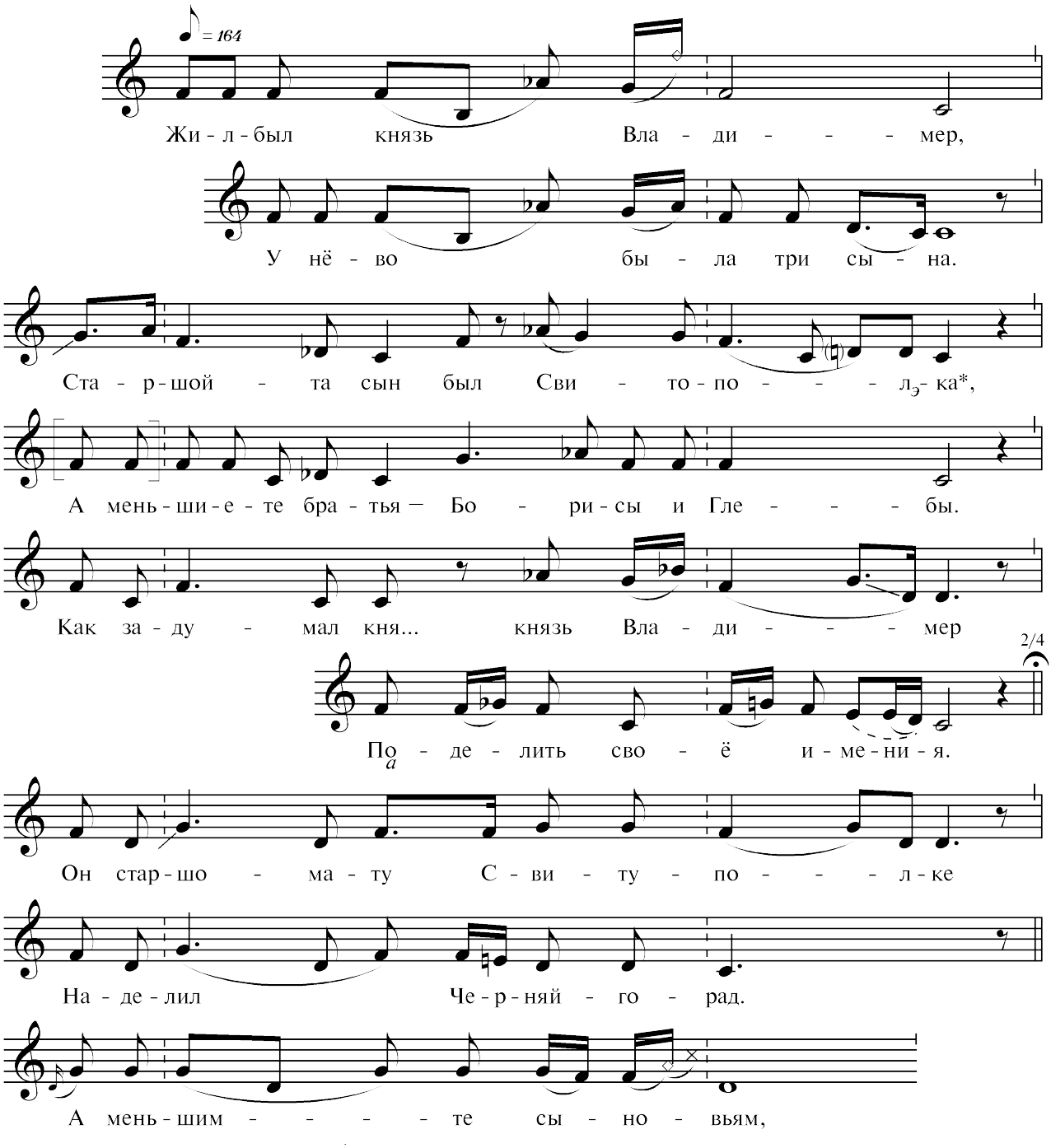
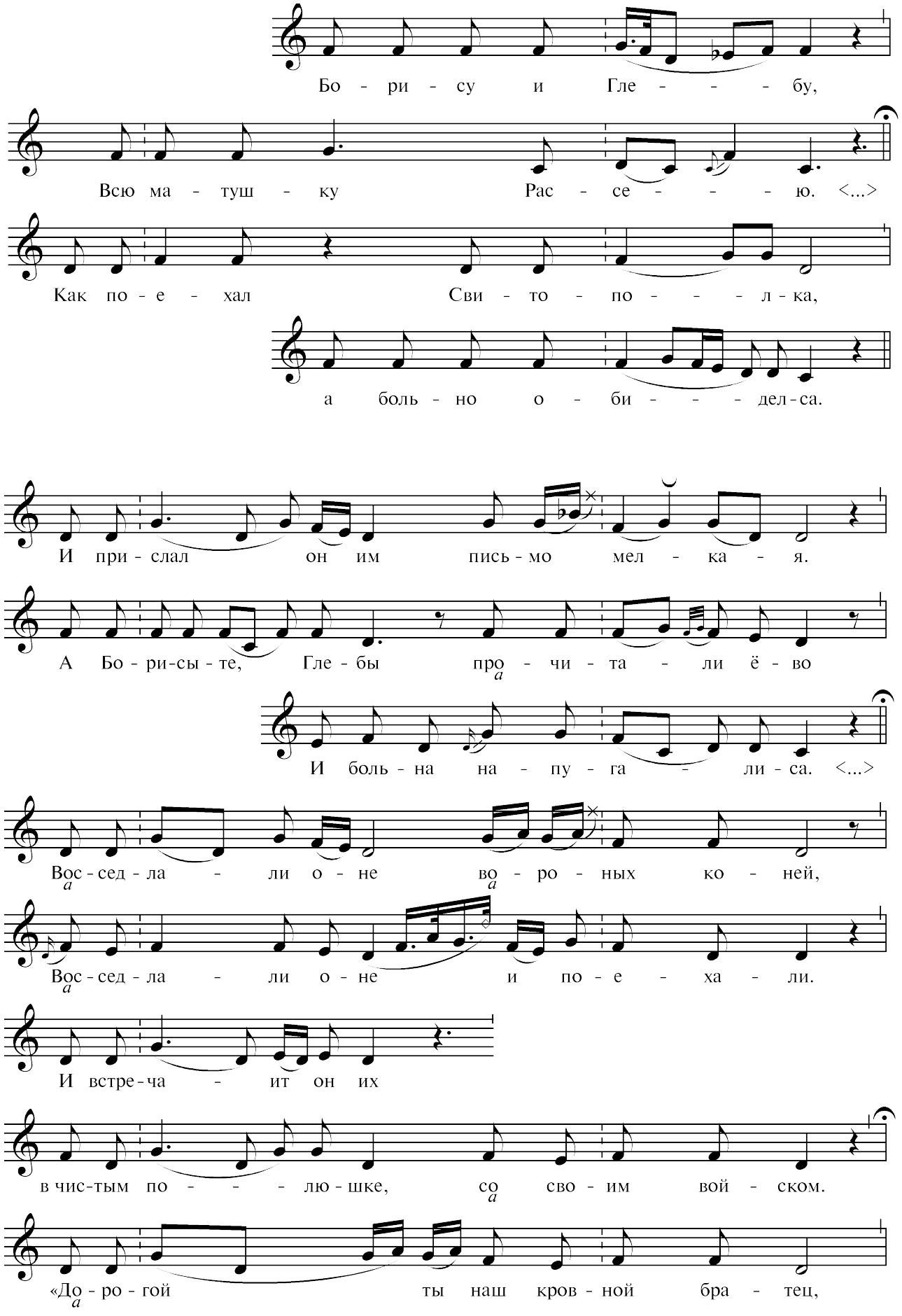
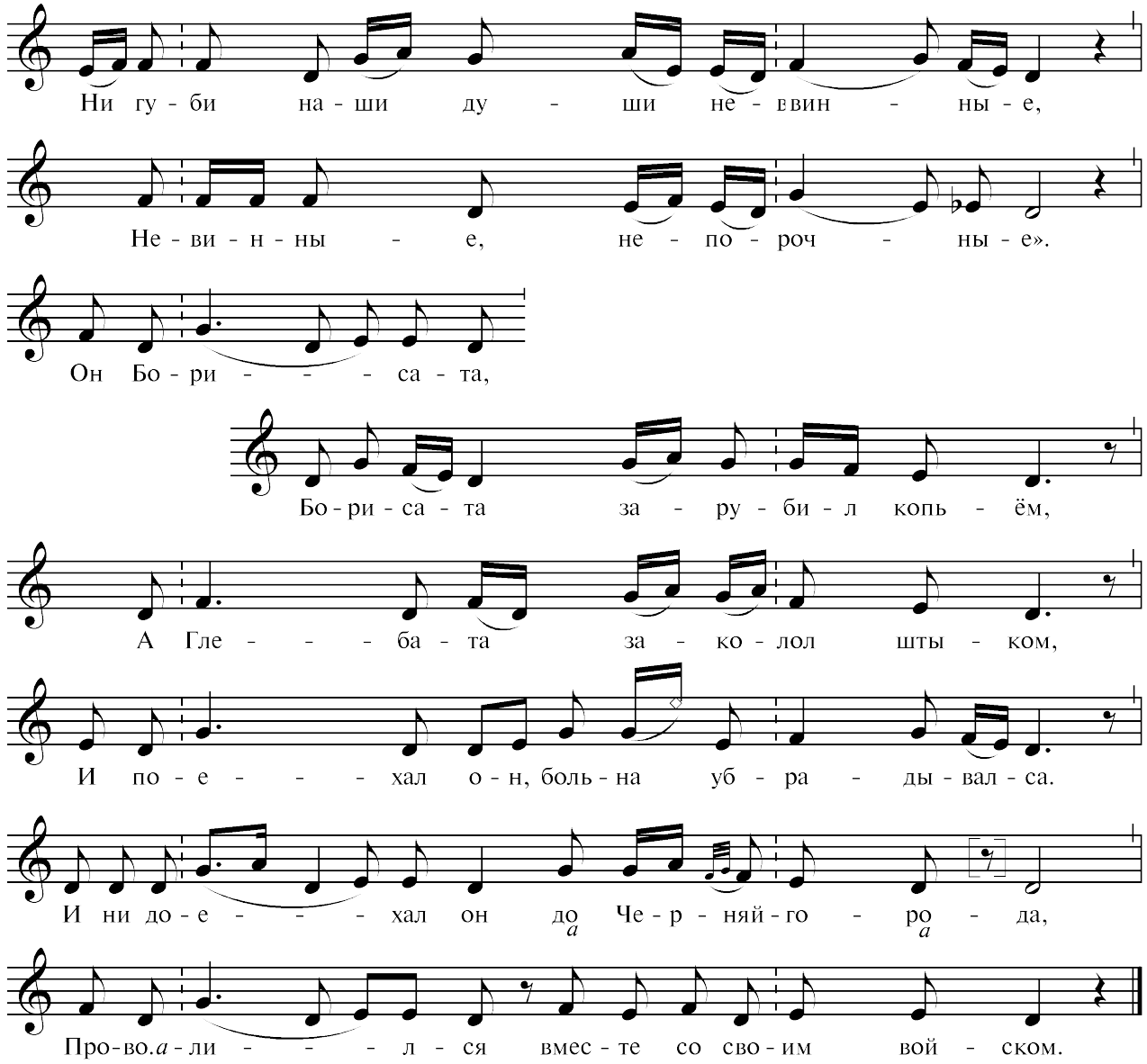
В семнадцатом годочке случилыся война,
Я мужа проводила, сыночка отдала.

Я мужа проводила, сыночка отдала».
«Признай, признай хозяюшка, ты сына своего.

Признай, признай хозяюшка, ты сына своего,
Еще признай, хозяюшка, ты мужа своего.

Еще признай, хозяюшка, ты мужа своего».
Хозяйка испугалась и тут же обняла.

ДУХОВНЫЕ СТИХИ

212.

Бо - ри - су и Гле - - - - бу,
Всю ма - туш - ку Рас - се - - - - ю. <...>
Как по - е - хал Сви - то - по - - - - л - ка,
а боль - но о - би - - - - дел - са.
И при - слал он им пись - мо мел - ка - я.
А Бо - ри-сы - те, Гле - бы про - чи - та - ли ё - во
И боль - на на - пу - га - ли - са. <...>
Вос - сед - ла - ли о - не во - ро - ных ко - ней,
Вос - сед - ла - ли о - не и по - е - ха - ли.
И встре - ча - ит он их
в чис-тым по - - - - лю - шке, со сво - им вой - ском.
«До - ро - гой ты наш кров - ной бра - тец,

Жил-был князь Владимер,
У нёво была три сына.

Старшóй-та сын был Свитополка,
А меньши́е-те братья — Борисы и Глебы.

Как задумал кня... князь Владимер
Паделить своё имения.

Он старшома-ту Свитуполке
Наделил Черняй-горад.

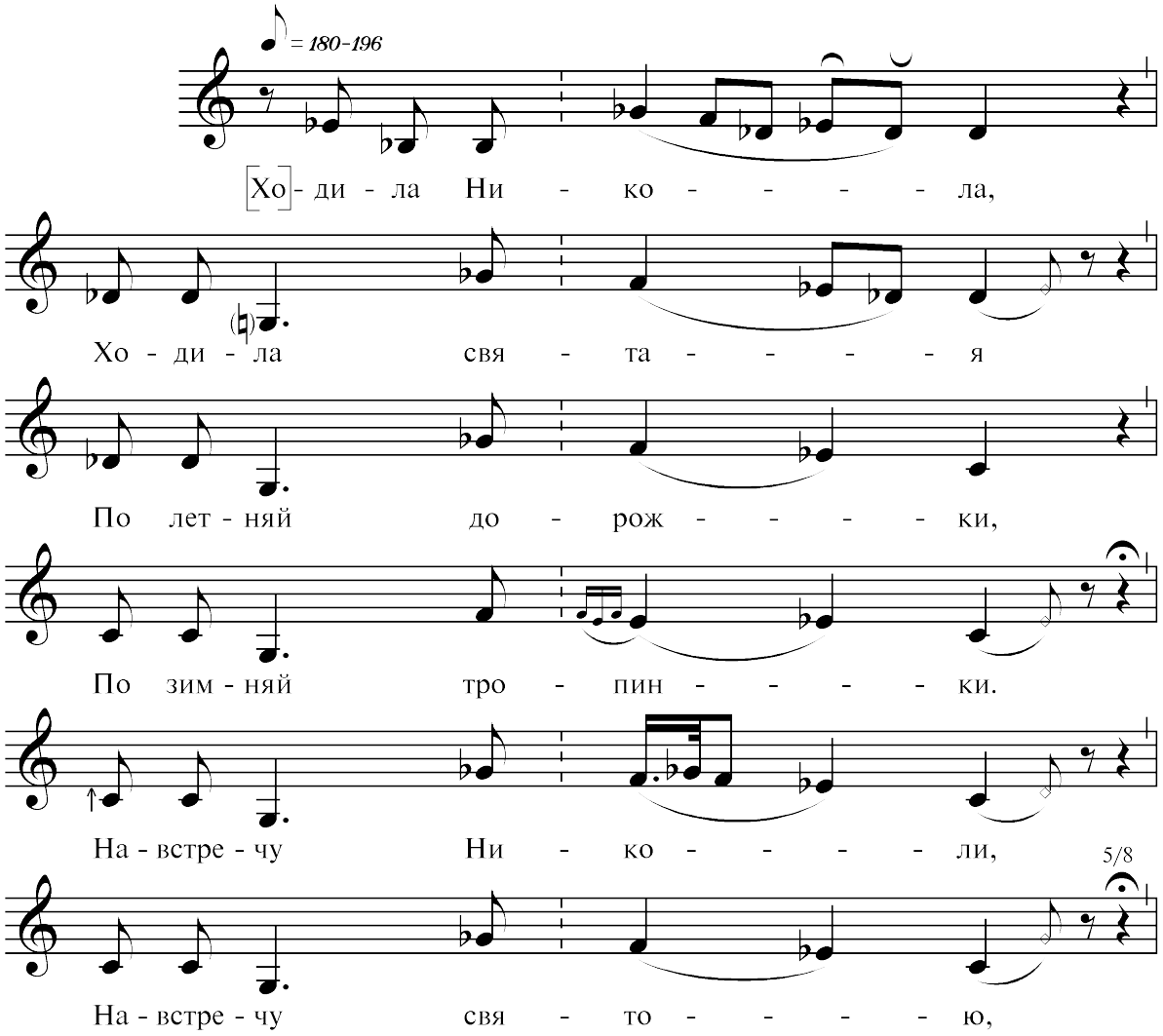
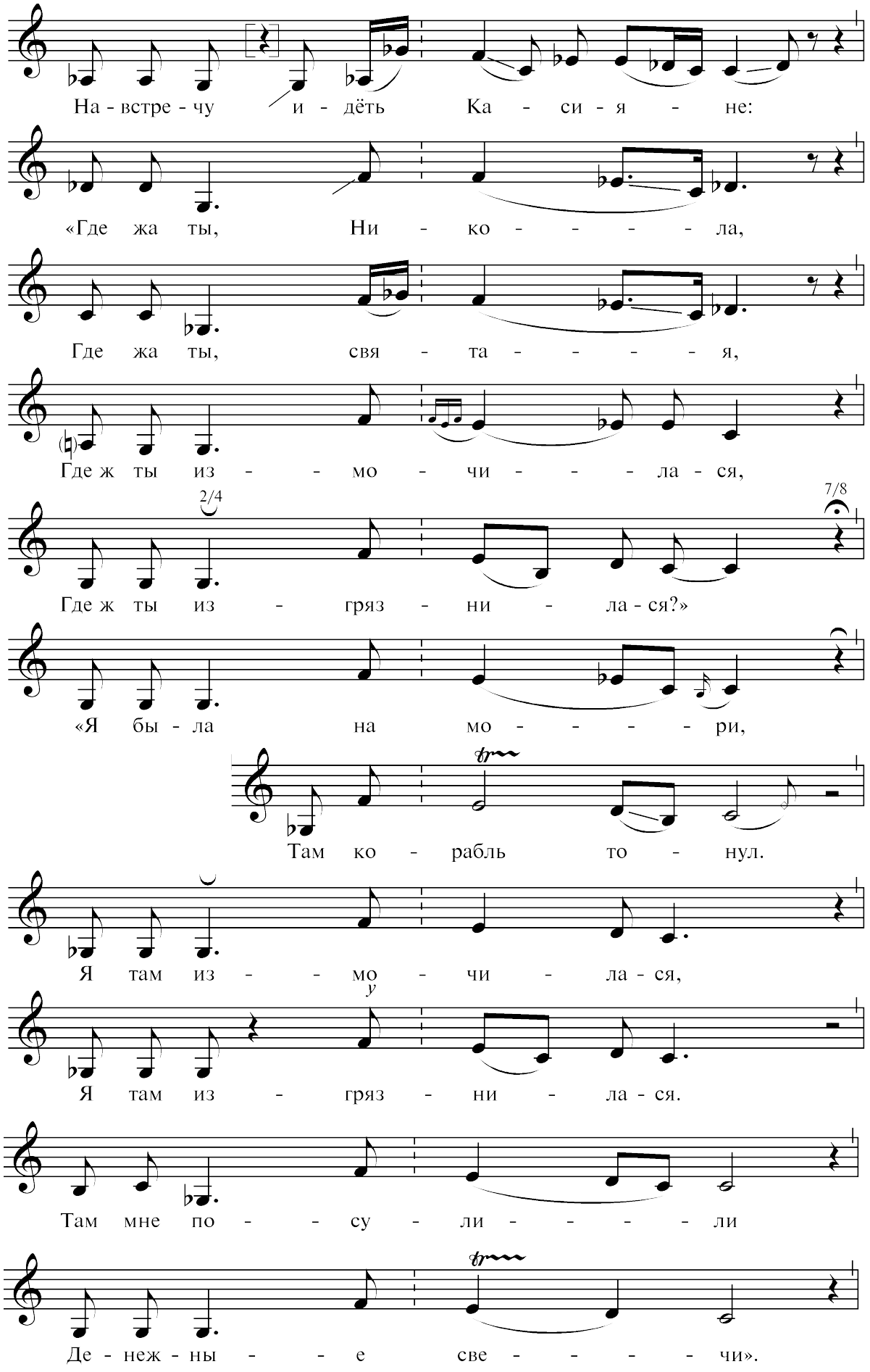
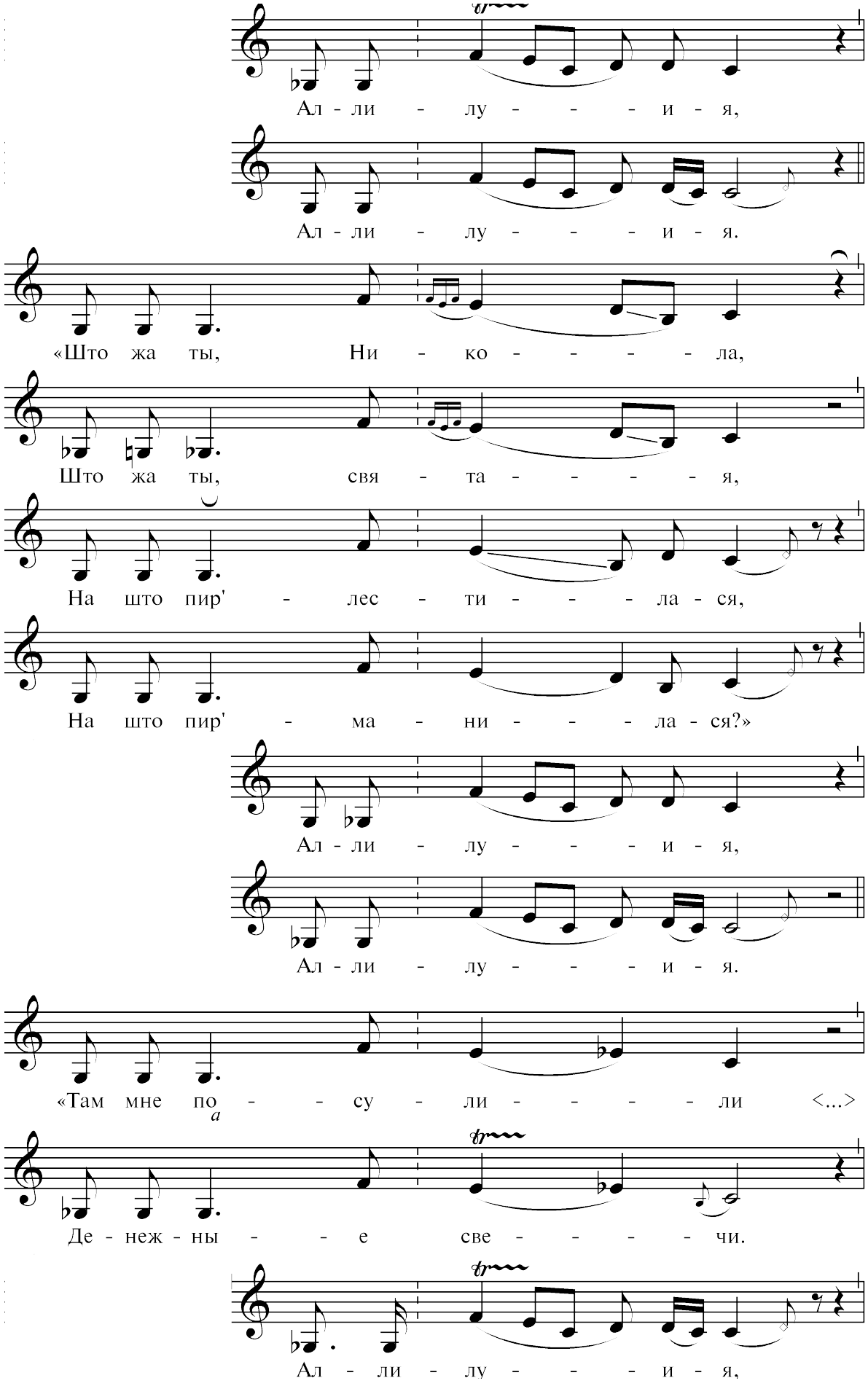
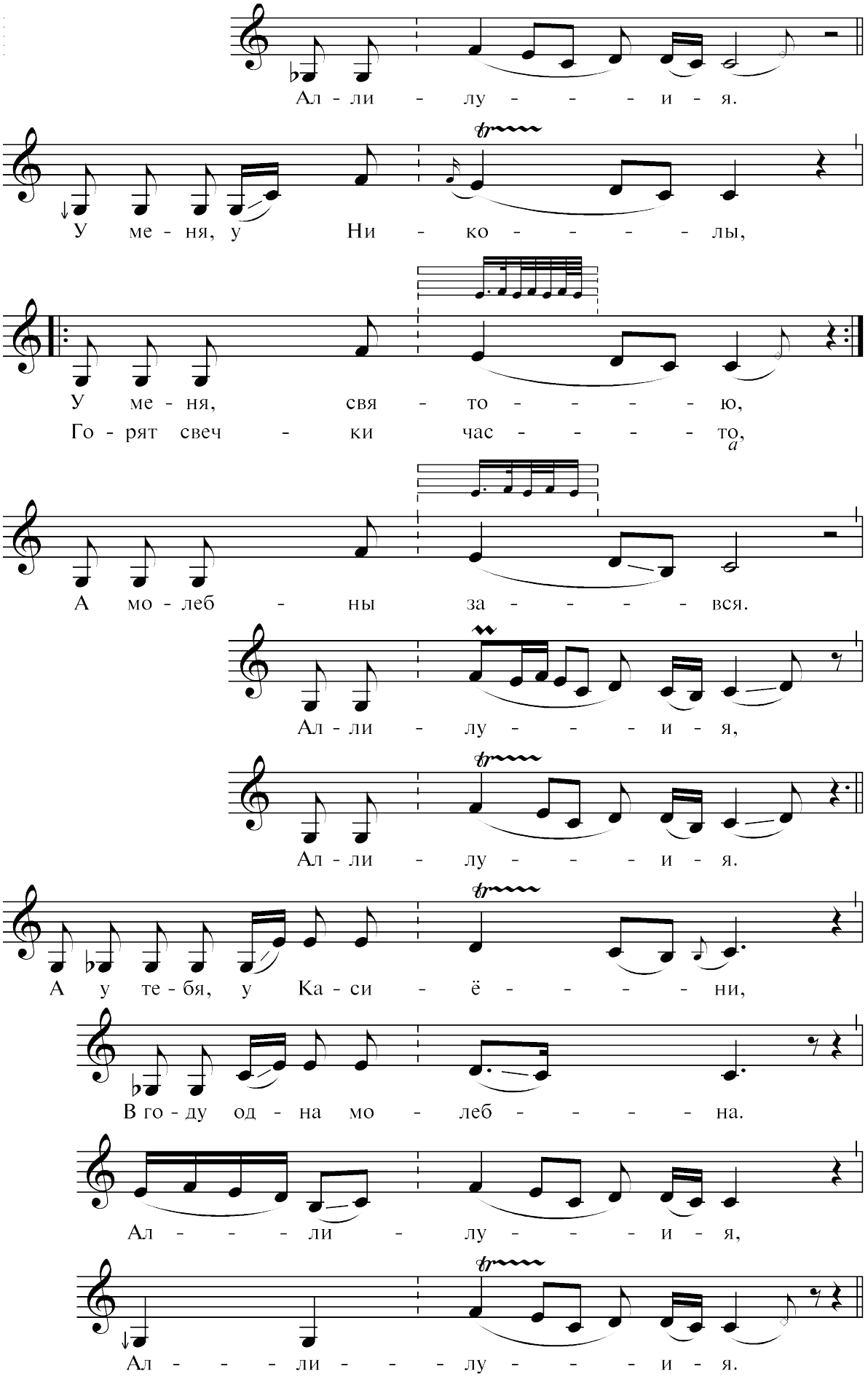
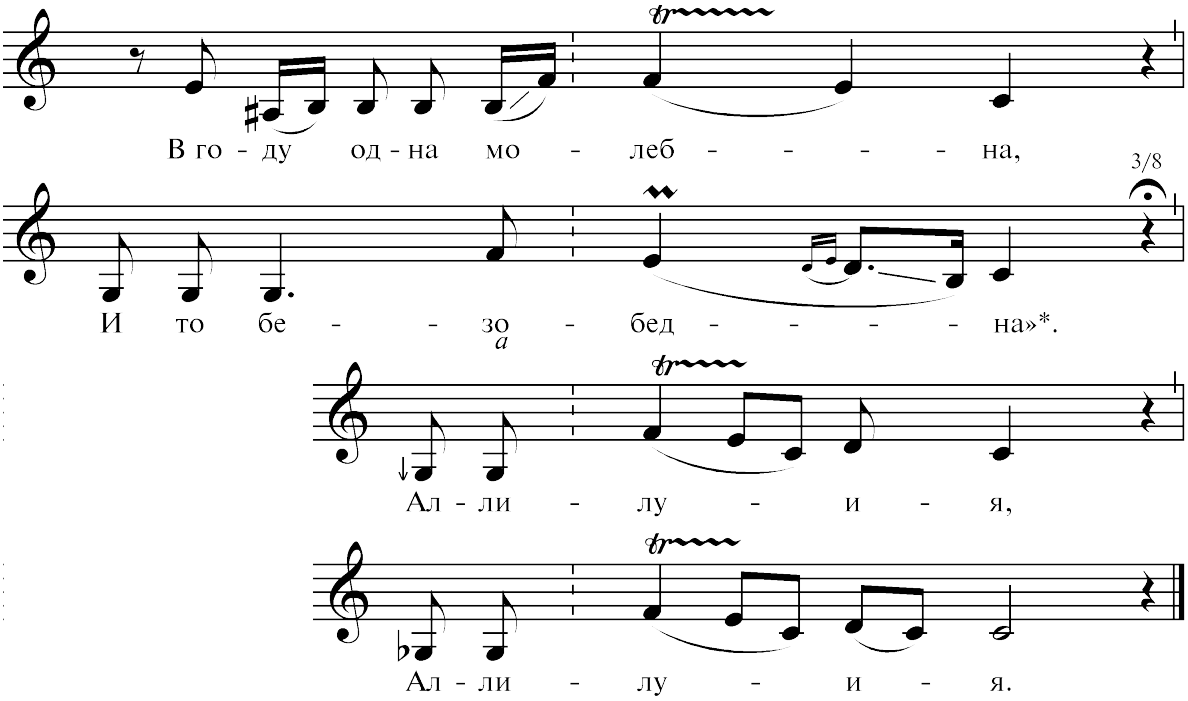
А меньшим-те сыновьям, Борису и Глебу,
Всю матушку Рассею.

Как поехал Свитополка, а больно обиделса.
— Ёму только Черняй-город, а им — всю матушку Рассею, Борису и Глебу!

И прислал он им письмо мелкая.
А Борисы-те-Глебы прочитали ёво
И больна напугалиса.
— *Оне знали: оне святые были, знали, что он их по смерть вызывает.*

Васседлали оне вароных коней,
Васседлали оне и поехали.
И встречаит он их в чистым полюшке, са своим войском.
— *Святополк-то... Да, как-то они умоляли:*

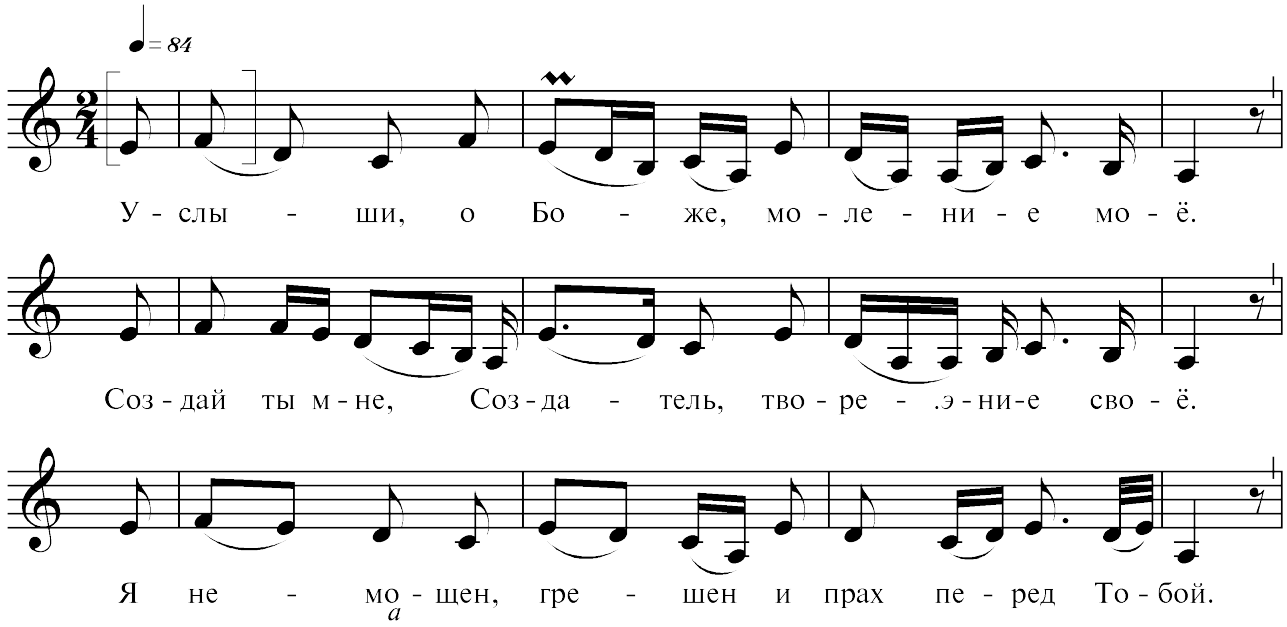
«Дарогой ты наш кровно́й братец,
Ни губи наши души невинные,
Невинные, непорочные».
Он Бориса-та, Бориса-та зарубил копьём,
А Глеба-та заколол штыком,
И поехал он, больна убрадывалса.
И ни доехал он до Черняй-города,
Провалился вместе со своим войском.
— *Вот как, они святые были! Святые — Борис и Глеб!*

213.

На - встре - чу и - дёть Ка - си - я - не:
«Где жа ты, Ни - ко - - - - - ла,
Где жа ты, свя - та - - - - - я,
Где ж ты из - - мо - чи - - - - ла - ся,
2/4
7/8
Где ж ты из - гряз - ни - ла - ся?»
«Я бы - ла на мо - - - - - ри,
tr
Там ко - рабль то - нул.
Я там из - - мо - чи - ла - ся,
y
Я там из - гряз - ни - ла - ся.
Там мне по - - су - ли - - - - - ли
tr
Де - неж - ны - - е све - - - - - чи».

Ал - ли - лу - - - - и - я,
Ал - ли - лу - - - - и - я.
«Што жа ты, Ни - ко - - - - - ла,
Што жа ты, свя - та - - - - - я,
На што пир' - лес - ти - - - - ла - ся,
На што пир' - ма - ни - - - - ла - ся?»
Ал - ли - лу - - - - и - я,
Ал - ли - лу - - - - и - я.
«Там мне по - - су - ли - - - - - ли <...>
Де - неж - ны - - е све - - - - - чи.
Ал - ли - лу - - - - и - я,

Ал - ли - лу - - - - и - я.
У ме - ня, у Ни - ко - - - - - лы,
У ме - ня, свя - то - - - - - ю,
Го - рят свеч - ки час - - - - - то,
a
А мо - леб - ны за - - - - - вся.
Ал - ли - лу - - - - и - я,
Ал - ли - лу - - - - и - я.
А у те - бя, у Ка - си - ё - - - - - ни,
В го - ду од - на мо - леб - - - - - на.
Ал - - - - ли - лу - - - - и - я,
Ал - - - - ли - - - лу - - - - и - я.

[Хо]дила Никола,
Ходила святая
По летняй дорожки,
По зимняй тропинки.
Навстречу Николи,
Навстречу святою,
Навстречу идёть Касияне:
«Где жа ты, Никола,
Где жа ты, святая,
Где ж ты измочилася,
Где ж ты изгрязилася?»
«Я была на мори,
Там корабль тонул.
Я там измочилася,
Я там изгрязнилася.
Там мне посулили
Денежные свечи».
Аллилуия,
Аллилуия.
«Што жа ты, Никола,
Што жа ты, святая,
На што пирлестилася,
На што пирманилася?»
Аллилуия,
Аллилуия.
«Там мне посулили <...>
Денежные свечи.
Аллилуия,
Аллилуия.
У меня, у Николы,
У меня, святою,

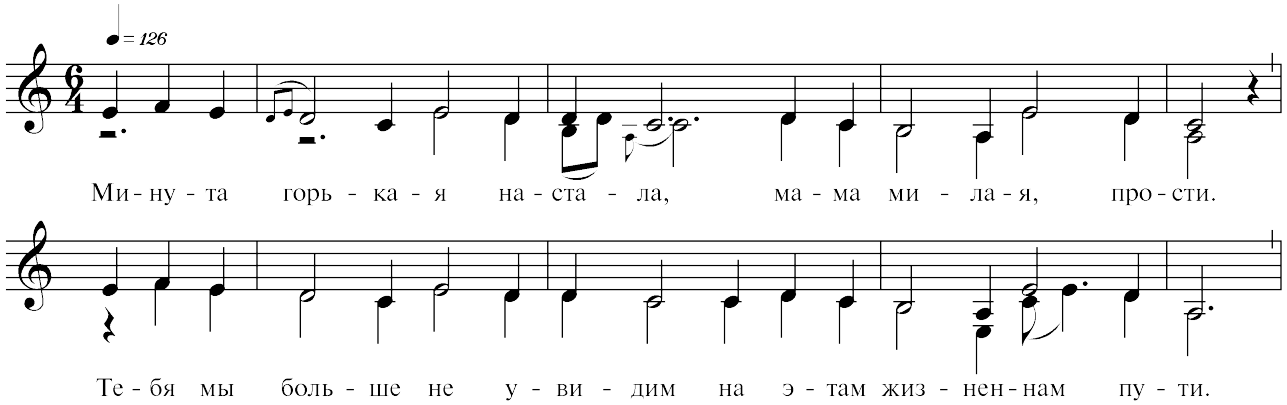
Горят свечки часта,
А молебны зався.
Аллилуия,
Аллилуия.
А у тебя, у Касиёни,
В году одна молебна.
Аллилуия,
Аллилуия.
В году одна молебна,
И то безобедна»*.
Аллилуия,
Аллилуия.

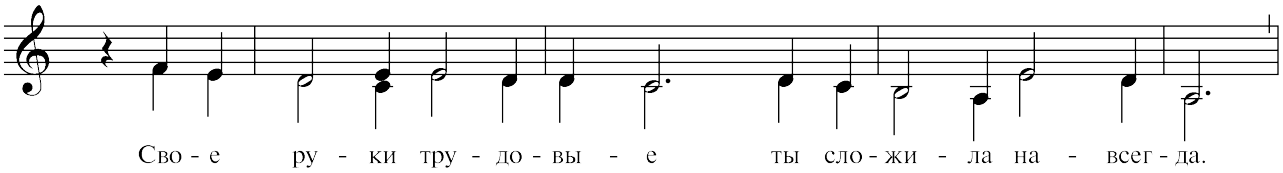
* Т.е. простой молебен, без обедни (литургии).

РЕЛИГИОЗНЫЕ СТИХИ

214.

[Услы]ши, о Боже, моление моё.
Создай ты мне, Создатель, творение своё.
Я немащен, грешен и прах перед Тобой.
А ты, мой Миласерднай, услышь мой тяжкий стон.
Я плачу, и каюсь, и снова грешу,
А образ Твой светлый я в сердце ношу.

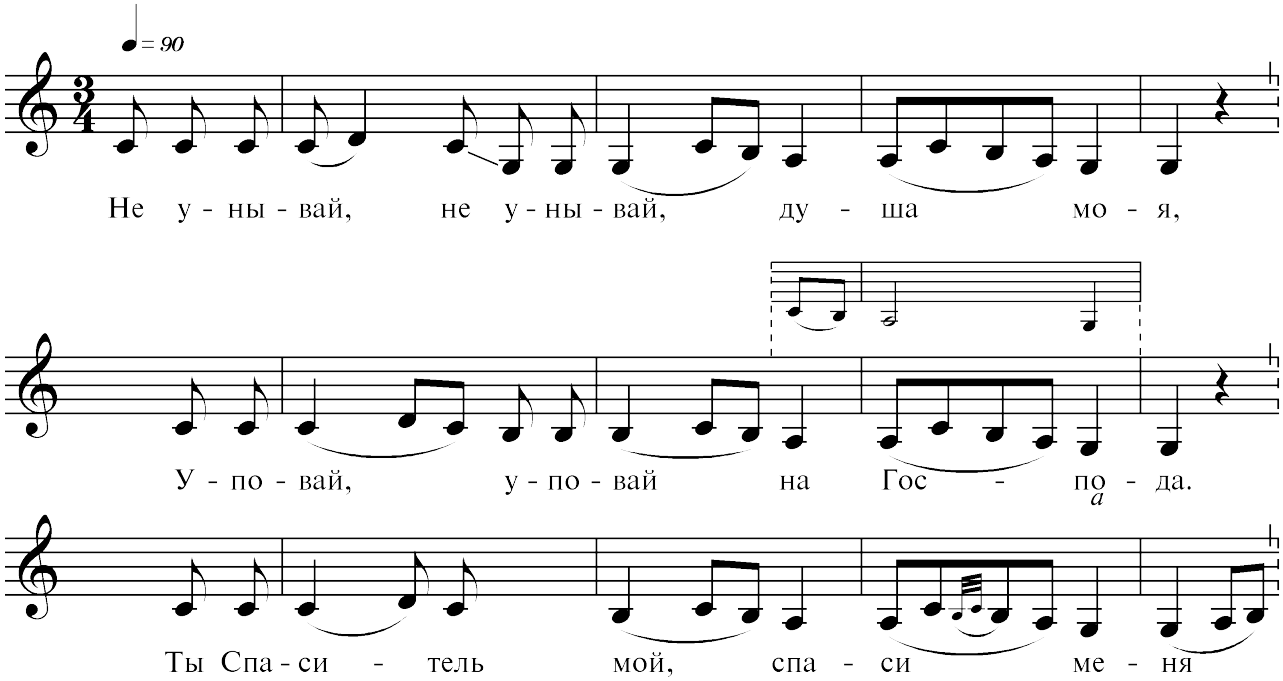
215.





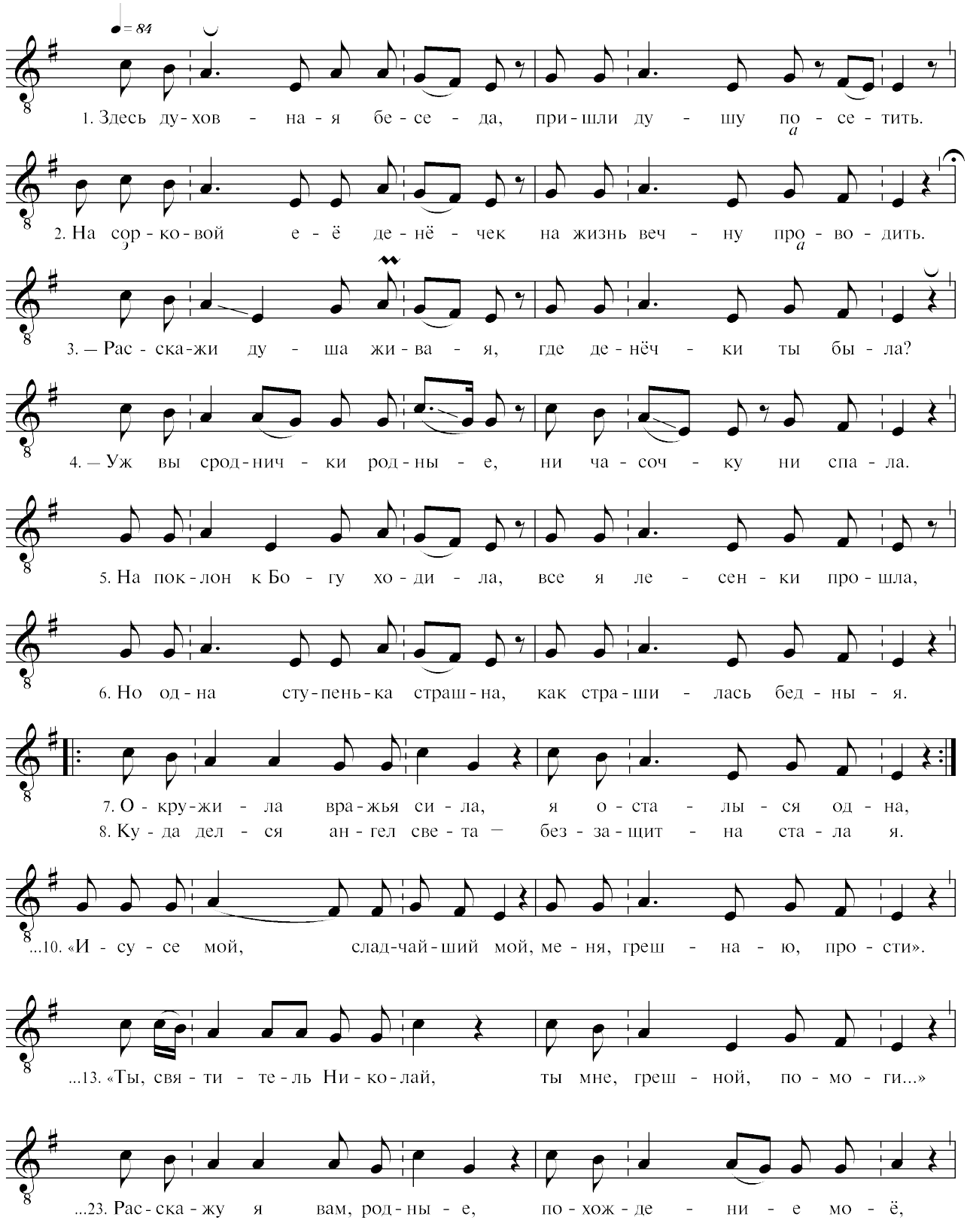
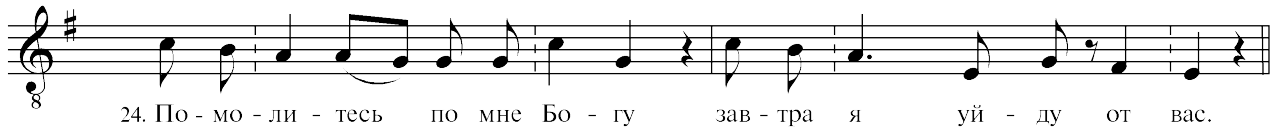
Минута горькая настала, мама милая, прости.
Тебя мы больше не увидим на этам жизненнам пути.
Свое руки трудовые ты сложила навсегда.
И ты к нам больше ни вернёшься, дарогая, никогда.
Многа горя и печали в жизни видила своей.
Ни жалела сил, здоровья для своих родных детей.
Ты по дням недоедала, недосыпала па ночам.
И последняй кусок хлеба нам делила паполам.
Ты нас с радастью встречала, правожала са слезой.
Крепка к сердцу прижимала материнскаю рукой.
Кто теперь нас так полюбит, кто теперь нас так поймёт?
В день печали кто утешит и в горький час слезу прольёт?
Па тебе, родная мама, любовь и память в нашем сердце не умрёт,
И тропа к твоей могили никогда не заростёт.
Прошла жизнь твоя земная вся в заботе и в труде,
Теперь жизнь тебе другая, памить вечная тебе!

216.



Не унывай, не унывай, душа моя,
Уповай, уповай на Госпада.
Ты Спаситель мой, спаси меня,
Спаси меня, душу грешнаю.
Миновать ба мне муку вечнаю,
Муку вечнаю, бесконечнаю.

Ты кого пошлёшь на помощь мне:
Или ангела, или архангела?
Или Сам придёшь на помощь мне?
Или Сам придёшь на помощь мне?

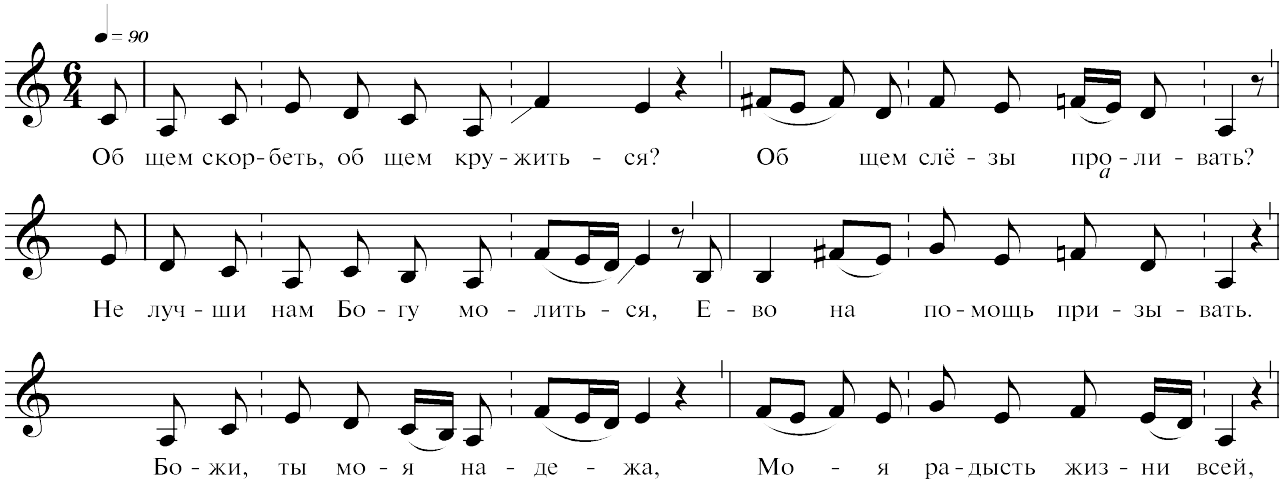
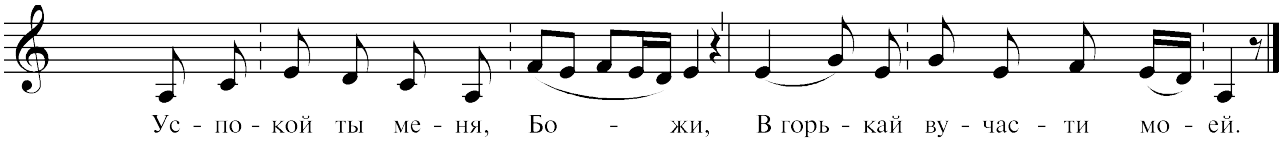
217.



Здесь духовная беседа, пришли душу пасетить.
На сорковой её денёчек на жизнь вечну праводить.

— Покойник кажный — он округ нас! Он никуда: сорок день, как он здесь крутится, вокруг своех родных. А уж на сорковой день Господь берёт душу-то уж...

— Расскажи, душа живая, где денёчки ты была?
— Уж вы сроднички родные, ни часочку ни спала.
На поклон к Богу ходила, все я лесенки прошла,
Но одна ступенька страшна, как страшилась бедныя.
Окружила вражья сила, я осталыся одна,
Куда делся ангел света — беззащитна стала я.
Я упала на колени, стала Господа просить:
«Иисусе мой, сладчайший мой, меня, грешнаю, прости».
По сторонам я озиралась, кто бы помощь мне подал?
Я направо посмотрела — стоит святитель Николай.
«Ты, святитель Николай, ты мне, грешной, помоги.
Во слезах тебя прошу я, с той ступенечки сведи».
«Ты не плачь, душа несчастна, теперь поздно уж вопить.
Ты проси родных [и близких], чтоб молились за тебя».
Душа, душа грешная, не молилась ты, жива,
Только телу угождала и ленивая была.
Незамедлил ангел света, с неба он к душе слетел
И сказал нечистым духам: «Отыскал я добрых дел».
Взял меня за праву руку, вниз по лесенке повёл,
На сорковой меня денёчек распроститься к вам привёл.
Расскажу я вам, родные, похождение мое,
Помолитесь по мне Богу завтра я уйду от вас.
Завтра будет мне решенья — куда Бог душу пошлёт.
Если Богу я служила — в рай Господь меня введёт,
Если много я грешила — в муку вечну утошлёт.

218.

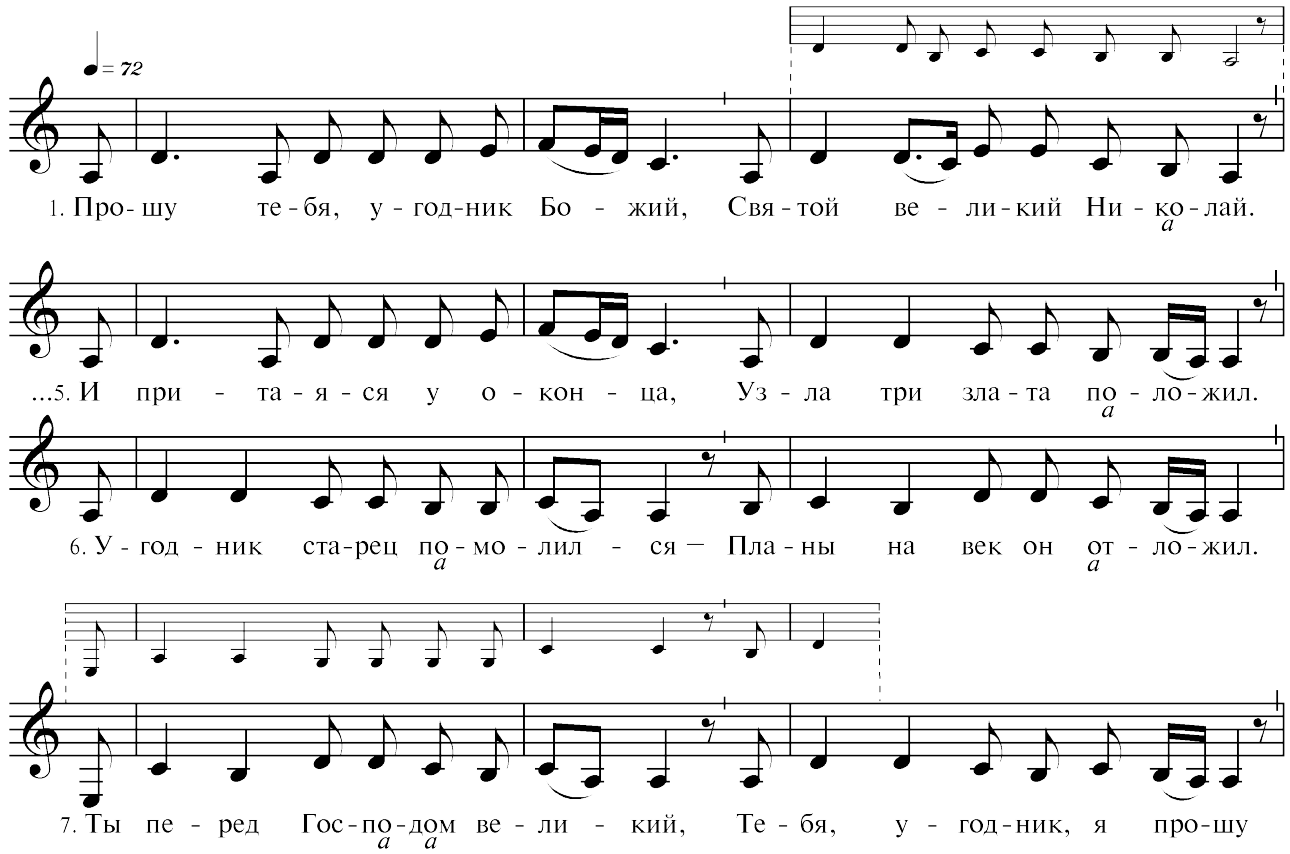


Об щем скорбеть, об щем кружиться?
Об щем слёзы проливать?

Не лучши нам Богу молиться,
Ево на помощь призывать.

Божи, ты моя надежа,
Моя радысть жизни всей,

Успокой ты меня, Божи,
В горькай вучасти моей.

219.

Прошу тебя, угодник Божий,
Святой великий Никалай.

В житейскам море утопаю,
Ты руку помащи подай.

К твоей иконе припадаю,
Прошу меня, прости.

Я, недостойная, взываю:
Молитву к Богу отнеси.

...И притаяся у оконца,
Узла три злата паложил.

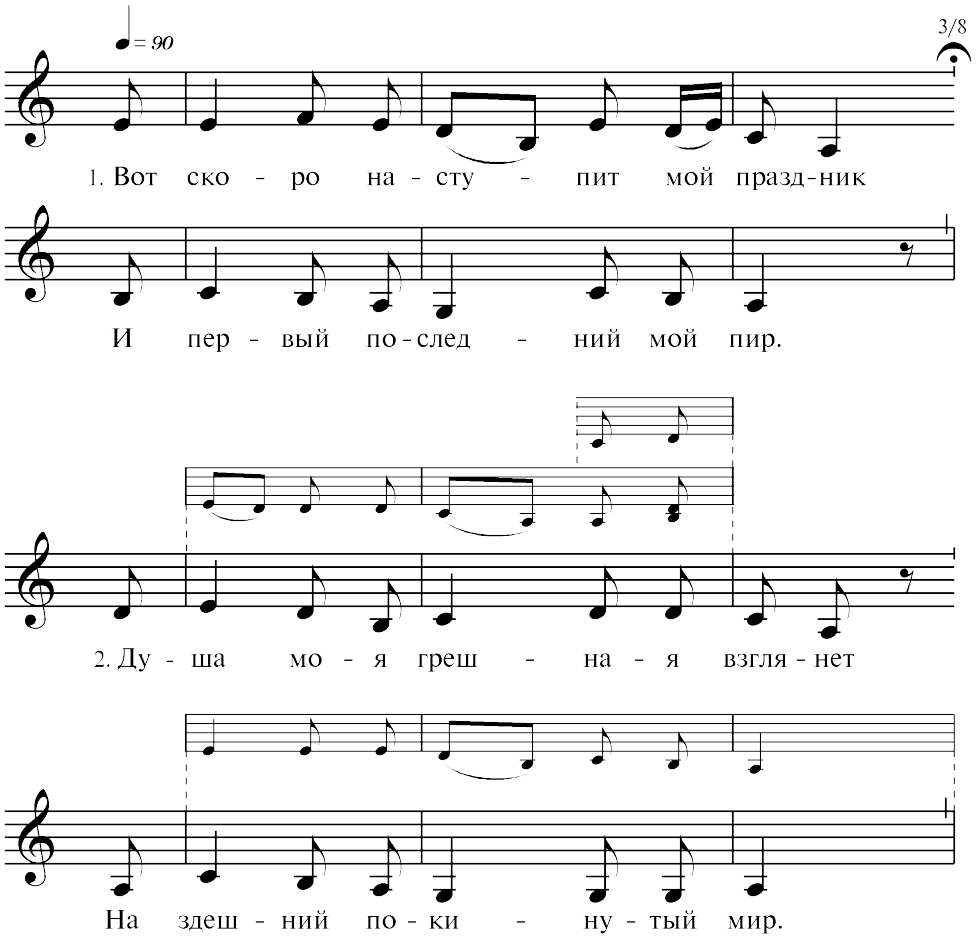
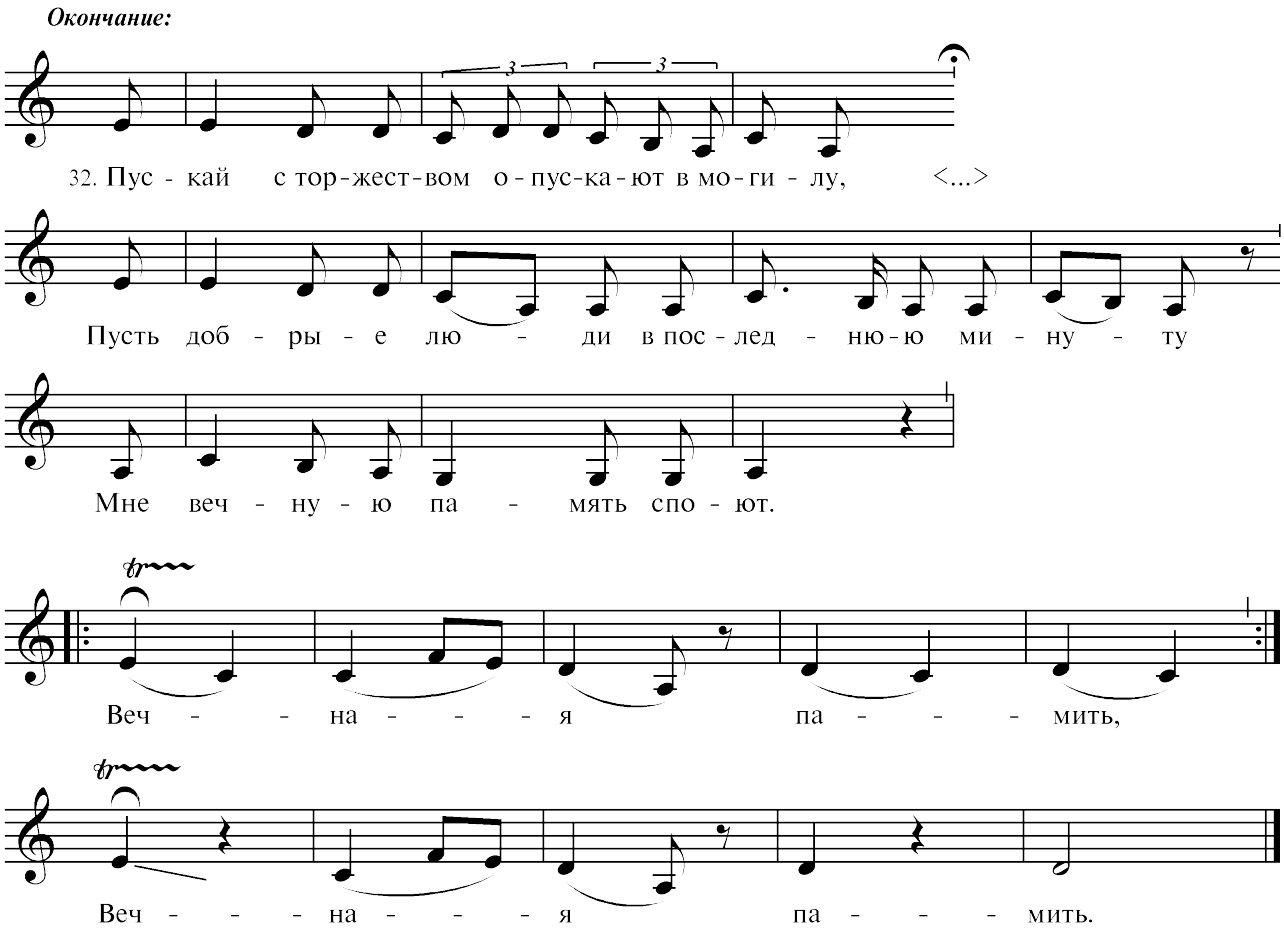
Угодник старец памолился —
Планы́ на век он атложил.

Ты перед Госпадам великий,
Тебя, угодник, я прошу:

«Проси у Госпада прощенья
За душу грешнаю мою».

Чудес неисчерпаемае море
Ты, угодник, сотворил.

И у кого какое горе,
Ко всем на помащь приходил.

220.



Вот скоро наступит мой праздник
И первый последний мой пир.

Душа моя грешная взглянет
На здешний покинутый мир.

И страшно в то время мне будет,
Расстанется с телом душа.

И много я в мире грешила,
Увижу тогда все дела.

Дела мои добрые, злые
Преставятся мне в этот час.

Сказать ничего не сумею,
Хотя и увижу всех вас.

И демына тотчас увижу,
И будет душа трепетать.

И скажут: «Теперь уже поздна
Создателя призывать!»

Умоют меня и причёшут
Заботливой нежной рукой.

И новые платья оденут,
Как будто на праздник большой.

Положат меня под иконы
И будут ко мне все ходить.

Зажгут тогда в доме лампады
И будут канон мне читать.

Все будут усердно молиться,
На вечныю жизнь провожать.

Добра кому делала многа —
Ко мне со слезами придут.

Хотя ты лежишь без дыханья,
Но добры дела все живут.

Как красныя сонце светила,
В беде помогала всегда.

Глаза твои навек закрыты —
Добро не умрет никогда.

А зла кому делала многа —
Ко мне недоволен придёт.

Хотя ты лежишь без дыханья,
Но дело худое живёт.

И страшно тогда мне будет,
Увижу, услышу всё я.

Сказать ничего не сумею,
Простите, родные, меня.

И много я в мире грешила,
Молиться ленива была.

Земные заботы от храма
Они утводили меня.

В грехах теперь каеться поздна,
Увы, нет спасенья, беда.

Не видеть мне светлыва рая,
В огне буду мучиться я.

Когда среди улицы шумнай
Все будут идти и рыдать.

Покрыта парчой небогатай,
Я буду во гробе лежать.

Напрасно рыдаете люди,
Конешно, вам жалка меня.

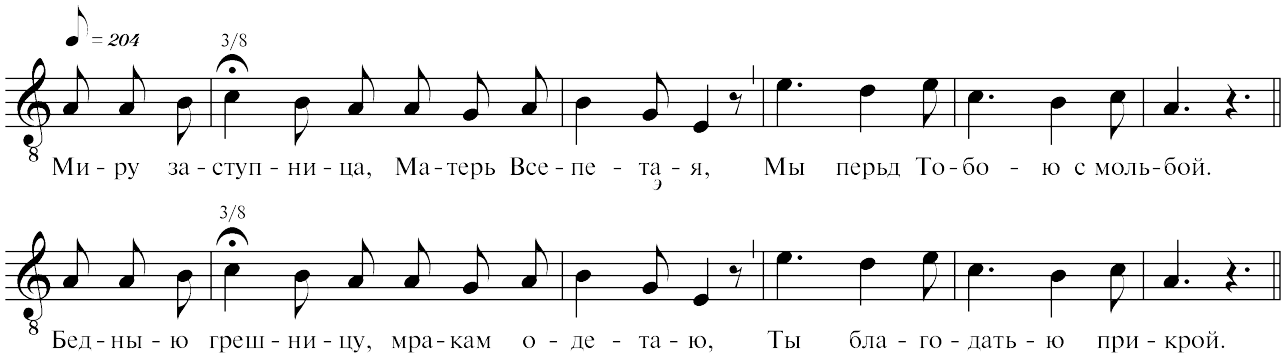
Создателю вы помолитесь,
Великая грешница я.

И может, по вашим молитвам
Всевышний грехи мне простит.

Миную я страшнова ада
И в вечном раю буду жить.

Пускай с торжеством опускают в могилу <...>,
Пусть добрые люди в последнюю минуту
Мне вечную память споют.

Вечная память,
Вечная память,
Вечная память.

221.

Миру заступница, Матерь Всепетая,
Мы перьд Тобою с мольбой.

Беднюю грешницу, мракам одетаю,
Ты благодатью прикрой.

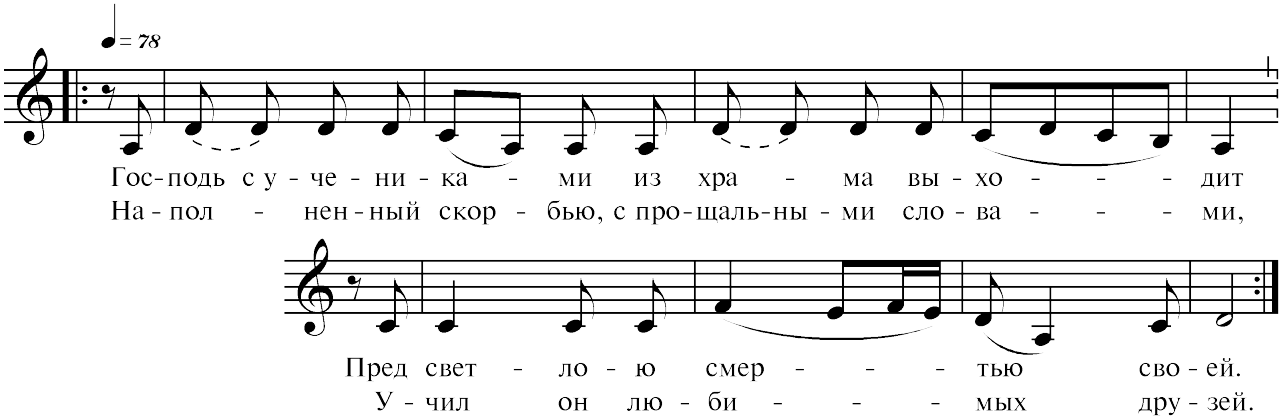
Если настигнут её испытания —
Скорби, болезни, враги —

В трудный час жизни, в минуты страдания
Молим, ты ей памоги.

Радость духовную, жажду спасения
В сердце её паложи.

В царства небесныя — мир утешения —
Путь ей прямой укажи.

Я верю, надеюсь на твоё милосердия,
Ты не оставишь меня...

222.

Господь с учениками из храма выходит
Пред светлою смертью своей.

Наполненный скорбью, с прощальными словами,
Учил он любимых друзей.

— Скажи нам, Учитель, последнее слово,
Пока ещё с нами живёшь.

Скажи нам, Учитель, когда это будет,
Когда ты судить нас придёшь?

— Услышите войны, военные слухи,
Восстанет народ на народ.

И будут болезни, и глады, и моры,
И братская кровь патечёт.

Услышите мерзость во храме запущений —
То знайте, что Суд при дверях.

Пока ещё двери пред вами не закрыты,
Держите светильники в сердцах.

Умóлится вера, угаснет надежда,
В серцах ухладеет любовь.

И многие люди тогда соблазнятся,
Прольют неповиннаю кровь.

Великие скорби на землю сошлются,
И страшные муки придут.

И в эту минуту просить будим смерти,
Но смерть от людей убежит.

И скажут народы: “Падите на нас, горы!”—
Но горы на нас не падут.

И кто, находящийся в поле, не в доме —
То пусть домой не спешит.

Померкнет солнце, и месяц, и звёзды,
С небесного свода спадут.

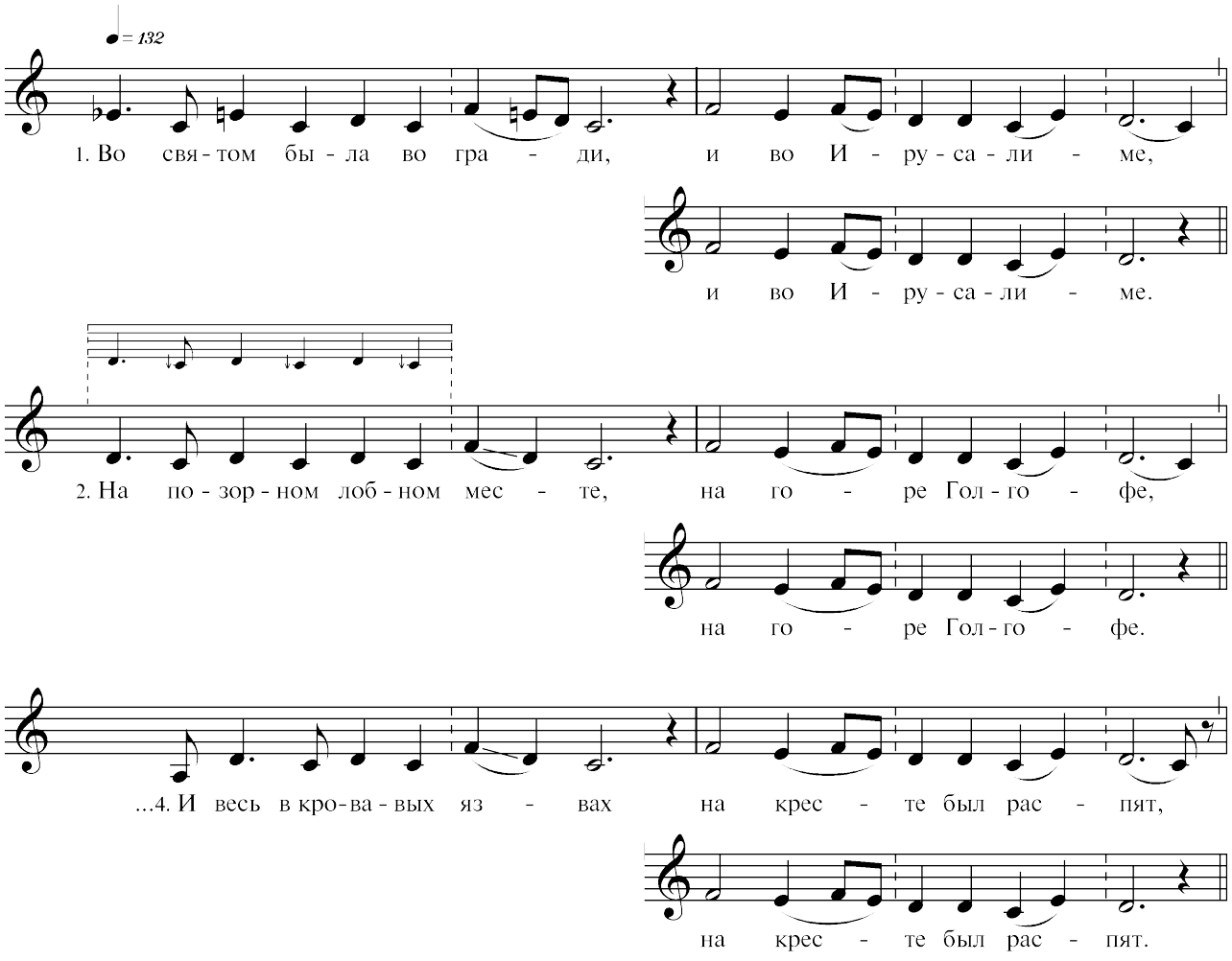
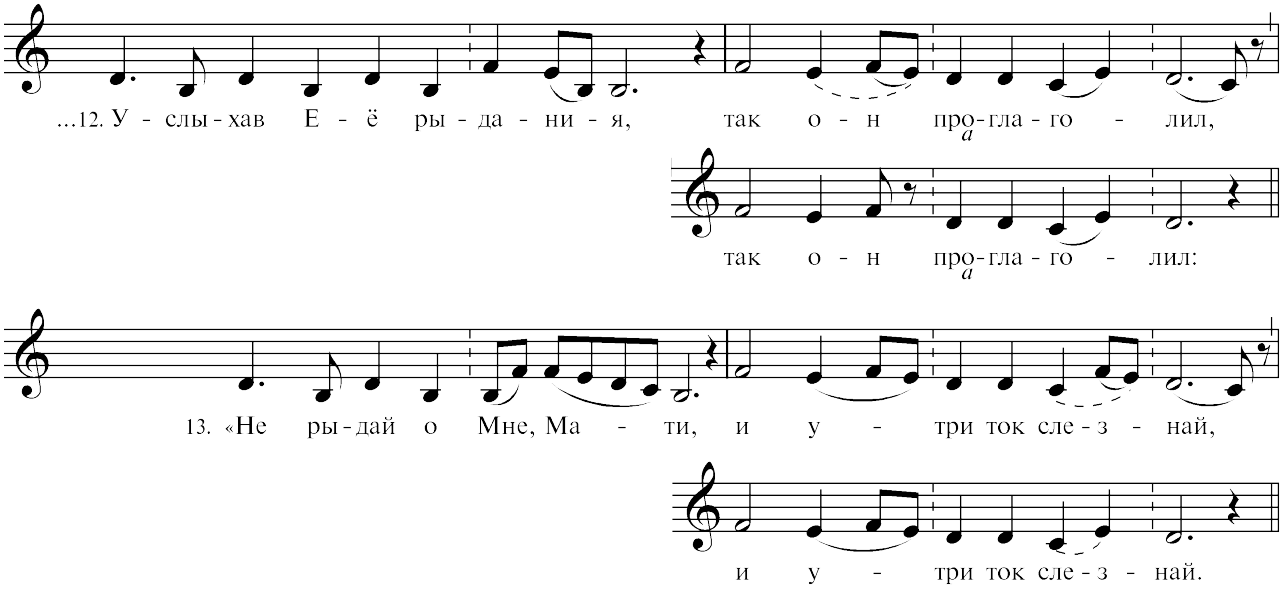
Восстанут из мертвых земныи народы,
Пойдут на Божественный Суд.

И явится на небе крест светозарный,
И будет, как со[л]нце, сиять.

Восстанут сначала избранныи чада
И радостно будут взирать.

За ними последуют толпы народа
От края до края земли.

И вся содрогнётся земная природа
Пред страшным престолом Судьи.

223.

Во святом была во гради, и во И[е]русалиме,
и во И[е]русалиме.

На позорном лобном месте, на горе Голгофе,
на горе Голгофе.

Обессловлен, обесчестен Иисус, Сын Божий,
Иисус, Сын Божий.

И весь в кровавых язвах, на кресте был распят,
на кресте был распят.

Там стояла Дева Мати, плакала — рыдала,
плакала — рыдала.

Сакрушалась и терзалась о любезном Сыне,
о любезном Сыне:

«Уж, ты, Сын, моя отрада, Иисус, Сын Божий,
Иисус, Сын Божий.

Где архангель напророчил, что царём Ты будешь,
что царём Ты будешь?

Я всему теперь лишилась, Я теперь бесчадна,
Я теперь бесчадна.

Бейся, сердца, сокрушайся, утроба, терзайся,
утроба, терзайся!»

Услыхав, Сын Божий, плачущую Матерь,
плачущую Матерь.

Услыхав Её рыдания, так Он праглаголил,
так Он праглаголил:

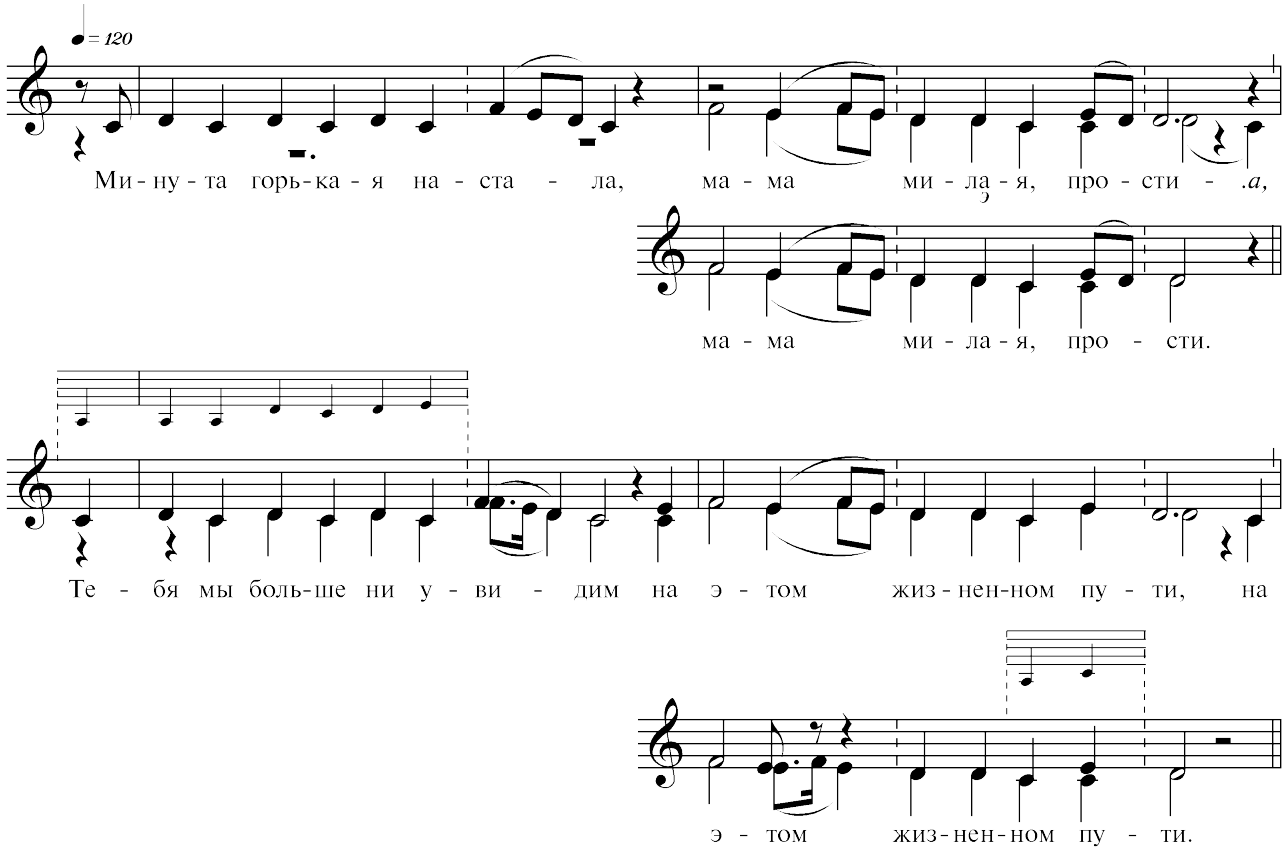
«Не рыдай о Мне, Мати, и утри ток слезнай,
и утри ток слезнай.

Веселися Ты надеждай, Я скоро воскресну,
Я скоро воскресну.

Я воскресну, Царём буду над землёй, над небам,
над землёй, над небам.

И тогда Тебя прославлю, благодатна Матерь,
благодатна Матерь.

И со славой вознесу тех, кто Тя вазвеличил,
кто Тя вазвеличил».

224.

Минута горькая настала, мама милая, прости.
мама милая, прости.

Тебя мы больше ни увидим на этом жизненном пути,
на этом жизненном пути.

Твое руки трудовыя ты сложила навсегда,
ты сложила навсегда.

Ты к нам больше не вернёсся, дарогая, никогда,
дарогая, никогда.

Многа горя и заботы в жизни видела своей,
в жизни видела своей.

Не жалела сил, здоровья для своих родных детей,
для своих родных детей.

Ты по дням не даедала, не дасыпала па ночам,
не дасыпала па ночам.

Ты последний кусок хлеба нам делила паполам,
нам делила паполам.

Ты нас с радыс[т]ью встречала, правожала ва слезах,
правожала ва слезах.

Ты нас к серцу прижимала материнскаю рукой,
материнскаю рукой.

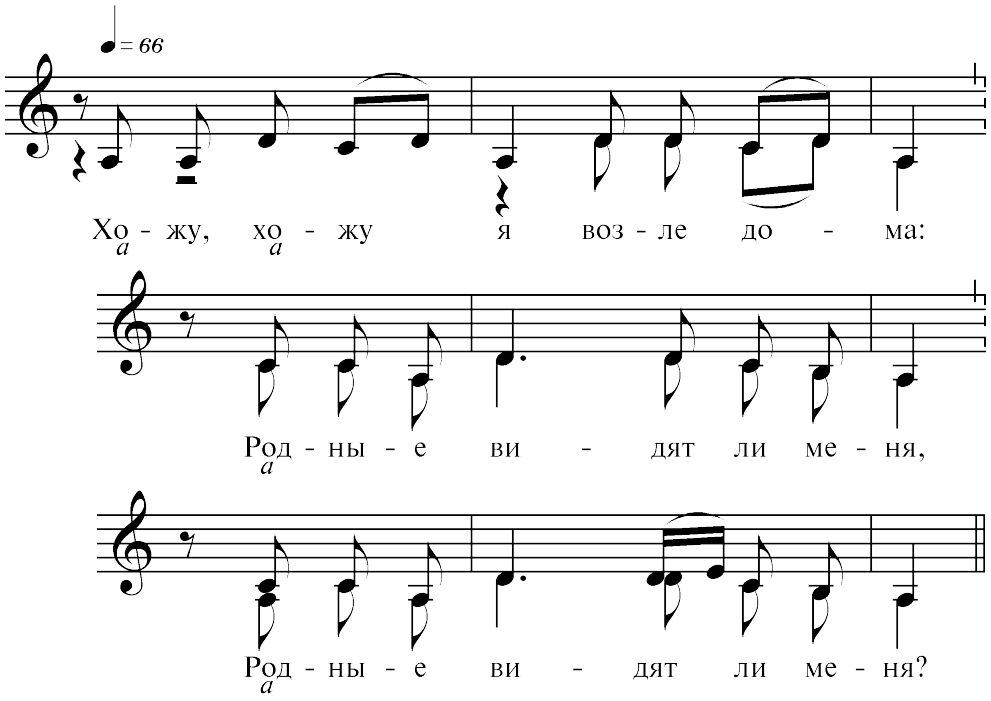
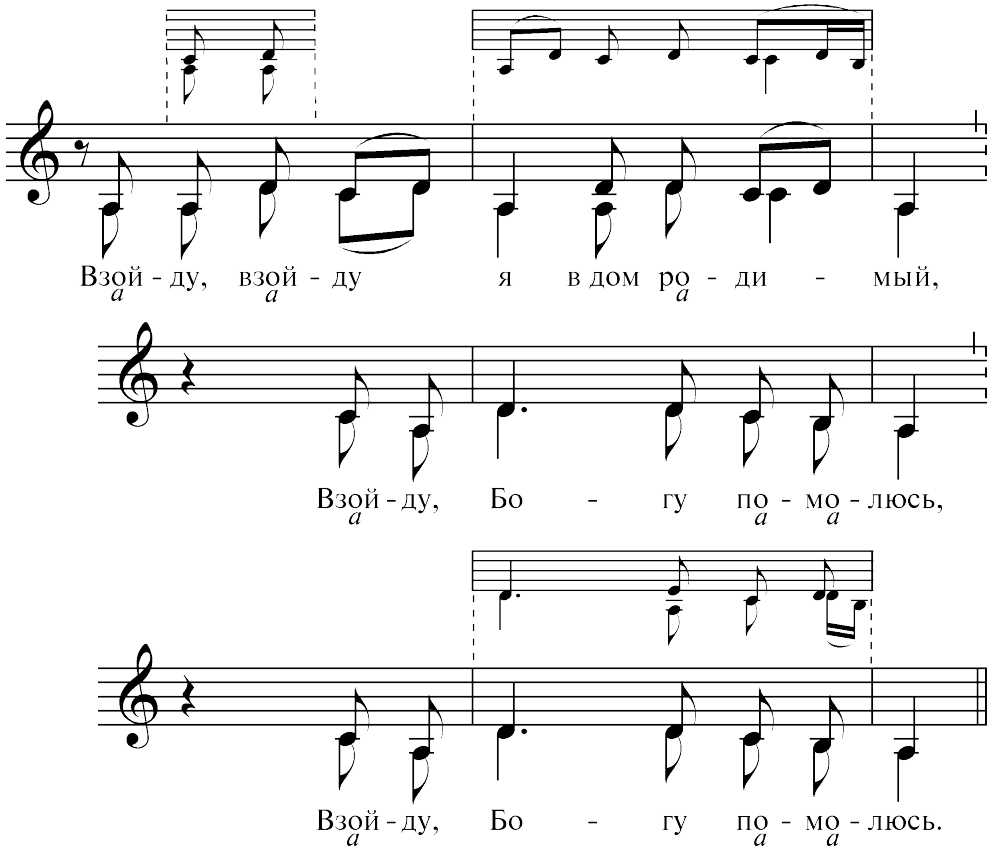
Кто теперь нас так полюбит, кто теперь нас так поймёт,
кто теперь нас так поймёт?

В дни печали кто утешит и в горький час слезу утрёт,
в горький час слезу утрёт?

Прошла жизнь твоя земная и в заботе, и в труде,
и в заботе, и в труде.

Теперь жизнь тебе другая, память вечная тебе,
память вечная тебе.

225.



Хожу, хожу я возле дома:
Родные видят ли меня,
Родные видят ли меня?

Взойду, взойду я в дом родимый,
Взойду, Богу помолюсь,
Взойду, Богу помолюсь.

Я знаю, здесь обед готовят,
Меня хочат вспомянуть,
Меня хочат вспомянуть.

Зажгутся в доме все лампады,
И канон мне пропоют,
И канон мне пропоют.

Зажгутся свечи восковые,
Меня будут поминать,
Меня будут поминать.

Прошу я вас, мои родные,
Вы не плачьте обо мне,
Вы не плачьте обо мне.

Хотя я с вами не простилась,
Смёртный час пришёл ко мне,
Но смёртный час пришёл ко мне.

Прошу я вас, мое родные,
Похороните вы меня,
Похороните вы меня.

Похороните, мое родные,
У большой дороженьки,
У большой дороженьки.

Тут знакомы мое прейдут,
«Вечну память» пропоют,
«Вечну память» пропоют.

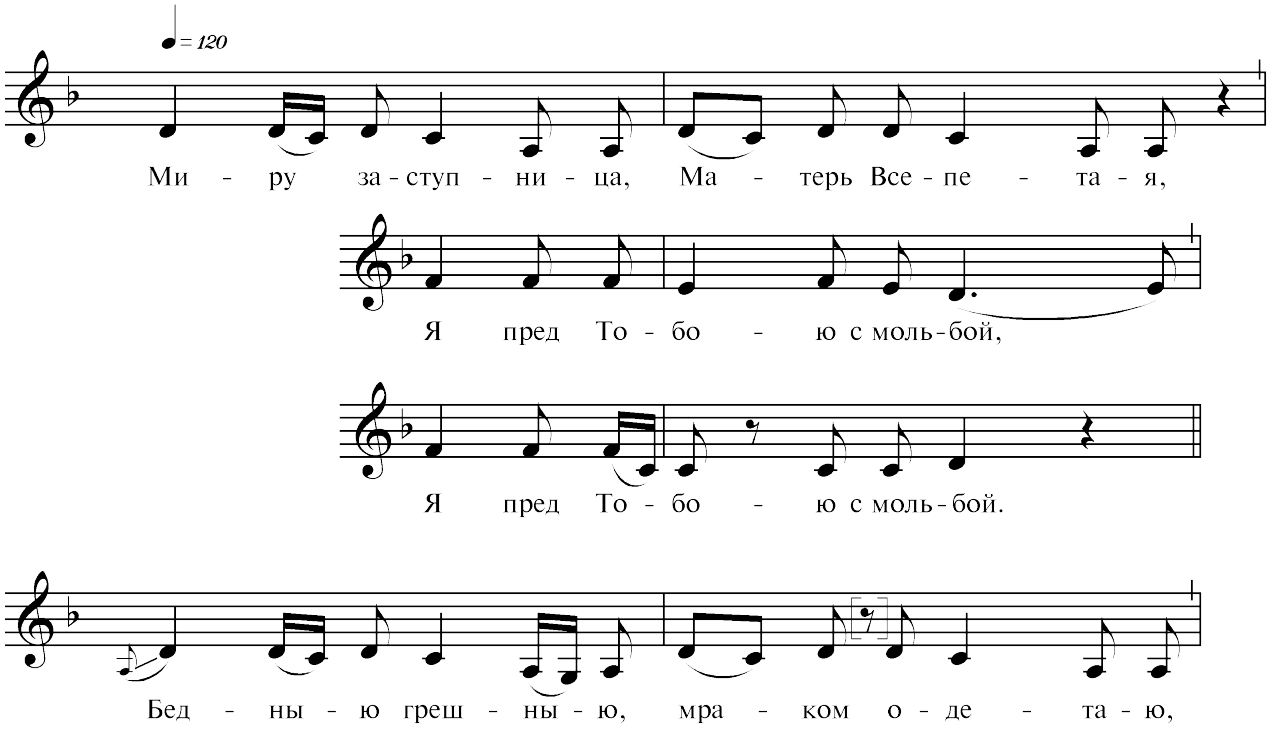
А родные мое придут,
Слезы горькие прольют,
Слезы горькие прольют.

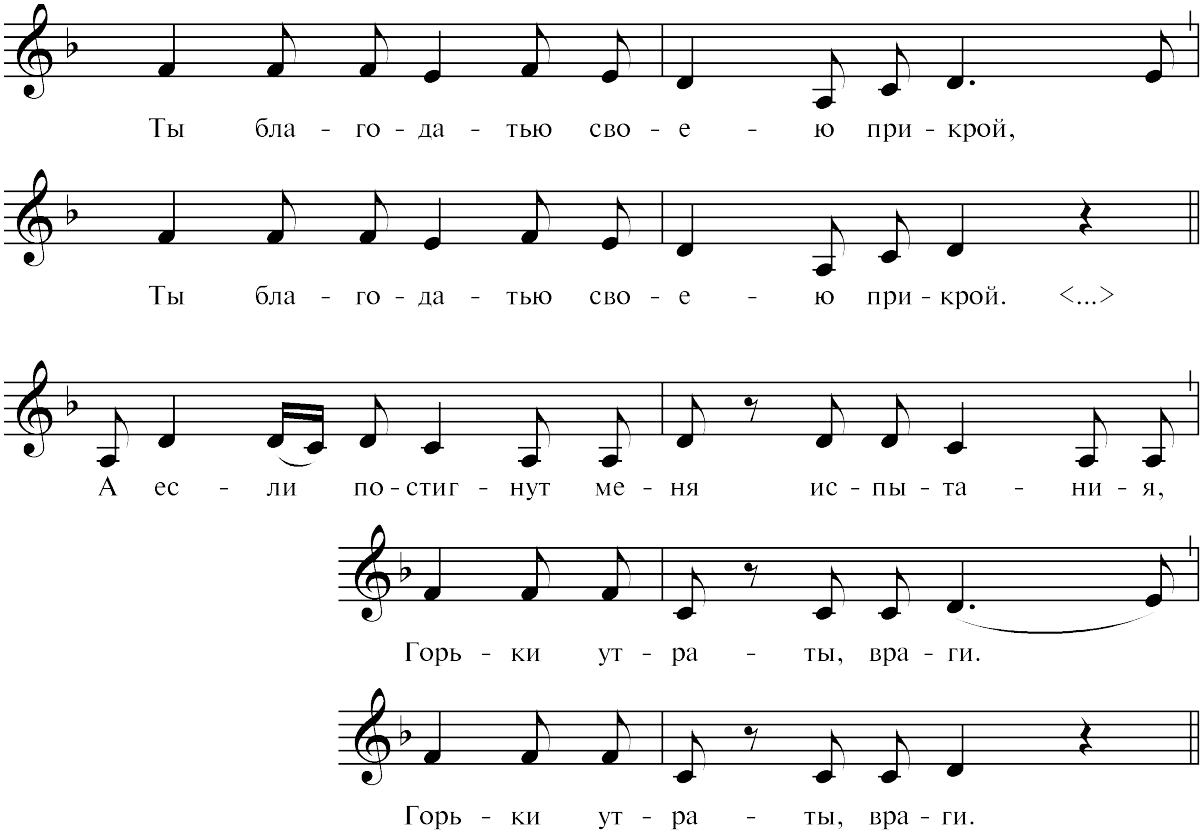
А проливши мои слезы,
«Святый Боже» пропоют,
«Святый Боже» пропоют.

Прощайте, все мои родные,
Прощайте, все мои друзья,
Прощайте, все мои друзья.

Я ушла в страну иную,
Не вернусь к вам никогда,
Не вернусь к вам никогда.

226.





Миру Заступница, Матерь Всепетая,
Я пред Тобою с мольбой,
Я пред Тобою с мольбой.

Бедную грешную, мраком одетаю
Ты благодатью своею покрой,
Ты благодатью своею покрой. <...>

А если постигнут меня испытания,
Горьки утраты, враги,
Горьки утраты, враги.

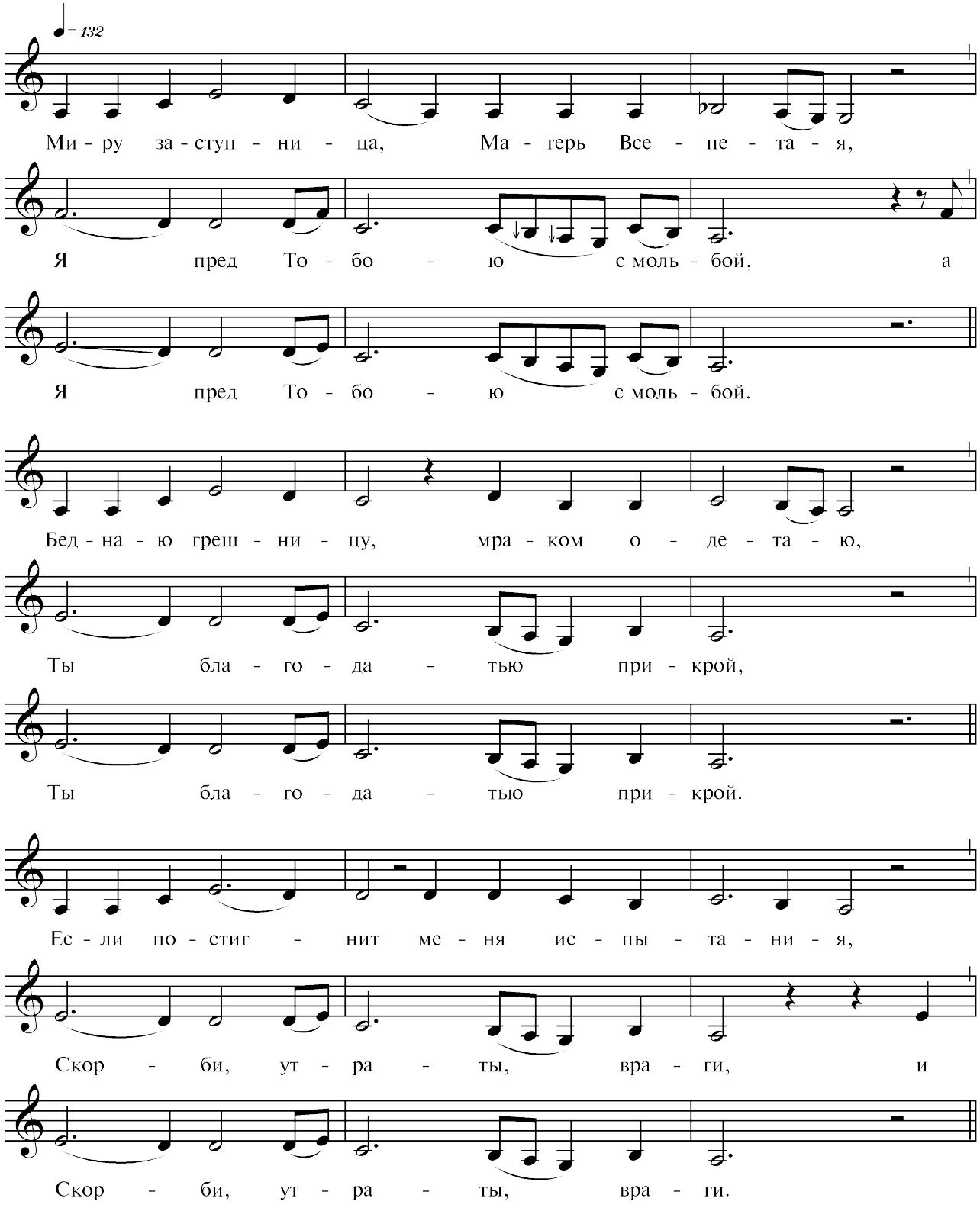
В трудный час жизни, в минуты страдания
Ты мне, молю, помоги,
Ты мне, молю, помоги.

Ох, радость духовныя, в мир утешения
Путь мне прямой укажи,
Путь мне прямой укажи.

Царство небесное, мир утешения,
В сердца моё заложи,
В сердца моё заложи.

Верю, надеюсь на Тя, Милосердная:
Ты не покинешь меня,
Ты не покинешь меня.

А я не покину и я не оставлю,
Кто призывает меня,
Кто призывает меня.

227.

Миру заступница, Матерь Всепетая,
Я пред Тобою с мольбой, а
Я пред Тобою с мольбой.

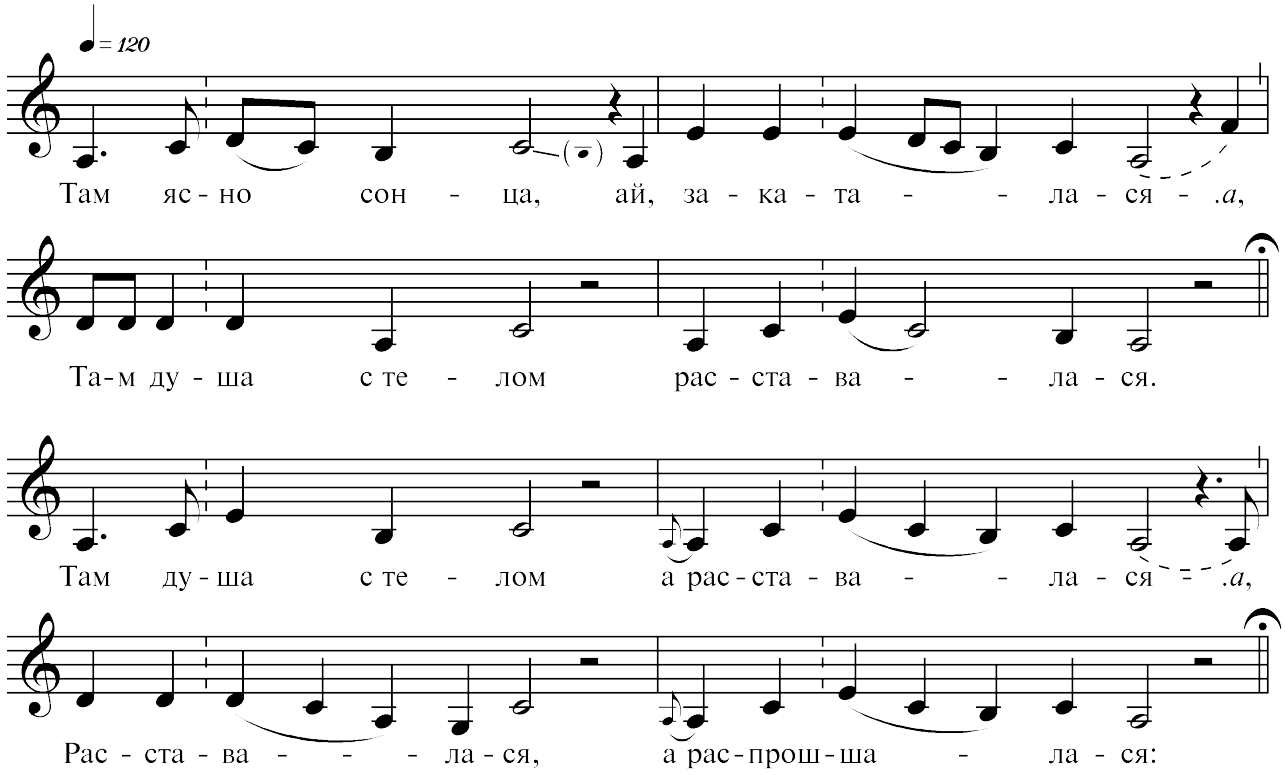
Беднаю грешницу, мраком одетаю,
Ты благодатью прикрой,
Ты благодатью прикрой.

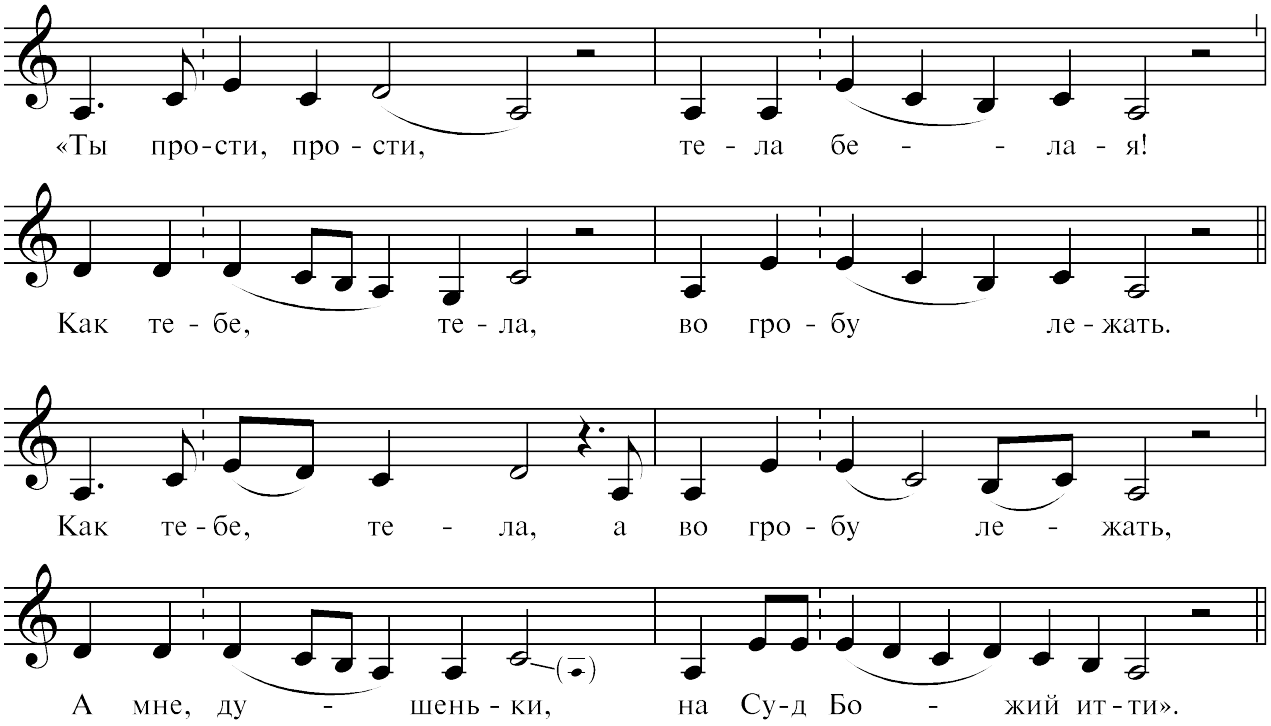
Если постигнит меня испытания,
Скорби, утраты, враги, и
Скорби, утраты, враги.

В трудный час жизни, в минуту страдания
Ты мне, молю, памоги,
Ты мне, молю, памоги.

Радость духовнаю, жажду спасения*
В сердце моём паложи,
В сердце моём паложи.

Царства небеснае — мир утешения,**
Путь мне прямой укажи,
Путь мне прямой укажи.

228.

* Пропевает: [духовнае], [спасение].
** Пропевает: [утешение].



Там ясн***о*** со[л]нца, ай, закаталася,
Там душа с телом расставалася.

Там душа с телом а расставалася,
Расставалася, а распрошшалася:

«Ты прости, прости, тела белая!
Как тебе, тела, во гробу лежать.

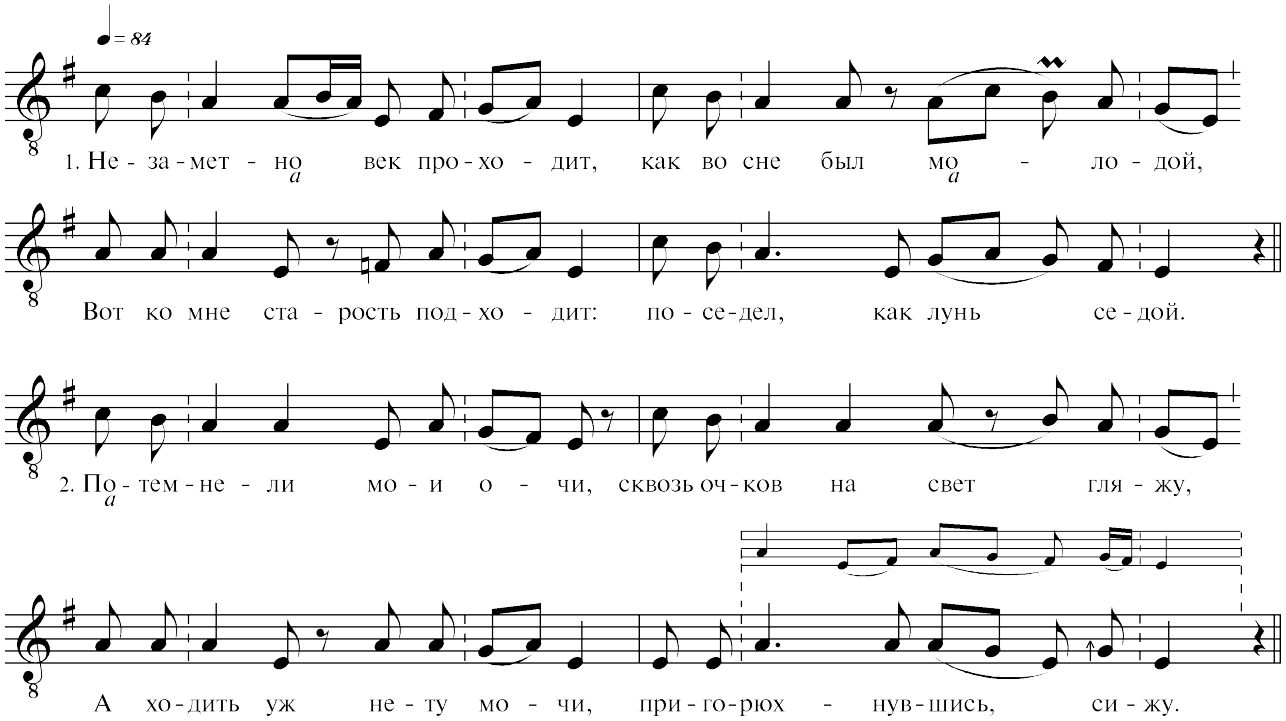
Как тебе, тела, а во гробу лежать,
А мне, душеньки, на Суд Божий итти.

[А мене, душеньке, на Суд Божий итти],
Не Суд Божий итти, все грехи свое нести».

Без напева:

Повели душу через три горы:
«Погляди душа, с горы под гору —
Там огни горят неугасимые,
Там котлы кипят неутолимые,
Там смола кипит.....»
Тут и душенька испугалася
И ко ангелу убрашшалася:
«Уж вы ангелы, а вы хранители,
А вы душам нашам покорители!
Не давайте меня в муку вечнаю,
В муку вечнаю, бесконечную!»

229.



Незаметна век проходит, как во сне был малодой,
Вот ко мне старость подходит: поседел, как лунь седой.

Патемнели мои очи, сквозь очков на свет гляжу,
А ходить уж нету мочи, пригорюхнувшись, сижу.

[Истощали мое силы, и веселья больше нет.
Вот сейчас я жду могилы, и — просщай-ка, вольный свет]*.

Вот теперь я жду могилы, и — просщай, мой вольный свет,
Вы просщайте, мои дети, мои силы и труда.

[Вы прощайте, мои дети, мое силы и труда],
Все прекрасная на свете и зелёные сада.

Всё именья нажитоя я тому бы падарил,
Кто бы время малодоя а назад бы варотил.

Но, увы, так невозможна варотить лета назад.
Дажидаться смерти тошна, я не знаю, что сказать.

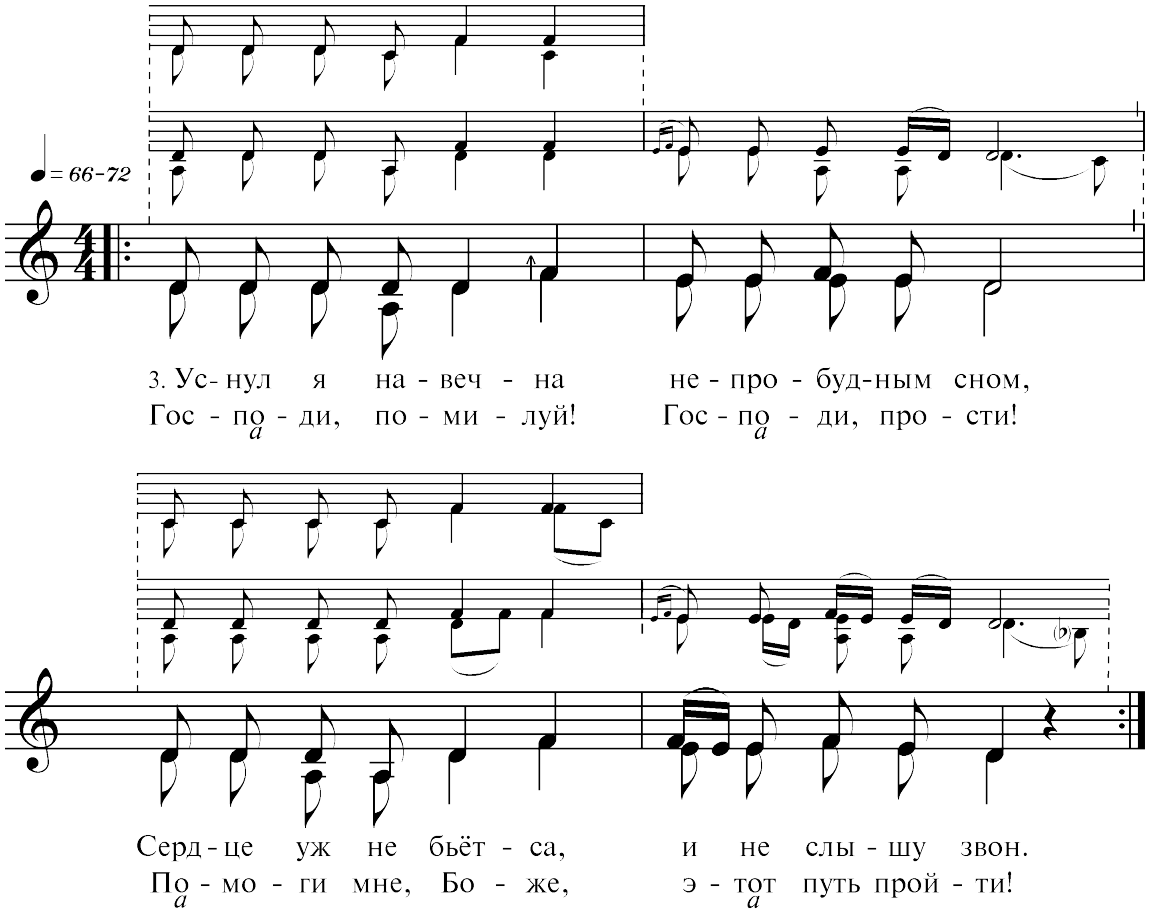
Толька вижу утешенья, когда Госпаду молюсь.
Падниму я кверьху руки, с усиленьем вапию.

[Подыму я кверху руки, с усиленьем вапию],
Чтоб Господь простил все муки, поселил меня в раю.

---

* В квадратных скобках здесь и далее текст восстановлен по версии из с. Польцо (см. комментарии).

230.



На всех солнце светит, на меня уж нет,
Я лежу во гробе и не вижу свет.
Госпади, помилуй! Госпади, прости!
Памоги мне, Боже, этат путь пройти!

Крышка грудь не давит, не теснит доска.
Скорби все умолкли, отошла тоска.
Госпади, помилуй! Госпади, прости!
Памоги мне, Боже, этат путь пройти!

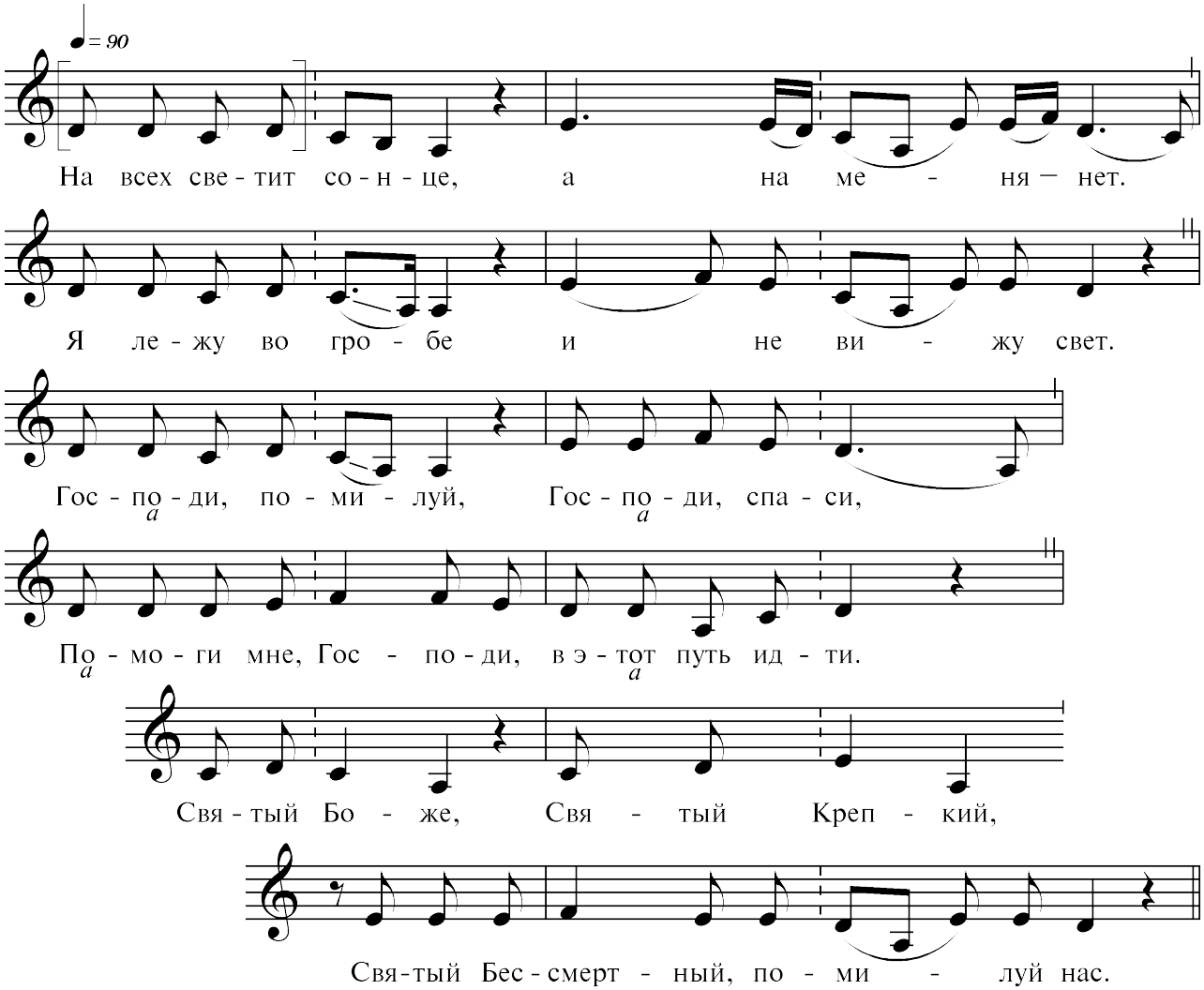
Уснул я навечна непробудным сном,
Сердце уж не бьётса, и не слышу звон.
Госпади, помилуй! Госпади, прости!
Памоги мне, Боже, этат путь пройти!

Вырыта могила в [у]ютной тишине.
Не плачьте, родные, ох, как тяжко мне!
Госпади, помилуй! Госпади, прости!
Памоги мне, Боже, этат путь пройти!

Сырой и глубокий вырыт мне приют.
При последнем часе вечное поют.
Госпади, помилуй! Госпади, прости!
Памоги мне, Боже, этат путь пройти!

Не ходи, прохожий, не топчи мой прах,
Я теперь уж дома, вы ещё в гостях.
Госпади, помилуй! Госпади, прости!
Памоги мне, Боже, этат путь пройти!

Спи ты, наш любимый, непробудным сном.
Ты к нам не вернёшься, мы к тебе придём.
Госпади, помилуй! Госпади, прости!
Памоги мне, Боже, этат путь пройти!

231.

[На всех светит] со[л]нце, а на меня — нет.
Я лежу во гробе и не вижу свет.
Госпади, помилуй, Госпади, спаси,
Памоги мне, Господи, в этат путь идти.
Святый Боже, Святый Крепкий,
Святый Бессмертный, помилуй нас.

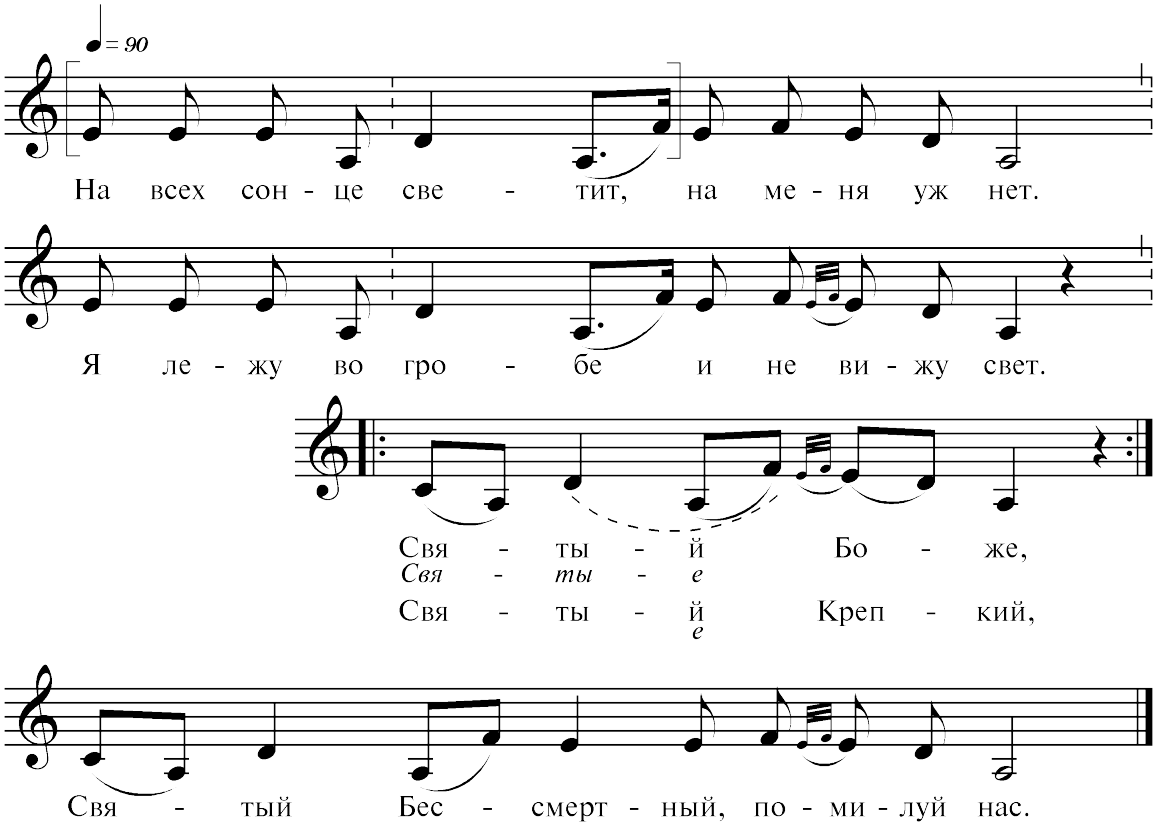
Далее текст наговорен по рукописной тетради:

Крышка уж не давит, не теснит доска,
Все утихли скорби, и ушла тоска.
Господи, помилуй...*

Глаза мои закрылись: прощай, вольный свет.
Меня одна дорога — идти на тот свет.
Господи, помилуй...

Я лежу спокойно, без мирских тревог,
Жду трубы призыва и тебя, мой Бог.

Уснула я навечно непробудным сном,
Сердце уж не бьётся, и не слышу звон.
Господи, помилуй...

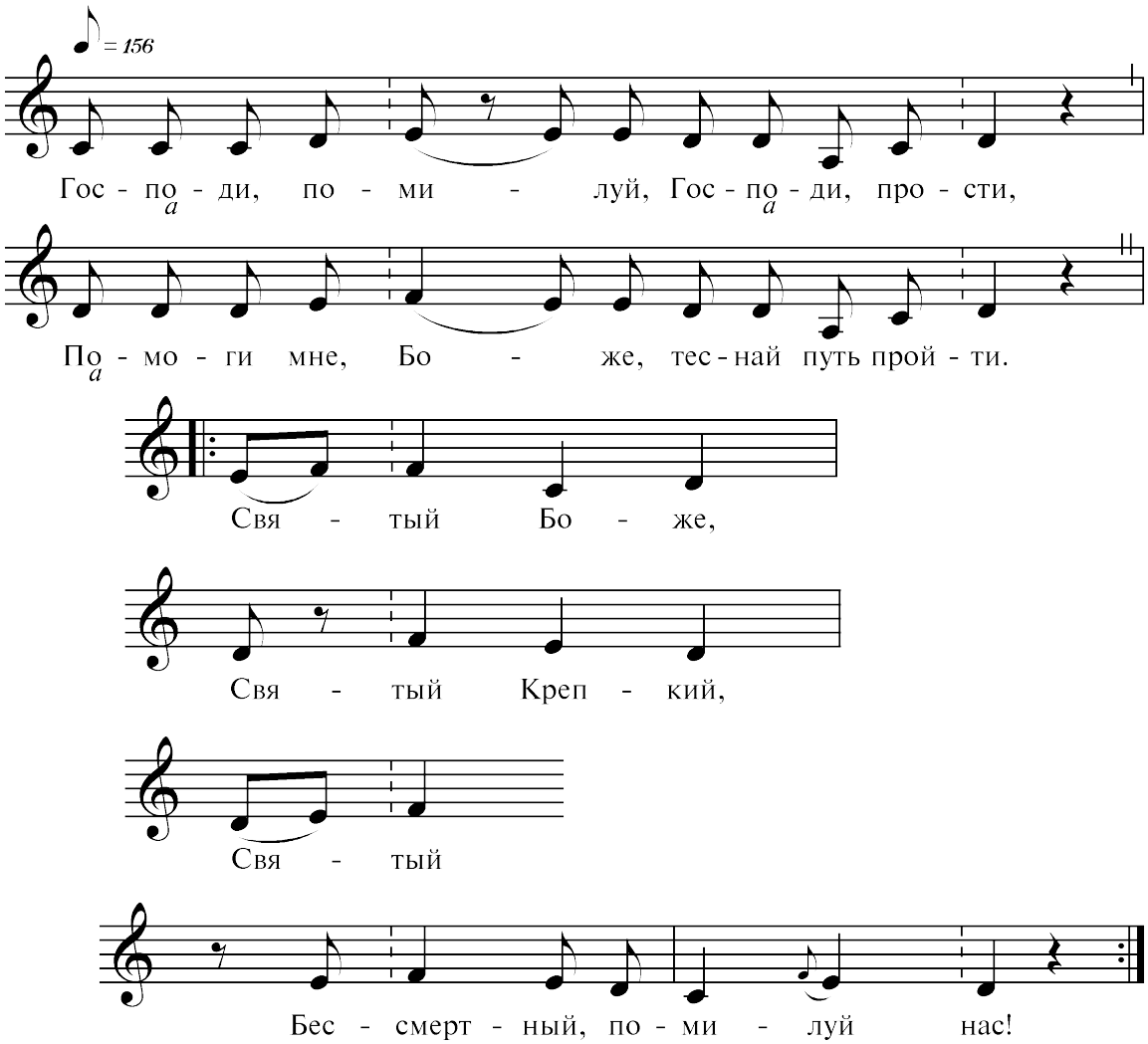
232.

[На всех солнце светит], на меня уж нет.
Я лежу во гробе и не вижу свет.
Святый Боже, Святый Крепкий,
Святый Бессмертный, помилуй нас.

Руки мне связали, ноги не идут...

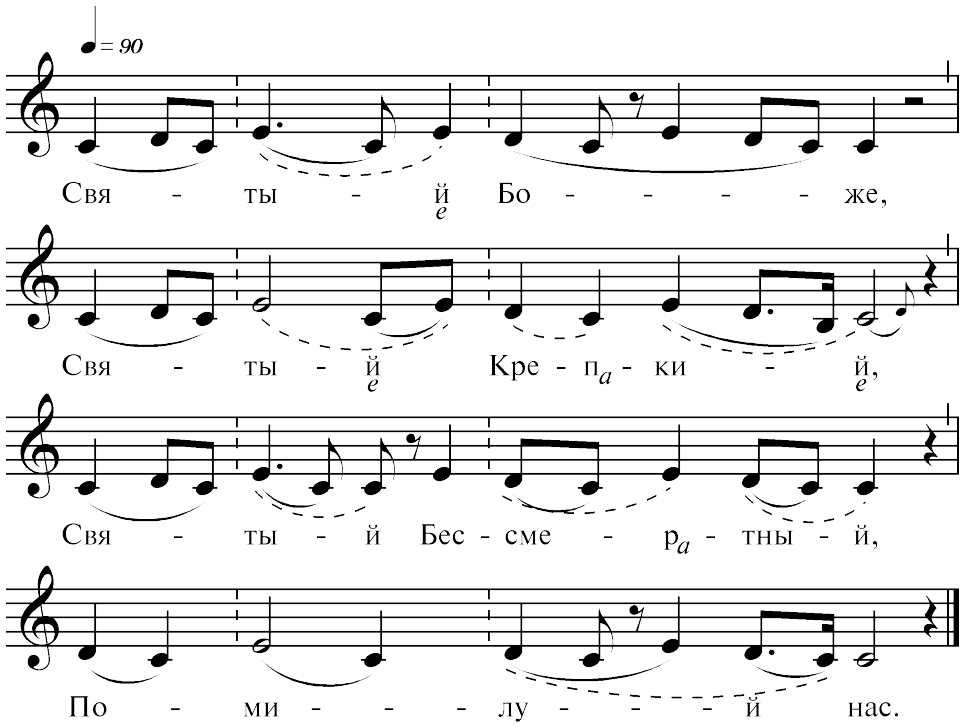
---

* Рефрен «Господи, помилуй...» повторяется после каждой строфы.

ПРАВОСЛАВНЫЕ ПЕСНОПЕНИЯ В НАРОДНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

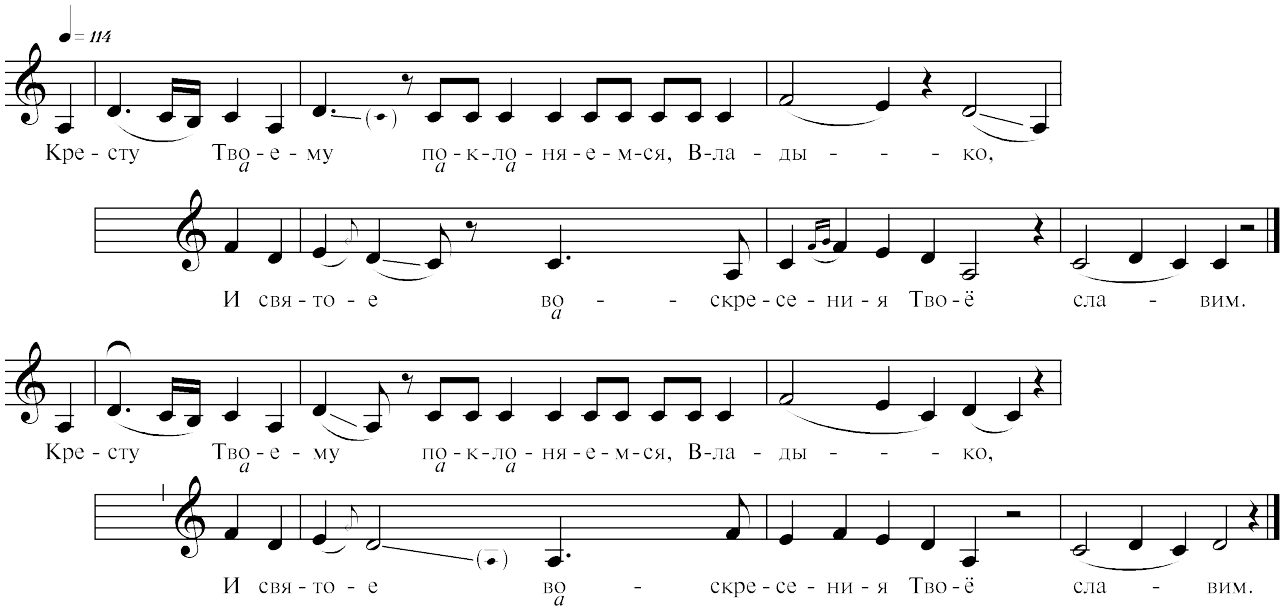
233.

Господи, помилуй, Господи, прости,
Помоги мне, Боже, теснай путь пройти.
Святый Боже,
Святый Крепкий,
Святый Бессмертный, помилуй нас!

234.



Святый Боже,
Святый Крепкий,
Святый Бессмертный,
Помилуй нас.
— *Это вот самая коренная песня для покойника, вот.*

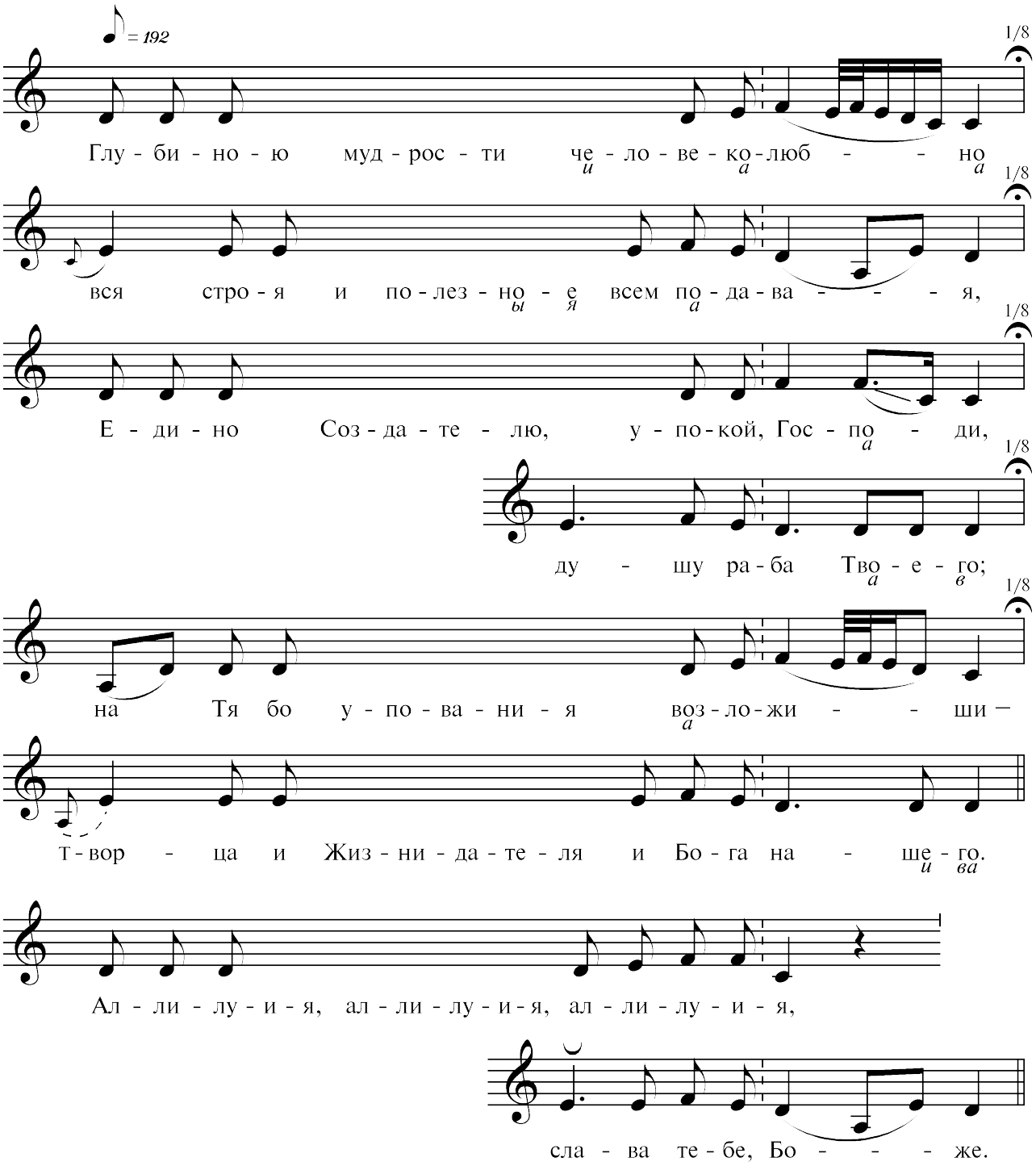
235.

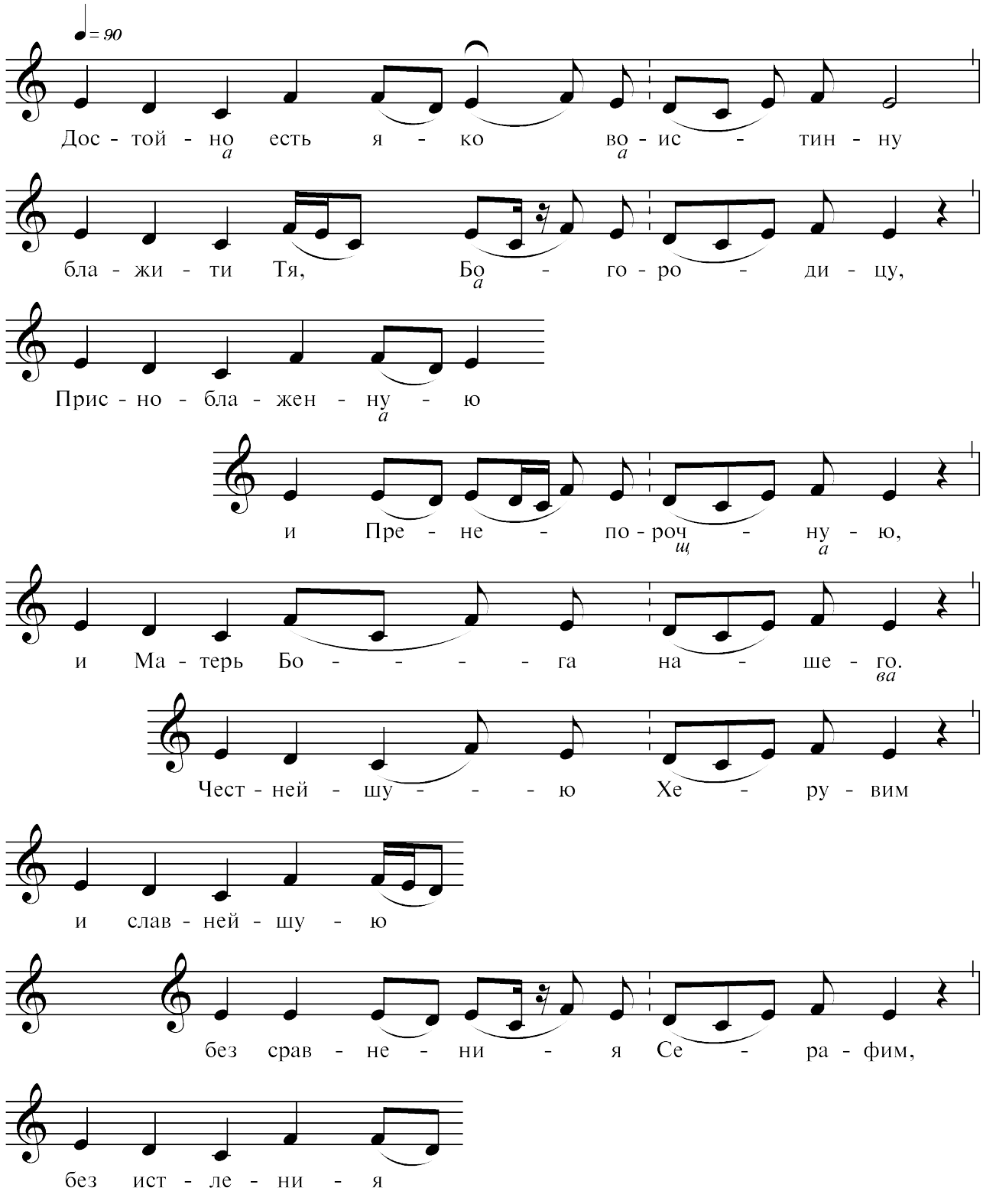
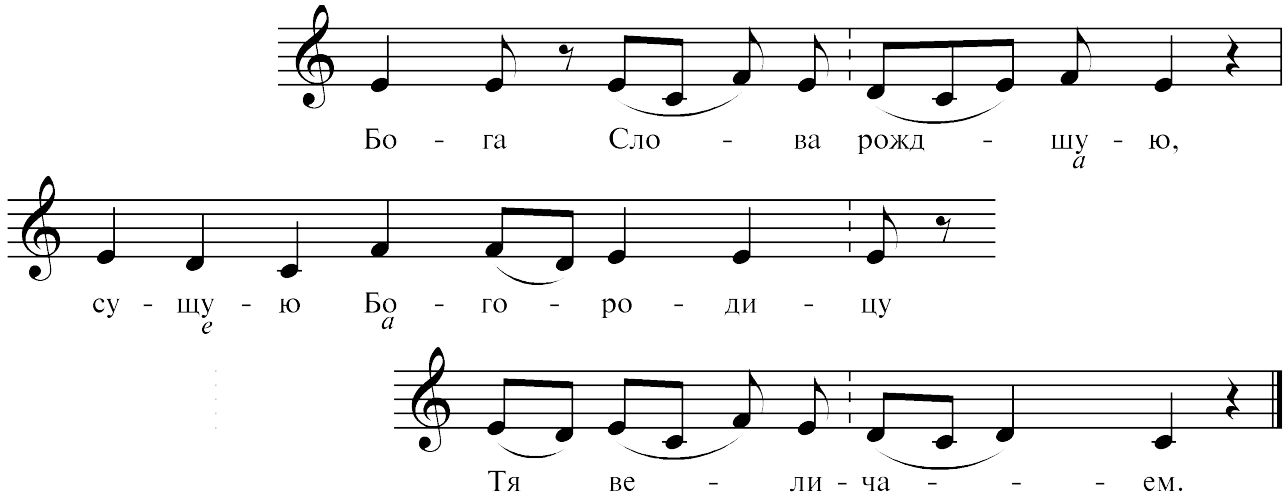


Кресту Твоему поклоняемся, Владыко,
И святое воскресения Твоё славим.

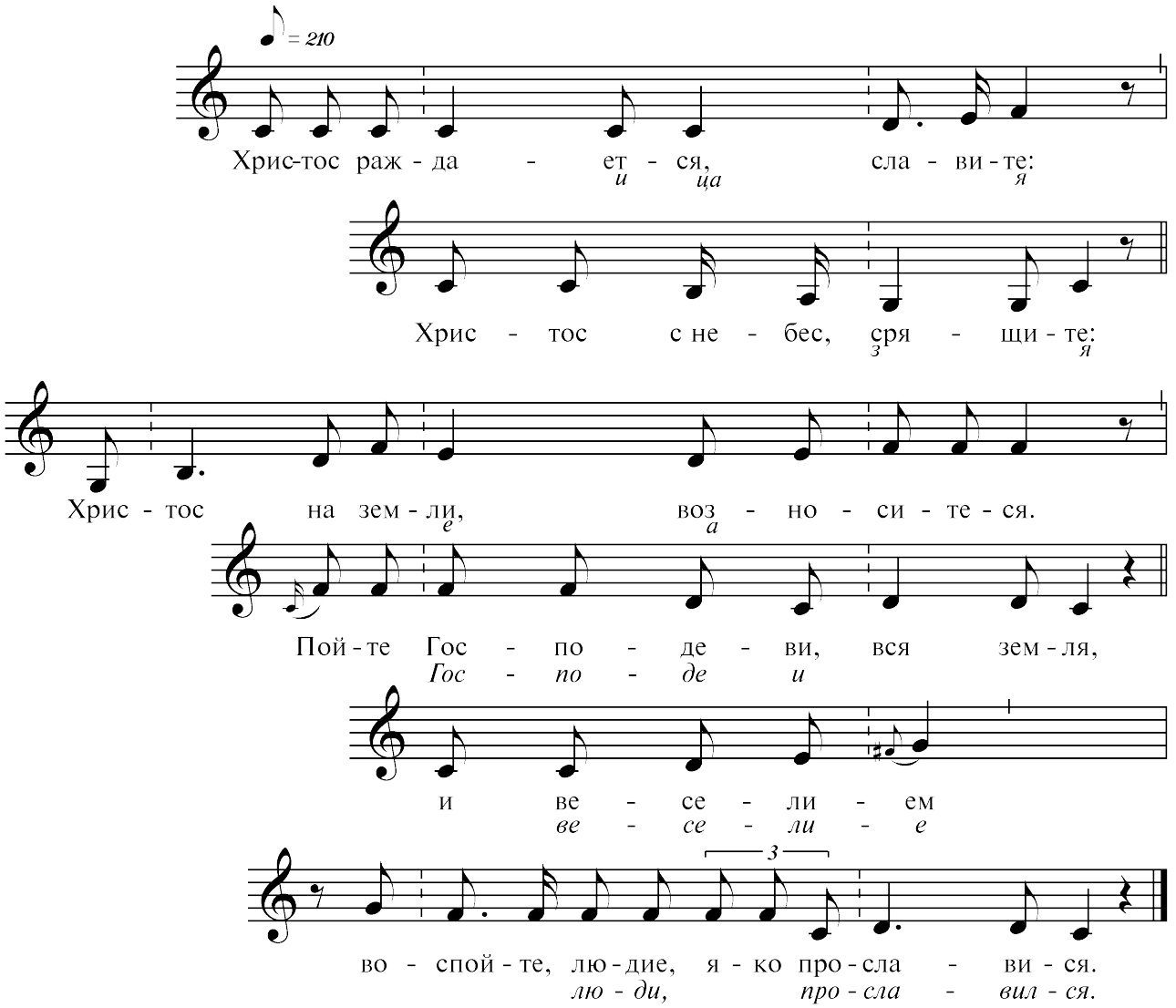
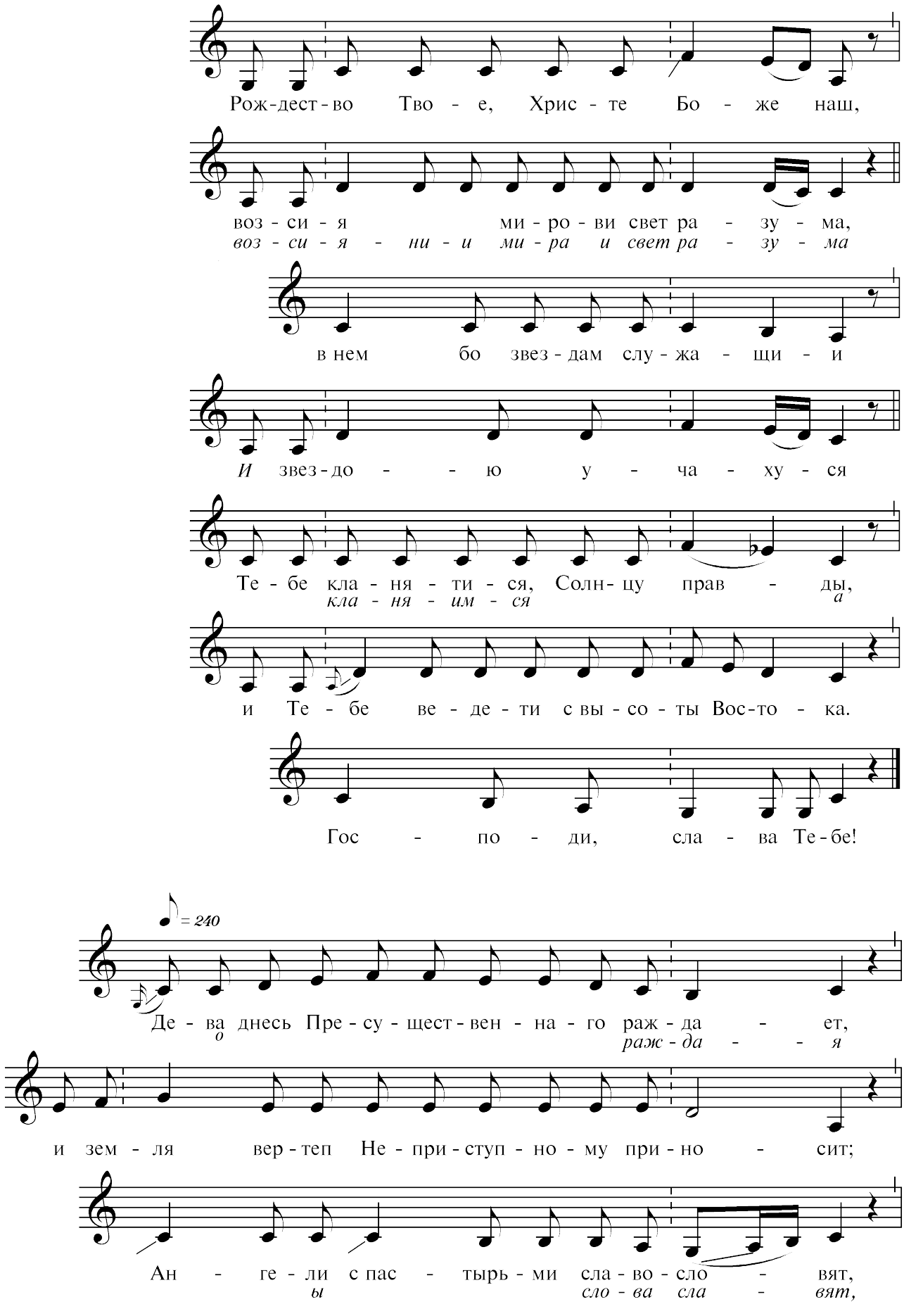
Кресту Твоему поклоняемся, Владыко,
И святое воскресения Твоё славим.

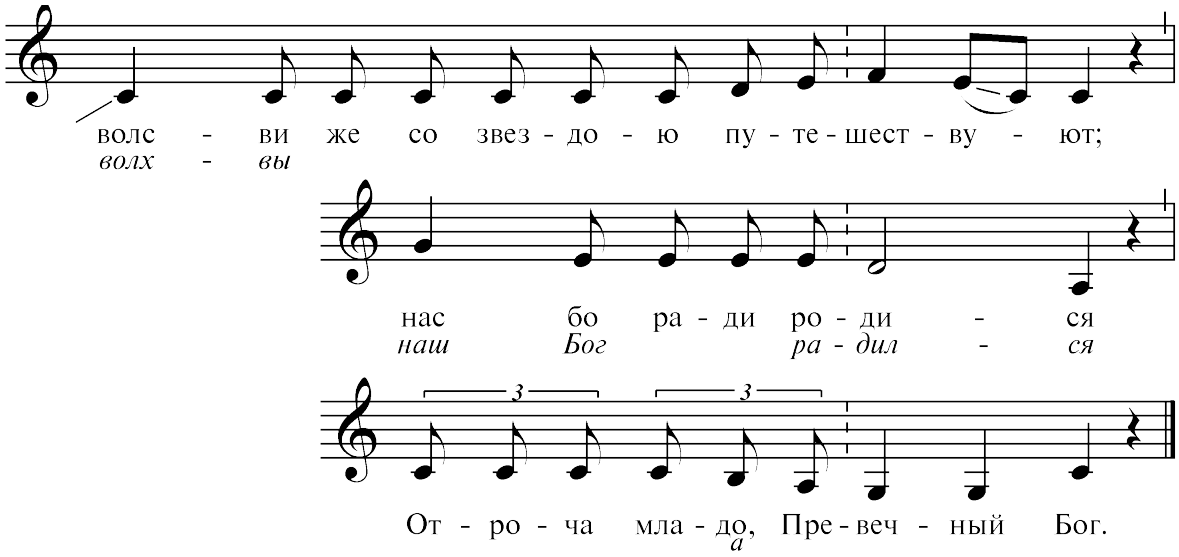
— Три раза его, «Кресту»-то надо пропеть. А то тоже «Непобедимую» поём. Стишков-ти много! Это когда уж [гроб] опустют, [говорят]: «Прости Христа ради, раб Божий Николай! Тебя Бог простит, нас Христа ради прости! Когда имеешь дерзновение — моли Христа Бога за нас грешных!»

236.

Глубиною мудрости человеколюбно / вся строя и полезное всем подавая, / Едино Создателю, упокой, Господи, / душу раба Твоего; / на Тя бо упования возложиши — / Творца и Жизнидателя и Бога нашего.
Аллилуия, аллилуия, аллилуия, слава тебе, Боже.

237.



Достойно есть яко воистинну / блажити Тя, Богородицу, / Присноблаженную и Пренепорочную, / и Матерь Бога нашего. / Честнейшую Херувим / и славнейшую без сравнения Серафим, / без истления Бога Слова рождшую, / сущую Богородицу Тя величаем.

238.

Рож-дест-во Тво - е, Хрис - те Бо - же наш,
воз - си - я ми - ро - ви свет ра - зу - ма,
воз - си - я - ни - и ми - ра и свет ра - зу - ма
в нем бо звез - дам слу - жа - щи - и
И звез-до - - ю у - ча - ху - ся
Те - бе кла - ня - ти - ся, Солн- цу прав - ды,
кла - ня - им - ся а
и Те - бе ве - де - ти с вы - со - ты Вос-то - ка.
Гос - по - ди, сла - ва Те-бе!
= 240
Де - ва днесь Пре - су - щест - вен - на - го раж - да - ет,
о раж - да - я
и зем - ля вер - теп Не - при - ступ - но - му при - но - сит;
Ан - ге - ли с пас - тырь - ми сла - во - сло - вят,
ы сло - ва сла - вят,

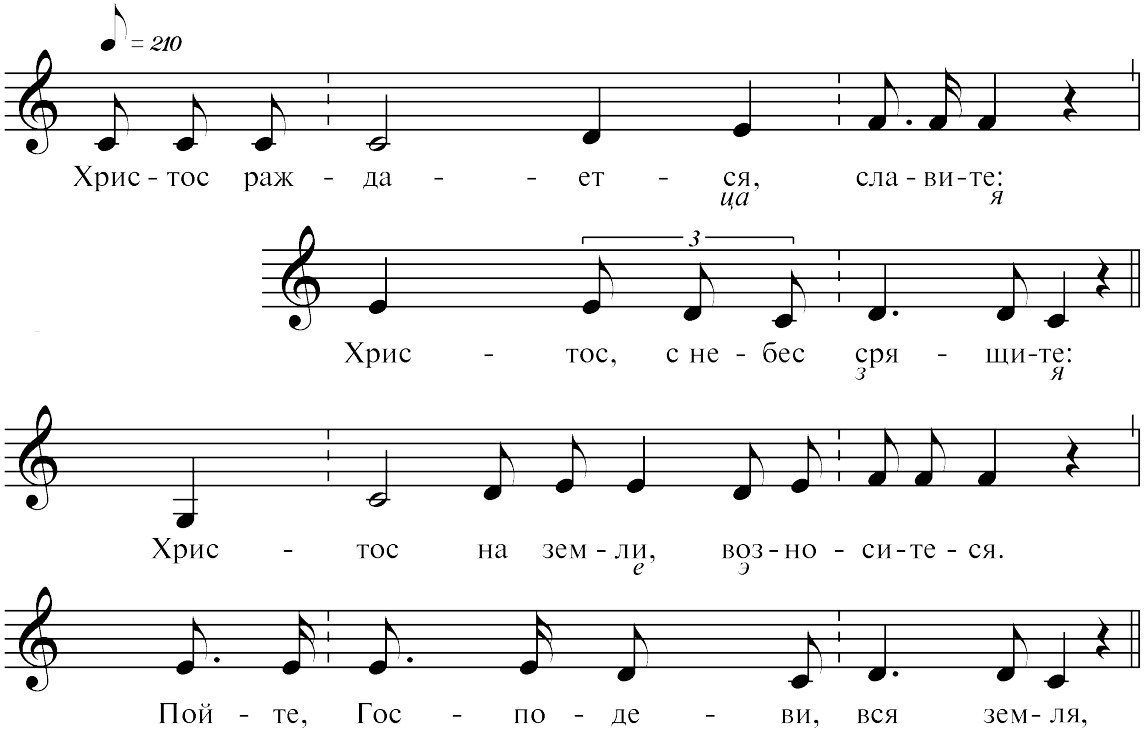
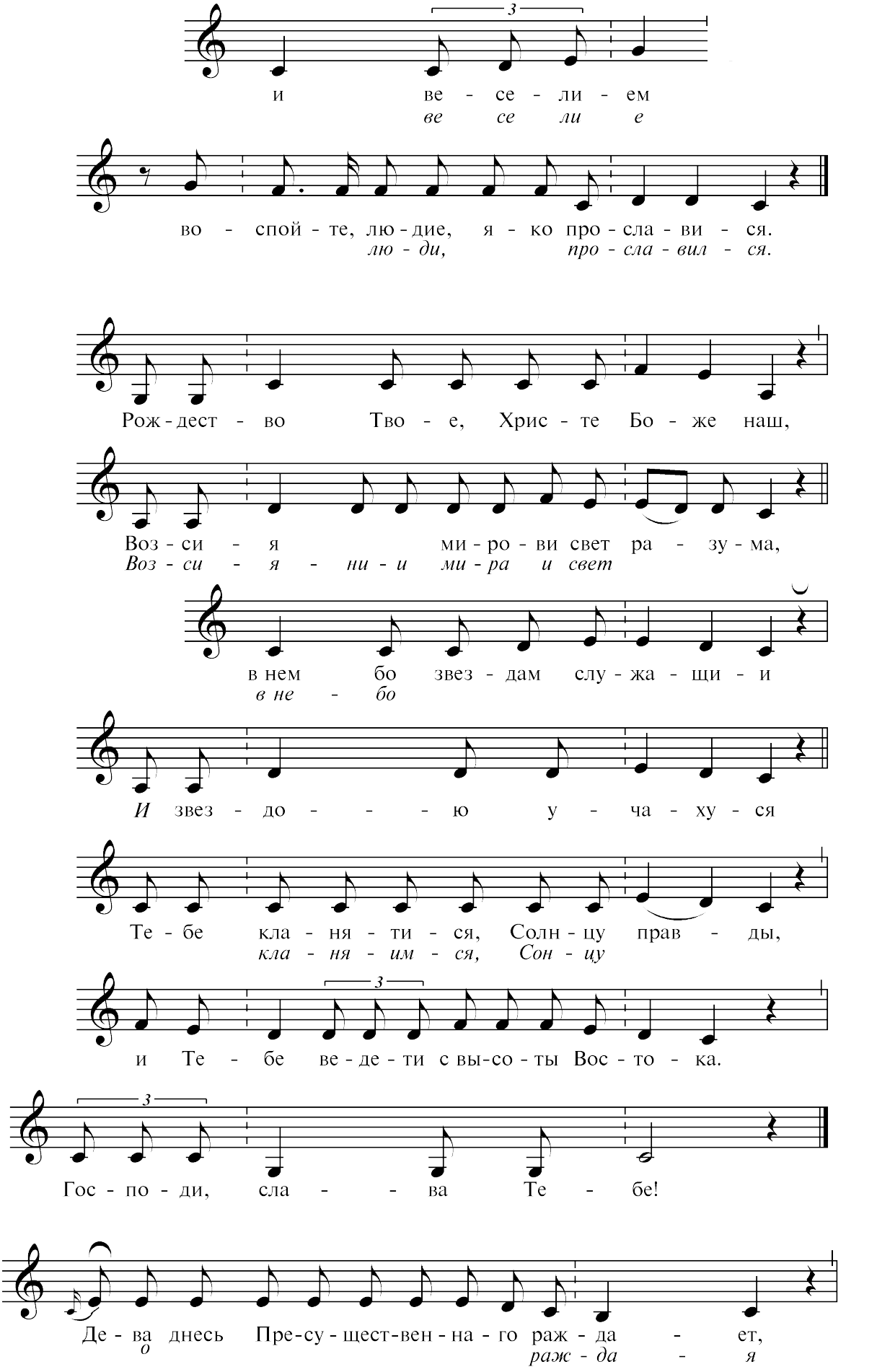


Христос раждается, славите: / Христос с небес, срящите: / Христос на земли, возноситеся./ Пойте Господеви, вся земля, / и веселием / воспойте, людие, яко прославися.

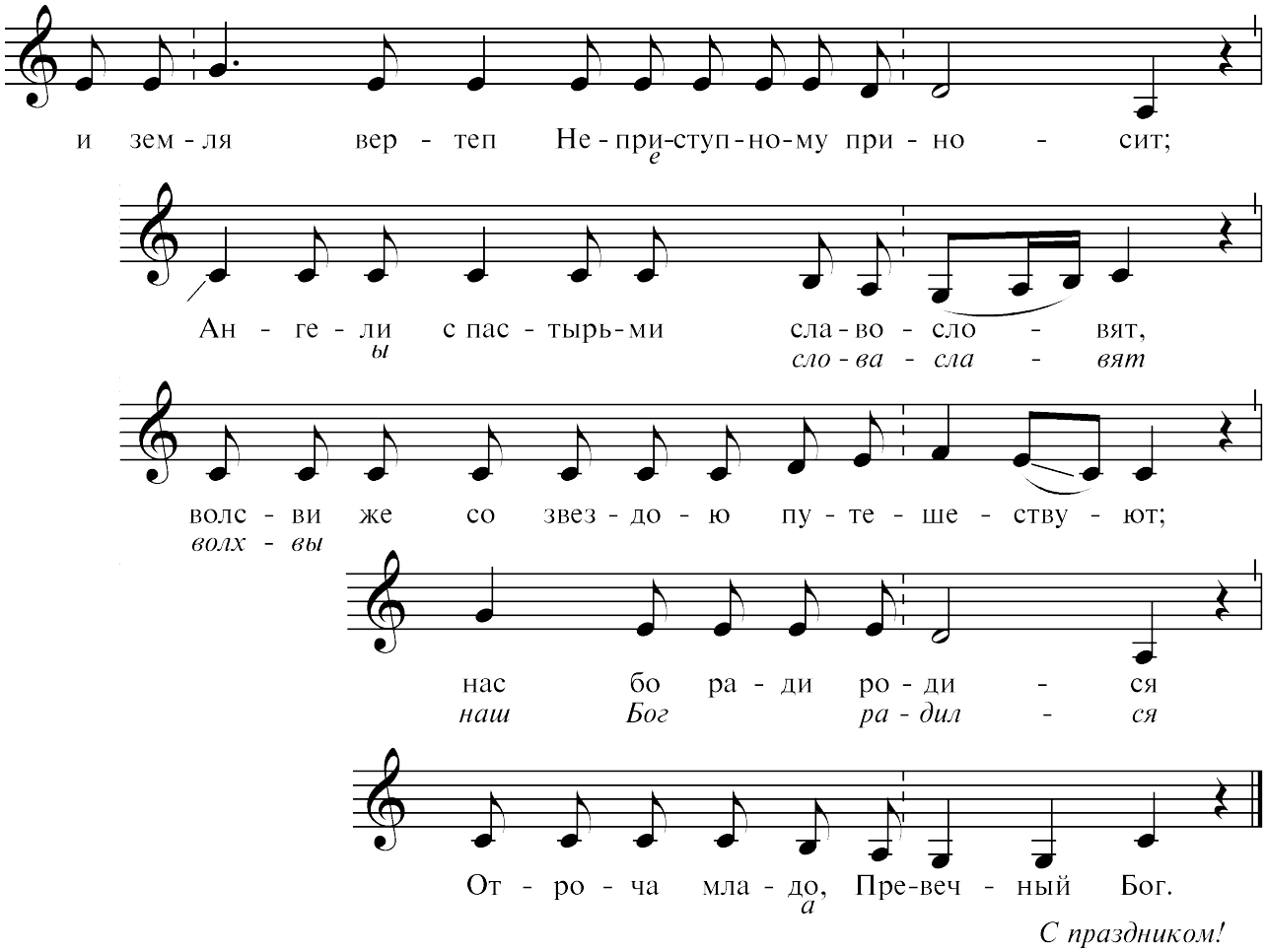
Рождество Твое, Христе Боже наш, / возсия мирови свет разума, / в нем бо звездам служащии / звездою учахуся / Тебе кланятися, Солнцу правды, / и Тебе ведети с высоты Востока. / Господи, слава Тебе!

Дева днесь Пресущественнаго раждает, / и земля вертеп Неприступному приносит; / Ангели с пастырьми славословят, / волсви же со звездою путешествуют; / нас бо ради родися / Отроча младо, Превечный Бог.

239.



3
и ве - се - ли - ем
ве се ли е
во - спой - те, лю - дие, я - ко про - сла - ви - ся.
лю - ди, про - сла - вил - ся.
Рож - дест - во Тво - е, Хрис - те Бо - же наш,
Воз - си - я ми - ро - ви свет ра - зу - ма,
Воз - си - я - ни - и ми - ра и свет
в нем бо звез - дам слу - жа - щи - и
в не - бо
И звез - до - - - - ю у - ча - ху - ся
Те - бе кла - ня - ти - ся, Солн - цу прав - ды,
кла - ня - им - ся, Сон - цу
3
и Те - бе ве - де - ти с вы-со - ты Вос - то - ка.
3
Гос - по - ди, сла - - - ва Те - бе!
Де - ва днесь Пре-су - щест-вен - на - го раж - да - ет,
о раж - да - я

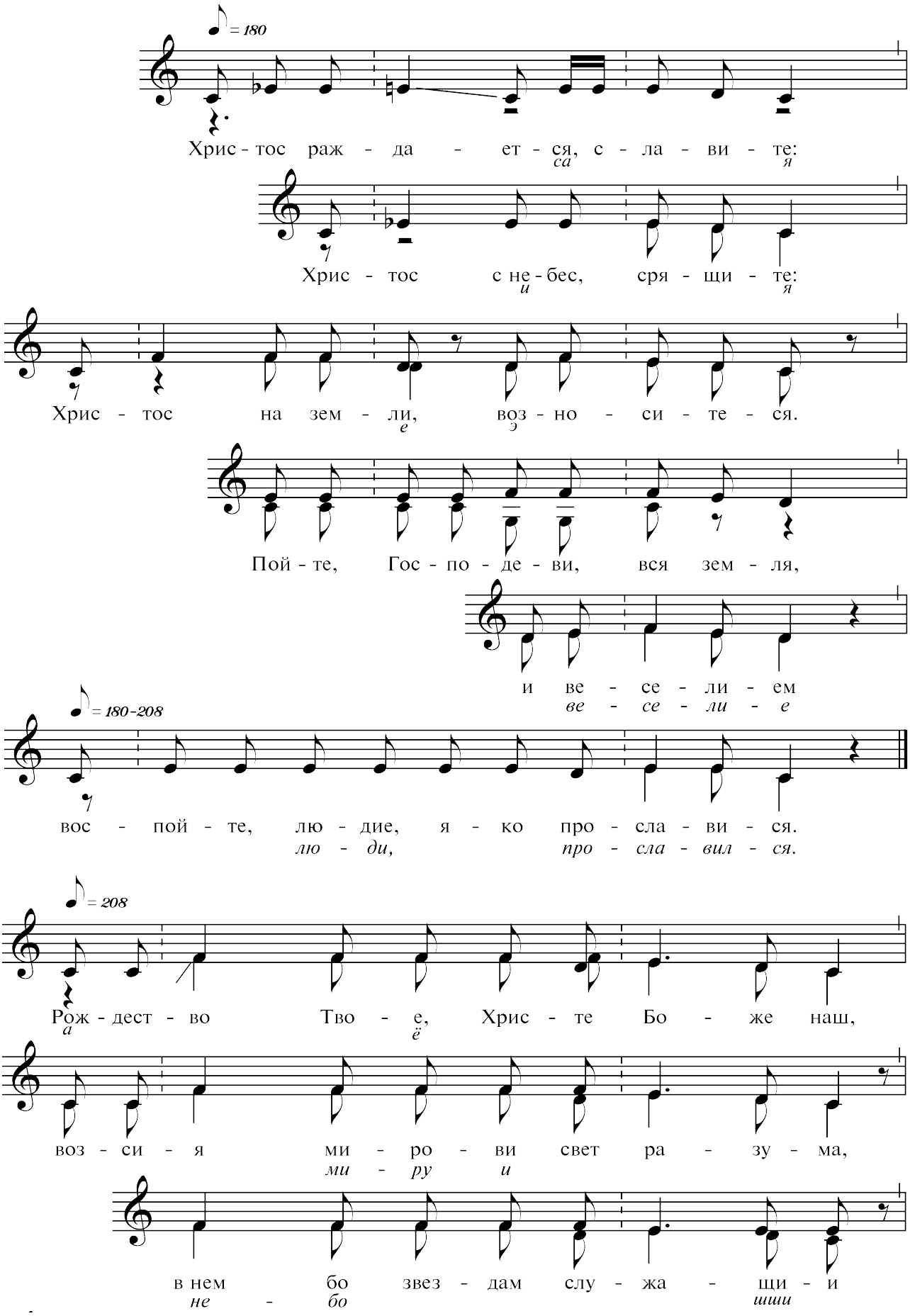
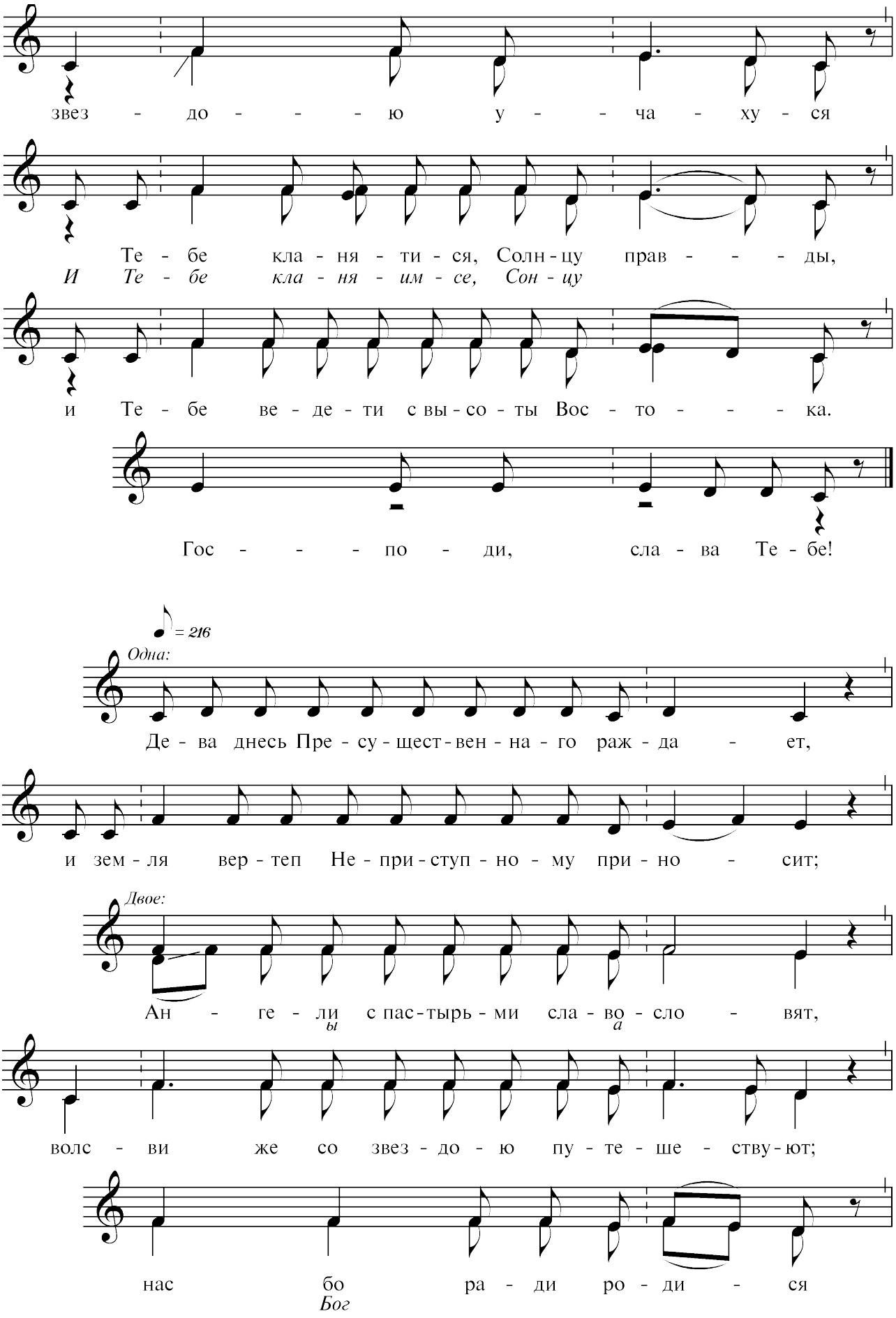


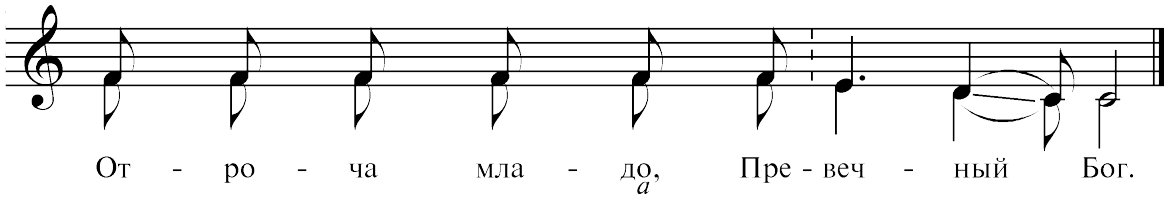
Христос раждается, славите: / Христос с небес, срящите: / Христос на земли, возноситеся./ Пойте Господеви, вся земля, / и веселием / воспойте, людие, яко прославися.

Рождество Твое, Христе Боже наш, / возсия мирови свет разума, / в нем бо звездам служащии / звездою учахуся / Тебе кланятися, Солнцу правды, / и Тебе ведети с высоты Востока. / Господи, слава Тебе!

Дева днесь Пресущественнаго раждает, / и земля вертеп Неприступному приносит; / Ангели с пастырьми славословят, / волсви же со звездою путешествуют; / нас бо ради родися / Отроча младо, Превечный Бог.

— С праздником!

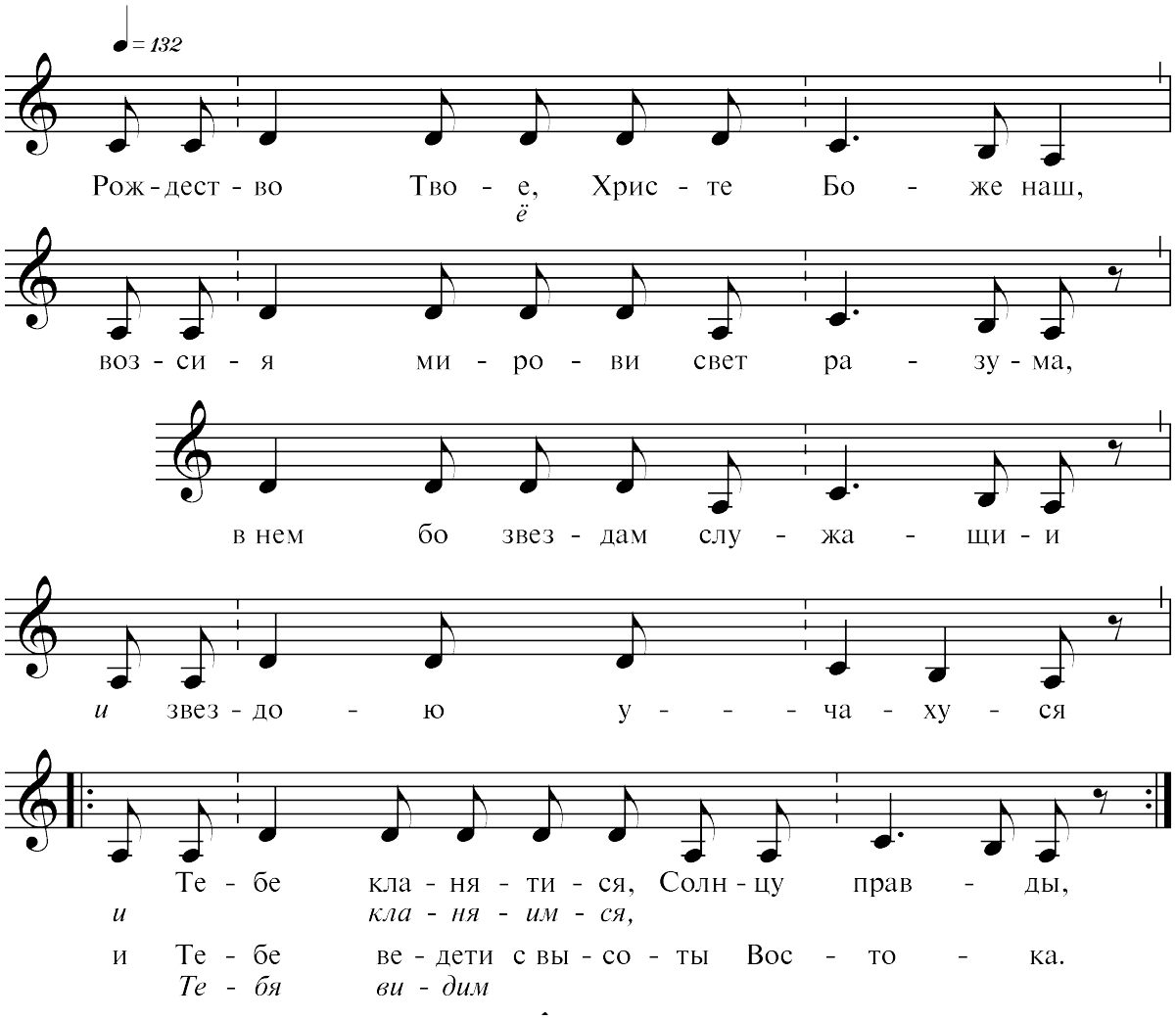
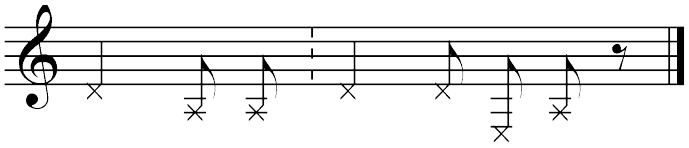
240.

♩ = 180
Хрис - тос раж - да - ет - ся, с - ла - ви - те:
са я
Хрис - тос с не - бес, сря - щи - те:
и я
Хрис - тос на зем - ли, воз - но - си - те - ся.
е э
Пой - те, Гос - по - де - ви, вся зем - ля,
и ве - се - ли - ем
ве - се - ли - е
♩ = 180-208
вос - пой - те, лю - дие, я - ко про - сла - ви - ся.
лю - ди, про - сла - вил - ся.
♩ = 208
Рож - дест - во Тво - е, Хрис - те Бо - же наш,
а ё
воз - си - я ми - ро - ви свет ра - зу - ма,
ми - ру и
в нем бо звез - дам слу - жа - щи - и
не - бо шши

звез - до - - - ю у - - ча - ху - ся
Те - бе кла - ня - ти - ся, Солн - цу прав - - - ды,
И Те - бе кла - ня - им - се, Сон - цу
и Те - бе ве - де - ти с вы - со - ты Вос - то - - - ка.
Гос - - - по - ди, сла - ва Те - бе!
= 216
Одна:
Де - ва днесь Пре - су - щест - вен - на - го раж - да - ет,
и зем - ля вер - теп Не - при - ступ - но - му при - но - сит;
Двое:
Ан - ге - ли - ы с пас - тырь - ми сла - во - а - сло - вят,
волс - ви же со звез - до - ю пу - те - ше - ству - ют;
нас бо ра - ди ро - ди - ся
Бог



Христос раждается, славите: / Христос с небес, срящите: / Христос на земли, возноситеся./ Пойте Господеви, вся земля, / и веселием / воспойте, людие, яко прославися.

Рождество Твое, Христе Боже наш, / возсия мирови свет разума, / в нем бо звездам служащии / звездою учахуся / Тебе кланятися, Солнцу правды, / и Тебе ведети с высоты Востока. / Господи, слава Тебе!

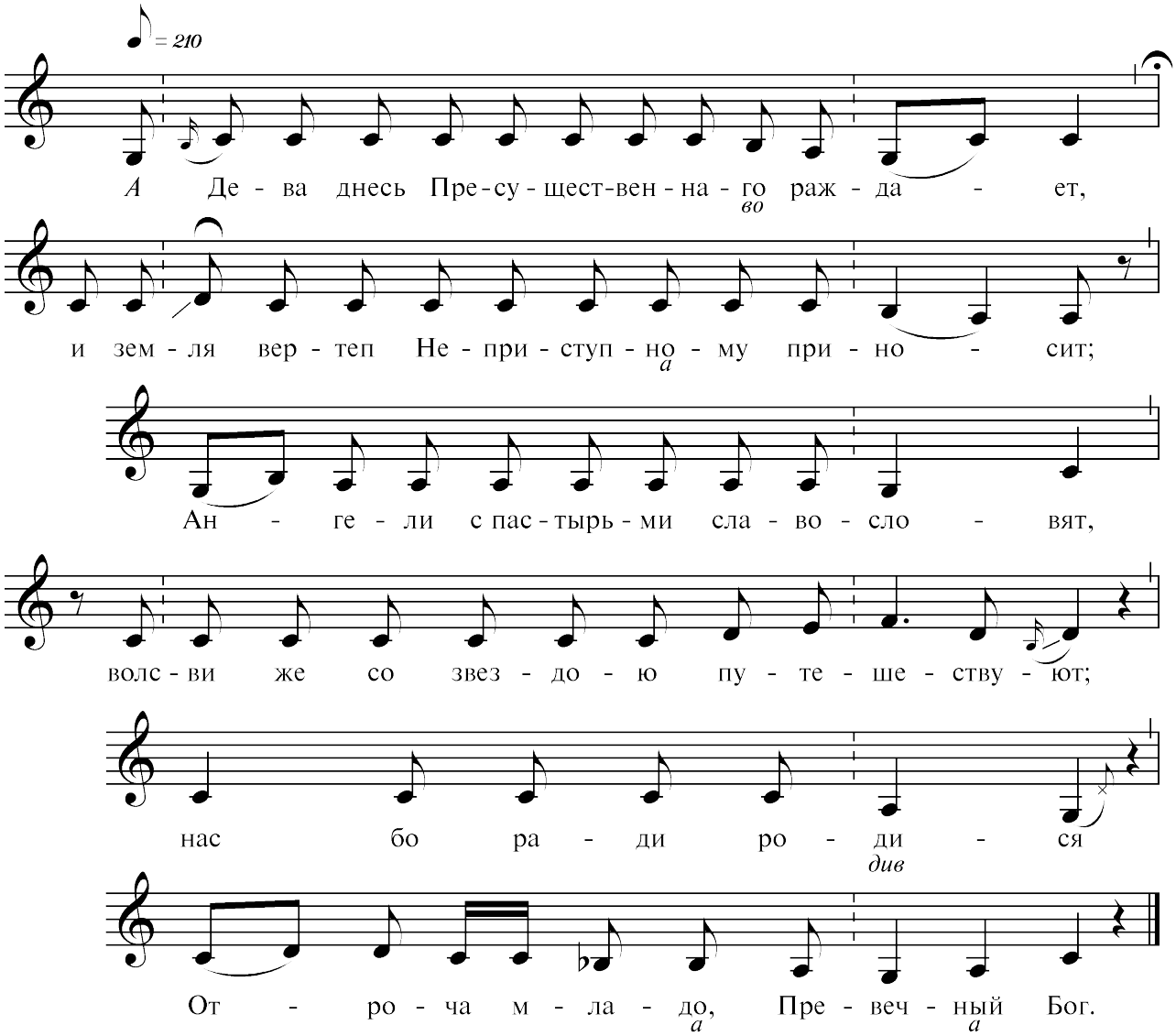
Дева днесь Пресущественнаго раждает, / и земля вертеп Неприступному приносит; / Ангели с пастырьми славословят, / волсви же со звездою путешествуют; / нас бо ради родися / Отроча младо, Превечный Бог.

241.



С праздником!

Рождество Твое, Христе Боже наш, / возсия мирови свет разума, / в нем бо звездам служащии / звездою учахуся / Тебе кланятися, Солнцу правды, / и Тебе ведети с высоты Востока. / Господи, слава Тебе!

— С праздником!

242.

(А) Дева днесь Пресущественнаго раждает, / и земля вертеп Неприступному приносит; / Ангели с пастырьми славословят, / волсви же со звездою путешествуют; / нас бо ради родися / Отроча младо, Превечный Бог.

Комментарии

КАЛЕНДАРНЫЕ НАПЕВЫ

1.

Виноградья красна-зелёныя моя! — с. Благовещенское. Исп. Евдокия Петровна Ершова, год рождения не указан. Записали в 1974 г. В. Капаев, Ахтямова. Оригинал записи находится в фонограммархиве Проблемной научно-исследовательской лаборатории по изучению традиционных музыкальных культур РАМ им. Гнесиных (Далее — ПНИЛ РАМ им. Гнесиных). Номер архивной фонограммы дан по копиям, хранящимся во Владимирском областном центре народного творчества (далее — ВОЦНТ) 006-17, и в Государственном республиканском центре русского фольклора (далее — ЦРФ-Э) 1081-17.

2.

Как у Ваниных ворот стоит озеро воды — с. Талызино. Исп. Антонина Ивановна Засорнова, 1940 г.р., родилась в д. Рожново (2 км. от с. Талызино). Записали 3 июля 2003 г. С.Ю. Власова, М.М. Горшков. ЦРФ-Э 1118-05. Далее, по воспоминаниям исполнительницы: «он к матери эту Машу приводил, вроде на показ...»

3.

а) Как у Ваниных ворот стоит озера воды ...

б) Как у Ваниных ворот стоит дров костёр — д. Рожново. Исп. Евдокия Федоровна Захарова, 1927 г.р. (пенсионерка, бывшая учительница, мать ее была знаменитой в этих местах песельницей). Записали 3 июля 2003 г. С.Ю. Власова, М.М. Горшков. ЦРФ-Э 1118-32,33, 1119-07.

Комментарии исполнительницы: накануне Рождества «ходили ребятишки — девчонки, мальчишки. Девчонки сами собой, мальчишки сами собой. Человека три-чатыри, по пятку — не одна, а несколько».

Первый текст поют молодым семьям: «Вот подходют к дому, обычно где пары, которые не стары...». К пожилым (старикам) ходят славить Христа ранним утром в Рождество. После того, как спели, «просют, прям говорят:

— Ты, хозяюшка, подай копеечку! — просили. И подадут».

Второй текст поют семьям с детьми, особенно где есть невесты и женихи, перечисляя по порядку всех детей хозяина дома: «Это про семью. Сколько девушек, парней — неженатых, невыданных — их всех называли, перечисляли, кто есть в семье».

4.

Как у тётеньки у Маши больно сын растёт хорош — с. Молотицы. Исп. Наталья Васильевна Душутина, 1918 г.р. Записали 25 июня 2003 г. С.Ю. Власова, М.М. Горшков. ЦРФ-Э 1103-07.

Версии этого напева записаны С.Ю. Власовой, М.М. Горшковым в с. Молотицы:

1) от Марфы Фроловны Ильиной, 1909 г.р. Запись сделана 26 июня 2003 г. ЦРФ-Э 1107-05,06.

Комментарии М.Ф. Ильиной: «Ходили девки и бабы виноградить, а Христа славили ребятишки». О напеве: «Да почти што на один всё на мотив — и про сына, и про дочь». «Нежонатых припевали».

Текст, адресованный хозяевам, имеющим дочь на выданье:

Как у тетёшки у Анне больно дочь ростёт гожа,
Виноградие красно-зелёныё моё!

Больно дочь ростёт гожа — это Нина госпожа.
Виноградие красно-зелёныё моё!

Продолжение текста в пересказе без напева:

Захотелось дочке Нинушке во зеленый сад гулять.
Во зеленый сад гулять, соловушек послушать.
Вы соловушки лукавы, ваши головы кудрявы.
У ково деньги скопьём, тот и жить будет с добром! —

Текст, адресованный хозяевам, имеющим неженатого сына:

Как у дяденьки Ивана на семи вёрстах изба,
На семи вёрстах изба, дом на каменных столбах.
А по этим по полатам добрый молыдец ходил,
Добрый молыдец ходил, там и Виктор господин.
Он и чёшит свое кудри частым мелким гребешком,
А очёсочки бросает во быструю-ту реку.
У ково деньги скопьём, тот и жить будет с добром!

2) от Анны Егоровны Кузнецовой, 1931 г.р. Запись сделана 24 июня 2003 г. ЦРФ-Э 1102-01.

Как у баушки Наташи больно дочь растёт гожа,
Виноградие красно-зелёныя моё!
Больно дочь ростёт гожа, ета Таня гаспожа,
Виноградие красно-зелёныя моё!
И не мать иё родила, не отец поил-кормил,
Виноградие красно-зелёныя моё!
Возродил, воспоил светёл месиц,
[Виноградия красно-зелёныя моё!]
Возлелеяла её красна солнышка.
Виноградия красно-зелёныя моё!
Не пускала её мать во зелёный сад гулять,
Виноградия красно-зелёныя моё!
[Она залезла на печку — пырosплакылыся,
Виноградия красно-зелёныя моё!
Над ней белая береза пораскинулася,
Виноградия красно-зелёныя моё!]
Открывай-ка сындучок — вытаскивай питачок,
Скидавай-ка чёсынку — вынимай-ка трёшенку!

Полный сюжет А.Е. Кузнецова описывает так: «парень ходил вдоль окошка, девку-ту вызывал, а мать не пускала...»

5.

Как у Павла [.....] — с. Якиманская Слобода. Исп. Клавдия Павловна Зеленова, 1923 г.р. (родом из д. Рожново Талызинского сельского совета, живет в с. Якиманская Слобода с 1948 г.). Записала 26 июня 2005 г. В.Е. Добровольская. ЦРФ-Э 1226-27, 28.

6.

Виноградия красно-зелёные моё! — д. Барановка. Исп. Евдокия Васильевна Сергеева, 1915 г.р. В сеансе принимает участие ее дочь, Анна Сергеевна Сорокина, 1936 г.р., которая подпевает в первом рефрене. Записали 2 июня 2003 г. С.Ю. Власова, М.М. Горшков. ЦРФ-Э 1104-05.

Фрагмент текста от этих же исполнителей:

«Виноградия красно-зелёные моё!
Как у тётеньки у Мани больно сын хорош.
Виноградия красно-зелёные моё!
Пора пиво варить, пора сына женить.
Виноградия красно-зелёные моё!
Пора сына женить, пора дочь утдавать.
Виноградия красно-зелёные моё!

Про парня-то поют:

Он ходит по горенке,
Он и чешет свои кудри частым мелким гребешком,
А очёсочки бросает во быструю реку».

7.

Евсей, Евсей, подай со всем — с. Чаадаево. Исп. Нина Алексеевна Брейкина, 1936 г.р. (образование среднее, на пенсии, в прошлом колхозница). Н.А. Брейкина в Чаадаеве славится как песельница. Мастерство она переняла от матери. Записала 29 июня 2003 г. И.Н. Райковой. ЦРФ-Э 1123, кассета 28, фонограммы 269-271.

Фрагмент репортажа о святочных обходах:

«— Ряженые ходили с Рождества до Крещения. Молодежь. А теперь уже никто не ходит. Кто как сумеет, рядились. Цыганками — мужчины.

Чки-чки,
По козулечке!
Вы подайте
По козулечке!

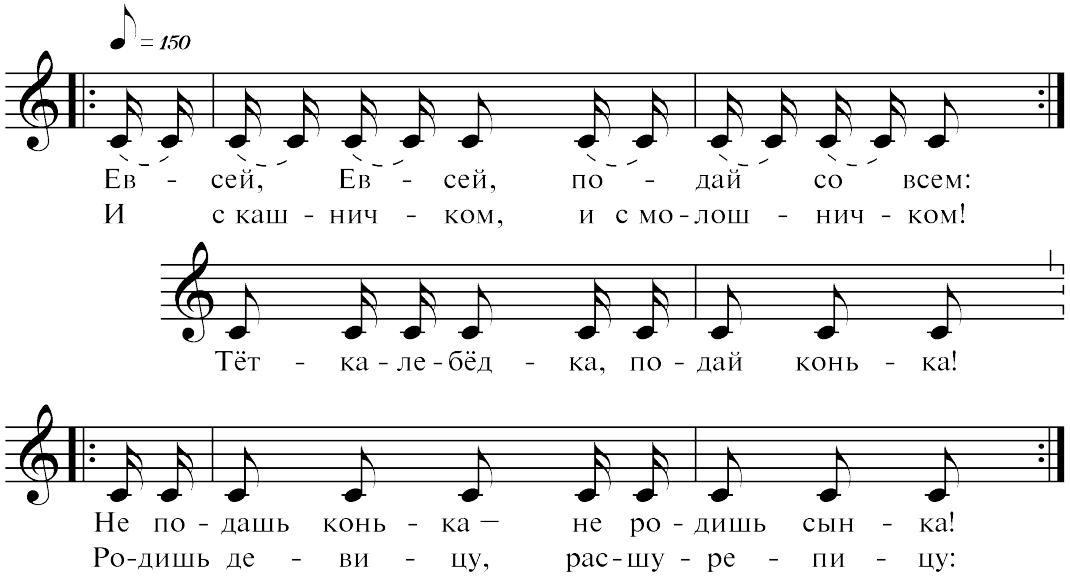
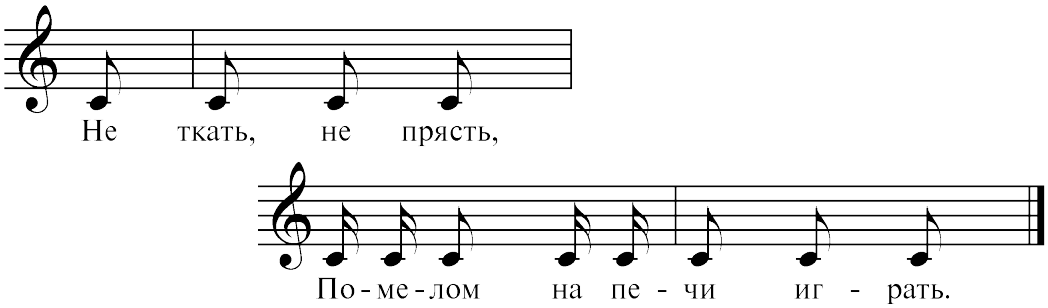
Это на Старый Новый год пели. В это время рядились, ходили по домам. И вот придёшь: «Можно вам Евсея прославить?» Там скажут: «Можно!»

Соб.: А кто такой Евсей?

— Ну, это уж название, по-моему. Такой праздник — вот видишь, надо гадать. И наряжиться «святкими», и прийти: я к тебе приду, ты ко мне придёшь, к соседу... А теперь стали двери закрывать, никого не пускать. А раньше я и сама ходила. Сейчас хулиганства много, никто не впускает. А раньше — как запоют! Возьмём клюшку какую-нибудь и пойдём. Кто даст конфетину, кто — пряник, а кто — сколько-то денег. Раньше-то денег не давали, это сейчас уже. А раньше напекут или козулек, или печенья, прянички сами испекут. Напечёшь, им дадишь, с полной сумкой идут. А сейчас с бутылками стали! Бутылки самогонки наберут, на другой день гуляют, пьянствуют!..»

Варианты этого текста записаны в с. Чаадаево:

1) повторная запись от той же исполнительницы. ЦРФ-Э 1123, кассета 28, фонограмма 259:



Евсей, Евсей, подай со всем:
И с кашничком, и с молошничком!
Я тетерю гоню по чистому полю.
Тетерь — в кустах, а я — за хвост!
У старого старика повитая борода,
Позолоченный висок, по рублю волосок!
Тётка-лебёдка, подай конька!
Не подашь конька — не родишь сынка!
Родишь девицу, расшурепицу:
Не ткать, не прясть — помелом на печи играть!

2) от Нины Петровны Золотухиной, 1929 г. р. (образование семь классов, замужем, доярка, раньше пела в хоре). Записали 2 июля 2003 г. О.А. Теплухина, В.В. Журавлев. Руководитель группы И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1124, кассета 38, фонограммы 23-27. Напев — речитация на одном тоне, аналогично приведенным образцам:

Евсей, Евсей, подай со всем:
И с кашничком, и с молошничком.
Я тетерьку гоню [по чистому полю],
Тетерька — в куст, а я — за хвост.
У старого старика повитая борода.
Тётка-лебёдка, соломенна глотка,
Подай конька!
Не подашь конька — не родишь сынка,
Родишь девицу расшурепицу!

3) от Евдокии Григорьевны Родионовой, 1929 г. р. (образование семь классов, доярка, раньше пела в хоре). Записала 3 июля 2003 г. И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1124, кассета 39, фонограмма 36. Напев не зафиксирован. Текст:

Евсей-Евсей, подай совсем,
И с кашничком, и с молошничком,
Я тетерьку гоню, по частому полю,
Тетерька — в куст, а я — за куст.
У старого старика кривая борода,
Позолоченный висок, хулюгливый голосок.
Тётка — лебёдка, подай конька,
Не подашь конька — не родишь сынка,
Родишь девицу расшурепицу!
С праздничком!

8.

Кишки-лепёшки — с. Борисоглеб. Исп. Прасковья Борисовна Парфенова, 1916 г.р. (малограмотная, на пенсии, в прошлом колхозница). Записала 25 июня 2003 г. И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1122, кассета 13, фонограмма 43.

9.

Тётка-лебёдка — с. Борисово. Исп. Мария Андреевна Гордеева,1911г.р. (образование два класса). Записала 30 июня 2003 г. И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1124, кассета 33, фонограмма 179.

10.

Вскочил козел / На барскай двор — с. Татарово. Исп. Мария Владимировна Садкова, 1924 г.р. Записала Т.В. Тихонова в апреле 1989 г. Архив ВОЦНТ 007-38, архив ЦРФ-Э 1082-62.

11.

Каледа-маледа / Перешиблена нога — д. Борок. Исп. Марья Фёдоровна Книгина, 1929 г.р. (начальное образование, на пенсии, в прошлом доярка). Записали 26 июня 2004 г. С.В. Лебедева, И.М. Борисова. Руководитель группы И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1216, кассета 1, фонограмма 38.

12.

Каледа, / Маледа! / Вскочил козёл — с. Благовещенское. Исп. Прасковья Григорьевна Ваганова, 1919 г.р. (начальное образование, на пенсии, в прошлом колхозница). Записали 25 июня 2004 г. Н. Шкуратова, Е. Грудзенко. Руководитель группы И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1216, кассета 02, фонограмма 29.

Маленькие детишки могли кричать частушку-приговорку:

Каледа-маледа,
Загорелась борода,
Пошли девки по воду,
Заливать бороду!

13.

Вскочил козёл / На барскай двор. / — Пошто? — Коня кормить — с. Татарово. Исп. Людмила Сергеевна Холодова, 1938 г.р. Записала 4 июля 2004 г. И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1218, кассета 20, фонограммы 35, 36.

Комментарии исполнительницы: «...ребята, когда еще маненьки, годочков двенадцать было, пели. ...Кто конфетку даст, кто — пряник, печеньку, кто — блин, кто — кок*у*рку. Вот тебе и коледа. К одним раз пришли, а у их хозяина прозывали козел. Он как услыхал — за нами с кнутом! Мы ноги в руки и полетели. Всё, больше к им не ходили. У него прозвище — «Козёл». Батюшки, а мы откуда знали! Пришли к нему и давай «козёл» кричать. Нам и дали козла».

14.

[Прыгнул козёл / На бабий двор] — с. Борисово. Исп. Евдокия Федоровна Игнатова, 1928 г.р. (начальное образование, на пенсии, в прошлом колхозница). Записала 3 июля 2003 г. И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1125, кассета 41, фонограмма 444.

15.

Каледа, / Маледа! Скочил козёл — с. Борисоглеб. Исп. Прасковья Андреевна Хлебнова, 1937 г.р. Записали летом 2003 г. Е.Королева, А.Разоренов. Руководитель группы И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1121, кассета 06, фонограмма 38.

Комментарии исполнительницы: «А коледки были... Приходим из школы, нам мать сошьёт сумку маненьку. И вот у нас перемена и мы всем классом идём по порядку. ...Идём, заходим: “Каледа, маледа...”. И начинаем топать ногами. Выходит старушка и выносит нам, даёт — кому побольше, кому поменьше. У нас было радости! А коку́рка — из теста, какую хочешь, сделай».

16.

Евсей, Евсей — см. № 7. ЦРФ-Э 1124, кассета 37, фонограмма 38.

17.

Каледа, каледа — см. № 5. ЦРФ-Э 1226— 25, 26, 29.

18.

Каракулька / Коней пасла — с. Загряжское. Исп. Александра Михайловна Прибыткова, 1931г.р. (образование четыре класса, в прошлом рабочая на заводе). Записали летом 2004 г. С.С. Васина, О.А. Дементей. Руководитель группы В.Е. Добровольская. ЦРФ-Э 1220, кассета 41, фонограмма 51.

Комментарии исполнительницы: «Колядовали, “Каракульку” пели у нас вота. Лепёшку испёкут баушки-та, нам дадут. А мы, цела стая, ходили, пели у двери».

19.

Вскочил козёл / На барский двор — д. Черемисино. Исп. не указан. Записали летом 2004 г. С.С. Васина, О.А. Дементей. Руководитель группы В. Е. Добровольская. ЦРФ-Э 1220, кассета 43, фонограмма 55.

20.

Каледа, Маледа! / Скочил козёл — с. Благовещенское. Исп. Евдокия Петровна Ершова, Прасковья Павловна Бичурина, Марина Федосеевна Мягкова. Записали в 1974 г. В. Капаев, Ахтямова. Оригинал записи находится в фонограммархиве ПНИЛ РАМ им. Гнесиных. Номер архивной фонограммы дан по копиям: ВОЦНТ 006-23, ЦРФ-Э 1081-23.

21.

Летел кычаток — с. Польцо. Исп. Домна Алексеевна Миронова, 1913 г.р. Записали в 1974 г. В. Капаев, Ахтямова. Оригинал записи находится в фонограммархиве ПНИЛ РАМ им. Гнесиных. Номер архивной фонограммы дан по копиям: ВОЦНТ 006-27, ЦРФ-Э 1081-27.

22.

Таусень, таусень — с. Чаадаево. Исп. Александра Ивановна Акимова, 1926 г.р. Записали летом 2003 г. А.А. Барсуков, А.С. Белова. Руководитель группы И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1122, кассета 18, фонограмма 39.

Вариант текста от той же исполнительницы ЦРФ-Э 1123, кассета 30, фонограмма 346:

Та́усень, тау́сень,
Окошки заусил,
Летел, летел соколок
Через баушкин дворок,
Уронил сыпожок.
— Ивановна, посиди!
— Я на печке сижу,
Жере́лье нижу.
Кто в красных сапожках,
Тот и мой женишок!
Чик-чик, по козулечке,
Всем по козулечке!

Комментарии: «Вот так выворотим шубня́к и ходим по домам. Хто чего подаст...»

23.

Как у месяца крутыи рога, таусень! — см. № 21. Оригинал записи находится в фонограммархиве ПНИЛ РАМ им. Гнесиных. Номер архивной фонограммы дан по копиям: ВОЦНТ 006-16, ЦРФ-Э 1081-16.

24.

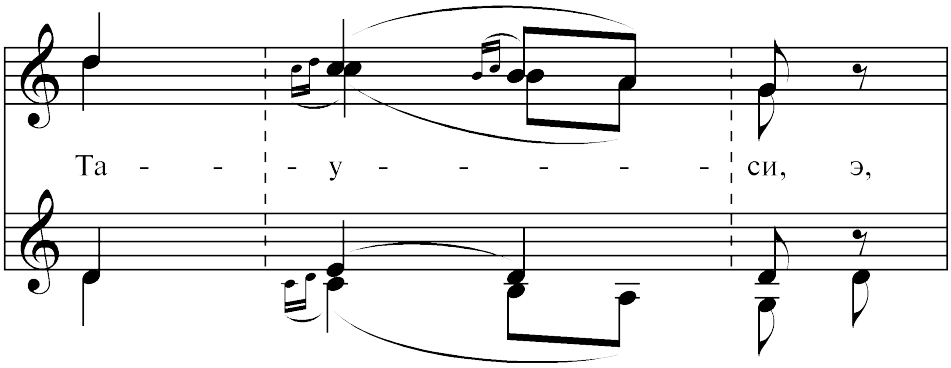
Таусень! Не лётай-к[о], соколик, высоко — см. № 1. Оригинал записи находится в фонограммархиве ПНИЛ РАМ им. Гнесиных. Номер архивной фонограммы дан по копиям: ВОЦНТ 006-18, ЦРФ-Э 1081-18.

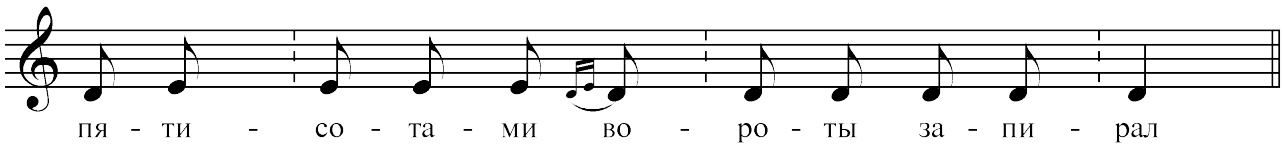
25.

Тауси, ни лётай-ка ты, соколик васоко — с. Татарово. Исп. Агриппина Ивановна Понкова 1910 г.р. (запевает), Мария Владимировна Садкова, 1924 г.р., Екатерина Тимофеевна

Каманина, 1915 г.р., Зинаида Николаевна Массалёва, 1932 г.р. Записала в апреле 1989 г. Т.В. Тихонова. Архив ВОЦНТ 007-08, архив ЦРФ-Э 1082-32.

Комментарии исполнителей: ходили пели девушки накануне Нового года, на Святки. Поют, стоя «на мосту» в сенях дома, где есть неженатый парень.

Варианты рефрена:

Варианты подголоска:



26.

Жавранка, жавранка, жить иль умереть — см. № 5.ЦРФ-Э 1226-24.

27.

Кастрома, Кастрома — см. № 21. Оригинал записи находится в фонограммархиве ПНИЛ РАМ им. Гнесиных. Номер архивной фонограммы дан по копиям: ВОЦНТ 006-24, ЦРФ-Э 1081-24.

ДЕТСКАЯ МУЗЫКА

28.

Дождик, дождик, пуще — с. Борисоглеб. Исп. Евдокия Васильевна Моржова, 1926 г.р. (образование шесть классов, на пенсии, в прошлом колхозница). Записали 24 июня 2003 г. О.А. Теплухина, В.В. Журавлев. Руководитель группы И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1122, кассета 16.

29.

Сорока-белобока — с. Булатниково. Исп. Нина Ивановна Ванина, 1930г.р. (образование среднее, на пенсии, в прошлом колхозница). Записали 28 июня 2005 г. О.В. Жукова, С.В. Просина. ЦРФ-Э 1333, кассета 26, фонограмма 128б. Аканье сплошное.

30.

— Сорока, сорока — см. № 5. ЦРФ-Э 1227— 47.

31.

Тянем, тянем холстики — см. № 5. ЦРФ-Э 1227-55.

32.

— Ладушки, ладушки — см. № 5. ЦРФ-Э 1127-48.

33.

Ах, рай, рай, рай — с. Борисоглеб. Исп. Зинаида Ивановна Белякова, 1925 г.р., (родилась в с. Бердищеве, двадцать лет живет в с. Борисоглеб, образование четыре класса, в

прошлом работала в колхозе, сейчас на пенсии). Записали 27 июня 2003 г. А.С. Белова, А.А. Барсуков. Руководитель группы И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1122, кассета 16, фонограмма 10. Исполнительница спела припевку как колыбельную, называя её «байкой». Скорее всего, это воспоминание одного из вариантов детской игры «Ворота», перешедшей в пассивную память и трансформированную в колыбельную припевку. Реконструкция текста:

Ах, рай, рай, рай,
Пойдём к дедушке в сарай,
Там и пиво, там и мёд,
Там и дедушка живёт!
Первый раз прощается,
Второй раз запрещается,
А на третий раз не пропустим Вас!

34.

Как у баушки козёл — с. Булатниково. Исп. Татьяна Николаевна Овсянкина, 1955 г.р. (образование среднее специальное — педучилище в Муроме, работает воспитателем в детском саду). Записали 26 июня 2005 г. Е.А. Волкова, Т.С. Наумова. Руководитель группы И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1334, кассета 01, фонограмма 13. Аканье сплошное.

35.

Из-за леса, из-за гор да — д. Красный Бор. Записала в июне 2004 г. в Красноборском доме престарелых и инвалидов И.Н. Райкова. Зафиксировано только имя исполнителя — Михаил Никифорович (родился в городе Муроме, образование среднее, в прошлом пчеловод, артист ансамбля песни и пляски). ЦРФ-Э 1218 , кассета 20, фонограмма 16. Акание сплошное.

Его знакомый, проживающий там же, Юрий Викторович Волков, 1937 г.р. (родился в городе Муроме, образование среднее, инвалид, в прошлом рабочий радиозавода) вспомнил еще один вариант «присказки»:

Из-за леса, из-за гор
Выезжал дядя Егор,
Подпоясан он телегой,
Упирается дугой.

36.

Как у баушки Варвары — см. № 11. ЦРФ-Э 1216, кассета 01, фонограмма 21.

37.

Ванька Батурин — с. Татарово. Исп. Нина Ивановна Игонина, 1926 г.р., (образование шесть классов, колхозница). Записали 2 июня 2004 г. О.С. Славинская, Н.А. Шкуратова. Руководитель группы И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1218, кассета 25, фонограмма 1.

38.

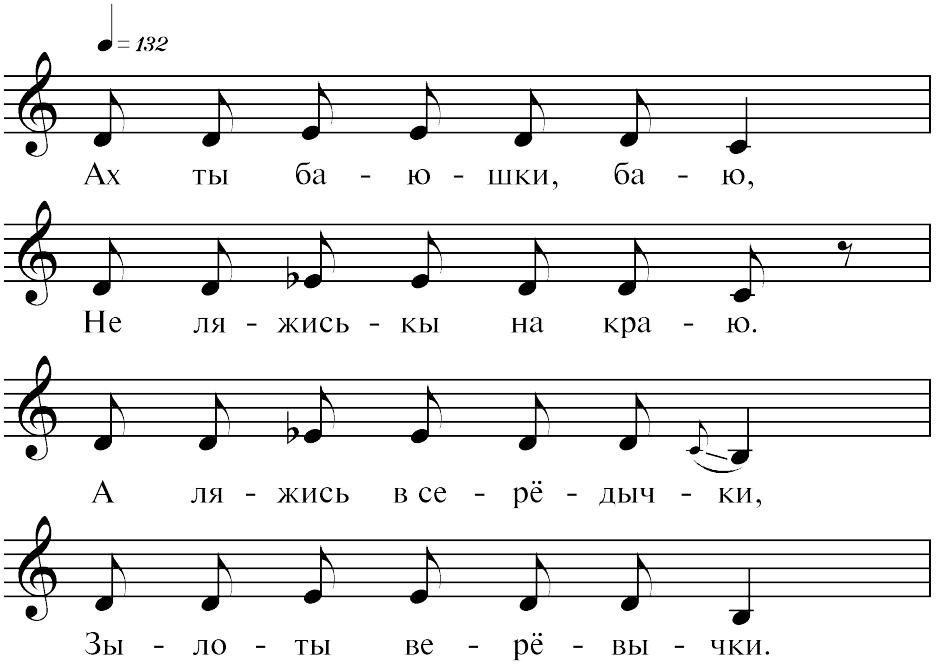
Девки татарки — см. № 37. ЦРФ-Э 1218, кассета 25, фонограмма 2.

Припевку «Девки-татарки» исполнительница называет «Татарочкой». Комментарии: «Вот качаишь, и так вот продолжается [напев] однотонно — значит, ни куплетов, ничё нет. Эт колыбельна называется».

39.

А баю, баю, баю / Нет ли местечка в раю? — д. Борок. Исп. Анна Андреевна Курбацкая, 1929 г.р. (старовер — «столовер», начальное образование, на пенсии, в прошлом доярка). Записали 26 июня 2004 г. О.С. Славинская, Н.А. Шкуратова. Руководитель группы И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1216, кассета 07, фонограмма 52.

Вариант из д. Борок. Исп. Анна Васильевна Романова, 1932 г.р. (образование среднее, в прошлом доярка). Записала летом 2004 г. И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1216, кассета 06, фонограмма 22:



Ах ты баюшки, баю,
Не ляжись-кы на краю.
А ляжись в серёдычки,
Зылоты верёвычки.
А то серый волк придёт
И тебя унесёт!

40.

А, качи, качи, качи — с. Боровицы. Исп. Александра Сергеевна Шошкина, 1926 г.р. (образование семь классов, на пенсии, в прошлом бригадир). Записали 30 июня 2004 г. О.С. Славинская, Н.А. Шкуратова. Руководитель группы И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1218, кассета 19, фонограмма 196.

41.

А качи, качи, качи — д. Шумилиха. Исп. Валентина Сергеевна Кузьмичева, 1941 г.р. (образование неполное среднее, живет в этой деревне с 1963 г.). Записали 28 июня 2004 г. И.В. Змеев, Н.В. Черных. Руководитель группы И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1217, кассета 13, фонограмма 125.

42.

А каты, каты, каты — с. Благовещенское. Исп. Марина Федосеевна Мягкова. Записали в 1974 г. В. Капаев, Ахтямова. Оригинал записи находится в фонограммархиве ПНИЛ РАМ им. Гнесиных. Номер архивной фонограммы дан по копиям: ВОЦНТ 006-21, ЦРФ-Э 1081-21.

43.

— Туру-туру, пастушок — с. Благовещенское. Исп. Прасковья Павловна Бичурина. Записали в 1974 г. В. Капаев, Ахтямова. Оригинал записи находится в фонограммархиве ПНИЛ РАМ им. Гнесиных. Номер архивной фонограммы дан по копиям: ВОЦНТ 006-19, ЦРФ-Э 1081-19.

44.

А баю, баю, баю, / Не ляжись-ка на краю — с. Благовещенское. Исп. Евдокия Петровна Ершова. Записали в 1974 г. В. Капаев, Ахтямова. Оригинал записи находится в фонограммархиве ПНИЛ РАМ им. Гнесиных. Номер архивной фонограммы дан по копиям: ВОЦНТ 006-20, ЦРФ-Э 1081-20.

45.

А баю, баю, баю, / Ни ложися на краю — с. Татарово. Во время записи присутствовали В.Ф. Садкова, 1938 г.р., В.Н. Савинова, 1938 г.р., В.И. Присадкова, 1937 г.р. От кого сделана данная фонограмма — не указано. Записали 1 июля 2004 г. И.В. Змеев, Н.В. Черных. Руководитель группы И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1217, кассета 16, фонограммы 195-197. Аканье сплошное.

Комментарии исполнительницы: «нескладухи пають — убаюкывають ребенка».

46.

— Туру, туру, пастушок, калинавай падожок! — с. Борисово. Исп. Евдокия Васильевна Евстифеева, 1927 г.р. (среднее образование, на пенсии, в прошлом колхозница). Записала 30 июня 2003 г. И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1123, кассета 29, фонограмма 137.

47.

А баиньки, баиньки — с. Татарово. Исп. Зинаида Николаевна Массалёва, 1932 г.р. Записала в 1989 г. Т.В. Тихонова. Архив ВОЦНТ 005-16, архив ЦРФ-Э 1080-16.

48.

А баиньки, баю-бай — см. № 39. ЦРФ-Э 1218, кассета 19, фонограмма 199.

49.

Баю, баю, баиньки, купим Полине валенки — с. Татарово. Исп. Антонина Алексеевна Садкова, 1930 г.р. (образование девять классов). Записали 2 июля 2004 г. И.В. Змеев, Н.В. Черных. Руководитель группы И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1219, кассета 31, фонограмма 34.

50.

Ай баю, баю, баю, не ляжись-ка на краю — см. № 5. ЦРФ-Э 1227-44, 45, 46.

51.

Баю, баюшки, баю, ни ляжися на краю — д. Барановка. Исп. Анна Сергеевна Сорокина, 1935 г.р. Записала 26 июня 2003 г. С.Ю Власова. ЦРФ-Э 1104-07.

52.

Ой баюшки, баю, не ложися на краю — с. Булатниково. Исп. Галина Павловна Исматулина, 1942 г.р. (узбечка, христианка, образование среднее техническое — геолог). Записала 26 июня 2005 И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1334, кассета 03, фонограмма 06. Аканье сплошное.

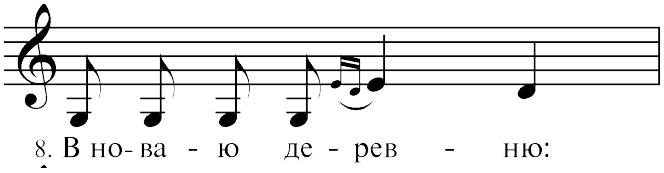
53.

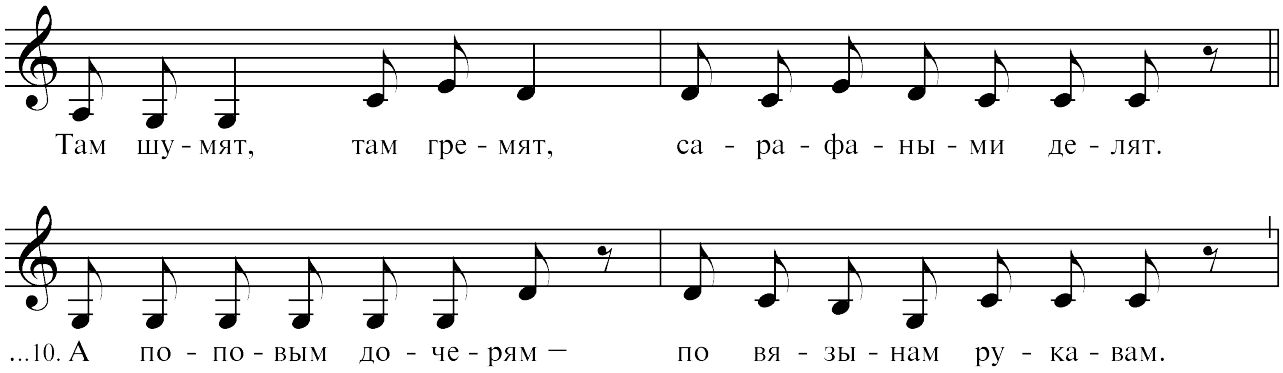
Баю, баю, баю, бай, спи, Ванечка, засыпай — с. Булатниково. Исп. Татьяна Николаевна Зайцева, 1955 г.р. (среднее специальное образование — Муромское педучилище, воспитатель в детском саду, православная). Записали 26 июня 2005 г. Е.А. Волкова, Т.С. Наумова. Руководитель группы И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1334, кассета 01, фонограмма 11.

54.

а) Шли две татарки, схватили по палки — д. Саксино. Исп. Агриппина Павловна Осипова, 1917 г.р., родом из д. Степаньково. Записали 4 июля 2003 г. С.Ю. Власова, М.М. Горшков. ЦРФ-Э 1119-14,15.

Варианты при повторной записи





б) А баю, баю, баю, живёт Ондрей на краю — вариант от той же исполнительницы. ЦРФ-Э 1120-1,2,3.

55.

Баю-баюшки-баю, не ляжися на краю — д. Грибково. Исп. Сергей Иванович Кузьмин, 1932 г. р. (родился в д. Иваньково, в прошлом рабочий на заводе, образование пять классов). Записали летом 2004 г. С.С. Васина, О.А. Дементей. Руководитель группы В.Е. Добровольская. ЦРФ-Э 1220 кассета 42-35.

56.

Прибежали в избу дети — с. Борисово. Исп. Александра Михайловна Смолова, 1926 г.р. (малограмотная, на пенсии, в прошлом колхозница). Записала 30 июня 2003 г. И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1123, кассета 29, фонограмма 318. Литературным источником является стихотворение А.С. Пушкина «Утопленник» (1828), имеющее подзаголовок «Простонародная сказка». Впервые было напечатано в «Московском вестнике», 1829, № 1 (тогда с подзаголовком «Простонародная песня»).

СВАДЕБНЫЕ НАПЕВЫ

57.

[Расхороший] сон а мне приви... видился (отрывок) — с. Панфилово. Исп. Александра Алексеевна Бархатнова, 1908 г.р. Записала в январе 1981 г. Т.В. Тихонова. ВОЦНТ 006-07, ЦРФ-Э 1080-07.

58.

Эка Марьюшка изменчива, э (отрывок) — с. Боровицы. Исполнители, время записи и собиратель не указаны. Архив ВОЦНТ 007-29, архив ЦРФ-Э 1082-53.

59.

Полно, пташечка, вдоль озера лётать (отрывок) — см. № 58. Архив ВОЦНТ 007-28, архив ЦРФ-Э 1082-52. Напев политекстовый, на него распет фрагмент еще одного свадебного текста (архив ВОЦНТ 007-31, архив ЦРФ-Э 1082-55):

На дубчике два голубчика сидят,
Оне тожа и вот тожа гаворят.
Говорят оне про молодца...

60.

а) Ты подруженька изменьщица...

б) Топись, топись, нова банюшка — с. Борисово. Исп. Евдокия Федоровна Игнатова 1928 г.р., Анфиса Никитична Макарова, 1935 г.р. Записала 5 июля 2003 г. С.Ю. Власова. ЦРФ-Э 1086-06,07. Одноголосный вариант от Е.Ф. Игнатовой записала И.Н. Райкова — ЦРФ-Э 1125, кассета 41, фонограммы 446, 450.

Песню исполняли, когда жених приезжает за молодой. Молодых приводят, за стол садятся. Девки начинают петь. На этот же напев исполнялся текст «Топись, топись нова банюшка» — накануне свадебного дня, когда баню топят подруги, чтобы мыть невесту.

61.

Эх, да свашенька хорошенька (отрывок) — см. № 58. Архив ВОЦНТ 007-30, архив ЦРФ-Э 1082-54.

62.

Уж ты сваха наша удалая (отрывок) — см. № 39. ЦРФ-Э 1218, кассета 19, фонограмма 188.

Комментарии исполнительницы: « [Девушки] дружке пели. И сваха также, и сваху также расхвал*я*ют, чтоб она тоже им подкинула ...Раскошелится и бросит там на тарелку сколько. Они идут с тарелкой. И дружку, и подружку, — всех расхваляют, но всем своя песня — а я их не помню».

Текст величальной припевки дружке в пересказе:

«Дружка там богатай,
Да дружка мужик богатый.
Ты дари...
Не гривенниками, а полтинниками,
Не полтинниками, а четвертными».

63.

Кто у нас хорош, / Кто у нас пригож во беседе сидит — см. № 5. ЦРФ-Э 1226-36. Звучит в F.

64.

Кто у нас хорош, / Кто у нас пригож во беседке сидит — см. № 2. ЦРФ-Э 1118-07. Аканье сплошное.

Комментарии исполнительницы: «Там с ковшом ходют, по голове стучат. И свахе, и свату — вот одно и то же поют обоим. Там подают им денюшку — в ковш насыпают. Это когда за невестой приезжали».

65.

Э, кто у нас хорош — см. № 3**.** ЦРФ-Э 1118-24, 26, 27.

Комментарии исполнительницы: «Ют всех прославляют сватьёв. ... И оне поют и тут притопывают, и называют по имени. И сваху такжа:

Э, кто у нас хорош,
Кто у нас пригож,
Во беседе сидит,
Во весёлой сидит?

Эх, гожа-пригожа,
Эх, гожа-пригожа,
Сваха Марья-госпожа,
Сваха Марья-госпожа.

Эх, лицо у неё,
Эх, лицо у неё
Снежку беленькова,
Снежку беленькова.

Эх, брови у неё,
Эх, брови у неё —
У чёрнява ворына,
У чёрнява ворына.

Эх, глаза у неё,
Эх, глаза у неё —
У яснява сокола,
У яснява сокола

Эх, чем будешь дарить,
Эх, чем будешь дарить,
А чем жаловати,
А чем жаловати?

Эх, пивом ай вином,
Эх, пивом ай вином,
Или золотой казной,
Или золотой казной?

Эх, сваха, не скупись,
Эх, сваха, не скупись,
Золотой казной делись,
Золотой казной делись.

66.

Э-ой, кто у нас хорош — д. Барановка. Исп. Клавдия Ивановна Данилова, 1913 г.р., Анна Сергеевна Сорокина, 1936 г.р., Антонина Ивановна Солдатова, 1930 г.р. Записала 26 июня 2003 г. С.Ю. Власова. ЦРФ-Э 1106-01. Комментарии исполнителей: «с ковшом девушки ходили».

В расшифровке даны три полные строфы, спетые исполнителями. На основании разрозненных воспоминаний можно провести реконструкцию полного текста песни. Восстановленные фрагменты даны в квадратных скобках:

Э-ой, кто у нас хорош,
Э-ой, кто у нас пригож во беседе сидит,
Во смиренною?

Э-ой, хорош да пригож,
Э-ой, хорош да пригож сват Иван-господин,
Сват Иван-господин.

[Э-ой, лицо у него,
Э-ой, лицо у него снежку беленькова,
Снежку беленькова.

Э-ой, глаза у него,
Э-ой, глаза у него что яснява сокола,
Что яснява сокола.

Э-ой, брови у него,
Э-ой, брови у него что чёрнява соболя,
Что чёрнява соболя].

Э-ой, чем будешь дарить,
Э-ой, чем будешь дарить, [а чем жаловати,
А чем жаловати?

Э-ой, пивом иль вином,
Э-ой, пивом иль вином, или золотой казной,
Или золотой казной?]

Э-ой, сваток не скупись,
Э-ой, сваток не скупись, золотой казной делись,
Золотой казной делись.

67.

Свахонька дорогая — д. Пестенькино. Исп. Александра Вячеславовна Хайкова, 1927 г. р., (образование четыре класса, в прошлом колхозница). Записали 3 июля 2004 г. А.С. Белова,

О.А. Теплухина. Руководитель группы В.Е. Добровольская. ЦРФ-Э 1219, кассета 32, фонограмма 05.

Комментарии исполнительницы: «Это все с пляской [поётся]. Оне ведь частые [песни] — с “приу́хом”, с пляской это все... Жениху с невестой споют... И свату поют песню, хрёстному: “Сватушка, розделайси! Тебе песню пели!”, — и вот там — хто сколько даст — девки денег наберут. А свахе, бывало, споют: “Свахынька, розделайси!” — эта пирогов привезёт, или кокурок каких принесёт. Это всё было...»

68.

У нас сваха хороша — с. Борисово. Исп. Евдокия Федоровна Игнатова,1928 г. р. (начальное образование, на пенсии, в прошлом колхозница). Записала 3 июля 2003 г. И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1125, кассета 41, фонограммы 447 — 449.

Комментарии исполнительницы: «Вот и ко́кают по башке половником! Сват там или хто... Девки его половником, того, кому спели... Он там отплачивается. Девки вот эти все песни поют и стучат половником, чтобы им подавали. У невесте в дому это девки поют, перед тем как ехать под венец».

69.

Во горинки во новой — с. Молотицы. Исп. Мария Ивановна Протасова, 1918 г.р. Записали С.Ю. Власова, М.М. Горшков 25 июня 2003 г.. ЦРФ-Э 1101-14.

70.

Ни шалкова лентычка к стенке льнёт — д. Мордвиново. Исп. Вера Аверьяновна Герасимова, 1913 г. р. (образование среднее, пенсионерка, в прошлом колхозница). Записали 27 июня 2005 г. О.В. Жукова, С.В. Просина. Руководитель группы И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1333, кассета 17, фонограмма 69.

Комментарии исполнительницы: «Когда приезжают по невесту... тоже деньги давали. ...И крестныя ёво даёт денежки. Девчата много зарабатывали».

71.

А ельничек-березничек — то ли не дрова! — см. № 5. ЦРФ-Э 1226-37.

Комментарии: песню поют жениху с невестой. С молодых денег не берут, а с остальных гостей — берут.

72.

В нашам доми украшенья: красна солнышка взошло — д. Хоробрицы. Исп. Антонина Алексеевна Бурмакова, 1933 г.р., Нина Алексеевна Ермакова, 1929 г.р. (местная, сейчас проживает в с. Борисоглеб). Записали 2 июля 2003 г. С.Ю. Власова, М.М. Горшков. ЦРФ-Э 1117-04, 05, 12, 13.

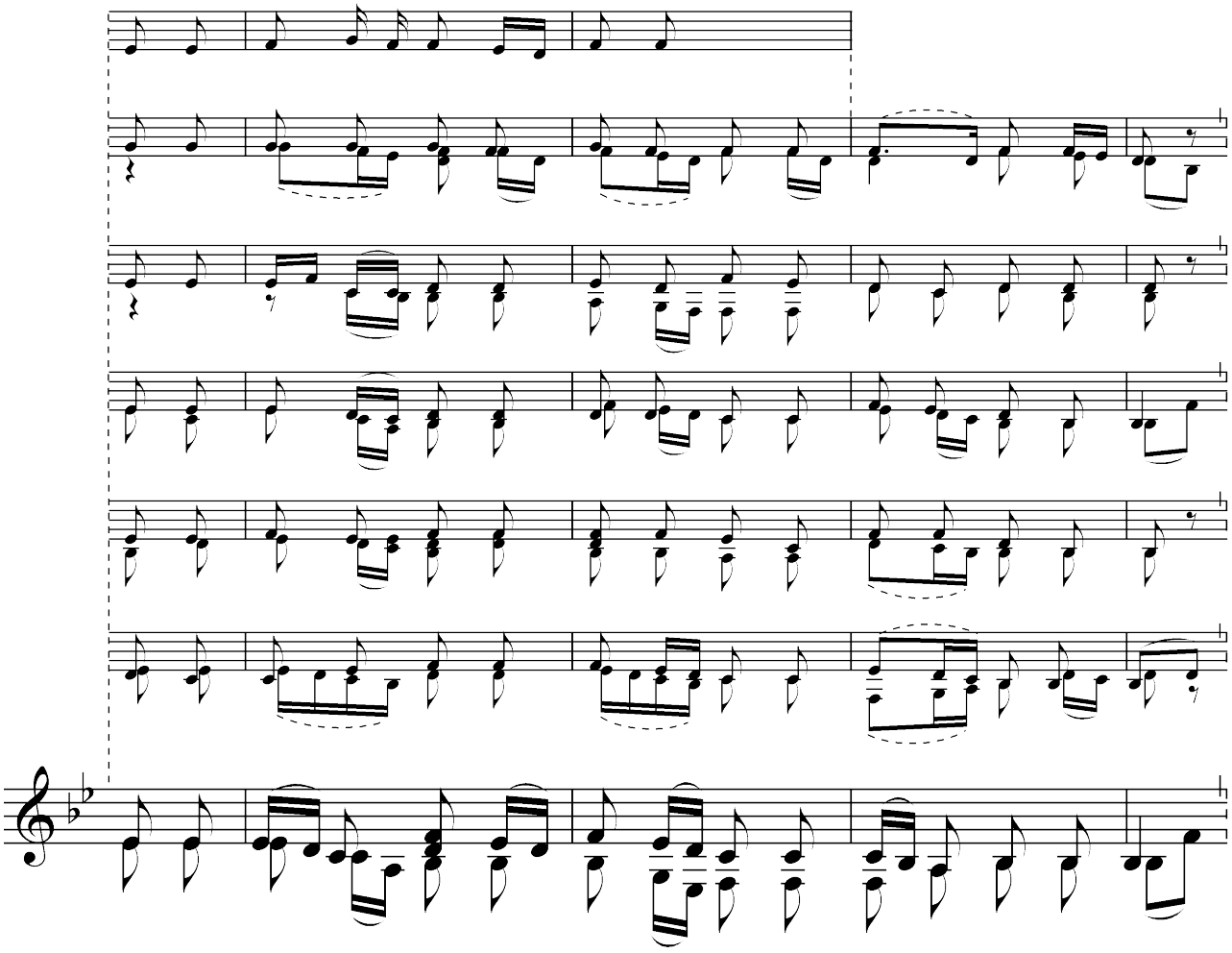
73.

В нашем доме украшенья: красна солнышка взошло — см. № 5. ЦРФ-Э 1226-44.

Комментарии собирателя: поют на свадебном застолье.

Песня распространена и в наше время. Ниже дана схема мелодических вариантов напева, в которой учтены три версии от двух исполнителей:

1) Клавдии Павловны Зеленовой, 1923 г.р., с. Якиманская Слобода (варианты приведенного в основной части книги напева ЦРФ-Э 1226-44);

2) Марии Владимировны Садковой, 1924 г.р. (две версии), с. Татарово. Записала Т.В. Тихонова в апреле 1989 г. (Архив ВОЦНТ 005-21, архив ЦРФ-Э 1080-21 и архив ВОЦНТ 007-09, архив ЦРФ-Э 1082-33).

74.

В нашем доми украшенья: красна солнышка взошло — д. Межищи. Исп. Зинаида Андреевна Алексеева, 1923 г.р., (родилась в с. Пошатово Селивановского района, образование семь классов). Записали 1 июля 2005 г. А.А. Костикина, Ф.А.Ордынец. Руководитель группы И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1334, кассета 32, фонограмма 06. Исполнительница называет песню плясовой.

ХОРОВОДНЫЕ И ПЛЯСОВЫЕ ПЕСНИ

75.

Я по сенюшкам ходила, / Я по сенюшкам ходила,/ Своево дружка манила — с. Татарово. Исп. В.Ф. Садкова, 1938 г.р., В.Н. Савинова, 1938 г.р., В.И. Присадкова, 1937 г.р. Записали 1 июля 2004 г. И.В. Змеев, Н.В. Черных. Руководитель группы И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1218, кассета 23, фонограмма 20.

76.

Я по сенюшкам ходила, / Я по сенюшкам ходила, / Своево мужа будила — см. № 58. Архив ВОЦНТ 005-14, архив ЦРФ-Э 1080-14.

77.

Я по сенюшкам ходила, / Я по сенюшкам ходила, / Своего мужа будила (отрывок) — см. № 25. Архив ВОЦНТ 007-33, архив ЦРФ-Э 1082-57.

78.

Па лужеченьку погуливала, ох — см. № 25. Архив ВОЦНТ 005-11, архив ЦРФ-Э 1080-11.

79.

[По лужеченьку погуливала...] — с. Мартыново. Исп. Антонина Яковлевна Колотухина, 1926 г.р. (родилась в с. Боровицы, начальное образование, бывшая доярка). Записали 30 июня 2004 г. Е.В. Грудзенко, Е.М. Королёва. Руководитель группы И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1217, кассета 03, фонограмма 86. В словах «чернобровáю», «черноглазáю» звук [ч] произносится с ощутимым призвуком [щ].

80.

Отчево у нас кампанья висела́, эх — см. № 25. Архив ВОЦНТ 005-15, архив ЦРФ-Э 1080-15.

81.

На зоре была, на зореньке — с. Польцо. Исполнители не указаны. Записала в апреле 1989 г. Т.В. Тихонова. Архив ВОЦНТ 006-13, архив ЦРФ-Э 1081-13.

82.

[На зоре было да на зореньке...] — см. № 33. ЦРФ-Э 1121, кассета 03, фонограмма 147.

83.

Из-за лесика, лесу тёмнава — с. Панфилово. Исп. Александра Алексеевна Бархатнова, 1908 г.р. Записала в январе 1981 г. Т.В. Тихонова. Архив ВОЦНТ 005-01, архив ЦРФ-Э 1080-01. Аканье сплошное.

Описание действий в хороводе: двое парней ходят в кругу, внутри хоровода. Девушка там же ходит с платком в руках. На соответствующих словах песни («Вы метните-ка резвый жеребей») она поднимает вверх руку с платком так, чтобы он свисал вертикально. Парни перехватывают платок руками снизу вверх поочерёдно. Тому, чья рука оказалась наверху, достаётся девушка. На последних словах песни — «Доставалася парню бравому» — парень, выигравший эту жеребьёвку, подхватывает девушку под руку и ходит с ней по внутреннему кругу — «выхваляется».

84.

Как под грушею да стою, слушаю да — см. № 25. Архив ВОЦНТ 005-13, архив ЦРФ-Э 1080-13.

85.

Как под белаю, белай берёзою — с. Молотицы. Исп. Наталья Васильевна Душутина, 1918 г.р. Записали 25 июня 2003 г. С.Ю. Власова, М.М. Горшков. ЦРФ-Э 1103-03.

Приводим фрагмент разговора собирателей (вопросы выделены курсивом) с исполнительницей:

Соб.: Эту песню здесь, в Молотицах пели?

— Да вот, на Троицу.

Соб.: А когда пели эту песню, в какой момент?

— Её пели вот когда завивали берёзку, в четверг на Семик. Это «Семик» называется — в четверг перед Троицей. И вот кол***и*** её топить [в воскресенье, на Троицу — *прим. собирателя*], ходили на заречье гулять. Гуляли сперва у магазина, мы там хороводили — большо-о-ой круг, с гармонью. А потом гуляим, гуляим — пошли на реку. Там отгуляим и топили [берёзку] с этой песней.

Соб.: А что значит «хороводили»?

— Хороводили — за руки вцепились, кругом хороводили — большо-о-ой круг. И пожилые, и молодые — всякие.

Соб.: А пели что?

— Пели. Вот эту песню пели.

Соб.: А как ходили в хороводе?

— Одна нарядилась «отцом», «мужиком». Женщина переоделась — мужиков-то нет дак. Эта — «матерью» тоже [рядилась], и «золовкой». И «муж»-та рядился в мужское... У нас две женщины были такие — о-ой какие! Одна ходит с плетью, другая ходит мимо ёго — как бы

не ударил. Вот когда уж она подойдёт к нёму, к столу-ту, он возьмёт плеть-то и хлыснёт, хлыснёт ей...

Соб.: А мужики-то с вами тоже ходили?

— Да не-е-ету. Мужиков не было, одны женщины.

Соб.: А где были те, кто разыгрывал хоровод?

— В кругу, в кругу были. Мы кругом хороводили. А у них стол был: «муж» сидел, плеть была.

Соб.: Это в старину так было? Давно или нет?

— Давно это было, давно. Вот у нас эти две женщины — это ж одна-то вот помёрла год только, а другая-то давно помёрла. Как она помёрла — и не стали. Поля — потешная у нас... Тут много у нас было пожилых-то. Все ходили с нами, все. И там, которы пожилые, к нам приходили. А мылодёжь-то нет, ни ходили.

Соб.: А кем они были в хороводе, эти женщины?

— Одна — то была «мужем», а другая была — «жёной». Из нас рядились — «свёкор», «золовка». «Мужик»-то рядился в мужскую одёжу, брюки. У меня была гимнастёрка и галифе мужнины — я давала — натя, рядитесь! А то собирали по сёлу широки сарфаны, да казачки раньше были. О-ой, господи, что было! После войны всё-тки плохо жили...

Соб.: А где берёзу завивали?

— Да вон под окошком, счас прогон тута... Тут у любого окошка собирали. С гармонью придут к нам и завивали.

Соб.: А её срубали, берёзку?

— А как жа, её срубали. Посылали ребятишек — принёсут вот до потолка, большую. Нарядим её всякими тряпочкими, всем, поставим её и кругом её ходим. А пойдём гулять-то — у нас одна несёт её. Мы поём, а она несёт её, берёзку-ту, до места. Пожилая тоже несёт женщина. Поставим [берёзку] у магазина, погуляем тама, гуляем-гуляем, нагуляемся — пойдём на реку.

Соб.: С четверга до воскресенья берёзка где стояла?

— У нас рядом на прогоне жила женщина-та — у ней стояла, и потом у другой стояла. К кому только дома примут себе ...до воскресенья.

86.

Золовки-матушки паклонилыся (отрывок) — с. Молотицы. Исп. Анастасия Петровна Галкина, 1906 г.р. Записали 25 июня 2003 г. С.Ю. Власова, М.М. Горшков (перезапись с ранее записанной кассеты Веры Юрьевны Киселевой, внучки А.П. Галкиной). ЦРФ-Э 1105-11.

Другой фрагмент, спетый А.П. Галкиной (ЦРФ-Э 1105-10):

Я украдуся, уворуюся,
Ой лелю, лелю, уворуюся.

Са милым дружком нацелуюся,
Ой лелю, лелю, нацелуюся.

Я подумаю, как домой придти,
Ой лелю, лелю, как домой придти.

Широкай улицай — серай утицай,
Ой лелю, лелю, серай утицай.

В падворотенку — рябой курицай,
Ой лелю, лелю, рябой курицай.

Широким двором — вароным конём,
Ой лелю, лелю, вароным конём.

Частой лесинкай...

87.

«А мы просо сеяли, сеяли...» — см. № 3. ЦРФ-Э 1118-31.

88.

Как из улицы в конец шёл удалай малодец — см. № 25. Архив ВОЦНТ 006-03, ЦРФ-Э 1081-03.

89. [Как из улицы в конец] шёл удалай молодец, эх — с. Боровицы. Исп. И.П. Наумова, М.П. Панина, 1905 г.р., З.И. Брундукова, 1906 г.р. Записали в 1974 г. В. Капаев, Ахтямова. Оригинал записи находится в фонограммархиве ПНИЛ РАМ им. Гнесиных. Номер архивной фонограммы дан по копиям: ВОЦНТ 006-28, ЦРФ-Э 1081-28.

90.

Молодка, молодка молоденькая — с. Стригино. Исп. Зоя Петровна Сатинова, 1940 г.р. (родом из с. Грибково, в с. Стригино живет тридцать лет, образование семь классов, работала в совхозе, сейчас пенсионерка), Любовь Петровна Кузьмина, 1941г.р. (родом из с. Грибково, образование средне-техническое, работала на заводе, сейчас пенсионерка). Записали 1 июля 2004 г. А.С. Белова, О.А. Теплухина. Руководитель группы В.Е. Добровольская. ЦРФ-Э 1220, кассета 36, фонограмма 02.

Комментарии исполнителей: «Пели в старину, и на свадьбах, и так. Ну, когда свадьба — с приу́хом!»

91.

Молодка моя молоденькая, ой — см. № 5. ЦРФ-Э 1226-42.

92.

Што нам не пить-та, што нам не гулять-та — см. № 25. Архив ВОЦНТ 005-12, архив ЦРФ-Э 1080-12. Могла исполняться на свадьбе в качестве «у́хальной». Приводим вариант текста на тот же напев, записанный в д. Межищи. Исп. Зинаида Андреевна Алексеева, 1923 г.р. (образование семь классов, родом из с. Пошатово Селивановского р-на). Записали 28 июня 2005 г. Е.А. Барсукова, Ф.А. Ордынец. Руководитель группы И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1333, кассета 31, фонограммы 11, 12.

Теперь нам попити, теперь пагуляти.
Бай-говори, головка, теперь пагуляти.

Некому уняти, некому уняти,
Бай-говори, головка, [некому унять].

Мужа дома нету, мужа дома нету,
Бай-говори, головка, мужа дома нету.

Гроза ево дома, плетычка шелкова,
Бай-говори, головка, плетычка шелкова.

Во сенях на гвозди, во сенях на гвозди,
Бай-говори, головка, во сенях на гвозди.

Во сенюшки взойду, во сенюшки взойду,
Бай-говори, головка, во сенюшки взойду.

На плетычку взгляну, на плетычку взгляну,
Бай-говори, головка, на плетычку взгляну.

Всё сердца обомрет, всё сердца обомрет,
Бай-говори, головка, всё сердца обомрет.

Всё кровью обольет, всё кровью обольет,
Бай-говори, головка, всё кровью обольет.

Вы девки-пострелки, не пейтя горелки,
Бай-говори, головка, не пейтя горелки.

Оне бизразумны, заведут за гумны,
Бай-говори, головка, заведут за гумны.

За гумны половни, за гумны половни,
Бай-говори, головка, за гумны половни.

В половне мякина, в половне мякина,
Бай-говори, головка, в половне мякина.

В мякини детина, в мякини детина,
Бай-говори, головка, в мякини детина.

Белай-кудреватай, белай-кудреватай,
Бай-говори, головка, белай-кудреватай.

Холаст-ниженатай, холаст-ниженатай,
Бай-говори, головка, холост-ниженатай.

Мякину взъерошал, мякину взъерошал,
Бай-говори, головка, мякину взъерошал.

С девушкай хорошай, с девушкай хорошай,
Бай-говори, головка, с девушкай хорошай.

Комментарии исполнительницы: «Ýхальные — пляшут, артелью пляшут. Тó есть застóлица — застóлешные песни. А тó есть — ýхальны. Их много: вот, например, «Утушка луговая» — эт, наверно, её все знают. “Посею лебеду на бирегу” — тоже это всё ýхальны — поют. Но только вот каторы “Бабкины” поют (*речь идёт об известном ансамбле Надежды Бабкиной — прим. собирателя*) — всё извернут: там куплет-два споют — и всё, кончают. А оне длинны... Их много! Я вот, говорю, помру — а мое дети ни одной песни не знают!... “Теперь нам попити...” — эт ýхальна... Вот, это плясовая, свадебная: хором поют, пляшут. В любое гулянье ее пели, не только на свадьбу. А на свадьбу — в любой день. Как напились — хто за столом, хто уж тута ухает под гармошку».

93.

В осенние ночи не спал да полночи — см. № 90. ЦРФ-Э 1220, кассета 36, фонограмма 06. По определению исполнителей — «свадьбишная». Пели на второй день свадьбы, с пляской. По всей вероятности, относится к «***у***хальным» песням, певшимся с «при***у***хом» — женскими возгласами, сопровождавшими активную пляску. Данная плясовая, насколько нам известно, является в этих местах специфически свадебной. Большинство же «***у***хальных» плясовых не были жестко приуроченными, т.е. могли исполняться и на любых праздничных гуляниях, и на свадьбах. Пояснение об «ýхальных» песнях см. в комментариях к № 92, 90.

94.

Будят, будят нам, девчонки — см. № 58. Архив ВОЦНТ 007-27, архив ЦРФ-Э 1082-51.

95.

Вдоль по морю — см. № 86. ЦРФ-Э 1105-12.

96.

Вдоль по морю, ды — с. Благовещенское. Исп. Евдокия Петровна Ершова, Прасковья Павловна Бичурина, Марина Федосеева Мягкова. Года рождения исполнителей не указаны. Записали в 1974 г. В. Капаев, Ахтямова. Оригинал записи находится в фонограммархиве ПНИЛ РАМ им. Гнесиных. Номер архивной фонограммы дан по копиям: ВОЦНТ 006-22, ЦРФ-Э 1081-22.

97.

Эх, как пó марю — с. Боровицы. Исполнитель, время записи и собиратель не указаны. Архив ВОЦНТ 007-21, архив ЦРФ-Э 1082-45.

98.

— Гуляй, гуленька, эх, гуляй, сизенька — см. № 83. Архив ВОЦНТ 005-06, архив ЦРФ-Э 1080-05.

99.

Выйду за вороты, пагляжу далёка — см. № 25. Архив ВОЦНТ 005-10, архив ЦРФ-Э 1080-10.

100.

Парашенька белая по камешку бегала — см. № 25. Архив ВОЦНТ 007-07, архив ЦРФ-Э 1082-31.

101.

Я по жёрдачке шла, шла по тоненькаю ды — с. Боровицы. Исполнитель, время записи и собиратель не указаны. Архив ВОЦНТ 007-15, архив ЦРФ-Э 1082-39.

102.

Не будитя меня малоду да ранним, ранним па утру — г. Муром. Исп. Сергей Тимофеевич Зеленов, 1908 г.р. (проживал, очевидно, в п. Якиманская слобода). Записал в конце 80-х — начале 90-х годов А.Е. Черников, руководитель фольклорного ансамбля «Мурома». ЦРФ-Э 1215.

103.

На столе-ти харошо: пиражок с тварожком — с. Польцо. Исполнитель, время записи и собиратель не указаны. Архив ВОЦНТ 006-14, архив ЦРФ-Э 1081-14.

104.

Я поеду, я уеду во Китай-город гулять — см. № 83. Архив ВОЦНТ 005-03, архив ЦРФ-Э 1080-03. Аканье сплошное.

105.

— Бояре, мы до вас пришли — с. Польцо. Исп. Домна Алексеевна Миронова, 1913 г.р. Записали в 1974 г. В. Капаев, Ахтямова. Оригинал записи находится в фонограммархиве ПНИЛ РАМ им. Гнесиных. Номер архивной фонограммы дан по копиям: ВОЦНТ 006-25, ЦРФ-Э 1081-25.

106.

— Бояре, а мы к вам пришли — см. № 3. ЦРФ-Э 1118-30.

Комментарии после исполнения: «Ну и её забирают в ту партию — эту невесту. И начинается другая песня — “А мы просо сеяли, сеяли”» (см. № 87).

107.

[Никогда такова не бывала...] — см. № 3. ЦРФ-Э 1118-22.

Комментарии исполнительницы: «Вот какую я вам вспомнила плясовую — на свадьбах пели. Наверно, с километр длиной».

108.

Я полю, полю капустку в саду белинькую — см. № 83. Архив ВОЦНТ 005-02, архив ЦРФ 1080-02. Аканье сплошное.

109.

Как по утрицу раненькэ зэморозила тоненька — см. № 86. ЦРФ-Э 1105-08.

110.

Как по утрицу раненька заморозила тоненька — см. № 5. ЦРФ-Э 1226-45.

111.

Вдоль по улице метелица метёт — д. Волнино. Исп. Мария Степановна Иванова, 1930 г.р. (образование среднее, пенсионерка). Записали 29 июня 2003 г. Д.А. Кремнев, М.Ю. Степанова. Руководитель группы И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1122, кассета 12, фонограмма 39.

112.

Уж ты Настя моя, Настинька — см. № 5. ЦРФ-Э 1226-42.

113.

Ва ку... ва кузницы — см. № 5. ЦРФ-Э — видеофонд Муромской экспедиции, 2005 г.

114.

Посею либеду на берегу — См. № 74. ЦРФ-Э 1124, кассета 32, фонограмма 07. Исполнительница считает песню свадебной.

115.

Давайте веселиться, давайте вино пить — см. № 102. ЦРФ-Э 1215.

116.

У меня ли муж работяга был — см. № 86. ЦРФ-Э 1105-13.

117.

Уж ты утычка моя лугавая — см. № 33. ЦРФ-Э 1121, кассета 02, фонограмма 35.

118.

Отдавали молоду на семнадцатым году — см. № 102. ЦРФ-Э 1215.

119.

Э, прастучала, прагремела (отрывок) — с. Боровицы. Исполнитель, время записи и собиратель не указаны. Архив ВОЦНТ 007-18, архив ЦРФ-Э 1082-42.

120.

Ой, маменька, тошна, головушку больна — см. № 86. Строфы 9-12 поёт В.Ю. Киселёва. ЦРФ-Э 1105-03.

Комментарии: «Она родила ребёнка в лесу, а принесла его в дом — куды ёво деть, ребёнка-то».

121.

У Катюши горя многа — см. № 25. Архив ВОЦНТ 008-04, архив ЦРФ-Э 1082-18.

122.

Мужик пашенку пахал, сам на солнышко взирал — см. № 86. ЦРФ-Э 1105-05.

123.

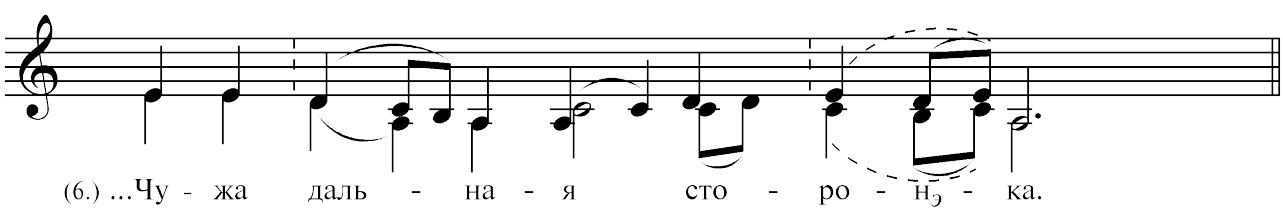
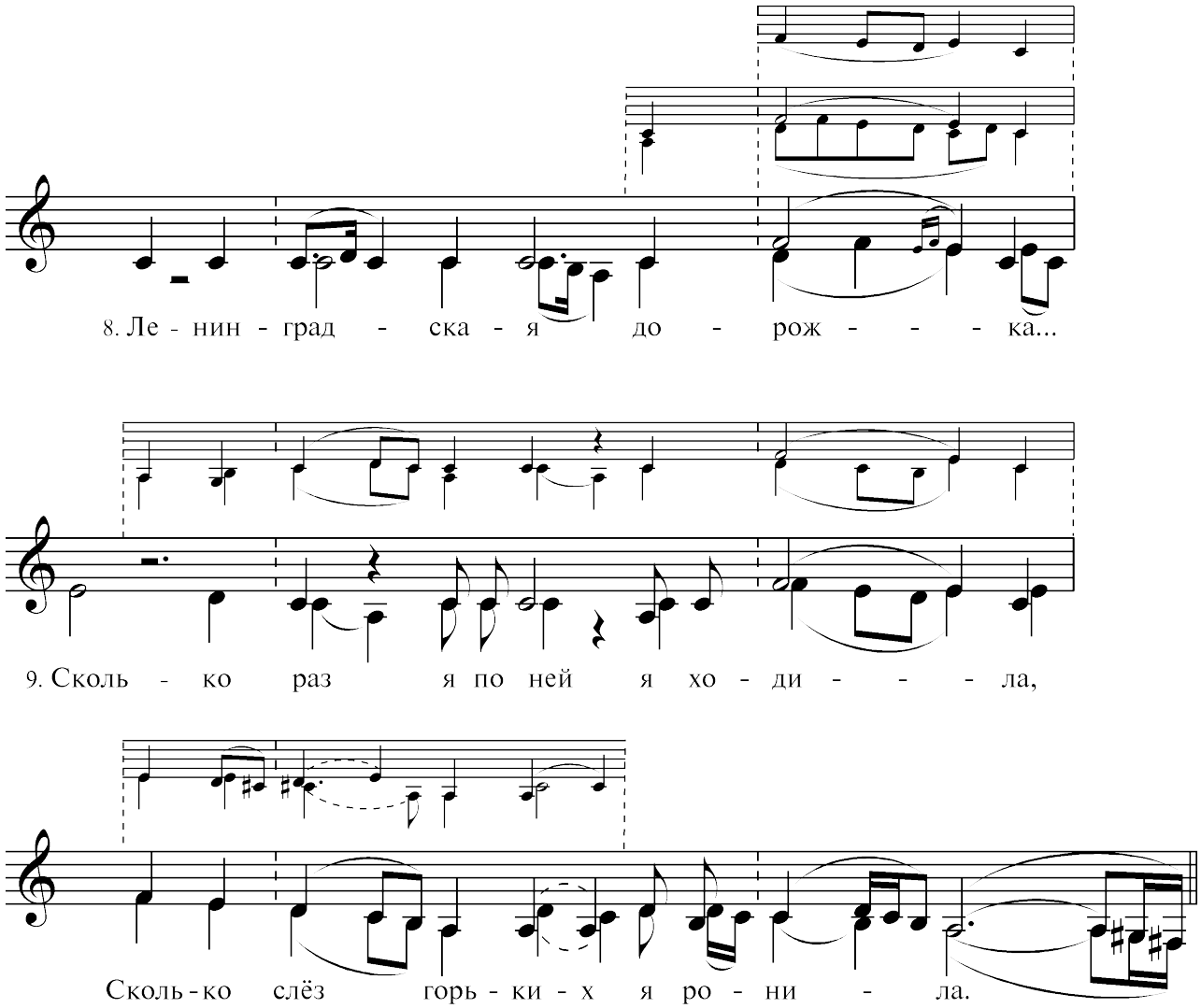
Как за речкай была за рекою — см. № 86. ЦРФ-Э 1105-09.

ЛИРИЧЕСКИЕ ПРОТЯЖНЫЕ ПЕСНИ

124.

Уж ты день, ты мой денёчек, / День, весёленькай часочек — д. Красный Бор. Исп. Ирина Антоновна Гольцева, 1912 г.р. (родилась в д. Мартыново, неграмотная, на пенсии). На сеансе записи присутствуют и подпевают И.А. Гольцевой Антонина Дмитриевна Павлова 1931 г.р., Тамара Ивановна Ковригина 1928 г.р. Записали в Доме престарелых Муромского края 30 июня 2004 г. Е.В. Грудзенко, Е.М. Королёва. Руководитель группы И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1217, кассета 03, фонограмма 68.

Фрагменты распева других строф:



125.

Уж ты день, ты мой денёчек, / День, весёленький часочек — с. Молотицы. Исп. Наталья Герасимовна Брунова, 1921 г.р., родилась в д. Барановка (3 км. от Молотиц). Записали 24 июня 2003 г. С.Ю. Власова, М.М. Горшков. ЦРФ-Э 1102-04.

126.

Ни велят Маше за реченьку ходить (отрывок) — см. № 33. ЦРФ-Э 1121, кассета 02, фонограмма 40.

127.

Гулял по воле орёл мо... молодой, э-ой (отрывок) — д. Красный Бор. Исполнитель не указан. На сеансе записи присутствуют Антонина Дмитриевна Павлова 1931 г.р., Тамара Ивановна Ковригина 1928 г.р. Записали в Доме престарелых Муромского края 30 июня 2004 г. Е.В. Грудзенко, Е.М. Королёва. Руководитель группы И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1217, кассета 03, фонограмма 66в. К сожалению, собирателями был зафиксирован лишь фрагмент этого варианта напева. Исполнительница спутала слова и далее петь не стала.

Текст песни, вероятно, послужил прообразом стихотворения А.С. Пушкина «Узник» (1822). Однако стихотворение тоже оказало влияние на фольклорные варианты: см. № 146 этого раздела, в котором отголоски текста А.С. Пушкина очевидны.

128.

Эх, соловашек малинькай да — с. Боровицы. Исполнитель, время записи и собиратель не указаны. Архив ВОЦНТ 007-20, архив ЦРФ-Э 1082-44.

129.

Ты соловушек лесной да — с. Благовещенское. Исполнители не указаны. Записала в апреле 1989 г. Т.В. Тихонова. Архив ВОЦНТ 006-06, архив ЦРФ-Э 1081-06.

130.

Ты соловушек лесной — см. № 8. ЦРФ-Э 1125, кассета 42 фонограмма 485.

131.

Ты свети, свети, зоренька и ты, красная со... х-да — с. Татарово. Исполнитель, время записи и собиратель не указаны. Архив ВОЦНТ 007-45, архив ЦРФ-Э 1082-07.

132.

Во поле, во полюшке — см. № 129. Архив ВОЦНТ 006-08, архив ЦРФ-Э 1081-08.

133.

Дуеть, дуеть ветерочик, сад зелёненькай шумит — с. Талызино. Исп. Иван Акимович Чернышов, 1922 г.р., родом из д. Игнатьево. Записали 28 июня 2003 г. С.Ю. Власова, М.М. Горшков. ЦРФ-Э 1110-24.

По словам исполнителя, эту песню пел и играл на «ладнице» его отец, Аким Егорович, который родился в 1885 г., а умер в 1952. Ладница — разновидность одинарной жалейки с ладками, распространенная на территориях Рязанской, Владимирской, Нижегородской губерний. О конструктивных особенностях ладниц см. подробнее: О.В. Гордиенко. Краткое описание язычковых духовых инструментов русских пастухов. М., 2001, стр. 29 — 37.

134.

Эх, У нас Машенька была хороша — см. № 25. Архив ВОЦНТ 008-03, архив ЦРФ-Э 1082-17.

Варианты окончания поэтического текста:

1) ...Эх, да подальше тебя провожу,
А в тех местах кусточек,
Где, где кончалася наша любовь.
д. Межищи. См. № 74. ЦРФ-Э 1334, кассета 32, фонограмма 14.

2) ...Ай, да я подальше тебя провожу, ой да,
До горыньки тебя до крутою,
До реченьки тебя до... до быстрой.
д. Татарово. См. № 25. Архив ВОЦНТ 008-03, архив ЦРФ-Э 1082-17.

135.

Прощай жисть, радость ты моя ды — см. № 25. Архив ВОЦНТ 005-17, архив ЦРФ-Э 1080-17.

136.

«Ах да раздуша моя Катёнка...» — см. № 25. Архив ВОЦНТ 008-02, архив 1082-16.

137.

Когда ж я был, мальчек, я слободнай, эх — см. № 81. Архив ВОЦНТ 006-11, архив ЦРФ-Э 1081-11.

138.

Ва субботу, в день-та ненаснай — с. Булатниково. Исп. Екатерина Михайловна Сиркина, 1923 г.р., (образование среднее, трактористка). Записали 26 июня 2005 г. А.А. Костикина, Д.И. Юрков. Руководитель группы И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1334, кассета 03, фонограмма 18.

139.

А над Москвой заря да ну за... занималаса да — см. № 131. Архив ВОЦНТ 007-50, архив ЦРФ-Э 1082-12.

140.

[Кукушка] с соловьём сговаривались — см. № 74. ЦРФ-Э 1334, кассета 32, фонограмма 10.

141.

Зоренька заняласа да, во полюшке стала пыльна, эх (отрывок) — см. № 131. Архив ВОЦНТ 007-46, архив ЦРФ-Э 1082-08.

142.

Во поли, ва по... и ва полюшки — см. № 25. Архив ВОЦНТ 007-43, архив ЦРФ-Э 1082-05.

143.

Сказали де... красны девушки (отрывок) — см. № 131. Архив ВОЦНТ 007-51, архив ЦРФ-Э 1082-13.

144.

Когда я был я, мальчик, да свободнай — см. № 131. Архив ВОЦНТ 007-49, архив ЦРФ-Э 1082-11.

145.

Ты рябинушка да эх, раскудрявая да — см. № 90. ЦРФ-Э, 1220, кассета 36, фонограмма 09.

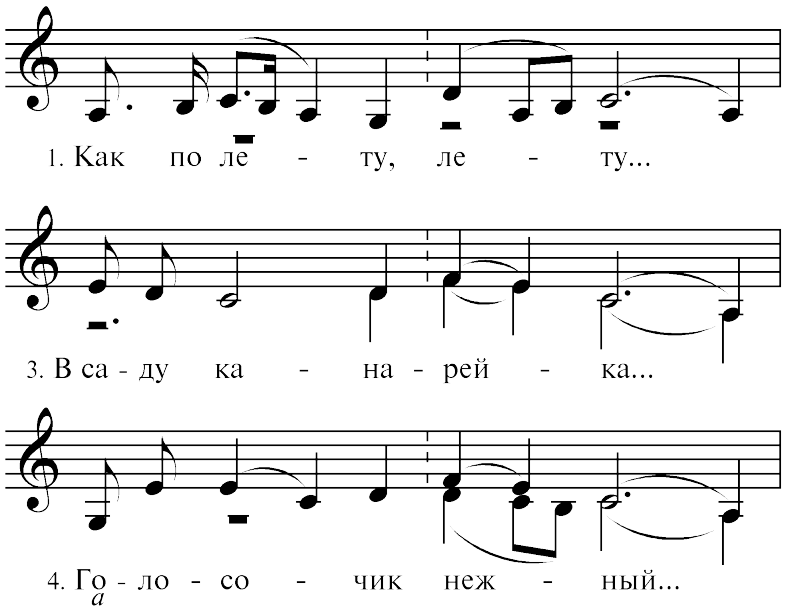
146.

По воле летает орёл молодой — д. Красный Бор. Исп. Ирина Антоновна Гольцева, 1912 г.р., (родилась в деревне Мартыново, неграмотная, на пенсии). Записали в Доме престарелых Муромского края 30 июня 2004 г. Е.В. Грудзенко, Е.М. Королёва. Руководитель группы И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1217, кассета 03, фонограмма 66. Аканье сплошное, кроме слова «мой», где спето чистое «о». См. примечание к № 127.

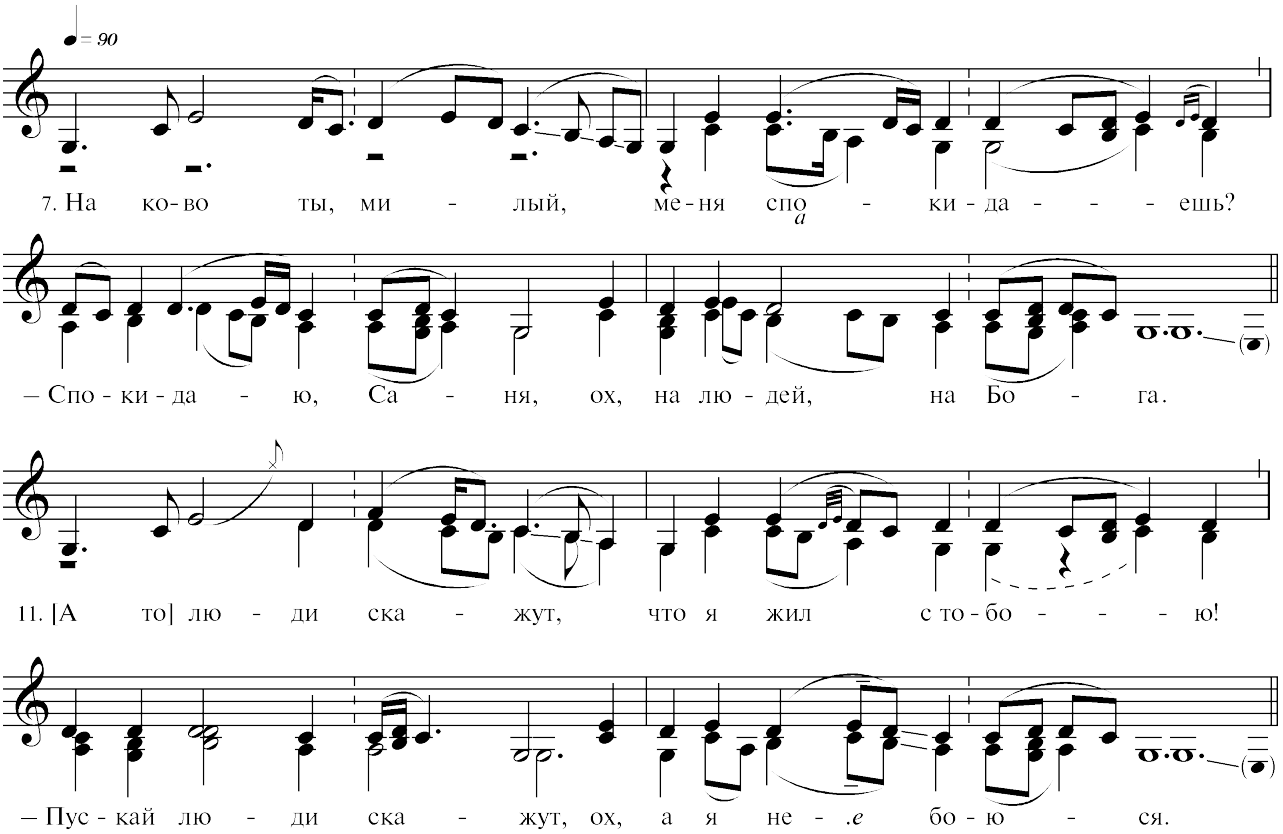
147.

Как по лету, лету, летняю порою — см. № 25. Архив ВОЦНТ 005-23, ЦРФ-Э 1080-23.

Варианты запевов данной версии:



Версии напева из других сел:

1) с. Польцо. Исполнители не указаны. Записала в апреле 1989 г. Т.В. Тихонова. Архив ВОЦНТ 006-12, архив ЦРФ-Э 1081-12.

Как по лету, лету, летнею парою,
В саду канарейка, ох, громка распевала.

Галосок унылай вдали раздаётся,
Ет, наверна, Саня, ох, с милым расстаётся.

Ет, наверна, Саня с милым расстаётся,
Расставалась Саня, ох, да самой полночи.

Да полночи, ночи, да второго часу,
Гаворила Саня, ох, патайные речи.

Гаворила Саня, ох, патайные речи:
— Куда, милай, едешь, куда уезжаешь,

Куда, милай, едешь, куда уезжаешь,
На ково ты, милай, ох, меня спакидаешь,

На ково ты, милый, меня спакидаешь?
— Спокидаю, Саня, ох, на людей, на Бога.

Спокидаю, Саня, на людей, на Бога,
На людей, на Бога, нас на свете многа.

На людей, на Бога, нас на свете многа,
Не стой перьдо мною, ох, не убливай слезою.

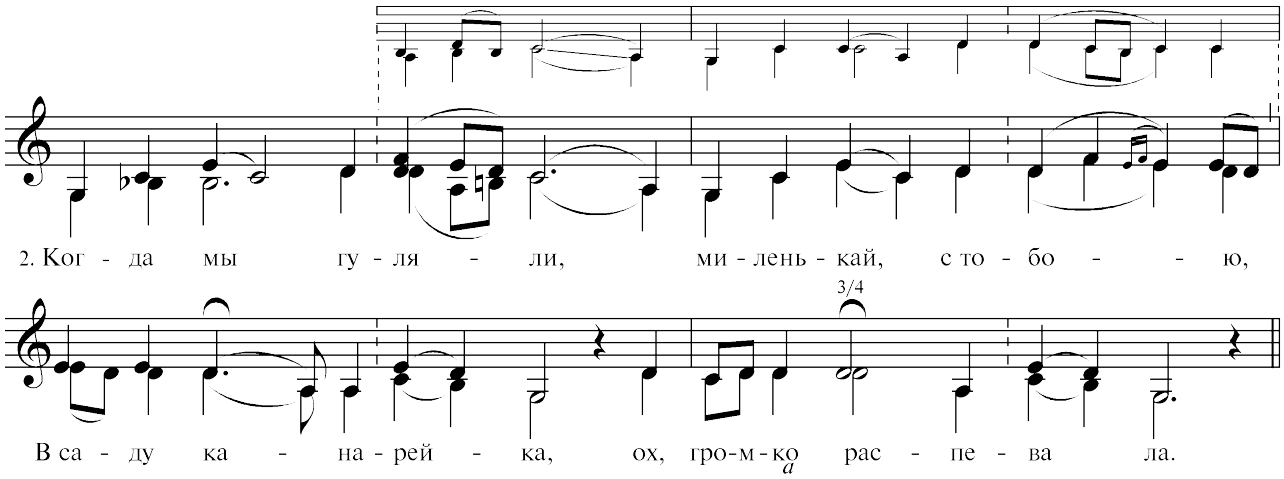
Не стой перьдо мною, не убливай слезою,
А то люди скажут, ох, что я жил с тобою.

[А то] люди скажут, что я жил с тобою!
— Пускай люди скажут, ох, а я не боюся.

Пущай люди скажут, а я не боюся,
Кого ж я любила, ох, с тем я расстаюся.

Кого ж я любила, с тем я расстаюся,
Кого ненавижу, ох, тому достаюся.

2) с. Стригино. См. № 90. ЦРФ-Э 1220, кассета 36, фонограмма 10.



Как по лету, лету, летнею порою,
Когда мы гуляли, ох, миленькай, с тобою.

Когда мы гуляли, миленькай, с тобою,
В саду канарейка, ох, громка распевала.

В саду канарейка, ох, громка распевала,
Голосочек нежный, ох, так и раздаётся.

Голосочек нежный так и раздаётся,
Эт, наверна, Саша, ох, с милым расстаётся.

Эт, наверна, Саша с милым расстаётся,
Расставалась Саша, ох, до самой полночи.

Расставалась Саша, ох, до самой полночи,
Говорила Саша, ох, другу тайны речи.

Говорила Саша другу тайны речи:
— Куда, милый, едешь, ох, куда уезжаешь,

Куда, милый, едешь, куда уезжаешь,
На ково ты, милый, ох, меня спакидаешь,

На ково ты, милый, меня спакидаешь?
— Спакидаю Сашу ох, на людей, на Бога.

Спакидаю Сашу на людей, на Бога,
На людей, на Бога, а мне путь-дорога.

На людей, на Бога, а мне путь-дорога,
Не стой перьдо мною, ох, не убливай слезою.

Не стой перьдо мною, не убливай слезою,
А то люди скажут, ой, что я жил с тобою.

А то люди скажут, что я жил с тобою!
— Пускай люди скажут, ох, а я не боюся,

Пускай люди скажут, а я не боюся,
Ково я любила, ох, с тем я расстаюся.

Ково я любила, с тем я расстаюся,
Ково ненавижу, ох, с тем и остаюся.

148.

Уродилася я эх, молода, красива — с. Татарово. Исп. Алексей Павлович Игонин, 1927 г.р. (образование семь классов), Лидия Дмитриевна Игонина, 1925 г.р. (образование пять классов). Записали летом 2004 г. Е.В. Грудзенко, Е.М. Королева. Руководитель группы И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1219, кассета 26, фонограмма 59. Литературный источник текста — стихотворение И.З. Сурикова «Сиротой я росла, как былинка в поле» (1867). Мужчина в данном дуэте исполняет верхний подголосок. Акание сплошное.

На дополнительных строках к основному нотоносцу даны мелодические варианты напева из с. Молотицы от Н. Г. Бруновой. См. № 125. ЦРФ-Э 1102-05. Приводим ниже поэтический текст этой версии:

Уродилася я э, как в поле пылинка,
Нет не матери, не отца, эх, горька сиротинка.

А нет не матери, не отца, эх, горька сиротинка,
Лет с двенадцати я по людям ходила.

Лет с двенадцати я по людям ходила,
Ночь качала я детей, день коров доила.

Ночь качала я детей, день коров доила,
Уродилася я девушка красива.

Уродилася я, эх, молода, красива,
Раскрасива да бедна, плохо я одета.

Раскрасива да бедна, плохо я одета,
Никто замуж не берёт девушку за это.

Никто замуж не берёт девушку за это,
Пойду схожу в монастырь, Богу помолюся.

Пойду схожу в монастырь, Богу помолюся,
Пред иконою святой слёзами зальюся.

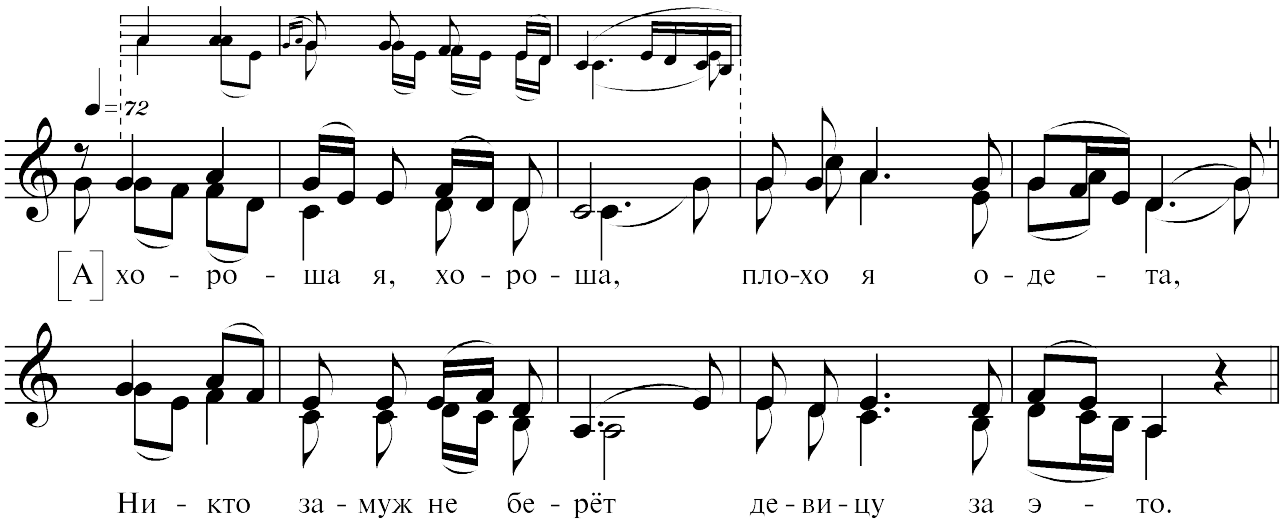
Пред иконою святой слёзами зальюся:
Не подаст ли мне Господь той доли счастливой?

Не подаст ли мне Господь той доли счастливой,
Не полюбит ли какой молодец красивый?

Не полюбит ли какой молодец красивый,
Как во тёмнаим лесу пташка распевала.

Как во тёмнаим лесу пташка распевала,
Не мое ли счастие с милым улетело.

Не мое ли счастие с милым улетело,
Воротись, счастье, назад, я буду счастлива...

Вариант напева, записанный в с. Чаадаево от Марии Сергеевны Мириной, 1934 г.р., летом 2003 г. А.А. Барсуковым, А.С. Беловой (руководитель группы И.Н. Райкова), отличается мелодическим разнообразием, что позволяет реконструировать многоголосие по сольной версии. ЦРФ-Э 1124, кассета 32, фонограмма 76:

[А] хороша я, хороша, плохо я одета,
Никто замуж не берёт девицу за это.

Никто замуж не берёт девицу за это,
Лет с двенадцати я по людям ходила.

А лет с двенадцати я по людям ходила,
Ночь качала я детей, день коров доила.

Ночь качала я детей, день коров доила,
Уродилася я, девица красива.

Уродилася я, девица красива,
Я красива да бедна, плохо я одета.

Я красива да бедна, плохо я одета,
Некто замуж не берёт, девицу за это.

Некто замуж не берёт, девицу за это,
Пойду схожу в монастырь, Богу помолюся.

Не подаст ли мне Господь той доли счастливой,
Не полюбит ли какой молодец красивый?

Не полюбит ли какой молодец красивый...

149.

Сидела Катёнычка в новай горенке она одна, эх — д. Пестенькино. Исп. Александра Вячеславовна Хайкова, 1927 г.р. (образование четыре класса, в прошлом колхозница). Записали 3 июля 2004 г. А.С. Белова, О.А. Теплухина. ЦРФ-Э 1219, кассета 32, фонограмма 15.

150.

Вот сидела Катинька поздна вечирам одна, ой — с. Татарово. Исп. Мария Владимировна Садкова, 1924 г.р. Записала в апреле 1989 г. Т.В. Тихонова. Архив ВОЦНТ 005-20, архив ЦРФ-Э 1080-20.

151.

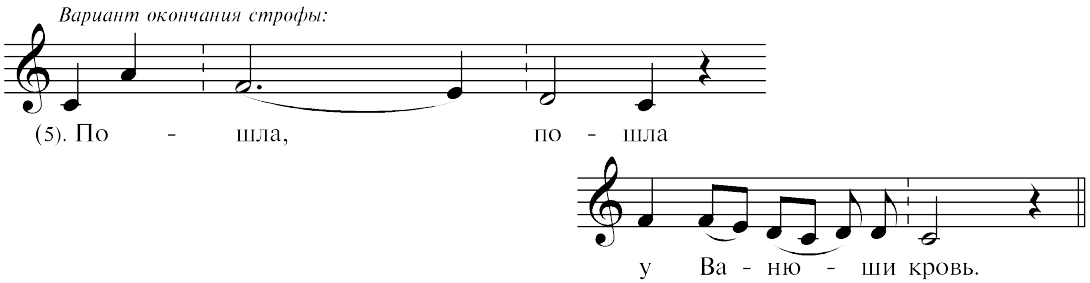
— Что ты, Маша, приуныла — см. № 72. ЦРФ-Э 1117-06, 07. Литературный источник — стихотворение И.И. Дмитриева «Что с тобою, ангел, стало» (1796). Аканье сплошное, кроме слов «соловей» [саловей] в первой строфе и «запою» во второй. В поэтическом тексте аканье снято.

152.

Болит, болит моё сердца да — с. Татарово. Исполняет дуэт (мужчина и женщина). Имена исполнителей, время записи и собиратель не указаны. Архив ВОЦНТ 007-47, архив ЦРФ-Э 1082-09.

153.

***Эх,* Посылала ды Ваню мать да** — с. Татарово. Исп. Антонина Алексеевна Садкова, 1930 г.р. Записали 2 июля 2004 г. И.В. Змеев, Н.В. Черных. Руководитель группы И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1219, кассета 31, фонограмма 30б.



154.

Посылала меня мать да — см. № 14. ЦРФ-Э 1125, кассета 41, фонограмма 438.

РОМАНСЫ И НОВЫЕ БАЛЛАДЫ

155.

Из садика, из садочка — см. № 83. Архив ВОЦНТ 005-04, архив ЦРФ 1080-04.

156.

Домик над рекою, в окнах огонёк — д. Алешунино. Исп. Алевтина Сергеевна Ексина, 1933 г. р. (родом из Горьковской обл., русская, православная, образование четыре класса, на пенсии, в прошлом сверловщица). Записали 28 июня 2004 г. О.С. Славинская, Н. А. Шкуратова. Руководитель группы И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1217, кассета 12, фонограмма 154. Аканье сплошное.

Комментерии исполнительницы: «Вот такие я песни пела — убаюкывала». На этот же напев А.С. Ексина спела балладу «В одном прекрасном месте».

157.

Мамашенька бранитса, о чём дочка грус[т]на? — с. Татарово. Исп. Алексей Павлович Игонин, 1927 г.р. (образование 7 классов). Записали летом 2004 г. Е.В. Грудзенко, Е.М. Королева.

Руководитель группы И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1219, кассета 26, фонограмма 27. Аканье сплошное.

158.

В саду ягодка малинка под закрытием росла — см. № 74. ЦРФ-Э 1334, кассета 32, фонограмма 04. Литературный источник — стихотворение В.В. Крестовского «Ванька-Ключник» (1861).

159.

Сладка ягода малина под закрытием росла — см. № 25. Архив ВОЦНТ 007-44, архив ЦРФ-Э 1082-06. См. комментарии к № 158.

160.

На берегу сидит морячка, она шелками платье шьёт — с. Борисово. Исп. Анна Ивановна Ярцева, 1925 г.р. Записали летом 2003 г. Е.В. Грудзенко, Е.М. Королёва. Руководитель группы И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1155, кассета 35, фонограмма 253. Аканье сплошное.

161.

Ах, Божи мой, какая скука! (отрывок) — см. № 101. Архив ВОЦНТ 007-13, архив ЦРФ-Э 1082-37.

162.

А вспомни, милка дорогая, как начинали мы гулять — см. № 25. Архив ВОЦНТ 007-01, архив ЦРФ-Э 1082-25. Этот напев широко известен с текстом «Последний нонешний денёчек гуляю с вами я друзья».

163.

Под веткой душистай сирени (отрывок) — см. № 101. Архив ВОЦНТ 007-22, архив ЦРФ-Э 1082-46.

164.

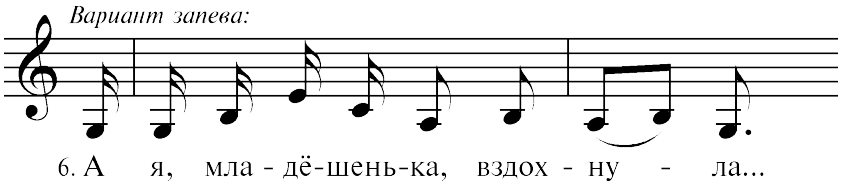
Я о прошлом ничём ни жалею — с. Борисово. Исп. Анна Ивановна Ярцева, 1925 г.р. Записали летом 2003 г. Е.В. Грудзенко, Е.М. Королёва. Руководитель группы И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1155, кассета 35, фонограмма 247. Аканье сплошное.

165.

Голова ты моя удалая — см. № 111. ЦРФ-Э 1122, кассета 12, фонограмма 37. Аканье сплошное.

166.

Гуляла я в садочки, гуляла в зиленом — д. Хоробрицы. Исп. Нина Алексеевна Ермакова, 1929 г.р., (местная, сейчас проживает в с. Борис-Глеб). Записали 2 июля 2003 г. С.Ю. Власова, М.М. Горшков. ЦРФ-Э 1117-09, 1116-14.

Лирическая песня малораспевной формы. Вероятно, литературного происхождения, так как текст песни часто встречается в песенниках второй половины XVIII — начала XX века. По словам исполнительницы, песню пели «в лугах, когда водили хороводы».

167.

Мамашенька бранится, об чём дочка грустна? — с. Борисово. Исп. Анна Петровна Капралова, 1930 г.р., (среднее образование, на пенсии, в прошлом колхозница), Анна Васильевна Сельцова, 1926 г. р. (начальное образование, на пенсии, в прошлом колхозница). Записала 2 июля 2003 г. И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1125, кассета 41, фонограмма 415.

168.

Пошла Лиза по грибочки — с. Татарово. Исп. Екатерина Тимофеевна Каманина, возраст не указан. Записала в апреле 1989 г. Т.В. Тихонова. Архив ВОЦНТ 006-01, ЦРФ-Э 1081-01. Лирическая песня малораспевной формы, возможно функционировала как хороводная.

169.

Как на тою было на долини — см. № 46. ЦРФ-Э 1123, кассета 29, фонограмма 300. Лирическая песня малораспевной формы, приуроченная к Троице. Комментарии исполнительницы: «Эту песню я давно знаю. Когда работали в колхозе, эту песню пели женщины. Это в войну было, и вот я ее запомнила».

170.

Уж ты вох... воля моя, воля, во... воля малодая — см. № 25 Архив ВОЦНТ 005-19, архив ЦРФ-Э 1080-19. Лирическая песня малораспевной формы, возможно функционировала как хороводная.

171.

Над Невою дым клубится — см. № 25. Архив ВОЦНТ 008-05, архив ЦРФ-Э 1082-19.

172.

Мамашенька бранится, об чём дочка грус[т]на? — см. № 129. Архив ВОЦНТ 006-09, архив ЦРФ-Э 1081-09.

173.

В Кастроме Маша, эх, родилась — см. № 138. ЦРФ-Э 1334, кассета 03, фонограмма 21.

Комментарии исполнительницы: «У нас отец был песельник. И мать тоже, голос хороший. А тётка какая была! Ну и брат в милиции работал. Тоже какой песельник! Все [люди на улице] кричали: “Сирки́ идут, Сирки́! Какие у всех голоса!” — А я вот всех схоронила...»

Более полный текст приводим ниже по варианту из с. Молотицы. См. № 125. ЦРФ-Э 1102-21.

В Кастроме Маша родилась,
В сла... эх, в славном городе она росла.
Во деревню жить она попала,
Ей казалася: тюрьма.

Ей казалася: тюрьма,
Ой, ты вспомни, милай, мой хорошай,
На... нашу прежнею любовь.

Как с тобой мы убещали
Ввечно друг друга любить,
Эх, а теперя что случилось,
В о... в один час ты мог изменить.

Изменил свящённую клятву,
Са... сам женился, на другой,
Сам женился — разженился,
Сорок тысяч патерял.

Патерявши сорок тысяч,
Не по мысли жену взял.

Не по мысли, не по нраву,
Всему роду не мила.

Не по мысли, не по нраву,
Всему роду не мила:
Всему роду, всему взводу (?),
Все... всем товарищам-друзьям.

174.

Полна солнца, да по... э-ох, полна красна да (отрывок) — см. № 58. Архив ВОЦНТ 007-32, архив ЦРФ-Э 1082-56.

175.

Эх, полна солнца, ох да полна красна, да — см. № 25. Архив ВОЦНТ 008-01, архив ЦРФ-Э 1082-15.

176.

Канарейка да во... вольна пташка — с. Татарово. Исполнитель, время записи и собиратель не указаны. Архив ВОЦНТ 007-48, архив ЦРФ-Э 1082-10.

177.

Потеряла я колечко, потеряла я любовь — см. № 74. ЦРФ-Э 1334, кассета 32, фонограмма 13. Литературный источник — стихотворение лубочного происхождения «Колечко» (1893 г., автор неизвестен).

178.

Потеряла я колечка, потеряла я любовь — см. № 148. ЦРФ-Э 1219, кассета 26, фонограмма 62. См. также комментарии к № 177. Резюме исполнителей по окончании песни: «Он оставил её, она родила малютку... Пойдёт топиться она». Аканье сплошное.

179.

Зелёнай дубочик на яр павалился — см. № 129. Архив ВОЦНТ 006-10, архив ЦРФ-Э 1081-10.

180.

Уж вы звезды, звездачки, полна-те сиять — см. № 25. Архив ВОЦНТ 005-18, архив ЦРФ-Э 1080-18.

181.

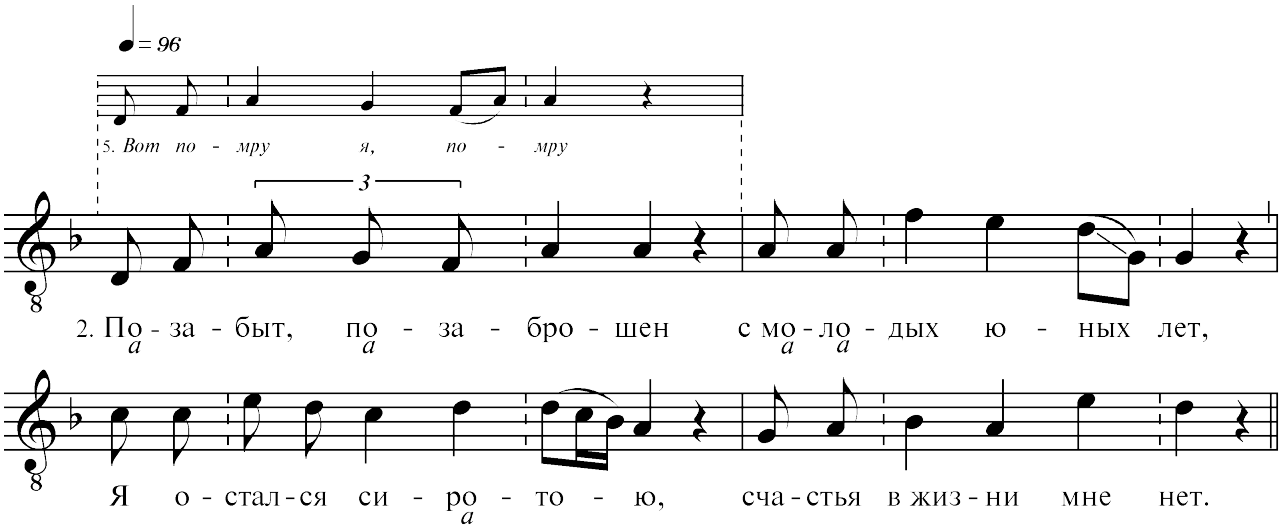
Звёзды мои, звёздочки, будет вам сиять — с. Польцо. Исп. Лидия Алексеевна Моисеева, 1938 г.р. (образование среднее, в прошлом продавец). Записали летом 2004 г. С.В. Лебедева, И.М. Борисова. Руководитель группы И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1216, кассета 08, фонограмма 19. Аканье сплошное.

Комментарии исполнительницы: «Много песен-то... Раньше с дедушкой всё пела, дедушка был старый. В какем он году? В шестьдесят первом умер. Ёму, чай, уж восемьдесят четыре было. Вот придёт, посадит меня, вот и пел. И остались одны воспоминания. Некоторые маленько вот запомнила».

182.

По песку течёт река, а по речке лодка — д. Мишино. Исполнитель не указан. Записали 29 июня 2004 г. А.С. Белова, О.А. Теплухина. Руководитель группы В.Е. Добровольская. ЦРФ-Э 1219, кассета 33, фонограмма 11.

183.

Как в саду при долини громка пел саловей — см. № 129. Архив ВОЦНТ 006-04, архив ЦРФ-Э 1081-04. Аканье сплошное, кроме слова «саловей». Приводим также сольный вариант напева из с. Загряжское. См. № 18. ЦРФ-Э-1220, кассета 41, фонограмма 65:

Как в саду при долини громко пел саловей,
А я, мальчик, на чужбини позабыт от людей.
Позабыт, позаброшен с молодых, юных лет,
Я остался сиротою, счастья в жизни мне нет.
Счастья нет и не надо, без него проживу,
И родного уголочка я нигде не найду.
Вот нашёл уголочек, да и он был сырой,
И оттуда вагоняют, говорят, что чужой.
Вот помру я, помру, похоронют меня,
И родные не узнают, где могилка моя.
На могилку мою, знать, никто не придёт,
Толька раннею весною соловей пропоёт.
Пропоёт и просвищет, и опять улетит,
А моя-то всё могилка одиноко лежит.

184.

Из прогона ветер дует, кошелёк пустой гремит — см. № 167. Записала 2 июля 2003 г. И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1125, кассета 41, фонограмм 406. Аканье сплошное.

185.

[Во кармане ветер воет, кошелёк пустой звенит…] — см. № 148. ЦРФ-Э 1219, кассета 26, фонограмма 29.

186.

Где ети лунные ночи, где ето пел соловей?— см. № 25. Архив ВОЦНТ 006-02, архив ЦРФ-Э 1081-02. Аканье сплошное.

187.

Яркой зарёй озарило тот старый кладбищенский двор — см. № 75. ЦРФ-Э 1219, кассета 31, фонограмма 33.

188.

Я вспомню парк, где мы гуляли, там есть беседка у пруда — см. № 3. ЦРФ-Э 1118 — 23. Аканье сплошное.

Комментарии исполнительницы: «Это давнишняя песня, не плясовая. А вот ходили по улицы, пели. Становились в ряды — человек по шесть, по восемь. Подцеплялись под руки — ряда в два, в три. Когда сколько — девушки, молодые женщины, и ходили по улицы. Тихонько идут и поют. ...Это давнишние песни, не нашего времени!»

189.

Полночь, уж полночь пробило давно — см. № 75. ЦРФ-Э 1217, кассета 16, фонограмма 190.

190.

Морям еду, веслом правлю — см. № 25. Архив ВОЦНТ 008-06, архив ЦРФ-Э 1082-20.

Приводим более полный текст по варианту напева, записанному в с. Татарово в 2004 г. экспедицией ГРЦРФ. См. № 148. ЦРФ-Э 1219, кассета 26, фонограмма 45:

Морям еду, веслом правлю,
Эх, поправляю, направляю.
Платком слёзы ватираю,
Эх, ты не плачь, душа Анюта.
Ты не плачь, душа Анюта,
Нам осталась жить минута.
Нам осталась жить минута,
Эх, минутычка часовая.
Минутычка часовая,
Эх, нам разлука вековая.
Нам разлука вековая,
Эх, разлучают злые люди.
Разлучают злые люди,
Эх, как малюточку от груди.
Как малюточку от груди,
Эх, от грудинки, от белою.
От грудинки, от белою,
Эх, расстаётся лёд с водою.
Расстаётся лёд с водою,
Эх, а мы, миленький, с тобою.
А мы, миленький, с тобою,
Эх, лёд с водою опять сольётся.
Лёд с водою опять сольётся,
Ой, а нам, милый, не придётся.

191.

Катенька, Катюша, купеческа дочь — с. Борисоглеб. Исп. Александра Михайловна Киселева, 1929 г.р., Мария Николаевна Винокурова, 1930 г.р. Записали летом 2003 г. А.А. Барсуков, А.С. Белова. Руководитель группы И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1122, кассета 16, фонограмма 31.

192.

В одном красивом мести, на берегу реки — см. № 182. ЦРФ-Э 1219, кассета 33, фонограмма 14.

193.

Мамашенька бранится, о чём дочка грустна? — см. № 125. ЦРФ-Э 1102-10.

194.

Сама садик я садила, сама буду паливать — см. № 8. Записала 4 июля 2003 г. И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1125, кассета 42, фонограмма 484.

195.

Во ненастнаю погоду я гуляла по лугам — см. № 3. ЦРФ-Э 1119-03. Аканье сплошное.

196.

О, Боже мой, какая скука! — см. № 74. ЦРФ-Э 1334, кассета 32, фонограмма 08. Исполнительница считает песню застольной.

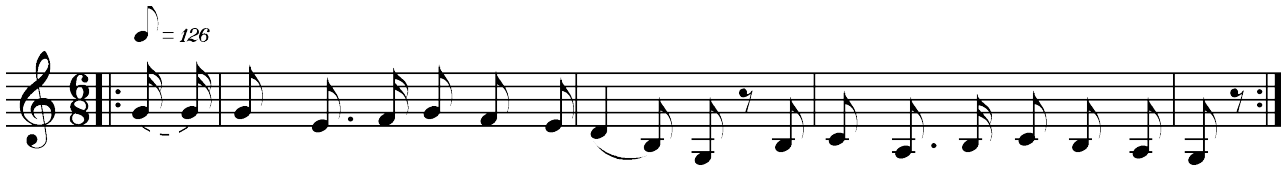
197.

Я вспомню те юные годы — см. № 25. Архив ВОЦНТ 008-09, архив ЦРФ-Э 1082-23.

Приводим более полный текст по варианту напева, записанному в с. Татарово в 2004 г. экспедицией ГРЦРФ. См. № 75. ЦРФ-Э 1219, кассета 31, фонограмма 31:

Я вспомню те юные годы, когда малолеткой была,
Красотою была одарёна и в мире как роза цвела. /2/

Родные меня все любили, мальчишки гонялись за мной.
Семнадцать мне лет миновало, и что же случилось со мной? /2/
Гуляли мы с милым по роще, мечтали об верной любви.
Потом я на землю упала, шептала: «Мой милый, люби!» /2/
Вдруг, как молния, ярко блеснуло с руки мне милого кольцо.
Домой я пошла торопливо, а дождик мне резал в лицо. /2/
Смочила я белое платье, пока до крылечка я шла.
Снимала я белое платье, в постель я ложилась бледна. /2/
А утром я всех раньше вставала, к себе я милого ждала.
Нечаянно окно отворила, а друга везут от венца. /2/
Невеста нисколько не лучше, такая же бле́дна, как я,
Но только шикарно одета — должно быть, богаче меня. /2/
Нечаянно дверь отворилась, заходит подруга моя:
— Ах, здравствуй, почтенная Нюра, сейчас я на свадьбе была. /2/
Там весело все танцевали и громко кричали: «Ура!»
И тут же у Нюры на сердце тяжелая пуля легла. /2/
Ее хоронили в той роще, где милый ей клятву давал,
Сажал он её на колени, своею женой называл: /2/
«Прости ты, прости, дорогая, прости, дорогая моя!»
«Тебя я, мой милый, прощаю, но Бог не простит никогда!»

Одностиховой вариант напева записан в с. Молотицы. См. № 86. ЦРФ-Э 1105-06:

Я вспомню те юнаи годы, когда малолеткой была:
Красотой я была одарёна и в мире как роза цвела.
Красотой я была одарёна и в мире как роза цвела.
Родныя меня все любили, мальчишки гонялись за мной,
Семнадцать мне лет миновало, и что жа случилось со мной,
Семнадцать мне лет миновало, и что жа случилось со мной?
Гуляли мы с милам по рошше, а дожжик хлестал нам в лицо,
Смочило на мне всё до нитки, едва я вбежала в крыльцо.
Тихонько я дверь утворила и в комнату спальну зашла,
Скидовала я мокрыя платья, ложилась в постелю одна.
А утром всех раньше вставала — к себе жениха я ждала,
Случайна в окошко взглянула: его уж вёзут ут венца.
Летела неверныя пуля, невести на сердце легла.
Не сколь бы не жалко злодея, но жаль, что она умерла.

198.

Разбушевалася погода — см. № 72. ЦРФ-Э 1117-01,02. Аканье сплошное.

199.

Ветер дальний прохладою веял — см. № 75. ЦРФ-Э 1219, кассета 31, фонограмма 35.

200.

На рыбалке взросла и увяла — с. Чаадаево. Исп. Александра Ивановна Акимова, 1926 г.р. Записали летом 2003 г. А.А. Барсуков, А.С. Белова. Руководитель группы И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1122, кассета 18, фонограмма 01.

201.

Вспомни-ка, милая, ветви тенистые, ивы над сонным ручьём — см. № 156. ЦРФ-Э 1220, кассета 48, фонограмма 163.

202.

На островах охотник целый день гуляит — см. № 3. ЦРФ-Э 1119-05.

203.

В островах охотник целый день гуляит — см. № 86. ЦРФ-Э 1105-07.

БАЛЛАДЫ

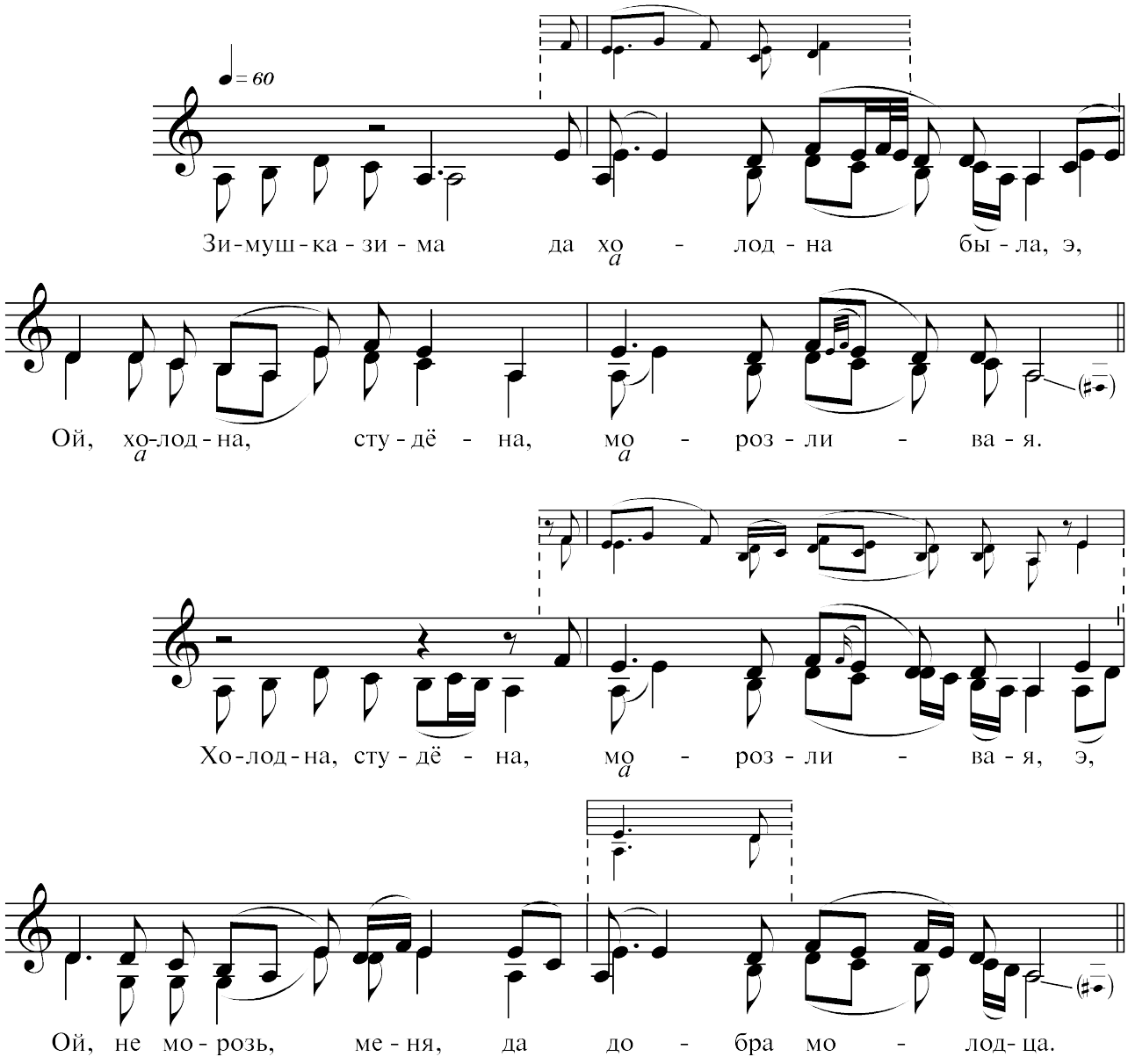
204.

Ехал мужик с поля, за угол задел, э — см. № 72. ЦРФ-Э 1117-08, 1109-45 (сольный вариант от А. А. Бурмаковой). Почти везде — аканье в безударных «о», кроме 16-17 строфы — в слове «пойду» артикулируется «о».

Приводим нотный образец, в котором многоголосие реконструировано на основе двух близких версий напева:

1) д. Барановка, а/ц Молотицы. Исп. Анна Сергеевна Сорокина, 1936 г.р. Записали 26 июня 2003 г. С.Ю. Власова, М.М. Горшков. ЦРФ-Э 1103-21.

2) с. Борисово. См. № 184. ЦРФ-Э 1125, кассета 41, фонограмма 405.

В этих версиях баллада начинается со слов «Зимушка-зима холодна была».

205.

Зимушка-зима, эх, халодна была она, эх — см. № 33. ЦРФ-Э 1121, кассета 01, фонограмма 03.

206.

Зимушка-зима, эх, холодна зима была, э — см. № 74. ЦРФ-Э 1334, кассета 32, фонограмма 11. Певице было тяжело исполнять балладу с цепным повтором текста (цепной повтор прерывается после третьей строфы) и она стала сокращать, несколько раз сообщив об этом собирателям: «Я не буду боле повторять, тяжело... так разберётесь».

Полный вариант текста реконструирован:

Зимушка-зима, эх, холодна зима была, э,
мо... морозливая.

Холодна была, ой, морозливая, ой,
Как с мужам жена не... не в ладу жила.

Как с мужем жена, эх, ни в ладу жила, э,
Ни в ладу жила да ой, мужа и... извела.

[Ни в ладу жила, ох, мужа извела, э-о,
В зеленом саду да ой, мужа повесила].

В зеленом саду мужа повесила, э-о,
Повесимши мужа, пришла ко двору.

[Повесимши мужа, эх, пришла ко двору, э,
Пришла ко двору да се... села на скамью].

Пришла ко двору, села на скамью,
Села на скамейку да го... горька плакыла она.

[Села на скамью], а горька плакала, э:
«Распроклята жисть да с чу... с чужим мужем жить.

[Распроклята жисть да с чужим мужем жить, э,
С чужим мужем жить — добра не... не нажить].

С чужим мужем жить — добра не нажить,
Добра не нажить да ве... век подлянкой быть.

Век подлянкой быть, пойду в зелен сад,
Пойду в зелен сад до... домой мужа маго звать:

— Пойдём, муж, домой, пойдём, голубчик мой,
Чай, накушался сочных яблочек.

Чай, накушался, эй, сочных яблочек,
Чай, наслушался вольных пта... пташечек».

207.

Как люди живут, как цвяты цвятут, эх (отрывок) — см. № 25. Архив ВОЦНТ 007-40, архив ЦРФ-Э 1082-02.

Поскольку в Муромском крае удалось зафиксировать балладу не полностью, приводим варианты текста с аналогичным напевом, записанные в Гороховецком районе Владимирской области — см.: Традиционная культура Гороховецкого края. Т. 2. М., 2004. С.147—148, 150—151.

1) № 146 — д. Золотово (сняты цепные повторы строк):

...С кем веду совет, да ни с кем правды нет.
Ты воспой, воспой, да жевороночек.
Ты воспой весной да на приталинке,
На приталинке да на пригревинке.
Ты подай голос да через тёмнай лес.
Через тёмнай лес да через сырай бор.
Ты подай голос да отцу-ту с матерью.
Сын купеческай,
Он не год сидел и не два года.
Он сидел да сидел ровно десять лет.
На десятый год стал письмо писать,
Он писать да писать отцу с матерью.
Отец с матерью не призналися,
Не признались, отказалися:
«Как у нас в дому, в роду воров не было,
Воров не было, разбойников».
Он писать да писать молодой жене.
Молода жена письмо приняла,
Распечатала, горько плакала.

1) № 148 — с. Фоминки

...С кем совет веду, да ни с кем правды нет, эх,
Кину-брошу мир, поеду в монастырь.
Пойду в монастырь монашкою быть,
Монашкою быть, монашкам служить....

208.

Ты воспой, воспой, жавороночек (отрывок) — д. Нула. Исп. Зинаида Ильинична Широкова, 1936 г.р. (образование среднее, в прошлом колхозница), Валентина Ивановна Глебова, 1932 г.р. (местная, русская, православная, образование начальное, в прошлом колхозница), Галина Федоровна Быкова, 1945 г.р. (образование среднее, в прошлом колхозница). Записала И.Н. Райкова летом 2004 г.. ЦРФ-Э 1218, кассета 24, фонограмма 23.

209.

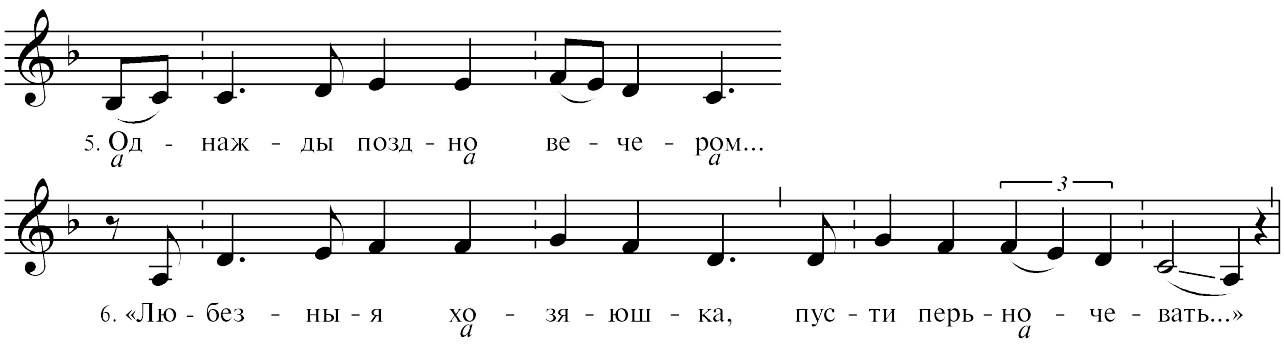
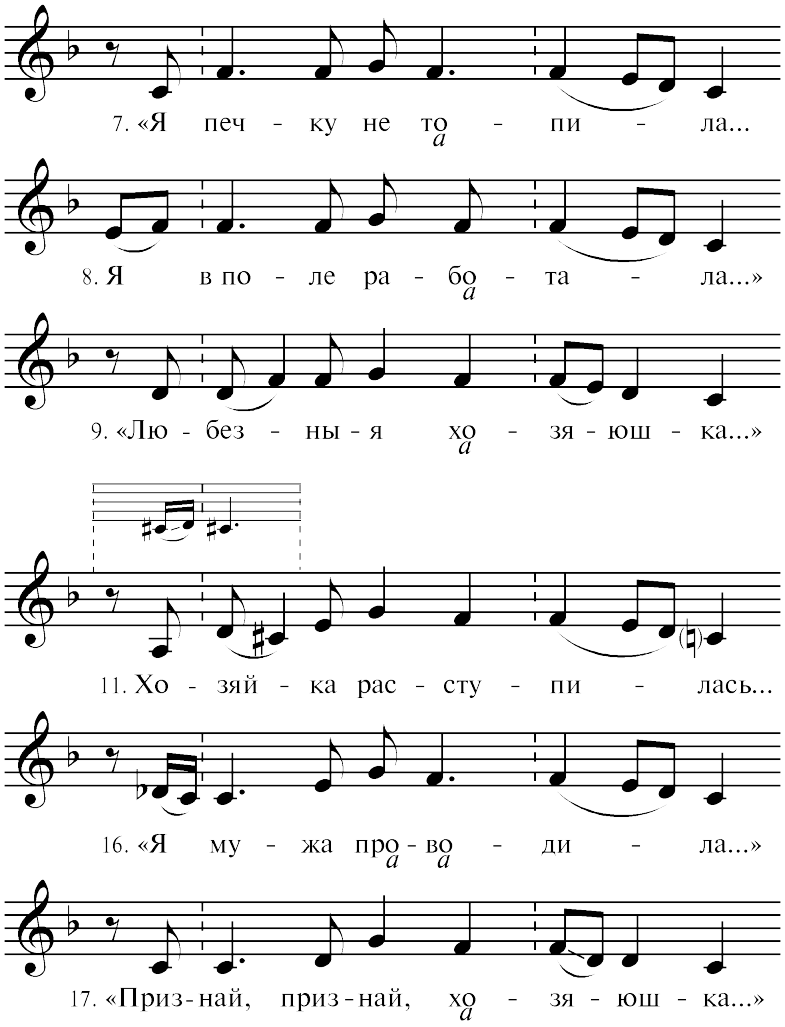
Поехал милай на битву — см. № 81. Архив ВОЦНТ 006-15, архив ЦРФ-Э 1081-15.

210.

Светит, светит со[л]нце за тёмные леса — см. № 111. ЦРФ-Э 1122, кассета 12, фонограмма 26. Аканье сплошное.

211.

Закатилось со[л]нце за этыи поля — см. № 191. ЦРФ-Э 1122, кассета 16, фонограмма 26. Аканье сплошное.

Варианты запевов:

ДУХОВНЫЕ СТИХИ

212.

Жил-был князь Владимер — д. Борок. Исп. Анна Алексеевна Горожанова, 1919 г.р. (местная, образование начальное). Записали 26 июня 2004 г. И.В. Змеев, Н.В. Черных. Руководитель группы И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1216, кассета 05, фонограмма 08.

213.

[Хо]дила Никола — д. Борок. Исп. Анна Васильевна Самохина, 1925 г. р. (местная, старообрядка, образование среднее неполное, на пенсии, в прошлом колхозница). Записали 26 июня 2004 г. О.В. Жукова, Н.В. Точилина. Руководитель группы И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1216, кассета 04, фонограмма 30.

По словам исполнительницы, этот стих петь «когда хочешь можно. Хоть упокойнику можно. Николы два праздника — зимний и летний».

РЕЛИГИОЗНЫЕ СТИХИ

214.

[Услы]ши, о Боже, моление моё — см. № 56. ЦРФ-Э 1123, кассета 29, фонограмма 315.

215.

Минута горькая настала, мама милая, прости — с. Польцо. Исп. Таисия Андреевна Михеева, 1938 г.р. (образование среднее, родом из с. Михайловки, на пенсии, в прошлом

колхозница), Наталья Ефимовна Ильичева, 1918 г.р. (образование начальное, на пенсии, в прошлом колхозница) и Валентина Федоровна Сарайкина, 1935 г.р. (образование среднее специальное, на пенсии, в прошлом бухгалтер). Запись сделана 26 июня 2004 г. О.В. Жуковой, Н.В. Точилиной, И.В. Змеевым, Н.В. Черных. Руководитель группы И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1216, кассета 09, фонограмма 43; дубль записи — ЦРФ-Э 1216, кассета 05, фонограмма 34.

216.

Не унывай, не унывай, душа моя — д. Саванчаково. Исп. Полина Кузминична Зиновьева, 1926 г.р., в окрестных селах «читает по покойникам». Записали 2 июля 2003 г. С.Ю. Власова, М.М. Горшков. ЦРФ-Э 1117-35.

217.

Здесь духовная беседа, пришли душу пасетить — д. Борок. Исп. Анна Васильевна Самохина, 1925 г. р. (старообрядка, образование среднее неполное, на пенсии, в прошлом колхозница). Запись сделана 26 июня 2004 г. О.В. Жуковой, Н.В. Точилиной. Руководитель группы И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1216, кассета 04, фонограмма 20.

218.

Об щем скорбеть, об щем кружиться? Об щем слёзы проливать? (отрывок) — д. Новое Ратово. Исп. Наталья Дмитриевна Епифанова,1921 г. р. (в прошлом колхозница, образование начальное), Антонина Николаевна Голубева,1932 г. р., (приехала с Урала 40 лет назад, в прошлом колхозница, образование среднее). Записали летом 2004 г. С.С. Васина, О.А. Дементей. Руководитель группы В.Е. Добровольская. ЦРФ-Э 1220, кассета 41, фонограмма 24.

Комментарии исполнительницы: «Это Господа Бога просишь».

219.

Прошу тебя, угодник Божий — с. Польцо. Исп. Таисия Андреевна Михеева, 1938 г.р. (родом из с. Михайловки, образование среднее, на пенсии, в прошлом колхозница). Запись сделана 26 июня 2004 г. О.В. Жуковой, Н.В. Точилиной, И.В. Змеевым, Н.В. Черных. Руководитель группы И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1216, кассета 05, фонограмма 36; дубль записи — ЦРФ-Э 1216, кассета 09, фонограмма 45.

220.

Вот скоро наступит мой праздник — см. № 213. ЦРФ-Э 1216, кассета 09, фонограмма 33.

221.

Миру заступница, Матерь Всепетая — д. Межищи. Исп. Валентина Ивановна Антонова, 1928 г.р. (переехала в д. Межищи из с. Занино в 1972 г., малограмотная, работала кладовщиком, сейчас на пенсии). Записали 28 июня 2005 г. Е.А. Волкова, Т.С. Наумова. Руководитель группы И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1334, кассета 20, фонограмма 127.

Комментарии исполнительницы: «Это “Миру заступнице” поют, когда кисель-то заключительный [подают на поминках]. Кисель самый последний, поют ‘Заступницу’. И конец. Из-за стола можно вылезать, похреститься, помолиться и выходить...»

Текст исполнительница забыла, вспоминает с трудом, путает:

...Тово я не оставлю, тово я не покину — кто призывает Меня.
В ско́рбех душа изнывает, бессильна, измучена в жизни гульбой.
Я пред Тобою, Матерь Всепетая, я пред Тобою с мольбой.
Знаю силу иконы и знаю я милыть твою. (?)
Я пред Тобою, Матерь Всепетая, я во слезах предстою.
Ты сможешь утешать горести и радость душевную дать
Утоли мне печаль безутешнаю и помоги мне, любя,
Скоро услышишь меня, многогрешнаю, того молю Тя... — «видишь, маленько не так: уж давно не пели, сама забыла...»

222.

Господь с учениками из храма выходит — д. Барановка. Исп. Анна Сергеевна Сорокина, 1935 г.р. Записала 26 июня 2003 г. С.Ю.Власова. ЦРФ-Э 1104-09. Исполнительница поет по тексту, переписанному в рукописной тетради.

223.

Во святом была во гради, и во И[е]русалиме — с. Борисово. Исп. Нина Гагарина, 1925 г.р. Записали летом 2003 г. Е.В. Грудзенко, Е.М. Королёва. Руководитель группы И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1121, кассета 04, фонограмма 434.

Тот же религиозный стих зафиксирован в д. Саванчаково, а/ц Прудищи. Исп. Полина Кузминична Зиновьева, 1926 г.р., в окрестных селах «читает по покойникам». Записали 2 июля 2003 г. С.Ю. Власова, М.М. Горшков. ЦРФ-Э 1117-28. От П.К. Зиновьевой записаны на этот же напев ещё несколько стихов: «Крест тяжелый», «Сейчас хожу я возле дома», «Поверь, настанет жизнь иная», «Все вы братья мои, сёстры».

224.

Минута горькая настала, мама милая, прости — д. Барановка. Исп. Клавдия Ивановна Данилова, 1913 г.р., Антонина Ивановна Солдатова, 1930 г.р. Записала 26 июня 2003 г. С.Ю. Власова. ЦРФ-Э 1104-18.

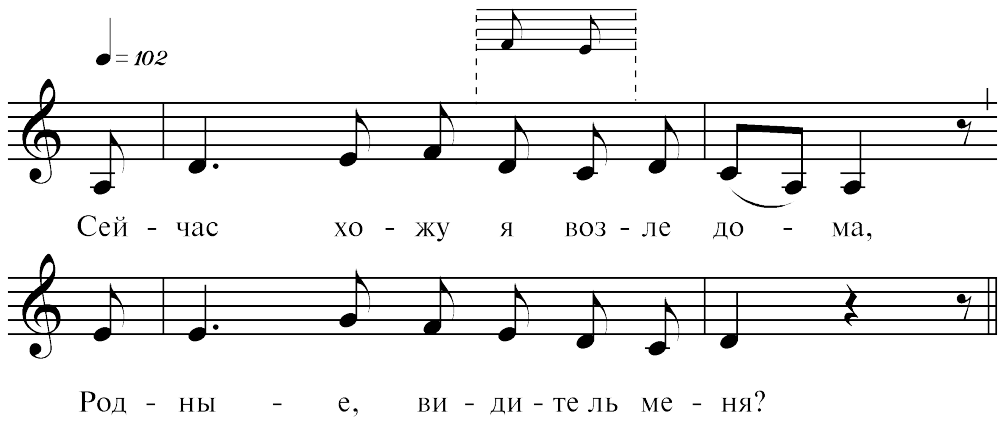
На этот же напев был записан стих «Здесь духовная беседа» в д. Климово. Исп. Зинаида Сергеевна Шметакова, 1925 г.р. (жила в Московской области, в прошлом колхозница, образование среднее). Записали 2 июля 2005 г. О.В. Жукова, С.В. Просина. Руководитель группы И.Н. Райкова. ЦРФЭ 1333, кассета 35, фонограмма 202.

225.

Хожу, хожу я возле дома — с. Татарово. Исп. В.Ф. Садкова, 1938 г.р., В.Н. Савинова, 1938 г.р., В.И. Присадкова, 1937 г.р. Записали 1 июля 2004 г. Е.В. Грудзенко, Е.М. Королева, И.В. Змеев, Н.В. Черных. Руководитель группы И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1218, кассета 18, фонограмма 09; дубли записи — ЦРФ-Э 1217, кассета 16, фонограмма 194; 1218, кассета 23, фонограмма 28. Аканье сплошное.

Напев предваряется комментариями: «Когда поминают покойника, у нас поют эту песню перед киселём... Подают кисель на стол и вот поют этот стих ...Это не молитва, она как песня, как прощальный стих. На всех поминках». Далее следует начальный фрагмент стиха-молитвы «На всех солнце светит» (см. № 232) выполняющий функцию своеобразного «зачина», а затем, без перерыва — стих «Хожу, хожу я возле дома».

Вариант напева записан в д. Климово. Исп. Зинаида Сергеевна Шметакова, 1925 г.р. (жила в Московской области, в прошлом колхозница, образование среднее). Записали 2 июля 2005 г. О.В. Жукова, С.В. Просина. Руководитель группы И.Н. Райкова. ЦРФЭ 1333, кассета 35, фонограмма 200:



226.

Миру заступница, Матерь Всепетая — с. Мартыново. Исп. Антонина Яковлевна Колотухина, 1926 г.р. (родилась в с. Боровицы, образование начальное, бывшая доярка). Записали 30 июня 2004 г. Е.В. Грудзенко, Е.М. Королёва. Руководитель группы И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1217, кассета 03, фонограмма 79.

227.

Миру заступница, Матерь Всепетая — с. Борисово. Исп. Нина Гагарина, 1925 г.р. Записали летом 2003 г. Е.В. Грудзенко, Е.М. Королёва. Руководитель группы И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1121, кассета 04, фонограмма 433.

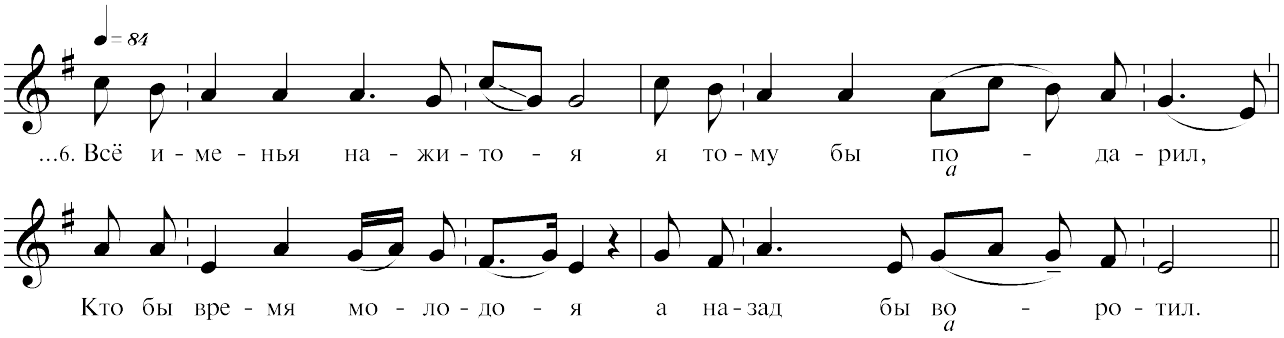
228.

Там ясно со[л]нца, ай, закаталася — д. Молотицы. Исп. Марфа Фроловна Ильина, 1909 г.р. Пела в сельской церкви на клиросе. Записала 26 июня 2003 г. С.Ю. Власова. ЦРФ-Э 1107-15. Исполнительница сообщает, что стих пели только на поминках, «на покойника», напев его «не церковный».

229.

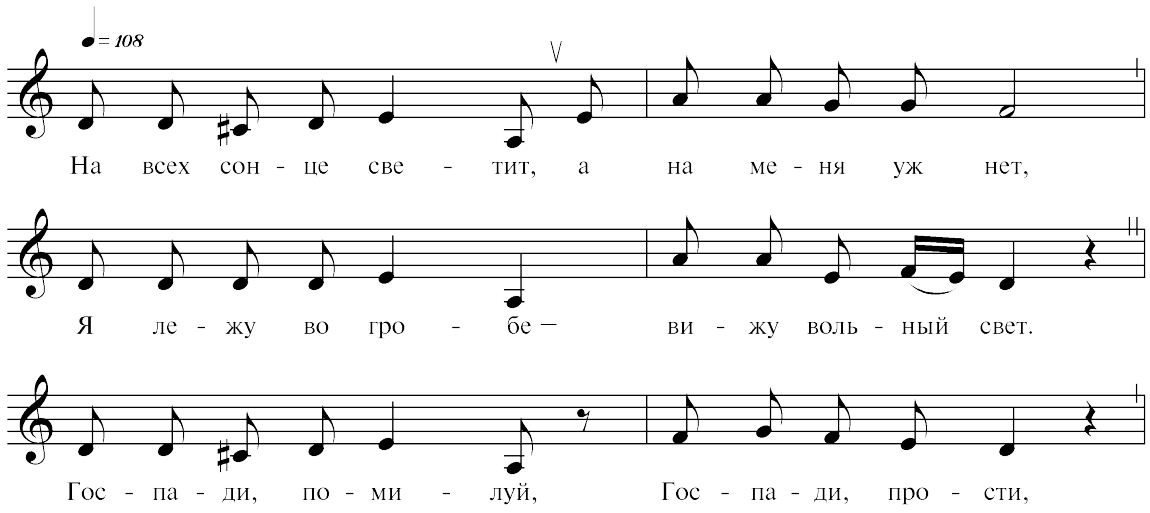
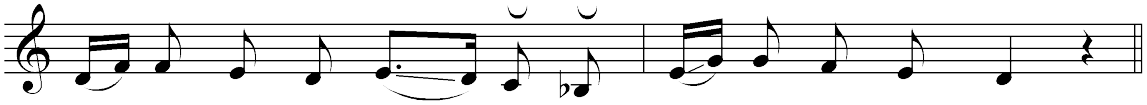
Незаметна век проходит, как во сне был малодой — с. Татарово. Исп. Нина Ивановна Июнина, 1935 г.р. Записали 3 июля 2004 г. О.С. Славинская, Н.А. Шкуратова. Руководитель группы И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1219, кассета 29, фонограмма 88.

Комментарии исполнительницы: «Этих святые поют, когда отпевают».

В квадратных скобках текст восстановлен по версии из с. Польцо. Исп. Таисия Андреевна Михеева, 1938 г.р. (образование среднее, родом из с. Михайловки, на пенсии, в прошлом колхозница). Записали 26 июня 2004 г. О.В. Жукова, Н.В. Точилина, И.В. Змеев, Н.В Черных. Руководитель группы И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1216, кассета 09, фонограмма 44, дубль записи — ЦРФ-Э 1216, кассета 05 фонограмма 35. Фрагмент напева из с. Польцо приведен ниже:

230.

На всех солнце светит, на меня уж нет — см. № 216. ЦРФ-Э 1216, кассета 09, фонограмма 41; дубль записи — ЦРФ-Э 1216, кассета 05, фонограмма 33.

Вариант этого стиха записан в д. Межищи. См. № 221. ЦРФ-Э 1334, кассета 20, фонограмма 128.



На всех сонце светит, а на меня уж нет,
Я лежу во гробе — вижу вольный свет.
Госпади, помилуй, Госпади, прости,
Памоги мне, Госпади, в этат путь идти!

Исполнительница спела первую строфу. Далее текст духовного стиха читает по рукописной тетради один из собирателей:

Глаза я закрыла: прощай, белый свет!
Мне одна дорога — идти на тот свет.
Крышка уж не давит, и не теснит доска,
В скорби все умолкли, отошла тоска.
Мне вырыта могила в лютой тишине,
Не плачьте, родные, очень тяжко мне.
Широкий и глубокий выроют приют,
Пред последним часом «Вечность» пропоют.
Лежу я спокойно, без мирских тревог,
Жду трубы призывной и Тебя, мой Бог.
Проходи, прохожий, не топчи мой прах.
Ведь теперь я дома, а вы еще в гостях.
Спи, наша любима, непробудным сном,
Ты к нам не вернёшься, а мы к тебе придём.
Господи, помилуй, Господи, прости,
Помоги мне, Боже, в этот путь идти! Аминь.

231.

[На всех светит] со[л]нце, а на меня — нет — д. Климово. Исп. Зинаида Сергеевна Шметакова, 1925 г.р. (родом из Московской обл., в прошлом колхозница, образование среднее). Записали 2 июля 2005 г. О.В. Жукова, С.В. Просина. Руководитель группы И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1333, кассета 35, фонограмма 203 (фрагмент напева с рефреном-молитвой), фонограмма 205 (собиратель читает по рукописной тетради оставшийся текст. Рефрен везде сохраняется полностью).

232.

[На всех сонце светит], на меня уж нет (отрывок) — с. Татарово. Исп. В.Ф. Садкова, 1938 г.р. Записали 1 июля 2004 г. Е.В. Грудзенко, Е.М. Королева, И.В. Змеев, Н.В. Черных. Руководитель группы И.Н. Райкова. ЦРФ-Э 1218, кассета 23, фонограмма 28, 29; дубли записи — ЦРФ-Э 1218, кассета 18, фонограмма 09; ЦРФ-Э 1217, кассета 16, фонограмма 194. В фонограммах-дублях этот напев исполнялся непосредственно перед стихом «Хожу, хожу я мимо дома» (без паузы и перерыва между ними). См. № 225.

ПРАВОСЛАВНЫЕ ПЕСНОПЕНИЯ В НАРОДНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

233.

Господи, помилуй, Господи, прости — см. № 218. ЦРФ-Э 1117-28.

Стих поется после стихов над покойником (как самостоятельная заключительная молитва, своего рода «закрепка»). В данном случае спето после стиха «Минута горькая настала». «Трисвятое» надо повторить три раза.

234.

Святый Боже — см. № 213. ЦРФ-Э 1216, кассета 04, фонограмма 18.

235.

Кресту Твоему поклоняемся, Владыко — см. № 213. ЦРФ-Э 1216, кассета 04, фонограмма 18а. По словам исполнительницы поют этот стих, когда опускают гроб в могилу. Аканье сплошное, за исключенем окончания «о» в слове «Владыко».

236.

Глубиною мудрости человеколюбно вся строя — см. № 221. ЦРФ-Э 1334, кассета 20, фонограмма 144а.

Напев стихиры восьмого гласа состоит из двух попевок — «колен». Второе «колено» имеет две версии — 2а и 2б (вторая и четвертая короткая строки расшифровки соответственно). Заключительным может быть как вариант колена 2а, так и 2б. Связующим звеном между стихирами служит рефрен «Благословен еси, Господи, / научи мя оправданием Твоим», состоящий из колен 1 и 2б.

237.

Достойно есть яко воистинну — см. № 221. ЦРФ-Э 1334, кассета 20, фонограмма 144а. Молитва звучала после Канона на исход души.

238.

Христос раждается, славите — см. № 3. ЦРФ-Э 1119-02. По словам исполнительницы, ее мама вспоминала, как «славили Христа» — ходили петь к пожилым людям на Рождество утром, «пока темно еще». Напев Е.Ф. Захарова переняла от матери. Также ранним рождественским утром ходили «славить Христа» дети, которые не «пели», а «кричали» (речитативно говорком произносили текст тропаря).

239.

Христос раждается, славите — см. № 3. Вариант напева к № 238. ЦРФ-Э 1119-02а.

240.

Христос раждается, славите — д. Барановка. Исп. Анна Сергеевна Сорокина, 1936 г.р. — дочь,

Евдокия Васильевна Сергеева, 1915 г.р. — мать. Записали 26 июня 2003 года С.Ю. Власова, М.М. Горшков. ЦРФ-Э 1103-18.

241.

Рождество Твое, Христе Боже наш — см. № 4. ЦРФ-Э 1103-05.

242.

***(А)* Дева днесь Пресущественнаго раждает** — см. № 228. ЦРФ-Э 1107-04. Исполнительница упоминает, что те подростки, кто славили, пели также и тропарь Рождеству.

В.Н. НИЛОВ

Народная хореография

Приступая к описанию зафиксированной пластики русской традиционной хореографии Муромского края Владимирской области, автор хотел бы рассмотреть классификацию русского народного хореографического искусства.

Первая классификация русского народного танцевального творчества сделана К.Я. Голейзовским в книге «Образцы русской народной хореографии», где он русскую народную хореографию делит на хороводы и пляски. Хороводы им были разделены по временам года на: весенние — «мартовские», «радуницкие», «георгиевские», «никольские» и «троицкие»; летние — «всехсвятские», «ивановские» («купальские»), «петровские», «пятницкие», «ильинские» и «успенские». На зимних праздниках исполнялись хороводные игры, которые он предлагал делить на «Коляду и Масленицу». Пляски представлены большим количеством деревенских и городских, а также плясок из былин, сказок и др. (Голейзовский, 1964).

А.А. Климов в своей книге «Основы русского народного танца» дает развернутую классификацию русского танца. «Русский народный танец делится на два основных жанра — хоровод и пляска, которые в свою очередь состоят из различных видов. В жанре хоровод различают два вида — орнаментальные и игровые хороводы. Жанр пляски более многообразен, он состоит как из древних, традиционных видов — одиночная пляска, парная пляска, перепляс, массовый пляс, групповая традиционная пляска и т.д., — так и из видов, сложившихся в русском танце и вошедших в быт русского человека в более позднее время — кадриль, лансье, полька и др. (Климов, 1994).

Исследователи и мастера народной хореографии, такие как Г.Я. Власенко, Н.И. Заикин и Н.А. Заикина (Власенко, 1996; Заикины, 2003) в своих определениях близки к классификации А.А. Климова. В самостоятельный жанр русской народной хореографии выделяют кадрили Т.А. Устинова, О.Н. Князева, Н.С. Надеждина, Г.А. Настюков, А.И. Палилей, В.М. Захаров (Устинова, 1959, 2003; Князева, 1962; Настюков, 1974; Палилей, 1996; Захаров, 2004).

В книге «Белорусский народный танец» Ю.М. Чурко дает развернутую классификацию: «Все народное хореографическое искусство мы делим на три жанра: хороводы, пляски и танцы, внутри этих жанров существуют группы и виды. В хороводах — хороводные песни, игровые хороводы и хороводные пляски. В танцах — традиционные белорусские народные танцы, кадрили, польки, городские бытовые и бальные танцы... Отдельный жанр танцевального белорусского фольклора образуют сольно-импровизационные пляски, в которых нет строго установленных фигур, нет тесной взаимосвязи между партнерами, где каждый участник танцует как бы «сам по себе» (Чурко, 1972).

Автор придерживается классификации Ю.М. Чурко, но делит все хореографическое искусство русского народа на традиционную хореографию (хореографический фольклор) и народно-сценическое хореографическое искусство. Русскую традиционную хореографию (хореографический фольклор) автор делит на три жанра: хороводы, пляски и танцы, которые, в свою очередь, делятся на виды и формы. Хороводы свои-

ми корнями уходят в глубокую старину, а внутри они делятся на орнаментальные, игровые и плясовые. Пляски, вышедшие из хороводов, более разнообразны, и их можно разделить по видам на: одиночные, парные, массовые и групповые пляски.

Следующий жанр традиционной хореографии — танец, сложился в более позднее время и делился на два вида: кадрили и бытовые танцы.

Кадрили Ю.М. Чурко делит на: «первое — собственно кадриль; второе — "ленцей" (лансье); третье — кадрильные танцы, возникшие в результате слияния кадрили со старинными народными хореографическими традициями» (Чурко, 1972). В свою очередь автор разделяет кадрили по форме на линейные, квадратные, круговые и смешанные. Особенно следует отметить форму «кадрильная пляска», основы которой строились как кадриль, но разрушались пляской. Иногда кадриль сопровождалась частушками и в ней не было строгого построения по фигурам (коленам). Бытовые («бальные») танцы исполняются по кругу парами и состоят из нескольких (одной, двух, трех и более) частей (фигур, колен), которые заканчиваются всегда поворотами в паре.

Исследуя различные виды народного искусства (словесное, изобразительное и хореографическое), известный этнограф, фольклорист и литературовед П.Г. Богатырев приходит к выводу, что «отдельные виды народного искусства органически связаны между собой и составляют единое целое, единую художественную структуру» (Богатырев, 1971). Опираясь на выводы П.Г. Богатырева, классификацию русской традиционной хореографии (хореографический фольклор) необходимо рассматривать в теснейшей взаимосвязи со словесным, музыкальным и изобразительным искусством русского народа.

После рассмотрения классификации русского народного хореографического искусства, необходимо рассмотреть понятия «пляска» и «танец». Если в народно-сценическом хореографическом искусстве эти два понятия сливаются в одно, являясь синонимами, то в традиционной хореографической культуре «пляска» и «танец» имеют разное значение.

Пляска возникла в глубокой древности и имела **импровизационную основу**, как и хоровод. Танец же пришёл в Россию в XVII веке при Петре I, как **канонизированные танцы**, созданные зарубежными хореографами. Связано это было с экономическим развитием России, ростом городов и городского населения, которое активизировало проникновение зарубежных хореографических форм бальных и театрально-сценических танцев (Рабинович, 1978).

В.Н. Всеволодский-Гернгросс считал танец разновидностью театрального искусства «Танцем я называю светскую, городскую разновидность, или вымышленную индивидуальными танцмейстерами, или хотя и имеющую этнографический корень, но утерявшую его». А пляской он называет «органически созданную этнографическую разновидность, бытующую в народной толще (без вмешательства в него профессиональных хореографов)» (Всеволодский-Гернгросс, 1928). Такие исследователи как Э.А. Королева, А.С. Фомин, В.Г. Мальми подтверждают это разделение в традиционной хореографической культуре (Королёва, 1977; Фомин, 1994; Мальми, 1994), а А.А. Климов и Ю.М. Чурко закрепляют эти два понятия («танец» и «пляска») в своих классификациях.

В сценическом хореографическом искусстве исследователи Р.В. Захаров и И.В. Смирнов, считают что «танец» и «пляска» синонимы и имеют автора, который строит их в соответствии с драматургическими законами построения хореографического произведения («экспозиция», «завязка», «развитие действия», «кульминация», «развязка» и др.) (Захаров, 1976; Смирнов, 1986).

Русское народно-сценическое хореографическое искусство, в свою очередь, необходимо разделить на профессиональное и самодеятельное. А.А. Климов пишет, что в самодеятельных и профессиональных коллективах «возникли новые разно-

видности русского танца: хореографическая композиция, хореографическая картина, вокально-хореографическая картина» (Климов, 2004).

Развиваясь, профессиональное русское хореографическое искусство обогащается новой лексикой, новыми композиционными построениями. Хореографические народные произведения усложняются и начинают проникать в музыкальные театры и театры оперы и балета. Создается «авторская хореография» со своими направлениями и стилем создания народно-сценического хореографического искусства: Т.А. Устиновой, М.С. Чернышова, О.Н. Князевой, И.З. Меркулова, Я.А. Коломейского, Б.Н. Бурмакина и др. (танцевальные группы в русских хоровых коллективах); И.А. Моисеева, П.П. Вирского, Н.С. Надеждиной, М.С. Годенко и др. (ансамбли народного танца); Г. Гальперина, В. Модзолевского, А.П. Хмельницкого и др. (ансамбли песни и пляски); М.М. Фокина, К.Я. Голейзовского, Р.В. Захарова, Ю.Н. Григоровича и др. (балетные театры).

Основы преподавания русского народного танца в специальных учебных заведениях принадлежат Т.А. Устиновой. Она выделяет и формирует учебную дисциплину «русский народный танец», отказываясь при этом от экзерсиса у станка. Как специалист русского танца она обращает внимание на изучение отдельных региональных (областных) особенностей манеры исполнения. Закрепляет эти основы преподавания А.А. Климов. Продолжили школу русского народного танца её ученики: Г.Я. Власенко (Самара), В.И. Щанкин (Кемерово), Н.И. Заикин (Орел), Т. Гвоздева (Худякова), М.П. Мурашко, Г.Ф. Богданов, В.Н. Нилов, В.И. Слыханова, Ю.П. Деревянкин (Москва) и многие другие. Свое виденье урока русского народного танца Г.Ф. Богданов закрепляет в разделах: азбука народного танца; региональные (областные) особенности исполнения русских народных танцев и методика и практика импровизации в русском народном танце (Богданов, 2003). Т. Гвоздева (Худякова) создает программу по русскому народному танцу (Гвоздева, 2003). М.П. Мурашко производит классификацию русского народно-сценического танца в учебном процессе вузов культуры и искусств. Он предлагает свое видение классификации «форм русского танца»: пляску, перепляс, хоровод, кадриль, лансье, кадрильная пляска, сюита и картина (Мурашко, 2006). Под формой подразумевается способ (метод) изложения хореографического материала на уроках «Искусство хореографа (балетмейстера)».

Рассматривая самодеятельное хореографическое искусство, необходимо обратить внимание на прекрасных знатоков традиционной хореографической культуры в регионах — руководителей самодеятельных хореографических коллективов (ансамблей танца, песни и танца, театрах танца, танцевальных групп русских хоровых коллективов и др.) Это Ф.К. Сударкин ((Ярославская обл.), Г.А. Гангесов (Тверская обл.), И.И. Фомин (Ивановская обл.), П.Ф. Петров (Саратовская обл.), В.И. Топорков (Рязанская обл.), А.А. Бажанкин (Нижегородская обл.), В. Яничкин, Б. Кращин (Пензенская обл.), А. Друнилин (Ставропольский край), Г.М. Петухов (Красноярский край) и др. Их сценическая обработка русского традиционного фольклора по праву входит в сокровищницу русской народно-сценической хореографии и подпитывает профессиональное искусство.

Экспедиции проведенные Всесоюзным музыкальным и хоровым обществами, Владимирским музыкальным училищем и колледжем культуры, а также Владимирским Центром народного творчества зафиксировали различные направления русского традиционного хореографического искусства Муромского края

[1] В июле 1972 г. была проведена комплексная экспедиция Всесоюзным хоровым обществом совместно с Владимирским областным Домом народного творчества. Ими были обследованы г. Суздаль и районы: Меленковский, Муромский, Судогодский.

Владимирской области[1]. Автору не удалось познакомиться с материалами экспедиций, проведенных Владимирским музыкальным училищем и колледжем культуры. В личных беседах с собирателями традиционного фольклора выяснилось, что фиксировались обряды, тексты песен и музыка, но описание плясок и танцев не производилось. Непосредственно фиксацию хореографической пластики мы находим только в отчетах экспедиций хореографической кафедры Московского государственного института культуры (в настоящее время МГУКИ), проводившихся под руководством знатока русского традиционного фольклора М.Д. Яницкой (Яницкая, 1981; 1994). На «Вечерах фольклора» студенты под руководством М.Д. Яницкой восстанавливали наиболее интересные варианты плясок и танцев, записанных в экспедициях[2]. Плановое изучение традиционной хореографии Муромского края Владимирской области проводилось отделом хореографии Государственного республиканского центра русского фольклора[3]. При публикации текстов частушек использован материал отдела устно-поэтического фольклора ГРЦРФ[4].

При сборе хореографического фольклора отделом хореографии использовались разные методики: метод непосредственного наблюдения, метод фиксации, метод запоминания и затем совместного исполнения показанного танца, метод восстановления (реконструкции) по рассказам и др. Кроме того, фиксировались устные воспоминания информаторов об обрядах и праздниках, на которых исполнялись хороводы, пляски, кадрили и парные бытовые танцы. Весь зафиксированный материал носители традиций исполняли сами или рассказывали, как танцевали другие. Производилась реконструкция этих танцев, которая затем в исполнении членов экспедиции получала экспертную оценку наших информантов. Выявленные образцы хороводов, плясок и танцев снимались на видеокамеру и записывались отдельные движения по тактам.

Были обследованы следующие населенные пункты Муромского края Владимирской области: г. Муром; на юге — сёла Карачарово, Панфилово, деревни Мишино, Новое Ратово и Иваньково; на севере и северо-востоке — деревни Ожигово, села Красный Бор, Польцо и Боровицы; на западе — Зименки, Булатниково, Мордвиново, Зарослово и Стригино и др.

Русская традиционная хореография Муромского края представлена автором различными жанрами народного танцевального творчества: хороводами и плясками, кадрилями и бытовыми танцами, которые в свою очередь делятся на различные виды и формы.

---

[2] Экспедиция кафедры хореографии Московского государственного института культуры проводилась по Владимирской области в 1971 г. студентами первого курса Иванушкиной, Гильфер, Тимофеевой (Архив ВОЦНТ, 1971).

Экспедиция кафедры хореографии Московского государственного института культуры проводилась по Владимирской области с 30 июня по 11 июля 1972 г. студентами четвертого курса В.Б. Смирновым, С.И. Смирновой, Е.В Смирновым (Архив ВОЦНТ, 1972. С. 5, 10).

Экспедиция кафедры хореографии Московского государственного института культуры проводилась по Владимирской области (частично в Муромском крае в селах Панфилово и Карачарово) с 26 июня по 5 июля 1973 г. студентами четвертого курса В. Геращенко, В. Савченко, В. Седовой, Е. Смирновой (Архив ВОНМЦ, 1973. С. 13—17).

[3] Экспедиция Государственного республиканского центра русского фольклора по сбору русского хореографического фольклора в округе Муром проводилась с 24 июня по 6 июля 2004 г. ведущим научным сотрудником В.Н. Ниловым (Архив ГРЦРФ, 2004).

Экспедиция отдела хореографии ГРЦРФ проводилась с 16 по 26 июля 2005 г. В состав группы входили: зав. отделом хореографии В.Н. Нилов, ст. научный сотрудник Т.Б. Бадмаева и студенты-практиканты Московского государственного университета культуры и искусств: А. Голосова, А. Грибута, Ю. Демьянова, М. Николаева, Е. Шишкина (Архив ГРЦРФ, 2005).

[4] Экспедиция ГРЦРФ (кассета 10) деревня Михалёво, собиратели В.Е. Добровольская и Н.Е. Котельникова (Архив ГРЦРФ, 2003).

ХОРОВОДЫ

Самый распространенный вид русского хореографического искусства — хороводы. Они уходят глубоко своими корнями в традиционную культуру русского народа. Фольклористами, этнографами, хореографами и исследователями традиционной культуры русского народа посвящено много работ этому направлению традиционной хореографии.

Экспедициями кафедры хореографии Московского государственного института культуры и Всероссийским хоровым обществом было зафиксировано и описано большое количество хороводов.

Игровые хороводы: «По загороду гулял царевич-королевич» и «Хожу ли я, гуляю вдоль по хороводу» и др. Хоровод-игра в двух вариантах: первый — «Два молодца лужком шли...», в котором водили все желающие и второй — «Две барышни лужком шли...», который исполнялся только девушками. Хоровод «Вдоль да по речке, вдоль да по широкой» разыгрывался исполнителями по содержанию песни и был широко известен. Наборный хоровод **«Репей»** линейного построения исполнялся только в престольный праздник. Исполнители выстраивались в две линии и, взявшись за платочки, шли по селу. Начинался хоровод с пением, сначала двигалась одна линия, затем она останавливалась, а к ней с песней подходила другая линия. Так они шли по селу (Экспедиция МГИК,1972).

В с. Панфилово округа Муром был зафиксирован лирический хоровод **«Я полю, полю капустеньку...»**:

Я полю, полю капустеньку
В саду беленькую.
Ой люленьки, ой люли
В саду беленькую...

Игровой хоровод **«Из-за леса, леса темного ...»**:

Из - за леса, леса темного,
Ой ли, ой да люли, из-за леса темного.
Тамо шли-прошли двое молодцов,
Ой ли, ой да люли, двое молодцов...

В этом хороводе двое молодцев разыгрывали сюжетную основу песни (Экспедиция МГИК, 1973).

Игровой хоровод **«Долина-долинушка...»** записан в с. Панфилово у Вдовиченко Людмилы Ефимовны (1932 г.р.):

Долина-долинушка, раздолье широкое.
Ой люшеньки мои, да раздолье широкое.
По этой долинушке гулял детинушка,
Ой люшеньки мои, да гулял детинушка.

В игровом хороводе детинушку сватали вначале за купеческую дочку, а затем выдали за крестьянскую доченьку, разыгрывая сюжетную основу песни (Экспедиция ГРЦРФ, 2005).

Плясовой хоровод **«Травы мои травы, травы муровые...»**:

Травы мои травы, травы муровые,
Травы муровые, цветочки алые.
Как по этим травам, я буду ходити,
Кого я любила, не буду любити.

Плясовой хоровод перерастал в круговую пляску «Круженец». Записана пляска со слов Семеновой Анны Трофимовны(1937 г.р.). По ее рассказу, пляска имела шесть фигур, исполнялась под плясовые народные мелодии (под какие точно, она не помнит), но говорит, что раньше для каждой фигуры была своя мелодия, как в кадрили, теперь об этом забыли и исполняют пляску под один мотив. Смысл названия «Круженец» ныне утерян, основное положение пляски — круг.

Отделом хореографии Государственного республиканского центра русского фольклора проведено две экспедиции и зафиксировано бытование хороводов в прошлом лишь по воспоминаниям информантов.

ПЛЯСКИ

Вторым, самым распространенным и устойчивым жанром русского традиционного хореографического искусства является **пляска** (одиночная, парная, групповая, массовая) и **«пляска под частушку»**. Этот жанр народного танцевального творчества охватывает весь регион Муромского края и довольно хорошо сохранился, но пока мало изучен. Многие исследователи, изучая пляски в сопровождении частушек употребляют термин «пляска под гармошку», но автор считает, что будет правильней сказать «пляска под частушку», так как исполнялась она и под игру на губах, и под расческу, и под шумовые инструменты (трещотки, ложки, вальки и даже заслонку от печи и др.). Позднее «пляска под частушки» исполнялась под гармошку или балалайку, иногда исполнялась под частушки без какого-либо сопровождения, только на внутреннем ритме.

«Частушка — самая гибкая и подвижная форма современного народного песенного творчества, — пишет в своей работе Н. Котикова. — Она немедленно откликается на все значительные явления жизни. Всё, чем живет народ, — от крупнейших исторических событий до глубоких личных чувств, — как в зеркале отражается в частушке» (Русские частушки, 1961).

В экспедициях отделу хореографии удалось зафиксировать почти весь комплекс этого жанра народного танцевального творчества, который начинался с «Сормача» (сбор девчат и ребят по деревне под гармошку с пением и плясками — *В.Н.*), а с приходом на условленное место всей «компанией» исполнялись пляски под частушки: «Сашоночка», «Комсомолочка», «Цыганочка», «Русского». «Бывало, пока все не собрались, танцевали сольные или парные пляски. Порядок исполнения плясок был произвольным, по желанию», — вспоминает Данилова Наталья Петровна (1934 г.р.).

Были также зафиксированы сольные пляски (как мужские, так и женские), парные, а иногда и групповые — «Семеновна», «Елецкого», «Бешеного». Исполнялись эти разновидности плясок летом за деревней (селом) в специально отведенном месте; зимой на «вечерках» в избах, специально для этого подобранных, а также на свадьбах, проводах в армию, праздниках и торжествах.

Хороводы и пляски в своей основе имели импровизационное построение, основанное на индивидуальном и коллективном народном танцевальном творчестве. Танец, как отмечено выше, является канонизированным и упорядоченным жанром бытовой хореографии, к которой относятся кадрили и бытовые танцы.

Распространенным направлением русской традиционной хореографии, сложным по построению и исполнению, были разнообразные виды **кадрилей**. Вплоть до 50—60 гг. XX в. кадрили были самым любимым видом народного творчества Владимирской области. «Губцевская кадриль», «Синеборская кадриль», «Ковровская кадриль», «Колычевская кадриль», «Красногорская кадриль», «Малолучинская кадриль», «Марьинская кадриль», «Никологорская кадриль» и др., а также тематические: «Машокская церемония», «Машокские проходные гуляния», «Кишлевская

метелица» и др.[5]. Почти в каждом районе Владимирской области, и даже в отдельных селах и деревнях, кадрили имели свои отличительные черты, рисунок, манеру исполнения.

Кадрили упоминаются во многих литературных, исследовательских и экспедиционных работах. Нами были зафиксированы; «Карачаровская кадриль» и «Кадрильная пляска» под частушечные наигрыши в с. Карачарово; «Панфиловская кадриль» в с. Панфилово и «Кадрильная пляска» под частушечные наигрыши в д. Мишино Муромского края.

В настоящее время информанты, которые исполняли эти кадрили, ушли в мир иной, а оставшиеся находятся в преклонном возрасте и в лучшем случае могут рассказать и описать два-три колена (фигуры) кадрили. С показом дело обстоит намного сложнее, для этого необходимо, чтобы было хотя бы две, а лучше четыре пары информантов, которые бы танцевали этот танец и могли его исполнить (показать лексику и рисунок танца), а также необходим гармонист, который знал бы мелодии колен (фигур) и порядок их исполнения.

Более современным видом русской традиционной хореографии Муромского края и самым массовым, являются **бытовые танцы** (по описаниям в специальной литературе их называют «парно-групповыми» или «бальными»), которые зафиксированы в материалах всех проведенных экспедиций. Экспедициями хореографического отдела зафиксированы и записаны различные варианты «Вальса», «Польки», «Краковяка», «Падеспани», «Тустепа» и других бытовых танцев, которые исполнялись парами по кругу без хореографической подготовки по шестой «бытовой» позиции.

«Танцевать учили старшие, — говорит Т.Ф. Потапова из с. Иваньково, — когда движения были выучены, просили у старших разрешения танцевать вместе со всеми». Записанные танцы: «Краковяк», «Падеспань», «Карапет» исполнялись в сопровождении текста («русский, немец и поляк танцевали краковяк... », «падеспаньчик — красивенький мальчик ...» и «карапет мой бедный, почему ты бледный, оттого я бледный, потому что бедный» — *В.Н.*).

Бытовые танцы: «Располным-полна моя коробочка», «Светит месяц, светит ясный», «Ах, вы сени, мои сени», «Уж ты сад, ты мой сад», «Во саду ли, в огороде» и др., которые исполнялись в сопровождении песни на внутреннем ритме. В большинстве случаев бытовые танцы исполнялись в сопровождении гармошки, реже под балалайку, позднее под патефон и магнитофон. «Учились танцевать у старших, возле клуба, — говорит Мусина Екатерина Кузьминична (1935 г. р.) из с. Панфилово, — а когда научились исполнять все танцы без ошибок, просили у старших разрешения танцевать в клубе со всеми вместе» (Экспедиция ГРЦРФ, 2004).

ПЛЯСКИ ПОД ЧАСТУШКИ

Во второй половине XIX в. (на основе местных традиций плясовых и шуточных песен — *В.Н.*) формируется новый своеобразный жанр русской песни — «частушки» и «страдания», которые впоследствии стали сопровождаться пляской. А.А. Климов в своей книге «Основы русского народного танца» дает описание этому направлению: «короткие, в основном быстрые песенки — частушки, или, как их называют в различных областях России «коротушки», «туртушки», «повертушки», «тараторки», «прибаски» и т.д., медленные попевки-страдания привнесли с собой новые ритмические напевы — острые плясовые и своеобразные плавные» (Климов, 1994).

---

[5] Автобиография В.Г. Эдельмана. Запись русских народных танцев, эскизы костюмов и нотный материал к ним, записанные В.Г. Эдельманом (Архив ВОНМЦ, 19).

В свою очередь **«пляски под частушки»** можно разделить на: **одиночные пляски под частушки** (как мужские так и женские); **парные пляски под частушки** (пляшут девушка и юноша в паре, женскую или мужскую парную пляску); **переплясы под частушки** (пляска-соревнование двух молодых мужчин); **массовые пляски под частушки** (пляшут все желающие одновременно) и **групповые пляски под частушки** (пляска с определенным числом участников, имеющая установленное построение).

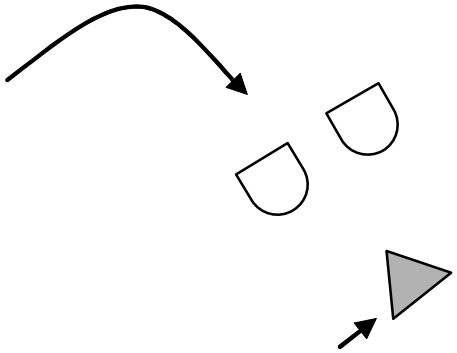


Рис. 1.

«Пляски под частушки начинались с выхода гармониста, обычно приглашенного двумя-тремя девушками» (Рис. 1), — рассказывает Грязнова Зинаида Ивановна (1939 г.р. д. Мишино).

Вместе они двигались по центральной улице села (деревни), отовсюду к ним подходили девчата и ребята. Они выстраивались за гармонистом в две, три, четыре и более линий (по два-три человека, иногда по четыре-пять: ребята всегда шли за девчатами. — В.Н.). «Все двигались за гармонистом и пели частушки, — говорит Короткова Наталья Александровна (1970 г.р. из д. Иваньково), — пели по очереди, иногда первыми начинали петь парни»:

По деревне мы идем,
Голосочки подаем,
Убирайте старых девок,
Мы молоденьких найдем.

«Парням отвечали девчата», — говорит Петунина Анна Прокопьевна (1921 г.р.):

Вы не смейтеся над нами,
Красивые, хорошие.
Все равно мы красотой вашей,
Подобьем галоши.
(Экспедиция ГРЦРФ, 2003).

Иногда останавливались у какого-нибудь дома, пели частушки и подтанцовывали, приглашая выйти парня или девушку. «Это называлось “**танцевать Сормача**”», — рассказывает Тюнин Николай Федорович (1934 г.р., д. Иваньково).

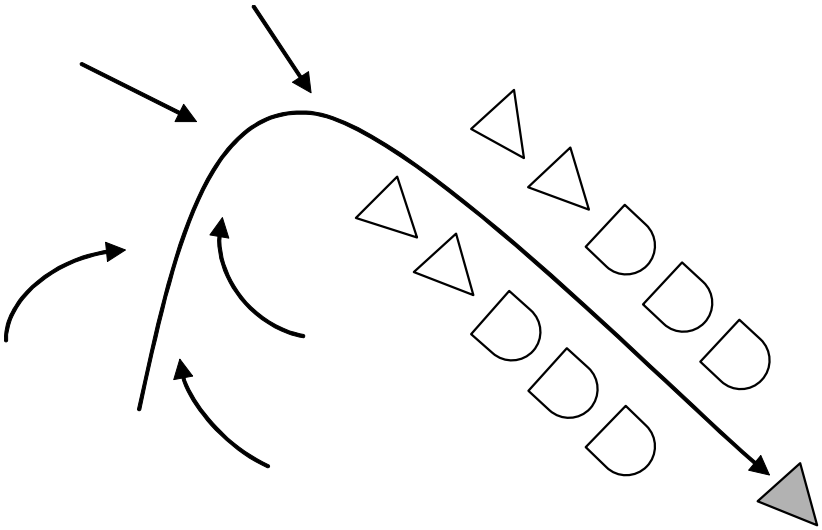


Рис. 2.

Вся «компания» двигалась за околицу (Рис. 2). «Излюбленным местом, в деревне Мишино был деревянный мост через речку, на котором происходили пляски», — рассказывает Данилова Наталья Петровна (1934 г.р. д. Мишино). В Иванькове «девчата и парни собирались за деревней под большим деревом там у них был небольшой “пяточок”, — рассказывает Тамара Александровна Мясникова (1936 г.р.), — располагались по кругу, с

одной стороны стояли девчата, с другой — ребята, были и пары, которые стояли отдельно» (Рис. 3).

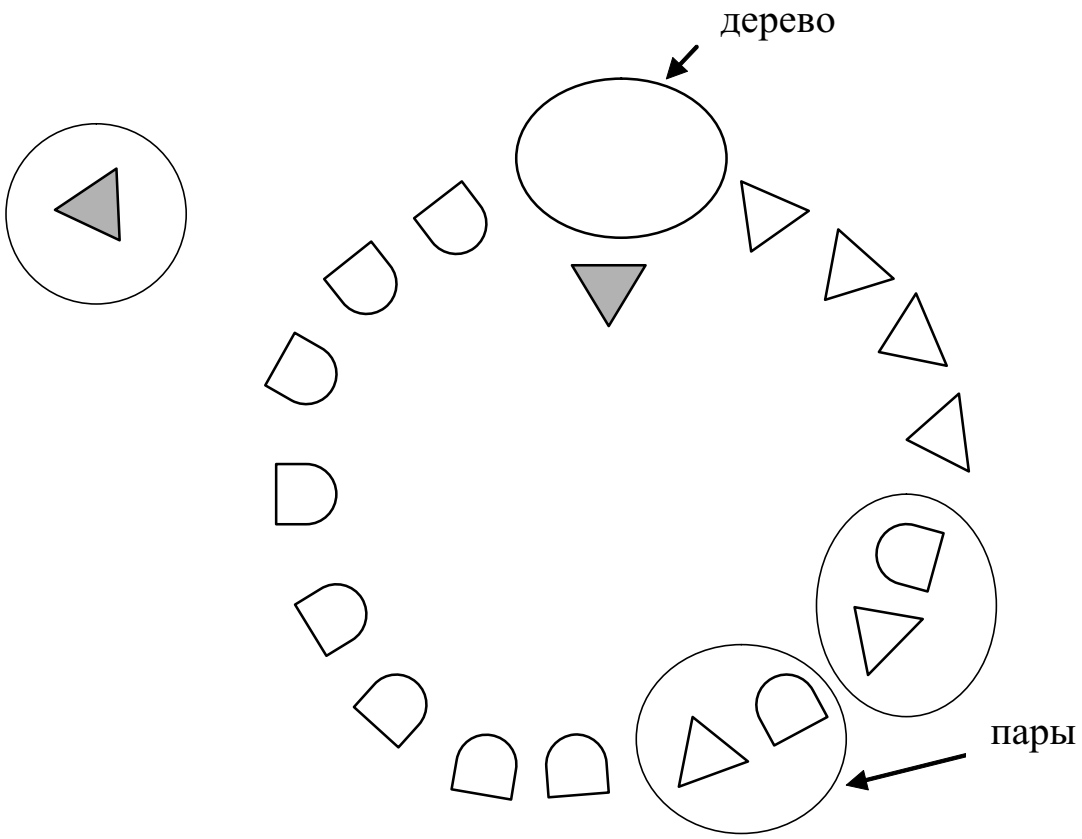


Рис. 3.

«Сашоночка»

Первый вариант пляски

Записана в д. Мишино от Даниловой Натальи Петровны (1934 г.р.), Панкратовой Нины Александровны (1935 г.р.), на гармошке играл Ашин Вячеслав Михайлович (1940 г.р.).

Пляска исполняется под мелодию «Сашоночка» с частушками.

Музыкальный размер — 2/4. Данная пляска имеет определенное композиционное построение и строится по кругу на индивидуальной импровизации участников пляски.

В круг выходят одновременно две девушки. Пройдя по кругу друг за другом, останавливаются в центре. Одна из них исполняет частушку:

Выхожу и запеваю
Самую начальную,
Не могу развеселить
Головушку печальную, —

а другая приплясывает или «притопывает» на месте.

Затем они двигаются вновь по кругу. Остановившись в центре круга, вторая девушка исполняет частушку:

Ой какое боевое
Колесо у мельницы,
Черна юбочка одета
На моей сопернице.

Первая девушка приплясывает.

В лексике пляски преобладает «основной шаркающий шаг» (движение № 1) или «шаг с притопом и ударом каблука» (движение № 9), «дробные выстукивания» (движение № 4) просты по ритмическому строю. Встречаются «притопы на месте», как окончание танцевального движения или самой пляски. Танцуют до тех пор, пока не устанут или пока их не сменит другая пара.

Второй вариант пляски

«“Сашоночку” плясали всегда по два человека: “девушка — юноша” (самый распространенный вариант. — *В.Н.*) и “девушка — девушка” (когда не было парней), — рассказывает Тюнин Николай Федорович. — Поочередно исполняя частушки, они плясали и менялись местами. Девушка выстукивала и дробила, руки произвольные, а юноши исполняли шаги с ударами и хлопки, поднимая руки высоко вверх».

Со слов Н.Ф. Тюнина, в пляске могли участвовать и двое парней, которые исполняли мужской перепляс. В мужском переплясе происходило соревнование между мужчинами в мастерстве исполнения пляски, каждый мужчина старался исполнить всякий раз новое колено. Побеждал тот, кто не повторялся и исполнил больше сложных оригинальных движений (колен).

Третий вариант пляски

Пляска записана в д. Мишино от Даниловой Натальи Петровны, Мясниковой Татьяны Александровны, Панкратовой Нины Александровны и Холодовой Зинаиды Ивановны, на гармошке играл Ашин Вячеслав Михайлович.

Исполняют пляску четыре женщины. Музыкальное сопровождение — «Сашоночка», пляска с частушками. Музыкальный размер — 2/4.

Данная пляска имеет определенную композицию и строится на переходах и исполнении частушек. Исполняется пляска до тех пор, пока гармонист не прекратит играть или уставшие пары заменят другие пары. В пляске могут участвовать несколько четверок (как состоящие из женщин, так и смешанных пар), насколько позволяет площадка.

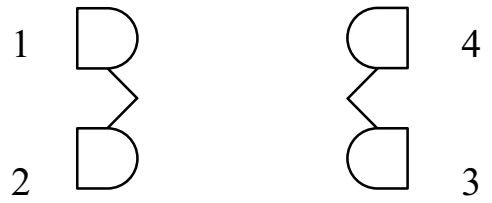


Рис. 4.

Исходное положение: две пары женщин, соединив руки между собой и опустив их вниз, стоят напротив друг друга (Рис. 4).

1—8 такты. Начинает петь первая женщина:

Залеточка дорогой,
А а я ваша милая.
Не давай подруге руку,
Знаешь, я ревнивая.

9—16 такты. Начинает петь вторая женщина:

Я иду, а мне навстречу,
Все кусточки, все цветы.
Почему не попадаешься,
Залетка, милый ты.

Во время исполнения частушки, остальные женщины подтанцовывают на месте.

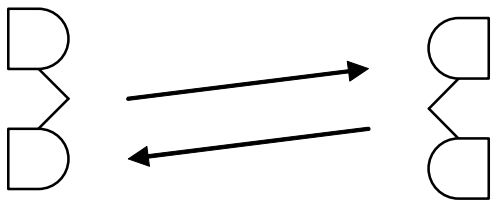


Рис. 5.

1—4 такты. Пары «дробными выстукиваниями» двигаются навстречу друг другу (Рис. 5).

5—8 такты. Разъединив руки, женщины проходят мимо друг друга, встречаясь правым пле-

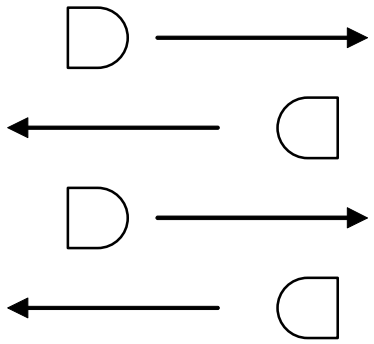


Рис. 6.

чом, продолжая исполнять движение тактов 1—4 (Рис. 6). На 8-й такт женщины поворачиваются на 180^0, начиная поворот лицом по отношению к своей партнерше и становятся в исходное положение, только поменявшись местами (Рис. 7).

Рис. 7.

9—16 такты. Повторив такты 1—8, женщины двигаются теперь в обратном направлении навстречу друг другу и разъединив руки, проходят мимо друг друга, встречаясь правым плечом. В конце 16-го такта женщины поворачиваются на 180^0 и занимают исходное положение начала пляски. Затем пляска начинается сначала.

«Комсомолочка»

«Комсомолочку» танцевали, выстроившись друг перед другом: девушка против девушки или девушка с парнем. Из рассказа Даниловой Натальи Петровны: «Раньше пляску начинал парень, который проходил по кругу и пел частушку, приглашая девушку на пляску».

Первый вариант пляски

Пляска записана в д. Мишино от Даниловой Натальи Петровны и Мясниковой Татьяны Александровны, на гармошке играл Ашин Вячеслав Михайлович.

Исполняли пляску две женщины. Музыкальное сопровождение — «Комсомолочка», пляска с частушками. Музыкальный размер — 4/4.

Данная пляска фигур не имеет и строится на переходах в сопровождении частушек. Исполняется пляска до тех пор, пока гармонист не прекратит играть или уставшие пары заменят другие пары. В пляске могут участвовать несколько пар (нами записана пляска, состоящая только из женщин, но раньше она исполнялась женщиной и мужчиной — *В.Н.*), насколько позволяет площадка.

Рис. 8.

В центр выходят две женщины, опустив руки вниз, стоят напротив друг друга (Рис. 8).

1—8 такты. Начинает петь частушку одна из женщин:

«Комсомолочка» начинается,
Гармонист сидит улыбается,
Гармонисту на поллитровочку,
Он сыграет нам «Комсомолочку».

Другая женщина в это время подтанцовывает на месте или бьет дроби.

Рис. 9.

9—12 такты. Женщины дробными выстукиваниями двигаются навстречу друг другу (Рис. 9).

13—16 такты. Женщины проходят мимо друг друга, встречаясь правым плечом, продолжая исполнять движение 9—12-го тактов (Рис. 10). На 16-й такт женщины поворачиваются на 180^0, начиная поворот в правую сторону (Рис. 11).

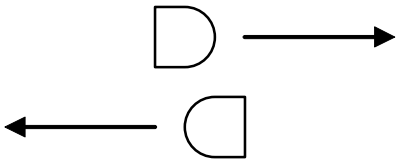


Рис. 10.

1—8 такты. Вторая женщина начинает петь частушку:

Выхожу плясать, ветер кудри рвет,
Залетка Ванечка на свиданье ждет.
Самолет летит, на крыле печать,
Уехал миленький, не велел встречать.

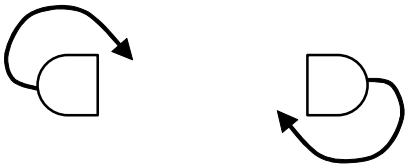


Рис. 11.

Другая женщина в это время подтанцовывает на месте или бьет дроби.

9—16 такты. Повторить 9—12-й, а затем 13—16-й такты первой части, но женщины двигаются теперь в обратном направлении. И в конце 16-го такта поворачиваются на 180^0, т.е. занимают исходное положение начала танца. После этого пляска начинается сначала.

Второй вариант пляски

Пляска записана в д. Иваньково от Васильевой Лидии Ильиничны (1936 г.р.) и Тумановой Александры Николаевны (1934 г.р.).

Исполняют пляску две женщины.

Музыкальное сопровождение — «Комсомолочка», пляска под частушки. Музыкальный размер — 4/4.

Данная пляска фигур не имеет. Исполняется на вечерках до тех пор, пока не исполнят весь сюжет, затем пару заменит другая пара. В этой пляске под сюжетные частушки могут участвовать только две женшины.

Исходное положение: на проигрыш две женщины, опустив руки вниз, проходят по кругу (Рис.12), выходят в центр избы напротив друг друга (Рис.13).

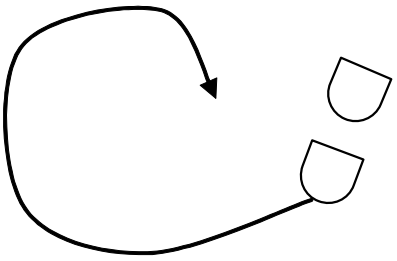


Рис. 12.

Рис. 13.

Начинают петь, по очереди без остановки, целое произведение, имеющее единый сюжет. В этих сюжетах в частушечной форме рассказывается о знаменательных датах, событиях, о неразделенной любви или о любовной трагедии, произошедшей в деревне (селе). Первый вариант пляски был нами записан в д. Иваньково, второй — в д. Мишино.

«Цыганочка»

«Цыганочку» плясали сольно девушка или парень. «Цыганочку с выходом» плясали обязательно по парам. В быстром темпе «Цыганочку» плясали друг перед другом.

Первый вариант пляски

«“Цыганочку с выходом” плясали обязательно по парам. Начинал пляску всегда парень, медленно проходил круг и затем приглашал девушку, — поясняет Данилова Наталья Петровна. — В кругу, кроме проходки с хлопками, парень демонстрировал “коленца”, а девушки свои дроби, которые иногда заканчивались поворотами».

Второй вариант пляски

Пляска записана в д. Мишино от Даниловой Натальи Петровны и Холодовой Зинаиды Ивановны, на гармошке играл Ашин Вячеслав Михайлович.

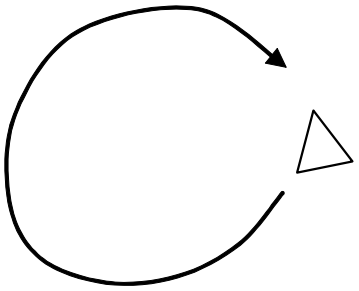


Рис. 14.

Музыкальное сопровождение — «Цыганочка», пляска под частушки. Музыкальный размер — 2/4.

Данная пляска состоит из двух частей. Исполняется до тех пор, пока гармонист не прекратит играть или уставшие пары заменят другие пары. В пляске участвовали несколько пар, состоящих из женщин (раньше пляску исполняли смешанные пары — *В.Н.*). Данная пляска записана в исполнении двух женщин: Н.П. Данилова исполняла женскую пляску, З.И. Холодова исполняла пляску за мужчину.

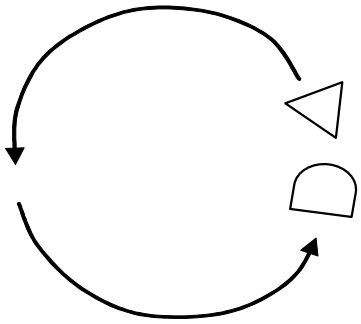


Рис. 15.

Первая часть. Из «компании» выходил мужчина («Пляску под частушки “Цыганочку” всегда начинал мужчина», — говорит Н.П. Данилова), на восемь тактов проходил полный круг и, сделав поклон, приглашал женщину (Рис. 14). Затем на следующие восемь тактов женщина начинала наступать на мужчину, исполняя «дробное выстукивание», а мужчина, отходя назад, исполнял «шаги с хлопками». Так они двигались по малому кругу и останавливались в центре (Рис. 15).

Вторая часть. Пляска исполняется в быстром темпе.

1—8 такты. Мужчина начинает петь частушку:

По-цыгански мы живем,
Не сеем и не косим.
Где придется, украдем,
А где и попросим.

Девушка в это время подтанцовывает на месте.

Рис. 16.

9—12 такты. Пары дробными выстукиваниями двигаются навстречу друг другу (Рис. 16).

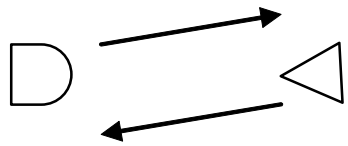


Рис. 17.

13—16 такты. Мужчина и женщина проходят мимо друг друга, встречаясь правыми плечами (Рис. 17), продолжая исполнять движение тактов 9—12. На 16-й такт мужчина и женщина поворачиваются на 180^0, начиная поворот в правую сторону (Рис. 18).

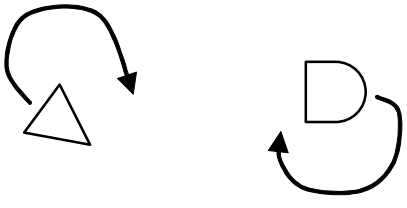


Рис. 18.

1—8-й такты. Женщина начинает петь частушку:

Чтоб цыганочку плясать,
Надо много песен знать.
А я знаю только две,
Выходи милóй ко мне.

Мужчина в это время смотрит на женщину и любуется или подтанцовывает на месте.

9—16 такты. Повторить такты 9—12, а затем 13—16, теперь мужчина и женщина двигаются в обратном направлении. В конце 16-го такта они поворачиваются на 180^0 и занимают исходное положение. Пляска начинается сначала.

«Русского»

«“Русского” плясали по кругу, плясали все вместе в своей индивидуальной манере, — говорит Холодова Зинаида Ивановна, — а во время исполнения частушки исполнители останавливались и подтанцовывали на месте». Во время исполнения проигрыша, исполнители двигались по кругу, каждый в своей индивидуальной манере и затем по очереди пели частушки.

Пляска записана в д. Мишино от Астафьевой Елизаветы Федоровны, Даниловой Натальи Петровны, Мясниковой Татьяны Александровны, Холодовой Зинаиды Ивановны, на гармошке играл Ашин Вячеслав Михайлович.

Музыкальное сопровождение — «Русского» под частушки. Музыкальный размер — 2/4.

Данная пляска фигур не имеет и выстроена по кругу. Исполняется до тех пор, пока гармонист не прекратит играть или уставших заменят другие участники пляски. В пляске могут участвовать пять-семь человек и более, насколько позволяло место, где она исполнялась. Данную пляску исполняли пять женщин.

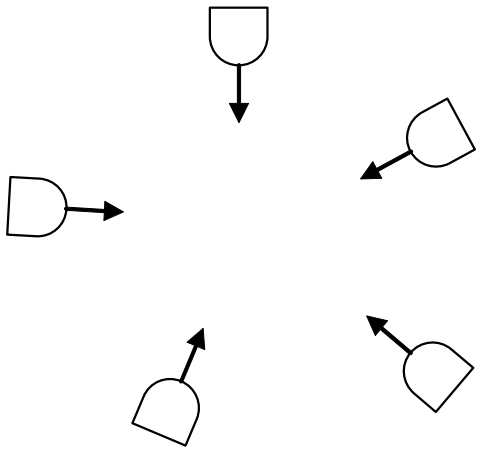


Рис. 19.

1—4 такты. Женщины дробными выстукиваниями двигаются навстречу друг другу в круг (Рис. 19).

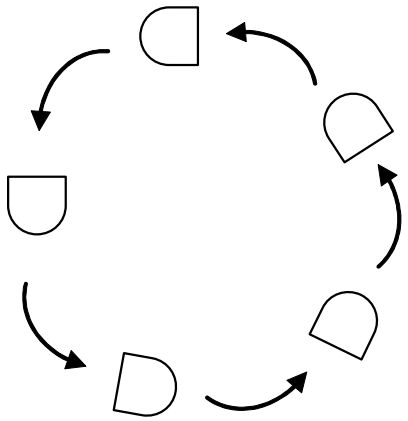


Рис. 20.

5—8 такты. Женщины продолжают двигаться по созданному кругу, исполняя движение тактов 1—4 (Рис. 20). На 8-й такт женщины поворачиваются на 360^0, начиная поворот вправо вокруг себя (Рис. 21).

9—16 такты. Одна из женщин начинает петь частушку:

Выхожу и начинаю
Озорные песни петь.
Затыкайте бабы уши,
Чтоб со стульев не слететь.

Другие женщины в это время стоят на месте и внимательно слушают или подтанцовывают.

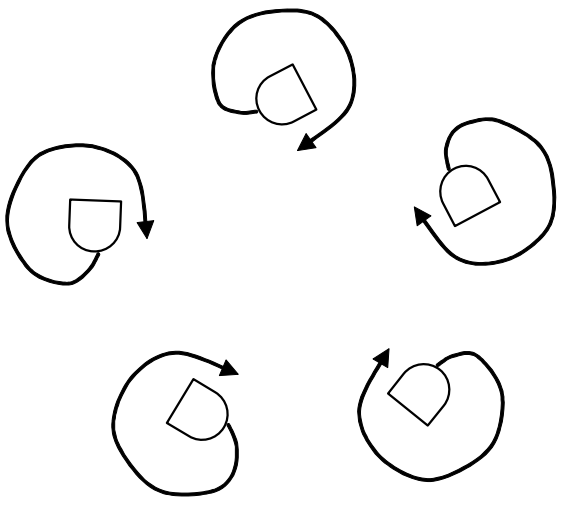


Рис. 21.

17—24 такты. Женщины «дробным движением» двигаются по кругу, каждая в своей манере. В конце 8-го такта женщины поворачиваются на 360^0 и занимают исходное положение.

25—32 такты. Вторая женщина начинает петь частушку:

Попляшу я, попляшу,
Попляшу, потешуся.
Не мила, не подходи,
На шею не повешуся.

Другие женщины в это время подтанцовывают на месте, Пляска продолжается до тех пор, пока все женщины по очереди не споют частушки.

ЗАПИСЬ «СОЛЬНОЙ ПЛЯСКИ» ПОД ЧАСТУШКИ И «КАДРИЛЬНОЙ ПЛЯСКИ» ПОД ЧАСТУШЕЧНЫЕ НАИГРЫШИ

«Сольная пляска» под частушки

«Сольная пляска» записана в д. Мордвиново по рассказу и показу Павловой Александры Ивановны (1926 г.р.), Кузнецовой Зинаиды Петровны (1928 г.р.).

Музыкальное сопровождение — частушечные наигрыши «Сашоночки» или «Русского». Музыкальный размер — 2/4.

Пляска носит импровизационный характер.

«Сольная пляска» под частушки получила широкое распространение в Муромском крае и исполнялась на всех праздниках и торжествах, посвященных свадьбе, проводам в армию. Сольные пляски исполняли на «вечерках» в избах и облюбованных местах под деревом, на мосту, у освещенного «пятачка». Пляска выглядела следующим образом.

Из общей массы гуляющих выходила девушка или женщина (сольную пляску всегда начинала девушка или женщина — *В.Н.*), на восемь тактов проходила по кругу «основным шаркающим шагом» (движение № 1). Остановившись в центре круга, исполняла частушку:

Выхожу я, запеваю,
А ты слушай, дорогой,
Любить буду,
А ухаживать не буду за тобой.

Затем, двигаясь по малому кругу по ходу часовой стрелки, на восемь тактов исполняла «шаг с ударом» (движение № 2) или «дробное выстукивание». (Рис. 22).

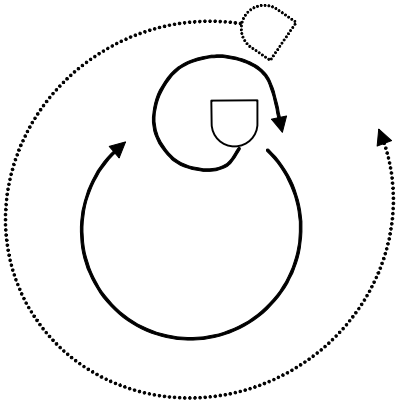


Рис. 22.

После движения по кругу исполнялась на восемь тактов следующая частушка:

Залеточка дорогой,
А я ваша милая,
Не давай подруге руку,
Знаешь, я ревнивая.

На следующие восемь тактов, повернувшись через правое плечо, женщина, двигаясь по кругу, исполняла движение № 1 и подходила к собравшимся, выбирая себе «сменщика», исполнив в конце такта удар стопой правой ноги в пол. После

этого женщина уходила из круга, уступив место следующему исполнителю, и пляска начиналась сначала. (Рис. 23).

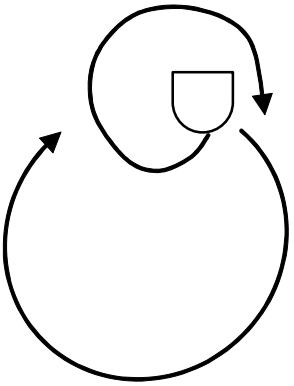


Рис. 23.

По композиционному построению мужская и женская пляски были похожими, но манера исполнения движений была разная. На восемь тактов мужчина проходил по кругу «шагами с приставкой и ударом каблука» (движение № 9). Остановившись в центре круга, исполнял частушку:

Я иду, иду, иду,
Иду и спотыкаюся,
Я залеточку люблю,
Люблю, не отрицаюся.

Затем, двигаясь по малому кругу по ходу часовой стрелки, мужчина на восемь тактов исполнял «шаги с ударами в пол с хлопками» (движение № 7). После этого исполнялась следующая частушка:

Таня, милая моя,
Сегодня тихая заря,
Тихая зариночка,
Пойдем ко мне, малиночка... —

или, двигаясь по кругу, мужчина исполнял движение № 9.

На следующие восемь тактов, мужчина, исполнив удары всей стопой, танцевальным движением № 1 подходил к собравшимся и выбирал себе «сменщика», исполнив на конец такта удар стопой правой ноги в пол. После этого мужчина уходил из круга, уступив место следующему исполнителю, и пляска начиналась сначала.

Мужская сольная пляска отличается от женской танцевальными движениями и манерой исполнения. В ней встречаются следующие движения: «основной шаркающий шаг» (движение № 1), «попеременные удары всей стопой и тройной удар ногами» (движение № 5), «удары ногами в пол с хлопками» (движение № 6), «по бедрам с переступанием» (движение № 8), «кувырок через голову» В движениях встречаются хлопушки, присядки и различные выкрутасы с поворотами.

«Один плясун, звали его Гришкой, падал на землю, переворачивался на спину, упирался головой и выделывал ногами различные кренделя. Все, кто на него смотрел, смеялись и подзадоривали его, — рассказывает Михаил Федорович Тюнин из Иванькова. «Сложные коленца учили за домом, чтобы никто не видел, — добавляет Михаил Федорович, — а когда выучили коленца, то проверяли их на вечерках. Понравившиеся оставляли, а затем готовили новые».

«Кадрильная пляска» под частушечные наигрыши

«Кадрильная пляска» под частушки записана в с. Панфилово от Сизовой Зинаиды Николаевны (1939 г.р.), Зверевой Александры Андреевны (1931 г.р.), Мусевой Екатерины Кузминичны (1935 г.р.), на гармошке играл Сизов Юрий Николаевич (1938 г.р.)

В данной кадрильной пляске принимают участие четыре пары. Исполняется кадрильная пляска под частушечные наигрыши. Музыкальный размер — 2/4. Кадрильная пляска состоит из четырех частей (колен). В начале каждой части (колена) один из участников исполняет частушку, после которой пары начинают сходиться. Перед тем как пары начинают сходиться, они обязательно вращаются на месте под правую руку.

Исходное положение: две пары танцующих стоят напротив других двух пар, руки соединены и опушены вниз.

Первая часть (колено)

А сыграй-ка, Слава милый, а сыграй-ка мне на ять.
Я свово залетку брошу, а с тобой пойду гулять.

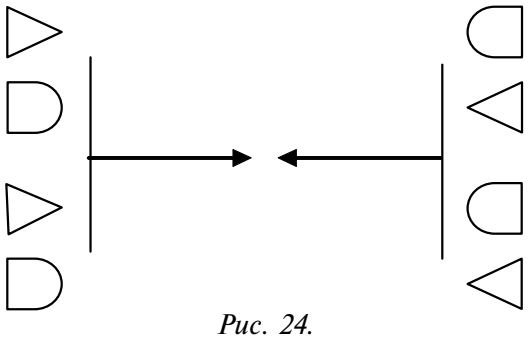


Рис. 24.

1—4 такты. Обе линии идут навстречу друг другу. Девушки могут исполнять «простой шаг» или «основной шаркающий шаг» (движение № 1), а мужчины исполняют «простой шаг с каблука» или «основной шаркающий шаг» (движение № 1. Рис. 24).

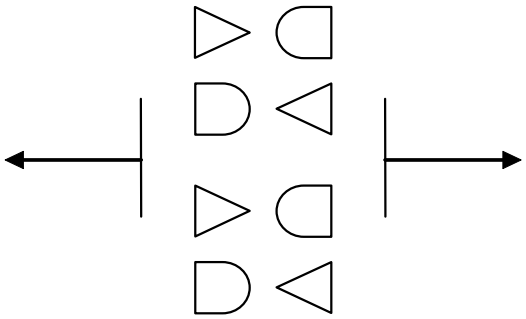


Рис. 25.

5—8 такты. Обе линии «простым шагом» или «шаркающим шагом» отходят назад и возвращаются на свои места (Рис. 25).

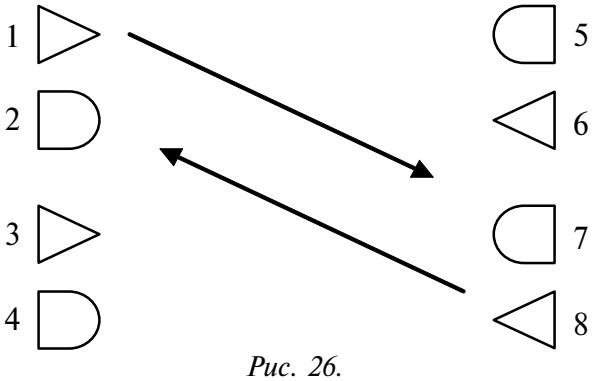


Рис. 26.

9—12 такты. 1-й юноша «основным шаркающим шагом» (движение № 1) или «простым шагом» идет к 7-й девушке, а 8-й юноша идет ко 2-й девушке (Рис. 26).

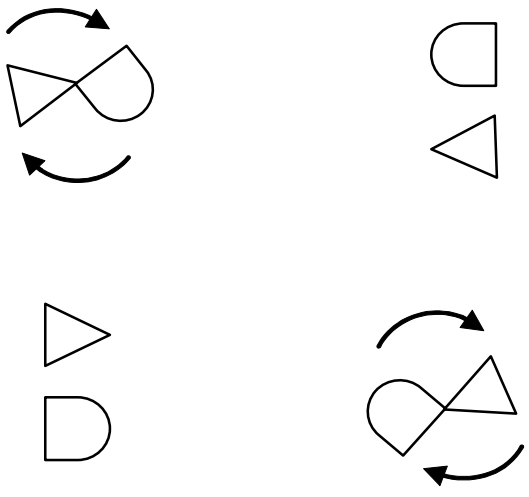


Рис. 27.

13—16 такты. Подойдя друг к другу, берутся за правые руки и, опустив их вниз, вращаются на месте. Девушка может исполнять простую дробь. Пары 5—6 и 3—4 смотрят на них и любуются или исполняют «пляску на месте» (движение № 3. Рис. 27).

17—20 такты. Повторить такты 9-12, 3-й юноша идет к 5-й девушке, а 6-й юноша идет к 4-й девушке (Рис. 28).

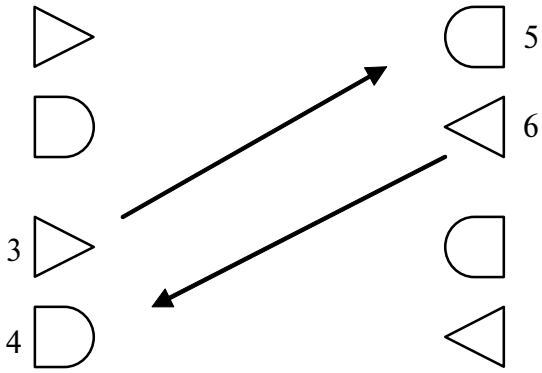


Рис. 28.

21—24 такты. 3-й юноша вращается с 5-й девушкой, 6-й юноша — с 4-й девушкой, а 1—7-я пара и 2—7-я пара стоят на месте или исполняют «пляску на месте» (Рис. 29).

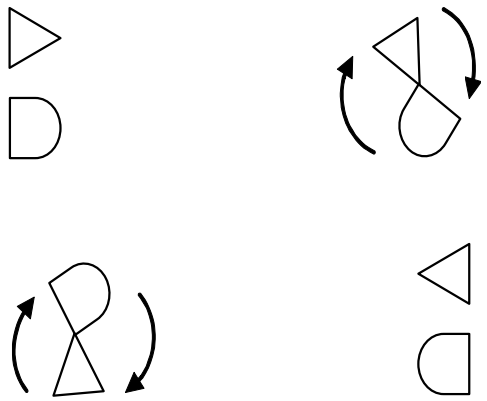


Рис. 29.

Вторая часть (колено)

Плясать — не читать,
Богу не молиться.
А угрюмою сидеть
Тоже не годится.

1—8 такты. Повторить такты 1—8 из первой части (колена).

9—12 такты. Девушки идут друг другу навстречу «дробным выстукиванием»: 2-я к 5-й, а 4-я к 7-й (Рис. 30).

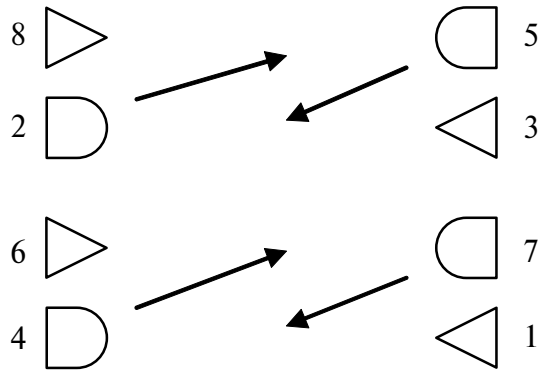


Рис. 30.

13—16 такты. Девушки, взявшись правыми руками, вращаются на месте, юноши стоят и любуются девушками (Рис. 31).

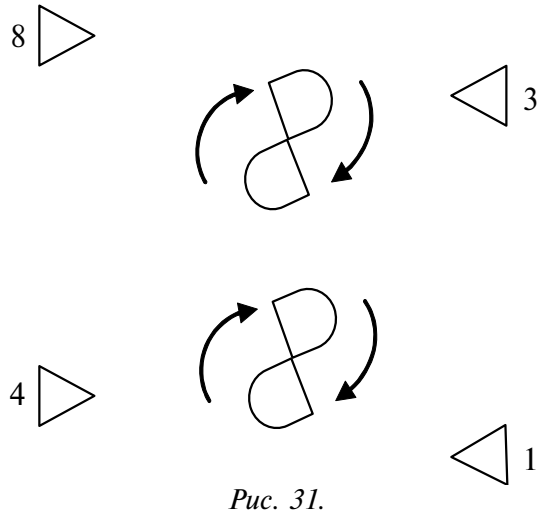


Рис. 31.

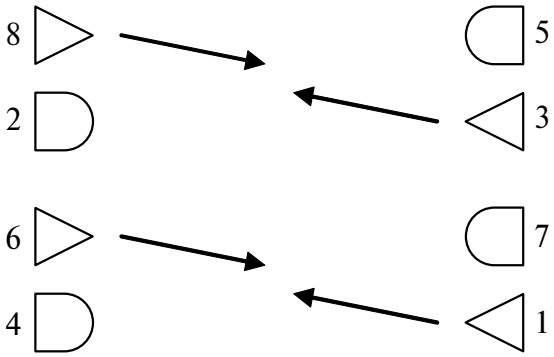


Рис. 32.

17—20 такты. Юноши идут друг к другу навстречу (движением № 9), 8-й юноша идет к 3-му юноше, а 6-й идет к 1-му (Рис. 32).

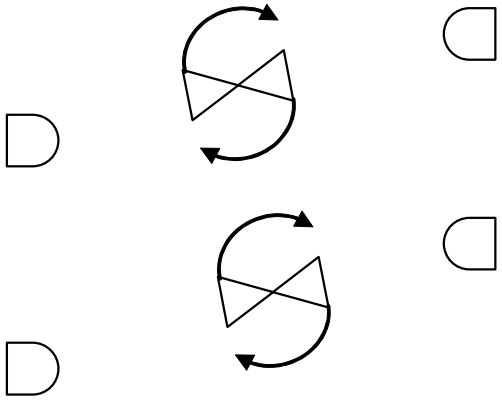


Рис. 33.

21—24 такты. Юноши, взявшись за правые руки, вращаются на месте, девушки стоят на месте и исполняют «пляску на месте» (движение № 3) или «дробь с переступанием» (Рис. 33).

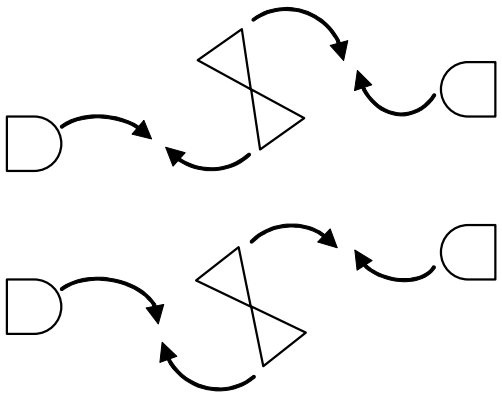


Рис. 34.

25—28 такты. Юноши, развернувшись, начинают двигаться (движением № 9) к девушкам. 3-й юноша идет к 5-й девушке, 8-й юноша идет ко 2-й девушке, а 1-й юноша идет к 7-й девушке, 6-й юноша к 4-й девушке (Рис. 34).

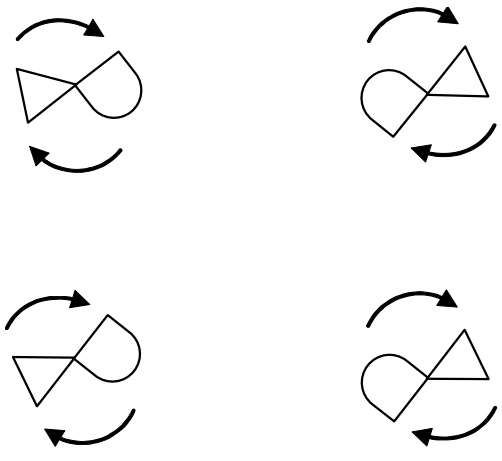


Рис. 35

29—32 такты. Юноши и девушки, взявшись за правые руки, вращаются на месте (Рис. 35).

Третья часть (колено)

Я плясать не умею, а пойду, так дроби дам.
Я измены не боюсь, заявляю, милый, вам.

1—8 такты. Повторить такты 1—8 первой части (колена).

9—12 такты. Юноши (движением № 9) двигаются к центру круга и берутся за руки, образуя круг (Рис. 36).

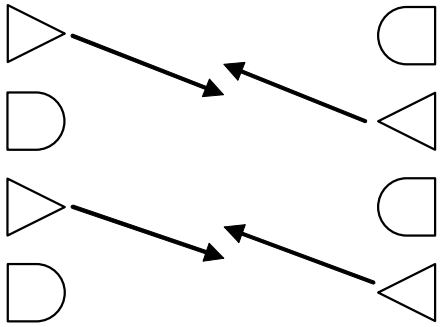


Рис. 36.

13—16 такты. Юноши «основным шаркающим шагом» двигаются по кругу (движение № 1). Девушки стоят на месте и исполняют «пляску на месте» (движение № 3) (Рис. 37).

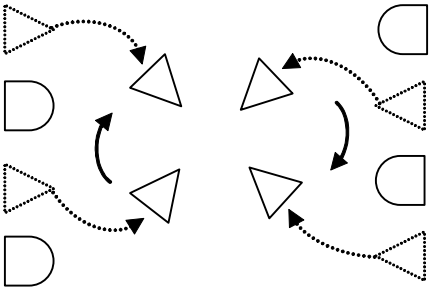


Рис. 37.

17—20 такты. Юноши разрывают руки и «шагом с приставкой и ударом каблуком» (движение № 9) начинают двигаться из центра круга на свои места. Одновременно девушки начинают двигаться к центру круга «дробью с переступанием» (Рис. 38)

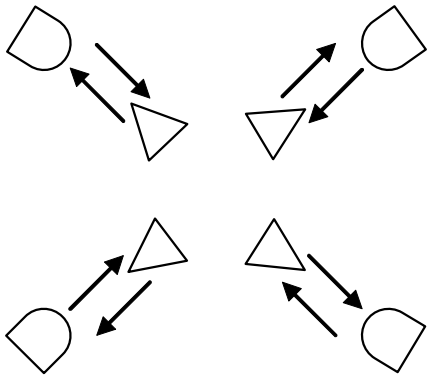


Рис. 38.

21—24 такты. Девушки «основным шаркающим шагом» двигаются в круг, взявшись за руки, а юноши приходят на свои места (Рис. 39)

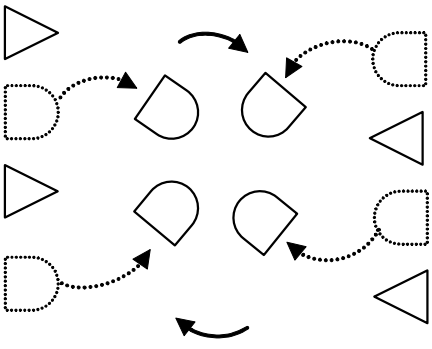


Рис. 39.

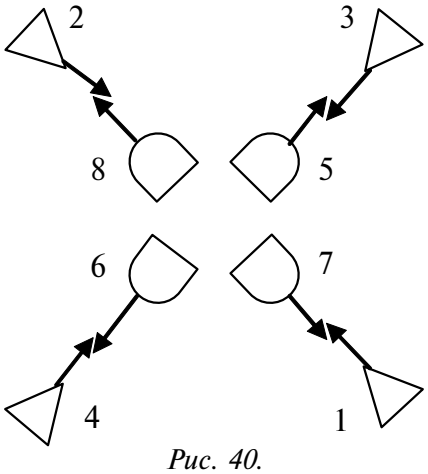


Рис. 40.

25—40 такты. Повторить такты 9—24 (Рис. 40), а затем только 1-й юноша вращается с 7-й девушкой, 4-й юноша вращается с 6-й девушкой, 2-й юноша вращается с 8-й девушкой, 3-й юноша вращается с 5-й девушкой, (Рис. 41).

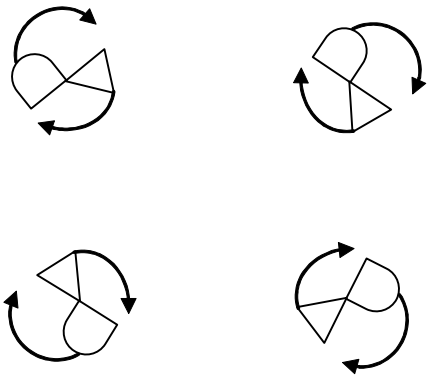


Рис. 41.

Четвертая часть (колено)

Пойду плясать, надену баретки,
Буду ноги поднимать выше табуретки.

1—8 такты. Повторить 1—8 такты 1-й фигуры, в конце 8-го такта они разворачиваются в круг.

9—16 такты. Все участники двигаются по кругу, по ходу часовой стрелки. Девушки исполняют дробные выстукивания, юноши идут простыми шагами. Руки произвольны в движении (Рис. 42).

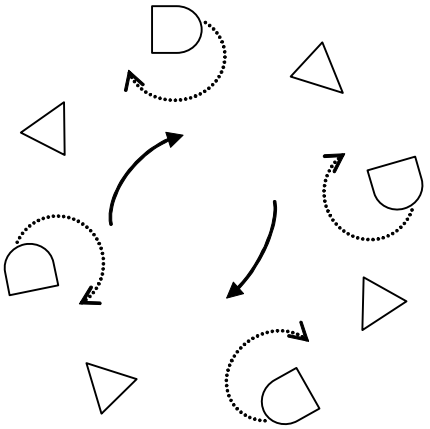


Рис. 42.

17—31 такты. Юноши и девушки вращаются в паре, соединив правые руки (Рис. 43), на 32-й такт девушки разворачиваются к юношам и встают друг к другу лицом.

Рис. 43.

33—48 такты. Юноши и девушки начинают движение «шен», вначале встречаясь правым плечом, а затем левым и т.д. (Рис. 44).

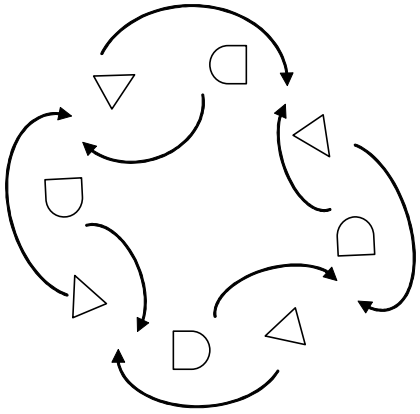


Рис. 44.

49—64 такты. Повторить такты 17—32, юноши и девушки вращаются в паре под правую руку (Рис. 45).

Затем пляска начинается сначала.

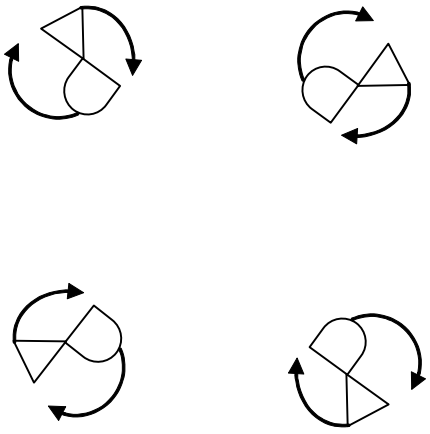


Рис. 45.

ОПИСАНИЕ ДВИЖЕНИЙ

Движение № 1. «Основной шаркающий шаг»

Музыкальный размер — 2/4.

Исходное положение ног — 6-я произвольная позиция.

«Из-за такта» — приподнять правую ногу немного вверх.

На «раз» — опуская правую ногу, сделать шаг вперед и освободить левую ногу, которую немного поднять вверх.

На «и» — шаркнуть левой ногой вперед по полу.

На «два» — опуская левую ногу, сделать шаг вперед и освободить правую ногу, которую немного поднять вверх.

На «и» — шаркнуть правой ногой вперед по полу.

На следующий такт движение начинается с правой ноги.

Движение № 2. «Шаг с каблука»

Музыкальный размер — 2/4.

Исходное положение ног — 6-я произвольная позиция.

На «раз» — сделать большой шаг вперед правой ногой с каблука и на «и» перенести на нее тяжесть тела .

На «два» — сделать большой шаг вперед левой ногой с каблука и на «и» перенести на нее тяжесть тела.

На следующий такт движение начинается с правой ноги.

Движение № 3. «Пляска на месте»

Музыкальный размер — 2/4.

Исходное положение ног — 6-я произвольная позиция.

«Из-за такта» — подпрыгнуть на левой ноге, одновременно поднять правую ногу вверх, слегка согнув ее в колене.

На «раз» — с ударом опустить на пол правую ногу немного вперед.

На «и» — подпрыгнуть на правой ноге, одновременно поднять левую ногу вверх, слегка согнув её в колене.

На «два» — с ударом опустить на пол левую ногу немного вперед.

На «и» — подпрыгнуть на левой ноге, сместив ее немного назад, одновременно поднять правую ногу вверх, слегка согнув ее в колене.

На следующий такт повторить движение с правой ноги.

Движение № 4. «Дробь с двойным ударом всей стопой»

Музыкальный размер — 2/4.

Исходное положение ног — 6-я произвольная позиция.

«Из-за такта» — приподнять правую ногу вверх.

На «раз» — двойной удар всей стопой правой ноги по полу с продвижением вперед, одновременно перенести тяжесть тела и освободить левую ногу.

На «и» — двойной удар всей стопой левой ноги по полу с продвижением вперед, одновременно перенести тяжесть тела и освободить правую ногу.

На «два» — повторить движение правой ногой (см. на «раз»).

На «и» — повторить движение левой ногой (см. на «и»).

На следующий такт движение повторяется с правой ноги.

Движение № 5. «Попеременные удары всей стопой и тройной удар ногами»

Музыкальный размер — 2/4.

Исходное положение ног — 6-я произвольная позиция.

Движение исполняется на два такта.

Первый такт

«Из-за такта» — приподнять правую ногу вверх.

На «раз» — ударить всей стопой правой ноги в пол и перенести на нее тяжесть тела, одновременно освободить левую ногу.

На «и» — ударить всей стопой левой ноги в пол и приподнять ее вверх.

На «два» — ударить всей стопой левой ногой в пол и перенести на нее тяжесть тела, одновременно освободить правую ногу.

На «и» — ударить всей стопой правой ноги в пол и приподнять ее вверх.

Второй такт

На «раз» — удар в пол всей стопой правой ноги.

На «и» — удар в пол всей стопой левой ноги.

На «два» — удар в пол всей стопой правой ноги.

На «и» — пауза.

На следующий такт движение повторяется с левой ноги.

Движение № 6. «Прыжки на месте»

Музыкальный размер — 2/4.

Исходное положение ног — 6-я позиция.

На «раз» — соскочить во вторую позицию, стопы ног параллельные, а колени обеих ног слегка согнуты.

На «и» — приседая, согнуть колени еще больше.

На «два» — разогнуть колени и прыгнуть вверх, одновременно свести ноги в 6-ю позицию.

На «и» — приседая, согнуть колени.

На следующий такт движение повторяется. При исполнении движения по второй позиции можно разворачиваться вправо, а затем влево.

Движение № 7. «Хлопки с ударами ног»

Музыкальный размер — 2/4.

Исходное положение ног — 6-я произвольная позиция.

«Из-за такта» — хлопок в ладоши перед собой на уровне груди, одновременно согнуть правую ногу в колене и приподнять ее вверх.

На «раз» — ударить всей стопой правой ноги в пол, одновременно развести руки в стороны на уровне плеч.

На «и» — подскочить на правой ноге, одновременно приподнять левую ногу немного вверх.

На «два» — удар в пол всей стопой левой ноги.

На «и» — удар в пол всей стопой правой ноги.

На следующий такт движение повторяется с левой ноги.

Движение № 8. «Хлопки по бедрам с переступанием»

Музыкальный размер — 2/4.

Исходное положение ног — 6-я произвольная позиция.

«Из-за такта» — согнуть правую ногу, приподнять ее вверх и развести руки в стороны на уровне плеч.

На «раз» — слегка наклонив корпус вперед, ударить правой ногой в пол, одновременно приподнять левую ногу немного назад.

На «и» — удар левой рукой по левому бедру (удар фиксирующий).

На «два» — переступить на левую ногу.

На «и» — удар правой рукой по правому бедру и поднять правую ногу.

На следующий такт движение повторяется с правой ноги.

Движение № 9 «Шаг с приставкой и ударом каблука»

Музыкальный размер — 2/4.

Исходное положение ног — 6-я позиция.

«Из-за такта» — приподнять правую ногу вверх .

На «раз» — опустить с ударом правую ногу, перенести на нее тяжесть тела и приподнять левую ногу.

На «и» — левую ногу поставить за пятку правой ноги, перенести на нее тяжесть тела и приподнять правую ногу.

На «два» — опустить с ударом правую ногу, перенести на нее тяжесть тела и приподнять левую ногу.

На «и» — вскользь ударить каблуком левой ноги, вынести ее вперед и немного вверх.

На следующий такт движение начинается с левой ноги.

Движение № 10. «Тройной притоп»

Музыкальный размер — 2/4.
Исходное положение ног — 6-я позиция.
На «раз» — удар всей стопой правой ноги и приподнять левую ногу.
На «и» — удар всей стопой левой ноги и приподнять правую ногу.
На «два» — удар всей стопой правой ноги.
На «и» — пауза.
На следующий такт движение начинается с правой ноги.

Литература

Богатырев П.Г. К вопросу о сравнительном изучении народного словесного, изобразительного и хореографического искусства у славян // Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 430.
Богданов Г.Ф. Самобытность русского танца. М., 2003.
Власенко Г.Я. Русский танец Поволжья. Самара, 1996. С. 5.
Всеволодский-Гернгросс В.Н. Крестьянский танец // Искусство Севера Л., 1928. Т. 2. С. 237.
Голейзовский К.Я. Образцы русской народной хореографии. М., 1964. С. 118, 123, 174, 221.
Захаров В.М. Поэтика русского танца. М., 2004. Т. 1. С. 210. Т. 2.
Захаров Р.В. Записки балетмейстера. М., 1976.
Заикин Н.И., Заикина Н.А. Областные особенности русского народного танца. Орел, 2003. С. 16.
Климов А.А. Основы русского народного танца. М., 1994. С. 36—37, 110.
Князева О.Н. Танцы Урала. Свердловск, 1962. С. 9.
Королёва Э.А. Ранние формы танца. Кишинев, 1977. С. 8.
Мальми В.Г. Истоки Карельской хореографии. Петрозаводск, 1994. С. 21.
Мурашко М.П. Формы русского танца. Книга 1. «Пляска». М., 2006.
Надеждина Н.С. Русские народные танцы. М., 1951.
Настюков Г.А. Народные танцы на самодеятельной сцене. М., 1976.
Палилей А.И. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1996. С. 9.
Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского фольклорного города. М., 1978. С. 144—160.
Русские частушки, страдания, припевки / Сост. Н. Котикова. Л., 1961. С. 3.
Смирнов И.В. Искусство балетмейстера. М., 1986.
Уральская В.И. Народная хореография. М., 1972.
Уральская В.И. Рождение танца. М., 1982.
Устинова Т.А. Беречь красоту русского танца. М., 1959. С. 102.
Устинова Т.А. Фольклорные танцы Тверской земли. Тверь, 2002.
Фомин А.С. Танец: понятие, структура, функции. М., 1994. С. 21.
Чурко Ю.М. Белорусский народный танец. Минск, 1972. С. 12, 15, 173.
Яницкая М.Д. Методика собирания и запись танцевального фольклора. М., 1981. С. 3—7.
Яницкая М.Д. Русские народные хороводы и танцы Ярославской области. М., 1994.

Промыслы и ремесла

А.Г. КУЛЕШОВ
Мужские ремесла
411

С.В. ПРОСИНА
Женские ремесла
433

С.В. ПРОСИНА
Народный костюм
448

А.Г. КУЛЕШОВ

Мужские ремесла

Древний Муромский край известен не только своими историческими достопримечательностями и интересными архитектурными памятниками, органично вошедшими в природную панораму красивейших приокских земель. Знаменит он и своими ремеслами, из поколения в поколение продолжавшими богатые традиции местной народной культуры. Глубокая связь со стариной всегда определяла их характер. Древности Владимиро-Суздальской земли и более ранние пласты дославянской и раннеславянской культуры оказались той основой, на которой складывалась и развивалась местная архитектурно-строительная и художественно-ремесленная традиция.

Ведущее положение среди муромских ремесел исстари занимали те, которые были связаны с деревообработкой. Это наблюдалось и на других территориях Владимирского лесного края. Плотницкое дело, декоративная домовая резьба, столярное и токарное дело, лозоплетение и плетение из корня сосны, изготовление берестяных изделий — все это интересно и самобытно развивалось на Муромской земле. Были здесь и скульпторы, работавшие в дереве, и народные художники, владевшие росписью деревянных изделий. Другими ремеслами занималось меньшее количество мастеров, но они тоже успешно развивались в этих местах. Во многих селах работали каменщики, резчики по металлу, гончары, печники, валяльщики. В данных видах мужских ремесел муромчане, не отставая от соседей, имели свои традиции и свои достижения.

За долгую историю этого края здесь сложились устойчивые правила и оптимальные варианты решений — то, что мы называем традицией и связываем с деятельностью многих поколений живущих на этой земле людей. Каждый мастер старался создать что-то свое, особое, но исходил при этом из того, что было «наработано» до него. Он лишь отбирал и сочетал казавшееся ему необходимым. Опираясь на богатый опыт прошлого, он творчески осмысливал его, отражая в своем произведении еще и собственное видение, и собственные представления.

Как и прежде, муромчане чтят свои древние традиции, стараются сохранить художественно-исторические памятники, возродить народные ремесла, которыми был знаменит этот край. Многие из местных ремесел не только продолжают существовать в наши дни, но и развиваются дальше, несмотря на все сложности и серьезные изменения в общественной жизни. Некоторые из исчезающих ремесел еще могут быть восстановлены, если создать для этого благоприятные условия. Потребность в их изделиях сохраняется и теперь.

Особое значение в Муромском крае, как и в Гороховецком, придавалось плотницкому искусству и искусству деревянной резьбы. Они были связаны с таким важным делом, как строительство и оформление жилищ, храмов и хозяйственных сооружений.

Глубинные связи с разными слоями местной культуры наблюдаются как в постройках XIX—XX, так и в постройках современного, XXI в. Это запечатлено и в типологии, и в строительных приемах, используемых на всех территориях края, и в

принципах самой декоративной резьбы, особенно в орнаментике (в излюбленных орнаментальных мотивах и их сочетаниях).

Характерная для среднерусской полосы типология жилого дома («дом-брус»), объединяющая основной объем избы с пристроенным к нему двором для скота, примерно одинакова для всех районов Владимирской области, хотя некоторые локальные особенности в решении и оформлении жилых построек все-таки фиксируются в разных концах этой большой территории. В Муромском крае, например, в отличие от Гороховецкого, расположенного немного севернее, совсем не встречаются дома на высоком подклете со ставнями. Зато прослеживается большое разнообразие в решении входа (через открытое крыльцо или застекленную террасу), а также в оформлении светелки. Кровельные перекрытия в более ранних постройках обычно архаичные самцовые двухскатные (они встречаются еще довольно часто в разных местах). В более поздних домах, в том числе и современных, они стропильные на «связях» (такие дома составляют основную массу). Муромские избы, как и везде, имеют 3 или 5 окон по фасаду. Так называемые пятистенки (дома большей площади с двухчастным членением внутри) распространены широко, им отдают предпочтение и современные строители. Снаружи стены домов чаще всего обшиты тесом, а нижняя их часть забрана вертикальными планками. Углы изб, как это принято, подчеркнуты прибоинами, а верхняя горизонталь по фасаду нередко оформлена в виде фриза. Окна имеют нарядные наличники с выделенным очельем. Выступающий объем светелки, обычный при стропильном перекрытии, также имеет красивый резной декор. Жилые постройки в два этажа встречаются довольно редко, преимущественно в крупных селах. Это дома богатых крестьян, которые когда-то успешно занимались ремеслом и торговлей. Такие дома можно найти, в частности, в селе Борисоглеб. В одном из них нижний этаж, по свидетельствам старожилов, был отведен под мастерскую.

Помимо домов обычного типа, в некоторых муромских селах попадаются и дома с необычной планировкой. Их называют здесь «дом с палаткой». Эти дома строились на каменном фундаменте, но имели, кроме того, специальное полуподвальное помещение с низким сводчатым потолком, каменными стенами и каменным полом, которое располагалось под террасой и прирубом. Оно было хорошо защищено, особенно на случай пожара. Дверь из «палатки» в избу была обита железом, запасная дверь на улицу — также, а маленькое оконце имело крепкую чугунную решетку, затруднявшую проникновение извне. В «палатке» хранили наиболее ценные вещи, то, что называлось «добром». Позднее такие «палатки» стали переделывать под погреба, а в наши дни — и под гаражи. Полностью в ее первоначальном виде «палатка» сохранилась, например, в одном из домов села Панфилово. Любопытно, что постройки данного типа (а это обычно богатые дома), как правило, не имели характерного заднего двора, соединявшегося с основной частью жилища. Судя по названию, подобный тип постройки имел связь с очень древней традицией, с памятниками владимиро-суздальской архитектуры. Использование в названии древнерусского термина «палата» или «палатка» в местном диалекте, видимо, не случайно. «Палата», как известно, — это богатый дом-терем, или просто надежный, прочный каменный дом. К сожалению, мы слишком плохо знаем древние каменные постройки жилого характера. Уникальные по своей ценности каменные палаты XVII в. сохранились в городском ансамбле соседнего Гороховца, но это своего рода исключение: жилая архитектура древности почти не дошла до нас.

Встречаются не только каменные фундаменты в богатых домах, но и довольно крупные хозяйственные постройки, сооруженные из кирпича (ледники, амбары, лабазы). Некоторые из них, как например, большой лабаз из красного кирпича в селе Борисоглеб, сохранили даже дату, год постройки. В данном случае эта дата вынесена на фасад и находится на кованой двери. Последняя цифра справа стерлась, поэто-

му назвать дату полностью нельзя, но и без того понятно, что это 1900-е гг. Рубеж XIX—XX и самое начало XX в. — это то время, когда в российской провинции строили очень много и в городах, и в больших селах. Борисоглебский лабаз сохранил кованую железную дверь, которая, как и высокое качество кладки, и сам масштаб строения, свидетельствуют о значении данного хозяйственного сооружения в жизни села.

В местном зодчестве интересны и хозяйственные постройки из дерева, особенно те, что говорят о связи с древними строительными традициями данных территорий. Речь идет о небольших амбарах с архаичной самцовой кровлей, поставленных на высокие сваи (нижняя часть их забрана теперь досками). Примером подобного сооружения может быть неплохо сохранившийся амбар в селе Польцо. Прошли столетия, но традиция такого рода построек, как это ни удивительно, осталась почти неизменной. Связана она с древнейшей свайной архитектурой местных угро-финских (мурома, меря, мещера) и раннеславянских племен, населявших когда-то заливные поймы рек, приокские земли в частности. Нередко древние люди пользовались для свай стволами деревьев вместе с корневищем для большей устойчивости. В результате сложился образ необычной постройки — «на курьих ножках». Она получила потом отражение в фольклоре, войдя в тексты русских народных сказок.

Из каменных сооружений в муромских селах особенно значимы храмы. Они опираются преимущественно на архитектурные традиции Верхневолжья — прежде всего Ярославля и Костромы, — но не утрачивают и связи с более ранними, владимиро-суздальскими памятниками. То же можно наблюдать и в Гороховце, находящемся очень близко от Мурома. Возможно, в обоих случаях работали одни и те же артели мастеров. В практике XVII в. это бывало часто, особенно на соседних территориях. Локальная специфика все равно проявлялась. Ее отражали и композиционные решения, и особенности декора, строительная техника и излюбленные мотивы орнамента. Примером хорошо сохранившейся церковной постройки XVII в. может быть храм Бориса и Глеба в селе Борисоглеб. Он является характерным посадским храмом ярославского типа и отличается правильными пропорциями, компактной композицией, строгим, но нарядным декором. Любопытно, что памятники церковной каменной архитектуры, в том числе и этот храм, оказывали непосредственное влияние на решения в местной деревянной архитектуре. Это касается, в частности, оформления крылец в домах и светелок, где часто используются мотивы гульбищ таких посадских храмов XVII—XVIII вв. Очень характерен и мотив полуциркульной арки, несомой столбиками-балясинами или бочкообразными колонками.

Аркатурно-колончатый фриз — типичный мотив средневекового каменного зодчества Древней Руси XII в., воспринимается как сугубо местный владимиро-суздальский. Он продолжает использоваться и в более позднее время. В качестве знакового мотива такой фриз сохраняется во многих муромских храмовых постройках XVI—XVII вв. Это мы и наблюдаем как раз в церкви Бориса и Глеба в селе Борисоглеб. Затем данный мотив органично входит в решения жилых деревянных построек. Пример, — оформление фронтона в домах села Молотицы и деревни Рожново, подклета в одном из домов в деревне Мартыново. О заимствовании из древнерусского каменного зодчества свидетельствует и применение другого архитектурного мотива — килевидного кокошника и закомарного завершения. Закомарная форма завершает, в частности, фасадную стену хозяйственной каменной постройки в селе Молотицы. Килевидные кокошники встречаются не только в оформлении оконных наличников, но и в обрамлении слухового окна светелки (дома в селе Молотицы), в дополнительном украшении арки крыльца (дома в деревне Алешунино). Послойное расположение выступающих друг над другом рядов

в резных подзорах муромских домов тоже напоминает решения древнерусской каменной архитектуры (дом со сложным пропильным подзором в селе Борисово).

То, что традиции владимиро-суздальской архитектуры оказываются такими живучими и ключевыми для Муромской земли, весьма показательно. О связях с древностью можно говорить применительно к разным территориям этого района, но особенно отчетливо они проявляются в таких местах, как села Борисоглеб, Мартыново, Молотицы, деревни Алешунино, Рожново, Борисово, Лесниково.

Интересно, что наблюдать эти связи можно не только анализируя собственно архитектурные памятники. Эти связи видны и при внимательном рассмотрении архитектуры местных муромских печей. В одном из домов деревни Лесниково мы находим, например, такое сложное трехъярусное решение основного объема, которое напоминает изразцовые печи XVII—XVIII вв. Прекрасные изразцовые печи этого времени сохранились в монастырях соседнего Гороховца, но были они и в Муроме, где изразцы тоже использовались в каменных храмовых постройках. Известно, что муромские изразцы славились своей красотой.

Городская каменная архитектура других художественно-исторических периодов тоже оказала свое влияние на жилую деревянную архитектуру Муромского края, однако оно не было столь значимым. Трудно говорить о прямом воздействии памятников позднего барокко и классицизма (скорее оно шло через произведения стиля эклектики 2-й половины XIX в.). Однако целый ряд элементов, характерных для архитектуры данных стилей, находят свое отражение в муромских деревянных постройках. Из барочных элементов — наличники с «разорванным» или лучковым фронтоном, так называемые серьги или уши в нижних углах оконного обрамления. Из классицистических элементов — фронтоны с выделенным замковым камнем, сложные профилировки, не свойственные деревянным сооружениям, карнизы в духе каменных городских домов, характерные пропорции окон. Влияние архитектурных памятников стиля модерн, не принятого жителями Мурома (в Гороховце, в отличие от Мурома, этот стиль был представлен очень широко), не наблюдается ни в каменной городской, ни в деревянной жилой архитектуре. В виде исключения иногда встречаются геометрические мотивы, напоминающие орнаментальные формы стиля модерн, однако эти исключения крайне редки и связаны только с прикладным искусством.

Типология современного муромского жилища по существу мало чем отличается от того, что было когда-то. Она очень традиционна и устойчива. Ориентируются теперь в основном на пятистенный вариант дома, более удобный для жизни семьи. Дома меньшей площади есть повсюду, только не они, пожалуй, имеют роль образца. В соответствии с новыми условиями жизни меняется характер, скорее, хозяйственных построек, чем самого жилища. Заново строят в этих местах немного, больше поновляют и расширяют старые, уже существующие дома, доставшиеся по наследству. При этом, как правило, стараются сохранить все-таки прежний облик дома, к которому все привыкли. Это важно, потому что таким образом вполне осознанно защищается сложившаяся местная традиция. В целом, можно сказать, что серьезных изменений в строительном деле здесь почти не наблюдается.

Примерно то же самое следует отметить и в связи с наружным оформлением муромских домов. И в этом традиция здесь мало нарушается: используются те же композиционные приемы и мотивы, техники резьбы и сочетания разных ее видов. Как и прежде, в оформлении фасадов применяют в основном накладную резьбу, имитирующую более сложную, трудоемкую рельефную. Используют и ажурную пропильную, вошедшую в моду в конце XIX в. и полюбившуюся здесь. Глухая рельефная, или так называемая корабельная резьба, широко распространенная в соседнем Гороховецком крае, и древняя трехгранно-выемчатая резьба, тоже встречающаяся там, на Муромских землях почти не используется в наружном убранстве

домов. Зато первые два вида резьбы употребляются местными мастерами широко и многообразно, в свободных и органичных сочетаниях.

Наличники окон в муромских домах имеют разные, порой довольно сложные очертания очелий: в виде кокошника со скругленным волнистым краем или в виде треугольного фронтона. В их боковинах соединяются иногда не только плоскостные накладные и пропильные детали, но и детали объемные (тонкие колонки, балясины). В нижних углах наличников почти всегда есть завершение в виде так называемых серег или ушей, которые являются отражением древнерусской традиции XVII в. и традиций барокко. Наличников, выполненных полностью в пропильной технике резьбы немного, но они встречаются. Их выделяют, как правило, сложные композиционные решения, с ярусными двух- или трехуровневыми очельями. Их ряды нависают друг над другом, создавая пышный кружевной декор, далеко выступающий вперед над горизонталью оконной рамы.

Особенно много интересных и выразительных в художественном отношении наличников в старых хорошо сохранившихся или в аккуратно восстановленных домах. Они встречаются в таких селах, как Борисоглеб и Молотицы, в деревнях Прудищи и Рожново. Важную роль в оформлении фасадов играют и многослойные пропильные подзоры (дома в деревне Рожново и селе Борисово). Выделяются также широкие фризы с накладными орнаментальными деталями и резными кронштейнами, поддерживающими вынос карниза (дома в селе Борисоглеб). Доски-прибоины по углам сруба и в средней его части (при пятистенном варианте дома) четко обозначают вертикали в решении фасада, выявляя особенности самой конструкции. Сруб нередко обшит тесом; доски-причелины как украшение края кровли могут оформляться пропильной резьбой и дополняться по углам небольшими полотенцами с ажурным просечным орнаментом.

Дома с тремя и пятью окнами по фасаду обычно имеют примыкающую к срубу террасу, увенчанную ступенчатым аттиком с многолучевой розеттой — символом солнца. Так же завершается и открытое крыльцо входа с полуциркульной аркой на колонках-балясинах, что свидетельствует об устойчивости местной традиции. Ее не нарушали и в советское время, в XX в., только вместо солярного символа использовали пятиконечную звезду. Такое решение можно увидеть, в частности, в одном из домов деревни Прудищи.

Терраса как пристройка к срубу при входе в дом сама произошла из открытого крыльца, что было обусловлено климатическими особенностями Средней России. Не случайно поэтому в домах южной части Муромского края такие открытые крыльца встречаются особенно часто. В современных муромских домах неизменно сохраняется традиционный для этих мест резной деревянный декор, выполненный в привычных формах, приемах и техниках. Это относится не только к поновляемой и реставрируемой резьбе, но и к резьбе, украшающей новые, только что построенные дома. И старые, и молодые резчики свободно варьируют элементы характерного местного декора, отталкиваясь от лучших образцов, увиденных на своей собственной территории, в соседних селах или в самом Муроме.

Существуют излюбленные мотивы, к которым обращаются постоянно. Их выбор определен как культурно-исторической средой и декоративными задачами, так и самими техниками резьбы, используемыми в данном крае. Любопытно сопоставить решения муромских народных мастеров с работами резчиков в соседних районах, например, в Гороховецком крае. Такое сравнение дает возможность не только выявить художественную специфику, но и понять ход развития этого искусства в пределах примерно одного и того же периода, в конце XIX — начале XXI в.

В глухой рельефной резьбе Гороховецкого края всегда господствовали мотивы растительного происхождения (розетты, стебли и узорчатые листья аканфа), их сложное плетение нередко включало в себя мифологические образы, изображения

животных и птиц. В результате складывались сложные декоративные композиции, в которых, не мешая друг другу, а наоборот, усиливая и подчеркивая значение каждого, сочетались фигуративные и орнаментальные элементы. Искусство гороховецких резчиков оригинально. Исходя из собственных представлений и вкусов, оно интерпретирует традиции позднего барокко и классицизма.

Иначе в Муромском крае. Здесь на первый план выступают традиции более древние, глубинные. Они сохраняются, несмотря на все изменения времени. Излюбленный мотив муромских резчиков — солярный знак, звезда и птица: водоплавающая (утица) или голубь. Изображение птицы встречается здесь повсюду, то в приближенном к натуре, то в более стилизованном или совсем условном варианте. Господство данного мотива, который используется и в декоре бытовых предметов (прялок, дымников, в деревянной посуде, мебели), видимо, не случайно. Оно связано с глубокой древностью, с жизнью финно-угорских и раннеславянских племен. Для них птица была важным по значению символом, соотносившимся с их представлениями о сотворении мира, о Солнце и Небе. Птицы в мотивах домовой резьбы входят обычно в состав трехчастных композиций: солярная розетта или звезда, а по сторонам ее — две птицы, обращенные к ней. Традиция этих изображений в домовой муромской резьбе сохраняется до сих пор. Птицы могут быть не только в очельях наличников, но и во фронтонном поле старых домов с самцовой кровлей. Иногда, вместо солярного или астрального символа в симметричной композиции с птицами может быть помещено и изображение процветшего стебля (Священного Древа). Интересно проследить, как трансформировался мотив птиц в декоративной деревянной резьбе на примере конкретных памятников. Их довольно много: это дома в селах Польцо и Татарово, в деревнях Борок, Алешунино, Лесниково. Образ, имеющий у одних мастеров вполне реальные очертания, кажущийся рельефным, преобразуется в работах других мастеров в более обобщенный и плоскостный. Он дальше отстоит от натуры, зато имеет более четкий силуэт и потому хорошо согласуется с элементами растительного орнамента. Дальнейшая стилизация этого мотива приводит к еще большей условности, знаковости изображения, которое не узнается сразу, а кажется частью орнаментального ряда.

Еще один вариант трехчастного построения, используемого в очельях муромских наличников, — это композиция с «барсами», которые обычно передаются в зеркальной симметрии. Это тоже очень древний мотив, известный по памятникам XVII в. (например, по изразцам). Такое решение в завершении наличника мы встречаем, в частности, в одном из домов села Борисоглеб, а аналогичное ему — в деревне Лесниково.

Растительная орнаментика очень многообразна в муромской резьбе. Как и в других районах России, она ориентирована в основном на специально создававшиеся для этого образцы конца XIX—XX в. Однако и здесь встречаются мотивы очень древние, заставляющие вспомнить памятники средневековой Руси. В пропильной резьбе подзоров, например, часто повторяется «крин» (трилистник, напоминающий очертаниями цветок лилии), а S-образные стебли, образующие сложные плетения, оформляют кронштейны карнизов.

Еще одна особенность муромских домов и своеобразие их декора — характерная раскраска резных деталей и выделение цветом всех основных частей конструкции. В отличие от Гороховца, где больше любят строгую текстуру дерева, здесь всю резьбу контрастно покрывают росписью. Предпочитают сочетание коричневого с оливково-зеленым и белым или сочетания светло-зеленого с темно-зеленым, зеленого или голубого с белым, розовым и красным. Цветом обязательно подчеркиваются все вертикальные и горизонтальные части постройки. Возможно, в этом тоже сказывается определенное влияние древней каменной архитектуры: для деревянных сооружений такая регулярность в решении изначально несвойственна.

Цвет создает иллюзию конструкции — такая тенденция усматривается вообще в процессе развития деревянной жилой архитектуры в XIX в., но в Муромском крае она проявляется особенно наглядно.

«Изба без украс — это не изба», — говорили в старину. А под украсами понимали не только то, что было снаружи (нарядную фасадную резьбу наличников, фризов, причелин и прочего). Имелось в виду и то, что было внутри: как убрана изба, удобно ли, красиво ли то, что в ней находится. Здесь представлялось важным все: стены, окна, двери, то, как выглядела печь, и то, что стояло в кухне, но главное, — какой была горница. По ней судили об умении и усердии хозяев, о достатке семьи.

Самые необходимые для жизни предметы в доме — это мебель, поэтому ей уделялось всегда особое внимание. В основном ее делали местные мастера — столяры. Некоторые села славились своими мебельщиками, их имена были хорошо известны в округе. Навыки мастерства передавались от отца к сыну, от деда к внуку, от одного умельца к другому. В самом городе тоже работали по большей части народные мастера — выходцы из тех сел и деревень, где был развит данный промысел. Фабричная мебель для средних слоев населения в городе вошла в употребление по существу только в XX в.

Муромские столяры всегда делали и делают до сих пор прочную и красивую мебель, хотя объем создаваемой ими продукции значительно сократился по сравнению со второй половиной XIX — началом XX в. В XX в. в Муроме появилась своя мебельная фабрика, выпускавшая недорогую модную мебель, и ей начали отдавать предпочтение. Промысел здешних резчиков-мебельщиков, делавших традиционные предметы, простые и более сложные, украшенные рельефной резьбой, между тем не переставал существовать. В мастерстве своем эти предметы не уступали знаменитым гороховецким изделиям. Прошло время, и значение традиционного столярного промысла стало только возрастать: люди начали понимать, что модное не всегда может быть надежным и долговечным, а прежнее — более разнообразно, прочно и индивидуально по своему исполнению. Кроме того, натуральное дерево намного красивее полированной фанеры.

Отметим интересный факт: в своей архитектурной, домовой резьбе муромские резчики, в отличие от гороховецких, почти совсем не пользовались глухой рельефной резьбой, зато в интерьере, в своей мебели применяли ее довольно широко и в разных градациях (очень высокую, не слишком высокую и уплощенную). Объяснить это непросто. Видимо, просечная и уплощенная накладная резьба более соответствовала древним муромским традициям в строительном деле, что же касается распространенной в конце XIX в. пропильной ажурной резьбы, то она, наверное, импонировала муромчанам своими связями в орнаменте с искусством Древней Руси, которое здесь так почитали. Местные мотивы легко вписывались в этот контекст. Поскольку мастера-мебельщики, как правило, одновременно занимались и оформлением самого интерьера, выполняли интерьерную резьбу, трудно расчленить эти виды их деятельности. Поэтому, рассказывая о резчиках Муромского края и самого города Мурома, мы не станем вводить такого разграничения.

Из селений, давно славившихся своими столярами-резчиками, прежде всего, следует назвать д. Степаньково. Здесь много мастеров, занимающихся данным ремеслом. Все они хорошо знают свое дело, работают на себя и по заказу. В настоящий момент можно даже говорить, как нам кажется, об известном усилении здешнего промысла. Местные мастера не только организовали специальную фирму по производству мебели, но и начали привлекать к работе в ней столяров из других мест, расширяя свое дело.

Из ныне здравствующих назовем ***И.А. Суркова*** (1926 г.р.) и его сына ***Г.И. Суркова*** (1953 г.р.), который как раз и возглавил созданную мебельную фирму. Навыки

работы с деревом он получил от отца и деда. Это потомственный и очень активно действующий мастер; хорошо знает типологию старинной мебели, владеет всеми техниками резьбы, интересуется историей местных промыслов и историей края. Его мебель отличается строгими формами и простотой в оформлении, что было свойственно традиционной крестьянской мебели XVIII—XIX вв. Так выглядят его стулья или широкая красивая скамья, восходящая в своей типологии к изделиям XVII—XVIII вв. Нечто похожее можно увидеть в Муромском музее и музее Гороховца. Скамья имеет подставку в виде квадратных в сечении брусков и очень устойчивые ножки — две гладкие сужающиеся плоскости с полукруглым вырезом снизу. Стяжка-брус имеет заостренные концы, доска сиденья надежна, хорошо пригнана. Скамьи такого вида делали на протяжении многих поколений. Они продуманы в конструкции и не имеют ничего лишнего в оформлении. Так же строги выполненные мастером филенчатые комнатные двери и дверцы платяного шкафа, который в своих пропорциях и формах напоминает уже не крестьянскую, а городскую мебель, создававшуюся в духе произведений позднего классицизма.

Г.И. Сурков хорошо владеет техникой рельефной резьбы, но пользуется ею только при оформлении отдельных предметов, выделяющихся по своему назначению. Высокой рельефной резьбой украшены, например, карнизы для занавесок на окнах его дома, так он оформляет и создаваемые на заказ кресла, которые делает по старым, часто музейным образцам. Он не копирует полностью, но старается сохранить главное — пластическую выразительность вещи. Нам было показано находившееся еще в работе кресло, создаваемое по образцу XVIII в. Рельефная резьба декорирует и его подлокотники, и ножки, а по центру спинки у верхнего края располагается небольшая объемная маска льва как знак достоинства и силы, как оберег.

Иным видом рельефной резьбы этот мастер пользуется, если он делает резную икону. Мы обратили внимание на одну из них. Это был образ Николая Чудотворца, любимого в народе святого, чтимого буквально повсюду, в том числе и в Муромском крае. Для иконы была выбрана твердая порода дерева — дуб, который используется для этого крайне редко, и, по всей видимости, только на этой древней, былинной земле. Изображение передано в низком рельефе, крупными, малопроработанными строгими плоскостями. В работе над этой иконой мастер явно имел перед глазами какие-то иконописные образцы и изображения в миниатюрах на дереве или кости, которые он мог видеть в музеях. Благодаря успешной организаторской деятельности Г.И. Суркова фирма степаньковских мастеров дает новую жизнь старому муромскому промыслу.

Интерес к старине, как уже отмечалось, характерен для здешних мест. Этой особенностью отличается работа и других степаньковских мастеров. ***А.А. Григоров*** (1951 г.р.) тоже делает очень хорошую мебель и тоже использует при этом интересные старые образцы как традиционной крестьянской, так и городской мебели (в том числе и той, что делали народные мастера в местных дворянских усадьбах в 1-й пол. — сер. XIX в.). Особенно удачны, на наш взгляд, стулья. В оформлении их спинок он широко применяет глухую рельефную резьбу, варьируя и творчески перерабатывая в духе традиции характерные декоративные решения. Мастер изобретателен, хорошо чувствует фактуру дерева и владеет всеми навыками столяра и резчика. Еще А.А. Григоров увлекается живописью и художественным металлом, поэтому может использовать в своем творчестве неожиданные сочетания. Это и помещенные в рельефные рамки яркие, нарисованные им цветы в стиле Городца или Жостова, и тонированные низкие рельефные изображения (например, панорамы древнего Мурома), и собственные пейзажи здешних мест. Привлекает неординарность, художественное чутье, которое чаще всего удерживает мастера на хорошем уровне.

В Степанькове живут еще несколько мастеров — мебельщиков и резчиков. Это ***А.И. Зудков, А.И. Курышев*** и другие, более молодые мастера (о Зудкове мы еще упомянем ниже). И все-таки самой большой знаменитостью здесь считается теперь уже покойный ***Г.А. Губанов*** (1938—1998). Весь его дом буквально наполнен деревянной резьбой. Он любил свое дело и мастерил, как рассказывают, постоянно, свободно пользуясь приобретенным с юных лет опытом и знаниями резчика. В дерево был просто влюблен, и это чувствуется (о нем как о народном скульпторе мы еще будем говорить ниже).

Мебель у Г.А. Губанова очень традиционна, она выполнена по давно утвердившимся в этих местах канонам. Интересна, собственно, не столько сама мебель, сколько ее оформление. Он был мастером, одинаково успешно использовавшим как очень высокую рельефную резьбу, так и очень низкую уплощенную. Из предметов, декорированных высокой глухой резьбой, особенно выделяется, конечно, широкая двуспальная кровать. Она сделана из дерева груши красивого розового тона, и вся покрыта такой резьбой. Кровать очень высокого уровня по технике исполнения, которая сопоставима с работами гороховецких мастеров, особо славившихся этим искусством. Губанов использовал здесь мотив широкой цветочной гирлянды, в котором на фоне гравированных листьев подчеркнуто выделяются крупные, хорошо моделированные чашечки распустившихся цветов. Встречается здесь и мотив рога изобилия. В результате складывается впечатление очень дорогого, красивого изделия, напоминающего произведения позднего барокко.

Высоким рельефом украшены и карнизы для занавесок в этом доме. В них между самими элементами растительного орнамента мастер поместил овалы обрамлений для семейных фотографий (в других домах они висят на стенах в отдельных рамках). Решение, может быть, и остроумное, однако все в целом оказывается слишком перегруженным, особенно если учесть, что по стенам у Губанова укреплены резные панели. Они тоже с изображениями. Любовь к дереву, желание создать в своем доме какое-то особое пространство, наполненное живыми пластическими образами, видимо, было уж чересчур велико.

Каждое панно красиво и интересно по композиции. Изображения довольно крупные, выполнены они в уплощенном рельефе на светлом дереве березы с тонкой проработкой поверхности. Рельефные изображения наложены на плотно пригнанные друг к другу проолифленные деревянные планки, которые создают темный, золотисто-коричневый фон. Получается очень декоративно и выразительно. Особенно выделяются панно с изображениями Древа, которое воспринимается как Райское Древо. То оно представлено в виде причудливого высокого растения, к которому подходит большая сказочная птица, похожая на цаплю, то дается в виде виноградной лозы с крупными гроздьями, то в виде цветущего куста, к которому подлетают птицы. В целом, всякий раз создается впечатление сказочной картины, чего-то прекрасного, необычного, чего не хватает в реальной жизни.

Кроме Степанькова, столяры-резчики есть и в других местах. В деревне Лесниково, например, работают ***В.П. Киселев*** и ***Н.П. Ключников***, а еще совсем недавно работал старый мастер ***И.М. Святов*** (1915 г.р.). И Святов, и Киселев делают свою мебель в традициях позднего классицизма, строго выдерживая характерные пропорции, используя для украшений точеные детали и невысокую рельефную резьбу. Из мебели Святова сохранился красивый шкаф-поставец, выполненный еще в 30-е г. XX в. На нижних его дверцах характерная для конца XIX — нач. XX в. изящная резьба в виде букетов лилий, выполненных с большим мастерством. А в доме В.П. Киселева из сделанных им вещей выделяются платяной шкаф, комод, зеркало в высокой раме, несколько столиков и тумбочек для предметов современного обихода (телевизора, магнитофона). Функционально эти тумбочки и столики действительно кажутся

вещами нового времени, а в технике исполнения и отдельных элементах они абсолютно традиционны. Дерево он часто тонирует и лакирует.

Иначе работает ***Н.П. Ключников***. Он делает мебель только для себя и, подобно некоторым степаньковским резчикам, увлечен больше муромской стариной — крестьянской мебелью XVII—XIX вв. Нам показалась интересной его лавка, повторяющая древние образцы. Оригинально скульптурное оформление ее ножек. Плоскости двух этих опор заканчиваются мощными медвежьими лапами.

В селе Татарово тоже есть свои мастера. Это ***М.Ф. Софронов*** (1951 г.р.) и ***С.В. Садков*** (1967 г.р.). Творчество Софронова очень многообразно. Он может выполнять домовую резьбу, восстанавливать старые наличники. Сам сделал для себя одноместную лодку-долбленку с одним веслом из цельного ствола дерева (она напоминает находки археологов в торфяниках вблизи финно-угорских поселений), делает традиционную по типологии и формам мебель для дома, например, круглые табуреты на фигурных ножках-кронштейнах. Увлекаясь токарным делом, он уже давно стал вытачивать ложки разных типов (с округлой и каплевидной лопастью, с коротким и длинным черенком). Как правило, вырезает их из мягких пород дерева (липы, березы, груши, клена). Лаком не покрывает (для этого нужен специальный пищевой лак), только выдерживает какое-то время в кипящем растительном масле, что придает им большую прочность и выявляет золотистый цвет дерева. Иногда ложки расписывает в городецком или хохломском стиле его дочь, но тогда они используются как сувенир.

С.В. Садков — мастер другого поколения. Он ищет собственные выразительные средства в оформлении создаваемых предметов мебели. Использует накладной декор, но не в технике рельефной резьбы, как другие мастера, а в технике пропильной ажурной резьбы. Светлые элементы такой резьбы хорошо читаются на темном фоне гладких плоскостей его мебели. Решение по-своему интересно, однако оно дает несколько упрощенный художественный результат, кроме того, тематически данная техника тоже ограничивает возможности мастера. Здесь можно пользоваться только растительным или геометрическим орнаментом. В связи с этим естественно встает неизменный вопрос о значении традиции в народном искусстве и возможности новаций. Если подобные решения широко используются в домовых архитектурных рельефах, оправдано ли их использование в мебели?

Еще одно место, известное своими столярами-резчиками, так же, как Степаньково, это село Ковардицы, точнее даже — примыкающая к нему деревня Лопатино. Здесь работает ***В.Г. Посулов*** (1961 г.р.) — «мастер на все руки»: делает мебель, плетет корзины на заказ, делает токарные детали для мебели — тоже по заказу, преподает токарное дело в местной школе. Он владеет разными техниками резьбы по дереву и увлекается живописью. Профессионального образования не имеет, но владеет мастерством на очень высоком уровне.

Если говорить о его мебели, то она отличается строгой традиционностью (большой стол, столики на фигурных ножках, подвесные полки, тумбочки). Кроме токарных объемных деталей ее ничто не украшает. Мастер оставляет свободной лакированную поверхность. Дерево (это береза, осина) тонирует, но старается выявить его фактуру. Если он выполняет рельефную резьбу, то пользуется чаще всего простыми и четкими геометрическими орнаментами. Так выглядит, например, его обрамление для круглого настольного зеркала.

Так же, в старой местной традиции, с использованием канонических образцов работает здесь и ***М.И. Артемьев*** (1946 г.р.). Он делает скамьи и столешницы из проолифленного дерева сосны на двух фигурных, точно выпиленных из доски ножках. Режет он и красивые накладные рельефные украшения из мягкого дерева, которые крепит на темных поверхностях дощатых панелей.

Здесь же, в Лопатине, живут и работают ***отец В.В. Румянцев*** (1953 г.р.) ***и сын В.В. Румянцев*** (1978 г.р.). Оба они хорошо известны как мастера-мебельщики и прекрасные резчики. Не случайно их пригласили работать в фирму, организованную степаньковским мастером Г.И. Сурковым. Они делают заказную мебель с рельефной резьбой. Особенно любят высокую рельефную резьбу и владеют этой техникой в совершенстве. Интересны карнизы для занавесок в их доме с очень сложным барочным декором, а также рамы для картин (репродукций) и рельефные медальоны с различными растительными мотивами. Делают они и скульптуру, о чем мы расскажем позднее.

В той же фирме Суркова работал какое-то время и ***В.В. Пудков*** (1965 г.р.). Это здешний мастер, прекрасно владеющий техникой инкрустации, что является большой редкостью. Может делать мебель с инкрустационными вставками из разных пород дерева, а также картины и иконы.

Родился он в Лопатине, учился на столяра-краснодеревщика в училище № 15 во Владимире. Специальность инкрустатора осваивал сам. За все эти годы сделал большое количество картин, используя репродукции живописных произведений знаменитых русских и западноевропейских художников. В последнее время делал в этой технике и иконы. Так как спрос на свою художественную продукцию имеет совсем небольшой, работает сейчас над картинами мало. Спрос есть только на мебель с резьбой или инкрустациями. Пытался поставить производство такой мебели на поток на Муромской мебельной фабрике, но не нашел в этом поддержки.

В Лопатине живет и ***В.Н. Антонов*** (1927 г.р.). Это тоже хороший мастер-резчик, но о нем мы расскажем в той части нашей статьи, которая будет посвящена народным резчикам-скульпторам.

Среди увиденного в селах и деревнях Муромского края нас заинтересовал один любопытный памятник, относящийся к концу XIX или началу XX в. Выполнен он кем-то из муромских или гороховецких мастеров, но где именно — неизвестно. Важен тот факт, что он имеет монограмму мастера или заказчика — инициалы «МНВ». Речь идет о хорошо сохранившемся буфете из села Молотицы, который украшен очень тонкой рельефной резьбой прекрасного исполнения. Изображением заполнена центральная часть каждой его дверцы. Это изящные по рисунку букеты лилий с красиво изогнутыми стеблями и листьями. Подобные изображения были характерны для мебели стиля модерн на рубеже XIX и XX вв. В архитектурных памятниках Мурома, в отличие от Гороховца, как уже отмечалось, этот стиль не использовался совсем, но в произведениях прикладного искусства все-таки нашел свое отражение. Подобный мотив лилий в украшении буфета-поставца мы встречали и в доме И.М. Святова из деревни Лесниково (30-е гг. XX в.).

В самом городе Муроме когда-то работало немало хороших резчиков, теперь количество их, естественно, поубавилось (домов деревянных почти не строят и резьбой их не украшают, мебель тоже используют в основном фабричную). Однако совсем такие мастера не перевелись. Во время экспедиции мы познакомились с двумя известными здесь резчиками, которые имеют профессиональную художественную подготовку и выполняют сложные работы разного профиля. Они работают и порознь, и вместе (вместе довольно часто, потому что заказные работы бывают, как правило, большого объема). Старший из них — ***С.А. Субботин*** (1952 г.р.), младший — ***Н.Д. Новиков*** (1958 г.р.). И тот, и другой окончили Владимирское художественно-промышленное училище как краснодеревщики. Какое-то время работали на местной Муромской мебельной фабрике, затем Субботин работал в Художественном фонде Мурома, Новиков — в реставрационных мастерских в Санкт-Петербурге. В 90-е гг. перешли к самостоятельной деятельности и теперь постоянно живут в Муроме.

С 1993 г. С.А. Субботин делает резные деревянные иконы. Мастерство его рельефных изображений, прекрасное чувство материала, строгость вкуса привлекли к его работам большое внимание. В 1994 г. он получил заказ Троицкого монастыря на изготовление большого пятиярусного иконостаса для главного собора. Иконостас резали из дуба вместе с Н.Д. Новиковым (иконописные работы выполнял художник Игорь Сухов). Дуб — материал сложный, твердый и трудный в обработке, но в то же время дает необычную чистоту линий, выразительную простоту форм. Именно поэтому Субботин выбрал этот материал и любит с ним работать. Мы видели несколько резных икон, выполненных Субботиным из дуба. Все они отличаются высоким мастерством, четкостью композиций, пластической ясностью низкого, но выразительного рельефа. Это его «Ангел», «Апостолы», «Адам и Ева» и другие изображения. В дубе работают редко, и то, что муромские резчики к нему обращаются (в д. Степаньково иконы из дуба вырезал, как уже говорилось, Г.И. Сурков), вероятно, особенность данного края.

С.А. Субботин и Н.Д. Новиков работают и с мягкими породами дерева. Для резьбы киотов, сеней над чудотворными иконами и Распятием они используют березу, а еще чаще липу. Из этих пород легче делать глухую рельефную резьбу с разными сочетаниями растительных мотивов и пластических элементов (киот в Карачаровской церкви, сени в Спасо-Преображенском Муромском монастыре).

Мебель С.А. Субботин делает только для себя, Н.Д. Новиков же часто работает и на заказ. Его мебель, как и в селах края, очень традиционна: либо он обращается к древней типологии здешней крестьянской мебели, либо варьирует позднеклассицистические образцы. Красивы многие предметы из сделанной им на заказ мебели. Например, деревянный диван канонического типа с глухой растительной резьбой на спинке, кресло с высокой спинкой и тоже с резьбой, скамьи разных размеров и скамеечки по старым образцам XVII—XVIII вв. Интересна и деревянная посуда, которую он делает. В этих предметах он варьирует древний тип ковша, который повторяет образы «утицы» или «коника». Мастер создает разные типы чаш, солонок, поставцов. Желающих купить такой муромский сувенир — великое множество.

Как уже отмечалось, серьезные изменения, произошедшие в жизни нашего общества за последние десятилетия, не могли не оказать влияния на развитие народных ремесел, художественных промыслов. С одной стороны, возникло немало трудностей и противоречий, с другой — наметилась тенденция к оживлению и возрождению некоторых промыслов. Как раз это мы и наблюдаем в области деревообрабатывающих ремесел в Муромском крае. Мебельщики и резчики по дереву оказываются все более востребованными в жизни города и села. Появление степаньковской мебельной фирмы, широкая деятельность резчиков в самом Муроме красноречиво свидетельствует об этом. Мастеров-резчиков часто приглашают для оформления городских общественных зданий и частных домов, для работ в церковных интерьерах. Это служит определенным импульсом для дальнейшего развития древнего муромского промысла.

Хотелось бы отметить очень важную роль городского Историко-художественного музея, который активно и плодотворно популяризирует на протяжении многих лет свои богатые коллекции, в частности, собрания этнографических предметов, памятников прикладного и народного искусства. Сама музейная экспозиция и специальные выставки произведений народного искусства из запасников музея служат своего рода школой мастерства для тех, кто занимается художественным ремеслом. Предметы старинной мебели и утвари, изделия из резного и расписного дерева и бересты, пряничные доски и донца прялок — все это, собранное когда-то местными любителями старины в самом Муромском крае и районах Поволжья, может быть образцом для современных резчиков. Деятельность Дома народного творчества тоже содействует этому.

На мастерах-резчиках, делающих скульптурные изображения, мы остановимся отдельно, некоторых из них мы уже называли, когда говорили о мебели и интерьерной резьбе. Деревянная скульптура — явление особое, хотя от высокого рельефа, которым многие резчики занимаются, до объемного образа расстояние совсем небольшое. Скульптура требует не только представления о предмете в целом, его пластических и конструктивных особенностях, фактурных нюансах, но и о пространстве, в котором этот предмет существует. Не каждый это осознает и зрительно представляет. Для занятий скульптурой нужен определенный дар, некоторые из муромских резчиков им обладают.

Тенденция, которая обнаруживается в последнее время (и в Гороховецком крае также), весьма любопытна. Мастера, создающие скульптурные изображения, проявляют особую тягу к миру природы, к отдельным изображениям животных и птиц, к целым композициям из этих фигур. Объясняется такая тенденция не только тем, что в России не было прежде развитой традиции скульптурного изображения человека (на это, как известно, существовали религиозные запреты). Объясняется она и чем-то другим. Чувствуя свою оторванность от природы, современный человек снова потянулся к ней, как к энергетическому источнику живой силы, надеясь обрести опору в ее явлениях и образах.

Из степаньковских резчиков к числу таких скульпторов-анималистов относится, в частности, уже известный нам своими декоративными панно со сценами райского сада, ***Г.А. Губанов***. Он любил делать небольшие скульптурные изображения, особенно нравились ему олени. В подставке одной из его композиций он очень интересно обыгрывает корень дерева, который выбрал для данной работы. Он служит опорой и одновременно является фигуркой лежащей самки, к которой склонился рогатый олень. Фигура оленя хорошо проработана и очень фактурна, так что создается впечатление живого подвижного образа. Для подобного решения необходимо было именно чутье скульптора.

Интересен и другой мастер из той же деревни Степаньково — ***А.И. Зудков*** (1949 г.р.). У него тоже есть скульптурные изображения зверей и птиц, и они по-своему очень выразительны. Его работы отличаются особой экспрессивностью в пластике и фактурностью в обработке. Можно назвать в качестве примера композицию «Медведь», хотя интересны и фигура взлетающего орла, и голова оленя. Медведь очень компактен, необычен в решении. Чувствуется в нем огромная мощь, сила дикого зверя, характерность в движении, неповоротливость и одновременно быстрота реакции, что отражено во взгляде. Рельефно переданы густые пряди его взъерошенной шерсти, что тоже усиливает впечатление скрытой энергии.

Из мастеров, живущих в селе Ковардицы (дер. Лопатино), скульптуру делают и ***М.И. Артемьев***, и хорошо известные здесь своими резными фигурами отец и сын ***Румянцевы*** (о них мы уже рассказывали выше как о мастерах, изготавливающих мебель и рельефные украшения).

Некоторые образы в скульптуре лопатинских мастеров явно навеяны книжным иллюстративным материалом. А увлекаются они и историей живописи (особенно Артемьев), и историей скульптуры. Как бы ни были переработаны увиденные где-то понравившиеся произведения, они остаются чужими, если не соотносятся с народной традицией. Не помогает ни свободное владение техникой резьбы, ни любовь к дереву. Зато там, где образы взяты из мира природы, из арсенала нашей русской культуры, получается и живо, и интересно.

Из работ М.И. Артемьева можно назвать его композицию «Медведь, читающий книгу», из работ Румянцевых разные по характеру вещи. Очень выразительна у них фигура «Крокодил», удачно тонированная и пластически довольно сложная фигура «Злой кот» в характерной живой позе, с интересной трактовкой шерсти животного. Как скульптура воспринимаются и некоторые декоративные предметы: чаша в виде

распускающегося цветка, деревянный самовар, украшенный красивой рельефной резьбой по широкой части тулова (такие деревянные самовары любили делать на Русском Севере, в Центральной России подобные вещи встречались редко). Наше внимание привлекла и скульптура ангела. Очень индивидуальна, почти портретна его головка, хорошо найдена поза, проработано тело и ноги, погруженные в чашу цветка. Удачна композиция в целом, решение спадающей драпировки, маленьких крыльев за спиной, коротких, густых волос. В этой вещи есть и настроение, и, главное, собственное отношение к образу, духовная его наполненность.

Из мастеров старшего поколения следует назвать еще одно имя — ***А.С. Федоров*** (1927 г.р.). Он родился в Подмосковье, какое-то время учился в Москве и получил художественное образование, овладел всеми техниками художественной резьбы по дереву, познакомился с искусством скульптуры. После выхода на пенсию (в 1994 г.) живет в селе Польцо Муромского края, занимается резьбой по дереву. Федоров создает любопытные декоративные композиции из природных материалов и скульптурные изображения зверей и птиц. В его случае определяющим является скорее индивидуальное, авторское начало, но ложится оно на традиционную основу. Из работ данного мастера особенно интересными показались нам скульптуры «Барсук», «Пингвин» и «Древо жизни» с многочисленными пестрыми птицами на ветвях. Его Древо — сложное сооружение из ветвей и коряг. Птицы спокойно сидят на ветвях этого дерева, готовятся взлететь или сесть снова, а у подножья, в низу древесного ствола — маленькая белочка, грызущая орех. В результате получилось и традиционное, и одновременно индивидуальное по своему замыслу произведение. «Древо жизни» часто встречается и в народной глиняной игрушке, и в расписных городецких прялках. Здесь оно кажется особым, сказочным, и вместе с тем живым, реальным.

Любопытны и опыты этого мастера по использованию в раскраске скульптур древней техники восковой темперной живописи (сказался его опыт работы реставратора). Все произведения Федорова декоративны, пластичны, профессиональны по исполнению и отличаются изобретательностью в использовании природного материала. Он прекрасно чувствует дерево, форму и в этом близок к другим муромским мастерам.

К сожалению, такой опытный мастер до сих пор не имеет учеников. Учащиеся местной школы редко посещают его, а учителя почему-то не догадываются использовать его творчество и опыт в учебном процессе, в работе вне школьной программы.

Последним в ряду народных скульпторов-анималистов может быть назван живущий в уже известном нам селе Ковардицы ***В.Н. Антонов*** (1927 г.р.). С ним мы познакомились в 2005 г.. В прошлом моряк, выйдя на пенсию, он вернулся в родное село и неожиданно для себя занялся всерьез тем, что всегда его привлекало — рисованием и резьбой по дереву. Смерть жены и одиночество только усилили его художественные увлечения. Всё в его доме получило оригинальное творческое осмысление. В живописи он — наивный художник, а в скульптуре — во многом наследник здешних муромских традиций, особенно в самих приемах резьбы. Непосредственно и радостно его восприятие мира. Он стремится воссоздать трехмерные картины живой природы, используя для этого в дополнение к деревянной скульптуре с изображениями животных и птиц различные природные материалы. Они напоминают о среде их обитания (это сухие травы, веточки, сухоцветы и даже искусственные цветы, сделанные им из бумаги). В своих композициях Антонов использует и живописные задники, что увеличивает пространственную глубину его построений. Росписью он пытается передать фактуру (мех, оперение) в своих изображениях, всегда усматривает выразительность позы, движения. Отсюда и натурность, и характерность его образов. Многие из них удивляют своей пластичностью и техническим мастерством.

Мало считаясь с существующей традицией убранства интерьера, он парадоксальным образом устраивает, например, поляну в центре комнаты, размещает фигурки и цветы прямо на стуле, необычно расписывает потолок (особенно стык потолка и стены). Входя в этот необычный дом (а его мало кто посещает), вы действительно попадаете в атмосферу сказочного леса. Художник разрушает тектонику привычного интерьера, интуитивно стремится дезорганизовать архитектурное пространство, сделать его таким, как ему хочется. Столы, стулья, шкафы — все это для него только часть выдуманного пространства — огромного фантастического леса, поляны или сада. К такому парадоксальному видению мастер пришел через многолетнее увлечение охотой, живой природой (какое-то время он делал чучела животных и птиц), а также через занятия живописью (он давно интересовался историей русского искусства, копировал произведения известных художников).

В живописи В.Н. Антонов нашел себя в жанре натюрморта. Это его пристрастие тоже можно объяснить (в прошлом он корабельный кок, так что его вкус и интерес к снеди не случаен). Перед нами народный художник, частично освободившийся от традиционного творчества, но не мыслящий себя вне художественной культуры. Что касается мастерства деревообработки, то оно связано у него в значительной мере с местной традицией, представленной поколениями потомственных муромских мастеров (резчиков, столяров, токарей).

Конечно, в XIX — начале XX в., деревообрабатывающих ремесел в Муромском крае было гораздо больше, и все они были на уровне промысла. Существовала определенная специализация, и были хорошо известны деревни и села, где занимались этими промыслами. Какие-то из них славились особо, и в базарные дни их продукцию покупали более охотно. Из дерева был и рабочий инвентарь, и необходимая в хозяйстве утварь. Были здесь колодезники, бондари, тележники и дужники, лапотники и туесочники, корзинщики и ложкари. Теперь, когда потребность во всем этом предельно сократилась или исчезла вовсе, говорить о промыслах уже не приходится. Встречаются бондари, колодезники, санники, ложкари и туесочники, но их единицы. На уровне промысла в разных местах остается только лозоплетение.

Корзинщики есть повсюду, и они создают свою продукцию целыми партиями, часто делают на заказ. Кроме корзин хозяйственного назначения, стали появляться и декоративные предметы, снова вошла в употребление плетеная мебель, спрос на которую в последнее время увеличивается.

Прежде корзинщиками славились села Панфилово, Польцо, деревни Борок и Захарово. По рассказам старожилов, вся деревня Борок заготавливала летом и осенью лозу, а зимой плела корзины разного назначения. Лоза как сырье сбывалась не только в самом Муроме, но и во Владимире. Так было еще в начале 1930-х гг. Потом, после раскулачивания этот промысел как налаженное производство существовать перестал, перестали и плести лапти, — их здесь тоже раньше делали много. Об истории самой деревни Борок и соседнего села Польцо (и то, и другое место было связано здесь со старообрядцами) рассказали нам ***П.М. Ярлыков*** (1915 г.р.) и ***И.Ф. Романов*** (1930 г.р.), хорошо знающие прошлое своего края. С их слов и из других свидетельств, деревня Захарово тоже славилась своими корзинщиками; сюда приходили специально, чтобы перенять мастерство. В Захарове жил известный мастер ***А.Ф. Шаронов*** — к нему многие приходили учиться. Его учеником считает себя и такой опытный корзинщик, как ***Ф.И. Калинин*** (1934 г.р.) — житель деревни Софроново. Он делает корзины разные. Только для грибов и ягод несколько типов, а кроме того, большие корзины для картофеля и белья и так называемые морды для рыбы. Плетет из неокоренного и окоренного (белого прута), заготавливает его только осенью: считает такой прут наиболее прочным и гибким. Работает с использованием станка. Это помогает ему делать корзины хороших

форм и прочного плетения. Что же касается Захарова, то здесь корзин почти уже не плетут. Остался только один мастер — ***М. Якимов.***

Хозяйственные корзины (для грибов, ягод, картошки и других овощей, для белья) делают и в селе Татарово (***Н.А. Теплов***, 1938 г.р.), и в деревне Мартыново (***А.М. Кочетков***, 1932 г.р.), в селах Благовещенское (***Ф.Я. Моргунов***, 1935 г.р.) и Польцо (***А.Е. Моисеев***, 1929 г.р.). Эти мастера научились плести из лозы еще в детстве, от отца или деда. Ремеслом владеют хорошо и корзины их пользуются большим спросом.

Из старых муромских корзинщиков нужно назвать еще степаньковского мастера ***И.Т. Гимонова*** (1929 г.р.). Степаньково славится, как мы знаем, больше резчиками и столярами, но и корзинщиками тоже. Теперь их наперечет, хотя Иван Тимофеевич свое дело с радостью готов передать молодежи. Работает он с использованием станка, как и Ф.И. Калинин, но делает больше из белого прута. Любит корзины для ягод, небольшие удобные корзины для грибов и высокие с фигурным (ажурным) краем для яблок. Неокоренный темный прут ставит в край, чтобы подчеркнуть его, или размещает по центру корзины, разбивая ее объем на две части (это делает ее легче и изящнее). В ручку своих корзин тоже часто вплетает темный прут, от этого они становятся красивее, а форма кажется более законченной. Мастер творчески подходит к изготовлению каждой вещи и нередко делает художественные, декоративные корзины с орнаментом.

О настоящем промысле в наше время можно говорить только в связи с селом Панфилово. Здесь работают (и работают очень слаженно) сразу несколько мастеров-корзинщиков и мебельщиков. Плетеную мебель в этих местах стали делать еще 100 лет тому назад, а теперь возродили это искусство. Заказов поступает много и из округи, и из города, от частных лиц и учреждений, городских кафе. Наиболее опытным был здесь недавно умерший ***В.М. Цыганов*** (1938—2000). За старшего теперь другой мастер, тоже с большим стажем работы в этом ремесле — ***Н.В. Куприянов*** (1930 г.р.). Два молодых мастера: ***А.В. Куприянов*** (1955 г.р.) и ***Ю.Н. Крылов*** (1961 г.р.) не только его опора, но и организующее творческое начало для всего коллектива. Их продукция — плетеные стулья и кресла, столы, кроватки для детей, саночки и, разумеется, корзины разного типа (в том числе и особо оформленные, с декоративными вставками или ажурным краем).

В самом Муроме тоже работает очень опытный хороший мастер — ***Ю.М. Смугалов*** (1929 г.р.). Он, как и И.Т. Гимонов из Степанькова, пользуется отработанными традиционными формами, любит применять окоренный, белый прут, сочетания сложных переплетений. Для него тоже важно сделать не только удобную, но и красивую вещь. Виртуозно владея разными приемами плетения, он создает и глубокие корзины для ягод (часто с ажурным краем), и высокие короба, и низкие овальные хлебницы с крышкой. Есть у него и декоративные изделия: плетеный абажур, небольшие плетеные тарелки и высокие вазы, в которых интересно совмещаются ажурные регистры — полосы и сочетания широких белых и тонированных золотисто-бежевых плетеных полос. Смугалов обладает не только мастерством, но и художественным вкусом, чутьем пластической формы.

Ремесла, представленные некогда многими мастерами в Муромском крае, теперь сохраняются только усилиями единиц. Известно, что село Татарово в прежние времена гордилось своими колодезниками и бондарями. Артели колодезников из этого села работали по всей округе, доходя даже до Владимира. Бондари жили во всех крупных селах и деревнях, теперь их почти не осталось. В Татарове мы познакомились с интересным мастером, который владеет сразу пятью видами здешних традиционных ремесел. Это ***Н.А. Теплов*** (1938 г.р.). Он — плотник и колодезник, столяр (делает рамы для окон и двери), бондарь, корзинщик, а к тому же еще и саночник (делает большие сани по старому образцу и маленькие детские саночки).

Бочки, как он рассказывал, еще в 30—50-е гг. делали здесь в большом количестве и самых разных размеров. Татаровские бондари славились особо потому, что умели делать хорошие дубовые бочки. Он тоже делал раньше такие, но сейчас и дуба стало мало, и работать с ним тяжело. Бочки делает самые простые и материал для них использует другой — ель или сосну. Больше всего заказов у него теперь на плетеные корзины: их в доме должно быть несколько.

Судя по этому селу, можно себе представить, насколько широко и разнообразно было представлено в этих краях кустарное ремесленное производство. Здесь, в Татарове, живет еще один мастер — мы уже писали о нем как о столяре-мебельщике и упоминали, что одновременно он владеет ремеслом ложкаря. Ложкарь в наши дни — специальность редкая, хотя потребность в деревянных ложках не исчезла. Владея токарным ремеслом на таком уровне, как ***М.Ф. Софронов***, можно делать не только ложки, но и разные сувенирные вещи, используя старинные муромские образцы. Сам он мечтает о хорошем токарном станке для того, чтобы делать матрешки и игрушку, тем более, что дочка сможет помочь ему их расписывать.

В Татарове раньше было немало печников, есть они и сейчас, хотя делают уже не большие печи, а печки (маленькие и без настоящего фундамента). Это и печи-плиты, и печи-лежанки. Один из таких печников — ***А.Н. Белов*** (1967 г.р.). Делу этому научился в юности у отца, который был мастером «на все руки», как многие в этом селе: он и наличники резал, и печи клал, и корзины плел не хуже других, и для себя, и на продажу.

Обработкой бересты в муромских селах и деревнях прежде занимались много и успешно. Об этом свидетельствуют разные берестяные изделия не только в Муромском, но и в небольших местных музеях, коллекции которых тоже содержат массу интересных памятников. Короба, хлебницы, туеса всех размеров, простые и расписные, пестери и плетеные бутыли, солонки — все это создавалось руками здешних умельцев, бытовало и продавалось на ярмарках и базарах. Большие коллекции таких изделий находятся, в частности, в музеях села Польцо и деревни Алешунино.

Сейчас говорить о берестяном промысле не приходится, но возрождение его вполне возможно. На это указывает деятельность известного муромского мастера, популяризирующего через Дом народного творчества данное искусство. Это ***В.А. Левин*** (1938 г.р.). Вот уже 10 лет он занимается обработкой бересты. Делает туеса, мелкие предметы традиционных форм (солонки, коробочки) и сувениры (заколки, кулоны). С материалом этим, как он говорит, проблем никогда не возникает: кругом валят лес, и бересты много, поэтому промысел такой можно восстановить (пока только в городе, а потом и в селах, где найдутся мастера или любители). Реализует он свою продукцию через художественный салон, и вещи его пользуются успехом. Бересту Левин не тонирует, не подкрашивает и не расписывает. Использует техники тиснения, прорези и аппликации. Ремеслу туесочника нигде не учился, до всего доходил сам, внимательно рассматривая старые образцы. Теперь уже достиг такого мастерства, что отважился ставить клеймо со своим именем на каждой созданной вещи.

В технике прорези выполнены им прекрасные миниатюры, а в технике аппликации — тонкие тональные живописные композиции. Удивляет редкое мастерство и художественный вкус этого мастера. Тональные эффекты он извлекает из самого материала — березовой коры, используя оттенки верхнего, среднего и нижнего слоя, обыгрывая включения зеленоватого лишайника и черные наросты чаги. В результате ему удается достичь тонкого колористического решения в своих небольших картинах. Ценно, что это — его собственные пейзажи и декоративные построения, а не взятые у кого-либо из знаменитостей.

Картины на дереве, используя инкрустационную технику, делает, как уже говорилось, и ***В.В. Пудков*** из села Ковардицы (деревня Лопатино). Он професси-

ональный краснодеревщик, самостоятельно освоивший искусство инкрустатора. Картины, которые он создает, подбирая по цвету тонкие пластинки дерева разных пород, поражают своим техническим мастерством. Именно мастерство исполнения привлекает в тех его вещах, которые воспроизводят в дереве классические живописные произведения. Однако мастер не только копирует знаменитые оригиналы, но и создает свои собственные произведения — в основном это пейзажи, летние и зимние, повторяющие его натурные зарисовки и живописные этюды в сложной технике инкрустации.

Самодеятельных художников в Муромском крае немало, и все они, кроме живописи, как мы уже отмечали, занимаются еще каким-то ремеслом. Из того, что нам удалось увидеть за время наших экспедиций, наиболее интересными и заслуживающими внимания показались нам работы Г.А. Григорова из деревни Степаньково и В.Н. Антонова из села Ковардицы (д. Лопатино). Один работает как столяр-резчик, другой — больше как скульптор (об обоих мы рассказывали выше). У А.А. Григорова есть и красивые цветочные натюрморты, и пейзажи, даже панорамы Мурома; у В.Н. Антонова — декоративно-орнаментальные композиции и очень выразительные в цвете натюрморты в духе наивной живописи.

Есть в этом крае и художники-профессионалы, получившие специальное художественное образование, например, живущий в Муроме ***А.А. Морозов*** (1931 г.р.). Он сын художника, окончил художественную студию и Пензенское художественное училище им. К.А. Савицкого. Участвует в областных и городских выставках, ведет большую педагогическую работу, популяризирует народные художественные ремесла.

Гончарством в муромских селах почти не занимались: не было подходящих глин. В некоторых местах делали керамику для внутреннего пользования, но промысла никогда не было. Гончарные изделия покупали на ярмарках и базарах, и это была в основном керамика из соседних Меленок, где издавна существовал развитый промысел. Возможно, привозили глиняную посуду и из южнорусских центров. В местных музеях есть такая керамика. В музее деревни Алешунино наше внимание привлек интересный чернолощеный сосуд шаровидной формы, оплетенный берестой. Неустойчивая форма шара, петли для подвешивания и небольшой слив по краю говорят о том, что это — сосуд, предназначенный для сбивания масла. Оплетение его берестой (что могли сделать и местные мастера-туесочники) смягчало удары рук (это часто использовалось в таких сосудах). Подобный тип маслобойки был распространен в Поволжье, в бассейне Оки и особенно на юге России.

Глиняную игрушку в Муромском крае раньше не делали. Сейчас ее пытаются лепить из интереса в селе Молотицы по меленковским образцам, но говорить о промысле, конечно, никак нельзя. Здесь этим стали заниматься лишь в послевоенное время и только для себя. Что касается Муромского дома народного творчества, то в нем делают расписную глиняную игрушку, но она является скорее подражанием знаменитым дымковским изделиям и не связана с местной традицией.

Здешние глины годятся только для строительного дела. Из них, например, давно начали делать кирпич. Известно по рассказам старожилов, что в селах Польцо, Благовещенское, в деревнях Михайлово и Мартыново существовали свои заводы, делавшие очень хороший кирпич, расходившийся по окрестным деревням. Не удивительно, что во многих местах нам встречались кирпичные хозяйственные постройки и фундаменты домов. Интересен, в частности, богатый двухэтажный дом в деревне Мартыново, где нижний этаж полностью сложен из местного красного кирпича. О кирпичных хозяйственных постройках мы уже писали.

В наши дни муромский кирпичный промысел по селам уже не существует. Коль скоро налажено промышленное производство кирпича на государственных предприятиях, потребность в нем исчезла, но память о том, что здесь когда-то

было свое производство, по качеству продукции не только не уступавшее промышленному, а даже превосходящее, все еще сохраняется.

Ремесло, которое в XIX — начале XX в. было очень развито в Муромском крае и тоже существовало как известный промысел — это валяльное дело, изготовление валенок. Валенки делались только из натуральной овечьей шерсти. Село Благовещенское и деревня Борок особенно славились искусством своих валяльщиков. Теперь они остались только в Благовещенском и их буквально можно «пересчитать по пальцам». Это ***И.В. Киселев*** (1936 г.р.) и более молодой мастер — ***Н.Н. Казаков***, из известной местной династии валяльщиков Казаковых. О Казаковых помнят не только в самом Благовещенском. ***Ф.И. Казаков*** и его сын Андрей были прекрасными мастерами-валяльщиками, у них и сам Иван Васильевич научился валяльному ремеслу. Теперь наладить этот старинный промысел непросто, хотя потребность в хороших, удобных валенках кустарного производства только увеличивается. Фабричные валенки имеют неудобные колодки, они жесткие, негнущиеся и не очень теплые, так как сделаны с разными добавлениями — не из чистой овечьей шерсти, как кустарные. Возрождение валяльного промысла, считает И.В. Киселев, вполне возможно, но для этого нужны определенные условия, материал и мастера, которые захотели бы перенять навыки, приемы опытных людей, владеющих данным ремеслом.

Еще одно мужское ремесло, очень важное прежде и до сих пор существующее в Муромском крае, — это обработка металла, кузнечное дело. Земля здесь располагает рудными запасами, поэтому с выплавкой металла и его обработкой муромчане знакомы с глубокой древности. Кузнецы всегда и везде были в почете, и как мы знаем, составляли особую касту ремесленников, мастерство которых из-за их связи со стихией огня казалось людям божественным даром. Экспонаты Муромского музея дают представление о развитии кузнечного дела в этом крае с очень раннего периода, свидетельствуя о высоком уровне создаваемых здесь изделий разного характера, в том числе и художественного назначения.

В самом Муроме и в селах много произведений кузнечного ремесла. В городе это кованые двери и решетки в храмах, узорные навершия водосточных труб, дымники и флюгеры на домах, в селах к этому добавляются еще кованые двери в кирпичных амбарах и лабазах. Такие двери мы видели в селах Борисоглеб и Молотицы (есть даже даты постройки этих хозяйственных сооружений — 190? и 1933). Красивые ажурные украшения из просечного металла на карнизах и фронтонах светелок, нарядные навершия-«короны» водосточных труб есть в разных местах, особенно много их в селе Битюково, где немало богатых старых домов. Деревянная резьба фасадов и просечная резьба в металле не мешают друг другу — металл дополняет то, что представлено в деревянных резных украшениях, иногда повторяя те же орнаментальные мотивы.

Над крышами многих старых домов возвышаются нарядные дымники. Чаще всего встречаются дымники в виде «беседки» (например, в домах Мурома), но бывают и более простые, в виде «короны» (например, в одном из домов деревни Мартыново). Иногда дымники являются и флюгерами. В селе Борисоглеб мы видели дымник-флюгер с петухом, в деревне Степаньково — с котом. Любопытный вариант флюгера наблюдали и в одном из домов Мурома, это фигура, держащая знамя.

Село, славившееся в этих местах своими кузнецами, — это Карачарово, родина былинного Ильи Муромца. Здесь еще с тех давних времен не переводились поколения мастеров, делавших оружие, украсы для церквей и домов, хозяйственную утварь. Среди карачаровских мастеров сегодня самым опытным слывет ***В.А. Соколов*** (1936 г.р.). Больше всего он работает с просечным металлом: делает подзоры кровель, дымники, флюгеры, навершия водосточных труб, ажурные гребни, венчаю-

щие слуховое окно, украшения для фронтонов и карнизов светелок. В «коронах» водосточных труб Валерий Александрович часто использует растительные элементы (мотив цветка, процветшего Древа), любит симметричные композиции с птицами, цветами, плетеным орнаментом. Мастерством владеет свободно, работает легко, выразителен в пластике, рисунке, хорошо чувствует специфику металла как материала, изобретателен и одновременно традиционен в своем творчестве.

«Возрождение кузнечного ремесла в наши дни, — говорит он, — видимо, возможно, если в нем появится реальная потребность». Мастерство кузнецов востребовано в основном в городе, в оформлении различных интерьеров в общественных зданиях. Во многих областях России кузнечное искусство в последнее время снова становится почитаемым. Муром (пока еще есть старые мастера, у которых можно учиться) тоже, наверное, должен примкнуть к этому движению.

Камнерезное искусство, развитое в Муромском крае в эпоху позднего Средневековья, продолжало существовать и в XIX, и в начале XX в. Теперь об этом можно только вспоминать: мастеров, работающих в белом камне, т.е. режущих известняк, уже не встретишь ни в селах, ни в самом городе. Данное ремесло почти исчезло, хотя оно тоже может возродиться с появившейся потребностью в тесаном белом камне при строительстве городских архитектурных сооружений. Поскольку строят сейчас много и не перестанут строить в будущем, к забытому белому камню, возможно, еще вернутся.

О довольно высоком уровне развития этого ремесла еще в XIX — начале XX в. могут свидетельствовать резные белокаменные (а изредка и мраморные) плиты надгробий на муромских погостах. Эти памятники продолжают традиции русского Средневековья, напоминая в своем декоре белокаменные намогильные плиты XVI—XVII вв. В их оформлении преобладают традиционные мотивы древней трехгранновыемчатой резьбы по камню, которая повторяла приемы местной деревянной резьбы. Элементы каменной резьбы носят поэтому строго геометрический характер. Излюбленными мотивами являются арка, «солнышко», ромбы, квадраты, зигзаги. При определенном архаизме декора эти памятники все-таки представляют иной тип надгробия. В отличие от древних, которые являлись прямоугольной горизонтальной каменной плитой, перекрывавшей могильный холм, эти поставлены вертикально. Надгробия первого типа повторяют образ придорожного столбика-голбца с иконой, укрепленной под его навесом. На самом верху такого четырехгранного каменного столбика, с углублением для иконки и христианскими символами (часто это нимб из лучей), с надписью, размещенной внизу, обычно крепился кованый или литой чугунный крест. Второй тип надгробия — это плита-стела с полуциркульным завершением над рельефным изображением восьмиконечного голгофского креста («горочка» и череп праотца бывают показаны не всегда). Смерть и Воскресение — за этой символикой; над таким изображением, как правило, — традиционное трехгранновыемчатое солнышко. Надпись, как и в первом типе надгробий, находится внизу. Старые муромские надгробия представлены на погостах в самом городе и в богатых селах, например, на погосте села Малое Юрьево, где их особенно много.

Современные надгробные памятники — это чаще всего сваренные из арматуры кресты или гранитные стелы с портретом-фотографией покойного. Теперешние ограды трудно сравнить с коваными фигурными оградами конца XIX — начала XX в. Они очень простые и сделаны из той же сварной арматуры. Ничего примечательного, кроме вариативности, отметить в современных решениях нельзя. Ни о каком белом камне и резном декоре памятников говорить не приходится, несмотря на то, что белый камень здесь по-прежнему существует.

В связи с надгробиями и истоками их типологии можно остановиться на двух придорожных часовенках-голбцах, которые нам встретились у муромских сел. Оба — про-

изведения местных резчиков. Один из деревянных столбиков с навесом в виде двухскатной кровли имеет иконку Николая Чудотворца, другой — великомученицы Параскевы. Под иконой этой святой — текст молитвы, которую надлежит прочитать всякому остановившемуся здесь путнику. Любопытно, что голбец с иконкой Параскевы установлен у грунтового источника на окраине села Малое Юрьево. Видимо, место это выбрано не случайно: Параскеву в русских деревнях и селах, как известно, почитали как хранительницу плодородия, подательницу животворящих вод. Среди приношений у этого голбца — цветы и конфеты от местных верующих.

Завершая свой очерк о мужских ремеслах в Муромском крае, еще раз выделим те из них, которые не только продолжают существовать и развиваться, но сохраняют значение промысла. Прежде всего, это плотницкое дело, искусство домовой резьбы и мастерство столяров-резчиков, которые делают мебель, украшенную резьбой и даже скульптуру. Здесь, как мы видели, можно говорить о продолжении и активизации местной традиции, существующей с древних времен. То же относится и к ремеслу лозоплетения. Оно сохраняется повсюду в муромских селах и никогда не исчезнет. Интересно отметить, что кроме предметов сугубо хозяйственного назначения, они стали делать и вещи декоративные, возродили изготовление плетеной мебели. Бондари, саночники, ложкари, туесочники еще есть, но их единицы. Обработка бересты и изготовление различных изделий из нее может значительно расшириться, если создать для этого благоприятные условия. То же можно сказать и о кузнечном ремесле, и ремесле валяльщиков, продукция которых по-прежнему нужна на селе.

В целом картина развития местных традиционных ремесел выглядит довольно яркой и разнообразной. Ведущее положение, как и прежде, — за деревообрабатывающими видами. Много и старых опытных, и молодых мастеров, творчески относящихся к своему делу. Важно, что все они отталкиваются от давних местных традиций и ориентируются на свою древность, которая у муромчан всегда оставалась в почете. Общий интерес к нашей национальной культуре, народному творчеству, появившийся в последние годы, чувствуется и здесь, в Муромском крае.

Имена мастеров, упоминавшихся в статье:

Антонов Владимир Николаевич, 1927 г.р., с. Ковардицы (д. Лопатино).
Артемьев Михаил Иванович, 1946 г.р., с. Ковардицы (д. Лопатино).
Белов Александр Николаевич, 1967 г.р., с. Татарово.
Гимонов Иван Тимофеевич, 1929 г.р., д. Степаньково.
Григоров Александр Андреевич, 1951 г.р., д. Степаньково.
Губанов Геннадий Александрович, (1938—1998), д. Степаньково.
Зудков Александр Иванович, 1949 г.р., д. Степаньково.
Казаков Андрей Федорович, с. Благовещенское.
Казаков Николай Никифорович, с. Благовещенское.
Казаков Федор Иванович, с. Благовещенское.
Калинин Федор Иванович, 1934 г.р., д. Софроново.
Киселев Василий Петрович, д. Лесниково.
Киселев Иван Васильевич, 1936 г.р., с. Благовещенское.
Ключников Николай Петрович, д. Лесниково.
Кочетков Александр Михайлович, 1932 г.р., д. Мартыново.
Крылов Юрий Николаевич, 1961 г.р., с. Панфилово.
Куприянов Николай Васильевич, 1955 г.р., с. Панфилово.
Левин Владимир Александрович, 1938 г.р., г. Муром.
Моисеев Александр Егорович, 1929 г.р., с. Польцо.
Моргунов Федор Яковлевич, 1935 г.р., с. Благовещенское.
Новиков Николай Дмитриевич, 1958 г.р., г. Муром.

Посулов Вячеслав Геннадьевич, 1961 г.р., с. Ковардицы (д. Лопатино).
Пудков Вадим Владимирович, 1965 г.р., с. Ковардицы (д. Лопатино).
Романов Илья Федорович, 1930 г.р., д. Борок.
Румянцев Владимир Вячеславович (сын), 1978 г.р., с. Ковардицы (д. Лопатино).
Румянцев Вячеслав Викторович (отец), 1953 г.р., с. Ковардицы (д. Лопатино).
Садков Сергей Вячеславович, 1967 г.р., с. Татарово.
Святов Иван Михайлович, 1915 г.р., д. Лесниково.
Смугалов Юрий Михайлович, 1929 г.р., г. Муром.
Соколов Валерий Александрович, 1936 г.р., с. Карачарово.
Софронов Михаил Федорович, 1951 г.р., с. Татарово.
Субботин Сергей Алексеевич, 1952 г.р., г. Муром.
Сурков Геннадий Иванович (сын), 1953 г.р, д. Степаньково.
Сурков Иван Алексеевич (отец), 1926 г.р., д. Степаньково.
Теплов Николай Алексеевич, 1938 г.р., с. Татарово.
Федоров Анатолий Сергеевич, 1927 г.р., с. Польцо.
Цыганов Виктор Михайлович, (1938—2000), с. Панфилово.
Шаронов Анатолий Федорович, д. Захарово.
Якимов Михаил, д. Захарово.
Ярлыков Павел Михайлович, 1915 г.р., д. Борок.

С.В. ПРОСИНА

Женские ремесла

В Муромском уезде женские занятия так или иначе были связаны с обработкой волокон растительного (лен, посконь[1], крапива и др.), животного происхождения (шерсть) и изготовлением из них всевозможных изделий. Специфика бытования текстиля выражена разницей функционирования: покупная мануфактура активно применялась в шитье одежды уже в XIX в.[2], наравне с домотканью, которая широко использовалась, прежде всего, для изготовления предметов интерьера деревенского дома.

[Н.С.]: *Одежу носила мама из сукна. А большинство, все из полсукна.*

[Соб.]: *А в вашей семье домотканую одежду носили?*

[Н.С.]: *Нет* (Васина Н.С., 1922 г.р., ЦРФ-Э-1099).

XIX век стал наиболее ярким периодом одновременного бытования промышленного и домашнего текстиля, неким переломным моментом, после которого домоткань практически исчезает из непосредственного употребления.

Выращивание льна, поскони, их обработка, а также тканье и шитье, как и выполнение всего рукодельного декора в Муромском уезде повсеместно бытовали исключительно как домашние ремесла, т.е. производились только для нужд семьи[3]:

[М.В.]: *У нас мама, она и вязала, и вышивала, и шила — все делала.*

[Соб.]: *Где в основном рукодельничали?*

[М.В.]: *Дома, а где еще? Для себя* (Суркова М.В., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1097);

[Т.П.]: *Мама рукодельная была, уна шила на нас. Пряла шерсть, нитки пряла для вязания* (Мочалова Т.П., 1926 г.р., ЦРФ-Э-1097);

[Е.М.]: *И в молодости, и раньши мать у меня на руках делала, на машине она не шила, скажет, на машине долго* (Мясникова Е.М., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1137).

Следует сказать, что деревенские девушки и женщины, как правило, владели всеми необходимыми для семейных хозяйственных нужд ремеслами, что подразумевалось в понятии «рукодельница, мастерица». Девушка осваивала ремесла с раннего детства и проводила все свободное время за прядением, вышиванием, вязанием. В отличие от женщин, занятие рукоделием в девичьей среде всегда было публичным.

В Муромском крае активно использовались две ситуативные модели: рукодельничали, собираясь у подружек или «в тетках»[4]. Посиделки играли огромную роль в культуре молодежи, а рукоделие являлось одним из них привычных атрибутов. Как правило, «в тетках» собирались смешанные группы, каждая из которых функционировала по-разному: девушки рукодельничали и пели, а парни озорничали и шутили:

---

[1] Конопля.

[2] Многократные сведения информантов в селах и деревнях доказывают повсеместное распространение покупной материи в качестве материала для шитья одежды традиционного, а часто и городского кроя.

[3] В отличие от соседнего Гороховецкого уезда, где ткачество, строчевая вышивка являлись крупными женскими промыслами и были известны далеко за границами уезда.

[4] Так здесь назывались посиделки, молодежь нанимала избу у «тетки» — одинокой женщины, чаще всего вдовы.

[Е.П.]: *Ну, вот сидят, девки приходят, там, с кружевами, кто чулок вяжет, кто чаво и вот по целым вечерам песни валяют* (Салков Е.П., 1917 г.р., ЦРФ-Э-1096).

Помимо подшучивания парни мешали девушкам работать, выполняя разные манипуляции с рукоделием. Подобное поведение вызывало гнев девушек лишь отчасти, так как являлось обязательным элементом заигрывания и ухаживания:

[Соб.]: *Рукоделием девушки занимались?*

[С.П.]: *Ну, ходили друг к дружке, пряли, ребяты с нами. Собирались. Девчонки, у кого кто пустит. Может, эта пустит, может я пущу, ко мне придут. Другая пустит, к другой придут.*

[Соб.]: *Девушки пряли, а ребята что делали? Смотрели, кто как работает?*

[С.П.]: *Кто сколько напрядет. А то еще созоруют, чтоб не пряли. Оторвут нитку да и все! Вот тебе и пряха. Не напрядешь ничаво* (Смирнова С.П., 1921 г.р., ЦРФ-Э-1156).

В некоторых деревнях на посиделках только пели и плясали, отсутствие рукоделия было неким обязательным условием, мол, не для того собрались:

[Соб.]: *Рукоделие с собой брали?*

[М.П.]: *Ну! Пели да плясали. Ниче не брали. А это когда ходили, вон, я рядом, вязали мы.*

[Соб.]: *С рукоделием вы приходили, и ребята с вами?*

[М.П.]: *Вязать-то? Ну, поштой-то робята?*

[Соб.]: *То есть без них?*

[М.П.]: *Да.*

[Соб.]: *Посиделки, это когда вы собирались попеть-поплясать?*

[М.П.]: *Да. Это там, в воскресенье или в субботу* (Акимова М.П., 1923 г.р.).

В таких случаях занятие рукоделием диктовало четкую гендерную градацию собравшегося коллектива:

[Соб.]: *Девушки занимались рукоделием на посиделках? И ребята приходили?*

[А.М.]: *Нет, ребята не приходили, одне девчонки сидели, вышивали. Я вот тоже себе придано вышивала. Это мы так сидели с подружками и вышивали* (Рябова А.М., 1938 г.р., ЦРФ-Э-1137).

Рукотворный текстиль являлся незаменимым составляющим элементом традиционного народного интерьера. При этом важна утилитарность, о чем говорит огромный ассортимент традиционных предметов: половики, «шóбельники», «кружки́», дверные занавеси, оконные «задéргыши», занавески на божницу, «столéшники», скатерти, всевозможные салфетки, «рушники», пологи, подзоры, наволочки, «боковины», «ува́ли» и т.д. В то же время, утилитарные предметы осмысливались духовно, а также выражали народные представления о красивом, о красоте вещей. Здесь можно говорить о некоем разделении по принципу значимости в интерьере текстильных предметов. Так, наиболее пышным в интерьере было текстильное убранство божницы, как средоточие, центральная часть дома, комнаты. Занавески на божницу могут быть и двойные[5], с использованием прозрачных покупных тканей. Декор, очень красивый по местным понятиям: либо яркая ручная вышивка, либо утонченное белое ручное или машинное шитье. Так же тщательно здесь старались украсить окна, ведь они выходят на улицу, где соседи могут осудить:

[М.С.]: *От людей... чтоб красиво было, а то скажут, шóбло*[6] *повесила* (Орлова М.С., 1924 г.р.).

Помимо этого текстиль являлся своеобразным посредником между человеком и внешним окружающим миром, в чем выражена его обереговая функция. Так, все

[5] Излюбленным материалом для этих занавесок сегодня, наряду с «шитьем», является тюль. Иногда оформление выстраивается по подобию с окном: тюль и верхние занавеси чаще всего бязевые с вышивкой.

[6] Шóбло (тряпье. — *С.П.*).

пограничные и важные зоны дома (пол, стены, пороги, окна, «красный» угол, кровать, стол, печь) обрамлялись искусно декорированными текстильными предметами, подчеркивавшими и усиливавшими охранную суть конструктивных перекрытий:

[М.С.]: *Ворота в церковь видела? Там перекрыто, да ишо колокол. Все плохое, дурное, нечистое перекрытия боитса. Все дурные люди в храм поэтому не идут. Так и в избе. Штоб хорошо в дому было* (Орлова М.С., 1924 г.р.).

Основополагающим ремеслом было ручное ткачество[7], для которого здесь применяли горизонтальный ткацкий стан. Культура тканья была разнообразной. Простым полотняным тканьем изготавливали льняные и посконные холсты, грубые (для разных хозяйственных нужд) и тонкие (на шитье одежды, особенно праздничной), они одинаково успешно применялись в быту:

[Н.С.]: *А у нас мать умела ткать. И баушка у меня ишо была, она уж больно тонко пряла, как вот коленкор* (Васина Н.С., 1922 г.р., ЦРФ-Э-1099);

[М.В.]: *Матрасы ткали, да холсты, вот полотенца холстовыи* (Суркова М.В., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1097);

[Т.П.]: *Нет, мы не ткали. Ну, вот родители ткали. Баушка моя. У нас и станок был* (Мочалова Т.П., 1926 г.р., ЦРФ-Э-1097);

[С.П.]: *Раньше и на одежду ткали, все в тканых ходили. И рубашки были тканы, и кальсоны у мужиков были тканы, а потом уж вот стали продавать* (Смирнова С.П., 1921 г.р., ЦРФ-Э-1156).

Для шитья праздничных женских и мужских рубах тонкие холсты отбеливали, о чем свидетельствуют многочисленные упоминания информантов:

[М.В.]: *Отбеливали ево.*

[Соб.]: *Как?*

[М.В.]: *Раньше клали на этот... вот когда снег... «серенец», звали. Такой жесткий, он не проваливаитса весной. И вот на него ложили, отбеливали* (Суркова М.В., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1097);

[Н.С.]: *Раньше веть лен сеяли. ...Да их пробелют (холсты).*

[Соб.]: *Как?*

[Н.С.]: *В снег. Сначала в золу. Кипятят золу, размешают, и туды пустют этот материал. Обваляют ево, и на «серен» — на снег. На снягу они ляжат. Белы, белы делутса! Веть ни порошков, ничё не было.*

[Соб.]: *Когда белили холсты?*

[Н.С.]: *Когда снег таит. На талом снягу он поваляитса недельку, и оне ево собирают, полощут, — белый, белый!* (Васина Н.С., 1922 г.р., ЦРФ-Э-1099).

Льняные нити (полотно реже) выкрашивали в разные тона и цвета:

[Соб.]: *Красили нити?*

[Е.М.]: *Красили. Мать красила, я не красила. Краски покупала* (Мясникова Е.М., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1137);

[Соб.]: *А чем красили?*

[Н.С.]: *Краску-то продавали, а то дуб. Кору снимали, и ее кипятят, и уж больно красивый материал. Он какой-то бордовый* (Васина Н.С., 1922 г.р., ЦРФ-Э-1099).

Полотняным переплетением ткали лоскутные напольные «дорожки»:

[М.В.]: «*Они пряли, ткали. Мама половики ткала* (Суркова М.В., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1097).

Идентичные по технологии и материалам[8], они отличались ритмом полос, их колористическим решением. Все это придавало дорожкам определенное своеобразие, делая предмет интерьера неповторимым, особенным в каждой деревне[9]. По

---

[7] Известно, что женщина проводила за ткацким станом до 8 месяцев в году.

[8] В качестве уточной нити здесь использовали лоскут, нарезанный тонкими полосками.

[9] По вышеперечисленным параметрам местные жители всегда легко могли определить, где выткана дорожка, хотя на первый взгляд они все кажутся одинаковыми.

многочисленным сведениям информантов, цветное тканье напольных дорожек было профилирующим женским промыслом в д. Грибково[10]:

[М.П.]: *Нет, я не ткала. Нам все в Грибкове ткали* (Акимова М.П., 1923 г.р.).

Деревня Новое Ратово была известна изготовлением дорожек закладного ткачества. Промысловых деревень, в которых занимались изготовлением саней, мебели, столярными, плотницкими работами, кузнечным ремеслом, лозоплетением и др. в уезде было много, однако женских промысловых деревень здесь практически не было[11].

Узорным тканьем выполняли клетчатую пестрядь, используя разноцветные утки́ и основу. Здесь возможны разнообразные цветовые вариации[12]: белая основа / красный уто́к; синяя основа / красный, белый утки́; красная основа / белый, синий утки́. В зависимости от предназначения величина клетки варьировалась, например, очень мелкая клетка применялась при шитье женских рукавов[13], а крупная клетка активно использовалась в шитье «сарафанов»[14]. Кроме того, преобладание того или иного цвета в пестряди регламентировалось по возрастному принципу и соответствовало этическим нормам. Например, преобладание нитей белого и синего цветов было уместно в пестряди пожилой женщины, преобладание нитей красного цвета ярко выражено в пестряди молодой, женщине среднего возраста полагалось носить пестрые, сбалансированные по цвету ткани[15].

В интерьере из пестряди шили кроватные пологи:

[Соб.]: *У вас делали кроватные пологи?*

[Е.М.]: *Делали. У нас полог был белый с красными.*

[Соб.]: *Клетками или полосками?*

[Е.М.]: *Клетками* (Мясникова Е.М., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1137);

[М.В.]: *У нас полог есть тканый. Это самотканый* (Суркова М.В., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1097).

По своей конструкции полог похож на матерчатый прямоугольный чехол. Характер переплетения нитей таких пологов повсеместно идентичен, как и крой, где за модуль берется ширина холста. Для увеличения ширины полотнища пришивались одно к другому по долевой нити. По периметру пришивались боковины, иногда шитые из коротких кусков ткани. Длина боковин варьировалась. К углам и по бокам так называемой крышки полога пришивали толстые тесемки, которые привязывались к крючкам, вбитым в потолок. Такие пологи часто употребляли и на сеновале, привязывая тесемки к балкам крыши. Таким образом, тяжелая ткань образовывала защиту от комаров и помогала сохранить тепло. Подобный полог также служил «отдельной спальней» для супругов, так как в одном доме могли жить несколько невесток[16]. Льняная пестрядь с продольными полосами разной ширины использовалась при шитье наматрасников:

---

[10] Только в 2001 г. умерла последняя мастерица, ткавшая эти традиционные изделия.

[11] В отличие от соседних Меленковского, Гороховецкого и др. уездов, известных именно крупными женскими промыслами: строчевышивальным, вышивальным, ткацким.

[12] Экспедиционные исследования показали, что цветовое решение домотканой пестряди во многих населенных пунктах отличалось друг от друга. Например, в д. Петраково — это красно-белая клетка, в с. Борисоглеб — на синей основе красно-белый уто́к, в д. Грибково — мелкая красно-желтая клетка и т.д.

[13] Верхняя часть женской рубахи, собственно рукава, грудка, спинка. К «рукавам» пришивался составной холщовый стан (подол).

[14] Длинная женская поясная одежда, по крою напоминающая юбку из шести (восьми) клиньев, мелко собранных под широкий, иногда холщовый пояс с застежкой на пуговицу или крючки.

[15] Об этом см.: *Добровольская В.Е.* Семиотическая функция одежды в обрядах и несказочной прозе (по материалам экспедиций 90-х гг.) // Сохранение и возрождение фольклорных традиций: Сб. материалов научно-практической конференции. Вып. 10. Приобщение детей к традиционной культуре: народный костюм. М., 2001.

[16] Сведения получены от Сурковой М.В., 1935 г.р., д. Петраково, 2003 г.

[А.В.]: *Матрасы ткали* (Кашина А.В, 1920 г.р., ЦРФ-Э-1097);

[Е.М.]: *Ткали тюфяки, матрасы. Синенько, красненько, зелененько, беленько — вот такие, полоски делали.*

[Соб.]: *Полосатые наматрасники?*

[Е.М.]: *Да, да* (Мясникова Е.М., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1137).

В одежде, с добавлением шерсти, она применялась для изготовления мужских портов, иногда женских юбок[17].

Большой популярностью здесь пользовалось ручное ремизное тканье, которое также применяли в указанных выше целях. Как правило, однотонным ремизным полотном, богатым разнообразием фактуры, покрывали разнообразную мужскую и женскую верхнюю демисезонную одежду. В старообрядческой среде из ремизного полотна шили женские юбки, их единственным украшением служили вытканные на подоле контрастные полосы. Этот вид тканья повсеместно использовался при изготовлении половиков с сохранением однотонного фона, богатства фактуры, а также вытканных контрастных поперечных полос. Иногда половики имели грубую холщовую подкладку.

Техника браного тканья на верхнем цепу, хотя и бытовала на территории Муромского уезда, очевидно, была заимствована из сопредельных уездов[18]. Подобным тканьем, в основном, выполняли узорные полосы рушников. Эти орнаменты чаще всего представляли собой ряды геометризованных антропоморфных или зооморфных фигур, а также полосы геометрических ромбических мотивов. Кроме этого, в таких рушниках использовали и ажурное тканье, выгодно оттенявшее плотность орнаментальных браных полос легкостью мережек и вытканной каймы. Ажур выполнялся параллельно основному тканью, что говорило о высоком мастерстве ткачихи. Белое браное ткачество на верхнем цепу, бытовавшее во многих деревнях и селах Муромского уезда, применяли в узорах скатертей, столешников, и, очевидно, холщовых рушников:

[С.П.]: *На полотенцы, на салфетки там, сошьют их в два ряда и салфетки-ти на стол ткали как-то по-другому: какими-то рисунками.*

[Соб.]: *Красно-белый рисунок?*

[С.П.]: *Нет, нет. Этим же белым, но только выпуклы каки-то рисуночки.*

[Соб.]: *Как шашечки?*

[С.П.]: *Да, да* (Смирнова С.П., 1921 г.р., ЦРФ-Э-1156);

[В.А.]: *Ткали узорныи столешники. Вот на стол как обедаш, щас клеенка, а раньши — столешник называлса. <...> Столешник белый, а узор тожа белый. Только на стане делаешь, вот шашечки выходют* (Герасимова В.А., 1916 г.р., ЦРФ-Э-1256).

Кроме того, повсеместно были распространены традиционные ремесла, ориентированные на использование текстильных остатков. Например, изготовление всевозможных предметов из лоскута. Это и всем известные стеганые одеяла, где важен подбор лоскутков определенного размера и тона:

[М.В.]: *Вот одеялки она (мама) стегала. На вате.*

[Соб.]: *Она сама придумывала, как лоскутки положить? Как составить?*

[М.В.]: *Ну да, составляла так, сама* (Суркова М.В., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1097). Это и коврики «шóбельники» («пестрýшки»), где хаотично нарезанные разноцветные лоскутки в произвольном порядке прихватываются нитью к грубой холщовой основе, устилая пушистым слоем всю ее поверхность; и связанные крючком коврики «кружки», овальные дорожки, чей закрученный полосатый узор пестрит

[17] В основном в старообрядческой среде.

[18] Такое ткачество бытовало среди старообрядцев в Вязниковском и Гороховецком уездах. Подробнее об этом см.: *Федорова Г.А.* Браное ткачество и строчевышивальные промыслы Гороховецкого уезда и сопредельных территорий // Традиционная культура Гороховецкого края. В 2 т. Т. 1. М., 2004. С. 264—292.

множеством лоскутов. Кроме того, для тканья половиков использовали хлопковый очес:

[В.А.]: *Половики ткали. Из тряпок, а то крутили хлопки. Прядешь хорошее-то, а там хлопок сзади гребня, вот из этих крутили, а то тряпошны* (Герасимова В.А., 1916 г.р., ЦРФ-Э-1256).

Помимо ткачества, в Муромском уезде традиционным женским ремеслом была ручная вышивка, занимавшая по праву свое место в декоре традиционной одежды. По мере того, как ручное ткачество выходило из народного быта, для украшения текстильных интерьерных предметов также все больше стала применяться вышивка[19]. Прежде всего, необходимо сказать о том, что в формировании вышивальных традиций данного региона все еще остается много неясного. Неоднократное изменение географических границ уездов и, позднее, районов Владимирской области, активная ярмарочная торговля с соседними уездами и губерниями, а также довольно активная миграция населения, затрудняют процесс определения и вычленения местных художественных традиций ручной вышивки. Очевидно, сегодня мы можем говорить лишь о позднем периоде этого ремесла, условно нами датируемом концом XIX—XX вв., когда вышивка постепенно выходит из употребления в народной одежде, оставаясь важным составляющим звеном декора интерьера. В это время народная вышивка претерпевает влияние модной в деревне городской культуры, многие виды городских вышивальных техник активно начинают использоваться и в деревне:

[А.И.]: *Я вышивать — вышивала. У меня и наволочки были вышиты, и вот где-то ковер черный.*

[Соб.]: *В какой технике?*

[А.И.]: *Крестом и гладью вышивала* (Новожилова А.И., 1938 г.р., ЦРФ-Э-1096);

[М.В.]: *Вышивали крестом и гладью, — все делали.*

[Соб.]: *Гладь цветная или белая?*

[М.В.]: *Цветная* (Суркова М.В., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1097).

Белая владимирская гладь, появившись в монастырях, распространилась и по деревням уезда, где в купеческом и помещичьем обиходе этим видом вышивки, в основном, украшалось постельное белье, мелкие аксессуары (воротнички, платочки и др.). Изысканные орнаментальные мотивы, отличавшиеся большим разнообразием цветочных элементов, и искусность выполнения приравнивали эту вышивку к тонкому белошвейному шитью. Например, батистовый подзор из с. Панфилово, с невероятным мастерством украшенный белой владимирской гладью, принадлежащий Сорокиной Л.С., 1939 г.р. Подзор имеет легенду, по которой он входил в состав еще маминого приданого. На нем вышито двенадцать растительно-цветочных мотивов, разживки которых не повторяются. Продольный нижний край оформлен фестонами, на которых вышиты маленькие круглые розетки, также не повторяемые. Известные цветные «владимирские верхошвы», которые отличаются яркостью, плотностью орнамента и воспроизводятся сегодня для декора плотной льняной ткани, можно считать современной интерпретацией традиционно бытовавшей здесь вышивальной техники.

На этом подзоре указаны инициалы хозяйки, что является общей характерной чертой текстильных предметов[20], украшенных ручной вышивкой, а также лишний раз подчеркивает влияние рукодельных традиций более высокой социальной

[19] Вышивка, более быстрый способ декора, располагалась мастерицами в строго определенных участках предмета, заменяя собой ткачество с технической точки зрения, однако оставляя традиции оформления народного текстиля неизменными.

[20] Таким образом здесь помечают особо памятные подарки между родственниками в честь какого-либо семейного или общественного праздника, события. В Муромском уезде, а позднее и в районе, приданое часто готовили ближайшие родственницы по женской линии, обязательно указывая инициалы будущей хозяйки.

страты. По сведениям информантов, на таких предметах в качестве инициалов вышивалось имя и отчество, так как невеста меняла фамилию, а имя и отчество всегда оставались неизменными, поэтому принадлежность вещи оставалась несомненной. К тому же указание имени и отчества, как обращение к хозяйке, говорило об уважении дарителя[21].

В XIX в. самым распространенным вышивальным швом, сегодня ставшим традиционным для обихода деревни, в том числе и в этом уезде, был «крест» и его производные: «полукрест», «болгарский крест». Эти техники имели хождение в городской и помещичьей среде, поэтому считались очень модными в деревне. Они повсеместно распространились и употреблялись для декорирования разнообразных текстильных предметов деревенской культуры. Холщовые рушники этого периода, украшенные ручной вышивкой хлопчатобумажными нитями, имели пришивную вязаную или плетеную кайму. Технология этой вышивки, с характерными четкими формами, позволила мастерицам выполнять бихромные геометрические и растительные узоры, в некотором роде имитирующие вытканные орнаменты. Народные вышивки «крестом» поражают аккуратностью выполнения[22]. Наиболее распространенными здесь являлись мотивы «заря», «ро́зан», «букетик» — все они раппортные, линейно расположенные в виде орнаментальной каймы. Мотивы «деревце», «деревце с птицами», «виноград»[23] более широкие, расположенные в виде каймы на концах рушника. Сочетание красно-черного узора на белом фоне всегда являлось традиционным в народном текстиле[24].

Многие исследователи считают, что повсеместное распространение этого сочетания в XIX в. может быть обусловлено распространением полиграфических красно-черных орнаментов на предметах упаковки различного товара и общим упадком ткачества и вышивки. Однако следует заметить, что здесь подобное сочетание чаще всего встречается только на рушниках, т.е. на обрядовых предметах, где четкое следование традиции особенно важно[25]. Очевидно, соблюдение бихромности обязательно, так как на многих образцах видно, что за неимением черных ниток мастерица выбирала близкие, с ее точки зрения, по тону — серые. Аналогичные бихромные рушники со схожими орнаментальными мотивами бытовали и в соседнем Гороховецком уезде, что говорит об общности вышивальных традиций Владимирской губернии. Интересно, что эти тенденции сохраняются в декоре и использовании «вафельных» полотенец, которые, появившись на смену домотканым холщовым, также становятся обрядовыми предметами.

Полихромная вышивка вышеуказанными швами очень распространена и применялась для декора столешников, скатертей, салфеток, занавесей, задергышей, постельного убранства — предметов, важных своей утилитарной функцией. Характер орнамента по-прежнему растительный, но, в силу применения большего количества оттенков, разработка мотивов становится более сложной, подробной. Обобщенность цветочных форм, характерных для народного вышивания, исчезает, мотивы становятся реалистичными и абсолютно конкретными. В вышивках появляются роскошные садовые цветы помещичьих усадеб, а более привычные полевые отходят на второй план. Излюбленным цветочным мотивом становится роза (шиповник).

[21] Сведения получены от Сорокиной Л.С., 1939 г.р., с. Панфилово, 2004 г.

[22] Известно, что начиная вышивать, мастерица не должна завязывать нить узелком, как при обычном шитье. Нить закрепляется в процессе вышивания. На увиденных нами образцах нить закреплена искусно, места закрепов практически невозможно обнаружить.

[23] Все названия приведены по сведениям информантов из д. Петраково.

[24] Известны трактовки многих исследователей цветовой троичности обрядовых орнаментов, где красный — это кровь, жизнь; черный — это смерть, земля; белый — душа, обновление, рождение.

[25] Очевидная разница заметна и в местной речевой практике: полотенца с бихромной вышивкой называются «рушник», в то время как полотенца с цветной вышивкой часто не имеют особого названия, — полотенце, иногда «утиральник».

Украшенные полихромной вышивкой «крестом» полотенца считались праздничными «утиральниками»[26], кроме растительных орнаментов, они украшались вышитыми сюжетами и часто сопровождались текстом: изречением, пословицей, поговоркой. По многочисленным сведениям информантов, подобные полотенца чаще всего являлись подарками к празднику, например, льняное полотенце из д. Новое Ратово, вышитое цветным «крестом». Сюжет составляют три пляшущие (две мужские, одна женская) фигуры. Вся композиция сопровождается надписью: «ПЛЯШИТ ВАРЮШКА НА МОЕЙ ПИРУШКИ». Полихромные сюжетные композиции на «вафельных» полотенцах, выполненные «крестиком» с использованием полиграфических схем для вышивания, являются поздним примером бытования этой традиции.

Сюжет льняного рушника из д. Волнино также был вышит «крестом» и изображал катание на тройке. В санях сидит пара, обращенная лицами к зрителю, на облучке кучер. Кони изображены довольно схематично, явно являясь второстепенной деталью. Сюжет сопровождала надпись: «ГУЛЯЙ ДЕЛО ЗНАЙ». Этот рушник украшен бихромной красно-черной ручной вышивкой. Такая гамма вышивки позволяет причислить этот рушник к обрядовым предметам, а по сведениям информанта, он был в числе свадебных подарков и должен был служить в качестве праздничного «утиральника», что и было исполнено[27]. Таким образом утилитарная и обрядовая функции в этом предмете объединены, причем утилитарная возобладала, несмотря на явное присутствие обрядового колористического решения.

Шов «тамбур», более характерный для ручных вышивок Вологодской, Костромской, Каргопольской губерний также широко применялся и в Муромском уезде. Некоторые исследователи считают существование этой техники во Владимирской губернии случайным, пришедшим извне, довольно поздним явлением: «случайным... нехарактерным для местного края следует считать вышивку тамбуром. Как сообщают обладательницы вышитых тамбуром полотенец и подзоров, эти вещи выполняли приходившие на заработки в осеннее время женщины... они не только выполняли заказы, но и обучали желавших научиться тамбурному шитью. ...из какой местности были эти женщины никто сообщить не мог»[28]. Мы позволим себе не согласиться с этой точкой зрения. Здесь следует напомнить, что в 1708 г. в Российской Империи впервые произошло разделение на губернии. Первоначально Муром входил в состав Казанской губернии[29]. С 1719 г. Муром, наряду с Владимиром и Гороховцом включен в состав Владимирской провинции Московской губернии, в которой уже значились Кострома, Суздаль, Шуя, Юрьев-Польский, Переславль-Залесский[30]. Именно поэтому шов «тамбур», на наш взгляд, можно считать традиционной вышивальной техникой исследуемого региона.

В Муромском уезде «тамбур» использовался для украшения одежды, например, подолов женских рубах, льняных рушников. В одних случаях он применялся как самостоятельное декоративное решение, являясь одновременно и контуром мотивов. Иногда «тамбур» лишь очерчивает контур орнаментальных мотивов, а заполнением является другая техника, например, «ковровый шов». Растительные орнаментальные мотивы «тамбурных» вышивок часто представляют собой древо, иног-

---

[26] Основной акцент ставится именно на утилитарной функции предмета.

[27] К сожалению, ветхость рушника помешала его фотофиксации.

[28] *Свионтковская-Воронова Л.И.* Вышивка Владимирской области // Из научного наследия Л.И. Свионтковской-Вороновой: Сб. статей. Приложение к сб. статей «Научные чтения памяти В.М. Василенко». Вып. III. М., 2001. С. 26.

[29] Также в Казанскую губернию входили: Нижний Новгород, Вязники, Арзамас, Касимов, что делает понятной общность технологических и художественных черт изделий бытовавших на этих территориях ремесел.

[30] Полное собрание законов Российской Империи. Изд. I. Т. 4. СПб., 1830. С. 2218, 3380.

да с сидящими на нем зеркально расположенными птицами, либо повторяющийся раппорт растения (виноград), либо его элементы. Часто «тамбурный» орнамент представляет собой волнообразный рисунок линий разной толщины. Вышивка в этой технике ведется свободно, без предварительного рисунка[31]. Цветовая гамма «тамбурной» вышивки рушников здесь, в отличие от вышеперечисленных ареалов ее распространения, — также красно-черная, что подтверждает наши рассуждения об особом оформлении обрядовых вещей. В то же время сохраняется и принцип украшения полихромной вышивкой сугубо утилитарных вещей. Например, красочные вышивки «тамбуром» на фартуке, упоминавшиеся нами выше.

Наравне с основными швами, в декоре текстиля применялись и другие, так называемые сопутствующие декоративные швы, например «стебельчатый» шов. Иногда этот шов служил и самостоятельным способом декорирования изделия, чаще всего это происходило в одежде. Например, изящная «стебельчатая» вышивка являлась украшением рукавов праздничных или свадебных рубах. Ковровый шов также использовался в качестве заполнения орнаментальных контуров в ручной вышивке, но мог служить и самостоятельной техникой, например, для изготовления ковров. Шов «козлик» являлся обязательным добавлением к вышивке в любой технике. Его также можно считать более простым декоративным решением, заменившим традиционные мережки.

Простая цветная гладь, как и «крест», более известная в городской культуре, в деревне получила широкое распространение в интерьере, в частности, в оформлении текстильных предметов постели, оконных и дверных занавесей, столешников, скатертей. Очень распространены длинные салфетки-дорожки, декорированные цветной гладью (здесь ими украшают застеленную кровать). Неотъемлемой частью буфетов[32] со стеклянными дверцами здесь традиционно являются маленькие квадратные салфеточки, выложенные уголками вниз по две-три штуки на полках. Обязательно белые (чаще всего, бязевые), они украшались разной вышивкой на свисающих уголках. Цветной гладью зачастую украшают уже готовые промышленные вещи (скатерть, наволочки). Композиции цветной глади бывают самыми разными (собранный или разбросанный букет, ветка из угла, зеркально расположенные ветки из углов). В этих вышивках широко применяют мотивы полевых (ромашка, незабудка, колокольчик, мак), садовых (роза, пион, анютины глазки) цветов, ягод, стараясь добиться узнаваемости растения, при этом несколько теряется характерная для народного шитья декоративность и абстрактность мотива. Основное внимание уделяется проработке цветочного мотива, листья часто выполнены довольно обобщенно.

---

[31] Впрочем, как и любая ручная традиционная народная вышивка. Здесь очень важным является чувство материала, пропорций, художественный вкус мастерицы. Следует помнить, что часто мастерица повторяла по памяти тот или иной узор (чаще всего, любимый) своих старших родственниц: мамы, сестры, бабушки. Иногда узоры отличались, как изделия мастеров семейных династий отличаются друг от друга, будучи предметами одной традиции, а изделия, украшенные этими орнаментами, становились своеобразным «альбомом» рисунков, используемых в той или иной семье. Поскольку искусное владение рукоделием раньше чрезвычайно ценилось в деревне, орнаментированные изделия хранились веками, как память о родных и как памятка к исполнению того или иного узора (ср.: распространенное в речевой практике «мамин узор»).

[32] Иногда буфет — основа построения всего интерьера, особенно когда в доме отсутствует традиционная печь. Буфет — не только место хранения посуды, но и своеобразная витрина всего самого дорогого и красивого в представлении хозяйки. Здесь среди посуды можно увидеть понравившиеся ей, либо дорогие как память, открытки; искусственные цветы; пожелтевшие красивые вырезки из старых журналов; всевозможные поделки или игрушки внуков или детей, давно выросших; пресловутые семь слоников; фарфоровые фигурки; ну, и конечно, фотографии живых и умерших родных и близких. Таким образом, простой предмет мебели превращается в средоточие духовной жизни хозяйки. Сегодня эту функцию, за неимением буфета, иногда выполняет сервант.

Текстильные предметы, имеющие свисающий край (рушник, подзор, занавеска и т.д.) всегда обрамлялись кружевной каймой[33]. В местной традиции это может быть тончайшее коклюшечное или толстое вязанное крючком кружево, пришиваемое по краю. Оно тоже несет в себе чаще геометрический, а иногда растительный орнамент. В с. Панфилово мы увидели необычное обрамление концов льняного полотенца. По типу технологии его можно назвать мережкой, однако, в отличие от классической мережки, подобным способом можно оформить широкие площади. Такой прием носит условное название «горьковская мушка», и здесь он служит единственным декоративным решением, хотя хозяйка сообщила, что так украшались и вышитые полотенца[34].

Одним из самых распространенных женских ремесел Муромского края было вязание[35]. Многочисленные сведения информантов указывают, что прядение и вязание на спицах и крючком было основным занятием девушек и девочек в зимний период[36]. Помимо варежек и носков, которые должны были связать девушки (девочки) для всей семьи, обязательно нужно было связать пуховые платки для всех женщин семьи и для себя, а также нужно было напрясть впрок:

[Т.П.]: *Мама пряла шерсть, нитки пряла для вязания. Носки вязали.*

[Соб.]: *На прялке пряла?*

[Т.П.]: *Нет, такое денце было, вот она так ставила как-то и сама руками делала* (Мочалова Т.П., 1926 г.р., ЦРФ-Э-1097);

[Н.С.]: *Пряли. Я и то вот, еще маненька была, чай, восемь или девять лет, уж меня заставляли прясть. Баушка прядет и мне уж наснует мочки и дает, кой-как, а верчу.*

[Соб.]: *На чем пряли? На прялке?*

[Н.С.]: *Нет, гребни были. Баушка все у нас, залезет на печку, на край, и сидит прядет и прядет. Чтой-то, баушка на печке, а я нет. И я к ней. У меня веретяно упало на пол, я прыг! И денце-то за мной — прыг! И пополам гребень. Баушка: «Ну, вот, тяперь половинкой и пряди!» А я думаю, хоть бы он лопнул этот гребень совсем! Люди гуляют, а я тут пряди!* (Васина Н.С., 1922 г.р., ЦРФ-Э-1099).

На спицах хлопчатобумажными нитями вывязывали и кайму для всевозможных предметов интерьера:

[М.В.]: *И кружева вязали к полотенцам раньши* (Суркова М.В., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1097).

Бытовало также кружевоплетение на коклюшках, использовавшееся для завершения декоративной композиции текстильных изделий, чаще всего рушников, подзоров, боковин, «ува́лей»[37]. По своим художественным характеристикам оно ближе всего к балахнинским кружевам. Однако муромские кружева плели из белых хлопчатобумажных нитей. Помимо этого, по отдельным сведениям информантов, в некоторых деревнях выполняли игольное кружево:

---

[33] Особую ценность сегодня представляют предметы, где ажурная кайма является непосредственным продолжением тканого полотна. Чаще всего это применялось в тот период, когда основным ремеслом было тканье, единственным способом декора — вытканный узор. Кружево заменило вытканную ажурную кайму.

[34] Сведения получены от Сорокиной Л.С., 1939 г.р., с. Панфилово, 2004.

[35] Во Владимирской губернии сбыт вязаных предметов из шерсти был средством женского заработка.

[36] Интересно, что в деревнях, известных в округе своим тканьем (напр., д. Грибково, Новое Ратово и др.), было развито и коклюшечное кружевоплетение, и вязание, что позволяет говорить о некоем синтезе и комплексном характере женских ремесел. Иногда нам удавалось зафиксировать лишь наличие инструментария: детали ткацкого стана, мочесник, коклюшки, веретена, которые бережно хранятся детьми или внуками хозяек этого инвентаря, что говорит об уважении к ремеслу ткача, швеи.

[37] «Уваль» (вуаль. — *С.П.*) — тонкое покрывало на стопку подушек, которые кладут на кровати. Так же здесь называлась фата невесты.

[Соб.]: *А иголкой делали кружева?*

[Н.С.]: *Делали. На наволочки, на скатерти*» (Васина Н.С., 1922 г.р., ЦРФ-Э-1099).

Кружевоплетение здесь было не очень распространено, поэтому считалось редким женским умением. Например, если невеста умела плести кружева, это особо подчеркивалось в период сватовства, взять такую рукодельницу в жены считалось почетным.

В XIX в. в обиходе деревни появляется вязание крючком[38]. Оно так же как и некоторые описанные нами ремесла пришло из городской культуры. Незамысловатость технологических приемов, возможность их бесконечно варьировать и тем самым создавать новые рисунки, доступность инструментария делают этот вид рукоделия чрезвычайно популярным в женской деревенской среде, со второй половины XIX в. он практически вытесняет кружевоплетение, частично вышивку. Специфика этого вида рукоделия заключается в синтезе декора и собственно технологии, т.е. вывязывая петли отдельного декоративного мотива, мастерица одновременно продляла изделие. Ассортимент предметов, выполненных в этой технике, очень широк. Подобное кружево[39] гармонично дополняло традиционные текстильные предметы: подзоры, боковины, занавеси, рушники, широкие и узкие мерные кружева для разных нужд и т.д.

Помимо ручной вышивки также во второй половине XIX в. большим спросом пользовалось ажурное шитье. Оно проникало в деревню несколькими путями: из города или из барской усадьбы (здесь в свою очередь также во всем подражали городской моде), из мастерских местных монастырей, из соседних уездов и губерний. Мы видим характерный пример одного из этапов бытования вышивальной традиции, когда новая, в целом даже чужеродная вышивальная техника с непривычным образным рядом, попадая в деревню, считается чрезвычайно модной и успешно используется мастерицами для декора сугубо традиционной предметики. Изначально, будучи рукотворным, этот вид народного рукоделия в исследуемом регионе имел общее название «пробойка», по аналогии с художественным эффектом декора, который как бы пробивали в полотне. Однако разница технологических приемов позволяет вычленить некую типологию. К первому типу можно отнести собственно «пробойку», когда мастерица выбирает несложный узор из разрозненных растительных мотивов. Выполняя простым гладьевым швом замкнутый контур элемента, она затем надрезала нити внутри контура, получая вырезанный силуэтный узор.

Ко второму типу можно отнести вышивку, известную нам сегодня под названием «ришелье». Для этого вида шитья характерно использование крупных, сложно разработанных единичных цветочных мотивов (как правило, это пышные цветы, напоминающие розы, пионы), которые также предварительно вышивались мастерицей, кроме того, здесь цветочный мотив дополнялся изящной сеткой с произвольными сегментами. Мастерица аккуратно выбирала ножницами ткань в цветке и вокруг цветка, а затем произвольно протягивала нити и обвивала их, собственно делая сетку и соединяя фрагменты орнамента. Подобные декоративные вставки могли быть небольшими, чем еще больше подчеркивалось изящество вышитого фрагмента. Их многократное повторение в определенном порядке создавало иллюзию богатого ажурного узора, иногда количество фона оставалось минимальным, делая вещь невесомой, в то же время орнаментально насыщенной. В начале XX в. для выполнения ажурного шитья стали пользоваться швейной машинкой, что зна-

[38] Хотя крючок уже использовался в народной культуре, например, для вязания рыболовных сетей, однако здесь мы говорим о вязании крючком в художественном аспекте.

[39] Мы называем вязание кружевом на основании сложившейся местной народной терминологии.

чительно упростило технологический процесс, следовательно этот вид шитья стал общедоступен. Поэтому в XX в. он становится основным способом декорирования текстильных предметов интерьера. Им также украшают весь ассортимент постельного белья, оконные задергыши и дверные занавеси, салфеточки в буфет, полки в буфете и другой не обрядовый промышленный текстиль.

В рамках данного исследования очень интересно рассмотреть моменты перелома бытования традиционных женских ремесел. Специфика бытования традиционного интерьерного текстиля в Муромском крае заключается, на наш взгляд, в том, что разнообразные изделия представляют одновременно практически все виды бытовавших здесь в разное время женских ремесел. У хорошей хозяйки, как правило, все заготовлено в нескольких комплектах[40]: с разной вышивкой (каждый), с ажурным шитьем, с вязаным кружевом и т.д. Иногда предметы комплектов используются врозь, однако это не вызывает ощущения эклектичности, а создает разнообразное замкнутое рукотворное пространство. Часто характеристика того или иного предмета подвергается неосознанной народной регламентации. Например, практически повсеместно оконные задергыши должны быть беленькие, занавеска на божницу из пышного тюля или изящного ажурного шитья, а рушники расшитые.

В XX в. домашнее ткачество как вид ремесла[41] за ненадобностью прекратило свое непосредственное существование в деревнях Муромского края. К сожалению, уходят из жизни последние представительницы поколения, мастерицы, которые могли бы еще чему-то нас научить. Однако сегодня в большинстве случаев оформление интерьера остается сугубо традиционным, т.е. сохранившим весь необходимый перечень текстильной предметики, а также четкую функциональную и идеологическую привязанность той или иной вещи к определенным ареалам дома. Здесь интересен процесс инерционного действия: зачастую уже неизвестно, какой орнамент должен украшать, например, дверную занавесь. Часто эта ткань является покупным ситцем и не украшается никаким узором, но эта деталь интерьера обязательно должна быть. Исчезновение из деревенского обихода деревни необходимого традиционного материала (льна), приводит к тому, что, например, ручной вышивкой «крестом» начинают украшать покупные белые вафельные полотенца, объясняя именно такой выбор материала его практичностью (легкость ухода по сравнению со льном), а также удобством для шитья «крестом» (фактура этой ткани похожа на канву).

Такие полотенца уже не воспринимаются как ритуальные предметы, о чем иногда говорит нарушение композиции (отсутствие ажурной каймы), характеры мотивов. Некоторая неряшливость выполнения этих узоров, на наш взгляд, говорит о вторичном значении этих предметов в системе интерьера. В то же время иногда эти полотенца копируют декор ритуальных рушников, с сохранением характерных для них мотивов, реже колорита, однако не считаются таковыми. Это происходит из-за нарушения необходимых норм изготовления, композиции, материала. С другой стороны, часто старое, рукотворное, выполненное с учетом всех необходимых канонов (материал, способ его обработки, декор) полотенце, оставшееся в семье от предыдущих поколений (чаще от мамы), бережно хранится как памятная семейная реликвия. Оно используется только при особых торжественных семейных событиях, со временем такая тенденция превращает этот предмет в ритуальный сначала в рамках этой семьи, а потом и в рамках деревенского сообщества. Об этом факте говорит и довольно распространенный здесь обычай реанимировать подлинные

[40] Мы имеем в виду комплект в буквальном смысле. Единообразно декорируются все текстильные предметы интерьера.

[41] Здесь мы имеем в виду ткачество в целом, в том числе и его остаточное бытование в изготовлении напольных дорожек, так как в исследуемом регионе домотканую одежду практически перестали носить гораздо раньше, о чем упоминалось выше.

вещи. Так, с холщового рушника срезают орнамент и нашивают его на покупную белую ткань, реанимируя его как памятную семейную вещь для дальнейших поколений. Интересно, что это старое полотенце изначально могло и не быть ритуальным, а становится таковым в буквальном смысле по истечении лет. Например, обычный домотканый рушник начинает использоваться в современных свадебных ритуалах, для чего его берут напрокат у владелицы.

В этом парадоксе выражается отношение (окрашенное эмоционально и духовно) к подлинным предметам как к чему-то очень важному, даже сакральному. Например, домотканые холщовые «на́вины» для спуска гроба в могилу и сегодня являются необходимым элементом погребального обряда. Они становятся особенно важным предметом и из-за невозможности воспроизведения. Владелец таких подлинных предметов пользуется уважением среди односельчан, его статус в общине очень высок, так как именно к нему обращаются за помощью, когда это необходимо. Обратной стороной медали можно считать частое уничтожение подлинных предметов. Например, домоткаными женскими рукавами старушки затыкают щели в стенах, рушники рвут на кухонные тряпки, срезая тканье и сжигая его в печи. Это обусловлено тем, что сегодня традиционная текстильная предметика воспринимается и как ненужное тряпье, старье, вышедшее из употребления, от которого нужно избавиться[42].

В XX в. характер женских ремесел меняется. Из жизненно важных занятий они превращаются в досуг, чему способствовало постоянное проникновение городской культуры в деревню (о чем неоднократно говорилось выше), также желание подражать культуре более высокого сословия, которая уже в XIX в. в деревне становится образчиком цивилизованности, культурности, образованности. Кроме того, изменился быт деревни, домашнее хозяйство уже не считается базой существования, у деревенских жителей возникает понятие «досуг». Многие утилитарные предметы выходят из непосредственного употребления за ненадобностью (сундуки, например), или же из-за их замены аналогичными предметами городской культуры, шире становится возможность приобретения тех или иных вещей, что сопровождается еще и модой, поэтому отпадает потребность в их домашнем производстве. Все это вместе взятое способствовало появлению некоторых новых тенденций в оформлении интерьера. Самая основная отличительная черта — появление декоративных предметов, не обремененных особой функциональностью.

Так, например (по подобию салона-гостиной богатого дома), стены начинают украшать вышитыми картинами, для чего используют все те же вышивальные техники: гладь, крест, болгарский крест. Вышивать начинают по специальной канве, в работе используют хлопчатобумажные и шелковые нитки. Чаще всего эти вышивки представляют букеты цветов; сюжетные «умильные» композиции с изображениями детей и животных; изображения влюбленной пары; изображения танцующих фигур; натюрморты из южных фруктов с обязательным присутствием экзотических птиц; фрагменты пейзажей. Одним из самых популярных сюжетов, который воспринимается как нечто экзотическое (и поэтому считается очень красивым), является мотив «Ромео и Джульетта», изображающий влюбленную пару на балконе, где герои представлены в необычных, не похожих на русские, старинных одеждах и окружены непривычным пейзажем. По многочисленным сведениям информантов образцы этих рисунков копировались ими из всевозможных журналов, рассчитанных на широкий круг читателей и помещавших схемы для вышивок. Это подтверждает абсолютная идентичность мотивов. Однако присущая народно-

[42] В этой ситуации надежда на сохранение народных традиционных текстильных предметов может быть связана только со средним поколением, с детьми этих мастериц. Являясь носителями народной культуры и в то же время пользователями городской культуры, они знают, каким богатством обладают, и стараются сохранить его для своих детей.

му творчеству вариативность и здесь нашла свое отражение: черно-белые схемы каждый вышивал соответственно своему вкусу, поэтому при общей схожести и узнаваемости мотивов эти вышивки воспринимаются по-разному.

Кроме того, очень часто мастерицы объединяли готовые композиции, составляя свою картину[43], иногда на таком своеобразном панно можно увидеть все когда-либо использованные мастерицей рисунки. Помимо этого, в интерьере появляются подушечки «думки», декорированные геометрическими орнаментами, вышитыми разными видами крестика. Салфетки разнообразной формы, связанные крючком из хлопчатобумажных нитей начинают применяться как сугубо декоративный элемент. Их часто кладут на телевизор, стол, где на салфетку ставят вазу с искусственными цветами. Необычайно популярны цветные объемные композиции, связанные крючком. Чаще всего они представляют пруд с лебедями, грибы. Помимо вышивки и вязания, в деревнях начинают использовать аппликацию, мотивы которой довольно абстрактны. Кроме того, сегодня в деревнях очень развито самодеятельное творчество, практически ничем не связанное с местной народной традицией. Однако, на наш взгляд, оно также заслуживает определенного внимания исследователей, так как является отражением творческого народного потенциала сегодня.

Таким образом, можно сказать, что исследованный нами округ Муром был богат традиционными женскими домашними ремеслами, среди которых основными являлись ручное ткачество и ручная вышивка. Помимо изготовления одежды, текстиль здесь играл огромную роль в формировании окружающего человека интерьерного пространства дома. Специфика бытования традиционных женских ремесел обусловлена естественным ходом времени, а также весомым влиянием городской культуры.

Сегодня непосредственное бытование женских ремесел в обиходе деревни с каждым днем угасает, существуя во многом благодаря инерционным механизмам сохранения изделий этих ремесел внутри семей. Однако опыт показывает, что это первый шаг к осмыслению своей традиционной культуры. Сегодня много в этом направлении делают сотрудники Управления культуры, работники историко-художественного музея, До́ма народного творчества.

Исполнители

Агапова Нина Александровна, 1921 г.р., урож. г. Кулебаки Нижегородской области. Зап. в 2003 г. в д. Петраково. Соб. Н.Е. Котельникова, С.В. Просина.

Акимова Мария Петровна, 1923 г.р., урож. д. Иваньково. Зап. в 2004 г. в д. Иваньково. Соб. Л.В. Фадеева, С.В. Просина.

Васина Нина Степановна, 1922 г.р., урож. с. Борисоглеб. Зап. в 2004 г. в д. Волнино. Соб. С.В. Просина.

Герасимова Вера Аверьяновна, 1916 г.р., урож. д. Мордвиново. Зап. в 2005 г. в д. Мордвиново. Соб. С.В. Просина, О.В. Жукова.

Кашина Агриппина Васильевна, 1920 г.р., урож. д. Петраково. Зап. в 2003 г., в д. Петраково. Соб. С.В. Просина.

Мочалова Тамара Петровна, 1926 г.р., урож. д. Иваньково. Зап. в 2003 г. в д. Петраково. Соб. С.В. Просина.

Мясникова Евдокия Максимовна, 1919 г.р., урож. д. Новое Ратово. Зап. в 2004 г. в д. Новое Ратово. Соб. В.Е. Добровольская, С.В. Просина.

Новожилова Антонина Ивановна, 1938 г.р., урож. д. Саванчаково. Зап. в 2003 г. в д. Петраково. Соб. Н.Е. Котельникова, С.В. Просина.

Орлова Мария Сергеевна, 1924 г.р., урож. с. Борисоглеб. Зап. в 2004 г. в с. Борисоглеб. Соб. С.В. Просина.

[43] Это в первую очередь относится к сюжетным вышивкам.

Рябова Александра Михайловна, 1938 г.р., урож. д. Князево. Зап. в 2004 г. в д. Новое Ратово. Соб. В.Е. Добровольская, С.В. Просина.

Салков Егор Павлович, 1917 г.р., урож. д. Петраково. Зап. в 2003 г. в д. Петраково. Соб. Н.Е. Котельникова, С.В. Просина.

Смирнова Софья Павловна, 1921 г.р., урож. д. Грибково. Зап. в 2004 г. в д. Грибково. Соб. Н.Е. Котельникова, С.В. Просина.

Сорокина Лидия Сергеевна, 1939 г.р., урож. с. Панфилово. Зап. в 2005 г. в с. Панфилово. Соб. В.Е. Добровольская, С.В. Просина.

Суркова Мария Васильевна, 1935 г.р., урож. д. Александрино. Зап. в 2003 г. в д. Петраково. Соб. С.В. Просина.

С.В. ПРОСИНА

Народный костюм

Рассматривая народный костюм Муромского края, необходимо оговорить некоторые особенности его бытования. Уже с начала XIX в. традиционный народный костюм, являвшийся продуктом ручного труда, с использованием домоткани, параллельно существует с одеждой городского типа из фабричных тканей:

[Соб.]: *Какие платья были?*

[З.Н.]: *Тонкие, тонкие, вот здесь вот*[1]*, оборки. Маркизет, типа батиста, более такое прозрачное. Кашемир был. Ситцевых было очень много. Сарафаны*[2] *были. Но сарафаны, вот, были в клеточку.*

[Соб.]: *Из покупной ткани?*

[З.Н.]: *Нет, из самотканой* (Шубина З.Н., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1239);

[А.С.]: *Мы не знали, что такое шелк, это уж когда шелк. Я помню, мне купили кремжежетовое*[3] *черное (платье), а шили вот такая была шестиклинка и кимоно вот так вота*[4] (Власова А.С., 1934 г.р., ЦРФ-Э-1332).

Основная роль в процессе распространения городской одежды в деревне справедливо отдана нами помещикам, купцам, владельцам мелких мануфактур, а также состоятельным крестьянам:

[О.Г.]: *У нас в домашнем (домоткани) ходили токмо беднота. Дед был купец. Мы были богаты, ходили токмо в сукне* (Тимохина О.Г., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1257);

[Н.С.]: *Сукно. Сукно носили токо богатыи люди.*

[Соб.]: *А в вашей семье домотканую одежду носили?*

[Н.С.]: *Нет. Мне не приходилось, мы жили хорошо. И мама не носила. ...Которы бедны-ти были, знаишь, наткут вота, накрасют, и платья шили* (Васина Н.С., 1922 г.р., ЦРФ-Э-1099);

[Е.М.]: *У меня мать была богата, у ней приданого много было. Я перешивала себе все. И шелковы платья, шерстяныи, атласныи — всяки* (Мясникова Е.М., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1137);

[Соб.]: *В чем раньше ходили женщины?*

[В.А.]: *Отец работал на лошаде, он все вязи*[5] *привозил. Вот, у нас все было вязево, мы холстово мало носили. Вязь, такой фабричный материал. Там, юбки вязевы, а то ситцы привозил* (Герасимова В.А., 1916 г.р., ЦРФ-Э-1256).

В то же время среди сведений информантов есть масса рассказов о тяжелом быте и бедности, что отражалось и в одежде:

---

[1] Спереди на воротничке лифа и на манжетах рукавов.

[2] Интересным фактом в изучении традиционного женского костюма округа Муром стало то, что здесь на рубеже XIX—XX вв. бытовала и поясная одежда, которая по крою представляла собой длинную юбку из многочисленных прямых клиньев, сильно собранных под пояс. Однако в речевой практике этот тип одежды здесь назывался «сарафан».

[3] Креп-жоржетовое.

[4] Запáх.

[5] Здесь имеется в виду набивная бязь.

[Г.И.]: *Тетенька мне че-нибудь скворныхает из своего сарафана, ладно, если есть он еще, а то и нету, жили плохо* (Кочетова Г.И., 1939 г.р., ЦРФ-Э-1217)[6];

[Н.И.]: *Не завидовали, ни у кого ничего не было. Штаны там, рубашка, платье, всякая кофта* (Борисова Н.И., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1142).

Из сведений информантов становится понятно, что будничная одежда отличалась скромностью по многим параметрам, например, по качеству материала (будничная из ситца, сатина и др.; праздничная из кашемира, крепжоржета, атласа и др.), иногда и по составу комплекта:

[Соб.]: *Ваша мама в какой одежде ходила?*

[Н.С.]: *В курточке. Курточка эта была суконна, сзади насборено, насборено, под одно. Полувалы были.*

[Соб.]: *Что это?*

[Н.С.]: *Одежа. Она до середины бедра. Длинное было пальто, а это полувал. Из сукна* (Васина Н.С., 1922 г.р., ЦРФ-Э-1099);

[Соб.]: *А в чем работать ходили?*

[Н.С.]: *В фуфайках ходили* (Васина Н.С. 1922 г.р., ЦРФ-Э-1099);

[Соб.]: *А вообще в чем мама ходила?*

[Е.М.]: *Мама... Сарафаны раньше старинны были, «сороки...»* (Мясникова Е.М., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1137).

В качестве рабочей и будничной обуви здесь часто использовали лапти, а зимой валенки:

[Е.М.]: *Лапти я носила. И плясали в девках, в лаптях. И ходили жать и косить в лаптях. Торф возили на салазках, в войну. Лапти, а тута вон, рукава от шубы[7], аль от одежы какие, иль мешком убернешь и ездишь*» (Мясникова Е.М., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1137);

[Н.С.]: *В лаптях ходили* (Васина Н.С., 1922 г.р., ЦРФ-Э-1099);

[Н.И.]: *Ходили зимой в валенках. Валенки давали валять, специальные валяльщики были* (Борисова Н.И., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1142).

Общерусская традиция наряжаться на праздник в новую одежду и в этой местности чрезвычайно устойчива:

[Соб.]: *Новую одежду вообще когда одевали?*

[Т.П.]: *Удевали на праздник. Как какой праздник, дай новую одежду* (Мочалова Т.П., 1926 г.р., ЦРФ-Э-1097);

[Г.И.]: *Наряжались в новую одежду, старались, берегли до праздника. Праздник, понимаишь? Это сейчас у вас каждый день праздники, вы каждый день носите это новое, купите — и сразу. А раньши нет, да и не было столько* (Кочетова Г.И., 1939 г.р., ЦРФ-Э-1217).

Со второй половины XIX в. праздничная деревенская одежда больше соответствовала городской моде:

[Ю.В.]: *Кашемир раньше был в моде, кашемир — это уже праздничное было, платье это праздничное. А так-то из ситца было. И раньше ткали и материал, и вот из этого материала, из толстого, юбки шили, и вот внизу были эти юбки вот и на них «сарафаны» ...из ситца* (Волков Ю.В., 1937 г.р., ЦРФ-Э-1218);

[П.А.]: *А купили мне, девчонки, хромовы сапожки, рюшева жакетка. Крестная мне пошила белую кофточку из рогожки, и сарафан тоже я купила. Его выстираю, на палочки повешу и вечером наглажу. Прихожу, в это наряжаюсь и иду гулять. И как начала в этих-то сапогах и в кофточке... Ух! Прямо дым пошел!* (Ионова П.А., 1927 г.р., ЦРФ-Э-1334);

---

[6] Следует сказать, что в первой половине XX в. традиционную одежду, особенно из дорогих тканей, распарывали и шили одежду для молодежи, стараясь одеть девушку или парня получше.

[7] Вместо голенищ.

[З.Н.]: *Как вот, праздник или вечерами она (мама) выходила гулять, она на день меняла два-три платья* (Шубина З.Н., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1239).

Основная масса рассказов о праздничной одежде замыкается лишь на отдельном предмете. У женщин это, как правило, головной платок, имевший важное культурное значение в женской субкультуре[8] и на рубеже веков ставший некоей универсалией:

[А.С.]: *Платок дадут повязать, на Пасху особенно, платок шелковый повязать. У меня был шарф белый шелковый, вот я повязывала его* (Власова А.С., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1332);

[Е.М.]: *Платки всяки, полушалки были. Шерстяныи или таки, шелковыи, атласны. Потом черны были, таки, шелковы, и они лопухами вот, цветами посередке* (Мясникова Е.М., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1137);

[Т.П.]: *Раньши вот носили, такие шарфы были, черные такие шарфы, старинные-ти. Черные шальки, кружова на них таки красивеньки*[9] (Мочалова Т.П., 1926 г.р., ЦРФ-Э-1097);

[Г.И.]: *Помню, у меня был черный платок цветами и блестящий* (Кочетова Г.И., 1939 г.р., ЦРФ-Э-1217);

[Н.А.]: *Я помню, что на праздник надевали шелковые платки. Оденем их. Нам казалось, что мы очень нарядные* (Никонова Н.А., 1918 г.р., ЦРФ-Э-1153).

Кроме того, головной платок, а точнее, манера его ношения и цветовая гамма маркировали социальный статус владелицы:

[Соб.]: *А на голову платок надевали женщины?*

[В.А.]: *А как жа.*

[Соб.]: *А девушки?*

[В.А.]: *И девушки в платках. Полушалки, полушалки снарядны, всяки.*

[Соб.]: *А девушки как платок завязывали?*

[В.А.]: *Летом, вот, на задок*[10]*. А то, вот под горлышко.*

[Соб.]: *А бабушки?*

[В.А.]: *Вот повяжутса, и сюды*[11]*.*

[Соб.]: *А замужние?*

[В.А.]: *Ну, все такжа. Тяпло — на задок, холодно — под подбородок. Большии были полушалки, всяки, и маненьки и большии. Шерстяныи, всяки* (Герасимова В.А., 1916 г.р., ЦРФ-Э-1256).

Иногда одежда воспринималась как финансовый эквивалент[12], служила предметом оплаты труда:

[А.В.]: *Дом у нас сгорел, все сгорело. Мать умерла. Шести лет я осталась, нас трое было. Нас в няньки стали брать. Вот у тя ребеночек, а тебе на работу надо. А ты меня наймешь, купишь мне пальто, пинжак, чесанки, платочек, платье — вот я за это и сидела*» (Романова А.В., 1932 г.р., ЦРФ-Э-1216).

Объективные исторические и экономические причины послужили основным формирующим фактором тех или иных изменений во многих областях традиционной

---

[8] Головной платок — утилитарный предмет с яркой гендерной окраской, активно используемый девушками и женщинами в обрядовых манипуляциях (в гадании, ряжении, кумлении, ритуальных одариваниях, заговорах и др).

[9] Имеются в виду балахнинские кружевные шарфы, чрезвычайно распространенные в конце XIX в. повсеместно. Их носили, набросив на плечи, или покрывая ими голову.

[10] Узел завязывали сзади, на затылке.

[11] Закрывали лоб, концы завязывали под подбородком.

[12] Например, об изъятии женской одежды на определенную сумму в уплату недоимок во Владимирской губернии писали информанты этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. Подобная мера считалась крайней и позорила хозяина. Эти факты говорят и о ценности одежды, в данном случае женской. Об этом см.: Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева (На примере Владимирской губернии) / Сост. Б.М. Фирсов, И.Г. Киселева. СПб., 1993. С. 193.

народной культуры. В частности для народного костюма это послужило толчком процесса демократизации одежды, начавшегося в 1910 году, когда возникают тенденции к ее общей унификации.

Город и деревня в Муромском крае очень тесно взаимосвязаны. Начиная с XIX в. большинство дееспособного деревенского населения работает в городе, продолжая жить в деревне[13]. Так или иначе, город во многом подчиняет культуру деревни, формируя общие стандарты, которые наиболее ярко отражаются во внешних проявлениях, таких, как одежда. В начале XX в. в деревне практически сформировалась система приоритетов по обратному принципу свой / чужой: все «свое» деревенское — не модно, все «чужое» городское — модно. Стремление деревенских жителей (особенно жительниц) «выглядеть городскими» становится всеобъемлющим:

[Н.А.]: *У нас мать работала тогда на фабрике, она очень хорошо шила. Она хотела, чтобы мы одевались по-городскому. Она специально ходила в Муром, за двенадцать километров, смотреть, какие моды там* (Никонова Н.А., 1918 г.р., ЦРФ-Э-1153).

Основные сведения информантов об остаточном бытовании традиционного костюма относятся, в основном, к первой половине XX в., а именно к довоенному периоду[14], когда в деревнях в отдельных случаях женщины все еще носили некоторые предметы традиционной одежды (головные платки и полушалки, козачки, «сарафаны» и др.). Постепенно произошла перемена статуса традиционного костюма, который, теряя свое функциональное применение, в первой половине XX в., оставался одеждой только стариков и старух, являясь своеобразным маркером этой социальной группы[15], а затем постепенно полностью вышел из обихода:

[Н.А.]: *Бабушка носила длинные ситцевые сарафаны, кофты с длинными рукавами, большой фартук. Мама не ходила так, она сама себя обшивала. Да и в деревне одевались по-городскому* (Никонова Н.А., 1918 г.р., ЦРФ-Э-1153);

[Соб.]: *А дома женщины не носили матерчатые шапочки?*

[Т.П.]: *Носили. А баушка у меня была, она: «Давай, мне повойник надо сшить». На голову надевали, вот я помню, баушка у меня была, она носила. Ну, я, конечно, не носила* (Мочалова Т.П., 1926 г.р., ЦРФ-Э-1097);

[Е.М.]: *Раньше это называли кичка. Ее надевали на голову и сзади сосбаривали.*

[Соб.]: *Девушка тоже могла надеть кичку?*

[Е.М.]: *Нет, только старушка* (Мясникова Е.М., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1137).

В первой половине XX в. домоткань по-прежнему используется в деревне при пошиве нательной одежды:

[В.А.]: *А нижнюю (рубаху) тоже ведь холстову носили раньше, белую* (Герасимова В.А., 1916 г.р., ЦРФ-Э-1256).

В деревне устойчивой формой женской одежды становятся платье, юбка[16]. Платье, пришедшее из городской буржуазной среды, в XX в. стало основой женского бытового (в том числе, рабочего, будничного, праздничного) костюма:

[А.С.]: *Были платья у всех ситцевые* (Власова А.С., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1332);

[З.Н.]: *В сундуках одежа[17], а платья висели на вешалке, тридцать платьев, я помню* (Шубина З.Н., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1239);

[13] Эта тенденция сохранилась и по сей день, выходцы из деревень, проживая в городе, часто приезжают в родную деревню только на лето.

[14] Имеется в виду Великая Отечественная война 1941—1945 гг.

[15] По многочисленным сведениям информантов из разных сел и деревень округа Муром уже в 20-х годах XX в. в «сарафанах» ходили только старенькие бабушки, а в традиционных рубахах ходили старики, что служило признаком некоторой отсталости. Активные общественные массы выбирали городскую одежду.

[16] Активно начинает использоваться речевая модель «юбка», в то время как раньше аналогичный предмет одежды устойчиво назывался «сарафан». Юбка воспринимается как новая форма одежды.

[17] Здесь имеется в виду верхняя одежда.

[М.В.]: *Ну, щас-то совсем другая мода, а так обычно, платья, юбка и кофта. Она в широких у нас не ходила, вот как раньше. И сейчас вот старухи не ходят в широких-то, редко.*

[Соб.]: *Это вы о чем?*

[М.В.]: *Сарафаны широкие* (Суркова М.В., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1097).

Результаты экспедиционной работы показали, что сегодня лишь в единичных случаях сохранились отдельные предметы традиционного мужского и женского костюмов в качестве памятной семейной реликвии. Это, помимо печальной констатации факта, свидетельствует и о бережном отношении населения к истории и культуре своих семей. Таким образом, осуществляется естественный внутренний процесс сохранения народной культуры. Женщины (редко мужчины) до сих пор хранят головные платки или любую другую одежду своих близких, чаще матерей; берегут крестильные рубашки[18] своих детей. Вдовы до конца своей жизни хранят рубашки своих мужей (особенно погибших на войне). Женщины стараются сохранить венчальный костюм или его отдельные предметы, чтобы использовать в качестве своей погребальной одежды[19]:

[Т.П.]: *На свадьбу вот, например, платье там венчально, я вот сама венчалась. Платье у меня, оно до сих пор есть, у меня его щас дочка взяла. Я ей говорю: «Оно у тя ище живое?». Как вот умираит, бываит, в это-то платье можно даже... Я вот, например, умру, можно меня в это платье. Вот многие платья берегут, и ложут* (Мочалова Т.П., 1926 г.р., ЦРФ-Э-1097);

[Н.Г.]: *Когда замуж выходили, это платье (венчальное), чтобы умереть в этом платье ложили. Вот у меня бабушка умирала, её в этом положили, в чем она венчалась. У ней как-то сарафан лежал, я вот даже щас помню: белый, красными цветочками и бледно-салатова кофта была, как она, козачок, раньше звали её. Берегли её, чтобы в ней умирать положить* (Михеева Н.Г., 1934 г.р.; ЦРФ-Э-1217).

Постепенно любой сохраненный текстильный предмет, выполненный в народной традиции, становился чрезвычайно важным и часто использовался в обрядовой практике[20]. В исследуемом регионе «старинную» одежду часто употребляли в календарно-обрядовом ряжении, часто при этом умышленно искажали гендерную принадлежность, что является традиционным:

[К.М.]: *На Святки рядились. Женщины в мужское. Бороды приделывали, усы и шапки надевали* (Скачкова К.М., 1920 г.р., ЦРФ-Э-1239);

[М.В.]: *Парни в девичье нарядятса, девки в парнячие костюмы. То шубу какую вывернут... И зайцем, кто медведем... ну, медведем, это выворачивать, и на ноги, и на руки, — это тяжело.*

[Соб.]: *Если шубу выворачивали, это называлось медведь?*

[М.В.]: *Да* (Суркова М.В., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1097);

[Соб.]: *А на Святки рядились?*

[Л.С.]: *Рядились, и мы рядились. И на свадьбах рядились... на второй день ходили по улицам, наряжены все.*

[Соб.]: *Как рядились?*

[Л.С.]: *У меня мать, она рядилась обычно цыганкой. Сарафан такой у ней был, сшитый. ... Она шила тогда разны платя. Ну и вот, клин такой, клин такой, и оборка. Вот, шляпу, накрасютса* (Сорокина Л.С., 1939 г.р., ЦРФ-Э-1136).

---

[18] Если такие есть.

[19] Здесь речь идет о традиционном народном свадебном костюме, более поздние свадебные платья «советского» периода сохраняются женщинами по инерции, на память, что только лишний раз подтверждает устойчивость повторного обрядового использования этого костюмного комплекса в народном сознании. Незыблемой остается местная традиция использования свадебного платья и фаты в качестве погребальной одежды для девушки покойницы.

[20] Практически повсеместно предметы традиционной народной одежды используются в ряжении, в гаданиях и т.д.

В ряжении использовали повседневную одежду, вышедшую из употребления, меняя, таким образом, ее статус: из старой будничной одежды она превращалась в обрядовую, маркирующую, например, «святок» — выходцев из «чужого», потустороннего мира:

[А.И.]: *На Святки? Да кто как сможет. Вот, напримерно, сарафан оденешь, каку не то кофту, так, почудней шоблату, ну и идешь вот по селу.*

[Соб.]: *То есть, в старую одежду?*

[А.И.]: *Да конечно. Бываит, и новую оденешь. А то обычно вот старенько че возьмешь и оденесьси и пошел* (Новожилова А.И., 1938 г.р., ЦРФ-Э-1096);

[Соб.]: *А в какую одежду рядились, в новую или старую?*

[Т.П.]: *В новое. Ну, вот, после баушков, у них все лежали, но они все берегли ведь раньши-ти, сарафаны таки широки. Вот козачки были таки кофтачкими* (Мочалова Т.П., 1926 г.р., ЦРФ-Э-1097).

Сведения о мужской одежде этого же временного периода чрезвычайно скупы. Мужскую одежду, в отличие от женской, покупали чаще, так как мужчина — хозяин, ему положено быть хорошо одетым, к тому же он чаще уезжал из дома, по его одежде судили о достатке семьи, хорошо одетому мужчине легче удавалось найти заработок и т.д.:

[Н.И.]: *Одежду мужьям покупали. Портные шили одежду* (Борисова Н.И., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1142).

Мужская одежда в Муромском крае уже в XIX в. часто представляла собой привычный нам костюм. Характерным знаком принадлежности мужчины к деревне была рубаха-косоворотка как основа всего костюмного комплекса:

[Н.И.]: *Мужчины ходили: пиджак, брюки* (Борисова Н.И., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1142);

[Соб.]: *А мужчины в чем ходили?*

[Е.М.]: *В чем и щас ходют. Костюм и рубашка.*

[Соб.]: *А косоворотки носили?*

[Е.М.]: *Да, да. Носили.*

[Соб.]: *Их покупали или сами шили?*

[Е.М.]: *Покупали* (Мясникова Е.М., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1137);

[Н.А.]: *Мужчины одевались по-современному. Самой нарядной была белая рубаха* (Никонова Н.А., 1918 г.р., ЦРФ-Э-1153);

[В.М.]: *А мужики носили кальсоны. И рубашки. Я сама шила, вот свекру. Пуговицы на боку. Серый материал и без вышивки.*

[Соб.]: *Рубашка? Как-то она называлась, может быть?*

[В.М.]: *Косоворотка* (Венина В.М., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1079).

Некоторые предметы одежды на короткое время становились чрезвычайно модными в деревне, так как ассоциировались с конкретной известной личностью[21], популярной в народе:

[Н.А.]: *Одно время была модной толстовка. Ведь Толстой старался, чтобы ему нигде ничего не жало. Это где-то в 1935 году мужчины, а то и женщины ходили в толстовках. Она сатиновая, с кокеткой и обязательно витой пояс* (Никонова Н.А., 1918 г.р., ЦРФ-Э-1153).

К началу XX в. сформировался единый тип девичьей и женской одежды[22], получивший общерусское название «парочка». В этом костюме сочетались традиции народной одежды, требования городской моды и стандарта. Он состоял из прита-

[21] Как правило, эта личность являлась представителем более высокого сословия, следовательно наделялась культурностью, образованностью в народном сознании. В первой половине XX в. такое же влияние начинают оказывать личности политических лидеров, а в одежде проявляется подражание им.

[22] У сельских и деревенских девушек и женщин, работавших на городских предприятиях разных отраслей.

ленной кофты («козачок», «баска» в Муромском крае) с присборенными плечами, узким рукавом, отрезной по талии баской, и расклешенной юбки из той же ткани, иногда с широкой оборкой по подолу:

[Т.П.]: *Вот козачки были таки кофтачкими, все надевали, такие они пушистые* (Мочалова Т.П., 1926 г.р., ЦРФ-Э-1097);

[Ю.В.]: *Кофточки шили здесь приталенные, а здесь*[23] *с оборочкой с какой-нибудь* (Волков Ю.В., 1937 г.р., ЦРФ-Э-1218);

[З.Н.]: *Кофточки козачки были, в основном, беленькие, кремовые или какие-то цветастые* (Шубина З.Н., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1239).

Перёд кофты украшался зашитыми складками, буфами, защипами. Украшением этого наряда также служили традиционные кружево, вышивка, тесьма, что являлось отражением некоторых черт народного костюма, но его основное отличие состояло в отсутствии локальных черт, определяющих художественное своеобразие народного костюмного ансамбля. Этот костюм повсеместно проникает в деревню, считаясь очень модным.

Говоря о традиционном народном костюме Муромского края, следует отметить, что его специфику обусловило несколько причин. Характеризуя общие черты костюма, нужно сказать о несомненном влиянии Нижнего Новгорода, отчасти Рязани и Москвы, что прослеживается в наборе предметов, а также в крое одежды (здесь особенно показательна женская одежда). Помимо этого необходимо учитывать и влияние религиозных конфессий на формирование стилистики костюма. Одежда старообрядцев, чьи поселения находились преимущественно в северной части района, имела некоторые отличия (в соответствии со своими эстетическими и этическими представлениями). Подобный конгломерат особенностей несколько усложнил анализ традиционных черт костюма Муромского края, делая его неоднозначным и самобытным.

Образцы традиционной народной одежды сегодня можно увидеть в собрании Муромского историко-художественного музея, где нам посчастливилось работать, и чья коллекция пополнялась до последнего времени в ходе экспедиционной работы сотрудников[24]. Коллекция текстильных предметов Муромского музея обширна, следует сказать, что здесь представлены образцы не только Муромского, но и других районов[25] Владимирской области. В данной работе мы руководствовались границами района и уезда, так как в результате политических и экономических трансформаций географические очертания существовавшего уезда и современного района во многом не совпадают. Ориентация на современные границы районов или областей (без учета границ уезда) автоматически искажает реальный взгляд на бытование тех или иных типов одежды и формирование частных признаков тех или иных образцов материальной культуры данной традиции. Подобный выбор обусловлен также тем, что, как говорилось выше, традиционный костюм давно сосуществовал с городской одеждой, а сегодня не имеет непосредственного бытования в деревне, следовательно, эта работа является своего рода частичной реконструкцией, так как до нас доходят в основном отдельные предметы костюмных комплексов. В музейной коллекции нас, прежде всего, интересовала одежда, поступившая от жителей Муромского уезда. Основная масса предметов костюма датирована концом XIX — началом XX в. и выполнена вручную. Однако интересны и вещи, выполненные кустарным способом, что является свидетельством популярности магазинов и лавок готовой одежды, быстро распространявшихся в Муроме. Таким образом, мы можем говорить об одежде довольно позднего периода, когда многовековые

[23] Спереди.

[24] Это ясно при рассмотрении дат поступления некоторых вещей.

[25] Меленковский, Вязниковский, Гороховецкий районы.

традиции народного костюма так или иначе подверглись влияниям извне, повлекшим за собой серьезные изменения.

В собрании музея представлены женские рубахи, всегда бывшие неотъемлемой частью костюма. Среди них есть и полностью домотканые, и составные (рукава из кумача, ситца, кисеи, атласа). Все они, в основном, имеют общие черты кроя: домотканый стан из двух или четырех полотнищ[26], длинный рукав со слитными поликами, ромбовидная ластовица. Следует сказать, что верхнюю часть рубах здесь называют «рукава», хотя фактически это рукава с грудкой и спинкой:

[К.М.]: *Рукава вот. Кофта называлась рукава* (Скачкова К.М., 1920 г.р., ЦРФ-Э-1239). В дальнейшем мы будем придерживаться этой терминологии. Полностью домотканными в местной традиции чаще всего были рабочие или будничные рубахи приглушенных тонов, такие, как рубаха, датированная концом XIX — началом XX в., со станом из серого неотбеленного холста и длинными прямыми рукавами из мелкой красно-синей пестряди (поступила от Кочетовой М.А., д. Бельтеевка). Вырез под горло собран под косую бейку той же ткани. Она проста по крою, сшита на руках и лишена какого-либо декора. Рубахи со станом из отбеленного льна и рукавами из покупных тканей чаще всего были частью праздничного костюма. Например, рубаха с кумачовыми рукавами, обшлага которых оформлены оборкой, и станом из четырех полотнищ отбеленного холста (от Кудрявцевой М.Н., г. Муром, поступила в 2002 г.). Горловина этой рубахи оформлена чрезвычайно просто, застежка на стеклянную пуговку. Она также сшита на руках. В музейном каталоге эта рубаха значится как женская, однако, по сведениям информантов, подобные рубахи надевали девушки на праздник.

Похожую структуру имеют «покосные» рубашки[27], одну из которых мы увидели в экспозиции Дома народного творчества. «Покосные» рубахи — один из ярких примеров многозначности народной одежды. С одной стороны — это рабочая одежда, а с другой стороны — это обрядовая одежда, ношение которой строго приурочено к началу и завершению определенного цикла хозяйственной и общественной жизни деревни. Поэтому эта одежда по своим эстетическим канонам приравнивалась к праздничной, торжественной:

[К.М.]: *Рядились в самые лучшие наряды. И самые лучшие наряды надевали, когда начинался сенокос. Если ты новую юбку не сшила, то это уже не порядок* (Скачкова К.М., 1920 г.р., ЦРФ-Э-1239);

[Соб.]: *А тканые длинные рубахи надевали на работу? В поле?*

[Н.С.]: *Да. Юбки тканы тожа. Красивы, как на праздник* (Васина Н.С., 1922 г.р., ЦРФ-Э-1099).

Эти рубахи обязательно были полностью домотканными (здесь даже сам процесс изготовления слыл началом обряда) и сшитыми вручную. Колористический строй чрезвычайно прост и определяет некую монолитность и контрастность, деля рубаху на две части: практически до талии — мелкая яркая красно-желтая пестрядь, стан — из тонкого отбеленного холста. Холщовый низ вовсе не подразумевал ношение фартука или юбки, часто подобная рубаха являлась самостоятельным костюмом, что также подчеркивало особенность момента[28] (ср.: помимо оговоренных ситуаций

---

[26] Стан рубах был пришивным, что было весьма практично, так как при необходимости (для стирки, в случае изношенности) стан можно было легко заменить, в то время как рукава, особенно из покупных тканей, старались носить бережно.

[27] «Покосные» рубахи широко известны в северорусской традиции. Здесь мы употребляем этот термин для схожей по функциональности одежды.

[28] Известно, что ношение рубахи как самостоятельной формы одежды специально оговаривалось и либо служило маркером социального статуса человека (напр., маленькие дети, девушки, старые люди; вдовы во многих губерниях носили рубаху), либо являлось необходимым условием при разнообразных ритуальных действиях (напр., при гадании, в заговорной практике и др.).

такое употребление приравнивалось к наготе, так как нарушалась комплектация костюма). У таких рубах рукава, как правило, доходили до локтя, были в три четверти (что удобно для работы), не имели манжета. Горловину оформляли косой бейкой, по окружности пышно сборили.

Праздничные рубахи были более нарядными, иногда это достигалось колористическими сочетаниями, иногда качеством материала. В местной традиции они всегда смешанные: рукава, как правило, шили из покупного материала разных тонов и расцветок, стан был по-прежнему из холста, но отбеленного, более тонкой выработки. Например, рубаха с длинными рукавами из ситца с мелким точечным рисунком и холщовым станом из двух полотнищ, датированная концом XIX — началом XX в. (от Симохина Е.Я., г. Муром, поступила в 1951 г.). Рукава имеют застежку на пуговицу, сильно собраны по обшлагу, что придает пышность и создает впечатление нарядности[29]. Горловина в форме каре также сильно сосборена «куколками». Рубаха сшита частично на швейной машине. Рубашка с рукавами из белого ситца с мелким точечным черным рисунком и станом из отбеленного холста также может являться праздничной (поступила от Трубниковой, д. Пенза, ранее старообрядческая). Она имеет длинный рукав, оформленный маленькой манжетой в виде рюши. Горловина глухая под горло, с застежкой на пуговицу. На большинстве образцов одежды практически отсутствует рукотворный декор, только подол этой рубашки украшен ручной вышивкой и мерным хлопчатобумажным кружевом. Это позволяет предположить ее ритуальное использование, но, к сожалению, легенда этой вещи нам неизвестна. Швом «тамбур»[30] выведен красно-черный растительный орнамент по всей окружности подола. Рубашка датирована началом XX в., когда шов «тамбур» повсеместно получает широкое распространение, к тому же рубаха сшита частично на швейной машине, что также свидетельствует о ее временно́й принадлежности. Так называемая рубаха «ксандрейка», датированная началом XX в., демонстрирует бытование народной традиции в изготовлении одежды на рубеже веков, когда происходит постепенная смена используемых материалов, но пока остаются неизменными такие основные параметры, как тип, назначение одежды, ее крой. Она сшита вручную, что традиционно, но полностью из покупных материалов: рукава из розово-белого ситца, стан из белой бязи (от Крючковой А.И., г. Муром, поступила в 1998 г.). Горловина под горло, присборена под тесьму. Рукава длинные, с ластовицей, с оригинальным использованием ручной вышивки на обшлагах, стилистически близкой вышивкам Рязанской губернии и Московской Мещеры, о чем говорилось выше. Это геометрический орнамент из розетт, сформированных соединением четырех ромбов, выполнен красными и черными хлопчатобумажными нитями счетной гладью и швом «роспись».

Очень интересна обрядовая, а именно, свадебная рубаха со слитными поликами (поступила от Киселевой, бывшей купчихи, г. Муром), так называемая «долгорукавка». Как правило, традиционные, можно сказать, древние формы одежды, к каким относится и «долгорукавка», чаще всего использовались именно в ритуальной одежде. Известно, что ритуальный костюм всегда подлежал строгой регламентации, и малейшее отступление от традиции, по представлениям русских, грозило бедой. Эта рубаха датирована концом XIX — началом XX в., но сшита на руках. Ее стан из белого коленкора, а рукава из тонкой белой кисеи, расшитой изящными веточками с бутонами, выполненными стебельчатым швом. Рукава очень длинные, широкие у плеча (благодаря ширине покупной материи можно было сделать пышную сборку основания поликов, а, следовательно, и горловины) и сильно зауженные у запястья, имеют очень

[29] Также это обусловлено большей шириной покупной ткани, в то время как рукава будничных рубах из домоткани остаются прямыми и узкими.

[30] Шов «тамбур» — один из распространенных и излюбленных способов декора разнообразных текстильных предметов в Муромском крае.

узкие манжеты без застежки. При ношении рукава подтягивали, закладывая мягкими поперечными складками и закрепляя на запястьях накладными «литыми» манжетами золотного шитья с подкладками. Особенностью кроя рубах со слитными поликами является то, что к средней продольной полосе рукава спереди и сзади пришивалось по длинному клину, чей острый конец иногда доходил до запястья. Рукава пришивались к прямым полотнищам переда и спинки рубахи. Необычность этой рубахи в том, что непосредственно рукав и грудка выполнены из разной ткани. Горловина глухая, с застежкой на пуговицу. Эта рубаха поражает и своей торжественностью, строгостью в то же время изяществом, а также поразительной аккуратностью пошива.

Помимо сшитых рубах, среди образцов одежды мы увидели пару отдельных рукавов, датированных началом XX в. Первые из них сшиты из малинового атласа на руках швом «вперед иголку» (от Фроловой П.И., г. Муром, поступили в 1967 г.). Эти рукава также со слитными поликами, имеют кумачовые клинообразные вставки спереди и сзади по средней продольной полосе рукава, а также трапециевидные детали грудки и спинки из того же материала. Горловина оформлена в невысокий воротник-стойку с застежкой на две пуговицы, украшенный двумя сиреневыми шелковыми лентами. Спереди на грудке под застежкой большой разрез. Рукава длинные, пышно собранные у основания поликов и по обшлагу, оформлены широкой манжетой с узкой сосборенной рюшей из атласа того же цвета. Манжета также украшена двумя нашитыми узкими сиреневыми лентами. Одинаковые застежки на воротнике и манжетах прорезные, с прорамкой. Эти рукава могли быть пришиты к стану из покупной материи, а могли надеваться на нательную рубаху и не иметь стана вовсе (особенность московских рукавов). Мы не знаем легенды этой вещи, однако подобные рукава были частью праздничного купеческого девичьего костюма, а по своему крою сходны с нижегородскими. Другие рукава были частью крестьянской рубахи, чей стан не сохранился (от Паниной О.Е., г. Муром, поступили в 2001 г.). Они сшиты из розово-белого ситца частично на руках, частично на швейной машине и являются примером кустарных изделий 1912—1914 гг. Они также сильно собраны у основания поликов, отличаются оформлением обшлага рукава. Здесь мы видим застроченные поперечные защипы, окантованные нашитыми полосками бордового сатина. В какой-то степени это своеобразная имитация манжета. Горловина этих рукавов глухая, окантована руликом алого ситца и имеет застежку на стеклянную пуговку.

В результате экспедиционных исследований и аналитической работы над музейными экспонатами можно говорить о бытовании двух типов сарафана в изучаемом регионе. Известно, что изначально сарафан, «сарафанец» являлся мужской распашной одеждой кафтанного типа и был известен прежде всего в княжеском, боярском быту XVI в. В качестве женской одежды сарафан начинает использоваться в XVII в.[31] и распространяется независимо от сословных принадлежностей практически повсеместно по русскому Северу, Центральной России, отчасти в южных губерниях. В Центральной России, где расположен округ Муром, а ранее находился Муромский уезд, наблюдалось преимущество сарафанного костюмного комплекса в качестве женской и девичьей накладной одежды. Из южной части района, а именно из Мурома[32] в 1967 г. от Фроловой П.И. в музейную коллекцию поступили праздничные сарафаны «кумачники»[33], «кумачные», датированные концом XIX — началом XX в. Все они относятся к косоклинным распашным

[31] По мнению Г.С. Масловой и Н.И. Лебедевой, женская одежда типа сарафана была известна и ранее, в XVI в. — это «костыч», а на рубеже XVI—XVII вв. — это «сукман».

[32] К сожалению, в каталоге музея не значатся более подробные сведения о происхождении вещей, т.е. непонятно, бытовала ли вещь в городе или ее привезли в город деревенские жители, сменившие адрес. Это затрудняет точное определение ареала бытования и распространения того или иного предмета одежды.

[33] Лицевая часть сарафанов сшита из кумача.

сарафанам туникообразного кроя[34]. Это один из древних видов кроя, когда одно или два полотнища ткани перекидывались через плечи, образуя перед и спинку, в месте сгиба для головы делался вырез. В верхнюю часть (в зависимости от вида и назначения одежды) вшивались рукава, а с боков пришивались прямые или косые клинья по всей длине, их количество определялось шириной ткани. Подобный тип известен во всей Владимирской области как «ферязь» и наравне с белой рубахой входил в состав праздничного костюма.

Похожие по крою косоклинные сарафаны из черной шерсти домашнего изготовления или из черного фигурного штапеля в соседнем Гороховецком уезде служили важной составляющей старообрядческого «молельного» костюма, в котором ходили в церковь[35]. «Кумачники» сшиты на руках, с «подоплекой»[36] из грубого холста. В верхней части они имеют овальные проймы для рук и широкие плечики. Распашной перед оформлен планкой с застежкой для стеклянных пуговиц. Особенностью этих сарафанов являются жестко заложенные широкие вертикальные складки[37] (похожие на плиссе) боковых клиньев. Складки заложены на всю длину клиньев, спереди от уровня груди, а сзади от уровня лопаток. Сарафаны немного отличаются друг от друга декором подола и планки с застежкой. Так, в одном случае планка с застежкой оформлена широкими полосами розового полосатого ситца, а подол по всей окружности — широкой полосой серой саржи; в другом случае планка отделана полосами из зеленой ткани, а подол по всей окружности — шелковой разноцветной лентой; перед третьего сарафана украшен полосами из синей ткани, а подол — шелковой серой с красным орнаментом тесьмой. Этот очень распространенный в Центральной России орнамент подробно проанализировала Г.А. Федорова[38]. Подобные сарафаны носили и девушки, и женщины. Праздничные отличались от будничных качеством ткани и ее цветом. Будничные шились из синей и красной крашенины, набойки, китайки синих и красных тонов и ситца. Праздничные — из кумача, ситца, сатина. Купчихи и состоятельные крестьянки носили такие сарафаны из шелка и парчи[39].

Из центральной части района, из д. Сосницы в 2000 г. у Филатовой П.А. музеем был приобретен косоклинный «глухой» сарафан («мышка»), датированный первой половиной XX в. Он сшит на руках из черного штапеля с фигурной выработкой. Этот сарафан имеет узкие лямки, сходящиеся сзади посередине. Спереди он оформлен несколькими защипами, сзади сильно собран. Подобные сарафаны здесь носили старушки. Кроме того, в старообрядческой традиции на севере уезда такие сарафаны применялись в качестве поминальной одежды[40].

---

[34] Аналогичны им по крою, например, «ферязь» Тверской губернии, «саяк» Псковской губернии.

[35] Такой молельный комплекс зафиксирован автором во время экспедиции в Гороховецкий район в с. Фоминки от В.С. Карабановой, 1928 г.р.

[36] Подоплека — холщовая ткань, которая использовалась в качестве подкладки в мужских рубахах и в девичьих или женских сарафанах.

[37] Повсеместно известен распространенный способ формирования таких жестких складок. Ткань одежды в определенных местах складывали нужным образом, а затем клали на горячие хлебы запариваться. Таким способом декорировали сарафаны, понёвы и другие виды женской одежды. Эти складки оставались неизменными на протяжении долгих лет, что доказано и в нашем случае.

[38] *Федорова Г.А.* Из истории одежды жителей Гороховецкого уезда в контексте культуры России XVII — начала XX в. Женские рубахи и сарафаны // Традиционная культура Гороховецкого края: В 2 т. М., 2004. Т. 1. С. 348.

[39] *Климова Н.Т.* Русский народный костюм как образно-художественная целостность // Сохранение и возрождение фольклорных традиций: Сб. материалов научно-практической конференции. Вып. 10. Приобщение детей к традиционной культуре: народный костюм. М., 2001. С. 68.

[40] Эти сведения совпадают с полученными результатами исследовательской работы Г.А. Федоровой по изучению традиционной одежды южной части соседнего Гороховецкого уезда.

В музее мы увидели два «сарафана», о которых выше приводили некоторые сведения. По своей конструкции они идентичны с юбкой:

[Соб.]: *Из какой ткани сарафаны?*

[Е.М.]: *Из сатина желтого, али цветочкими, из ситца, из шерсти. Раньше в четыре точи были сарафаны-ти, в четыре клина, а тут*[41] *росшиты всякими кружевами рукава-ти. Сарафаны широки спереди, а сзади присборят, и всяких лентов полно. Ни одного места ни оставалось.*

[Соб.]: *То, что вы называете сарафан, это по крою юбка на широком поясе? А сверху кофта?*

[Е.М.]: *Да, да. А их сарафан называли. Они сбористыи, во-о-о какии*! (Мясникова Е.М., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1137).

Эти «сарафаны» поступили в музей из южной части района. Первый поступил в 2001 г. от Паниной О.Е. (Муром). Он датирован 1912—1914 гг., сшит из бордового сатина, полностью на машине, является кустарным изделием. Имеет белую сатиновую «подоплеку», что обеспечивает плотность и даже некоторую жесткость формы. Его плотный бордовый пояс подшит с изнанки белым сатином. На поясе предусмотрена застежка. Подол оформлен вертикально застроченными защипами и тремя нашитыми узкими полосами светлого сатина. Другой «сарафан» сшит на руках из темного ситца с мелким узором «кофейными зернами» и датирован началом XX в. (от Минеевой Т.В., с. Борисоглеб, поступил в 2000 г.). Он также составлен из многочисленных прямых клиньев, по всей окружности под холщовый пояс заложены короткие широкие складки. Пояс имеет застежку с прорамкой. Его подол по всей окружности обшит тесьмой. Как мы видим, этот тип одежды был очень популярен в Муромском крае, об этом свидетельствует то, что «сарафаны» изготавливались и в домашних условиях, и были в числе кустарных изделий, следовательно, пользовались потребительским спросом. Они бытовали во многих населенных пунктах юга и юго-востока Муромского края, а также на западе, кроме старообрядческих поселений.

Интересно проследить существование самого термина в речевой практике. Как отмечалось выше, на севере и в центре района преимущественно носили косоклинный распашной и глухой сарафаны, почему же на юге появилась такая форма одежды? По сведениям информантов, «сарафаны» были принадлежностью женского костюма, манера их ношения была везде одинакова: их надевали практически под грудь. Такая манера ношения действительно напоминает сарафан, у которого отсутствуют лямки. Муромский край находится на самой границе Владимирской области, дальше простираются территории, на которых устойчиво бытовал костюмный комплекс с поневой. Возможно, термин «сарафан» — остаточное явление в речевой практике, напоминание о типе женской одежды, бытовавшей здесь ранее, а сам «сарафан» — ее позднее воплощение.

В местной старообрядческой среде юбки, идентичные по крою «сарафанам», но не имевшие этого названия, применялись в качестве исподней одежды и в начале XX в., о чем говорилось ранее. Например, нижняя юбка кустарной работы из клетчатой пестряди, датированная началом XX в. (от Трубиной Е.И., д. Пенза, поступила в 1970 г.). Ткань для нее выполнена ручным ремизным ткачеством из белых и красных льняных нитей. Основание присборено под холщовый пояс, имеющий застежку на металлический крючок. Подол украшен двумя узкими нашитыми полосами черного сатина. Другая нижняя юбка кустарной работы, поступившая в музей из того же источника и также датированная началом XX в., сшита из бледно-зеленой домоткани. Она выполнена ручным ремизным ткачеством и является образцом цельнотканых предметов одежды, т.е. горизонтальные розовые полосы по всей окружности юбки являются естественным продолжением тканья. Она также имеет холщовый пояс с подразумевающейся застежкой, под который собрано ее основание. С изнаночной

[41] Спереди.

стороны по всей окружности подол подбит полоской полосатой домотканой пестряди. На темно-синем фоне чередуются тонкие вертикальные красные и желтые полосы. Подобная пестрядь широко применялась при изготовлении мужских портов.

Частым дополнением к традиционному женскому костюму был передник, воплощавший в себе утилитарную и обереговую функции. В разных регионах он имел свои локальные названия. Увиденный нами женский передник из музейной коллекции является его самой простой типовой разновидностью (от Чирярина В.И., с. Панфилово, поступил в 1974 г.). Это фартук с коротким полотнищем и поясом («передница»), его носили завязанным на талии. Передник датирован началом XX в., сшит на машинке из тонкой черной шерсти, слегка собран под пояс. Горизонтально пришитое прямоугольное полотнище украшено широкой орнаментальной каймой ручной вышивки, выполненной цветными шерстяными нитями и синелью швом «тамбур», чей изящный непрерывный контур образует кудрявые завитки, похожие на ветви и причудливые формы крупных цветков.

Пожалуй, одним из самых важных составляющих в традиционном девичьем и женском костюмах всегда по праву являлся головной убор. Естественно, он характеризовал возраст и социально-общественное положение своей хозяйки. Головной убор со всеми составными частями, способы его ношения, имевшие и сакральное значение в женской субкультуре, всегда подлежали строгой регламентации. В сведениях этнографического бюро князя В.Н. Тенишева есть интересное упоминание об уборе невесты с. Вареж Муромского края: «На голову невесте надевают специальный свадебный головной убор — “рефиль”, сделанный из жемчуга и разноцветных камней конусовидной формы, с жемчужной поднизью спереди. На невесту надевают штофную “шубку”[42] и полушубок, а сверху покрывают большим клетчатым платком с белыми полосами по краям — “белокрайкой”»[43].

В музейной коллекции мы увидели несколько «сорок» — женских головных уборов[44]. Все они относятся к высоким «сорокам», которые муромский краевед Н.Г. Добрынкин типологически определил к «кикам»[45]. Под них надевали волосники с вшитой в теменной области убора пластиной («рогами», направленными вверх). Высота и острота «рогов» являлась символом репродуцирующих способностей женщины. «Сороку» впервые одевали во время свадьбы, в обряде «окручивания невесты», в местной традиции девушке заплетали две косы, как положено замужней женщине (вместо девичьей одной), и закручивали их в «волосник». Затем надевали «кичку» и «сороку» с покрывалом.

Всего мы увидели четыре «сороки». Первая «сорока», купленная Николаем Гавриловичем Добрынкиным в с. Левино в 1919 г. и датированная XIX в., являлась крестьянским праздничным головным убором. Он сшит на руках из кумача, имеет холщовую подкладку, что придает ему определенную плотность. «Чело» украшено широким прямоугольником объемного позумента из крученой золотной нити в виде вертикально «растущих» прямых стеблей с листьями и ягодами. Эта «сорока» сшита не полностью. Квадратные «крылья» сшиты с «челом», однако не сшиты с квадратным «хвостом». Его нижняя часть оформлена широкими горизонтальными полосами бледно-розового и серого атласа. «Крылья» снабжены атласными бледно-розовыми лентами (видимо, они сильно износились, поэтому их обрезали и заменили тонкими

---

[42] Косоклинный распашной сарафан, обычно из темного (черного, синего) материала на тонких бретелях и сильной сборкой на спинке.

[43] Об этом см.: Быт великорусских крестьян-землепашцев... С. 258—259.

[44] «Сорока» — верхняя часть головного убора, чехол, надевавшийся поверх кички. Обычно изготавливалась из кумача, шелка, бархата; имела холщовую или ситцевую подкладку.

[45] «Кика», «кичка» — мягкая холщовая шапочка, на передней части которой крепилось твердое возвышение из бересты, луба, деревянных дощечек, простеганного холста. Сзади кичка затягивалась на вздержку, плотно облегая голову (См.: Русский традиционный костюм: Иллюстрированная энциклопедия / Сост. Н. Соснина, И. Шангина. СПб., 2006. С. 302).

обвитыми шнурами), которыми «сорока» крепилась на голове под «хвостом» поверх кички. Такой головной убор был самодостаточным, и его носили без платка.

Вторая «сорока» поступила в 1920 г. от Н.Г. Добрынкина (Муром) и тоже датирована XIX в. Это будничный головной убор в виде плотной полностью сшитой шапочки с холщовой подкладкой, крытой красным ситцем в мелкий желтый горошек, с «крыльями» из красного холста. «Сорока» сшита на руках. «Чело» также оформлено широким прямоугольником позумента из крученой золотной нити в виде вертикальных рядов орнамента, так называемых «лягушек», характерных для орнаментики народов финно-угорской группы[46]. «Хвост» мягкий текстильный, вертикальной прямоугольной формы. Поверх такой сороки женщины надевали платок, складывая его на угол и завязывая узлом под подбородком[47] или перекидывая перекрещенные концы назад и завязывая их сзади на шее.

Третья «сорока»-кичка — праздничный женский головной убор XIX в. кустарной работы (от Забродина А.И., г. Муром, поступила в 1971 г.). Он представляет собой целиком сшитую мягкую шапочку из малинового бархата с подкладкой из пестряди в синюю полоску. «Хвост» собран в мягкие горизонтальные складки. «Крылья» из бордового бархата в виде розеток, расшитых круглыми блестками и настилом золотной нитью. «Чело» оформлено широким прямоугольным двучастным золотошвейным позументом в виде часто повторяющихся заостренных овалов. Подобные «сороки»-кички являлись неотъемлемой частью купеческого женского костюма.

Четвертая «сорока», поступившая в 1946 г. от Н.Ф. Кочиной (Муром) и датированная XIX в., стилистически заметно отличается от всех предыдущих. Этот головной убор составлен из кусков красного шелка и белого холста на холщовой подкладке. «Чело» украшено широким позументом. Его крой аналогичен крою первой описанной нами «сороки», с той лишь разницей, что «хвост» четвертой по низу украшен ручной вышивкой из повторяющихся раппортов из ромбических мотивов, выполненной счетной гладью и швом «роспись» красным, зеленым, розовым, голубым шелком. Подобные вышивки (в сходной технике, мотивах) в целом были известны в Рязанской и Московской губерниях.

Девушки повсеместно носили головные уборы, открывающие теменную часть головы. В Муромском уезде такими уборами были «повязки». Например, праздничная прямоугольная повязка из малинового шелка с завязками (от Лопатина, г. Муром, поступила в 1919 г.), сшитая на руках, датированная XIX в. Ее плотная лобная часть — кусок нашитой парчовой мерной ленты, по верхнему краю обрамленный объемным золотошвейным орнаментом настилом по малиновому шелку. Подкладка холщовая. Завязки кумачовые, края обшиты бордовым сатином, украшены вышитым золотом, подложены красно-белой ситцевой набойкой. Еще одна кумачовая повязка, также праздничная и сшитая вручную, поступившая из того же источника, не имеет завязок. Это высокий головной убор прямоугольной формы со слегка закругленными верхними углами, на твердой основе. Лобная часть — нашитый галун на подкладке, по верхнему краю обрамленный золотошвейным орнаментом настилом с прикрепами. Подкладка из крупной красно-белой пестряди.

Кроме готовых головных уборов мы увидели и заготовки, годные для замены. Дорогие покупные материалы, такие, как парча, галун, золотное шитье, всегда служили обязательным украшением головных уборов девушек и женщин. Они не снашивались, в отличие от текстильных частей, при необходимости спарывались и сохранялись до пошива следующего убора. Например, прямоугольная лобная часть, «чело» (от Лопатина, г. Муром, поступила в 1919 г.), представляющая собой кусок позумента из крученой золотной нити, с описанным выше мотивом лягушки.

---

[46] Благожелательная языческая репродуцирующая символика очень часто встречается именно на женских головных уборах.

[47] Старообрядки скалывали концы платка под подбородком булавкой.

Подкладка холщовая, пришита вручную. Еще один образец, с частичными утратами, представляющий заготовку для «чела», поступивший из того же источника, выполнен вручную. Это орнаментальная ромбовидная сетка из круглых блесток, заполненная геометризованными цветками, вышитыми крученой золотной нитью с настилом. Основа вышивки холщовая, подкладка — бело-синяя пестрядь.

Помимо основных компонентов, традиционный костюм Муромского уезда, как и любой другой, имел ряд обязательных аксессуаров. К таким относятся, например, пояса и карманы. Пояс всегда был самым важным аксессуаром женского и мужского народного костюма, выполняя известную утилитарную функцию, но в то же время являясь одним из серьезных оберегов. В музейном собрании мы увидели два будничных пояса, чрезвычайно простых. Один из них обозначен в каталоге как женский (поступил из д. Степаньково). Он выполнен кустарным способом из грубой домашней шерсти, коричневатого и красного цветов, но сильно выцвел. Его концы просто распущены. Другой пояс — плетеный, датирован 1912—1914 гг. (от Паниной О.Е., г. Муром, поступил в 2001 г.). Он выполнен из полушерстяных нитей красного, желтого, бежевого цветов. Его концы перетянуты в кисть средней толщины.

В коллекции музея мы увидели отдельные предметы костюма «парочка» — козачки кустарной работы, о которых говорилось выше. Первый козачок[48] (от Дубянской Р.П., г. Муром, поступил в 1989 г.), датированный началом XX в., представляет собой женскую короткую приталенного силуэта кофту из бордовой хлопчатобумажной ткани с выработкой в виде цветочных букетов. Горловина оформлена широким двойным отложным воротником. Кофта имеет длинный, сильно суженный книзу рукав, собранный в мелкие складки по плечевому шву. Нагрудная вставка украшена буфами и снабжена застежкой на крючки. Козачок подложен розовой хлопчатобумажной тканью, эта подкладка спереди имеет застежку на пуговицы.

Второй козачок (от Дубянской Р.П., г. Муром, поступил в 1989 г.), датированный началом XX в., также является женской короткой кофтой с приталенным силуэтом, сшитой из зеленой репсовой шелковой ткани. Горловина оформлена глухим воротником-стойкой. Нагрудная вставка выполнена из темно-зеленого атласа и собрана вверху буфами. Она также имеет застежку на крючки, расположенные сверху вниз на фестончатом крае шелкового репса. Кофта имеет длинный рукав, сильно зауженный книзу, плечо по окату декорировано узкими, горизонтально застроченными складками. Козачок на серой хлопчатобумажной подкладке, у которой спереди планка с застежкой на пуговицы, а по талии расположен хлястик с пуговицей.

Третий козачок (от Баринова Н.А., г. Муром, поступил в 1991 г.) — женская кофта приталенного силуэта из шерстяной ткани с добавлением шелка, сиренево-черного цвета. Кофта имеет длинный, сильно зауженный книзу рукав, отрезную баску. Горловина оформлена глухим воротником-стойкой. Нагрудная часть имеет кокетку, по шву украшенную мелко собранным рюшем. Кофту дополняет накладной пояс из той же ткани, имеющий застежку на крючки. Обшлаг рукава, нагрудная часть, а также пояс декорированы золотистым сутажем, выложенным в виде узора из двух пересекающихся волнообразных линий.

Помимо козачков в музее представлены и баски. Это женские кофты, имевшие отрезную по талии, составную из нескольких вертикальных клиньев, заложенную крупными вертикальными складками, баску. Например, баска из шелкового репса сиреневого цвета (инв. № М-19733). Эта женская кофта приталенного силуэта с отрезной по талии баской. Горловина оформлена воротником-стойкой. Длинный рукав также сильно заужен книзу. Спереди имеются прорамки для пуговиц. Подол баски

[48] Козачком называли и весь костюмный комплекс, состоявший из юбки и кофты, и отдельно кофту.

декорирован двумя атласными горизонтальными полосами зеленого цвета и черным хлопчатобумажным коклюшечным кружевом. Она явно являлась заготовкой, так как здесь отсутствует обязательная подкладка и пуговицы. Все увиденные нами кофты несомненно являлись частью праздничного костюма. Отсутствие юбок можно объяснить тем, что из них чаще всего перешивали какую-либо одежду для молодежи (как упоминалось в сведениях информантов выше), так как у кофт был более мелкий и сложный крой, его трудно было распороть и что-либо сделать из этих лоскутов. К тому же козачки и баски часто подразумевали разность материалов юбки и кофты.

Женский костюм, символ смены статуса женщины, стал весьма значительным знаком процесса стандартизации одежды в первой половине XX в. В музейной коллекции мы увидели костюм, перешитый в 1940-х годах из старинного сарафана (поступил из с. Ковардицы в 1998 г.). Это кофта и юбка с накладным поясом из зеленой хлопчатобумажной ткани с выработкой. Кофта сшита навыпуск под пояс, имеет на талии застроченные, вертикальные защипы. Рукав длинный, втачной, по окату имеет мягкие складки. Воротник отложной с лацканами. Кофта спереди имеет планку с декоративными, обтянутыми той же тканью, пуговицами. Юбка двухклинка оформлена застроченными вертикально от талии складками. Накладной пояс украшен декоративными, обтянутыми пуговицами и снабжен застежкой-крючком.

Из мужского костюма Муромского края нам удалось увидеть в музейной коллекции лишь рубаху-косоворотку из коричневой шелковой репсовой ткани. Горловина оформлена воротником-стойкой с застежкой на левую сторону. Рукав прямой, широкий, без манжета. Рубаха имеет светло-коричневую хлопчатобумажную подоплеку. Подобные рубахи носили мужчины всех возрастов, сочетая их с брюками и пиджаками.

Сегодня нивелировались все различия, одежда деревенского и городского жителя выглядит одинаково, главным критерием при ее отборе является модность / не модность[49]. Соответственно, комплектование деревенской одежды выстраивается по городскому образцу. Это отражается на всех ее составляющих, начиная с материала, кроя и заканчивая манерой ношения и комплектования ее тех или иных отдельных предметов. Во всех этих процессах наиболее показательна женская одежда. В г. Муроме нет четких предпочтений (юбка или брюки, чаще джинсы) в будничной женской одежде, здесь активно используются обе модели. Однако нарядной здесь по-прежнему считается одежда с ярко выраженной гендерной спецификой — платье, юбка и т.д., что подчеркивает женственность (один из важных критериев красоты женского облика в местной традиции), в отличие от крупных мегаполисов (как Москва, Санкт-Петербург и др.), где все большее предпочтение в женской одежде отдается брюкам[50].

В Муроме и в деревнях остается понятие одежда «на выход», для принятия гостей. Многократно случалось видеть, как бабушка, к которой пришел собиратель, обязательно переодевалась «во что получше» перед тем, как начать разговор. В городе эта тенденция ярко прослеживается в одежде женщин, спешащих на работу по утрам. Их одежда тщательно подобрана, красива, нарядна. Универсальной формой одежды здесь остается костюм, в том числе и брючный.

Современная мужская одежда в основном представляет собой набор предметов спортивного стиля. Универсалией здесь являются джинсы, однако представители

[49] Признак массовой культуры, где мода выражается в коллективном стремлении к тем или иным эстетическим предпочтениям отдельных поколений. Зачастую подобные предпочтения воспринимаются в обществе как «революционные» — вспомним модные течения «хиппи», «унисекс», которые в XX в. во многом определили субкультуру городской и деревенской молодежи.

[50] Здесь в первую очередь следует отметить повсеместное распространение джинс, особенно в качестве праздничной одежды.

среднего поколения носят и брюки. В отличие от женщин, рабочая одежда мужчин гораздо скромнее. Праздничной одеждой здесь по-прежнему является классический костюм, иногда тройка.

Таким образом, даже утратив границы между традиционным народным и городским костюмом, народная одежда Муромского края остается традиционной по гендерному признаку, а также по восприятию эстетического идеала женщины и мужчины.

Исполнители

Борисова Нина Ивановна, 1919 г.р., урож. д. Малое Юрьево. Зап. в 2004 г. в д. Малое Юрьево. Соб. В.Е. Добровольская.

Власова Александра Степановна, 1934 г.р., урож. с. Булатниково. Зап. в 2005 г. в с. Булатниково. Соб. О.С. Славинская, И.М. Борисова.

Венина Вера Матвеевна, 1935 г.р., урож. д. Степаньково. Зап. в 2003 г. в д. Степаньково. Соб. В.Е. Добровольская.

Васина Нина Степановна, 1922 г.р., урож. с. Борисоглеб. Зап. в 2003 г. в д. Волнино. Соб. С.В. Просина.

Волков Юрий Викторович, 1937 г.р., урож. г. Муром. Зап. в 2004 г. в д. Красный Бор. Соб. И.Н. Райкова.

Герасимова Вера Аверьяновна, 1916 г.р., урож. д. Мордвиново. Зап. в 2005 г. в д. Мордвиново. Соб. С.В. Просина, О.В. Жукова.

Ионова Полина Андреевна, 1927 г.р., урож. пос. Зименки. Зап. в 2005 г. в д. Афанасово. Соб. А.А. Костикина, Ф. Ордынец.

Кашина Агриппина Васильевна, 1920 г.р., урож. д. Петраково. Зап. в 2003 г. в д. Петраково. Соб. С.В. Просина.

Кочетова Галина Ивановна, 1939 г.р., урож. д. Алешунино. Зап. в 2004 г. в д. Алешунино. Соб. И.Н. Райкова.

Мясникова Евдокия Максимовна, 1919 г.р., урож. д. Новое Ратово. Зап. в 2004 г. в д. Новое Ратово. Соб. В.Е. Добровольская, С.В. Просина.

Михеева Нина Георгиевна, 1934 г.р., урож. с. Польцо. Зап. в 2004 г. в с. Польцо. Соб. И.В. Змеев, Н.В. Черных.

Мочалова Тамара Петровна, 1926 г.р., урож. д. Иваньково. Зап. в 2003 г. в д. Петраково. Соб. С.В. Просина.

Новожилова Антонина Ивановна, 1938 г.р., урож. д. Саванчаково. Зап. в 2003 г. в д. Петраково. Соб. Н.Е. Котельникова, С.В. Просина.

Никонова Нина Андреевна, 1918 г.р., урож. д. Рамешки. Зап. в 2004 г. в д. Рамешки. Соб. Н.Е. Котельникова.

Романова Анна Васильевна, 1932 г.р., урож. д. Борок. Зап. в 2005 г. в д. Борок.

Скачкова Конкордия Михайловна, 1920 г.р., урож. г. Муром. Зап. в 2005 г. в г. Муром. Соб. Л.Ф. Миронихина.

Сорокина Лидия Сергеевна, 1939 г.р., урож. с. Панфилово. Зап. в 2004 г. в с. Панфилово. Соб. В.Е. Добровольская, С.В. Просина.

Суркова Мария Васильевна, 1935 г.р., урож. д. Александрино. Зап. в 2003 г. в д. Петраково. Соб. С.В. Просина.

Тимохина Ольга Григорьевна, 1925 г.р., урож. с. Булатниково. Зап. в 2005 г. в с. Булатниково. Соб. С.В. Просина, О.В. Жукова.

Шубина Зоя Николаевна, 1935 г.р., г. Муром. Зап. в 2005 г. Соб. В.Е. Добровольская.

Фольклор в современной художественной практике

Л.В. АЛЕКСУТИНА
Из опыта деятельности учреждений культуры округа Муром по сохранению фольклора
467

А.С. КАРГИН
К вопросу о современном прочтении традиционного фольклора
474

Л.В. АЛЕКСУТИНА

Из опыта деятельности учреждений культуры округа Муром по сохранению фольклора

Славится древний Муром-град своими памятниками и святынями. Растет поток туристов, желающих прикоснуться к старине, почувствовать дух, силу и красоту муромской земли, уловить связующую нить времен. Дивятся гости на красоту возрождающихся храмов, затаив дыхание, слушают легенды и сказания о муромских святых, о славном богатыре Илье Муромце и непременно хотят испить холодной прозрачной воды из святых источников. Особо почитаются родники, что бьют мощными струями у подножий Троицкого храма в Карачарове и у церкви Николы Набережного в центре Мурома. Кажется, что прорывающаяся из далеких глубин вода несет первозданную чистоту и свежесть, утоляет жажду не только физическую, но и духовную. Через эти источники мы словно бы прикасаемся к вечности, к первоосновам, к тому сокровенному, настоящему, чего всегда жаждет душа.

Такими живительными родниками являются для народа его исторические традиции, фольклор, промыслы и ремесла, красочные праздники и обряды. Сегодня, в век компьютерных технологий, когда все более привычным, обиходным становится язык торопливых компьютерных сообщений, муромцы остаются все теми же людьми — детьми природы, которые не могут быть здоровы и благополучны без знания о своих корнях, без сохранения и продолжения традиций, приумножения многовекового культурного наследия,

Однако ничего не происходит само по себе. Требуется огромная, многогранная работа для того, чтобы эти родники народного творчества не иссякли, оставались чисты и питали новые и новые поколения. Одну из главных ролей в решении этой благородной задачи играют учреждения культуры. Значительная часть проводимых ими мероприятий направлена на сохранение и развитие традиционной культуры. Участвует в этой работе большая армия специалистов Дворца культуры им. 1100-летия Мурома с четырьмя сельскими филиалами (ДК пос. им. Войкова, Муромский ДК, Орловский ДК, Якиманско-Слободской ДК), Дома культуры «Вербовский», паркового объединения «Парк», Муромского историко-художественного музея, Дома народного творчества и централизованной библиотечной системы, включающей 13 филиалов (8 городских и 5 сельских библиотек).

Творчество приносит удовлетворение только тогда, когда оно предъявляется публике и получает ее оценку. Задача учреждений культуры состоит в том, чтобы обнаруживать эти родники-таланты, помогать им пробиться, развиться, обрести силу и известность, найти продолжение и, может быть, стать основателями новых традиций.

Ежегодно, начиная с 2001 года, в нашем городе проводится межрегиональный фестиваль народной музыки и ремесел «На Муромской дорожке». В нем принимают участие творческие коллективы и исполнители народной музыки, песен и танцев, мастера-ремесленники, работающие в технике традиционных народных промыслов, художники и творческие коллективы, занимающиеся историей и созданием новых моделей национальных костюмов. Фестиваль приурочен к Дню

города и становится ярким праздником для жителей Мурома. Наши земляки с радостью встречают уже знакомые им коллективы и приветствуют впервые приехавших в Муром из других городов, краев и областей России во время их праздничного шествия по улицам города. Здесь можно услышать игру на различных народных инструментах, рассмотреть национальные костюмы, пуститься в пляс вместе с гостями и сфотографироваться с ними. Зал ДК им. 1100-летия Мурома, где проходит гала-концерт в день открытия фестиваля, бывает переполнен, публика горячо встречает артистов, подпевая, хлопая, приплясывая. Празднику уже тесно в стенах Дворца, и он выплескивается в парки и на площади города. Артисты не только показывают свои программы, но и исполняют песни по заявкам зрителей. Часто можно видеть, что и публика начинает петь, люди выходят в круг, дети водят хоровод. Праздник становится народным.

Одним из «родников» этого теперь уже традиционного праздника стало творчество мужского фольклорного ансамбля «Мурома», история создания и развития которого также весьма интересна. Сегодня этот коллектив известен далеко за пределами Мурома и Владимирской области, знают его и за рубежом. Ансамбль является лауреатом Всероссийского теле- и радиоконкурса «Голоса России», Всероссийского конкурса фольклорных ансамблей «Традиции», лауреатом Всероссийских и Международных фестивалей фольклора. Художественный руководитель ансамбля — заслуженный работник культуры РФ Александр Черников. В репертуаре коллектива традиционные русские народные песни, песни славянских народов, православные духовные песнопения, лирические, строевые, плясовые песни центра и юга России, инструментальные композиции и наигрыши на старинных русских инструментах. В 2007 г. ансамбль «Мурома» отметил 20-летие своей деятельности.

Далеко за пределами нашего округа известен фестиваль народной музыки «На Муромской дорожке», проводимый по инициативе ансамбля. Фестиваль получился особенным. Яркой его составляющей стала ярмарка ремесел. С каждым годом все больше и больше желающих принять в ней участие не только из соседних областей, но и из отдаленных регионов России. Жители города ежегодно являются свидетелями и участниками большого праздника народного творчества. Подрастает уже целое поколение муромцев, для которых эта традиция близка, понятна, желанна.

Именно «На Муромской дорожке» в полной красе могут представить себя и свое творчество многочисленные учреждения культуры округа Муром, сохраняющие и развивающие фольклор. Среди них первую скрипку играет Дом народного творчества.

Муром всегда славился как город ремесленников и торговцев. Здесь трудились и кожевенники, и резчики, и мастера текстильных направлений, гончары, мастера плетения из лозы. Дом народного творчества объединяет народных мастеров, является методическим и выставочным центром.

Муромский Дом народного творчества открылся в 1994 г., а уже на следующий год здесь начала работать мастерская «Глиняная игрушка». Руководитель Ольга Владимировна Иванова изучила древнее ремесло, перечитав множество литературы, общаясь с мастерами, выезжая на различные выставки. В основе разработанной ею программы — изучение техники лепки, знакомство с дымковской, каргопольской и другими видами игрушек, изучение гончарного дела. Мастерская популярна среди жителей Мурома, здесь занимаются детская и взрослая группы по 20—25 человек. Наиболее увлеченные воспитанники мастерской поступают в учебные заведения художественного профиля. В процессе обучения среди ребят и взрослых идет своеобразный конкурс по разработке и изготовлению муромских сувениров.

Наиболее интересные авторские работы затем предлагаются к тиражированию. Среди таких сувениров, например, панно «Муромские храмы», подвеска «Муром»,

статуэтка «Илья Муромец», колокольчик «Муром» и т.д. На всех городских мероприятиях, праздниках, ярмарках мастерская представляет свои изделия. Работы мастерской побывали на Всероссийской выставке «Регионы России», межрегиональной выставке «Шедевры народного искусства», на выставках «Муромская ярмарка» в Москве и Владимире.

Еще один светлый родник творчества — студия-мастерская народного костюма Дома народного творчества. Она работает уже более 10 лет. В настоящее время коллективом руководит очень увлеченный, творческий человек Ирина Юрьевна Крапивина. Показ коллекций костюмов в День города и на других праздниках всегда имеет огромный успех. Для этих целей создан театр костюма «Русская сказка».

Секрет успеха мастерской не только в умелых руках работающих здесь специалистов, в совершенстве владеющих самой сложной техникой шитья, аппликации, вышивки, различных видов отделки, но и в том, что создание каждой новой коллекции мастерицы начинают с поиска методического материала, изучения исторического костюма. Налажено творческое сотрудничество с Муромским историко-художественным музеем, где хранятся уникальные коллекции народного костюма. При рождении новых моделей важно соединить крой старинных русских одежд с современными тканями и отделкой.

Самыми первыми в коллекции мастерской были ансамбли костюмов «Святки», «Ситцевая карусель», «Времена года» и «Старый город». За последние три года мастерской созданы коллекции сценических костюмов «Муромские кумушки», «Долинушка», «Веселуха», «Мурома». Все они выполнены с использованием вышивки, аппликации, лоскутной техники, отделки шнуром, бисером, стразами, тесьмой и т.д.

В 2004 г. мастерская представляла три коллекции костюмов на первом Всероссийском фестивале-конкурсе «Русский костюм на рубеже эпох» в Ярославле, где коллекция «Муромские кумушки» художника-дизайнера А. Крипачевой заняла первое место. Специальный диплом достался коллекции «Долинушка». А костюмы «Веселуха» получили награду на Втором Всероссийском фестивале национального костюма в Йошкар-Оле за творческую идею, мастерство и сохранение традиций народного костюма.

Кроме коллекций костюмов, которые составляют золотой фонд Дома народного творчества, в студии-мастерской изготавливаются сценические костюмы и ростовые куклы. И они не пылятся в шкафах. Ведь после новогодних праздников почти без перерыва начинается святочная неделя, а там Масленица, весенние фестивали и праздники, День защиты детей, праздник Петра и Февронии, День города, первый звонок, зимние забавы и т.д. А в 2006 г. в Муроме впервые и с большим успехом прошел областной туристский фестиваль «Богатырские забавы», который теперь станет традиционным.

Следует отметить, что и фольклорные коллективы, и актеры театра ростовых кукол — постоянные участники массовых мероприятий, которые проходят в учреждениях культуры округа. Очень красиво и гармонично выглядит в Парке культуры и отдыха, например, праздник «Святой Дух Троицы» или «Праздник круглого пирога». Муромских артистов приглашают и на праздник двора, улицы, на народные гулянья. Например, со всего Мурома съезжаются люди на праздник Троицы, который устраивается в Карачарове близ знаменитой Троицкой церкви и святого родника Ильи Муромца. Сам богатырь на коне как бы приветствует гостей, наблюдает, как соревнуются силачи, водят хороводы девушки, показывают свою удаль гармонисты, пытаются перепеть друг друга частушечники. Здесь организаторам праздника, артистам стоит только дать зачин — публика живо подхватывает, и гулянье разворачивается естественно, широко, цветисто, многозвучно. Здесь наши артисты подпитываются новым опытом — словно набирают чистой воды из родника народного творчества.

Не только в сельских домах, но и во многих городских квартирах можно увидеть домотканые половики и вязаные коврики, лоскутные одеяла, настенные панно, оригинальные грелки, прихватки, скатерти. Ежегодно в Доме народного творчества открывается выставка изделий муромских мастеров и мастериц. Это настоящий праздник! Двери не закрываются, на экскурсии приходят пенсионеры, работники заводов и учреждений, школьники, малыши из детских садов, многочисленные туристы. Нередко здесь происходит открытие новых имен, а старые мастера удивляют необычными «изобретениями». Праздник выплескивается на улицу, где среди зелени и цветов звучат народные песни, исполняются танцы, демонстрируются старинные обряды, игры. Не так давно во дворе Дома народного творчества построена специальная площадка для «богатырских забав» и старинных игр. И муромцы, и туристы с большим удовольствием и азартом участвуют в этих непривычных для них испытаниях, получают забавные призы.

Среди призов бывает и миниатюрная кукла-закрутка. В Доме существует целая программа «Бабушкины куклы», где рассказывают, показывают и обучают изготовлению народных кукол и других старинных игрушек. И какое же удовольствие не просто посмотреть на эти милые игрушки, а своими руками из нескольких лоскутков ткани без помощи ниток и иголки сделать куклу-закрутку! Этот теплый сувенир приятно подарить кому-то из своих родных и близких.

Среди множества оригинальных программ в Муроме есть и «Праздник ложки». В процессе мероприятия посетители (будь то дети или взрослые) узнают много нового о предметах старинного быта, их истории, об обычаях наших предков. Программа нацелена на то, чтобы донести идею: объединение людей за столом происходило не только для принятия пищи, но и для решения семейных дел.

В 2006 г. была разработана новая программа «Масленица широкая», в основу которой лег этнографический материал по Владимирской области. Здесь заводила — герой народного балагана Петрушка. Он и приглашает гостей поучаствовать в масленичных играх, и загадывает загадки, и зазывает отведать традиционных обрядовых угощений.

Чем больше современных товаров предлагает торговля, тем больше интерес к экологически чистым изделиям из природного материала. Плетение из лозы было одним из самых доходных промыслов местного населения. В селе Панфилово, например, работала артель по лозоплетению, изделия расходились даже за пределы области. И сейчас в городе и районе немало искусных мастеров. Считай, все горожане ходят в лес по грибы-ягоды с плетеными из ивового прута корзинками, собирают помидоры, огурцы, картошку в большие двухручные корзины. Изящные стульчики, вазоны для цветов, столики, легкие саночки и многое другое можно приобрести на местном рынке. Ну, а для выставок мастера отбирают самые оригинальные и красивые изделия.

Среди муромских умельцев известно имя Владимира Александровича Левина, одного из лучших мастеров по работе с берестой. Картины, панно, короба, сувенирные подвески и многое другое создается его руками. Он самостоятельно освоил технику, где при создании картин так подбирается по цвету береста, что не требуется ни единого мазка краской. Работы мастера вдохновили и других умельцев обратиться к этому самобытному материалу, и теперь с берестой работают не только мужчины, но и женщины. А вот плетение лаптей уходит в прошлое, и в Муроме этим ремеслом в совершенстве владеет всего один человек — Василий Павлович Рыжаков. Думаем, что и этот родничок народного творчества не засохнет, сбережем его и поможем развиться.

В настоящее время возрождается забытое ремесло по художественной обработке кожи и меха. В Муроме обработка кож, пошив из них обуви, одежды и головных уборов были весьма распространены. Об этом говорит и название одной из улиц —

Кожевники. На местных кожевенных заводах выделывалась и юфть — самая дорогая и качественная кожа, которую везли на продажу в Москву и Санкт-Петербург. В 1784 г. например, в городе было более 20 кожевенных заводов. Именно в семье заводчика по переработке сырых кож родился и первый муромский летописец-краевед А.А. Титов. К его работам наши специалисты обращаются весьма часто, чтобы получить наиболее полную картину жизни старого Мурома и быта его жителей. Статистические данные начала прошлого века говорят о том, что на каждые десять жителей города приходился один кустарь, это более 60 % взрослого населения, почти 13 % из них занимались обработкой кож и шерсти. В прошлом веке этот промысел был почти полностью утрачен, в настоящее время интерес к нему вновь возрождается, и мастерская по художественной обработке кожи и скорняжному делу, несомненно, будет способствовать этому процессу.

Народное творчество живо только тогда, когда оно питает умы и сердца самых юных. В Муроме и округе много и интересно работают с детьми. А они, начиная с дошкольников, очень чутко улавливают все идущее от чистого истока — и мелодии старинных песен, и узоры вышивок, и рисунок народного хоровода. Наиболее полно могут реализовать свои таланты увлеченные народным творчеством дети в студии фольклора «Долинушка» (руководитель Н.А. Салькова). Коллектив работает уже 12 лет, у него богатый репертуар, в котором календарные, игровые, плясовые, хороводные, хороводно-игровые песни Владимирской и других областей центра России. Пополнению репертуара способствовали выезды в экспедиции в деревни и села Муромского края (песни «Меж крутых бережков», «Как на этой долинке», «Не велят Маше на реченьку ходить» и др.).

В основе окской песенной культуры лежит многоголосие, это находит отражение и в творчестве ансамбля «Долинушка». Коллектив насчитывает около 20 человек, в него входят и мальчики, и девочки, и это позволяет показывать песни более выразительно, используя элементы хороводов и инсценировок. Ансамбль — постоянный участник всех городских мероприятий, часто гастролирует по школам, детским садам, воинским частям. Знают их и за пределами города. Более того, «Долинушка» — участник Всероссийского фестиваля детских и молодежных фольклорных ансамблей «Зеленые Святки», Всероссийского конкурса фольклорных ансамблей Домов и Центров народного творчества «Традиции», участник концерта-парада лауреатов Всероссийских фестивалей художественного творчества детей и юношества «Юность России» на Красной площади в Москве, участник Международного фестиваля «Шедевры народного искусства» в Москве. Следует заметить, что это не единственный в городе фольклорный детский коллектив, есть они в Домах культуры, в Центре внешкольной работы, в школах и даже детских садах. А если народная песня и танец, рукоделье и ремесла знакомы детям с малых лет, значит, они гармонично входят в их жизнь, становятся потребностью, хранятся бережно и с любовью, с радостью передаются другим.

Если бы вдруг было задумано провести в Муроме гала-концерт народной музыки и танца, подготовленный только местными коллективами, думаю, он мог бы продолжаться несколько дней. Один из дней можно было бы отдать коллективу Дворца культуры им. 1100-летия Мурома — Муромскому русскому народному хору под руководством Александра Демина. В репертуаре хора более 20 фольклорных песен Мурома и Муромского края. Многие из них исполняются именно так, как пели их наши бабушки и прабабушки. Эти песни А.А. Демин собирал не одно десятилетие, очень бережно делал их обработки, добивался нужного звучания. Выступление хора с большим интересом встречают во Владимирской, Рязанской и Нижегородской областях и отмечают, что так, как исполняет свои песни Муромский хор, не поют нигде. Надо заметить, что и костюмы у участниц особенные, они сшиты по музейным образцам женских нарядов именно нашего муромского края. Рекрутские песни, страдания, лирические песни, круговые песни — мужские

и женские, свадебные, игровые — на концертах коллектива они сплетаются в большой красочный венок. Земляки любят этот коллектив, знают многие его песни и просят исполнить их еще и еще. Без Муромского народного хора просто немыслим ни один из народных праздников в округе, и на фестивале «На Муромской дорожке» этот коллектив смотрится колоритно.

Еще один колоритный коллектив Дворца культуры им. 1100-летия Мурома — это народный ансамбль гармонистов «Хромка» под руководством Л. Петруниной. Где гармошка, там и частушка. За одиннадцать лет коллектив накопил огромный песенно-частушечный материал. Не одну сотню их знают участницы ансамбля А.Д. Ладонкина и А.В. Агафонова. Но умеет гармошка и грустить под песни «Катя-Катюша», «Долина-долинушка», «Запоздалое счастье» и т.д. Ежегодно в городе устраиваются праздники «Играй, гармонь», и каждый раз на них обязательно звучит песня «А жизнь моя». Ее сочинил и исполняет с ансамблем «Семен и Семеновны» гармонист Алексей Медведев. В 2005 г. на областном фестивале во Владимире эта песня так полюбилась всем участникам, что на другой день ее уже распевали самодеятельные артисты из Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода и других городов. Муромские гармонисты и частушечники охотно выступают в парках, на дворовых площадках, откликаются на все приглашения ветеранов, инвалидов, ездят в село. А сельские учреждения культуры собирают свои таланты и показывают их на многочисленных концертах и праздниках села. Здесь нередко выступают семейные ансамбли, а выставки рукоделья и различных поделок удивляют своим разнообразием.

Живы в Муромских селах и традиции рождественских колядок, и пасхальные праздники с катанием яиц, и хороводы вокруг березки в день Святой Троицы. Своеобразным фестивалем народных песен, танцев и промыслов стал ежегодный некрасовский праздник в с. Алешунино, который проходит на лесной опушке. Там можно отведать и разнообразные старинные кушанья, соленья, пироги с лесными дарами, попробовать сбитень, квас. Гости праздника обязательно посещают музей Н.А. Некрасова, где собраны предметы крестьянского быта и воссоздан уголок крестьянской избы. И в этом празднике наряду со взрослыми участвуют детские фольклорные коллективы. Например, ансамбль «Русские потешки» ДК им. 1100-летия Мурома. В нем занимаются дети 10—12 лет, а в прошлом году была набрана группа детишек в возрасте 4—5 лет. Знакомство с фольклором они начинают с колыбельных песен и народных игр, затем открывают многоцветный мир обрядов, постигают тайны народных песен и готовят свою концертную программу.

Следует отметить то общее, что характерно для всех творческих коллективов Мурома, пропагандирующих народное творчество — они глубоко изучают литературу, архивные материалы, тесно сотрудничают с местным музеем. Во всех библиотеках ЦБС проводятся выставки, посвященные народным праздникам, муромским святым, истории Муромского края. Здесь всегда помогут подобрать необходимую литературу по той или иной теме, в том числе и о фольклоре.

Многие муромцы знают, что Муромский историко-художественный музей является главным центром по хранению, сбору, изучению и популяризации материалов по традиционной народной культуре. С момента своего основания (1919 г.) он уделял особое внимание вопросам этнографии, фольклора и народного искусства. Традиции в этой области были заложены руководителями и сотрудниками музея: И.С. Куликовым — академиком живописи, В.Н. Добрынкиным — первым хранителем, сыном известного муромского краеведа Н.Г. Добрынкина. Ныне в фондах музея хранятся их коллекции народного искусства, а в научном архиве — фотодокументы и фольклорные записи. Ценной частью музея является также коллекция крестьянской одежды, собранная в 1927 г. известным этнографом Г.С. Масловой в Муромском и Меленковском уездах. Большое внимание народному искусству уделялось в музее при его директоре А.А. Золотареве (60-е годы прошлого века).

Все добрые начинания нашли продолжение и в последующие годы. Регулярно проводятся закупочно-этнографические экспедиции, во время которых собирается немало и фольклорного материала. По нему сотрудники музея проводят исследовательскую работу, опубликован ряд статей по вопросам этнографии и фольклора. В последнее время большое внимание уделяется местным преданиям и легендам, в том числе церковным. Предметы традиционной народной культуры широко представлены в экспозициях музея, экспонируются в Доме-музее И.С. Куликова. В выставочном салоне музея продаются произведения современных народных мастеров.

Сотрудники музея ищут новые формы работы с различными категориями населения. Например, проводятся экскурсии в форме праздника у новогодней елки в доме Зворыкиных, свадебные обряды у иконы Петра и Февронии. В настоящее время ведется большая работа по сбору материала «Фотолетопись Мурома», где не последнее место займет и тема народного творчества.

Многое в работе учреждений культуры Мурома по сохранению, возрождению и развитию народной культуры осталось за рамками данной статьи. Жизнь показывает, что муромские родники творчества пробиваются сквозь все препятствия, сохраняя свою чистоту и силу, они питают новые поколения жителей древнего града чистой и здоровой духовной пищей, побуждая к творчеству, позволяя раскрыться талантам и способностям, почувствовать красоту и величие нашей национальной культуры.

А.С. КАРГИН

К вопросу о современном прочтении традиционного фольклора

Последнего раздела в издании не планировалось. Этому есть свое объяснение. Заключается оно в том, что фольклор в большинстве определений рассматривается как культурное образование сугубо повседневного формата, как низовое или первичное спонтанное, не специализированное этнотворческое проявление личности. Вполне понятно, что такое проявление не регламентируется, не регулируется формальными атрибутами, требованиями, законами, нормами, проистекающими, в первую очередь, от общества и государства, его властных структур, специальных социальных институтов (например, домов и центров народного творчества, научных учреждений, управлений и департаментов культуры и т.п.). В таком понимании фольклора есть своя истинность и логичная завершенность, но есть и своя ограниченность, но на этом далее мы более подробно остановимся.

Фольклор как образование повседневного творчества обстоятельно и адекватно представлен в настоящем двухтомном издании. При этом автор проекта постарался выдержать изложенную во вступительной статье важнейшую концептуальную идею о включении в издание материала в его синхронном срезе, то есть записанном фактически в течение 3—4 лет начала XXI века. Однако, сразу же следует оговориться, что в некоторых случаях, в частности, касательно музыкального фольклора не удалось в полной мере выдержать заявленный подход — в соответствующем разделе немало материала, относящегося к более раннему этапу развития фольклора. Составитель раздела подошла к музыкальному фольклору прежде всего с точки зрения его художественной и исторической ценности, хотя он в наши дни весьма редко звучит или вообще забыт сегодняшним исполнителем. Записать такой материал в последние годы большая редкость. А это значит, что в разделе объединен материал, относящийся к разным фазам его исторического бытования и функционирования в реальной жизни. В этом проявляется и вполне определенное негативное или сдержанное оценочное отношение некоторых специалистов к современной фольклорной традиции, фольклору в целом.

Нельзя не сказать о другом важном факторе, определившем появление двух, а не одного, как первоначально планировалось, томов: о количестве, качестве, творческом многообразии материала. Этим, собственно, и было продиктовано стремление представить материал максимально полно, объемно, что потребовало увеличения издания. Включенный в него материал позволяет достаточно оптимистично оценивать протекающий на глазах современников фольклорный процесс, говорить, как часто можно услышать, не об умирании фольклора и замене его некими якобы принципиально новыми культурными образованиями (например, постфольклором, третьей культурой и т.п.), а о формировании принципиально нового фольклорного текста, формат которого определяется реалиями нашей жизни: социальными, экономическими, политическими, духовными, технологическими и т.п.

Фольклор из всех культурных образований наиболее органично и глубоко связан со структурами жизни, быта, этнического самосознания. Но повседневность должна пониматься не как некое замкнутое, ограниченное пространство. Состояние структур повседневности, их характер, тип и способ самоорганизации всецело оп-

ределяются вышеперечисленными факторами, и потому не могут рассматриваться вне их контекста. Подобная соподчиненность общесоциального, «высокого» и повседневного, «бытового» и есть главное определяющее не только наличия самого фольклора, но и его характера, типа, жанров, видов, а также способов включения его в жизнь конкретного индивидуума.

Именно с учетом этого, условно назовем его «оптимистическим», подхода к состоянию современного фольклорного процесса, мы и ставим в качестве глобальной задачи подготовку фундаментального тома (или нескольких томов) по традиционной культуре Владимирской области. Подобная перспектива определяет наши дальнейшие усилия по сбору, обработке, систематизации материала по тем районам области, которые нам кажутся наиболее интересными, перспективными с точки зрения состояния именно современной фольклорной традиции. В качестве первейшего региона для обследования предполагается владимирское ополье.

Возвращаясь к ранее высказанной мысли о распространенном понимании фольклора как культуры сугубо бытового характера, явлении повседневном, решающем лишь задачи, ограниченные семейно-бытовыми, хозяйственными рамками первичного уровня, необходимо в этой связи обратить внимание на то, что данная позиция требует пояснения и дополнительной оговорки. Сегодня такая узкая трактовка фольклорного процесса представляется ограниченной, неполной, не вполне отражающей его современные параметры, само пространство распространения фольклора. Об этом приходилось уже неоднократно писать[1], утверждая, в частности, более широкий подход к современному фольклорному процессу, который отражает, как нам кажется, диалектику соподчинения как внешних реалий жизни, так и внутренних реалий самого фольклора, встраивающегося в сложнейшую полифонию взаимодействия современной культуры и цивилизации, культуры и контркультуры, культуры и сознания, культуры и быта, культуры и технологий и т.п. Перечень связок культуры, фольклора с другими сферами бытия современного человека может быть продолжен.

По существу, за последние полвека все основные грани фольклорного текста подверглись существенной трансформации. Споры о том, фольклорен ли современный человек, может ли он являться субъектом оригинального системного повседневного творчества, с одной стороны, свидетельствуют об ограниченном понимании современной личности как субъекта фольклорного творчества, с другой стороны, они наталкивают на необходимость определить, что в современных условиях в традиционной культуре выживает из культуры прошлого, подходит для нашего дня, может быть творчески переосмыслено и переосмысливается, а что безнадежно устарело, вошло в конфликт с современностью, требует серьезных научных и научно-технологических проработок.

При этом возникает не менее сложная проблема: какие механизмы нужно задействовать, чтобы прежние ценности сделать актуальными, чтобы они вошли в душу, в сознание, в жилище, в наши отношения, стали бы, выражаясь философски, императивом, базовой константой этнического самосознания.

Почти все механизмы трансляции традиционной культуры, эффективно выполнявшие на протяжении многих веков свою функцию, исчезли вместе с прежним образом жизни ушедших поколений. Перед нашими современниками стоит архитрудная задача: выработать новые механизмы трансляции, производства, утверждения традиционных ценностей с помощью новых технологий, новых средств и возможностей. Речь идет о выработке новых программ и технологий культурно-национального творчества, как в бытовой, так и во внебытовой сферах. Сердцевиной этих программ является модернизация прежней фольклорной культуры, ее встраи-

[1] *Каргин А.С., Неклюдов С.Ю.* Фольклор и фольклористика третьего тысячелетия // Первый Всероссийский конгресс фольклористов. Сб. докладов. Т. 1. М., 2005. С. 14—28.

вание в современные цивилизационные процессы. В частности, в последние годы особый интерес вызывает Интернет-фольклор или фольклор в Интернете[2].

Но, чтобы перекинуть мостик между современным человеком и прежним фольклором, нужно, как минимум, научиться доверять современнику, его вкусу, его чутью в выборе ценностей и способе их реконструкции, сделать их понятными и доступными для восприятия, не отказывать ему в праве творить и утверждать результаты этого творчества как ценность. Пока фольклористическая мысль далека от этого. Большая часть того, что творит в фольклоре современник, выносится за скобки этого понятия, а новые формы подвергаются остракизму. При этом очевидно, что ни общество, ни государство не могут предложить эффективных путей поддержки повседневным формам фольклора.

Чем можно помочь реальному, обычному человеку, творящему на бытовом уровне фольклор? Вывести его на сцену? Сшить сценический костюм? Пригласить на телевизионную передачу? Записать на DVD? Все эти формальные в известном смысле акты сегодня неожиданно начинают иметь серьезное значение для понимания самого фольклорного процесса. На уровне быта, в грохоте или тиши жизни с ее причудливыми поворотами, судьбами, лицами творится настоящий фольклор, совершаются обряды, поются песни и рассказываются сказки. Когда учреждения культуры организуют фольклорные мероприятия, то имеются в виду, прежде всего, сценические формы фольклора, промысловые фабрики и заводы, государственные ансамбли танца, народные хоры и т.п. Тема эта тоже дискуссионная. Но, бесспорно, первичная форма народного творчества — это стихия жизни, реальная, а не постановочная свадьба, похороны, престольные праздники. Значительно проще организовать еще один фестиваль, повысить зарплату артистам народных хоров и оркестров, фольклорных ансамблей, сшить им костюмы, новую обувь, показать их по телевидению. Но это поддержка специализированного, национального музыкального, танцевального, песенного, прикладного и т.д. искусства, которое и включено в рамки фольклорного процесса, и постоянно переступает его границы. Дело уже не в искусстве, как таковом, а в том, что оно, будучи плотью от плоти повседневного первичного фольклора, сохраняет его приметы, влияет на него, а сегодня все чаще и замещает его в общественном сознании, в общественной презентации, в личной творческой практике.

Сегодня мы имеем дело с двумя пластами или с двумя разновидностями одного и того же явления. Имя ему и в том, и в другом случае — фольклор. Но в первом случае он живет (а культура — это живое явление), функционирует в одной сфере, в одном социальном пространстве — бытовом, повседневном, в известном смысле в своей естественной среде, в другом случае он занимает другую сферу, другое социальное пространство — пространство специализированной культурной деятельности, организованной по определенным эстетическим, общественным, экономическим законам. Это пространство не ограничивается сценическим. Между названными пространствами нельзя даже условно провести границу, ибо она подвижна, на нее воздействуют не только сцена, но и радио, телевидение, Интернет и т.д.

Эту идею — утверждение о двух разновидностях существования фольклора можно назвать спорной, не всеми разделяемой. Как уже отмечено, многие специалисты ограничиваются только восприятием фольклора в первом его виде. Другую его часть выводят за границы фольклора, относят к искусству, к художественному производству и на этом ставят точку. Но в таком случае, если быть последовательным, к искусству нужно отнести огромный массив фольклорных ансамблей (разного возраста, направленности, количественного состава и т.п.), творчество учащихся студий, школ, центров декоративно-прикладного творчества, школ и

[2] Folk-Art-Net: Новые горизонты творчества. Сб. статей. М., 2008.

студий фольклора и т.д., которых эти же специалисты относят к явлениям фольклора. То же самое не прилагается к творчеству народных хоров, народного танца, вокальных ансамблей и т.п. Ибо во многих из них ведется серьезная работа по этнообразованию, этновоспитанию детей.

Однако в большинстве случаев все перечисленные образования (за исключением, возможно, русских народных хоров) так или иначе оцениваются как явления фольклорные, явления традиционные для национальной культуры. Признание их фольклорными явлениями легко коррелируется с традиционным пониманием фольклоризма как явления, сопутствующего всей истории фольклора. Сценический или специализированный фольклор — это и фольклоризм, и не фольклоризм. Это новое пространство бытования прежнего фольклора, принявшего на себя новые задачи, включившего в себя массу новых культурных образований, образцов из других культур. Пока этот пласт фольклора весьма мозаичен, неоднороден, что и дает основание объявить его чем-то «после фольклора» — постфольклором. На самом деле, это фольклор, но в новом историческом виде. Фольклор, пронизывающий сферу социального быта человека — школы, детского сада, колледжа, института, работы, досуга, учреждений культуры, образования и т.п.

Воспринимая и расценивая данный вид творчества как фольклорный, в предлагаемой работе дается краткая информация о том, что делается в этом отношении, в частности, учреждениями культуры округа Муром. Работа, проводимая ими, выступает в качестве государственной надстройки, обеспечивающей структурно и содержательно приобщение к ней посетителей мероприятий, а также большое число людей, занимающихся в объединениях, кружках, творческих коллективах фольклорной направленности.

Представляем, что тема «другого пласта фольклора» в перспективе получит более обстоятельное и глубокое осмысление. Важно не только проанализировать механизмы деятельности различных социальных институтов по сохранению и развитию фольклорного творчества, но и выявить наиболее интенсивные методики, формы, пути обучения навыкам, не обойти вниманием и содержательные аспекты, т.е. результаты творчества (исполняемые тексты, репертуар). В плане сопоставления было бы весьма перспективным провести анализ, например, методик обучения игре на народных инструментах, передачи традиции народного танца, пения, изготовления оригинального костюма и т.п. Все перечисленные инновационные элементы (методики, технологии, репертуар) сосуществуют с традиционными, накладываются на них, дополняют их и многое заимствуют. Отделить одно от другого, объявить более или менее ценным и тем более противопоставить разные подходы — задача, не отвечающая интересам культуры.

Аналогичное заключение можно сделать и по изучению фольклора города. В данной работе намечены некоторые важные подходы к представлению соответствующего материала. Компенсирующим фактором является то, что многие жители города Муром — это вчерашние деревенские жители. Таким образом, город представляет не типичную для себя традицию. Но в целом данный раздел требует дальнейшего усиления и специальных экспедиционных усилий.

Как уже говорилось, с кардинальным изменением механизма трансляции традиции, все больший вес набирают социально-организованные формы обучения фольклорному творчеству. При этом фольклор не только не теряет своих прежних функций, но приобретает новые функции и новые возможности их выполнения. Не обратить на это внимания, проигнорировать подобный вариант развертывающегося процесса — страдать исторической близорукостью и ограниченным пониманием культуры.

Руководствуясь предложенной схемой понимания развития современной фольклорной традиции, авторы скорее заявили о ее новациях, чем ответили на воз-

никающие в таком случае вопросы. Вопросов, безусловно, немало и они требуют дальнейшей проработки, прежде всего в плане теоретического осмысления. Фольклорные структуры (школы, ансамбли, центры), организованные как бы сверху, специально подготовленными для этих целей людьми, весьма отличаются от бытовых форм обучения фольклорному ремеслу, фольклорным навыкам, а педагогические приемы отличаются от естественного процесса передачи этого ремесла и этих навыков не только способом его организации (естественное — специализированное), но и широтой и глубиной эстетического проникновения в материал (текст песни, поделку, танец и т.д.).

Происходит переакцентировка двух начал — прагматического и эстетического. В сценическом фольклоре доминирует второе начало — эстетическое. Деятельность учреждений культуры ориентирована на получение качественного художественного результата за счет усиления соответствующих сторон в фольклорном тексте. При этом, что немаловажно, формально может сохраняться полное правдоподобие аутентичности звучания, текста, костюма, обуви, манер поведения, игры и т.д.

В реальности мы имеем дело с более или менее искусной имитацией прежних форм фольклора и новыми исполняемыми формами. Безусловно, фольклорный процесс всегда включает фольклоризм как способ перекодировки (упрощения) аутентичного фольклора одной группы носителей для его восприятия другими социальными группами. Фольклор и фольклоризм — две стороны или грани единого явления, в котором постоянно задействованы механизмы «перевода» одного в другое. Они не могут быть разорваны, противопоставлены или, тем более, исключены — одно или другое. У них единые фольклорные механизмы. Ясно, что включая фольклористические специализированные структуры в число фольклорных явлений, мы должны понимать их особенности функционирования и особенности производимых ими текстов культуры, что является на сегодняшний день проблемой. Предстоит многое сделать, в первую очередь, с точки зрения сопоставительного анализа результатов творчества в том и другом случае — текстов, механизмов и психологии творчества, социальной отдачи и т.д. Наука пока к анализу этих вопросов не приступила. В пользу необходимости такой работы говорит и тот факт, что в последние годы многие экспедиции записывают материалы именно от организованных фольклорных групп, действующих на базе различных сельских и городских учреждений культуры. Такие материалы получены и в данном издании, в частности в области танцевального фольклора.

Недооценка или игнорирование некоторых организованных фольклористических структур (чаще всего — народных хоров, государственных ансамблей танца, песни и танца и т.п.), носит нарочито выборочный подход. Фольклорные ансамбли разного формата, фольклорные студии и школы, этноцентры и студии относятся к явлениям фольклорного типа, не оспаривается их фольклоризм, вторичность исполнительского репертуара и т.д. Таким образом, налицо разные стандарты при оценке родственных явлений. Во многом это результат не только предубеждений, сложившихся оценок, но и игнорирования реальной ситуации в культурном процессе начала XXI века.

Между тем, как явствует реальная деятельность учреждений культуры Муромского края по поддержке, сохранению и развитию фольклора, отделить ее от остальной системы фольклорной практики весьма сложно, а в большинстве случаев невозможно. Лучшие представители — носители традиций из сел и деревень — равноправные участники проводимых мероприятий, они взяты на учет органами культуры, а молодые, наиболее талантливые исполнители пополняют ряды учащихся творческих учебных заведений. Сегодня процесс «передвижения» талантливых фольклористических сил принял многосторонний характер, отличается высокой интенсивностью, обеспечивает полноценное развитие фольклора не только в Муромском крае, но и во Владимирской области в целом.

Содержание

Музыкальный и танцевальный фольклор

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР
Составление, нотировка напевов **С.Ю. Власова**
7

НАРОДНАЯ ХОРЕОГРАФИЯ
Составление и описание хореографии **В.Н. Нилов**
384

Промыслы и ремесла

А.Г. Кулешов
МУЖСКИЕ РЕМЕСЛА
411

С.В. Просина
ЖЕНСКИЕ РЕМЕСЛА
433

С.В. Просина
НАРОДНЫЙ КОСТЮМ
448

Фольклор в современной художественной практике

Л.В. Алексутина
ИЗ ОПЫТА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ ОКРУГА МУРОМ
ПО СОХРАНЕНИЮ ФОЛЬКЛОРА
467

А.С. Каргин
К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННОМ ПРОЧТЕНИИ
ТРАДИЦИОННОГО ФОЛЬКЛОРА
474

Традиционная культура Муромского края

ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ, АРХИВНЫЕ,
АНАЛИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Научное издание

Том 2

Автор проекта и составитель
АНАТОЛИЙ СТЕПАНОВИЧ КАРГИН

Заведующий отделом подготовки и распространения
научных и периодических изданий *В.И. Емельянов*
Редактор *Л.П. Платонова*
Дизайн и верстка *И.К. Дергунова, Т.В. Бурцева*
Корректоры *Л.Н. Кулачикова, И.Е. Чибисов*
Дизайн обложки *И.К. Дергунова*
Обработка фотографий *А.А. Зернов*

Подписано в печать 17.03.2008. Формат 70x100/16. Бумага офсетная. Гарнитура NewtonC.
Печать офсетная. Объем 37,1 уч.-изд. Л.; 35, 3 а. л.; 30,0 п.л. Тираж 1000 экз. Заказ
ФГУК «Государственный республиканский центр русского фольклора»
119034, Москва, Турчанинов пер., 6
ОАО «Московская типография № 6», 115088, Москва, Южнопортовая ул., 24